This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

96

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

96

РОДЪ КНЯЗЕЙ

ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ Ф. Ф. ЛАВРЕЦОВА.

Исправленное и дополненное авторомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Медвѣжья охота.

Утро 8 ноября 1740 года было скверн҃ѣйшее даже для петербургскаго климата. То моросило, то шелъ снѣгъ. Было холодно и сыро. По Невѣ шелъ ледъ почти сплошными массами; сообщеніе города съ зарѣчными частями прекратилось.

Баталіонъ преображенскаго полка, вступавшій въ караулъ, раздѣленный на отряды по постамъ, безъ обычной церемоніи вышелъ изъ новыхъ казармъ. Онъ шелъ на церковь Симеона и Анны, чтобы тамъ раздѣлиться и одному дивизіону идти для занятія караула въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ регентъ имперіи, герцогъ Бирон҃ъ; другому занять караулъ въ адмиралтействѣ; а двумъ послѣднимъ, при знамени, расположиться карауломъ въ зимнемъ дворцѣ, гдѣ помѣщался императоръ, шестимѣсячный ребенокъ Іоаннъ III, и его родители, принцъ Антонъ и принцесса Анна Брауншвейгскіе.

Проходя мимо церкви, баталіонъ долженъ былъ проходить мимо дома Нарышкина, гдѣ временно помѣщался тогда фельдмаршалъ Минихъ, подполковникъ преображенскаго полка.

Солдатики шли, неся ружья вольно и ругая, разумѣется про себя, петербургскую погоду. Вдругъ они увидѣли, что, не смотря на эту погоду и на раннее утро, фельдмаршалъ идетъ съ своимъ адъютантомъ Манштейномъ пѣшкомъ и прямо къ нимъ на встрѣчу.

— Подъ прикладъ, къ отданію чести, караулъ стой! скомандовалъ ведущій баталіонъ секундъ-маіоръ полка Пушкинъ, согласно дѣйствовавшему тогда уставу о полевой и гарнизонной службѣ. Баталіонъ остановился.

— Во фронтъ, слушай, на кра-улъ! продолжалъ командовать! Пушкинъ.

Солдаты исполняли команду, думая про себя: «куда это чортъ его спозаранку несетъ»?

— А нечего сказать, хоть и нѣмецъ, а молодцомъ идетъ. Смотрите братцы: идетъ словно въ рожу-то ему ни снѣгъ, ни дождь не хлещутъ! Вниманія онъ не обращаетъ на эту мразь! Соколъ, сказать нечего! Хоть-бы нашему брату—русскому.

Фельдмаршалъ подошелъ къ караулу и поздоровался. Онъ прошелъ по фронту, останавливаясь и дѣлая нѣкоторымъ изъ солдатиковъ полушутливые, ласковые вопросы. На снѣгъ и дождь онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, будто въ самомъ дѣлѣ они его не касались. Солдаты даже повеселѣли, смотря на бодрое, веселое и добродушное лицо разговаривавшаго съ ними фельдмаршала, говорившаго и смѣявшагося подъ снѣгомъ и дождемъ такъ же спокойно, какъ-бы въ манежѣ или у себя въ кабинетѣ.

— Хорошо, хорошо, говорилъ фельдмаршалъ,—молодцы! Видно что службу любите и служба васъ за то любитъ! Вотъ теперь вамъ будетъ полегче.. Герцогъ приказалъ шесть полевыхъ баталіоновъ привесть, чтобы въ его дворцѣ они караулъ держали.

— Что-жъ, ваше сіятельство, развѣ его высококняжеская честь не вѣритъ, что мы службу свою справимъ? А на тяжесть мы еще николи не жаловались! буркнулъ одинъ изъ стоящихъ при знамени сержантовъ.

— Ну нѣтъ, думать такъ не слѣдуетъ! сказалъ какимъ-то особымъ тономъ фельдмаршалъ.—Гвардія должна охранять императора, а онъ только регентъ и хочетъ облегчить... А холодно? вдругъ нежданно сказалъ онъ, пожимая плечами.

— Холодно, ваше сіятельство! отвѣчали солдаты.

— Не то что въ казармѣ, что я для васъ строилъ; тамъ хорошо, тепло!

— Точно такъ, ваше сіятельство, покорнѣйше благодарствуемъ!

— Да, да! Старался для васъ, ребята! А точно холодно, прибавилъ онъ морщась. Распорядись, батенька, сказалъ онъ секундъ-маіору, командовавшему баталіономъ,—когда будешь мимо меня идти, вели остановиться! А ты распорядись, продолжалъ онъ

обращаясь къ адъютанту,—чтобы солдатикамъ хоть по чаркѣ водки дали по-отогрѣться. Сегодня погода-то такая-же какъ, помните ребята, когда мы съ вами за Дунаемъ мерзли! Выпейте-ка за здоровье молодаго императора!

— Ради стараться, ваше сіятельство, покорнѣйше благодаримъ весело отвѣчали солдаты.

Фельдмаршалъ улыбнулся своею добродушною улыбкою, отмахнулся и пошелъ далѣе. Командующій баталіономъ повелъ людей къ дому Миниха, гдѣ солдатамъ дали по доброй чаркѣ водки и по калачу. Солдаты на походѣ, разумѣется, поминали угощеніе добрымъ словомъ.

— А вѣдь регентъ-то, братцы, значитъ и впрямь намъ не вѣритъ, когда полевые полки зоветъ! сказалъ сержантъ, набивая ротъ калачемъ.

— Ну его къ чорту, эту чухонскую крысу! отозвался молодой солдатикъ, отдувая свободную руку.—Онъ думаетъ—полевые полки противъ насъ пойдутъ! Шалитъ! Не таковской народъ, чтобы чухляндію сталъ отстаивать! Скажетъ матушка цесаревна—скорѣе насъ пришибутъ!

— Болтай вздоръ-то! Смотри, чтобы самого на пристрастіи секуціей не пришибли!

Солдатикъ замолчалъ, озираясь испуганно.

— Я дядюшка ничего, я такъ...

— То-то ничего; думай про себя, а болтать нечего!..

Караулы разошлись, пришли на мѣста, произошла смѣна, развели часовыхъ, распустили караулъ. Въ лѣтнемъ дворцѣ караульная комната оказалась нетопленою и холодною; солдаты, понятно, опять стали ругать Бирона, доѣдая свои калачи.

— Ишь, русскія дрова бережетъ, и караулку-то натопить жаль!

Минихъ между тѣмъ воротился къ себѣ и сидѣлъ съ премьеръ-маіоромъ семеновскаго полка генералъ-маіоромъ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ.

— Я хоть и самъ нѣмецъ, говорилъ Минихъ, — но, признаюсь, на такое нѣмецкое царство не согласенъ! Что это такое? Остерманъ, Остерманъ и Остерманъ! Отдаю справедливость его способ-

ностямъ, но несогласенъ отдать ему все въ руки. Притомъ гдѣ-же заслуги Бирона? Что такое онъ сдѣлалъ государству?

— За Бирона, ваше сіятельство, изъ гвардіи не станетъ ни одинъ человѣкъ. Командиръ нашего полка, за малолѣтствомъ государя императора, нашъ подполковникъ, его высокопревосходительство генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, хотя и съ большимъ уваженіемъ относится къ регенту, но, я увѣренъ, пальца о палецъ не ударитъ, чтобы его поддержать.

— Вы думаете, графъ? Я, признаюсь, боялся, что вашъ старикъ очень преданъ Бирону?

— Э, нѣтъ, ваше сіятельство! Я не далѣе какъ вчера говорилъ съ его адъютантомъ Власьевымъ. Вы изволите знать, это любимецъ Андрея Ивановича? Изъ его словъ прямо было видно, что впрочемъ я зналъ и до него,—что нашъ страшный генералъ говоритъ: «всякая власть отъ Бога; Биронъ—Божье наказаніе!

— Богъ наказуетъ, Богъ и милуетъ, такъ-ли? спросилъ Минихъ.

— Я полагаю, что Андрей Ивановичъ такъ и смотритъ. Скажетъ: воля Божья и станетъ такъ же усердно оберегать новую власть, какъ теперь оберегаетъ Бирона. Онъ скажетъ: разсуждать не наше дѣло, наше дѣло—повиновеніе!

— Стало-быть по русской поговоркѣ, кто ни попъ, тотъ батька? съ усмѣшкою проговорилъ Минихъ. И такъ какъ нѣмецкій акцентъ въ немъ все-же слышался, не смотря на то, что Минихъ жилъ въ Россіи уже шестнадцать лѣтъ, и, въ противоположность Бирону, прилагалъ всѣ усилія къ изученію русскаго языка и съ русскими, почти всегда, говорилъ по-русски, то поговорка эта на языкѣ Миниха вышла очень смѣшна; вышло очень похоже на то: кто не попъ, тотъ патока!

Апраксинъ улыбнулся, Минихъ это замѣтилъ.

— Что, батинька, сказалъ онъ добродушно.—Выходитъ, что нѣмецъ и въ могилѣ сказывается! Ну чтожъ дѣлать? Мои молдаванцы мнѣ прощали, что нѣтъ-нѣтъ, да и насмѣшу ихъ какимъ нибудь словечкомъ. Они знали, что ихъ фельдмаршалъ хоть не всегда по-русски говоритъ, да всегда по-русски дѣлаетъ. Не прячется за шанцами, да за ихъ русскими спинами, а самъ готовъ

прикрывать ихъ своею нѣмецкою грудью. Ну а здѣшніе-то еще не знаютъ! Охъ, не знаютъ! Потому то я и разсуждаю... Но вы, графъ, говорите, что это вѣрно?

— Будьте покойны, ваше сіятельство; у насъ ни одинъ человѣкъ не пошевельнется.

— А измайловцы,—вы какъ думаете?

— Ну тамъ другое дѣло! Хоть оно и точно, что солдатики и тамъ не очень за нѣмцевъ, но все же командиры всѣ, начиная съ прапорщика, съ самаго начала изъ курляндцевъ набраны были. Потомъ, все же имъ командуетъ родной братъ герцога, и, сказать нечего, полкъ имъ доволенъ!

— Такъ что я хорошо распорядился, что большую часть полка отправилъ за рѣку. Ну, графъ, и такъ—рѣшено! Выберите вы мнѣ изъ своихъ молодцовъ сотни двѣ на случай... Знаете изъ такихъ, что не задумываются; а изъ моихъ преображенцевъ я уже отобралъ; да Манштейнъ и Кенигфельсъ съ караулами, думаю, распорядились, такъ что онъ немного найдетъ себѣ защитниковъ...

Вошелъ адъютантъ фельдмаршала подполковникъ Манштейнъ.

— Ну вотъ за семеновцевъ ручается! сказалъ Минихъ своему адъютанту, указывая на Апраксина.—У тебя все-ли готово?

— Все какъ изволили приказать, ваше сіятельство!

— Ну, такъ будь же готовъ и самъ, когда я пришлю; только виду не показывай! А въ случаѣ неудачи, господа,—хоть кажется неудачи не должно быть, но все же слѣдуетъ сказать,—въ случаѣ неудачи, вы другъ друга и не видали; все на меня вали! дескать фельдмаршалъ приказанія давалъ, а намъ никакого разсужденія имѣть не полагалось!

Этими словами Минихъ ихъ отпустилъ и поѣхалъ къ Бирону.

Но до него еще пріѣхалъ къ Бирону оберъ-гофмейстеръ графъ Левенвольдъ. О его пріѣздѣ доложилъ дежурный адъютантъ. Биронъ поморщился.

— Вѣрно опять просьба, высказалъ онъ вслухъ.—Послѣ смерти государыни двѣ награды получилъ, все мало. Не могу же я всю штатсъ-контору на однихъ братьевъ Левенвольдовъ отдать! Пусть подождетъ!

Съ этимъ отвѣтомъ, хотя въ весьма вѣжливой формѣ, адъютантъ вышелъ къ Левенвольду.

Левенвольду отвѣтъ былъ не по душѣ. Онъ вспомнилъ, какъ дружески обратился къ нему Бирономъ во время болѣзни императрицы, какъ товарищески и сердечно говорилъ тогда съ нимъ. «Не прошло и трехъ недѣль, а теперь не то; подумалъ онъ.— Совсѣмъ не то. Даже не то, что при государынѣ было! Тогда все же была узда, а теперь,—теперь... Напрасно, напрасно,—не годится въ воду плевать, пить захочешь»! подумалъ Левенвольдъ. Но, поморщившись, онъ только прибавилъ:

— Доложите его высочеству, что я по весьма важному дѣлу отъ графа Андрея Ивановича Остермана!

Адъютантъ доложилъ. Биронъ нахмурился.

— Чтобы такое? Ну зови! сказалъ онъ.

Левенвольдъ вошелъ.

— Что такого важнаго? спросилъ Биронъ, откидываясь на своихъ герцогскихъ креслахъ, какъ властелинъ передъ своимъ кнехтомъ.

Левенвольдъ былъ далеко не такъ сдержанъ, какъ генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, и высокомѣрный пріемъ герцога его очень озадачилъ. Онъ покраснѣлъ даже,—но что же дѣлать? «Пока онъ регентъ... притомъ что тамъ будетъ, а теперь отъ него зависитъ помочь Левенвольду въ его тѣсныхъ дѣлахъ»! Этимъ разсужденіемъ Левенвольдъ старался себя успокоить.

— Графъ Андрей Ивановичъ, будучи нездоровъ, поручилъ мнѣ обратиться къ вашему высочеству...

— Графъ Андрей Ивановичъ вѣчно нездоровъ! Признаюсь, это становится скучно... Я просилъ графа Андрея Ивановича приготовить мнѣ декларацію для французскаго посланника. И вотъ уже третій день жду! недовольнымъ тономъ сказалъ Биронъ.

— Можетъ быть потому-то графъ и поручилъ мнѣ обратиться къ вашему высочеству, прося вашего вниманія. Онъ говоритъ, что замѣчаетъ съ нѣкотораго времени ваше неудовольствіе къ нему и какую-то холодность, тогда какъ онъ съ искреннѣйшею и нижайшею преданностью готовъ служить вашему высочеству, какъ и служилъ всегда по мѣрѣ своего умѣнья и разума. А теперь, кромѣ

всѣхъ внѣшнихъ отношеній, онъ былъ весьма озабоченъ вопросомъ о внутреннемъ укрѣпленіи и возвышеніи самодержавной власти вашего высочества, какъ регента имперіи.

Отъ этихъ словъ герцога передернуло. «Что нибудь да есть, когда съ этимъ присылаетъ Остерманъ», подумалъ онъ.

— Что же такое? спуская тонъ ступенью ниже, спросилъ герцогъ.

— Графъ Андрей Ивановичъ, разсматривая практическое положеніе дѣлъ, поручилъ мнѣ доложить вашему высочеству, что въ утвержденіи и укрѣпленіи положенія вашего высочества онъ встрѣчаетъ важный противовѣсъ и что отъ удаленія такого противовѣса зависитъ...

— То есть кто же это? принцъ Антонъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, есть нѣкто болѣе опасный человѣкъ... Доложить объ этомъ графъ Андрей Ивановичъ счелъ своею обязанностью: этотъ опасный человѣкъ — фельдмаршалъ графъ Минихъ.

При первыхъ словахъ о внутреннемъ укрѣпленіи и возвышеніи, лицо Бирона вытянулось, и онъ уже завертѣлся въ креслахъ. Когда же Левенвольдъ окончилъ, то передъ нимъ сидѣлъ уже совсѣмъ другой человѣкъ. Вмѣсто высокомѣрнаго и неприступнаго герцога, передъ нимъ сидѣлъ искательный, ласковый и пронырливый курляндецъ, готовый служить и нашимъ, и вашимъ.

— Э, графъ! сказалъ въ отвѣтъ Биронъ.—Неужели вы и графъ Андрей Ивановичъ думаете, что я этого не вижу? Да садитесь же, что вы стоите? Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами и съ Андреемъ Ивановичемъ по душѣ! Мы, нѣмцы, здѣсь, на чужой сторонѣ, должны держаться дружно; должны другъ за друга стоять! А графъ Минихъ точно что гнетъ какъ-то на сторону... Да что я съ нимъ сдѣлаю? Изобличить его не въ чемъ; а вѣдь не могу же я ни съ того ни съ сего вдругъ велѣть арестовать фельдмаршала. Садитесь же! Вѣдь вы обѣдаете у насъ? Герцогиня и такъ уже мнѣ замѣчала: что это, графъ Рейнгольдъ, съ самой кончины императрицы, у насъ только одинъ разъ обѣдалъ.

— Я всегда въ распоряженіи вашего высочества, отвѣчалъ Левенвольдъ,—но полагаю, что вы, выслушавъ различныя сообра-

женіи, которыя графъ Андрей Ивановичъ просилъ меня представить на ваше усмотрѣніе, изволите дать приказаніе отправиться къ нему, тѣмъ болѣе, что на его взглядъ дѣло это крайне нужное и спѣшное, такъ какъ отъ него зависитъ спокойствіе имперіи и вашего высочества.

— Такъ, такъ, благодарю графа Андрея Ивановича и васъ! Разумѣется дѣло прежде всего! Что же Андрей Ивановичъ говорилъ вамъ о Минихѣ?

— Графъ просилъ вамъ передать, что почетное назначеніе, какъ вашему высочеству небезъизвѣстно, бываетъ иногда тоже что ссылка. Графъ Ягужинскій, когда его послали въ Берлинъ...

— Да! Но графъ Ягужинскій былъ не фельдмаршалъ. . .

— Можно составить предположеніе о торжественномъ посольствѣ къ французскому королю. . .

— Минихъ не приметъ званіе посла.

— Тогда генералъ-губернаторство. Онъ желалъ быть генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Если этого будетъ для него недостаточно, то графъ Андрей Ивановичъ находитъ, что для него можно возстановить гетманство. Этимъ онъ навѣрное удовольствуется, особенно если оно будетъ утверждено наслѣдственнымъ. . .

— Да! ему хотѣлось чего-то въ этомъ родѣ! Но что скажутъ русскіе? Вѣдь это значитъ потерять Малороссію!

— Андрей Ивановичъ говоритъ, что лучше потерять часть, чѣмъ рисковать всѣмъ! А русскіе будутъ довольны, что имъ на шею не станутъ сажать хохловъ. Духовенство, въ этомъ отношеніи, полностію все будетъ на вашей сторонѣ.

— Будто уже онъ такъ опасенъ?

— Всенепремѣнно, ваше высочество! Хоть войско его и не любитъ, но цѣнитъ и привыкло слушать. А вотъ уже сколько дней, какъ онъ приглашаетъ къ себѣ отдѣльныхъ начальниковъ то тѣхъ, то другихъ частей. Цесаревна. . .

— Ну въ разсужденіи цесаревны я спокоенъ . . Вотъ принцъ Антонъ и принцесса? Вообще безмѣрное честолюбіе Миниха точно опасно! Но, я полагаю, что между преображенцами маіоръ Альбрехтъ. . .

— Альбрехта обходятъ, ваше высочество! Графъ фельдмаршалъ

приглашалъ къ себѣ изъ преображенцевъ Салтыкова, Шипова, Готовцева, изъ семеновцевъ—Апраксина, Девьера; изъ коннаго полка тоже... Разговоровъ особыхъ онъ не ведетъ, придраться не къ чему, но, видимо, выспрашиваетъ, наблюдаетъ. А тутъ два дня сряду онъ имѣлъ горячій разговоръ съ принцессою... Графъ Андрей Ивановичъ полагаетъ, что для безопасности вашего высочества удаленіе его существенно необходимо.

— Да! Поѣзжайте къ графу Андрею Ивановичу, скажите, что я искренно его благодарю и прошу приготовить всѣ бумаги по его предположенію о гетманствѣ. Быть гетманомъ онъ не откажется! Жаль дѣлить такъ русское царство, да что дѣлать-то, своя рубашка, говорятъ, къ тѣлу ближе!

Въ это время вошелъ дежурный адъютантъ и доложилъ: его сіятельство фельдмаршалъ графъ Минихъ!

Бирономъ и Левенвольдъ переглянулись.

— Проси! сказалъ Бирономъ.

— Я не къ вамъ! Не хочу отнимать у вашего высочества ваше драгоцѣнное для всѣхъ насъ время, хотя разумѣется, какъ и всякій вѣрноподданный, счастливъ видѣть своего всемилостивѣйшаго регента... но все же не къ вамъ, а къ моей прекрасной покровительницѣ герцогинѣ Бенигнѣ! говорилъ весело и съ улыбкою Минихъ, принимая протянутую къ нему руку Бирона. Очень радъ встрѣтить васъ, графъ, у распорядителя судебъ нашихъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ графу Левенвольду и тоже пожимая ему руку.—А я, признаюсь, уже думалъ, что вы совсѣмъ измѣнили намъ и передались на сторону принца Антона. Ну что нашъ достопочтенный оракулъ, вашъ неизмѣнный другъ, графъ Андрей Ивановичъ, хвораетъ?

— Да, онъ нездоровъ! отвѣчалъ Левенвольдъ, смутившись нѣсколько отъ напоминанія о принцѣ Антонѣ. Однакожъ онъ сейчасъ-же ободрился, замѣтивъ, что Бирономъ не обратилъ на замѣчаніе Миниха никакого вниманія, а напротивъ съ полною благодарностью обратился къ нему проговоривъ:—очень, очень, благодаренъ вамъ, мой другъ! Поѣзжайте-же и просите графа Андрея Ивановича распорядиться, чтобы не дальше какъ завтра можно было приступить къ дѣлу. Завтра-же, надѣюсь, я и вамъ докажу

мою признательность. По этимъ словамъ герцога, Левенвольдъ откланялся.

— Жена моя будетъ рада видѣть нашего побѣдоноснаго фельдмаршала, продолжалъ Бирон, обращаясь къ Миниху, — нашего героя, отъ котораго, говорятъ, молодой прусскій король до того безъ-ума, что планъ вашей ставучанской побѣды приказалъ нарисовать и повѣсить у себя надъ письменнымъ столомъ. Садитесь, графъ, позвольте вашу шляпу и шпагу! И у меня, и у жены моей вы всегда дорогой гость!

— Да и я, ваше высочество, какъ изволите сами знать, всегда вашъ всепокорнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга! Я думаю, за то солонъ прихожусь я вотъ этимъ остермановскимъ господчикамъ, которымъ ваше регентство стало поперегъ горла. Имъ всѣмъ такъ хотѣлось принца Антона, да совѣта, въ которомъ Остерманъ бы царилъ, а принцъ Антонъ бы подписывалъ. Ну да мы съ вами давно поняли остермановскую музыку и на ихъ дудкѣ играть не хотимъ! Но—можно видѣть ея высочество, очаровательную герцогиню? Вѣдь, простите, я сегодня гость надолго! Герцогиня, при всякой встрѣчѣ, упрекаетъ меня, что я не пріѣзжаю обѣдать. Я далъ слово исправиться. И вотъ сегодня, мои всѣ обѣдаютъ у брата, тайнаго совѣтника барона Христіана Антоновича, а я, по извѣстной всѣмъ нѣмецкой экономіи, чтобы, какъ говорятъ, не разводить огня, отправился къ своей милостивой герцогинѣ, чтобы сдержать слово.

— Благодарю, благодарю, и за себя и за жену благодарю! сказалъ Бирон и позвонилъ.

— Доложите герцогинѣ, что его сіятельство господинъ фельдмаршалъ желаетъ ее видѣть!

— Засвидѣтельствовать свое высокое уваженіе и поцѣловать ея добрую ручку! прибавилъ отъ себя Минихъ.

Герцогиня прислала просить. Минихъ обѣдалъ у нихъ и болталъ особенно весело, любезничая и ухаживая какъ за сорока-пяти-лѣтней рабой герцогиней Бенигной, такъ и за молоденькой Гедвигой, говоря обѣимъ комплименты, выпрашивая безпрерывно у обѣихъ позволенія поцѣловать ручку, и въ то же время любезно подразнивая молодыхъ принцевъ.

Обѣдалъ еще Новосильцевъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ клевретовъ Бирона. Слушая болтовню и шутки Миниха и видя особую любезность къ нему какъ герцога, такъ и его жены, онъ подумалъ: «вотъ тебѣ на! я думалъ, что они враги, и хотѣлъ было сегодня кое о чемъ предупредить герцога, а они такіе друзья, что ихъ кажется и водой не разольешь»!

Левенвольдъ между тѣмъ прибылъ къ Остерману и нашелъ у него принца Антона, отца императора, который пріѣхалъ къ Остерману въ наемной каретѣ и заднимъ ходомъ прошелъ въ кабинетъ, такъ что въ домѣ этого никто не зналъ и потому, на вопросъ графа Левенвольда: «никого нѣтъ у графа Андрея Ивановича»? отвѣчали: никого!

— Ну что? спросилъ Остерманъ, когда Левенвольдъ вошелъ.— Васъ-то мы и ждемъ. Удалось ли вамъ убѣдить звѣря, что для него опасенъ другой звѣрь?

— Да! Онъ просилъ приготовить! И представьте, въ это самое время вдругъ этотъ звѣрь и пріѣхалъ.

— Кто? Минихъ? въ одинъ голосъ спросили Левенвольда, какъ Остерманъ, такъ и принцъ Антонъ, съ тою разницею, что въ восклицаніи перваго слышалось какъ-бы удовольствіе,—дескать звѣрь самъ на приманку лѣзетъ; а принцъ Антонъ при своемъ восклицаніи поблѣднѣлъ, думая: не пріѣхалъ-ли онъ разоказывать Бирону все, что онъ и его жена, принцесса Анна Леопольдовна, говорили Миниху.

— Да! онъ обѣдаетъ у нихъ! И кажется не подозрѣваетъ, что ему готовится или почетная ссылка, или арестъ. Однако-жъ мнѣ показалось, что онъ на насъ будто косится, и даже упрекнулъ было меня моею преданностью къ вашему высочеству, прибавилъ Левенвольдъ, обращаясь къ принцу Антону.

— Пусть его только приметъ назначеніе и уѣдетъ, сказалъ Остерманъ.—Безъ него, ваше высочество можете надѣяться составить себѣ партію; пока-же онъ тутъ, мы по-неволѣ должны смотрѣть ему въ руку!

— Герцогъ просилъ предположеніе о гетманствѣ, если возможно, сегодня же ему приготовить.

— Оно готово! отвѣчалъ Остерманъ. — Послѣ обѣда свезите къ

нему! Я обыкновенно не начинаю говорить о дѣлѣ прежде, чѣмъ все по нему не будетъ приготовлено.

— Боже мой, только-бы онъ не вздумалъ разсказывать герцогу о томъ, что мы говорили, проговорилъ принцъ, съ ужасомъ вспоминая о сценѣ, которую онъ долженъ былъ выдержать въ совѣтѣ.

— Не безпокойтесь, ваше высочество, не разскажетъ! Онъ знаетъ, что герцогъ будетъ подозрѣвать и его самого, отвѣтилъ Левенвольдъ.

Доложили о прибытіи вольфенбютельскаго посла графа Кейзерлинга.

Остерманъ велѣлъ просить въ кабинетъ и началось серьезное совѣщаніе о томъ, какъ свалить Бирона, если Минихъ уѣдетъ, чтобы принцу Антону получить регентство, Остерману быть первымъ министромъ, а Левенвольду устроиться, получивъ въ управленіе штатсъ-контору и быть кабинетъ-министромъ.

Между тѣмъ и Биронъ за обѣдомъ закинулъ Миниху вопросъ: хотѣлъ-ли бы онъ быть малороссійскимъ гетманомъ?

— Какъ это гетманомъ? спросилъ Минихъ.—Вѣдь гетмана нѣтъ! А на мѣсто Шаховскаго...

Говоря это онъ подумалъ: «эге, мнѣ подготовляютъ ссылку, хорошо! Послушаемъ, какую пѣсенку пѣть станутъ.»

— Ну, кто-же предложитъ вашему сіятельству идти на мѣсто Шаховскаго? Нѣтъ! Гетманомъ настоящимъ, какимъ былъ Мазепа, только еще съ наслѣдственными правами.

«Вотъ что»! подумалъ Минихъ, но отвѣчалъ не задумываясь:

— Такимъ гетманомъ почему и не быть? Только, по моему, это гетманство очень вредное для Россіи дѣло! Оно ведетъ къ раздѣльности, особенности, розни! А русскому государству нужно объединеніе, сплоченность! Положимъ, что пока буду гетманомъ я, то, по моей преданности царствующему дому и нашему всемилостивѣйшему регенту, я не захочу отдѣлиться отъ Россіи; но изъ будущихъ гетмановъ нѣтъ-нѣтъ, да и найдутся второй Мазепа или второй Дорошенко. Начнутъ сноситься съ турками и съ поляками, а для Россіи это будетъ большой вредъ!

— Ну что, ваше сіятельство, намъ толковать о будущемъ? Козаки просятъ; отчего и не сдѣлать то, о чемъ они просятъ? отвѣтилъ

герцогъ.—Вопросъ теперь въ томъ кого выбрать гетманомъ? И если ваше сіятельство изволите признать удобнымъ принять для себя это званіе, то я завтра-же распоряжусь...

— «Вотъ какъ, подумалъ Минихъ.—Да дѣло-то у нихъ ужъ наготовѣ! Хорошо, мой милый, что завтра тебѣ не придется дѣлать распоряженій!... Наслѣдственный гетманъ... оно было бы точно нѣчто новое, да только прежде всего какъ хохлы эту новость примутъ; а во вторыхъ, лучше въ своихъ рукахъ всю Россію держать, чѣмъ подъ твоею рукою Малороссію». Но думая это, онъ сказалъ:

— Наслѣдственный гетманъ, это будетъ тоже что владѣтельный князь! Милость вашего высочества къ моему дому всегда была безпримѣрна, и если... Да я у герцогини разцѣлую ручки! Мнѣ не для себя, но для сына, который столь же преданъ Россіи и вашему высочеству, какъ и вашъ нижайшій слуга!

Обѣдъ кончился. Минихъ сталъ прощаться. Герцогиня стала уговаривать его провести у нихъ вечеръ.

— Старику отдохнуть немного нужно, ваше высочество, моя милостивая покровительница. Признаюсь, полюбилъ я эту русскую привычку, послѣ обѣда немножко дань Морфею отдать. А ужъ если доброта ваша ко мнѣ желаетъ превзойти всѣ предѣлы, то позвольте съѣздить уснуть часочикъ, а вечеркомъ и явиться какъ листъ передъ травою. А то, кто тутъ что ни говори, а шестьдесятъ лѣтъ сказываются!...

Нужно было согласиться. Но герцогъ и герцогиня просили, если только онъ будетъ въ силахъ, доставить имъ удовольствіе пріѣхать вечеромъ.

Минихъ уѣхалъ, но не легъ спать. Онъ позвалъ своего старшаго адъютанта подполковника Манштейна.

— Что Манштейнъ, вы были въ зимнемъ дворцѣ, говорили съ офицерами?

— Былъ, ваше сіятельство, говорилъ!

— Ну что-жъ?

— Всѣ съ радостью готовы, ваше сіятельство!

— Такъ все готово?

— Готово, ваше сіятельство!

— Пріѣзжайте-же ко мнѣ въ два часа ночи.

Манштейнъ раскланялся, а Минихъ сѣлъ писать.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Миниха, къ герцогу пріѣхалъ Левенвольдъ и привезъ проектъ положенія о малороссійскомъ гетманствѣ, манифестъ о дозволеніи приступить къ его избранію и, наконецъ, конфиденціальное сообщеніе всѣмъ вліятельнымъ лицамъ, что правительство желаетъ, чтобы избраніе пало на фельдмаршала Миниха, и чтобы малороссійскій народъ, будто-бы ради своего особаго уваженія къ Миниху, ходатайствовалъ о предоставленіи ему въ гетманствѣ наслѣдственныхъ правъ.

Герцогъ пошелъ къ себѣ разсматривать привезенныя бумаги, потребовавъ переводчика, такъ какъ по-русски онъ понималъ плохо, а читать вовсе не умѣлъ. Вечеромъ пріѣхали еще генералъ-прокуроръ Никита Юрьевичъ Трубецкой, баронъ Паленъ и банкиръ Липманъ. Паленъ былъ съ женою и дочерью. Въ ожиданіи герцога, сѣли играть. Черезъ часъ пріѣхалъ и Минихъ.

— Вотъ и я! сказалъ онъ,—свѣжъ и бодръ, будто двадцать лѣтъ съ костей сбросилъ. А герцогъ за работой? тѣмъ лучше! Я имѣю случай безъ него объясниться въ любви передъ вами, очаровательная герцогиня, а потомъ... потомъ перейти къ баронессѣ!

Началась веселая болтовня. Гедвига спѣла какую-то нѣмецкую баладу изъ Уфланда, подъ акомпаниментъ арфы. Скоро пришелъ и герцогъ. Болтовня продолжалась, но герцогъ мало принималъ въ ней участія. Онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ, будто его что тяготило. «Если онъ откажется, я его арестую, думалъ онъ. — Прямой поводъ, и...»

Мало принималъ участія въ общей болтовнѣ и Левенвольдъ. Онъ тоже сидѣлъ задумавшись. «Чтобы это было такое? думалъ онъ.— Минихъ сегодня пріѣхалъ второй разъ, и всѣ такъ веселы!»

Онъ слышалъ, что Бирономъ говорилъ Миниху о гетманствѣ, говорилъ, что завтра же онъ подпишетъ всѣ бумаги и отправитъ; самое же положеніе пришлетъ ему на предварительный просмотръ.

Онъ видѣлъ, что Минихъ не отказывался и благодарилъ. Стало быть принимаетъ, ѣдетъ, и завтра все будетъ кончено. Ему, конечно, нужно будетъ уѣхать сейчасъ, чтобы наблюдать за ходомъ выборовъ; стало быть онъ мѣшкать не будетъ. И все должно рѣшиться завтра, а до завтра одна ночь.

— А что, ваше сіятельство, спросилъ онъ у Миниха: — случалось ли вамъ производить когда рѣшительныя атаки на непріятеля ночью?

Вопросъ этотъ какъ-бы кольнулъ Миниха. Но фельдмаршалъ былъ не изъ тѣхъ, которые смущаются.

— Право не помню, чтобы я предпринималъ противъ непріятеля ночью что нибудь особенно важное,—отвѣчалъ Минихъ.— Но у меня правило: пользоваться всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, не упускать случая ни днемъ, ни ночью!

Левенвольду на это сказать было нечего; онъ замолчалъ. Въ одиннадцать часовъ ночи всѣ гости разъѣхались по домамъ.

Возвратясь домой, Минихъ началъ приводить къ осуществленію задуманное предпріятіе. Онъ пригласилъ нѣсколько лицъ, въ мысляхъ и убѣжденіяхъ которыхъ былъ увѣренъ, и роздалъ этимъ лицамъ различныя работы въ томъ предположеніи, что дѣло непремѣнно должно удасться. Нужно было приготовить манифестъ о принятіи на себя правленія принцессою Анною Леопольдовною, сдѣлать распоряженіе о Биронѣ, о принятіи присяги новой правительницѣ и т. п. Къ двумъ часамъ ночи все было готово.

Въ два часа ночи пріѣхалъ Манштейнъ. Минихъ сѣлъ съ нимъ въ карету и поѣхалъ въ зимній дворецъ.

— Вы сами, Манштейнъ, провѣряли караулъ по списку, который я вамъ далъ?

— Самъ провѣрялъ, ваше сіятельство; будьте покойны, ни одинъ человѣкъ не измѣнитъ!

— А караулъ въ лѣтнемъ дворцѣ?

— Тоже всѣ люди надежные, и выбраны большею частью тѣ, которые были оскорблены герцогомъ. Стоять за него не будетъ никто.

— Кенигфельсъ насъ ждетъ?

— Какъ же, ваше сіятельство, у Зеленаго моста; при немъ отрядъ въ тридцать человѣкъ.

Въ это время карета въѣзжала на Зеленый мостъ. Близъ самаго моста стояла стройная фигура Кенигфельса, а на откосѣ берега (тогда набережныя еще не были отдѣланы) внизу, у самой рѣчки, въ темнотѣ ночи, чуть виднѣлись черные силуэты притаившихся людей.

Проѣзжая мимо Кенигфельса, Минихъ сказалъ: «будьте готовы!» Кенигфельсъ отвѣчалъ склоненіемъ головы.

Подъѣхавъ ко дворцу, Минихъ и Манштейнъ вышли изъ кареты и прошли на заднюю лѣстницу къ квартирѣ Юліаны Менгденъ. Войдя чернымъ ходомъ на кухню фрейлины, они насилу добудились кухоннаго мужика, которому велѣли вызвать камеръюнгферу. Мужикъ разбудилъ ее скоро, но та не шла. Они слышали, что она допытывается: кто такіе?

— А чортъ ихъ знаетъ кто! Одинъ такой высокій, старый, будто его когда видалъ, а другой пониже и полнотнѣе будетъ!

— Ты бы спросилъ кто?

— Станешь тутъ много разговаривать—и такъ, что потолще-то и помоложе, шпагой плашмя такъ меня огрѣлъ, за то, что я долго не вставалъ, ажно искры изъ глазъ посыпались.

— Ахъ, Боже мой, да ужъ не разбойники ли?

— Ну вотъ, какіе разбойники; офицеры должно быть!

— Офицеры. Часъ отъ часу не легче! Ну какъ они меня, или фрейлину, увезти хотятъ? Вѣдь между ними разные озорники бываютъ!

— Еще что выдумала. Кто на тебя, на кралю эдакую, соблазнится. Воронѣ сродни, а тоже увезутъ!.. вишь ты!

Минихъ не выдержалъ и самъ вошелъ въ комнату камеръюнгферы.

— Бѣги сейчасъ, скажи Юліанѣ Густавовнѣ, что фельдмаршалъ Минихъ ее дожидаетъ!

Та струсила, но вдругъ въ ней явилось жеманство.—Позвольте-съ, сейчасъ доложу-съ, позвольте одѣться! Извольте выйти!

— Ну, милая, я не смотрю, одѣвайся, началъ было Минихъ съ всегдашнею добродушною улыбкою, но Манштейнъ не былъ такъ терпѣливъ.

— Пошла! вскрикнулъ онъ,—иначе я тебѣ такихъ шелеповъ надаю, что ты у меня до втораго пришествія одѣваться забудешь!

А тутъ, какъ нарочно, на гвоздикѣ висѣлъ хлыстъ для верховой ѣзды Юліаны. Манштейнъ снялъ этотъ хлыстъ и хотѣлъ на дѣлѣ показать, какъ это заставляютъ забывать объ одѣваньѣ.

Горничная, увидѣвъ въ рукахъ офицера хлыстъ, вскочила живо и въ одной рубашкѣ, босикомъ, убѣжала.

Юліана Менгденъ выскочила къ нимъ тоже только въ юбкѣ и кофтѣ.

— Что случилось? спросила она.

— Ничего, прелестная наперстница! Нужно только разбудить принцессу. Проводите насъ къ ней, сказалъ Минихъ.

Юліана провела ихъ черезъ свою спальню въ уборную Анны Леопольдовны.

— Скажите принцессѣ, чтобы она выходила скорѣй; пускай и принца разбудитъ! Она должна принять офицеровъ, которыхъ я ей представлю. Мы сейчасъ же арестуемъ герцога.

Юліана сперва разинула было ротъ отъ удивленія, но, не сказавъ ни слова, убѣжала.

Разбудивъ принцессу и разсказавъ въ чемъ дѣло, Юліана выразила свое мнѣніе, чтобы принца не будить, а то онъ пожалуй, какъ мужъ и отецъ императора, заявитъ претензію быть правителемъ самому, дастъ знать Остерману, а тотъ выдумаетъ въ его пользу какой нибудь крючекъ, и все стараніе ихъ пропадетъ даромъ.

Принцесса согласилась и приняла Миниха одна. На выраженіе имъ желаніе представить офицеровъ, она изъявила согласіе. Минихъ приказалъ Манштейну позвать командующихъ карауломъ и тѣхъ, кто заранѣе былъ приготовленъ.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры были введены и, нечего сказать, молодецъ къ молодцу, испытанной храбрости, полные отваги и силы. Ихъ было вмѣстѣ съ Кенигфельсомъ всего шесть человѣкъ, кромѣ Манштейна. Въ карауле находилось сто двадцать рядовыхъ. Рѣшили—40 человѣкъ изъ нихъ оставить при знамени во дворцѣ, а 80 человѣкъ взять съ собой, оцѣпить дворецъ Бирона и арестовать его. У Миниха приготовлено было еще два отряда въ 30 человѣкъ. Съ этими-то силами Минихъ рѣшилъ арестовать герцога и сдѣлать переворотъ въ правительствѣ. Правда, были подготовлены единомышленники между преображенцами и семеновцами, но они о предпріятіи этой ночи ничего не

Минихъ сказалъ принцессѣ, что надо что нибудь сказать офицерамъ, жаловаться на герцога и просить ихъ защитить ее и императора отъ насилія.

Принцесса начала:

— Господа, сказала она,—я призвала васъ сюда, чтобы попросить васъ защитить меня и вашего императора отъ насилія, которымъ ежечасно грозитъ намъ герцогъ Биронъ. Вы присягали охранять императора; защитите же его, подъ начальствомъ вашего славнаго фельдмаршала. Болѣе, спасите его и мою жизнь, которой герцогъ угрожаетъ.

Нужно сказать, что принцесса, неизуродованная костюмомъ, котораго она никогда не умѣла выбрать къ лицу, въ бѣломъ съ розовымъ капотѣ и съ распущенными волосами была такъ хороша, какъ никогда не была хороша въ своихъ великолѣпныхъ нарядахъ.

Офицеры перебили ея рѣчь выраженіемъ общаго восторга и готовности умереть за нее.

— Мнѣ стыдно, какъ матери вашего императора мнѣ, нельзя сносить всѣ эти обиды! Поэтому, прошу васъ, господа, во имя вашей чести, во имя преданности вашей государю и отечеству, избавьте насъ отъ этого общаго врага; пора прекратить эти пытки и казни, остановить льющуюся кровь... Вспомните о вашихъ товарищахъ: Ханыковѣ, Аргамаковѣ... Мой секретарь, адъютантъ принца, однимъ словомъ всѣ... Принцесса запуталась въ своихъ словахъ и, стараясь поправиться, протянула руку... Я поручила фельдмаршалу арестовать нашего врага, помогите ему, господа!

Карауломъ командовалъ старый служака и рубака секундъ-маіоръ Пушкинъ.

Крутя свои рыжеватые бакены, которые онъ носилъ вопреки уставу, и посматривая на принцессу какъ на ребенка, котораго тиранятъ злодѣи, онъ не выдержалъ, схватилъ ее за протянутую руку, горячо поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Матушка, государыня, принцесса, великая княгиня, мы уже сказали, что готовы умереть за тебя! Намъ и самимъ тяжело смотрѣть на этого проклятаго нѣмецкаго ферфлюхта, что пьетъ русскую кровь! Вели вести насъ, мы въ огонь пойдемъ!

Вслѣдъ за Пушкинымъ подошелъ другой офицеръ къ ей рукѣ, за нимъ третій и т. д.; послѣднимъ подошелъ Манштейнъ.

— Идите же съ Богомъ! вотъ фельдмаршалъ васъ поведетъ и укажетъ! Слушайте его приказаній, онѣ идутъ отъ вашего императора и передаетъ ихъ вамъ его мать. Съ Богомъ! Дайте, я перецѣлую васъ на прощанье.

И она дала Манштейну свой первый поцѣлуй, а потомъ по очереди перецѣловала всѣхъ.

Затѣмъ, всѣ вышли на дворъ и сдѣлали разсчетъ караула. 80 человѣкъ подъ командою самого Миниха отправились въ лѣтній дворецъ. Пушкинъ съ 40 человѣками долженъ былъ оцѣпить дворецъ; Манштейнъ съ 20 человѣками и субалтернъ-офицеромъ проникнуть во внутреннiе покои и произвести арестъ; 20 человѣкъ при Минихѣ должны были оставаться въ резервѣ. Два отдѣльные отряда должны были арестовать братьевъ Бирона, Карла и Густава, его зятя—генерала Бисмарка, и кабинетъ-министра Бестужева.

Минихъ не сѣлъ въ карету, а пошелъ съ людьми. Карета слѣдовала за нимъ.

Около дворцовыхъ оранжерей отрядъ остановился. Минихъ послалъ Манштейна впередъ поговорить съ караульными офицерами. Утромъ караулъ этотъ онъ видѣлъ самъ, назначеніе его было обдумано впередъ, поэтому онъ зналъ, что противодѣйствія съ его стороны не должно быть; но, во избѣжаніе всякой случайности, какъ осторожный главнокомандующій, онъ хотѣлъ все же впередъ рекогносцировать. Пушкину съ его отрядомъ Минихъ велѣлъ обойдти дворецъ кругомъ, къ каждому выходу приставить двухъ часовыхъ съ примкнутыми штыками и не выпускать никого.

— Чтобы птица пролетѣть не могла, такъ окружи Пушкинъ! Знаешь, по моему, по военному: кто покажется—забирай, не дается—коли! Я отвѣчаю за все!

Манштейнъ вошелъ въ комнату къ караульнымъ офицерамъ и нашелъ, что двое изъ нихъ спятъ, одинъ въ креслахъ, другой на диванѣ, а третій при сальномъ огаркѣ пишетъ къ кому-то письмо.

— Господа! сказалъ Манштейнъ, хотя изъ этихъ господъ могъ слушать его только одинъ.—Скажу вамъ радость! Я присланъ арестовать Бирона!

— Что-о? вскрикнулъ цишущій съ изумленіемъ, и выронилъ изъ рукъ перо.

— Да, арестовать! Принцесса сама выходила и приказывала, и фельдмаршалъ съ нами. Вы намъ не помѣшаете?

— Мы! Да если вы пришли его повѣсить, такъ мы веревку приготовимъ!

— А господа?

— Само собой обрадуются! Слушай, вставай! началъ офицеръ, расталкивая своихъ товарищей.—Радость: герцога повѣсить хотятъ!

— Что? а? Эхъ братецъ разбудилъ! Ты смѣешься, а я такой сонъ хорошій видѣлъ,—видѣлъ будто его въ самомъ дѣлѣ повѣсили!

Тотъ и другой офицеры однако проснулись, и, выслушавъ Манштейна, заявили предложенію объ арестѣ регента свое полное сочувствіе. Всѣ въ одно слово говорили, что такой радости и не ждали; что не только за себя, но и за солдатъ своихъ ручаются; что когда герцога арестуютъ, то у всѣхъ у нихъ будетъ праздникъ и т. д.

Съ этимъ отвѣтомъ Манштейнъ отправился къ Миниху. Тогда Минихъ приказалъ ему идти съ выбранными имъ 20 человѣками и взять Бирона.

— Манштейнъ, сказалъ онъ,—живаго или мертваго, но ты долженъ его представить! Помни, что ты играешь на свою и на наши головы!

— Будьте покойны, ваше сіятельство, живаго не выпущу!

Съ этими словами Манштейнъ вернулся во дворецъ.

Войдя въ караульную комнату, онъ сталъ совѣщаться съ караульными офицерами о томъ, какъ бы дать знать часовымъ, чтобы тѣ его не окликали и не задерживали. Сперва думали было произвести смѣну часовыхъ, а новымъ часовымъ сдѣлать внушеніе, но на это требовалось много времени, да и могло возникнуть подозрѣніе, зачѣмъ не во время смѣна? Наконецъ, рѣшили, что Манштейнъ пойдетъ одинъ съ ихъ ефрейторомъ. Часовые, видя старшаго адъютанта фельдмаршала съ ихъ ефрейторомъ, разумѣется будутъ думать, что онъ идетъ съ донесеніемъ, и будутъ безпрепятственно пропускать ихъ. Отрядъ же будетъ слѣдовать за нимъ шагахъ въ двадцати; о пропускѣ его ефрейторъ уже будетъ предварять.

Такъ и сдѣлали. Манштейнъ прошелъ всѣ караульные посты безъ всякаго затрудненія и вошелъ во внутреннiе покои.

Но войдя туда, онъ невольно остановился.

«Гдѣ-же спальня герцога? подумалъ онъ,—какъ-бы не запутаться?»

Изъ комнаты вело три двери. Манштейнъ остановился. Ему невольно пришелъ на мысль эпизодъ изъ индѣйской сказки, облетѣвшей въ народныхъ преданіяхъ цѣлый міръ, гдѣ рыцарь, отыскивающій свое счастіе, долженъ былъ остановиться на перекресткѣ трехъ дорогъ и прочитать надпись: пойдешь направо—съ голоду помрешь; пойдешь на лѣво—коня уморишь; пойдешь прямо—оба будете сыты и оба биты.

— «Здѣсь, положимъ, съ голоду не умрешь; коня со мной нѣтъ, такъ и морить некого; за то ошибешься, такъ не только прибьютъ, а въ застѣнкѣ у Андрея Ивановича всѣ кости переломаютъ, всю душу измаютъ и, въ концѣ концовъ, голову на колесѣ сложить придется!»

При этой мысли Манштейнъ дрогнулъ. Въ немъ сверкнула какъ-бы искра колебанія. Но это было одно мгновеніе. Онъ сейчасъ-же ободрилъ себя. Изъ дворца не уйдетъ! А дворецъ мы по бревну размечемъ, если не найдемъ! Фельдмаршалъ не оставитъ, коли пошелъ!» Съ этою мыслью онъ взглянулъ въ первую дверь,—она вела въ коридоръ. «Не можетъ быть, чтобы они по коридору въ спальню ходили» подумалъ онъ; онъ взглянулъ во вторую: видимо—тафельдекерская, въ ней на кушеткѣ спалъ совершенно одѣтый дежурный лакей». Разбудить и спросить? А если онъ подниметъ шумъ? Если съ умысломъ укажетъ не туда, а самъ побѣжитъ предупредить? Герцогъ разумѣется спрячется, и хлопотъ будетъ много. Нѣтъ! иду на счастье,—была не была!» Третья дверь вела въ великолѣпную гостиную. «Надобно думать—сюда», разсуждалъ про себя Манштейнъ и махнулъ рукой ефрейтору, заставивъ его стоять передъ входомъ во внутреннія комнаты, чтобы указать отряду, куда идти, когда онъ позоветъ. «Вѣрно спальня идетъ по линіи фасада», думалъ Манштейнъ и шелъ дальше, не затворяя за собою дверей.

Пройдя комнаты двѣ или три, онъ вошелъ въ небольшую комнату, изъ которой вела только одна дверь. Онъ хотѣлъ войти въ

эту дверь, не оказалось, что она заперта изнутри. Манштейнъ опять по неволѣ остановился.

Опираясь на эту дверь и шевеля тихонько ручкою, онъ сталъ раздумывать, что̀ дѣлать: «идти кругомъ, поставивъ здѣсь часовыхъ, искать языка, или попробовать изъ сада влѣзть въ окно — все это трудно и рискованно!—А что спальня здѣсь, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія». Но среди этихъ мыслей, онъ вдругъ почувствовалъ, что отъ тяжести его давленія дверь подается. Онъ надавилъ сильнѣе— и дверь отворилась. Ни верхняя, ни нижняя задвижки не были задвинуты. Манштейнъ вошелъ.

Передъ нимъ дѣйствительно была спальня герцога. Къ одной изъ стѣнъ примыкалъ альковъ, драпированный дорогимъ штофомъ и украшенный гербами Курляндіи и Семигаліи, золотыми шнурами, кистями и бахрамою. Занавѣсы алькова были опущены. Приподнимая осторожно одну изъ этихъ занавѣсей, Манштейнъ увидѣлъ, стоявшую на возвышеніи, низенькую, но широкую, двухспальную кровать. Герцогъ и герцогиня лежали на кровати и оба крѣпко спали. Случайно онъ подошелъ съ той стороны кровати, на которой спала герцогиня.

Герцогъ спалъ крѣпко. Онъ только недавно заснулъ. Послѣ того какъ отъ него уѣхалъ Минихъ, онъ долго говорилъ съ Левенвольдомъ, который доказывалъ ему до какой степени Минихъ опасный человѣкъ для его регентства, повторяя, разумѣется, тѣ доводы, которые успѣлъ внушить ему Остерманъ. Онъ указывалъ на вліяніе, которое не можетъ не имѣть на войско фельдмаршалъ, особенно фельдмаршалъ побѣдоносный, напоминающій войску времена и славу Петра Великаго. Онъ указывалъ на его умѣнье говорить съ солдатами, на его мастерство показать, что онъ о нихъ заботится, раздѣляетъ ихъ труды и опасности, которыя дѣйствительно, по своей беззавѣтной храбрости, онъ всегда раздѣлялъ, будучи всегда впереди и всегда на виду.—Говорилъ, продолжалъ Левенвольдъ,— что онъ не жалѣетъ солдатъ въ битвѣ и покупаетъ свои побѣды ихъ кровью. Но войско никогда не жалѣетъ объ убитыхъ въ сраженіи, и любитъ славу побѣды. Оно знаетъ, что госпитали, дурная сто-

янка и бездѣйствіе, уносятъ больше жертвъ, чѣмъ самыя кровопролитныя битвы. А никто не можетъ сказать, чтобы Минихъ (согласно существовавшимъ тогда средствамъ и понятіямъ), не заботился о госпиталяхъ, о провіантѣ, или чтобы оставлялъ войско въ бездѣйствіи. Довольно сказать, что солдаты забыли видѣть въ немъ иностранца, они смотрятъ на него, какъ на русскаго! говорилъ графъ Левенвольдъ.—У нихъ теперь графъ Христофоръ Антоновичъ Миниховъ такой же отецъ-командиръ какъ до того былъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, съ которымъ они охотно лѣзли на стѣну! А, разумѣется, общая любовь войска для вашего высочества, какъ человѣка невоеннаго, не можетъ не быть опасной...».

Герцогъ слушалъ внимательно.

— Но кромѣ войска, говорилъ Левенвольдъ, настроенный Остерманомъ, — Минихъ популяренъ и въ народѣ. Народъ чувствуетъ пользу, которую ему принесъ Ладожскій каналъ: хлѣбъ подешевѣлъ, безъ дровъ не сидятъ, мясо и живность стали доступнѣе. «А все это Миниховъ сдѣлалъ, дай Богъ ему здоровья!» говоритъ народъ. Каждое сооруженіе, которое онъ производитъ, вызываетъ его благодарность къ нему, тѣмъ болѣе что онъ очень доступенъ, каждому объясняетъ, съ каждымъ говоритъ. Народъ любитъ его за эту доступность, какъ войско — за безпримѣрную отвагу. Что же, ваше высочество, вы хотите сдѣлать противъ такого человѣка, который притомъ такъ лукавъ, что умѣлъ сойтись и съ здѣшними старинными гордыми домами. Голицыны, Головкины, Куракины, Зацѣпины, Ростовскіе, Нарышкины, Лопухины, Долгорукіе,—всѣ пріятели съ Минихомъ, всѣ признаютъ приносимую имъ государству пользу.

— Точно опасный человѣкъ, и его нужно убрать, во что-бы то ни стало! сказалъ герцогъ какъ-бы про себя.—Онъ же нынче и съ молодымъ дворомъ началъ заигрывать! Да! а это при положеніи его сына, какъ ея гофмейстера, и его брата, какъ ея постояннаго партнера, дѣлаетъ его сильнымъ и весьма опаснымъ. Съ Менгденами же они свои! Дѣлать нечего, рѣшаюсь! Пусть принимаетъ гетманство. Завтра же вручу ему всѣ бумаги. Если же онъ не захочетъ, о— тогда я знаю, что я сдѣлаю!... и Биронъ судорожно и злобно перекосилъ губы.

— Онъ говорилъ, что принимаетъ и будетъ очень доволенъ, сказалъ Левенвольдъ.—Вѣдь еще при жизни покойной государыни онъ хотѣлъ, чтобы его сдѣлали украинскимъ герцогомъ.

— Да, и государыня отвѣчала:—«Минихъ очень скроменъ, проситъ сдѣлать себя герцогомъ украинскимъ; не хочетъ ли онъ, чтобы я его сдѣлала великимъ княземъ московскимъ?» Она отвѣчала это потому, что знала, что Малороссія тогда будетъ потеряна для Россіи! проговорилъ мрачно Бирон.

— Это еще Богъ знаетъ, ваше высочество! Прежде всего какъ еще онъ управится съ ней и долго ли проживетъ? Потомъ, согласитесь, что сынъ его не смотритъ такимъ орломъ главнокомандующимъ, какъ его отецъ. А главное, чтобы теперь-то онъ уѣхалъ и чтобы ваше высочество могли быть покойны и въ вашемъ высокомъ положеніи могли себя укрѣпить. Кромѣ Миниха здѣсь некому поднять голосъ противъ вашего высочества. Говорятъ о принцѣ Антонѣ... да развѣ онъ можетъ что нибудь одинъ? Нѣтъ ни одного генерала, пользующагося сочувствіемъ войска; а вѣдь военные—это сила.

— Прочтемъ бумаги, которыя заготовилъ Андрей Ивановичъ; читай ты! сказалъ герцогъ Левенвольду, — хотя нужно сказать правду, мы оба съ тобой по части русскаго языка—швахъ! Но это ничего, мы поймемъ главное, а завтра пріѣдетъ Бестужевъ и отдѣлаетъ подробности.

Левенвольдъ сталъ читать.

«Понеже малороссійскій народъ, отличаясь всегда вѣрностію нашему царскому и императорскому дому, на службѣ своей намъ оказывалъ неоднократно многіе примѣры своего усердія и преданности, какими надѣемся и впредь отличаемъ быть имѣетъ, и какъ отсутствіе гетмана и управленіе посредствомъ особо учрежденной комиссіи многія неисправности и упущенія производитъ и наивящше на войсковую казну тягчайшимъ обремененіемъ ложится, и такихъ непорядковъ по неназначенію гетмана ни исправить, ни наблюсти невозможно, то мы заблагоразсудили...», далѣе говорилось о предоставленіи малороссійскому народу права избрать себѣ гетмана «изъ извѣстныхъ своею преданностію и честію изъ находящихся при нашемъ дворѣ знатныхъ особъ» и т. д.

И долго еще сидѣли Бирон съ Левенвольдомъ за этимъ сочине-

ніемъ, пока наконецъ окончили и распростились. Герцогъ пошелъ спать, а Левенвольдъ поѣхалъ къ Остерману сообщить о результатахъ своей бесѣды. Тамъ онъ нашелъ принца Антона, который тоже ждалъ его возвращенія.

— Ну что? спросилъ принцъ Антонъ, будучи не въ силахъ скрыть свое нетерпѣніе, въ то время, какъ Остерманъ сдѣлалъ Левенвольду тотъ же вопросъ, только однимъ взглядомъ.

— Все готово! Минихъ сказалъ, что будетъ радъ быть наслѣдственнымъ гетманомъ; опредѣленіе о томъ и манифестъ завтра же будутъ внесены въ кабинетъ.

— Вивать! браво! вскрикнулъ принцъ.

— Да, вивать, браво, прибавилъ Остерманъ спокойно.—Обѣщаю вамъ, что черезъ недѣлю послѣ того какъ Минихъ уѣдетъ, ваше высочество, какъ отецъ императора, будете нашимъ регентомъ и повелителемъ. Дайте-ка рейнвейну выпить за здоровье принца.

Рейнвейнъ явился и общія пожеланія выразились въ общемъ тостѣ выпитаго дружно стараго, букетнаго нѣмецкаго вина.

Взглянувъ на спящихъ герцога и герцогиню, Манштейнъ живо воротился къ дверямъ, чтобы знакомъ ускорить движеніе отряда. Когда онъ подошелъ вновь, то герцогъ, утомленный работою, спалъ такъ же крѣпко; герцогиня же начала просыпаться и тихо, сквозь сонъ, спросила:

— Кто тутъ?

Манштейнъ промолчалъ. Онъ думалъ, можетъ быть, что она снова уснетъ. Но матовый свѣтъ фарфороваго ночника ударилъ ей въ лицо; она услышала дыханіе постороннято: ей стало страшно. Она приподнялась и спросила уже громко:

— Кто тутъ?

— Не безпокойтесь, герцогиня, сказалъ Манштейнъ, желая протянуть время.—Нужно видѣть герцога.

Но герцогиня была не въ силахъ вслушаться.

— Что такое? кто? Караулъ! Караулъ! завизжала она въ совершенномъ безпамятствѣ.

— Я много караульныхъ привелъ, не извольте безпокоиться! отвѣчалъ Манштейнъ.

Манштейнъ стоялъ у кровати со стороны герцогини. Онъ хотѣлъ было черезъ кровать схватить герцога за руку или за ногу, чтобы удержать его на постелѣ до прибытія солдатъ, но герцогъ проснулся и вскочилъ. При взглядѣ на Манштейна, первою мыслью его было спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ успѣлъ обѣжать кругомъ кровати и схватилъ его поперегъ. Герцогъ попробовалъ было отпихнуть его, наконецъ, ударилъ его въ бокъ, думая, что Манштейнъ освободитъ его отъ силы удара. Въ то же время онъ громко во весь голосъ крикнулъ:

— Люди! караулъ!

Герцогиня визжала страшно, стоя на постелѣ на колѣняхъ и вцѣпившись въ Манштейна. Манштейнъ держалъ Бирона крѣпко и тоже закричалъ:

— Скорѣе, скорѣй, уйдетъ!

Солдаты, услышавъ общій крикъ, бросились бѣгомъ въ спальню. Двое изъ нихъ, вбѣжавъ впередъ, схватили герцога и ударомъ кулака освободили Манштейна отъ ногтей герцогини.

Началась свалка. Герцогъ хотѣлъ отбиться кулакомъ. Солдаты въ свою очередь не жалѣли его и начали дуть кулаками и прикладами. Подбѣжало еще трое солдатъ.

— Вотъ тебѣ за Волынскаго! проговорилъ молодой солдатикъ, нанося ему ударъ прямо въ глазъ, такъ что тотъ отекъ и закрылся. Другой солдатъ ударилъ Бирона подъ бокъ; кто-то ударилъ его прикладомъ въ спину. Биронъ чувствовалъ, что силы его слабѣютъ. Онъ отмахивался уже безъ цѣли, безъ умѣнья, которымъ когда-то отличался между бранденбургскими кнехтами и студентами; онъ чувствовалъ что уже теряетъ силы, а тутъ подбѣжали еще двое. Одинъ ударилъ его въ лицо, такъ что ударъ раздвоилъ нижнюю губу и вышибъ зубъ. Изо рта и носа у него полилась кровь, руки его были схвачены и держались какъ въ тискахъ. Вошло еще десять человѣкъ съ ружьями и стали у дверей. Манштейнъ разставилъ изъ нихъ часовыхъ.

Съ Бирономъ возилось шесть человѣкъ. Онъ все еще не сдавался; ему удалось бросить своими карманными часами,—большою луковицей съ репетиціей; часы попали въ зеркало и оно разбилось въ дребезги. Отъ новаго удара въ лицо, Биронъ упалъ. Тутъ онъ

пробовалъ было опять залѣзть подъ кровать, но почувствовалъ что его кусаетъ неизвѣстно какимъ образомъ пробравшаяся туда собака. А солдаты тащили его за ноги и били прикладами ружей. Внѣ себя онъ закричалъ изъ всѣхъ силъ. Придворные, какъ крѣпко ни спали, утомленные дневною службою, начали показываться у другихъ дверей спальни, ведущихъ въ гардеробную. Ихъ встрѣтили часовые съ примкнутыми штыками и Манштейнъ распорядился ихъ прогнать, хотя ни въ одномъ изъ нихъ не было замѣтно даже желанія защищать герцога.

Наконецъ солдаты забили его ротъ платкомъ, взяли офицерскій шарфъ и начали крутить упавшему герцогу руки, упираясь въ грудь и бока колѣнями и сапогами, чтобы не дать ему подняться. Манштейнъ отдалъ имъ еще свой шарфъ; этимъ шарфомъ они связали ему ноги. Тогда они подняли распухшаго, избитаго герцога и поставили его на ноги. Въ это время молодой солдатикъ нанесъ ему еще ударъ въ другой глазъ, подставивъ громадный фонарь и проговоривъ:

— Вотъ тебѣ за Ханыкова!

Манштейнъ распорядился, чтобы его больше не трогали, такъ какъ онъ связанъ; но не обошлось безъ того, чтобы озлобленные солдаты изъ-подтишка не дали ему еще нѣсколькихъ горячихъ тычковъ. Бирономъ только стоналъ, насколько допускалъ это забитый двумя платками ротъ.

— Ну вали его и тащи! приказалъ Манштейнъ, и солдаты, накинувъ на него сверхъ рубашки солдатскую шинель, схватили за плечи и за ноги и понесли.

Когда они уже подошли къ лѣстницѣ, на встрѣчу имъ бросилась дѣвушка въ кофточкѣ съ распущенными волосами.

— Изверги, злодѣи, что вы дѣлаете? вскрикнула дѣвушка, бросившись прямо на двухъ идущихъ впереди и несущихъ ноги герцога солдатъ.

Но одинъ изъ нихъ съ словомъ: прочь! ударилъ ее кулакомъ въ грудь изо всей силы, и она покатилась кубаремъ по лѣстницѣ внизъ.

Это была Гедвига Бирономъ. Принцы Петръ и Карлъ сидѣли въ своихъ комнатахъ запершись. Къ нимъ Манштейнъ поставилъ часовыхъ.

— Постойте, постойте! кричала герцогиня,—и меня и меня! Но на ея крики никто не обращалъ вниманія. Медвѣдя свалили, медвѣдица и медвѣжата были не опасны.

Герцога, какъ есть связаннаго, посадили въ карету Миниха, съ нимъ сѣлъ офицеръ; на козлы и запятки посадили конвой и повезли такъ въ зимній дворецъ.

Бисмаркъ и Бестужевъ также были арестованы. Когда Бестужева брали, онъ спросилъ у Кенигфельса, который пришелъ его арестовать:

— За что же его высочество, регентъ-герцогъ, на меня гнѣваться изволитъ? Я служилъ ему, кажется, всѣми силами.

— То-то и есть, что всѣми силами,—но это не мое дѣло! Тамъ разберетесь, отвѣчалъ Кенигфельсъ.

Въ шесть часовъ утра Минихъ, торжествующій, прибылъ въ зимній дворецъ. Все было кончено и не пролито ни капли крови, если не считать той, которая вылилась изъ герцогскаго носа, угощеннаго солдатскимъ кулакомъ.

— Тако да погибнутъ нечестивіи, говорила Новокшенова въ своемъ кругу, сердитая на Бирона за то, что онъ велѣлъ всѣхъ шутовъ и шутихъ императрицы Анны выгнать изъ дворца помеломъ. Она не сообразила, что этотъ, и только этотъ поступокъ Бирона и занесетъ на свои страницы русская исторія, какъ дѣйствительно доброе и полезное въ общемъ развитіи человѣчества дѣло. Болѣе его добромъ помянуть не за что.

II.

Гедвига.

Принцъ Антонъ и графъ Левенвольдъ вышли отъ Остермана съ самыми радужными надеждами. Принцу казалось, что онъ уже регентъ обширной имперіи, генералисимусъ славныхъ русскихъ войскъ и, по дружбѣ съ родственнымъ цесарскимъ дворомъ, въ согласіи съ нимъ, предписываетъ законы Европѣ. Ему представлялось уже, будто передъ нимъ, маленькимъ германскимъ князькомъ, склоняются всѣ могущественные государи, заискиваютъ его друж-

бы и стараются заслужить его расположеніе. Посредствомъ своихъ посольствъ, они удостовѣряютъ въ своей готовности признать его главенство, содѣйствовать его намѣреніямъ.

«Короли, французскій и испанскій, думаетъ онъ, пришлютъ пословъ поздравить съ вступленіемъ въ управленіе. Польскій и шведскій короли будутъ искать моего патроната. Прусскій король, опираясь на родство, будетъ тоже стараться мнѣ угождать. Данія, нѣтъ сомнѣнія, особенно будетъ стараться расположить меня къ себѣ, чтобы я не принялъ стороны голштинскаго принца по вопросу о Шлезвигѣ. А мнѣ какое дѣло до Шлезвига? Правда, цесаревна Елисавета будетъ настаивать помочь ея племяннику; но дуракъ я буду, если вздумаю поддерживать соперничествующую линію; помогать тѣмъ, кто можетъ быть противникомъ моего сына! Нѣтъ, настолько глупъ я не буду! разсуждалъ принцъ Антонъ.— Я знаю, что въ политикѣ нѣтъ родства, и что помогать сопернику, значитъ идти противъ себя. Первымъ министромъ у меня будетъ Остерманъ, человѣкъ дѣйствительно умный, выходящій изъ ряда политическій человѣкъ. Онъ научитъ и выпутаетъ меня изъ всѣхъ сложныхъ комбинацій, отстранитъ всѣ могущія встрѣтиться затрудненія... А если не отстранитъ? вдругъ спросилъ онъ себя. — Ну что-жъ? тогда я стану во главѣ своего войска и поведу эту славную русскую армію, которая возвыситъ славу моего имени и распространитъ ее во всѣхъ концахъ земнаго шара!»

Мечтая о таковомъ своемъ будущемъ величіи и славѣ, принцъ, сопровождаемый Левенвольдомъ, шелъ, чтобы сѣсть въ свою карету. Въ воображеніи его мелькала битва, уничтожающая въ прахъ его враговъ; битва кончается, начинается преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля. Онъ направляетъ свою кавалерію для такого преслѣдованія, летитъ впереди самъ, и все склоняется, все падаетъ ницъ. Онъ мечталъ уже о томъ великодушіи, которое, какъ побѣдитель, онъ окажетъ, и о томъ, какъ Минихъ, приставъ къ его врагамъ, подобно Мазепѣ, вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ его монаршему милосердію.

Не менѣе радужныя мечты одолѣвали голову и Левенвольда. Онъ долженъ быть третьимъ человѣкомъ въ имперіи. Регентъ, Остерманъ и онъ. Ему отдадутъ силезскія имѣнія Бирона, уплатя

долги, обезпечать особымъ капиталомъ. Это ему необходимо. Потомъ, его сдѣлаютъ оберъ-камергеромъ, кабинетъ-министромъ и президентомъ штатсъ-конторы. Онъ будетъ жить роскошнѣе, чѣмъ теперь живетъ герцогъ Бирона. Кредитъ его поднимется. Положеніе и значеніе его опять станутъ на ту высоту, на которую, нѣкогда думали, онѣ станутъ, когда двадцати-лѣтнимъ юношею онъ вдругъ явился при дворѣ андреевскимъ кавалеромъ, съ тою только разницею, что тогда это положеніе давало ему надежды на будущее, а тутъ будетъ осуществленіе этихъ надеждъ въ настоящемъ.

Такого рода радужныя мечты Левенвольда поддерживались еще весьма увѣсистымъ ощущеніемъ. Онъ чувствовалъ въ карманѣ присутствіе двадцати свертковъ золота, по 50 золотыхъ въ каждомъ, т. е. присутствіе тысячи золотыхъ, данныхъ ему Остерманомъ, не смотря на его скупость, за услугу въ переговорахъ съ Бирономъ о высылкѣ изъ Петербурга Миниха во что бы то ни стало, хотя бы Россіи для этого пришлось пожертвовать Малороссіей. Это тяжеловѣсное ощущеніе было для него тѣмъ пріятнѣе, что, распроигравшись еще раннею осенью, онъ давно чувствовалъ въ своемъ карманѣ отсутствіе всякаго присутствія.

Усадивъ принца въ карету и садясь въ свою, Левенвольдъ подумалъ: «а что, вѣдь теперь не поздно!» Онъ нажалъ пружину репетиціи отъ своихъ часовъ; пробили половину втораго.

«У Леклеръ, подумалъ онъ, — пожалуй теперь большая игра. Заѣхать развѣ?»

И не смотря на то, что Левенвольдъ много разъ давалъ себѣ слово не портить своего положенія проигрышами, онъ не выдержалъ себя и приказалъ ѣхать къ Леклеръ.

Понятно, игрокъ всегда игрокъ. Онъ также ставитъ ребромъ послѣдній рубль отъ безнадежности, какъ ставитъ его въ чаду радужныхъ надеждъ, и если закаивается играть, то до первыхъ денегъ, точь въ точь такъ же, какъ и пьяница, который пьетъ съ горя и радости, и если закаивается пить, то — до перваго поднесенія. Левенвольдъ былъ игрокъ въ душѣ, также какъ и Бирона. Онъ любилъ самый процесъ игры, независимо отъ выигрыша. Игра его опьяняла. Онъ чувствовалъ, что живетъ только въ то

время, когда играетъ. Получивъ тысячу золотыхъ послѣ долгаго поста, происходившаго отъ безденежья, онъ не въ силахъ былъ преодолѣть своей страсти, не въ силахъ былъ отложить до завтра. И зачѣмъ откладывать? Сегодня изъ этой тысячи можно сдѣлать десять, а съ десятью тысячами золотыхъ въ карманѣ всякое дѣло успѣшнѣе, всякое предположеніе вѣрнѣе.

Но у Леклеръ Левенвольдъ не нашелъ той большой компаніи, какую ожидалъ. Изъ знакомыхъ, играющихъ по большой, онъ нашелъ только Лестока, да и тотъ былъ занятъ игрою въ тинтеръ или нынѣшнія палки, съ какимъ-то гамбургскимъ негоціантомъ. Были еще Генриковъ, Лопухинъ, молодой Зацѣпинъ, Салтыковъ и еще нѣсколько старыхъ и молодыхъ любителей тогдашняго французскаго бонъ-вивана и поклонниковъ очаровательныхъ глазъ и любезности хорошенькой француженки. Но настоящихъ игроковъ, дѣйствительныхъ партнеровъ, противниковъ, стоящихъ съ Левенвольдомъ на одной ступени, кромѣ Лестока не было ни одного. Впрочемъ Леклеръ сказала, что она надѣется, что будетъ Густавъ Биронъ и банкиръ Лицманъ, стало быть Левенвольду стоило подождать.

Въ ожиданіи появленія этихъ достойныхъ партнеровъ, а также пока Лестокъ кончитъ свое тинтере, Левенвольдъ сѣлъ въ экарте съ Генриковымъ. Игра была для него слишкомъ ничтожная: два золотыхъ партія. А Левенвольду хотѣлось большой игры, хотѣлось ощущеній, чтобы отвлечь свои мысли отъ политики; хотѣлось разсѣяться передъ надеждами на то, что завтра же можетъ быть осуществлено, именно: что Минихъ будетъ спущенъ въ Малороссію, и что затѣмъ содѣйствуя Остерману и принцу Антону въ ихъ намѣреніяхъ, онъ, получитъ государственное значеніе. «Вѣдь, тогда, пожалуй, и поиграть не удастся, подумалъ онъ, — хоть какое-нибудь, да дѣло вѣрно будетъ, поэтому, пока на свободѣ»... Думая объ этомъ, онъ предложилъ, присутствующимъ, не угодно ли кому держать противъ него. Но никто не отвѣчалъ. Оно и понятно: всѣ знали, что Генриковъ въ экарте играетъ несравненно слабѣе Левенвольда.

Молодой Зацѣпинъ въ это время игралъ съ Лопухинымъ въ шахматы. Игра была безъ всякаго интереса. Князь Андрей Василье

вичъ на интересъ ни во что не игралъ; тѣмъ не менѣе игра эта задѣвала самолюбіе игроковъ, особенно потому, что въ обществѣ того времени существовало мнѣніе, что быть хорошимъ шахматнымъ игрокомъ можетъ только очень умный человѣкъ. Когда Левенвольдъ вызывалъ посторонних держать противъ него, то Зацѣпинъ подумалъ: «хорошо бы наказать этого проклятаго ферфлюхтера за его прошлую дерзость и доставленныя мнѣ непріятности и препятствія.»

Мысль эта могла явиться въ головѣ князя Андрея Васильевича тѣмъ естественнѣе, что хотя Левенвольдъ, въ виду милости къ нему покойной государыни, особаго вниманія, оказываемаго всѣмъ герцогскимъ семействомъ, и вообще успѣха въ свѣтѣ, наконецъ, въ виду того, что онъ долженъ былъ хотя наружно показывать, что онъ благодаренъ за брата,—былъ съ нимъ весьма вѣжливъ, но было видно, что сцены пріѣзда его въ Петербургъ онъ вовсе не забылъ. Онъ постоянно держалъ себя въ разсужденіи его весьма серьезно и сдержанно. Мстительный характеръ и заносчивость Левенвольда не давали ему покоя, напоминая, что онъ долженъ былъ выслушать дерзкій отвѣтъ этого негоднаго русскаго мальчишки. Онъ злился, выходилъ изъ себя, вспоминая, что этотъ дикій русскій молокососъ смѣлъ угрожать ему, «нѣмецкому барону и графу», смѣлъ такъ съ нимъ разговаривать, и за такой разговоръ, онъ, нѣмецкій баронъ и графъ, не могъ его не только какъ слѣдуетъ проучить, но еще долженъ теперь благодарить; видите, онъ съ нимъ въ великодушіе играть вздумалъ, брату помочь».

— «Неважное дѣло бросить сотни двѣ-три золотыхъ, подумалъ молодой Зацѣпинъ. — Попробую, а ужъ если мнѣ повезетъ, задѣну же я его, да такъ, что онъ не будетъ знать какъ со мной и раздѣлаться!»

Думая это, князь Андрей Васильевичъ сказалъ:

— Если вашему сіятельству угодно, я держу противъ васъ сто золотыхъ!

Левенвольдъ, взглянувъ на него, подумалъ:

«Вотъ бы хорошо обыграть его хорошенько. Перво-на-перво наказалъ бы дерзкаго мальчишку; а потомъ—начнетъ играть, кру-

жокъ играющихъ увеличится, въ оборотѣ игры приливу больше будетъ! У него же, говорятъ, денегъ не занимать».

Но думая это, Левенвольдъ сказалъ:

— Не много ли будетъ на одну партію сто золотыхъ?

— Какъ угодно вашему сіятельству, а менѣе я держать не стану! отвѣчалъ Зацѣпинъ.

— Играть такъ играть! проговорилъ Лопухинъ.

— Хорошо, идетъ сто золотыхъ! съ внутреннею досадою отвѣчалъ Левенвольдъ. Онъ подумалъ: «нельзя упускать случая, нужно воспользоваться! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Генриковъ далеко ниже меня по игрѣ въ экарте».

— Что, князь, не выдержали, начали? обратились было многіе къ Зацѣпину, но онъ не смутился этимъ, а шутливо отвѣчалъ:

— Совсѣмъ нѣтъ! Я держу собственно для того, чтобы доставить удовольствіе его сіятельству, который, я знаю, не любитъ маленькой игры!

Лопухинъ спросилъ, не бросить ли имъ ихъ партію?

— Это зачѣмъ? возразилъ Зацѣпинъ.—Мы можемъ продолжать! И обратясь къ Генрикову, онъ просилъ его сказать, когда онъ проиграетъ, а самъ углубился въ свою шахматную игру.

Левенвольдъ первую игру сдѣлалъ volet, т. е. взялъ всѣ пять взятокъ и отмѣтилъ два очка.

— Плачутъ ваши сто золотыхъ! сказалъ Генриковъ Андрею Васильевичу.

— Пусть ихъ себѣ плачутъ! проговорилъ Андрей Васильевичъ, стараясь не обращать на игру Генрикова ни малѣйшаго вниманія и углубиться вполнѣ въ шахматныя соображенія.

— «Вѣдь дядя говорилъ, что нѣтъ ничего мѣщанистве, какъ дрожать за свои деньги», подумалъ онъ, подвигая королевскую пѣшку.

Вторую игру Генриковъ поравнялся. Онъ открылъ короля и взялъ три взятки. Слѣдующая игра была тоже Генрикова. У него стало четыре очка; тогда какъ Левенвольдъ оставался при двухъ. Четвертую игру сдавалъ Левенвольдъ и далъ Генрикову короля на руку. Партія была выиграна Генриковымъ.

— Вы выиграли, князь! сказалъ Генриковъ Зацѣпину.

— Прекрасно! Прикажете, ваше сіятельство, пароль? спросилъ Зацѣпинъ у Левенвольда, дѣлая конемъ шагъ дамѣ.

Левенвольда задѣло за живое.

— Хорошо, сказалъ онъ,—идетъ вашъ пароль!

Партія опять была выиграна Генриковымъ.

— Вы выиграли, князь, сказалъ Левенвольдъ,—сколько вамъ угодно теперь?

— Всѣ!

Левенвольдъ опять согласился и опять проигралъ.

— Угодно опять на всѣ? спросилъ князь Андрей Васильевичъ, когда ему сказали о выигрышѣ.

— Не ограничиться ли, князь, четырьмя стами? спросилъ Левенвольдъ.

— Нѣтъ—или всѣ, или ничего! отвѣчалъ князь Зацѣпинъ.— Иванъ Степановичъ правъ, говоря: играть—такъ играть! Какъ прикажете?

Левенвольду стало жаль проигранныхъ 600 золотыхъ. Онъ подумалъ: «проиграть три партіи сряду съ Генриковымъ, неужели проиграю и четвертую? Это даже невѣроятно! Но какъ же? у меня всего тысяча золотыхъ... Ну что-жъ? Пріѣдетъ Биронъ или Липманъ, возьму у нихъ, не то у Лестока, когда онъ кончитъ свое тинтере!—Да невѣроятно, чтобы четыре партіи сряду»... И онъ согласился играть опять на всѣ.

Но Левенвольду не везло и онъ проигралъ опять. Въ это время и Лопухину Зацѣпинъ одѣлалъ мать.

— Вы выиграли тысячу двѣсти золотыхъ! сказалъ Генриковъ Зацѣпину.

— И прекрасно! весело отвѣчалъ Андрей Васильевичъ.—Для перваго дебюта и довольно.

У графа Левенвольда выступилъ холодный потъ. Для уплаты ему не хватало двухъ сотъ золотыхъ. Ни Бирона, ни Липманъ не пріѣзжали, а Лестокъ былъ такъ занятъ своею игрою, что спросить у него было нельзя. Продолжать игру съ Генриковымъ не было смысла. На этой игрѣ онъ не могъ отыграться. Однакожъ онъ продолжалъ, чтобы протянуть время до разсчета и думая, у кого бы перехватить двѣсти золотыхъ.

Андрей Васильевичъ, замѣтивъ колебаніе Левенвольда, угадалъ, что у него должно быть недостаетъ денегъ для расплаты, и торжествовалъ. Онъ отошелъ отъ игроваго стола въ сторону и началъ съ кѣмъ-то длинный разговоръ объ охотѣ, будто совсѣмъ и забылъ о своемъ выигрышѣ.

Послѣ долгихъ колебаній, Левенвольдъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ къ нему подойти. Подавая двадцать свертковъ золота, онъ извинился за недостающіе двѣсти золотыхъ, которые обѣщалъ доставить на другой день.

— Помилуйте, графъ, стоитъ ли объ этомъ говорить? Прошу убѣдительно не безпокоиться! Когда вамъ будетъ угодно! отвѣчалъ князь Андрей Васильевичъ.—Не нужно-ли вамъ? оставьте у себя и эти...

Левенвольдъ поблагодарилъ и отказался.

А тутъ, будто нарочно: только онъ отошелъ отъ Зацѣпина, подошелъ Лестокъ и вызываетъ на игру. Онъ выигралъ съ пріѣзжаго нѣмца значительную сумму и съ удовольствіемъ подѣлится ею съ Левенвольдомъ! смѣясь говорилъ онъ.—Какъ тутъ быть?

Левенвольду страшно хотѣлось играть. Во первыхъ, хотѣлось отыграться. Страсть игры отъ проигрыша усиливается. Во вторыхъ, хотѣлось играть для игры. Онъ проигралъ почти не играя.

Сѣсть играть безъ денегъ нельзя, въ виду того общаго условія въ домѣ Леклеръ, чтобы по игрѣ разсчитываться сейчасъ же. Игроки, въ томъ числѣ и Левенвольдъ, въ своихъ интересахъ строго наблюдали за исполненіемъ этого правила; какимъ же образомъ онъ самъ его нарушитъ, да еще противъ Лестока? А отъ денегъ онъ сейчасъ отказался. Но это еще можно поправить. И страсть игрока побѣдила гордость нѣмца. Онъ подошелъ вновь къ князю Андрею Васильевичу въ то время, какъ тотъ опять садился за шахматы.

— Простите, князь, сказалъ Левенвольдъ,—я сію минуту отказался отъ вашего любезнаго предложенія... но если-бы вы его повторили мнѣ, то очень, очень бы обязали...

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ, графъ! отвѣчалъ Андрей Васильевичъ.—Вотъ ваша тысяча золотыхъ! У меня съ собой есть еще тысячи полторы въ векселяхъ Липмана и Велio. Если будетъ нужно, я весь къ услугамъ вашего сіятельства! А пріѣдетъ дядюшка, и у него можемъ взять.

Ясно, что такая любезная обязательность не могла не вызвать въ Левенвольдѣ чувства благодарности и пріязни хотя на эту минуту. Это чувство усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря обязательности Зацѣпина, Левенвольдъ не только отыгрался на Лестокѣ и Липманѣ, который хоть и поздно, но пріѣхалъ, но еще, расплатившись съ Андреемъ Васильевичемъ, уѣзжалъ съ крупнымъ кушемъ выигрыша. Ни одинъ изъ Бироновъ и Зацѣпинъ-дядя не пріѣзжали.

Игра кончилась часу въ четвертомъ въ исходѣ. Левенвольдъ и Зацѣпинъ вышли вмѣстѣ совершенными пріятелями. Левенвольдъ соображалъ: «у этого юноши и впередъ можно будетъ перехватывать; видимо, у него денегъ куры не клюютъ! При томъ Минихъ уѣдетъ, придется составлять партію въ пользу принца Антона; молодой, богатый русскій князь, древняго рода, гвардейскій офицеръ и уже получившій значеніе въ обществѣ, будетъ для ихъ партіи завиднымъ пріобрѣтеніемъ. Нужно съ нимъ сойтись, непремѣнно нужно сойтись!»

Андрей Васильевичъ не велѣлъ пріѣзжать за собой экипажу. Онъ пожалѣлъ лошадей и кучера, заставивъ ждать ихъ себя неизвѣстно до котораго часу. Онъ думалъ, что можно вѣдь и пройтись изрѣдка. Но на дворѣ было скверно. Левенвольдъ, ѣздившій въ придворной каретѣ и могущій, по управленію своему дворомъ, мѣнять экипажи хоть по пяти въ день, не имѣлъ никакой надобности экономничать въ этомъ отношеніи; поэтому карета всегда была къ его услугамъ. Онъ уговорилъ Зацѣпина ѣхать съ нимъ.

— Вѣдь мнѣ это почти по пути, говорилъ Левенвольдъ.—Мы проѣдемъ по Фонтанкѣ, повернемъ въ Итальянскую и, проѣхавъ мимо лѣтняго дворца на театральный мостъ, поѣдемъ по Мѣѣ къ старому дворцу, гдѣ я живу и гдѣ весьма радъ буду видѣть васъ, князь! А ѣхавши такъ, мы будемъ проѣзжать мимо самаго дома вашего почтеннаго дядюшки, поэтому вы ни въ какомъ случаѣ не можете меня затруднить!

Андрей Васильевичъ принялъ предложеніе и сѣлъ въ карету Левенвольда.

Въ каретѣ Левенвольдъ началъ разговоръ тѣмъ, что высказалъ свое неудовольствіе противъ регента. Замѣтивъ, что этимъ онъ не

вызвалъ въ молодомъ Зацѣпинѣ противорѣчія, онъ сталъ продолжать:

— Недовольство регентомъ общее, говорилъ Левенвольдъ,— всего двора. Нѣмцы рѣшительно всѣ противъ него; поэтому мы рѣшились его низложить. Всѣ видятъ, что онъ терзаетъ Россію безполезно; что русскіе противъ него уже озлобились, и это озлобленіе можетъ быть для всѣхъ насъ опасно. Возстанетъ пожалуй народъ, и мы всѣ должны будемъ поплатиться своими головами за то, что дѣлаетъ Биронъ! Мы бы давно его низложили, въ первый же день, да мѣшаетъ фельдмаршалъ Миних! Этотъ ненасытный честолюбецъ, пожалуй, все въ свои руки возьметъ; насытость его ничѣмъ удовольствовать не можно! Поэтому мы сперва рѣшились постараться, чтобы прежде всего, во что бы то ни стало, удалить изъ Петербурга Миниха, а потомъ. ...

Ведя этотъ разговоръ съ цѣлью привлечь на свою сторону молодаго князька, Левенвольдъ былъ не настолько уменъ, чтобы скрыть свои дальнѣйшія предположенія. Онъ высказался, что Миниху даютъ Малороссію, Бирона прогонятъ въ Курляндію, регентомъ будетъ принцъ Антонъ, онъ же будетъ генералисимусомъ. Остермана сдѣлаютъ первымъ министромъ и подчинятъ ему все управленіе, а его, Левенвольда, сдѣлаютъ кабинетъ-министромъ, вмѣсто Бестужева, котораго сошлютъ жить въ своихъ деревняхъ за его преданность Бирону. Князя Черкаскаго оставятъ на мѣстѣ. Если князь Андрей Дмитріевичъ Зацѣпинъ, дядюшка Андрея Васильевича, присоединится къ нимъ, то его могутъ сдѣлать генералъ-адмираломъ; ему же, Андрею Васильевичу, Левенвольдъ предлагаетъ производство въ капитаны гвардіи и мѣсто оберъ-шталмейстера князя Куракина, котораго думаютъ послать посломъ въ Парижъ.

Слушая это выгодное для себя предложеніе со стороны вліятельнаго нѣмца, Андрей Васильевичъ почувствовалъ будто уколъ въ сердце. Его охватила какая-то невольная тоска. Онъ подумалъ: «за что иноземцы такъ дѣлятъ, такъ треплютъ его бѣдную родину? Побѣдили-ли они ее въ честномъ бою, или осчастливили своею разумною дѣятельностью? Нѣтъ, они ничего не сдѣлали, ничего не принесли! Они умѣли только сплоченою стѣною идти къ фавору, умѣли только выпрашивать другъ другу милости, только расхищать и тер-

зать... А теперь они дѣлять и трепщють русскую землю, какъ побѣдители!»

И чувство гражданской скорби невольно охватило его. Онъ чувствовалъ обиду въ своей народной гордости. Его коробила эта безцеремонность, съ которою смотрѣли на него самого, какъ на бѣдную, могущее думать только о своихъ личныхъ интересахъ и больше ни о чемъ. Такая мысль, такое сознаніе невольно возмущали его, хотя предложеніе, въ его годы, быть произведеннымъ въ капитаны и получить мѣсто оберъ-шталмейстера, разумѣется не могло не представляться ему весьма лестнымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не могъ не подумать также и о томъ, что будетъ съ Гедвигою? Она уѣдетъ въ Курляндію и тамъ, пожалуй, потеряетъ все! Бироны ее не любятъ. Между тѣмъ, черезъ нее онъ могъ бы то-же и даже еще больше получить! Притомъ, пожалуй, можетъ возникнуть междоусобіе. Герцогъ такъ скоро не сдастся. Найдутся, пожалуй, многіе, которые примутъ его сторону... Бѣдная, бѣдная Россія!..

Думая это, онъ молчалъ, предоставляя Левенвольду высказываться и развивать свои планы. Онъ думалъ: «поговорю завтра съ дядей, что онъ скажетъ. Онъ хоть и не терпитъ Бирона, но не думаю, чтобы согласился на такой переворотъ, отдающій всю Россію въ руки Остермана». Въ это время они ѣхали мимо лѣтняго дворца. Былъ часъ пятый передъ разсвѣтомъ. Андрей Васильевичъ выглянулъ въ окно.

«Что это такое? подумалъ онъ.—Что-то особое у герцога. Ворота на дворъ растворены; въ садъ тоже; одна половинка послѣднихъ даже сбита съ петель и виситъ только на одномъ крючкѣ; часовыхъ нигдѣ нѣтъ! Два окна въ комнатахъ принца Петра выбиты, къ одному приставлена лѣстница; одинъ изъ фонарей у подъѣзда разбитъ».

— Что это значитъ, графъ? Посмотрите! Здѣсь что-то случилось! сказалъ князь Андрей Васильевичъ, перебивая расходившагося въ своихъ предположеніяхъ Левенвольда и говорившаго въ это время о близкомъ союзѣ съ цесарскимъ дворомъ.

Левенвольдъ взглянулъ и тоже изумился.

— Да! сказалъ онъ,—это тѣмъ удивительнѣе, что я уѣхалъ отъ герцога послѣ полуночи и ничего подобнаго себѣ нельзя было даже представить.

— Не признаете-ли, ваше сіятельство, цѣлесообразнымъ разузнать? спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Дѣйствительно, я думаю, нужно!—Что это такое въ самомъ дѣлѣ?

Карета остановилась и они вышли. Левенвольдъ приказалъ верховому сѣсть и вмѣстѣ съ лакеемъ идти за ними. Они вошли въ растворенныя двери на главный подъѣздъ. Не было видно ни зги. Левенвольдъ приказалъ человѣку взять изъ кареты фонарь и принести. Между тѣмъ Зацѣпинъ, пробираясь ощупью въ лѣстницѣ, поскользнулся и наткнулся на что-то мягкое, живое... Онъ наклонился, ощупалъ руками и узналъ, что у него въ ногахъ лежитъ женщина.

Принесли фонарь. Андрей Васильевичъ взглянулъ и вскрикнулъ.

Передъ нимъ, вся облитая кровью, безъ чувствъ и почти раздѣтая, лежала принцесса Гедвига.

— Что вы тамъ такое нашли, князь? спросилъ Левенвольдъ.

— Убійство! здѣсь убійство! вскрикнулъ Андрей Васильевичъ.— Смотрите, убита принцесса Гедвига! Взгляните, разбита вся! Ужасно!... Боже мой, что это? Однакожъ она тепла, можетъ быть жива! Боже мой, Боже мой! Помогите, графъ, что же это такое?

Левенвольдъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что случилось дѣйствительно что-то ужасное; случилось что-то, что шло прямо въ разрѣзъ тому, что онъ предполагалъ. Вокругъ не было видно ни одного служителя; караулъ ушелъ; все раскрыто и брошено, будто послѣ землетрясенія... Ясно, что случилось что-то особое; но что?

Совокупными усиліями они подняли Гедвигу на руки, донесли до гостиной и положили на диванъ. Андрей Васильевичъ съ дозволенія Левенвольда послалъ его вершника за докторомъ Листенгусомъ и велѣлъ заѣхать въ домъ его дяди, приказать какъ можно скорѣе пріѣхать людямъ и экипажу.

— Гдѣ же герцогъ, герцогиня, люди?

Предшествуемые лакеемъ съ фонаремъ въ рукѣ и зажигая попадающіеся на пути ихъ шандалы и свѣчи, они шли по дворцу. Вездѣ было замѣтно, что происходило усиленное движеніе, происходила борьба. Ковры были перепачканы и помяты; то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ встрѣчались опрокинутыя кресла, сдвинутый съ мѣста столъ, сдернутая салфетка, разбитая ваза, или что нибудь, что

явно указывало, что случилось нѣчто ужасное, нѣчто такое, чего никто не ожидалъ...

Левенвольдъ шелъ впередъ съ судорожною дрожью. Онъ видѣлъ, что произошла катастрофа, неожиданная и прямо противоположная той, на которую онъ разсчитывалъ, которой желалъ; онъ видѣлъ, что произошло что-то, что опровергало всѣ его надежды; что затѣмъ, можетъ быть, и самъ онъ стоитъ подъ ударомъ молота, и этотъ молотъ обрушится, можетъ быть, сегодня же, сію минуту... Мысли его были смутны; Левенвольдъ озирался и молчалъ. Андрей Васильевичъ безсознательно слѣдовалъ за нимъ. Вдругъ ему пришло на мысль: «а что Гедвига? Она тамъ одна; можетъ опомниться, испугаться. Притомъ не нужно ли ей хоть водою голову примочить, хоть обмыть раны. А какое ему дѣло до герцога и всей этой возни и суеты?» Онъ живо повернулся, схватилъ одинъ изъ шандаловъ и побѣжалъ къ Гедвигѣ. Ему удалось гдѣ-то найти воду. Онъ помочилъ ею свой носовой платокъ и приложилъ къ головкѣ Гедвиги.

Замѣтивъ большое синее пятно на верхней части груди, прошибленный затылокъ, потомъ сильный ушибъ у виска, изъ котораго еще сочилась кровь, онъ догадался, что вѣроятно она получила сильный ударъ въ грудь, отъ котораго упала навзничь и полетѣла съ лѣстницы, ударяясь о ступени чѣмъ попало.

Не имѣя подъ руками ничего, кромѣ воды, онъ хотѣлъ облегчить ея страданія, прикладывая къ ней это единственное, находившееся въ его распоряженіи средство.

Но и для этого у него не было ничего, кромѣ платка и кружевъ на манжетахъ и воротникѣ. Платокъ лежалъ уже на головкѣ Гедвиги. Оборвавъ и намочивъ кружева, онъ положилъ ихъ на проломленный високъ. Нужно бы еще что нибудь. Оглянувшись, онъ увидѣлъ опущенныя сторы. Онъ сейчасъ же сорвалъ одну изъ сторъ, разорвалъ ее и сталъ прикладывать воду къ ушибамъ Гедвиги, примачивать и обмывать ихъ, стоя на колѣняхъ и цѣлуя ея омертвѣлыя руки.

— Лизета, Лизанька, говорилъ онъ,—опомнись, пробудись! Тебя зоветъ твой Андрей, любящій тебя Андрей. Милое, доброе дитя! Какой извергъ поднялъ на тебя руку? За что онъ могъ желать тебя обидѣть, когда ты никого въ жизни не обижала и цѣлому міру же-

лала только добра? За отца? Но вѣдь онъ не отецъ тебѣ. Такъ за что же, за что?

И онъ опять цѣловалъ ея руки, ея головку, вглядывался въ ея нѣжное, смугленькое и словно сквозное личико, покрытое мертвенною блѣдностью, тѣмъ не менѣе отражающее безконечную доброту и нѣжность.

— Проснись, родная моя! голубушка моя! говорилъ онъ, смачивая ея помертвѣвшія губки водою и покрывая ихъ поцѣлуями.— Обрадуй, взгляни! Дай мнѣ посмотрѣть на твои милые, добрые глазенки.

Но Гедвига все лежала безъ чувствъ и ни одинъ мускулъ не шевелился въ ней. Взглянувъ въ комнату позади гостиной, Андрей Васильевичъ увидѣлъ лавандовую воду для куренія. Онъ схватилъ ее, намочивъ ею кусокъ сторы и поднесъ этотъ кусокъ къ носику Гедвиги; другимъ кускомъ онъ сталъ натирать ея виски.

А Левенвольдъ, предшествуемый лакеемъ съ каретнымъ фонаремъ въ рукахъ, все шелъ впередъ.

Вотъ онъ передъ бывшею запертою, что видно по замку, но раскрытою настежь дверью, передъ разбитымъ зеркаломъ и оборванными занавѣсами алькова. Вотъ кровать, избитая, измятая... видно, что на ней спали и что потомъ здѣсь происходила борьба,—борьба на жизнь и смерть. Вотъ на простынѣ кровь. Неужели они убили его? Наконецъ, куда же они дѣвали его трупъ? Мертвый онъ былъ не опасенъ, зачѣмъ же они его унесли?.. Гдѣ герцогиня?.. И кто велѣлъ, по чьему приказу?.. Принцъ Антонъ не велѣлъ, онъ это знаетъ. Кто же?.. Что это не народное волненіе, не взрывъ страстей черни—это очевидно. Поврежденія во дворцѣ слишкомъ ничтожны, чтобы можно было видѣть въ нихъ ярость толпы; да и въ городѣ, когда они ѣхали, все было спокойно, а народныя волненія не успокоиваются такъ скоро. Нѣтъ, это нападеніе нечаянное, нападеніе врасплохъ, но нападеніе дисциплинированное, веденное твердою и искусною рукою. Это правительственное распоряженіе... Но отъ кого и въ пользу кого? И кто могъ такъ рѣшительно и дерзко его выполнить?.., Принцесса? Но она сама не могла бы ни придумать, ни организировать. Развѣ Миниха?

И Левенвольду вдругъ все стало ясно: и двойной визитъ Миниха,

и его особая любезность, и скорое согласіе на принятіе гетманства, и намеки на принца Антона. — Да, только онъ могъ это сдѣлать? Онъ, съ Юліаною Менгденъ, родною сестрою жены его сына, убѣдили принцессу приказать,—и она приказала то, что они ей продиктовали.

Едва это пришло Левенвольду на мысль, какъ ему представилась сейчасъ же Анна Леопольдовна, торжествующая, царствующая. Онъ вздрогнулъ и сказалъ себѣ:

— Къ ней, въ зимній дворецъ! Она теперь восходящее свѣтило.

Онъ мгновенно повернулся и скорымъ шагомъ пошелъ назадъ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ-за какого-то угла вышла и стала передъ нимъ женщина въ одной рубашкѣ и въ туфляхъ на босую ногу.

— Графъ, спасите насъ! Не давайте убивать его! Вы знаете, вамъ онъ всегда былъ другъ. Заступитесь! прикажите?

Левенвольдъ взглянулъ на нее. Это была герцогиня Бенигна Бирон.

— Что съ вами, герцогиня? Гдѣ герцогъ? Что случилось? спрашивалъ Левенвольдъ, изумленный появленіемъ герцогини.

— Они пришли, прибили, схватили! Они связали его; меня избили, смотрите.., а его унесли, куда—я ничего не знаю. Я бѣжала было за нимъ, но меня схватилъ солдатъ и привелъ къ Манштейну; тотъ велѣлъ увести назадъ во дворецъ, а солдатъ, вмѣсто того, ударилъ меня въ лицо и бросилъ въ снѣгъ. Я сама не знаю какъ, при помощи какого-то офицера, добралась сюда. Помогите, графъ! Вспомните нашу хлѣбъ-соль, наши одолженія! Припомните: проиграетесь вы, кто вамъ помогалъ? Нужно что, кто васъ поддерживалъ? Мой мужъ! Онъ всегда за васъ былъ.

Все это Бенигна говорила въ позѣ просительницы, убѣждая Левенвольда и стараясь вызвать въ немъ воспоминаніе и чувство благодарности. Но у такихъ людей, какъ Левенвольдъ, благодарность является обыкновенно только тогда, когда она выгодна. Онъ взглянулъ на нее съ видомъ, вовсе невыказывавшимъ сочувствія.

Старая, рябая, съ всклокоченными волосами, въ одной рубашкѣ,

несприкрывающей черной, сухой, морщинистой груди и какой-то закоулой шеи, она показалась Левенвольду отвратительною.

— «Эдую красавицу навязала ему государыня въ жены!» подумалъ онъ и постарался поскорѣе пройти мимо, бормоча что-то себѣ подъ носъ, въ родѣ того: я готовъ... что отъ меня зависитъ и т. д. Но потомъ вдругъ онъ подумалъ: «вѣдь она, можетъ быть, и нужна имъ будетъ. Она можетъ быть для нихъ опасна. Вѣдь они оставили ее, не подумавъ; оставили такъ, съ горяча. Съ моей стороны будетъ заслуга передъ ними, если я ее удержу».

Въ этихъ мысляхъ, проходя мимо двери, онъ заперъ ее на ключъ и приказалъ человѣку, несшему фонарь, обойти и запереть двери со стороны уборной. Герцогиня, неожидавшая такой выходки отъ Левенвольда, очутилась подъ замкомъ. Она стала стучать и кричать; но Левенвольдъ, не обращая на это вниманія, забывъ и о Гедвигѣ, и о своемъ новомъ пріятелѣ, молодомъ князѣ Зацѣпинѣ, поспѣшилъ скорѣе въ зимній дворецъ поклониться восходящему свѣтилу.

Между тѣмъ Гедвига, освѣженная стараніями Андрея Васильевича, начала понемногу приходить въ себя.

— Гдѣ я? тихо спросила дѣвушка, обводя своими глазками комнату и останавливая ихъ на Андреѣ Васильевичѣ. — Развѣ я не умерла? Развѣ я не убилась, когда этотъ жестокій человѣкъ ударилъ меня за то, что я хотѣла видѣть своего воспитателя, хотѣла видѣть того, кого столько лѣтъ называла своимъ отцомъ и кто называлъ меня дочерью?. Это ты Андрей? Ты, мой милый! Ты мнѣ возвратилъ жизнь, ты опять призвалъ во мнѣ душу мою... Для тебя я хочу жить. И жизнь моя, и душа моя будутъ твоими! Возьми ихъ, онѣ и теперь твои. Безъ тебя онѣ мнѣ ненужны. Ты одинъ радовалъ меня, одинъ утѣшалъ бѣдную дѣвушку-сироту, одинъ заставлялъ ее забывать потерю своей матери, заставлялъ ее улыбаться въ то время, когда она еще лежала на столѣ. Поэтому знай, что я живу и дышу для тебя. Подойди ко мнѣ, мой милый, милый! Дай мнѣ руку твою, она возбуждаетъ во мнѣ теплоту, дѣлаетъ жизнь; поцѣлуй меня! съ этимъ поцѣлуемъ я вся и навсегда твоя!

Но головка ея опять склонилась на сторону, глазки закрылись и она опять впала въ безпамятство.

Пріѣхалъ докторъ Листенъусъ, прибыли и люди Андрея Василье-

вича, Федоръ и Гвозделомъ; доложили о пріѣздѣ кареты, верховыхъ. Докторъ началъ изслѣдовать больную, сталъ трогать, слушать, изорвалъ ея рубашку и кофту, чтобы осмотрѣть ушибы. Она иногда стонала, но не приходила въ чувство.

Андрей Васильевичъ отошелъ къ окну и ждалъ ни живъ, ни мертвъ.

Наконецъ, докторъ кончилъ, уложилъ ее и покрылъ ковровою скатертью, снятою тутъ же со столика. Устроивъ все это, докторъ задумался.

— Ну что, докторъ? спросилъ Андрей Васильевичъ съ трепетомъ, подходя къ больной и смотря на нее съ невыразимымъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ.

— Что? Какъ вамъ сказать? Ушибы чрезвычайны, но дѣло не въ нихъ. Съ ними, Богъ дастъ, справимся. Но чего я боюсь и чего пока въ этомъ положеніи изслѣдовать невозможно... между тѣмъ, по нѣкоторымъ даннымъ... чего я очень опасаюсь... не переломленъ ли у нея спинной хребетъ.

— А тогда, докторъ, а тогда? со слезами на глазахъ спросилъ Андрей Васильевичъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Во всемъ воля Божія! сказалъ онъ. — Увидимъ! Впередъ ничего нельзя сказать. Вотъ я пропишу, прикажите давать и прикладывать по указанію. Да что же сдѣлалось? гдѣ герцогъ? герцогиня? Что все это значитъ?

Андрей Васильевичъ не слушалъ этихъ вопросовъ. Онъ думалъ о своемъ.

— Боже мой, въ ея лѣта!..

— Не приходите въ отчаяніе, вѣдь мы еще ничего не знаемъ. Гдѣ герцогъ?

— Я ровно ничего не знаю и не понимаю. Я нашелъ принцессу внизу лѣстницы, какъ видите, совершенно разбитую.

Вошелъ адъютантъ Миниха, капитанъ Кенигфельсъ. Онъ объявилъ, что ему приказано герцогиню Бенигну и принцессу Гедвигу отвезти въ Невскій монастырь, куда отправили герцога до распоряженія.

Напрасно докторъ возставалъ противъ такой отправки, заявляя,

что принцессѣ Гедвигѣ такой переѣздъ можетъ стоить жизни; напрасно убѣждалъ Кенигфельса и Андрей Васильевичъ, вызываясь ѣхать къ фельдмаршалу и принцессѣ Аннѣ; — Кенигфельсъ былъ неумолимъ.

— Приказано сію минуту отправить, я сдѣлать тутъ ничего не могу! говорилъ онъ.

Одно, на что, наконецъ, уломалъ его Андрей Васильевичъ, это чтобы онъ позволилъ отвезти ее въ каретѣ Андрея Васильевича, но съ тѣмъ, чтобы его карету конвоировали два, назначенные Кенигфельсомъ, унтеръ-офицера. Андрей Васильевичъ, вынужденъ былъ на все согласиться. Онъ, по крайней мѣрѣ, могъ принять мѣры, чтобы перевозка дорогой и милой ему дѣвушки была для нея возможно менѣе безпокойна и вредна. Андрей Васильевичъ, уложивъ ее въ карету, провожалъ до монастыря самъ, верхомъ на лошади, которую взялъ у одного изъ своихъ верховыхъ. Отправляясь въ монастырь съ Гюзеломомъ, который поднималъ принцессу, будто восьми-мѣсячнаго ребенка, Андрей Васильевичъ приказалъ Ѳедору сыскать женщину, способную ходить за больною. Къ этому приказанію онъ прибавилъ магическія слова, что онъ за все платитъ, и велѣлъ везти эту женщину какъ можно скорѣе въ монастырь. Такъ какъ карета ѣхала шагомъ, то Ѳедоръ встрѣтилъ ихъ въ монастырѣ уже съ женщиною. Эта женщина была извѣстная читателю подруга Елпидифора, Ѳекла Яковлевна.

— Гдѣ же герцогиня? спросилъ у Кенигфельса Листеніусъ, когда Гедвигу унесли.

— Здѣсь! отвѣчалъ Кенигфельсъ, играя ключемъ, который далъ ему Левенвольдъ.

— А герцогъ?

— Арестованъ фельдмаршаломъ.

Листеніусъ только раскрылъ ротъ отъ удивленія и не сказалъ ни слова. Онъ помнилъ, что тогда было небезопасно говорить.

Возвратясь домой и идя къ себѣ, Андрей Васильевичъ встрѣтился съ дядею, который выходилъ изъ его комнатъ.

— Помилуй, гдѣ ты пропадаешь? сказалъ князь Андрей Дмит-

рiевичъ, — и въ какомъ ты видѣ: весь оборванъ, перепачканъ; скажи, что съ тобою?

— Ничего. Провожалъ въ Невскій монастырь принцессу Гедвигу.

— Ты, другъ, съ ума сошелъ. Сочувствіе къ падшимъ считается преступленіемъ. Скорѣе во дворецъ, поклониться восходящему свѣтилу, а потомъ къ Миниху! Теперь это сила.

— Но, дядюшка, неужели же мнѣ можно было оставить ее на лѣстницѣ, разбитую до безпамятства, какъ я ее нашелъ?

— Понимаю что тяжело, и тебѣ, какъ Зацѣпину, это было невозможно, хотя бы пришлось потомъ вынести за это пытку. Но... но во всякомъ случаѣ неполитично. Теперь герцогъ и всѣ, кто къ нему близокъ, опаснѣе чумы. Впрочемъ, нужно сказать правду, близкихъ-то къ нему нѣтъ никого. Нѣтъ человѣка, который бы его пожалѣлъ. Не даромъ своя своихъ не познаша и нѣмцы на нѣмцевъ пошли!

— А вы знаете, дядюшка, что то, что сдѣлалъ нежданно Минихъ, затѣвалъ Остерманъ. Мнѣ сейчасъ только Левенвольдъ разсказывалъ.

— Объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь снаряжайся скорѣе во дворецъ, дѣло спѣшное, очень спѣшное!

И дядя оставилъ племянника одѣваться.

Зимній дворецъ, не смотря на то, что было еще весьма раннее утро, былъ ярко освѣщенъ. Принцесса Анна Леопольдовна принимала поздравленія. Она на этотъ разъ не полѣнилась надѣть свое платье съ выпуклыми цвѣтами по золотому полю, съ пурпуровою бахрамою, андреевскую ленту съ бриліантовою звѣздою и бриліантовую діадему. Разбудили принца. Принцъ пришелъ тогда, когда дворецъ былъ уже полонъ поздравляющими. Послали за Остерманомъ, но тотъ, ничего не зная, отозвался было болѣзнью. Тогда Минихъ позвалъ генерала Стрѣшнева.

— Поѣзжай, батенька, къ своему шурину, сказалъ онъ; — скажи ему, что бываютъ обстоятельства, когда всякую болѣзнь прогнать нужно. А тутъ обстоятельство важное. Скажи: медвѣдя свалили, нужно шкуру дѣлить; а на медвѣдя, если хочешь, посмотри

внизу, вотъ онъ тебѣ покажетъ. Говоря это, Минихъ указалъ на Манштейна.

И Остерманъ пріѣхалъ. Стрѣшневъ передалъ ему, что онъ видѣлъ герцога, связаннаго, въ солдатской шинели, лежащаго на полу въ нижнемъ этажѣ зимняго дворца, въ комнатѣ за караульной. Войдя въ залъ, гдѣ принимала принцесса, Остерманъ переглянулся съ принцемъ Антономъ, какъ-бы говоря: видите, я предугадывалъ, что этотъ Минихъ опасный, очень опасный человѣкъ. Смотрите, берегитесь его!

Но еще прежде Остермана, на своихъ коротенькихъ ножкахъ и склоняя свою несоразмѣрно большую голову, подбѣжалъ къ принцессѣ князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій.

— Матушка, законная и всемилостивѣйшая наша повелительница, поздравляемъ, отъ всего сердца поздравляемъ! Такую радость дозволь отпраздновать? Удостой праздникъ нашъ твоимъ присутствіемъ.

За Черкаскимъ шелъ слѣдомъ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Онъ больше года не выходилъ изъ кабинета по случаю болѣзненности и чувства неудовольствія, что его не назначили въ кабинетъ-министры, на мѣсто его умершаго отца. Онъ выпросилъ у Бирона дозволеніе отправиться за-границу для излеченія своей болѣзни, потому что боялся, по нерасположенію къ нему Бирона, отправки въ свои деревни, а можетъ быть и еще чего нибудь худшаго. Биронъ выказывалъ ему видимое неудовольствіе и Головкинъ могъ отъ него ежеминутно ожидать себѣ всего дурнаго. Теперь другое дѣло. Правительницею Анна Леопольдовна, близкая ему по матери; поэтому онъ, разумѣется, теперь не захочетъ оставлять Россіи, и выздоровѣлъ почти моментально. За Головкинымъ шелъ Остерманъ. Въ то время какъ Остерманъ началъ свою привѣтственную рѣчь, Минихъ исчезъ. Онъ поѣхалъ составлять списокъ наградъ и новыхъ назначеній. Онъ хотѣлъ подготовить этотъ списокъ внѣ вліянія Остермана. Въ это время пріѣхали князья Зацѣпины, дядя и племянникъ.

— А, дядюшка! весело привѣтствовала князя Андрея Дмитріевича новая правительница, протягивая ему свою руку, которую тотъ поцѣловалъ.—Я счастлива, что могу привѣтствовать именемъ дяди васъ, а не того звѣря, котораго я такъ боялась. Притомъ же, вѣдь вы мнѣ, въ самомъ дѣлѣ дядя, а тотъ... Ну, скажите по правдѣ, какое онъ

имѣлъ право, какія оказалъ услуги? Не правда-ли, я хорошо сдѣлала, что приказала его арестовать?

— Восходящее солнце всегда дѣлаетъ хорошо, когда поднимается изъ тумана водъ, ваше высочество! метафорически отвѣчалъ князь Андрей Дмитріевичъ, съ улыбкою тонкаго придворнаго. — Душа вашей тетушки, царевны Прасковьи Ивановны, моей благодѣтельницы, теперь молится о вашемъ счастіи!

— Да! Но скажите, у нея и у васъ, князь, говорятъ, была дочь; скажите, гдѣ она? жива-ли?

— Воспитывается въ Парижѣ, ваше высочество, обезпеченная вполнѣ милостью вашей тетушки, покойной государыни! Она ни въ какомъ случаѣ не желала, чтобы ребенокъ оставался въ Россіи, и я долженъ былъ уступить ея настоянію.

— Это все было дѣло звѣря! Но мы это передѣлаемъ, не правда-ли? Вѣдь мы передѣлаемъ?

— Это будетъ зависѣть отъ воли и милости вашего высочества!

И Зацѣпинъ откланялся. За дядею шелъ съ привѣтствіемъ племянникъ.

Правительница улыбнулась ему своею особою, партикулярною улыбкою, сберегаемою ею только для тѣхъ, кого она хорошо знала, кого причисляла къ своимъ и къ кому выходила иногда въ платкѣ и душегрѣйкѣ.

— А, графъ! Ну право, я бы васъ сдѣлала графомъ, если-бы вы не были князь! Вы вѣдь рады, что меня не будетъ сторожить этотъ звѣрь, и что я не буду дрожать отъ того, что подумаю: «а вдругъ онъ пріѣдетъ!»

— Всѣ радуются принятію правленія вашимъ высочествомъ, въ надеждѣ, что прекратится та тиранія, которой всѣ, преданные вашему высочеству, должны были ежечасно бояться!

— Ахъ да! пошлите же къ Ушакову, чтобы онъ не мучилъ Семенова и Граматина, и всѣхъ тѣхъ, кого терзали по приказанію того звѣря за меня, и чтобы всѣхъ ихъ привели ко мнѣ! А вы, графъ, вѣдь придете, вечеромъ, къ Юліанѣ поиграть съ нами въ карты?

Молодой Зацѣпинъ откланялся. Въ это время входилъ самъ страшный Ушаковъ; за нимъ шелъ Альбрехтъ; а позади, въ другой

залѣ, виднѣлись измученныя лица Ханыкова, Аргамакова, Алфимова, Пустошкина, Семенова и Граматина, мучимыхъ на пыткѣ, по приказанію Бирона, за преданность Аннѣ Леопольдовнѣ.

Было уже совсѣмъ утро, когда во дворецъ пріѣхала цесаревна Елисавета Петровна. Не смотря на то, что принцесса какъ-то чопорно и натянуто взглянула на нее, цесаревна бросилась къ ней на шею.

— Моя милостивая государыня, всемилостивѣйшая моя покровительница, поздравляю, поздравляю! Вѣдь онъ всѣмъ намъ врагъ былъ! Всѣмъ дѣлалъ только зло! Пусть же зло это на немъ и отзовется! Пусть на себѣ онъ испытаетъ... А я надѣюсь на милость вашего высочества, на ваше покровительство...

Цесаревна плакала на груди правительницы. Этими слезами, этою покорностью и беззавѣтною искренностью она успѣла разсѣять всякое предубѣжденіе, всякое сомнѣніе принцессы Анны Леопольдовны. Глаза ея тоже увлажились, натянутость исчезла, и она съ искренностью взглянула на цесаревну.

— Не правда-ли, тетя, вѣдь мы будемъ любить другъ друга, будемъ сестрами, будемъ помогать одна другой? спросила она.

И онѣ замерли объ во взаимномъ сердечномъ поцѣлуѣ.

Пріѣхалъ сынъ Миниха, оберъ-гофмейстеръ принцессы, и привезъ манифестъ о принятіи на себя регентства принцессою и списокъ наградъ и назначеній. Принцесса, не задумываясь, все утвердила.

— Антонъ! Я тебя назначаю генералисимусомъ! сказала она.

А принцъ, переглянувшись съ Остерманомъ, не нашелъ для себя лучшаго занятія, какъ усѣсться въ амбразурѣ окна и перебирать палочки китайскаго кастета; благо тогда эта пустая забава была въ модѣ.

Скоро прибылъ и герой дня, фельдмаршалъ Минихъ. Дѣйствія новаго правительства начались прежде всего смягченіемъ положенія, арестованнаго за безусловную преданность Бирону, кабинетъ-министра Алексѣя Петровича Бестужева, къ которому Минихъ послалъ Манштейна, чтобы его успокоить.

Остерманъ все это время молчалъ, принеся поздравленіе и благодарность за пожалованіе его генералъ-адмираломъ флота, хотя

изъ всего морскаго словаря онъ помнилъ только одно слово шканцы и то потому, что когда онъ, для полученія средствъ прибыть въ Россію, нанялся къ вице-адмиралу Крюйсу быть его камердинеромъ и секретаремъ и, раздѣвая вице-адмирала, вынесъ на шканцы его вице-адмиральскіе сапоги, то былъ крѣпко выруганъ за то вахтеннымъ офицеромъ, съ строгимъ внушеніемъ объ уваженіи къ шканцамъ. Но, разумѣется, это нисколько не мѣшало ему думать, что онъ принесетъ пользу русскому флоту, вѣроятно, прежде всего тѣмъ, что будетъ получать генералъ-адмиральское жалованье. Когда принцъ Антонъ, надумавшись вдоволь надъ своимъ кастетомъ, подошелъ къ Остерману и спросилъ: «что же мы будемъ теперь дѣлать?» то Остерманъ, съ лаконическою краткостью, отвѣтилъ ему: «ждать!»

Левенвольду не приходилось ждать; за услугу, которую онъ оказалъ, наложивъ свою руку на герцогиню Бенигну; онъ не остался безъ награды. Велѣно было заплатить его долги, и онъ сохранилъ свое положеніе, хотя и не сталъ политическимъ человѣкомъ. Кабинетъ-министромъ вмѣсто Бестужева назначили не его, а Головкина.

Минихъ добился своего. Онъ былъ первый министръ и, по видимой неопытности и неспособности къ правленію принцессы Анны Леопольдовны, могъ считать себя главою имперіи. Но не одинъ онъ это думалъ. Когда молодой Зацѣпинъ, обласканный принцессою и приглашенный въ ея интимный кружокъ, счелъ за обязанность осыпать любезностями и ея ближайшую и неразрывную наперстницу Юліану или Юлію Густавовну Менгденъ, то та, между разговоромъ, вдругъ вздумала его спросить: «а довольны ли вы, что мы теперь правительство?»

И все это дѣлалось и говорилось именемъ императора Іоанна III, который мирно спалъ, убаюкиваемый своею кормилкою, молодою и здоровою новгородскою крестьянкою, сидѣвшею подлѣ него, качавшею люльку и напѣвавшею ему колыбельную пѣсенку:

Приди котикъ ночевать,
Приди Ваничку качать!
Я за то тебѣ коту,
За работу заплачу!

Дамъ кувшинчикъ молока
И кусочикъ пирога!
Приди котикъ не стучи
И Ванюшу не буди!
Ваня станетъ подрастать,
Будетъ царствомъ управлять...

Въ тотъ же день вечеромъ слышалась другая колыбельная пѣсня. За оградою Невскаго монастыря, въ тѣсной и душной кельѣ изъ двухъ комнатъ, со сводами и съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, — кельѣ, замкнутой на-глухо и окруженной строгимъ карауломъ, больная, разбитая, съ поврежденною спинною костью, вся въ пластыряхъ и перевязкахъ, сидѣла въ креслахъ принцесса Гедвига передъ своими названнымъ отцомъ и матерью и старалась ихъ утѣшить.

Подлѣ кресла Гедвиги стояла арфа, пяльцы и столикъ съ рабочимъ несессеромъ, книгами, нотами и нѣкоторыми мелкими вещами, присланными ей, съ дозволенія правительницы, цесаревною Елисаветою Петровною. Одна изъ книгъ была раскрыта. Гедвига передъ тѣмъ только что читала ее, съ цѣлью чѣмъ нибудь разсѣять, чѣмъ нибудь развлечь видимо пораженнаго и разстроеннаго ея воспитателя.

Выборъ чтенія былъ какъ нельзя удачнѣе. Это была легенда, хроника, сказаніе объ одномъ благородномъ рыцарѣ, бывшемъ графѣ и владѣльцѣ имѣнія, которое герцогъ недавно купилъ въ Силезіи, Конрадѣ Вартенбергѣ и его славныхъ подвигахъ, на защиту христіанства и распространеніе слова Божія.

Дѣйствіе это происходило во время саксонскаго герцога Генриха Льва и его борьбы съ вендскими и славянскими городами.

Гедвига читала эту хронику своимъ задушевнымъ, симпатичнымъ голоскомъ, въ надеждѣ обратить печальныя мысли своего воспитателя въ другую сторону, возбудить въ немъ надежду на лучшее будущее и охранить отъ того ожесточеннаго отчаянія, въ которомъ онъ находился. Побѣждая чувствуемую ею боль и свои личныя матеріальныя и нравственныя страданія, она старалась вызвать въ немъ чувство снисходительности, терпѣнія и покорности судьбѣ, съ какими Конрадъ Вартенбергскій переносилъ свои страданія. Биронъ молчалъ. Онъ слушалъ, прерывая иногда

чтеніе малодушнымъ стономъ, чувствуя боль отъ ушибовъ и ссадинъ, полученныхъ имъ въ дракѣ съ арестовавшими его солдатами. Эти ушибы и ссадины онъ примачивалъ, натиралъ разными мазями и прикладывалъ къ нимъ компресы. Вдругъ, въ ту самую минуту, когда Гедвига читала описаніе великодушныхъ чувствъ Конрада, прощающаго своихъ враговъ, Бирономъ изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу, такъ что въ кельѣ все задрожало.

— Точно, точно, я виноватъ! вскричалъ онъ. — Я былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ снисходителенъ! Всѣхъ бы ихъ колесовать нужно было начиная съ Ушакова и Остермана; всѣхъ слѣдовало бы на висѣлицу!.. Тогда бы они боялись, тогда бы не смѣли!.. Пусть теперь попадутъ въ руки, я имъ покажу! Я сдѣлаю...

Потомъ онъ сталъ говорить о своихъ заслугахъ, о пользѣ, которую онъ принесъ. Послушать его, такъ Россія не умерла съ голоду, только благодаря ему; наконецъ, не сгибла отъ безпорядковъ и неурядицы только потому, что онъ принималъ противъ того надлежащія мѣры... И вотъ, не смотря на эти заслуги, вслѣдствіе его снисходительности, онъ схваченъ, онъ арестантъ. О, Минихъ! мало было его колесовать, его нужно было живымъ сжечь, на мелкіе куски изрубить, а онъ... Теперь я въ ихъ власти. Что они со мною сдѣлаютъ? что сдѣлаютъ? И онъ плакалъ отъ страха при мысли, что будетъ съ нимъ завтра.

Въ то же время его безцѣнная супруга, его Бенигна, всегда хвалившаяся передъ мужемъ своею безкорыстною преданностью, теперь разсыпалась въ жалобахъ и стенаніяхъ. Она теперь валила всѣ вины на него, во всемъ былъ виноватъ онъ! И она тоже стонала и плакала.

— Всю жизнь мою я пожертвовала тебѣ! говорила она. Развѣ я не могла выйти замужъ дѣйствительно? Развѣ я не могла кого нибудь полюбить и быть счастливою? Нѣтъ, я отъ всего отказалась, всю себя отдала тебѣ, оберегала тебя. И вотъ за то въ награду тюрьма, ссылка, а можетъ быть еще пытка, мученія, казнь! За что? за что?

И она тоже упрекала его, и угадаютъ ли за что? За излишнюю снисходительность и слишкомъ нѣжное сердце.

А въ глубинѣ картины, въ углу, стояла, повязанная платочкомъ и до нѣкоторой степени нарумяненная, извѣстная намъ Өекла Яковлевна, бывшая подруга Елпидифора, начетчица и сектантка, допущенная находиться при больной принцессѣ по настоянію доктора Листенiуса и по ходатайству князя Андрея Дмитрiевича, та самая Өекла Яковлевна, которая говорила про себя, что она ничья, а Божья!

III.

Графъ Линаръ.

Время шло. Бирона со всѣмъ семействомъ перевели изъ монастыря въ шлисельбургскую крѣпость. Надъ нимъ назначили судъ, и онъ понималъ, что вопросы, которые ему предлагаютъ, представляютъ не болѣе какъ только одну обрядность; онъ понималъ, что судьба его предрѣшена безъ всякаго суда. Но не радовался и Минихъ, не на пользу себѣ онъ устроилъ дѣло. Правда, его сдѣлали первымъ министромъ, всѣмъ управлять дали; но управленiе-то его было зависимое, подчиненное. Всякое предположенiе должна была утвердить правительница; а нелюбившая заниматься и невходившая ни во что правительница любила дѣлать по своему, а главное любила слушать его враговъ, которые, разумѣется, во всемъ поперегъ шли. Это бы ничего; да въ числѣ враговъ его былъ всепреданнѣйшiй, покорнѣйшiй и всенижайшiй графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, который, тонко, хитро и безъ шума, умѣлъ подводить мины, да въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто и ожидать не могъ! Поневолѣ нужно было держать ухо востро, быть всегда на-готовѣ ко всему. Какое же тутъ царство, когда все время Дамокловъ мечъ виситъ? Великая княгиня,—такъ правительница велѣла величать себя,—своего мужа не любила и не уважала, но она носила его имя; все же онъ былъ ея мужъ, и всякая обида, ему сдѣланная, неминуемо относилась къ ней. А принцъ Антонъ безпрерывно жаловался на обиды отъ перваго министра, то по званiю генералисимуса, то по положенiю отца государя и мужа правительницы. Потомъ, кто же не знаетъ, что у страха глаза велики; а враги Миниха

успѣли сдѣлать, что онъ возбуждалъ страхъ. Если онъ, находясь почти внѣ управленія, когда отъ него почти ничего не зависѣло, могъ въ нѣсколько часовъ свергнуть Бирона, такъ что тотъ изъ самодержца сталъ арестантомъ, то кто помѣшаетъ ему повторить ту же исторію въ то время, когда онъ первый министръ, когда отъ него зависитъ все и онъ располагаетъ силами цѣлой имперіи. Это человѣкъ опасный, не бояться его нельзя. Неизмѣримое честолюбіе его заставляетъ всего ожидать отъ него .. Вотъ онъ захворалъ. «Хорошо если умретъ, думаетъ правительница,—а если выздоровѣетъ? Быть подъ опекою такого человѣка, да это хуже чѣмъ Биронъ! Тотъ, правда, бранился, а этотъ молчитъ. Но за то онъ умнѣе, рѣшительнѣе! Съ нимъ пожалуй и не увидишь, какъ попадешься въ положеніе Бирона. А тутъ и чертушка живъ, и цесаревна Елисавета, въ своемъ черномъ платьѣ и гордой красотѣ, является укоромъ всему прошлому».

Минихъ выздоровѣлъ, но чувствовалъ, что почва исчезаетъ подъ его ногами, что чувство благодарности, на которое онъ имѣлъ право разсчитывать отъ принцессы, слишкомъ слабая опора для человѣка, противъ котораго всѣ. «Нужно, чтобы кто нибудь и мою сторону держалъ! думалъ Минихъ,—Только кто же? Сынъ! Онъ гофмейстеръ правительницы, пользуется ея довѣріемъ и расположеніемъ, наконецъ, женатъ на родной сестрѣ ея ближайшей подруги и наперстницы Юліаны Менгденъ; но сынъ... Онъ добрый, милый, послушный, честный; но онъ такой тюфякъ, такой цирлихъ-манирлихъ, что рѣшительно не можетъ и самъ себя держать на твердой ногѣ, не то что кого нибудь поддерживать. У него, кажется, можно кофе изъ-подъ носа унести и онъ не увидитъ; можно очки съ носа снять, а онъ все будетъ философствовать. Вотъ, недавно, онъ меня увѣрялъ въ безпредѣльной ко мнѣ любви Остермана и благосклонности принца Антона. Не понимаетъ онъ того, что Остерманъ, отъ безпредѣльной своей любви, меня бы въ ложкѣ утопилъ, если-бы могъ; а принцъ Антонъ, правда съ чужаго голоса, но думаетъ, что я у него свѣтъ изъ глазъ отнялъ. Да! Непрактическій человѣкъ мой сынъ, слишкомъ нѣмецъ, чтобы на что нибудь годился!.. Вотъ развѣ братъ, продолжаетъ разсуждать Минихъ.—Постоянный партнеръ правительницы, ея интимный собесѣдникъ... Но онъ, кажется, весь

ушелъ въ ломберъ и мушку и даже думать о чемъ нибудь забылъ, кромѣ тѣхъ пятачковъ, которые онъ проигрываетъ или выигрываетъ въ пустой домашней игрѣ. Я какъ-то сталъ ему говорить о выгодахъ прусскаго союза и предложеніяхъ прусскаго короля, а онъ меня перебилъ тѣмъ, что вотъ разъ ему пришелъ на руку король, дама, самъ третей... Нѣтъ, не руна!.. Развѣ Юліана?.. но и она нынче на меня что-то косо смотритъ; будто кошка между нами пробѣжала. И почему? Развѣ принцесса сказала ей, что когда она хотѣла подарить ей пятьдесятъ тысячъ на устройство подаренной ей мызы Оберъ-Паленъ, то я убѣдилъ ее ограничиться десятью... Вотъ разъ молодой Зацѣпинъ, если ему удастся заставить забыть Линара,— этотъ ловокъ! Онъ съумѣетъ построить себя, съумѣетъ всякую махинацію разбить. И пожалуй, ему пока выгоднѣе держаться меня; за то потомъ... Ну, да что будетъ потомъ, мы увидимъ; а теперь нельзя не обратить на него вниманія, очень, очень сближаться начать... И какъ это они не подумаютъ, что вѣдь я ихъ единственная опора, разсуждалъ Минихъ,—что я все прикрою, все предотвращу. Уйду я, и они пожалуй тода не продержатся. Тотъ же Биронъ, если они не успѣютъ ему голову снять, изъ-подъ земли явится и имъ шею свернетъ... Но что же дѣлать? Насмѣнно милъ не будешь: Надоѣло ихъ беречь, да отъ нихъ же и непріятности получать. Поѣду къ себѣ въ Гостилицы сажать рѣпу. Это лучше будетъ! Пусть себѣ сами повозятся, тогда увидятъ и пожалуй ко мнѣ же кланяться придутъ!.. А на Зацѣпина нужно обратить вниманіе... большое вниманіе дѣлать слѣдуетъ... заключилъ Минихъ, собираясь ѣхать къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ съ докладомъ о своей отставкѣ.

И точно, князь Андрей Васильевичъ, руководствуемый и напутствуемый совѣтами дяди, котораго Анна Леопольдовна безъ всякой церемоніи величала своимъ дядюшкой, заставлялъ говорить, что «вниманіе дѣлать слѣдуетъ». Онъ сблизился съ принцессою замѣтно. Она уже не называла его графомъ, котораго, видимо, начинала забывать. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ или у нея, или у Юліаны, и, видимо, гостемъ пріятнымъ. Когда онъ опаздывалъ принцесса безпокоилась; когда онъ былъ на службѣ, она скучала. Семейство Миниха, окружавшее принцессу и Юліану Менгденъ, видимо его поддерживало. Пріѣздъ Линара не могъ быть для нихъ

желателенъ, такъ какъ Линаръ естественно былъ бы горячимъ противникомъ прусскаго союза, за который стоялъ фельдмаршалъ; стало быть Линаръ неминуемо долженъ-бы стать ихъ врагомъ. Зацѣпинъ другое дѣло. Онъ пока не имѣлъ значенія въ политикѣ, стало быть отнесется къ предположенію о такомъ союзѣ совершенно безучастно. Косо смотрѣлъ на сближеніе съ правительницею молодаго князя Зацѣпина графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ. Ну да вѣдь не только свѣту отъ солнца, что въ окошкѣ.

А косо смотрѣлъ на это сближеніе графъ Андрей Ивановичъ; даже на праздникъ князя Андрея Дмитріевича не поѣхалъ, хотя Андрей Дмитріевичъ давалъ праздникъ въ своемъ загородномъ домѣ на Аптекарскомъ островѣ, по секрету отъ племянника, подъ таинственнымъ наименованіемъ «купанье нимфъ». Андрей Ивановичъ куда какъ любилъ такого рода праздники Андрея Дмитріевича и никогда не манкировалъ ими. Бывало, полумертвымъ себя везти велитъ. Но теперь, какой тутъ праздникъ, когда фавора добиваются, въ Бироны лѣзутъ, съ Минихами одну игру ведутъ! Положимъ—не дяди; да вѣдь чорта въ ступѣ не разберешь: дядя-ли учитъ племянника или племянникъ мутитъ дядю? Чортъ все остается чортомъ, какъ его не малюй. Войдетъ въ фаворъ этотъ мальчишка, русскіе впередъ полѣзутъ. Пойдутъ Бѣлозерскіе, да Вадбольскіе; какъ при блаженныя памяти Петрѣ II, когда Долгорукіе силу взяли, пошли Голицыны, да Головкины, а это нашимъ нѣмцамъ не рука.

И точно, князь Андрей Васильевичъ становился къ правительницѣ весьма близко. Заявляя, что онъ не любитъ карточной игры и садится играть исключительно, чтобы доставить удовольствіе правительницѣ, когда не достаетъ партнера, онъ имѣлъ неоспоримую выгоду передавать свою игру какъ только являлся кто нибудь, или, наконецъ, усаживать за себя Юліану Менгденъ, какъ только принцесса не играла. На выигрышъ или проигрышъ онъ имѣлъ полную возможность не обращать вниманія, такъ какъ игра была ничтожная. А освободясь отъ игры, онъ занималъ Анну Леопольдовну, которая любила слушать его разсказы и всякій день все болѣе и болѣе увлекалась ими. Удивительно ли, что молодая женщина, которая до того не любила своего мужа, что запирала отъ него дверь своей спальни, увлекалась юношей, который настолько ловокъ, что

даже французскую авантюристку умѣть заставить свернуть съ намѣченнаго ею пути?

Такимъ образомъ, успѣхъ сближенія правительницы съ молодымъ Зацѣпинымъ волновалъ и озабочивалъ всѣ партіи. Левенвольдъ, который жилъ и думалъ Остерманомъ, съ ужасомъ вспоминалъ, что онъ имѣлъ неосторожность раскрыть этому мальчику всѣ свои предположенія и надежды.

Куракинъ готовился уже ѣхать въ Парижъ, понимая, что для новаго любимца будетъ необходимо придворное мѣсто. А какъ его давно уже, по наслѣдству отъ отца, бывшаго долгое время посломъ въ Парижѣ, предназначали туда, и онъ самъ былъ не прочь туда ѣхать, то и нужно было каждый часъ ждать этого назначенія. Вообще всѣ готовились къ новому положенію придворныхъ партій. Да нельзя было и не готовиться. Вотъ сегодня Зацѣпина нѣтъ въ зимнемъ дворцѣ и, смотрите, правительница даже играть не сѣла; видимо, безпокоится; раза два выходила изъ внутреннихъ комнатъ въ пріемные залы; посылала даже узнать, не въ караулѣ ли онъ? и прибавила, что она хочетъ князя Зацѣпина отчислить отъ полка и назначить адъютантомъ къ генералиссимусу. Начала было сомнѣваться, здоровъ ли онъ, и успокоилась въ этомъ отношеніи только тогда, когда Миникъ-сынъ сказалъ, что онъ сегодня утромъ видѣлъ его въ манежѣ. А если здоровъ, отчего же его нѣтъ? уже девять часовъ!.. Дѣлая себѣ этотъ вопросъ, принцесса подумала:—«неужели онъ къ этой француженкѣ поѣхалъ?» До ея свѣдѣнія уже довели о связи, существовавшей между молодымъ Зацѣпинымъ и Леклеръ.—«Не можетъ быть! Онъ мнѣ сказалъ, что всегда бросаютъ мякинный хлѣбъ, когда Богъ пошлетъ счастіе и судьба благословляетъ бѣлымъ! Гдѣ же онъ? Юліана посылала узнать: сказали, что его дома нѣтъ!»

Между тѣмъ Андрей Васильевичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ въ своихъ орлеанскихъ комнатахъ въ домѣ дяди, запершись отъ всѣхъ и приказавъ объявлять тѣмъ, кто его спроситъ, что его нѣтъ, что онъ уѣхалъ, исчезъ, умеръ.—Говорите, что хотите, только бы меня не безпокоили! сказалъ онъ Ѳедору, и не велѣлъ никого пускать.

Такое стремленіе къ уединенію было естественно. Онъ былъ

слишкомъ взволнованъ и слишкомъ занятъ. Изъ Шлиссельбурга пріѣхала Ѳекла и принесла ему вѣсти о Гедвигѣ и письмо отъ нея. Двадцать разъ по крайней мѣрѣ перечитывалъ онъ это письмо, покрывая его поцѣлуями, и ему все казалось, что онъ его еще не прочиталъ, не понялъ, не усвоилъ,—и онъ начиналъ читать снова.

Онъ забылъ всѣ свои предположенія; забылъ, что его ждутъ. Онъ все забылъ! Онъ помнилъ только Гедвигу. Она мерещилась въ его глазахъ. Разбитая, больная, лежитъ она въ лѣтнемъ дворцѣ на диванѣ и говоритъ тихо, останавливая на немъ свои добрые помутившіеся глазки;—«жизнь моя, душа моя... онѣ твои, Андрей, онѣ принадлежатъ тебѣ! Возьми ихъ!»

Эти слова отзывались въ его ушахъ; онъ вновь слышалъ ихъ и снова перечитывалъ ея письмо.

Въ промежуткахъ между чтеніемъ онъ или ходилъ по комнатѣ большими скорыми шагами, или садился къ столу и, опираясь на него локтями, о чемъ-то думалъ, опустивъ голову на руки. Потомъ вставалъ и начиналъ ходить снова.

Наконецъ, какъ ни старался онъ подражать дядѣ, какъ ни усвоивалъ его понятія и взгляды, между прочимъ и ту недоступность къ простымъ смертнымъ, которою отличался князь Андрей Дмитріевичъ до того даже, что не допускалъ себя никогда до разговора съ прислугою, онъ не выдержалъ, велѣлъ позвать къ себѣ Ѳеклу и сталъ ее спрашивать подробно о томъ, что дѣлала и какъ жила Гедвига.

Ѳекла, успѣвшая полюбить добрую больную, за которою ей пришлось ухаживать, охотно разсказала ему, какъ она, сама чуть живая, ходитъ за отцомъ и матерью, угождаетъ имъ, развлекаетъ, хоть тѣ и мало обращаютъ на это вниманія, а все больше бранятся; говорила, какъ она услуживаетъ имъ, читаетъ, иногда поетъ. «Вотъ для отца-то, она по ночамъ сшила подушку изъ своего салопа, ему спать низко было; а матери связала кофту своими ручками; чтобы отцу не скучно было, выучилась въ шашки играть, и какъ еще другая-то игра, что вмѣсто шашекъ, какія-то личины ставятъ». Потомъ Ѳекла разсказывала о ея добротѣ, терпѣніи; говорила, что не жалуется она никогда ни на что, никогда не стонетъ, хоть и больно очень бываетъ, особенно, когда на спину лубокъ наклады-

ваютъ. Но все съ веселою улыбкою и ласковымъ словомъ переноситъ. «Ангелъ—не барышня, хоть кому скажу, заключила Оекла,—да и ангелы такіе на землѣ не бываютъ!»

А что въ это время было съ Вирономъ?

Услышавъ, что Миниxъ теряетъ свой кредитъ при правительницѣ, онъ начиналъ по-немногу успокоиваться. Главнаго его врага нѣтъ.—«Остерманъ, думалъ онъ,—ну этотъ, разумѣется, власти не уступитъ, но и не станетъ обременять себя безполезнымъ злодѣйствомъ. Для него выгоднѣе меня постоянно въ видѣ грозы держать!» А что если въ самомъ дѣлѣ, именно въ этихъ видахъ, онъ рѣшитъ меня въ Курляндію отправить?»

И у него явилась надежда, слабая конечно, но все же надежда. И онъ уже начиналъ создавать планы, какъ онъ будетъ управлять Курляндіей, въ случаѣ если надежда его оправдается.

Разъ, вечеромъ, сидѣли они всѣ вмѣстѣ. Гедвига что-то вышивала, Бенигна роптала на судьбу, а Бирономъ высказывалъ свои предположенія. Вдругъ дверь отворилась, вошелъ Василевъ.

— Вы должны приготовиться выслушать постановленіе суда! сказалъ онъ. Всѣ невольно поблѣднѣли.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ ихъ казематъ вошелъ секретарь великой княгини-правительницы Семеновъ, съ нимъ два асистента и секретарь. Они заставили всѣхъ встать, а Бирона склонить свою голову и стали читать приговоръ.

По указу его императорскаго величества государя императора самодержца всероссійскаго Іоанна III комисія верховнаго уголовнаго суда надъ бывшимъ герцогомъ курляндскимъ и семигальскимъ, регентомъ россійской имперіи Іоганомъ фонъ-Бирономъ слушали... читалъ Семеновъ медленно и вялымъ голосомъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ словахъ, по недостаточной для его глазъ разборчивости рукописи. Въ приговорѣ были прописаны всѣ отвѣты Бирона, всѣ возраженія на эти отвѣты, показанія постороннихъ лицъ, объясненія и толкованія, пока, наконецъ, дошло до заключительнаго «приказали», послѣ коего началось то же изложеніе только въ сокращеніи.

Бироны стояли всѣ ни живы, ни мертвы. У герцога кровь то приливала къ головѣ, то отливалась къ сердцу; онъ блѣднѣлъ и крас-

нѣлъ попеременно, и весь дрожалъ. Семеновъ тѣмъ же однообразнымъ голосомъ читалъ:—«за таковые его продерзостнѣйшіе и мерзкіе поступки, небреженіе къ нашей особѣ, непристойную дерзкую похвальбу противу нашихъ родителей и жестокія казни преданныхъ намъ людей, приговаривается онъ... Семеновъ запнулся и остановился.

Всѣ впали какъ бы въ онѣмѣніе; ждали лихорадочно послѣдняго слова! У Бирона, казалось, остановилось біеніе сердца; въ лицѣ не было ни кровинки; руки дрожали... Но онъ стоялъ и ждалъ...

— Приговаривается онъ, — откашлявшись продолжалъ Семеновъ,—къ смертной казни черезъ четвертованіе!

Гедвига и Бенигна вскрикнули. Бирокъ упалъ на мѣстѣ безъ чувствъ.

Ни Семеновъ, ни Власьевъ, ни асистенты не обратили на это ни малѣйшаго вниманія. Они ушли составлять свой протоколъ объ объявленіи приговора. Бенигна и Гедвига съ герцогомъ остались однѣ.

Бенигна начала свой безконечный ропотъ на свое злополучіе, что, будучи ни женою, ни сестрою, ни другомъ, она должна теперь раздѣлять несчастіе чужаго ей человѣка, воспитывать его дѣтей, нести на себѣ всю тяжесть его участи. Она начала плакать, стонать, метаться и даже не подошла къ своему омертвѣлому супругу.

Гедвигѣ пришлось возиться съ отцомъ одной. Освѣживъ его голову водою, она хотѣла было приподнять его, но не могла. Она растегнула воротъ его рубашки, сняла галстухъ, натерла спиртомъ виски. Пришла Текла и позвала тюремнаго сторожа. Вмѣстѣ они уложили его въ постель.

Когда онъ опомнился и вспомнилъ приговоръ, съ нимъ сдѣлалась дрожь; его начала мучить лихорадка, зубы стучали одинъ о другой, и, внѣ себя, онъ представлялъ себѣ подробности казни, которую будутъ надъ нимъ исполнять.

— Боже мой, говорилъ онъ,—да какъ это мучительно, да какъ страшно!... Я видѣлъ казнь Волынскаго, нарочно инкогнито ѣздилъ смотрѣть... ему рубили только одну руку и голову, а мнѣ, Боже мой! отрубятъ сперва лѣвую руку, поднимутъ, покажутъ народу; потомъ отрубятъ ногу, опять поднимутъ, покажутъ; тогда станутъ

рубить другую руку и только потомъ уже голову... Господи, и все это нужно перенести, нужно пережить!.. Ужасно, ужасно! Отрубленные члены будутъ биться, будутъ страдать, а народъ... народъ, пожалуй, радоваться будетъ... Меня свяжутъ, и я буду ждать... Нѣтъ, я не могу, вдругъ закричалъ онъ, — я не въ силахъ! Помогите мнѣ! Бенигна, Гедвига помогите! Да сдѣлайте же что нибудь! Убейте меня!

Бенигна давно уже прекратила свой ропотъ и со страхомъ глядѣла на мужа; Гедвига упала на колѣни и молилась. Ни та, ни другая, не находили словъ для отвѣта и утѣшенія, и молчали.

Пароксизмъ лихорадки проходилъ, Биронъ начиналъ успокоиваться, засыпать. Но и во снѣ его мучили мрачныя, кровавыя сновидѣнія, отъ которыхъ онъ стоналъ, кричалъ, плакалъ, вскакивая иногда въ ужасѣ, облитый холоднымъ потомъ. Чаще всего ему видѣлась отрубленная голова Хрущова, какъ она, уже поднятая палачемъ, повела на него своими глазами. Вотъ и у него!... Можетъ быть сегодня, можетъ быть сейчасъ!... И онъ ждалъ, каждую минуту ждалъ.—Вотъ они идутъ, идутъ сейчасъ! Идутъ, чтобы вести на мучительную смерть!... «Я не хочу умирать! вдругъ вскрикивалъ онъ, падая головой на столъ и заливаясь слезами.—Я еще не старъ, здоровъ! я хочу, я долженъ жить! Я поѣду въ Курляндію. Я тамъ герцогъ! Кто смѣетъ убить герцога?» Но черезъ минуту онъ опять стоналъ, опять плакалъ. Потомъ вдругъ приподнимался, начиналъ прислушиваться... «Идутъ, идутъ, говорилъ онъ полушопотомъ.—Не отдавайте меня, ради Бога не отдавайте!» И онъ прятался въ уголъ, будто въ самомъ дѣлѣ можно было куда нибудь тутъ спрятаться... И опять ждалъ, каждую минуту ждалъ съ ужасомъ.

Положеніе Бенигны и особенно Гедвиги во все это время было просто невыносимо. Онѣ вытерпѣли въ это время сотню смертей, по мѣрѣ того какъ каждая изъ этихъ смертей представлялась въ головѣ осужденнаго; а представлялись ему эти смерти ежеминутно и съ осязательною ясностью представленій воображенія маніака. Онъ безпрерывно видѣлъ, какъ его ведутъ; какъ народъ на него смотритъ; какъ палачъ поднимаетъ топоръ, рубитъ руку, ногу, опять руку и наконецъ голову. Онъ видѣлъ эту свою отрубленную голову,

какъ она поводитъ глазами, смотритъ на народъ, который смѣется, радуется, рукоплещетъ,—чему? чему?—«Моей смерти! Я не хочу умирать, не хочу! А они убьютъ меня!» И онъ опять плакалъ.

И такъ прошла цѣлая недѣля. Гедвига, вспоминая послѣ эту недѣлю, съ ужасомъ говорила, что она не понимаетъ, какъ не сошла съ-ума.

Одинъ вечеръ Бирономъ былъ нѣсколько спокойнѣе. Ему пришло въ голову, что можетъ быть Курляндія станетъ ходатайствовать за своего герцога, и у него опять явилась надежда. Вошелъ Семеновъ, но безъ Власьева и асистентовъ, и объявилъ, что великая княгиня-правительница, не смотря на всѣ вины и продерзости бывшаго регента, заслужившаго лютую смерть, по своему неизрѣченному милосердію облегчила казнь и приказала только завтра отрубить ему голову.»

Выслушавъ это объявленіе, Биронъ безмолвно, внѣ себя, опустился на скамью. Бенигна зарыдала. Гедвига осталась безъ движенія, не помня себя. Семеновъ улыбался ядовито, зло, видимо, радуясь постигающей ихъ карѣ.

Посмотрѣвъ на всѣхъ и полюбовавшись произведеннымъ на всѣхъ ужасомъ, онъ вдругъ засмѣялся.

Что, испугались? сказалъ онъ, — испугались! А не пугались, когда сами подписывали, сами на казнь отдавали? Ну, успокойтесь, пошутилъ, испугалъ нарочно. Онъ позвалъ Власьева и асистентовъ и прочиталъ другой приговоръ, которымъ Бирону со всѣмъ семействомъ назначалась ссылка и вѣчное заточеніе.

Все это было такъ неожиданно, шло такъ скоро одинъ за другимъ, что сперва никто и не сообразилъ, что это такое. Но черезъ минуту Гедвига опомнилась и начала горячо выговаривать Семенову за его неумѣстное путанье, за жестокую шутку. Но Семеновъ не смутился отъ этихъ упрековъ. Онъ обратился къ Гедвигѣ съ своимъ тусклымъ взглядомъ и проговорилъ какъ-то медленно:

— Дорогая, милая моя барышня, вотъ вы упрекаете меня за жестокость, упрекаете, что я радуюсь вашему несчастію. Нѣтъ, хорошая барышня, васъ-то мы всѣ сожалѣемъ, да дѣлать-то нечего! А вашего батюшку и пожалѣть грѣшно. Вотъ вы говорите: я жестокъ, шучу; а чѣмъ я жестокъ? Вѣдь вся и шутка-то только одни

слова! А спросили бы вы, каково было мнѣ, какъ онъ, тоже для шутки, велѣлъ мнѣ кости ломать? Вонъ рука-то вывихнутая и теперь плетью виситъ! Это вотъ уже не слова были! Такъ, знаете, добрая барышня: какою мѣрою самъ мѣряль, такою и отмѣривается. Мы всѣ обижены, что такому злодѣю милость оказали. Онъ не жалѣлъ нашихъ головъ, такъ и его головы жалѣть было нечего. А вамъ, барышня, меня упрекать не въ чемъ и не за что! У меня тоже есть дочь, и не одна, — живутъ моимъ трудомъ. Спросите, каково имъ было?.. Ну да дѣло не въ томъ! Готовьтесь завтра къ выѣзду. А тебѣ, красавица, больше здѣсь не мѣсто, прибавилъ онъ обращаясь къ Оеклѣ, которая стояла тутъ же.—Убирайся, пока цѣла!

Съ этими словами Семеновъ ушелъ, уведя съ собою асистентовъ и Власьева.

Биронъ облокотился на столъ и молчалъ. Слезы текли по его щекамъ. Онъ не замѣчалъ ихъ. Мѣстомъ ссылки его былъ назначенъ Пелымъ. Гдѣ это? Онъ знаетъ, что гдѣ-то въ Сибири, въ Перми, на сѣверѣ, въ горахъ. Тамъ онъ долженъ будетъ жить до смерти подъ надзоромъ строгихъ тюремщиковъ. Минихъ своею рукою начертилъ планъ дома, назначеннаго ему вѣчною тюрьмою. Но все же онъ останется живъ. Можетъ быть, потомъ, выпустятъ, можетъ быть—убѣжитъ!..

Гедвига подошла къ Оеклѣ.

— Насъ уговоритъ, добрая Оекла, сказала она тихо.—Ты уходишь отъ насъ. Мнѣ не чѣмъ тебя наградить. Но можешь ли ты взять отъ меня записку къ князю? Онъ поблагодаритъ тебя, я въ этомъ увѣрена.

— Пожалуйте, матушка, добрая княжна наша; да чтобы угодить вамъ, чего я не сдѣлаю!

— Только какъ ему въ руки доставить? Я не хочу, чтобы это письмо досталось нашимъ тюремщикамъ. А пожалуй будутъ осматривать, найдутъ...

— Э, будьте покойны, матушка! спрячу туда, что и въ жизнь имъ не добраться. Да и унтеръ-отъ тутъ изъ нашихъ, такъ онъ и добираться-то очень не станетъ!

— Какъ изъ нашихъ?

— Такъ! ужъ это мое дѣло, матушка-княжна; а вы ужъ будьте

покойны, въ дѣйствительности какъ есть князю Андрею Васильевичу предоставимъ!

— Такъ я приготовлю, а ты приди.

— Приду, приду! Чтобы угодить тебѣ, себя кажись бы не пожалѣла, а это что—наплевать! Не то Власьевъ, а хоть самъ Ушаковъ приди, ничего не найдетъ!. . .

Это-то письмо и перечитывалъ много разъ Андрей Васильевичъ. Оно было написано по-французски, но вотъ его буквальный переводъ:

«Наша участь рѣшена, насъ ссылаютъ, ссылаютъ на вѣчно! Куда, право не знаю! Вѣдь карта для насъ такая страшная контрабанда, что при одномъ словѣ моемъ о томъ, что я хотѣла бы взглянуть на карту, Власьевъ зажалъ уши. Да и не все ли равно?. . .

Пишу къ вамъ на-скоро, мой дорогой, безцѣнный другъ, опираясь на обѣщаніе Ѳеклы, что она доставитъ это письмо непремѣнно вамъ въ руки; хочу вамъ сказать. . . Но прежде я должна поблагодарить васъ за вашу заботу о моемъ удобствѣ и спокойствіи. Знаете, ваше вниманіе въ минуты моего несчастія давало мнѣ столько отрады, что, право не знаю, захотѣла ли бы я промѣнять свое несчастное положеніе на то, чтобы лишиться этой отрады!

Но теперь все рѣшено. Мнѣ жаль отца, который все же заботился обо мнѣ. Теперь моя очередь заботиться о немъ. Постараюсь, сколько хватитъ моихъ силъ, ихъ успокоивать и утѣшать. Посвящу на то пока жизнь мою.

Вы можетъ быть скажете, мой дорогой, незабвенный другъ, что мои слова идутъ въ противорѣчіе тому, что я обѣщала вамъ. Вы скажете, что я отдаю имъ то, что мнѣ не принадлежитъ,— отдаю себя. На это я позволю себѣ возразить.

Ни на одну минуту я не думаю, что могу, хотя бы мысленно, отмѣнить что либо, на что предоставила вамъ право разсчитывать. Напротивъ, ваша нѣжная обо мнѣ заботливость дѣлаетъ меня вашей вѣчной должницей. Я душою, мыслью, всѣмъ сердцемъ невольно обращаюсь къ тому вашему слову, которое было моимъ счастіемъ. Но мое положеніе въ такой степени измѣнилось извѣстными вамъ событіями, что я не считаю себя вправѣ признавать обязанностью для другихъ въ разсужденіи меня то, что было при-

нимаемо ими хотя и добровольно, но совершенно при другихъ условіяхъ. Теперь я бѣдная плѣнница, приговоренная къ вѣчному заточенію. Могу ли я разсчитывать на то, что относилось къ принцессѣ курляндской и семигальской. Притомъ обязанность, о которой до того я не имѣла даже повода думать, заставляетъ меня сохранить мои отношенія къ воспитывавшему меня семейству. Бросить его теперь, въ самую минуту паденія, для меня невозможно. Если-бы я это сдѣлала, я бы презирала себя. Я должна посвятить себя имъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока страшный переломъ ихъ жизни предоставляетъ жгучую, острую боль сердца, т. е. пока этотъ переломъ отъ времени не перейдетъ хотя въ горькое, но спокойное воспоминаніе. Потомъ, я была здорова, а теперь, буду ли я здорова когда нибудь,—знаетъ одинъ Богъ!

Среди этихъ колебаній, я рѣшилась, не отказываясь сама ни отъ чего, что ставитъ меня въ какую либо зависимость, освободить другихъ отъ всякой ихъ зависимости отъ меня.

Послѣднее относится преимущественно къ вамъ, мой дорогой, безцѣнный другъ! Вы были одинъ, зависимость отъ котораго была мнѣ отрадна. Вѣря вполнѣ вашимъ словамъ, я считала себя счастливою, что могла обѣщать отдать вамъ всю жизнь мою, всю себя. Знать, что вы мой, а я ваша, было для меня такою радостью, передъ которою блѣднѣютъ всѣ мои несчастія. Но, въ виду измѣненія моего положенія и здоровья, я признала себя обязанною сказать вамъ, что свято и съ сердечною искренностью я сохраню вамъ все, что обѣщала, но предоставляю вамъ полную свободу забыть, что вы обѣщали мнѣ. Я ваша всѣмъ сердцемъ, всею душею, всѣмъ существомъ моимъ, до тѣхъ поръ, пока словомъ или дѣломъ вы не покажете мнѣ, что я вамъ не нужна, что я для васъ чужая и что вы для меня чужой... Отъ васъ же я не требую ничего. Возвращаю вамъ всѣ слова, всѣ обѣщанія ваши; предоставляю полную свободу вашему чувству въ будущемъ... Объ одномъ прошу: вспоминайте иногда безпредѣльную мою благодарность за вашу заботу, попеченія и помощь, оказанныя въ минуты несчастія отъ всего сердца преданной

Гедвигѣ-Елисаветѣ.

Еще прошу наградить чѣмъ можно женщину, которая ходила за мной. Она такъ усердно заботилась обо мнѣ отъ вашего имени, такъ берегла меня, наконецъ, съ столь многими предметами ознакомила меня изъ русской жизни, о чемъ я не имѣла даже понятія,—между прочимъ и съ знаменитостью вашего славнаго рода князей Зацѣпиныхъ,—что я считаю себя очень и очень ей обязанною, и я весьма бы желала доказать ей мою благодарность; но у бѣдной плѣнницы нѣтъ ничего, поэтому я поневолѣ должна прибѣгать къ посторонней помощи».

«Такъ вотъ чѣмъ кончился судъ! Вотъ чѣмъ кончилась та блестящая карьера, которая полуиляхтича-проходимца возвела на ступень владѣтельнаго герцога, самодержавно управлявшаго обширной имперіей! раздумывалъ князь Андрей Васильевичъ. — Вотъ чѣмъ кончился и мой романъ! Само собой разумѣется, что Гедвиги я забыть не могу. Воспоминаніе о ней я сохраню цѣлую мою жизнь. Я не могу забыть тѣхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ минутъ, когда она мнѣ сказала, что мои чувства къ ней встрѣчаютъ отвѣтъ въ ея чувствѣ; что ни въ комъ она не надѣется встрѣтить такую опору своей жизни, какую видитъ во мнѣ! Никогда не забуду, какъ она, милый ребенокъ, съ слезинками на глазахъ, склонила свою головку на мою грудь и прошептала: «не разлюбите меня, а я... я ваша, я никогда не разлюблю!» Это были минуты незабываемой радости, минуты отъ которыхъ и теперь разливается отрадное ощущеніе... Но вопросъ не о любви! Я чувствую, что я люблю ее, что она мнѣ дорога, какъ моя радость, какъ угаснувшая надежда... Но дѣло не въ томъ, что́ мнѣ дорого, что́ я люблю. Вопросъ въ возвышеніи и укрѣпленіи рода князей Зацѣпиныхъ, въ предоставленіи ему политическаго положенія; а для этого соединеніе съ дочерью навшаго временщика вещь немыслимая. Только восходящее солнце даетъ надежду на свѣтлый день, заходящее же можетъ оставить только воспоминаніе. Но писать ей это, сказать,—я не могу, я не въ силахъ,—я еще слишкомъ люблю ее!»

И онъ снова начиналъ ходить, потомъ снова задумывался и снова читалъ.

Она нездорова, страдаетъ...

Богъ знаетъ чего бы я не далъ, чтобы имѣть право беречь ее

теперь, ухаживать за ней! Но обязанность, долгъ, зависимость отъ отношеній, все это должно быть выше желаній, выше чувства. Судъ надъ ними,—но вѣдь это комедія!»

И дѣйствительно, судъ надъ Бирономъ былъ комедія; повтореніе той самой комедіи, которая столь недавно, по его приказу, была выполнена въ судѣ надъ Волынскимъ. Предсѣдателемъ былъ тотъ же генералъ-аншефъ Григорій Петровичъ Чернышевъ, а въ числѣ членовъ были тѣ же Хрущовъ и Новосильцевъ, которые умѣли подобрать столько винъ бѣдному Артемію Петровичу и его друзьямъ, въ томъ числѣ и другому Хрущову, котораго прихватили такъ, для компаніи. Къ этимъ нелицепріятнымъ судьямъ присоединили еще Яковлева, того самаго Яковлева, который, по приказу Бирона, вмѣстѣ съ Граматинымъ и Семеновымъ, былъ арестованъ за распространеніе слуховъ о подложности акта, назначавшаго Бирона регентомъ, и экзаменованъ вмѣстѣ съ ними въ тайной канцеляріи самимъ Ушаковымъ, да такъ экзаменованъ, что, какъ выразился, Семеновъ, руки-то какъ плети висятъ. Къ этимъ безпристрастнымъ судьямъ присоединили еще Лопухина, личнаго врага Бирона, да еще двухъ-трехъ изъ оскорбленныхъ Бирономъ лицъ. Остерманъ и Минихъ умѣли выбирать судей, умѣли и вины подбирать; не отсталъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи и князь Черкаскій, который передъ тѣмъ только выдалъ Бирону Пустошкина, когда тотъ, отъ имени офицеровъ своего полка, сказалъ ему, что назначеніе регентомъ Бирона обидно для Россіи, а теперь указывалъ для того же Бирона Пелымъ.

Въ чемъ же можно было обвинять Бирона за его трехнедѣльное управленіе, потому что всѣ дѣйствія Бирона, до того какъ онъ сталъ регентомъ, прикрывались высочайшими повелѣніями и исходили не отъ него, а отъ министерства? Нашли въ чемъ обвинять! Первое обвиненіе было въ томъ, что онъ исходатайствовалъ у покойной императрицы актъ о регентствѣ.

Но въ этомъ главнѣйше виноватъ Минихъ. Его слово было первое передъ покойною государынею. Онъ первый сказалъ будто общее желаніе всѣхъ видѣть Бирона въ челѣ управленія. Виноватъ еще князь Черкаскій, онъ первый подалъ мысль о регентствѣ; виноваты Куракинъ, Левенвольдъ, Трубецкой, которые его убѣж-

дали; виновать Бестужевъ,—ну да онъ арестованъ вмѣстѣ съ Бирономъ, а всѣ другіе правительствуютъ, занимая высшія государственныя должности. Биронъ только согласился, уступая общему настоянію, согласился потому, что всѣ увѣряли его, что это необходимо для блага Имперіи, для охраны младенца-государя.

Вторая вина:—не заботился о здоровьѣ покойной государыни!

— Какъ же не заботился? да это значило-бы, что онъ не заботился о себѣ!—«По рабской моей обязанности, писалъ Биронъ,—я всегда первѣйшее попеченіе имѣлъ о неоцѣненнѣйшемъ здравіи ея величества и выписалъ для консультаціи знаменитаго португальца, а равно и съ своими докторами постоянно бесѣду имѣлъ о ея болѣзни, сколько могъ это слышать и знать изъ словъ самой государыни. Но само собой разумѣется, что я не докторъ и не могъ принимать какихъ-либо особыхъ мѣръ, особенно когда государыня болѣзнь свою скрывала».

Третья вина:—не заботился объ императорѣ, угрожалъ его родителямъ, принцу и принцессѣ, и многихъ знатныхъ особъ лютымъ мукамъ предалъ и чести лишилъ.

— Не только объ императорѣ не заботился, но прилагалъ всевозможное попеченіе. Если и виновать я передъ родителями государя, объяснялъ Биронъ, то только вслѣдствіе постоянной и чрезвычайной моей ревности и заботливости о здравіи и безопасности государя императора. Потому-то я и приказалъ строго экзаменовать Ханыкова и другихъ: я полагалъ, что затѣи ихъ касаются не одного только меня и моего регентства, но касаются самого императора; т. е. клонятся не только къ перемѣнѣ управляющаго государствомъ лица, но къ перемѣнѣ самой династіи. Я не могъ равнодушно переносить, видя какъ неопытностью принца и принцессы пользуются тѣ, которые хотятъ несытость свою насытить.

Предъявляя эти оправданія, Биронъ надѣялся, что въ комисіи хотя одинъ голосъ будетъ за него. Онъ надѣялся на Новосильцева, котораго всѣ признавали его ближайшимъ клевретомъ. Дѣйствительно, съ самаго прибытія своего изъ Курляндіи, онъ постоянно благодѣтельствовалъ Новосильцеву, выводя его въ люди, выпрашивая мѣста и назначенія и вообще помогая чѣмъ только могъ. Но первое слово Новосильцева было: за злодѣянія Бирона ему простой

смертной казни мало; четвертовать его нужно, живаго сожечь; и этого мало: съ живаго кожу содрать. И неизвѣстно, на чемъ бы остановилось его разыгравшееся воображеніе въ пріискиваніи разныхъ казней, если-бы не перебилъ его предсѣдатель Григорій Петровичъ Чернышевъ.

Ну чего еще тутъ придумывать! Четвертовать, такъ четвертовать,—такъ что-ли? Всѣ согласились и составили приговоръ.

Анна Леопольдовна, какъ было заранѣе предрѣшено, по своему неизмѣримому милосердію, отъ смертной казни его помиловала, а, по совѣту князя Черкаскаго, опредѣлила сослать Бирона со всѣмъ его семействомъ на вѣчное заточеніе въ Пелымъ, а его братьевъ и зятя, Бисмарка, его первѣйшаго адгерента, развести по разнымъ городамъ Сибири. Въ Пелыми домъ для Бирона былъ приготовленъ по плану Миниха.

Өекла Яковлевна на словахъ передала Андрею Васильевичу, что Гедвига не смѣла написать, но что она очень, очень бы желала съ нимъ проститься. И онъ бы очень хотѣлъ, но какъ? Если ѣхать, то нужно сейчасъ; вѣдь ихъ рано вывозятъ, а до Шлиссельбурга все же шестьдесятъ верстъ! Въ это время ему доложили, что изъ дворца ужъ третій разъ присылаютъ узнать, гдѣ онъ? Великая княгиня безпокоится. Притомъ, если онъ поѣдетъ въ Шлиссельбургъ проститься съ павшимъ семействомъ, то сейчасъ дадутъ знать, и взглянутъ на это подозрительно, очень подозрительно. «Нѣтъ, подумалъ онъ,—какъ-бы ни хотѣлось, но... ограничусь слезнымъ письмомъ... и не сегодня,—нѣтъ, а пошлю нарочнаго догнать на дорогѣ; а теперь, теперь,—скорѣй во дворецъ; нужно не упускать свой случай!» И чрезъ пять минутъ онъ уже былъ на собственной половинѣ правительницы.

Придворные замѣтили, что Анна Леопольдовна замѣтно повеселѣла.

— Что такъ поздно? Я безпокоилась, здоровы-ли вы? спросила принцесса.

— Прошу великодушнаго прощенія, всемилостивѣйшая повелительница.—Пришли письма изъ деревни, нужно было распорядиться.

Анна Леопольдовна, нелюбившая большихъ собраній и по чрез-

вычайной лѣности и распущенности нелюбившая одѣваться, даже до того, что выходила иногда къ обѣду въ капотѣ и накинутомъ на голову платкѣ, проводила время съ удовольствіемъ только въ своемъ интимномъ кружкѣ избранныхъ, который весьма ревниво оберегала отъ посторонннхъ вторженій; за то она любила, чтобы этотъ кружокъ не манкировалъ посѣщать ее. Нѣкоторое сходство съ графомъ Линаромъ, занимавшимъ ея воображеніе, когда ей было четырнадцать лѣтъ, молодость и до нѣкоторой степени усвоенная у дяди, подъ руководствомъ М-мъ Ленлеръ, любезность, открыли доступъ въ этотъ кружокъ князю Андрею Васильевичу, и онъ старался этимъ воспользоваться.

Не чувствуя ровно ничего къ принцессѣ, онъ старался вызвать къ себѣ ея симпатію своею веселостью, задушевностью и какою-то особою распущенностью, которая тогда начинала входить въ моду среди высшей сферы представителей русскаго петиметрства.

Молодая женщина, нелюбившая своего мужа до того, что, какъ мы говорили, запирала отъ него на ключъ свою спальню, очень рада была слушать веселую болтовню молодаго человѣка, котораго находила интереснымъ и Юліана, и котораго любятъ и хвалятъ всѣ. Вѣдь когда нибудь и отдохнуть можно, развлечься, говорила себѣ Анна Леопольдовна, не замѣчая, что привычна видѣть молодаго князя, слушать его и смѣяться съ нимъ, вкоренялась въ нее глубже и глубже, и что когда его нѣтъ, ей уже начинало чего-то не доставать.

— Онъ меня смѣшитъ—и только; а то все дѣла, да дѣла! И такъ этотъ противный фельдмаршалъ пристаетъ безпрерывно съ дѣлами!

А Андрей Васильевичъ въ это время думалъ:

«Она не императрица, но правительница на шестнадцать слишкомъ лѣтъ. Это много значитъ. Притомъ она и императрицей можетъ себя объявить, прямо какъ наслѣдница своей тетки, самодержавная правительница и мать императора. Мало-ли было историческихъ примѣровъ совмѣстнаго царствованія,—а тутъ мать и сынъ, это такъ естественно, особливо, когда сынъ младенецъ. Вотъ и политическое положеніе рода князей Зацѣпиныхъ. Этимъ стоитъ заняться. Жаль Гедвиги, но дѣлать нечего».

Думая это, онъ началъ говорить любезности Юліанѣ Менгденъ,

которая принимала ихъ со смѣхомъ, напоминавшимъ ржаніе лошади, и говорила обо всемъ не иначе, какъ династическимъ «мы», подразумѣвая въ этомъ «мы» себя и принцессу-правительницу.

— Нѣтъ, намъ фельдмаршалъ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька! да онъ и принца обижаетъ! А мы не хотимъ принца обижать! Мы хотимъ только, чтобы онъ не мѣшалъ намъ! Пускай онъ забавляется тамъ своими караулами, да ученьями,—играетъ въ солдатики, а о насъ не думаетъ! Мы будемъ и безъ него управлять.

— Фельдмаршалъ человѣкъ опытный.

— Да! Но что же дѣлать, когда онъ намъ все поперегъ дороги идетъ? Анюта мнѣ подарила бироновскіе кафтаны, его самого и принца Петра. Мы отъ скуки велѣли принести жаровню, взяли два кафтана и стали выжигать; на ту пору войди Минихъ, да и говоритъ: э, матушка, ваше высочество, хочется же вамъ дымомъ и копотью себѣ глазки портить, и выжиги-то на три гроша. Вы бы лучше положеніе о запасныхъ артилерійскихъ паркахъ пробѣжать и утвердить изволили. Послѣ обратился ко мнѣ и прибавилъ: и не стыдно вамъ самодержавную нашу повелительницу грошовымъ дѣломъ занимать. Такъ не грошовымъ же! Изъ выжиги-то я четыре большихъ шандала, да полдюжины ложекъ сдѣлала!..

Въ это время къ нимъ подошла принцесса.

— Вы, князь, не сѣли ни въ вистъ, ни въ ломберъ? спросила она, садясь на диванъ и показывая Андрею Васильевичу мѣсто подлѣ себя на креслѣ. Менгденъ заняла мѣсто на стулѣ позади ручки дивана и очутилась такимъ образомъ между ними.

— Нѣтъ, ваше высочество, отвѣчалъ Зацѣпинъ садясь.—Если, принимаясь за игру, я могу доставить себѣ удовольствіе играть съ повелительницею сердецъ нашихъ, то... Играть же для игры или для выигрыша я считаю напрасною тратою времени.

— Э, князь! можно играть отъ нечего дѣлать, отъ скуки! Да и мало-ли на что мы тратимъ время? Вотъ фельдмаршалъ говоритъ, что я напрасно трачу время, когда читаю. Онъ говоритъ, что читать можно только полезное; а полезное, по его мнѣнію: инженерныя исчисленія, да какія нибудь положенія объ устройствѣ казармъ или запасныхъ артилерійскихъ парковъ. «Вотъ, говоритъ, и я вчера цѣлый день читалъ: утромъ «положеніе о военныхъ госпиталяхъ»,

а вечеромъ—«Походы Тюреня!» Читать же романы, да сказочки, стихи, да мадригалы... право, принцесса, значитъ только время губить!» Думаете-ли и вы, князь, что я напрасно трачу время, когда читаю романы? Признаюсь, что чтеніе приноситъ мнѣ удовольствія болѣе, чѣмъ самые великолѣпные праздники, на которыхъ я чувствую только усталось и отъ которыхъ на другой день болитъ голова.

— Нѣтъ, принцесса, чтеніе я не считаю тратою времени. Я полагаю даже, что оно необходимо, какъ гимнастика ума.

— Ахъ Боже мой! эти мущины для меня невыносимы, въ томъ числѣ и вы, лучшій изъ нихъ. Все у васъ умъ, умъ и умъ! Нужно же отвести какой нибудь уголокъ чувству.

— Чувство, ваше высочество, это такой нѣжный предметъ, о которомъ мы не смѣемъ говорить въ присутствіи тѣхъ, кто его вызываетъ. Вы изволите знать, ваше высочество, что вѣдь оно не подчиняется законамъ разума, а является нежданно и большею частью тамъ, гдѣ его не должно быть! Я одинаково могу влюбиться и въ пастушку, и въ королеву. А согласитесь, что ни того, ни другаго нежелательно бы испытать, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ, мое чувство будетъ только страданіе.

— А вы не думаете о томъ, какое страданіе можетъ испытывать королева, особенно если она не любитъ своего короля? На прошлой недѣлѣ я читала одну нѣмецкую книгу,—забыла заглавіе,—да это все равно! Тамъ рыцарь спѣшитъ освободить даму своего сердца изъ рукъ ея соперницы и злѣйшаго врага, и вдругъ влюбляется въ этого врага, соперницу и мучительницу дамы его сердца. Можете себѣ представить, какой изъ этого выходитъ сумбуръ. Если онъ освободитъ ту, которую любитъ, то погубитъ ту, въ которую влюбился; если же захочетъ сохранить ту, въ которую влюбился, то долженъ оставить на гибель ту, которую любитъ. Мущины всѣ такіе гадкіе! Они способны раздваиваться даже въ своемъ чувствѣ.

— Вы думаете это о всѣхъ мущинахъ, принцесса? спросилъ князь Андрей Васильевичъ, останавливая на ней свой пристальный взглядъ, а самъ вспомнилъ Гедвигу и подумалъ: «не права ли она, если въ ея разсказѣ, есть намекъ? Впрочемъ нѣтъ, не права, потому что тутъ никакого чувства нѣтъ, а просто меркантильный разсчетъ разумности.» И онъ повторилъ свой вопросъ.

Анна Леопольдовна не выдержала его упорнаго взгляда, потупилась и проговорила тихо:

— Нѣтъ, о васъ я этого не думаю.

— О васъ мы такъ не думаемъ! заговорила Менгденъ, вторя принцессѣ и видимо желая ее поддержать.—Мы думаемъ, что вы молодой человѣкъ съ душою и сердцемъ, и что если васъ удостоитъ своего взгляда королева, то вы примете этотъ взглядъ какъ милость судьбы.

— Такой взглядъ былъ бы не только мѣлость судьбы, но залогъ моего счастія! Я разумѣется молодъ; но вѣдь, согласитесь, что только молодость и сохраняетъ тотъ пылъ чувства, то страстное томленіе, которое боготворитъ ту, къ которой относится, будетъ ли она пастушка или... королева.

Послѣднее слово Андрей Васильевичъ сопровождалъ тѣмъ многозначительнымъ взглядомъ, который заставилъ Анну Леопольдовну понять, что и къ королевѣ можно относиться, какъ къ женщинѣ. Губки ея немножко дрогнули; она покраснѣла и не нашлась, что сказать. За нее отвѣчала Менгденъ.

— И королева приметъ ваше скромное обожаніе и наградитъ васъ всѣмъ, чѣмъ можетъ наградить женщина и королева, съ тѣмъ разумѣется, что вы будете скромны и благоразумны.

Анна Леопольдовна, какъ-бы въ подтвержденіе отвѣта своей наперстницы, безмолвно подала ему свою руку.

Андрею Васильевичу въ глубинѣ души было смѣшно. Онъ подумалъ: «вотъ хорошо! любовное объясненіе втроемъ. Случалось ли это какому либо Донъ-Жуану въ мірѣ?» Но взявъ въ свою руку ручку правительницы, онъ почувствовалъ, что она дрожала. Онъ держалъ ее нѣсколько секундъ въ своей рукѣ, потомъ, пользуясь тѣмъ, что играющіе на другомъ концѣ комнаты сосредоточили на игрѣ все свое вниманіе, тихо поднесъ ея ручку къ своимъ губамъ и горячо ее поцѣловалъ.

При этомъ онъ замѣтилъ, что два тоненькіе пальчика правительницы, большой и указательный, легонько сжимаются и что правительница какъ-бы склоняется къ нему и хочетъ ему что-то сказать.

Но въ это время дверь изъ пріемной залы съ шумомъ растворилась и въ дверяхъ показалась разволоченная фигура камеръ-фурьера, который, почтительно поклонившись правительницѣ, доложилъ:

— Его сіятельство, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, проситъ милостиваго дозволенія вашего высочества безпокоить васъ на нѣсколько минутъ.

Андрей Васильевичъ разумѣется долженъ былъ опустить руку принцессы, которая взглянула съ изумленіемъ на Менгденъ, въ то время, какъ та въ свою очередь бросила изумленный взглядъ на правительницу.

Оба эти взаимные взгляда можно было перевести такъ: нанерстница спросила у правительницы.

— Зачѣмъ еще этотъ?

Правительница отвѣчала:

— Я его не звала и не хотѣла, вѣрно что нибудь особое.—Зови! сказала она камеръ-фурьеру и, наклонившись къ Андрею Васильевичу, прошептала ему: завтра пріѣзжайте по-ранѣе, я играть не сяду.

Камеръ-фурьеръ исчезъ.

Въ комнату вошелъ графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Толстоватый и неуклюжій, одѣтый въ коричневый шелковый кафтанъ съ рѣдкими петлицами, обшитыми золотомъ, въ измятыя брабантскія кружева около шеи и рукъ и большіе бархатные сапоги, Андрей Ивановичъ тихо подвигался на своихъ подагристыхъ ногахъ, оглядывая присутствующихъ съ улыбкою, въ которой можно было замѣтить легкій оттѣнокъ торжества. Онъ какъ-бы говорилъ: вотъ и я здѣсь, и буду пріятнымъ гостемъ, хотя вы всѣ настойчиво желали меня сюда не допускать.

Онъ подошелъ къ правительницѣ въ то время, какъ Андрей Васильевичъ, польщенный въ своемъ самолюбіи и убаюкиваемый надеждой на завтра, старался на столько отдалиться отъ принцессы, чтобы не представиться всепроницающему оракулу слишкомъ интимнымъ собесѣдникомъ.

— Простите, всемилостивѣйшая наша повелительница, что осмѣлился нарушить установленный этикетъ и явиться незваннымъ, непрошеннымъ... началъ Остерманъ.

— Что такое? перебила правительница.

— Важное и спѣшное обстоятельство, касающееся службы его величеству и нашей августѣйшей покровительницѣ, вынудили

меня скорѣе сдѣлаться преступникомъ, чѣмъ упустить конъюнктуры, которыя не инако, какъ къ пользѣ особы вашего высочества направлены быть могутъ.

— Въ чемъ дѣло, графъ? Я всегда рада видѣть васъ! отвѣчала правительница.

— Дѣло въ томъ, всемилостивѣйшая государыня, что его величество польскій и саксонскій король, узнавъ о благополучномъ принятіи вашимъ высочествомъ въ свои руки верховнаго управленія, прислалъ чрезвычайнаго посланника поздравить ваше высочество и вашего супруга, принца, съ счастливымъ событіемъ, и этотъ посланникъ, конфидеиціально явившись ко мнѣ, проситъ, предварительно офиціальнаго представленія и принесенія поздравленія, исходатайствовать ему у вашего высочества частную, сепаратную аудіенцію, для представленія вашему высочеству особосекретныхъ меморій.

Правительница все это время стояла, не приглашая графа сѣсть; поэтому разумѣется стояли какъ графъ, которому это было довольно трудно по его больнымъ ногамъ, такъ и баронеса Менгденъ и князь Андрей Васильевичъ.

— Очень рада видѣть посланника польско-саксонскаго короля и съ удовольствіемъ приемъ его меморіи, хмуро отвѣчала Анна Леопольдовна.—Привезите его хоть завтра утромъ! Кто же этотъ чрезвычайный посолъ польскаго короля?

— Онъ льститъ себя надеждою, что не совершенно изгладился изъ памяти вашего высочества. Это графъ Линаръ!

— Графъ? вскрикнула правительница.

— Графъ Линаръ? вскрикнула Юліана Менгденъ.

Андрей Васильевичъ замѣтилъ, что правительница разомъ поблѣднѣла, почти машинально опустилась на диванъ и замолчала. Графъ Остерманъ, который съ трудомъ стоялъ, тяжело переступая съ ноги на ногу, оперся на спинку кресла, на которомъ передъ тѣмъ сидѣлъ Андрей Васильевичъ.

— Такъ это графъ? проговорила про себя правительница, стараясь удержать свое волненіе — Это графъ?.. Боже мой!... Что же вы не займете мѣсто, Андрей Ивановичъ? садитесь! Вы его видѣли?

— Кого? графа Линара? Какъ-же ваше высочество, и только по его настоянію о крайней спѣшности дѣла, я позволилъ себѣ безпокоить не въ указаное время...

— Очень благодарна вамъ, Андрей Ивановичъ; и всегда прошу, когда вы свободны отъ вашихъ трудовъ... Привезите его завтра, о! я его хочу видѣть!...

А Менгденъ въ это время ей что-то шептала на ухо. Правительница улыбнулась.

— Непремѣнно завтра утромъ, я сдѣлаю распоряженіе!—Много новостей привезъ вамъ графъ? спросила правительница, овладѣвая собой.

Графъ Андрей Ивановичъ откашлялся и повелъ свою бесѣду, какъ мѣшковатый, неуклюжій, но умный придворный, который хорошо понимаетъ свое настоящее положеніе и значеніе.

Андрей Васильевичъ понялъ, что Остерманъ выписалъ ему опаснаго соперника; что онъ повторитъ ту же исторію, которая такъ удачно разыгралась въ его пользу съ покойною Екатериною и Левенвольдомъ. Ему не удалась интрига, которую онъ велъ противъ Бирона въ пользу принца Антона, во время регентства котораго Остерманъ бы царствовалъ. Минихъ предупредилъ его. И вотъ ему понадобился графъ Линаръ, чтобы чрезъ него также царствовать и при регентствѣ Анны Леопольдовны. Иначе развѣ могъ бы саксонскій дворъ прислать посломъ человѣка, отозваннаго отсюда по требованію нашего двора.

«Это, ясно, дѣло Остермана! сказалъ себѣ Андрей Васильевичъ. Но какъ молодой человѣкъ, избалованный успѣхами, онъ самонадѣянно прибавилъ:—увидимъ какъ еще удастся... завтра не за горами!

IV.

Отъѣздъ.

На другой день происходила конфиденціально сепаратная аудіенція чрезвычайнаго польско-саксонскаго посланника. Графъ Линаръ пріѣхалъ съ Остерманомъ. Ихъ встрѣтила Менгденъ, привѣтливо протянула графу Линару руку и проводила къ правительницѣ. Послѣ первыхъ офиціальныхъ привѣтствій, Остерманъ какъ-то стушевался, разсматривая картины, украшавшія стѣны пріемной правительницы. Они остались втроемъ.

— Нашъ гость, всегда пріятный! сказала Менгденъ.—Что-жъ вы не цѣлуете у Анюты руку? Развѣ не наскучили вамъ еще церемонныя привѣтствія, да книксены, которыми вы угощаете другъ друга?

— Прежде я долженъ спросить, будетъ ли дозволено мнѣ обратиться къ прекрасной царевнѣ съ моею прежнею искренностью и преданностью? спросилъ Линаръ, стараясь придать своему голосу и взгляду выраженіе покорной кротости.

— Разумѣется! разумѣется! отвѣчала за правительницу Менгденъ.—Только она уже не царевна, а великая княгиня и мать императора. Откуда вы пріѣхали, что этого не знаете?

И Юліана засмѣялась своимъ лошадинымъ хохотомъ.

— Вы шутите! отвѣчалъ Линаръ.—Но я, бѣдный изгнанникъ, воспоминаніе о царевнѣ берегу какъ святыню, и для меня будетъ высшимъ счастіемъ найти въ государынѣ великой націи ту же царевну, почтительное обожаніе которой было причиною моего несчастія и остракизма.

— А развѣ мы васъ не вспоминали? Полноте, графъ! рѣшилась, наконецъ, сама сказать Анна Леопольдовна.—Если-бы вы знали, что перенесла я во время этого, какъ вы называете вашего остракизма! И она протянула графу руку, которую тотъ страстно поцѣловалъ.

— Боже мой, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ madame Адеркасъ сказала, что вы позволяете мнѣ поцѣловать вашу ручку...

— Да! И какъ я страдала... замѣтила Анна Леопольдовна.

— Сколько лѣтъ? Я вамъ скажу, проговорила шутливо Менгденъ:—пять лѣтъ, восемь мѣсяцевъ, шестнадцать дней...

— Вы тогда совсѣмъ еще дитя были! сказалъ Линаръ.

— Не говорите! Мнѣ тогда только мѣсяца или двухъ не хватало до пятнадцати лѣтъ!

— И какъ это хорошо было, помнишь Анюта, заговорила опять Менгденъ,—мнѣ тоже было четырнадцать съ чѣмъ-то лѣтъ. Но я уже понимала вещи, какъ онѣ есть. Меня поставили на часахъ; на случай, если-бы тетушка или герцогъ въ большой залъ идти вздумали, я должна была каркнуть. Помню, какъ я училась каркать. Мы гдѣ-то читали, что итальянскіе разбойники всегда каркаютъ на часахъ когда увидятъ сборъ. Вотъ я стою и смотрю. Графъ внизу за трельяжъ спрятался и за эту статую, какъ ее? которую змѣи-то съ дѣтьми вмѣстѣ обвиваютъ. Анюта вошла вмѣстѣ съ Адеркасъ. Адеркасъ пошла къ императрицѣ и будто не видитъ, а Анюта вошла на эстраду, да сверху изъ-за трельяжа и протянула свою ручку. А вы ее начали цѣловать. Какъ мнѣ завидно тогда было! Все было точь въ точь, какъ въ романахъ пишутъ.

— Отрадное воспоминаніе, сказалъ графъ Линаръ.—А помнитъ-ли всемилостивѣйшая государыня правительница тѣ слова, которыя сказала тогда мнѣ царевна и которыя мнѣ даже теперь слышатся голосомъ ангела.

— Я ничего не забываю, графъ, задумчиво отвѣчала Анна Леопольдовна,—я сказала: «вѣчно и всегда!»...

Вечеромъ князь Андрей Васильевичъ занялся своимъ туалетомъ весьма тщательно. Онъ помнилъ, что правительница назначила ему: «завтра по раньше». Онъ надѣялся услышать что нибудь, что дастъ основаніе его честолюбивой мечтѣ. «Я не о себѣ думаю! говорилъ онъ.—Но не могутъ, не должны князья Зацѣпины стоять въ ряду какихъ-то провинціальныхъ баръ, которые если и не боятся капитанъ-исправника, то потому только, что они ему хорошо платятъ»...

На основаніи этого разсужденія, онъ рѣшился употребить все возможное, чтобы быть изящнѣе, красивѣе, лучше. Онъ зналъ, что Анна Леопольдовна, нелюбившая одѣваться даже до неприличія,

очень любила нарядныхъ и красивыхъ кавалеровъ и на его костюмъ нерѣдко останавливала особое вниманіе.

Поэтому онъ надѣлъ свой, только что сдѣланный, свѣтло-голубой, шитый серебромъ, съ золотыми петлицами и крупными алмазными пуговицами кафтанъ и бѣлый, обшитый самыми тонкими и дорогими венеціанскими кружевами и также шитый золотомъ, съ пуговицами изъ сапфировъ самой чистой воды, камзолъ; кружевной воротникъ его рубашки и манжеты, такъ-же какъ и тѣлеснаго цвѣта шелковые чулки и лакированные башмаки, застегивались и стягивались аграфами и пряжками, въ которыхъ свѣтились рѣдкой игры опалы, осыпанные мелкими брилліантами. Сверхъ того онъ надѣлъ еще на плечо аксельбантъ цвѣта правительницы, украшенный брилліантовыми эгвильетами, на подобіе знаменитыхъ эгвильетовъ герцога Букингэма, любимаго героя дамъ тогдашняго общества, анекдоты о роскоши котораго, о его побѣдахъ и элегантности, вызывали тогда особое сочувствіе между русскими петиметрами и ихъ очаровательницами. Андрей Васильевичъ имѣлъ полное право думать, что роскошный костюмъ его, по своему богатству, не уступалъ самымъ великолѣпнымъ костюмамъ Букингэма.

Если къ этому прибавить еще, что легко напудренный, маленькій парикъ красиво оттѣнялъ его свѣжій и молодой цвѣтъ лица, тонкія, темныя, союзныя брови и выразительные глаза; что маленькая треуголочка съ плюмажемъ и брилліантовою кокардою и игрушка-шпага, осыпанная рубинами и брилліантами, дополняли съ полнымъ эффектомъ этотъ и безъ того эффектный костюмъ, если и оглянуть все это съ точки зрѣнія версальскаго петиметра, который съ перваго взгляда замѣтилъ бы и оцѣнилъ пріобрѣтенныя Андреемъ Васильевичемъ изящество манеръ, ловкость, грацію и сдержанность,—то нельзя было не признать, что съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, Андрей Васильевичъ былъ безукоризненъ.

Осмотрѣвъ себя со всѣхъ сторонъ въ тройное трюмо, Андрей Васильевичъ остался доволенъ. Онъ поѣхалъ въ зимній дворецъ, вспоминая, съ какимъ выразительнымъ взглядомъ встрѣчала его всегда неприглаженная и непричесанная Анна Леопольдовна и съ какимъ любопытствомъ оглядывала каждую мелочь его одежды. Онъ

думалъ:—«вѣрно она встрѣтитъ меня одна съ Менгденъ. Теперь играющимъ еще рано собраться. Хотя она будетъ смотрѣть немножко хмуро, такой уже у нея взглядъ, но съ видимымъ наслажденіемъ. А Менгденъ будетъ болтать, но болтать, какъ было до сихъ поръ, въ его руку. Потомъ Анна Леопольдовна протянетъ ему свою ручку, которую онъ почтительно поцѣлуетъ. Можетъ быть она, какъ это было вчера,—съ краскою удовольствія на лицѣ, вспоминаетъ Андрей Васильевичъ,—пожметъ мнѣ при этомъ руку своими двумя пальчиками, вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, (Андрей Васильевичъ поцѣловалъ то мѣсто своей руки, которое, чувствовалъ онъ вчера, сжималось нѣжными пальчиками правительницы) и тогда можетъ быть скажетъ то, что ясно хотѣла сказать вчера. А вѣдь она миленькая, какая она стройная! Я не видалъ даже дѣвушки съ столь тонкою и стройною таліею. Очень жаль только, что она такъ мало думаетъ о себѣ; жаль также, что она любитъ хмуриться. Но если я буду на мѣстѣ Бирона, то постараюсь все это измѣнить. Я буду самъ заниматься ея костюмомъ, самъ одѣвать ее, и ей не будетъ скучно одѣваться подъ моимъ руководствомъ. А хмурость ея заставимъ исчезнуть отъ всегдашней нѣжности, тонкаго вниманія и болѣе или менѣе собственной веселости. Вѣдь не хмурится же она съ Менгденъ; разумѣется не будетъ хмуриться и со мною, и тогда она будетъ прехорошенькая!.. Главное, все будетъ въ моихъ рукахъ! Я сейчасъ-же этого оракула, эту всезнайную лисицу Остермана по-шенямъ! Довольно ему морочить людей и своимъ нѣмцамъ открывать дорогу. Буду на первое время просить фельдмаршала принять все на свои руки, пока самъ не выучусь. Этотъ хоть и интриганъ, но во первыхъ, дѣйствительно способный и полезный человѣкъ,—инженеръ и военачальникъ, какихъ немного; а во вторыхъ, хоть и поддерживаетъ нѣмцевъ, но не закрываетъ дороги и русскимъ. А что онъ сравнялъ жалованье русскихъ офицеровъ съ нѣмцами,—этого нельзя не признать заслугою! Остерманъ же—это подземная крыса, это кротъ, ведущій теперь свою интригу видимо противъ меня, хотя всегда былъ хорошъ съ моимъ дядей. Нужно разбить, уничтожить всѣ ихъ предположенія, которыя могутъ препятствовать моему будущему. Князья Зацѣпины должны быть князьями Зацѣпиными, а не возиться въ самомъ дѣлѣ пѣхую жизнь

съ мужиками. Дядя правъ, когда говорилъ, что наше дѣло—правительство, дворъ, армія, политическія отношенія....

Такимъ образомъ племянникъ всталъ уже на точку зрѣнія своего дяди, извѣстнаго и великолѣпнаго князя Андрея Дмитріевича, т. е. на точку зрѣнія французской аристократіи, думавшей, что она создана на свѣтъ, какъ привиллегированная порода людей, созданныхъ иначе, чѣмъ эти плебеи—народъ, сотворенный для того только, чтобы служить ей и чтобы ей было кому благодѣтельствовать. Въ понятіяхъ своихъ, Андрей Васильевичъ, незамѣтно для него самого, отошелъ уже отъ того родоваго начала древнихъ русскихъ князей, которое держали въ умѣ еще отецъ и дѣдъ его, что они призваны княжить на землѣ русской, чтобы служить русскому народу. Они говорили: мы имѣемъ право получать отъ народа кормы и мыты, но за то обязаны оберегать землю русскую отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, сохранять въ ней порядокъ и правду, поддерживать въ ней народныя права и вольности. Въ противорѣчіе этому, переходящему изъ рода въ родъ убѣжденію, отрицавшему даже права своего дома, въ его московской вѣтви, самодержавствовать на Руси, Андрей Васильевичъ теперь начиналъ думать, что народъ для него, а не онъ для народа, совершенно такъ же, какъ думали это Сен-Марсы, д'Егриньоны, Гизы и Монморанси,—всѣ тѣ, которые получили свои права побѣдою и кровью, а не были избраны, по соизволенію Божію, волей всего народа, и какъ потому никогда не думали ни Ольговичи, ни Ростиславичи, ни Мономаховичи.

Легко и удобно было усвоить русской аристократіи этотъ французскій взглядъ, при существованіи крѣпостнаго права, придуманнаго или лучше сказать заимствованнаго отъ тѣхъ же нѣмцевъ, къ которымъ русскій народъ относилъ и французовъ, и перенесеннаго на русскую землю, хотя не Рюриковичемъ, но съ которымъ и Рюриковичи охотно примирились. Ни противорѣчія, ни борьбы не вызвало въ русской аристократіи новое міровоззрѣніе, столь противоположное вѣковымъ преданіямъ русской жизни, столь противорѣчащее основнымъ началамъ ихъ родоваго права. Понятно, оно такъ пріятно было для аристократіи по самой сущности, такъ льстило ея самолюбію, «дескать, мы сдѣланы изъ фарфора, а тѣ изъ простой глины,

какое-же тутъ можетъ быть сравненіе?» что говорить о ея противодѣйствіи новому наставленію было немыслимо.

Андрей Васильевичъ былъ послѣднимъ изъ русскихъ князей, ставшихъ на эту точку міровоззрѣнія. Прошелъ съ небольшимъ только одинъ годъ послѣ того, какъ онъ горячо отстаивалъ мысли своего отца, что кто хочетъ пользоваться правомъ, принимай на себя и обязанности, а онъ уже думалъ, что онъ можетъ счастливить однимъ своимъ именемъ; что ему, какъ князю Рюриковичу, должно быть открыто все, и что его предназначеніе управлять, тогда какъ другіе созданы, чтобы ему повиноваться; что это есть высшая небесная воля, законъ природы, законъ существованія. Отсюда выводъ естественный: онъ, избранникъ судьбы, долженъ быть представителемъ всего изящнаго и высокаго, стало быть долженъ быть поклонникомъ наслажденія, какъ его дядя Андрей Дмитріевичъ. Разумѣется, въ этомъ мнѣніи своемъ онъ не дошелъ еще до крайнихъ предѣловъ такого міровоззрѣнія; впрочемъ вѣроятно только по недавнему усвоенію тѣхъ космополитическихъ идей, которыя съ перваго раза поразили его въ изящномъ и дѣйствительно европейски развитомъ его дядѣ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что дядя его все свое знаніе, всю свою развитость, все свое изящество употреблялъ исключительно на самоудовольствованіе своей особы и питаніе своего эгоизма, — эгоизма, доходящаго до самообожанія, до пантеизма древнихъ. Андрей Васильевичъ не стыдился еще, ради обязанности быть изящнымъ, исключительнымъ, говорить на своемъ родномъ языкѣ, хотя и говорилъ большею частью по-французски, сперва для практики, потомъ по привычкѣ и находя болѣе удобнымъ выражать свои мысли на выработанномъ языкѣ французовъ, чѣмъ на тяжеломъ, необработанномъ русскомъ жаргонѣ тогдашняго общества. Онъ не считалъ неприличнымъ заслушаться русской пѣсни, которой въ дѣтствѣ отдавался со всѣмъ увлеченіемъ; не находилъ варварствомъ похвалить русскую кулебяку или русскій квасъ, хотя былъ не прочь кушать суп à la Colbert, и пить шампанское. Но очень можно было ожидать, что если у него будутъ дѣти, то пожалуй они, не стыдясь, будутъ картавить по-русски, заявляя, что они никакъ не могутъ привыкнуть къ выговору этихъ шипящихъ, варварскихъ буквъ; будутъ приходить въ ужасъ отъ

русскихъ щей и каши; назовутъ русскую пѣсню, то задушевную, то лихую, удалую, горлодранѣемъ, а русскую поэзію мужичествомъ, и будутъ смотрѣть на русскаго мужика именно, какъ на ньючную скотину, которую эти негодяи управляющіе, разные Карлы Карловичи, не умѣютъ или не хотятъ заставить, какъ слѣдуетъ, платить оброкъ. Удивительно-ли, что они отойдутъ отъ народа настолько, что не будутъ понимать ни нуждъ его, ни желаній, какъ, въ свою очередь, народъ не будетъ понимать ихъ. А при такомъ положеніи, понятно, что перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, устройствѣ, личномъ составѣ будутъ для народа совершенно безразличны.

Андрей Васильевичъ всталъ уже на эту почву антирусскаго аристократизма; сталъ на ту почву феодальнаго презрѣнія ко всему, неимѣющему феодальныхъ правъ, которые столь несообразно отождествляло любимое народомъ русское боярство и дружинниковъ древнихъ русскихъ князей, образовавшихся изъ ихъ преемственныхъ заслугъ русскому народу, съ тѣми подавляющими и ненавидимыми народомъ началами европейскаго феодализма, которыя произошли изъ условій побѣды одной расы надъ другою и гнета, наложеннаго побѣдителями на побѣжденныхъ. Онъ забылъ, какъ въ русской жизни нижегородскій мѣщанинъ и родовой князь Пожарскій, тоже Рюриковичъ, дружно стали на защиту родной земли; забылъ, что князь, тоже Рюриковичъ и первый боярин царской думы, а потомъ и царь, Василій Ивановичъ Шуйскій дружески относился къ купцу Коневу, разсуждая о бѣдствіяхъ и нуждахъ отечества во время перваго самозванца; забылъ, что самый предокъ предковъ ихъ Ярославъ Мудрый слушалъ совѣты именитаго гражданина Великаго Новгорода Вадима Гостомысловича..!

А становясь на такую почву отрицанія преданій русской жизни и исторической преемственности русскихъ родовыхъ началъ и начиная отвергать свою солидарность съ условіями нашей народности, князь Андрей Васильевичъ, опять не замѣтно для самого себя, измѣнялъ и чувству общечеловѣчности. Впадая въ космополитизмъ, онъ естественно отказывался отъ того, что присуще человѣку, какъ человѣку. Незамѣтно для самого себя, какимъ-то неотразимымъ притяженіемъ событій, онъ вдавался въ то проходимство, отъ котораго онъ вздрогнулъ съ ужасомъ и омерзеніемъ, когда

дядя говорилъ ему объ отношеніяхъ Бирона и Левенвольда, разсказывая, что они милость покровительствующей имъ женщины разыграли между собою въ карты. Вотъ и теперь онъ ѣхалъ въ зимній дворецъ, чтобы затмить, вытѣснить соперника, и занялся исключительно своими честолюбивыми надеждами, забывая что въ то же время, тихое и скромное дитя, когда-то составлявшее идеалъ его мечты, и съ такою довѣрчивою преданностью готовое отдать ему всю себя,—дитя, разбитое и матеріально и нравственно, везлось куда-то, подъ конвоемъ неумолимыхъ тюремщиковъ и подъ гнетомъ нелюбившихъ ее воспитателей, которые тяжесть своихъ страданій грубо переносили на нее. Онъ забылъ Гедвигу Биронъ; не отвелъ ей уголка даже въ мечтѣ своей, даже въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ. Онъ даже не подумалъ, что вотъ когда я буду на мѣстѣ Бирона, то облегчу ея страданія. Онъ вовсе не думалъ о ней, забылъ о ея существованіи. На сердечное письмо ея, онъ не послалъ ни одного слова утѣшенія. Да и когда тутъ было писать, среди придворной суеты, среди положенія, вызывающаго невольное волненіе. А бѣдная дѣвушка плакала, упрекая въ глубинѣ души тюремщиковъ и думая, что только ихъ жестокость лишила ее утѣшенія, хотя бы въ одномъ словѣ участія...

Онъ вошелъ въ зимній дворецъ, но его не ждали. Никто не говорилъ, что правительница два раза выходила и спрашивала его, что m-lle Менгденъ хотѣла посылать и проч. Онъ приписалъ это тому обстоятельству, что пріѣхалъ раньше обыкновеннаго, и спросилъ, кто у принцессы? Ему отвѣчали, что польско-саксонскій посланникъ графъ Линаръ; что онъ обѣдалъ сегодня у правительницы; что за обѣдомъ, кромѣ принца Антона и баронессы-наперстницы, никто не былъ; но что теперь принца Антона нѣтъ, а они сидятъ втроемъ съ графомъ Линаромъ. Андрея Васильевича эти слова передернули, но въ ту же минуту онъ самонадѣянно подумалъ: «тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ встрѣтимся лицомъ къ лицу».

Имѣя право по вечерамъ входить къ правительницѣ безъ доклада, онъ вошелъ.

Правительница и Менгденъ сидѣли на маленькомъ диванѣ подлѣ столика; напротивъ ихъ сидѣлъ графъ Линаръ и что-то читалъ.

Правительница сидѣла прямо противъ входныхъ дверей и разу-

мѣется не могла не замѣтить входа Андрея Васильевича и его нѣжно-дипломатическаго, почтительнаго поклона, сдѣланнаго по всѣмъ правиламъ хореографіи, какъ требовалось модою того времени. Но мысли Анны Леопольдовны были видимо слишкомъ далеко отъ того, что было у ней передъ глазами, и она безмолвно кивнула ему головою. Менгденъ тоже ограничилась только движеніемъ головы, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы онъ не шумѣлъ.

«Эге, подумалъ Андрей Васильевичъ,—да дѣло-то выходитъ хуже, чѣмъ я думалъ. Бывало даже въ пылу игры она находила возможнымъ оторваться для милостиваго и добраго слова».

Графъ Линаръ окончилъ чтеніе, но Анна Леопольдовна не измѣнила своего холоднаго тона, хотя и пригласила его присоединиться къ ихъ кружку и представила его и графа Линара другъ другу, проговоривъ съ своимъ обычнымъ, задумчивымъ видомъ:

— Графъ, это одинъ изъ моихъ молодыхъ друзей, князь Андрей Васильевичъ Зацѣпинъ, потомокъ одного изъ знаменитѣйшихъ родовъ русскихъ; посолъ короля польскаго и курфирста саксонскаго, графъ Линаръ.

Они отдали взаимно другъ другу церемонные поклоны и заняли мѣста кругомъ столика, причемъ Андрею Васильевичу досталось сидѣть подлѣ правительницы; но отъ этого ему было не лучше, потому что вниманіе Анны Леопольдовны видимо сосредоточивалось на графѣ Линарѣ. Менгденъ тоже была занята исключительно имъ.

Онъ взглянулъ на графа Линара и его поразила та строгая, правильная, нѣжная и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественная красота, которою отличался графъ. Очеркъ лица графа и тонкія черныя, почти сошедшіяся брови дѣйствительно нѣсколько походили на его собственныя, какъ съ перваго взгляда замѣтили Менгденъ и правительница; но какая разница въ выраженіи, въ силѣ. Темно-каріе глаза графа, то бросали искры, то покрывались матовою нѣжностью, подъ вліяніемъ впечатлѣній, исходившихъ изъ предметовъ, которыхъ касался разговоръ, или принимали глубоко-спокойное выраженіе мысли, разума, анализа, и потомъ опять сверкали страстью. Тонкіе, черные, вьющіеся кверху усы польско-саксонскаго гусара, предетавляя рѣзкое отличіе тогдашнему обычаю, оттѣняли нѣжное, свѣжее лицо уже совершеннолѣтняго и въ цвѣтѣ красоты мужчины и придавали

лицу его выраженіе мужественности, энергіи, силы; улыбка, необыкновенно пріятная и дѣлающая ямочку на правой щекѣ, вызывая симпатію, располагала и объясняла тотъ необыкновенный успѣхъ, которымъ пользовался графъ Динаръ въ обществѣ.

Притомъ графъ Динаръ былъ высокъ, строенъ, изященъ и ловокъ до чрезвычайности. По изяществу, благородству пріемовъ и движеній, въ цѣломъ Петербургѣ онъ могъ сравниться только съ дядею Андрея Васильевича, княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, но имѣлъ разумѣется передъ нимъ преимущество молодости и свѣжести. Голосъ графа былъ мелодическій, нѣжный и выработанный до совершенства. Андрей Васильевичъ не слыхалъ, нѣтъ ли когда графъ Динаръ; но при первыхъ звукахъ его голоса онъ угадалъ, что такимъ образомъ выработать голосъ можно только обучаясь пѣнію и декламаціи съ дѣтства. Своимъ голосомъ онъ принималъ и умѣлъ передавать самые тонкіе оттѣнки мысли, вмѣстѣ съ тѣмъ его голосъ былъ звученъ, силенъ, способенъ на всѣ изгибы и видимо могъ увлекать. Притомъ графъ Динаръ обладалъ еще достоинствомъ, весьма рѣдкимъ у насъ даже до сихъ поръ: умѣньемъ слушать. Онъ не пропускалъ ни одного, даже самаго ничтожнаго замѣчанія, не выслушавъ его, съ тою спокойною и пріятною улыбкою, которая заставляетъ видѣть, что ваши слова цѣнятъ, вашимъ мнѣніемъ интересуются и хотятъ его усвоить. А это дѣлало разговоръ графа Динара весьма пріятнымъ для всѣхъ; даже для тѣхъ, кто не могъ понять ни его высокаго образованія, ни обширной эрудиціи и далеко не дюжиннаго краснорѣчія, умѣряемаго свѣтскою сдержанностью и любезностью.

Разговоръ палъ о предчувствіяхъ. Графъ Динаръ доказывалъ возможность предчувствій и ихъ несомнѣнную вѣрность, путемъ историческихъ примѣровъ и аналитическаго разсмотрѣнія физическихъ условій ихъ появленія. Невозможно себѣ представить того фейерверка остроумія и той увлекательности, съ которыми онъ поддерживалъ свои странныя и парадоксальныя положенія, стараясь доказать, что человѣкъ можетъ самъ въ себѣ вызвать способность предвидѣнія, и что въ такой способности нѣтъ ничего сверхъестественнаго; но что, напротивъ, она имѣетъ свою научную почву въ современныхъ открытіяхъ. Высокая образованность графа и ловкая

діалектика его въ этихъ объясненіяхъ можно сказать была ключемъ. Передъ входомъ Андрея Васильевича онъ читалъ отрывки изъ Метастазіо, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ предчувствовалъ появленіе любимой имъ дѣвушки, такъ какъ въ ней находилась часть его души. Эти слова поэта онъ примѣнялъ къ себѣ, объясняя, что въ самый день своего отозванія изъ Петербурга, по требованію покойной императрицы, почти шесть лѣтъ назадъ, онъ предчувствовалъ свое сегодняшнее свиданіе. Разумѣется, Анна Леопольдовна должна была опустить глаза свои долу. Затѣмъ онъ перешелъ къ характеру понятій о предчувствіи древнихъ, къ ихъ алегорическимъ представленіямъ души, изъ свойствъ которой они выводили естественность предчувствія; говорилъ о религіяхъ грековъ и римлянъ, о элевзинскихъ таинствахъ египтянъ, изъ которыхъ Пиѳагоръ заимствовалъ свое ученіе о переселеніи душъ, а Платонъ—о ихъ взаимномъ сродствѣ и симпатіи. Все это графъ пересыпалъ сольо остроумія, множествомъ анекдотовъ и самой легкой, свѣтской любезностью. Не заслушаться его не было возможности.

Андрей Васильевичъ видѣлъ, что Анна Леопольдовна и Менгденъ его не только заслушивались, но можно сказать, что, слушая его, онѣ таяли отъ восторга.

И онъ самъ слушалъ графа съ большимъ удовольствіемъ, хотя многаго и очень многаго не понималъ, тѣмъ болѣе, что Линаръ часто отъ французскаго языка обращался къ итальянскому, читая итальянскихъ поэтовъ въ подлинникѣ; а по-итальянски, Андрей Васильевичъ только началъ учиться и весьма еще мало понималъ; еще менѣе понималъ онъ цитаты изъ Виргилія, Овидія и Плавта. Когда же Линаръ перешелъ къ научнымъ объясненіямъ, сталъ говорить о какомъ-то электричествѣ, опытахъ какого-то Винклера, съ которымъ графъ былъ знакомъ лично, о мнѣніи, что электричество было извѣстно египетскимъ жрецамъ и составляло одно изъ таинствъ элевзинскихъ вѣрованій, такъ какъ, среди обрядовъ египетскаго богослуженія, были пріемы, доказывающіе знакомство жрецовъ съ этою силою, посредствомъ которой, по опытамъ Винклера, можно пожалуй будетъ разговаривать другъ съ другомъ на сотню верстъ,—то Андрей Васильевичъ почувствовалъ, что онъ не понимаетъ ничего, не понимаетъ даже того, о чемъ идетъ рѣчь.

Какая такая можетъ быть сила, которая дѣлаетъ ничтожнымъ пространство въ сотни верстъ?.. Не морочитъ-ли ужъ онъ ихъ всѣхъ?..

Тутъ онъ понялъ сущность разности между дѣйствительною образованностью и только ея внѣшнею стороною; понялъ, что можно носить французскій кафтанъ и манжеты, пить шампанское, говорить по-французски и быть въ то же время не только полуобразованнымъ, но и вовсе необразованнымъ человѣкомъ. Напримѣръ, что такое онъ самъ, съ пріобрѣтеннымъ имъ лоскомъ свѣтскости, французскимъ и нѣмецкимъ языками и убогими знаніями кое-чего изъ исторіи Франціи и крестовыхъ походовъ, изъ французской литературы, преимущественно золотаго вѣка, т. е. царствованія Людовика XIV, и изъ кое-какихъ общихъ мѣстъ моральной философіи и мифологіи? Между тѣмъ образованіе требуетъ знанія положительнаго, фундаментальнаго знанія жизни и природы. А изъ исторической жизни онъ не знаетъ почти ничего, о природѣ же никогда и не думалъ... Онъ видѣлъ, что и правительница, и Менгденъ слушаютъ графа, какъ говорятъ, разиня роть. Но все же онѣ могутъ понимать его, стало быть по образованію на столько выше его, роднаго князя Зацѣпина, на сколько знаніе выше невѣжества. Что же значитъ онъ, противъ этого блестящаго графа, блестящаго не костюмомъ только и манерами, но умомъ, знаніемъ, остроуміемъ,— что онъ? Полуобразованный мальчикъ и больше ничего!

Не смотря однакожъ на то, что графъ Линаръ рѣшительно приковалъ къ себѣ вниманіе, какъ правительницы, такъ и Менгденъ, Андрей Васильевичъ нашелъ случай напомнить Аннѣ Леопольдовнѣ вчерашнее приказаніе ему явиться пораньше. Но на это Анна Леопольдовна отвѣтила ему какъ-то неохотно:

— Ахъ да! точно! Только извините, князь, я позабыла совсѣмъ, что вчера хотѣла вамъ сказать... Потомъ, помолчавъ немного, она прибавила: — а не правда-ли, графъ Линаръ очень уменъ?

И она опять стопла слушать своего графа.

«Нѣтъ, этого мнѣ изъ сѣдла не выбить»! подумалъ Андрей Васильевичъ. А какъ къ это время начали уже съѣзжаться для игры, пріѣхалъ гофмейстеръ правительницы Минихъ-сынъ, съ своею женою, родною сестрою Менгденъ, пріѣхалъ англійскій посланникъ Финчъ и австрійскій — маркизъ де-Ботта, то Андрей Васильевичъ

счелъ за лучшее исчезнуть. «Если она вспомнитъ обо мнѣ, то пришлетъ; а нѣтъ, то насильно милъ не будешь»! думалъ онъ. Но самолюбіе его сильно страдало; страдало такъ, что ему уже казалось, что онъ былъ страстно влюбленъ въ правительницу и что любовь его приняла печальный исходъ...

«Постой, сказалъ онъ себѣ,—не поѣду нѣсколько дней. Пришлютъ ли, замѣтятъ ли»?

И какъ ни скучно, какъ ни досадно было, но онъ не поѣхалъ. Но за нимъ не прислали и его не замѣтили!

Когда назначенный имъ себѣ срокъ прошелъ, онъ снова явился во дворецъ, но увы! только для того, чтобы убѣдиться, что о немъ совершенно забыли. Правительница сидѣла за картами, когда онъ вошелъ, и сказала ему только:

— А! это вы, князь! — Менгденъ, которая не была ничѣмъ занята, встрѣтила его подобнымъ же замѣчаніемъ.

— Вотъ и вы, сказала она; а мы все это время были заняты нашимъ графомъ; не правда-ли—умный и красивый господинъ?

— Да, нельзя не отдать ему справедливости, скрѣпя сердце долженъ былъ отвѣчать Андрей Васильевичъ. — Весьма пріятный собесѣдникъ!

— И какъ онъ знаетъ все, сколько онъ видѣлъ, читалъ... Его слушаешь и не видишь, какъ время идетъ. Вчера, помните...

— Меня вчера здѣсь не было.

— Не было? я и не замѣтила! Вчера, представьте, онъ разсказывалъ о вліяніи грома на рыбъ. Жаль, что васъ не было, вы бы послушали, это такъ интересно. А послѣ завтра у насъ будетъ торжественная аудіенція. Анюта будетъ подъ балдахиномъ стоять; приходите посмотрѣть!

Андрей Васильевичъ не сказалъ ни слова. Онъ уѣхалъ изъ дворца незамѣченный никѣмъ, какъ не замѣченъ былъ, когда и пріѣхалъ; только принцъ Антонъ подошелъ къ нему передъ отъѣздомъ и сказалъ:

— Что это вы нынче такъ блѣдны, князь? я бы совѣтовалъ вамъ пріобрѣсти гарлемскихъ капель. Чудо какъ помогаютъ отъ всякаго разстройства!..

По пріѣздѣ домой, Андрей Васильевичъ сейчасъ же послалъ доложить дядѣ о томъ, что онъ проситъ позволенія его видѣть. Князь Андрей Дмитріевичъ приказалъ его звать.

— Представь себѣ, Андрей, сказалъ ему дядя, какъ только онъ къ нему вошелъ,—я сію минуту чуть не былъ свидѣтелемъ страшнаго изувѣрства; могу даже сказать, что это изувѣрство не совершилось только благодаря моему присутствію. И, главное, странно, что тутъ замѣшаны твои люди! Нужно тебѣ сказать, что здѣсь открылась весьма опасная безпоповская секта хлыстовъ. Эта секта не признаетъ брака. Она доводитъ свое ученіе о равенствѣ правъ человѣка до такихъ предѣловъ, что ставитъ человѣка на степень животнаго. Они говорятъ, что у Бога нѣтъ ни красивыхъ, ни безобразныхъ, ни старыхъ, ни молодыхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,—что всѣ равны, всѣ одинаковы, поэтому всѣ должны пользоваться одинаковыми благами. «За что же, говорятъ они,—одному достанется жена старая и безобразная, а другому—молодая и красивая? Точно также за что одной достанется мужъ молодой, здоровый и красивый, а другой—ледящій, хворый и старый? Находятся и такія, которыя цѣлую жизнь изживутъ, а себѣ мужа не достанутъ, особенно бѣдныя и некрасивыя...» Поэтому они и рѣшили между собою, что всѣ принадлежатъ всѣмъ: кому когда что Богъ дастъ. Коноводомъ этой секты Ермилъ Карпычъ, помнишь тотъ, у кого мы съ тобой занимали деньги. Ну, онъ разумѣется не изъ таковскихъ, чтобы его можно было на софизмахъ ловить; но какъ тутъ дѣло оказалось нежданно выгоднымъ, такъ что самый капиталъ его можетъ быть образовался благодаря этому сектаторству, то онъ и принимаетъ въ немъ горячее участіе. Я эту секту давно знаю; но какъ я не генералъ-губернаторъ, не начальникъ полиціи и не управляющій тайною канцеляріею, то я молчу. Пользуюсь, какъ грѣшный человѣкъ, этою сектою втихомолку, когда случается тамъ что нибудь особое, и мнѣ по вкусу. Ну да дѣло не въ томъ!

Одною изъ начетчицъ была у нихъ Ѳекла, изъ крѣпостныхъ твоего отца, та самая, которую, помнишь, ты посылалъ ходить за принцессою Гедвигою, когда Бироны были уже арестованы, и которой еще, по твоему приказу, въ конторѣ выдали двѣсти рублей, и она до того обрадовалась, что въ конторѣ же было запѣла свою

радѣнную пѣсню. Ота Оекла, когда еще жила съ мужемъ въ Зацѣпинѣ, была въ связи съ твоимъ кучеромъ Елпидифоромъ, тогда почти мальчишкою. Ну связь эта разумѣется прекратилась, когда она уѣхала. Только какъ ты съ Елпидифоромъ пріѣхалъ, они встрѣтились и сошлись. Нужно сказать, что у нихъ правило: живи со всѣми и для всѣхъ, а на сторону или по уговору съ кѣмъ, хотя бы изъ своихъ,—ни, ни! Первый разъ эпитимію тяжную наложатъ; второй разъ, въ присутствіи всѣхъ больно, чуть не до полусмерти, высѣкутъ; а на третій разъ—смертная казнь. Выкупаютъ, какъ есть въ платьѣ, въ смолѣ, привяжутъ къ столбу, да и зажгутъ, а сами свое радѣнье начнутъ. Не то окунь за себя вноси, и большой окупъ, и изъ ихъ компаніи изгоняешься навсегда... Если же виновная, правильнѣе подозрѣваемая, не признается, то производится испытаніе огнемъ: насыплютъ въ пригоршню горячихъ угольевъ и держи, твердя молитву: «Господи Исусе Христе помилуй насъ», пока Ермилъ Карпычъ не скажетъ «аминь». Не выдержишь, бросишь, стало быть виновата, и дѣло съ концемъ. Можетъ быть никто бы ничего и не зналъ о томъ, что Оеклѣ захотѣлось старинку вспомнить, и вѣрно никто бы не подозрѣвалъ, такъ какъ она уже стара и никакаго подозрѣнія не могло быть въ томъ, что къ ней земляки и она къ землякамъ заходитъ, да дура сама на духу Ермилу Карпычу сказала, послѣ того, какъ первый-то разъ свидѣлись; думала, что выдержитъ. Ну на нее и наложили тяжелую эпитимію, что-то двѣсти поклоновъ утромъ, да двѣсти вечеромъ и цѣлую недѣлю въ молчаніи на всю братію хлѣбы печь. Выполнила; но за ней уже наблюдать начали. Послѣ перваго же раза какъ твой кучеръ зашелъ къ ней, ее и потребовали къ исповѣди. Она, вспомнивъ, что теперь ужъ не поклоны, а розги будутъ, да какія розги—самыя изувѣрскія, заперлась. Ну вотъ ей огненное испытаніе и предстояло...

— И Елпидифору тоже?

— Нѣтъ! Онъ въ секту еще принятъ не былъ, клятвы не давалъ. Его обязали только молчать обо всемъ, что знаетъ и видѣлъ, и не показываться къ нимъ подъ угрозою, что будетъ изъ-за угла убитъ какъ собака.

— Такъ я его поскорѣй въ деревню отправлю, попрошу другаго

на перемѣну прислать, хотя и жаль—хорошій кучеръ! А что же Оська? Неужели выдержала испытаніе?

— Что ты! въ моемъ-то присутствіи? Это была бы уголовщина, чортъ знаетъ что такое! Послѣ втораго раза вѣдь былъ бы третій. Нѣтъ, я такихъ вещей не люблю! Вотъ пошалить, позабавиться, стариною тряхнуть, это дѣло особаго рода; а чтобы къ уголовщинѣ припутаться—нѣтъ! Слуга покорный! Я щепнулъ слово Ермилу Карпычу, а ей велѣлъ скорѣй признаваться, да просить назначить окупъ на выходъ. Впрочемъ мнѣ и настаивать на этомъ не приходилось. Какъ принесли жаровню, такъ она такъ испугалась, что если-бы и точно ничего не было, такъ на себя бы налгала. Окупу назначили триста рублей. Она двѣсти сейчасъ же внесла, что ты ей далъ, а, дѣлать было нечего, ста рублями я помогъ! Все дѣло тѣмъ и кончилось. Главное, чѣмъ я доволенъ, что, кромѣ Ермилы Карпыча, никто не узналъ, что, по своей вѣчной страсти къ молодости, авантюрамъ и красотѣ, фигурировалъ въ ихъ шайкѣ неприступный и блестящій князь Зацѣпинъ, вице-адмиралъ и андреевскій кавалеръ. За одно это можно было и не сто рублей пожертвовать!

— Такъ что мои денежки, вмѣсто бѣдной женщины, къ тому же богачу Ермилу Карпычу попались?

— Какъ быть, другъ мой! Капиталъ, что большая рѣка, принимаетъ въ себя всѣ ручьи и маленькія рѣчки!

— Да, вотъ тутъ и разсуждайте о трудѣ! Такъ или иначе, а капиталъ все себѣ забираетъ... Дядюшка, я хотѣлъ съ вами поговорить. Мнѣ бы хотѣлось ѣхать въ Парижъ поучиться!

— А что, развѣ наши честолюбивые замыслы не выгораютъ?

— Не то что не выгораютъ; они пошли было...

— Да это-то я знаю, что пошли было; но...

— Пріѣздъ этого...

— Это тебѣ Остерманъ подсахарилъ. Онъ замѣтилъ, что ты ближе къ Минихамъ, чѣмъ къ нему, и...

— А я чувствую, что въ томъ видѣ, какъ я есть, я не въ силахъ сбить соперника съ позиціи. Поэтому лучше уступить и явиться въ новомъ видѣ, чтобы сражаться равнымъ оружіемъ.

— Въ тебѣ столько практической смѣтки, что не могу не вы-

сказать моего одобренія. Точно, оставаясь здѣсь, ты можешь надѣлать глупостей, а уѣхавъ и возвратясь можешь представить прелесть новизны, тогда какъ твой соперникъ пожалуй успѣетъ надоѣсть какъ горькая рѣдька. Раздѣляю твой взглядъ, Андрей, и, знаешь, ѣду съ тобой, чтобы, какъ сказалъ какой-то поэтъ: «утренней зарей молодости освѣтить свой вечерній закатъ»! Вдемъ, другъ! Я тамъ помогу тебѣ, представлю кому слѣдуетъ, введу въ общество. Хотя разумѣется многихъ нѣтъ, да все же кто нибудь и остался изъ моихъ прежнихъ друзей!

— Я завтра же подамъ прошеніе о дозволеніи...

— Намъ это все устроитъ Остерманъ. Онъ будетъ такъ радъ спровадить насъ обоихъ, что пожалуй сдѣлаетъ антрапа отъ радости на своихъ пухлыхъ ногахъ.

— Я надѣюсь за то отблагодарить его по возвращеніи.

— Не загадывай, другъ, такъ далеко впередъ! Въ жизни пользуйся настоящимъ, а не напирай на будущее.

И дядя съ племянникомъ разстались до завтра.

V.

Остерманъ.

Наступило лѣто 1741 года. Минихъ въ отставкѣ хозяйничаетъ въ Гостилицахъ. Герцога Бирона съ семействомъ увезли въ Пелымъ; братьевъ его Густава и Карла и его главнѣйшаго адгерента свояка, генерала Бисмарка, по разнымъ городамъ Сибири развозятъ; Бестужева къ смертной казни приговорили было, да смиловались, велѣли безвыѣздно жить въ своихъ деревняхъ; князья Зацѣпины, для поправленія здоровья, на безсрочное время отпущены въ Парижъ. Остерманъ царствуетъ.

Да какъ ему не царствовать, когда принцъ Антонъ только и свѣтъ видитъ, что въ глазахъ Остермана, а правительница-принцесса, которая теперь великою княгинею себя величать велѣла, любитъ лучше романы читать чѣмъ доклады слушать; любитъ лучше съ наперстницею Юліаною, да съ красавчикомъ Линаромъ по тѣнистому саду гулять, чѣмъ распорядокъ чинить. Ну а Остерманъ

сидитъ за работою, вдумывается, старается все предъугадать, все предупредить.

— Вотъ, благодаря французскому золоту, шведы войною грозятъ; нужно приготовиться, встрѣтить ихъ какъ слѣдуетъ. А тутъ вотъ еще политическая путаница. У насъ съ цесарскимъ дворомъ давній оборонительный союзъ заключенъ, конъюнктуры общіе въ разсужденіи турокъ и поляковъ, чтобы въ узде держать, имъ силу укрѣплять не давать, разсуждаетъ про себя Остерманъ.

— А тутъ, этотъ несытый честолюбецъ Минихъ разсердился на цесарскій дворъ за то, что онъ миръ съ турками заключилъ, когда онъ самъ только что викторіей заручился и на дальнѣйшую славу надѣялся, взялъ дѣло въ свои руки на три мѣсяца, да и заключилъ такой же союзъ съ королемъ прусскимъ, и еще въ такое время, когда прусскій король рѣшилъ на цесарскій дворъ напасть и Шлезію завоевать. Выходитъ, что по договору мы обязаны помогать союзнику противъ своего же союзника. Допустимъ, что выходъ изъ такой конъюнктуры всегда есть,—союзъ съ Пруссіей оборонительный и мы можемъ и той и другой сторонѣ предлагать добрыя услуги, помощи же ни которой сторонѣ не дадимъ; цесарскому двору станемъ указывать на шведскія угрозы, а прусскому королю, какъ чинящему нападеніе, мы помогать не обязаны. Но Франція, подъ рукой, намъ вельми злорадствуетъ, хотя наружно всякую дружескую апаренцію оказываетъ. Она желаетъ искони враждебный ей австрійскій дворъ въ ничтожество привести, прагматическую санкцію изорвать, земли габсбургскія раздѣлить и тѣмъ самой великую силу забрать. Для того она курфирста баварскаго, короля сардинскаго и Гишпанію на цесарскій дворъ напущаетъ и прусскія притязанія поддерживаетъ. Намъ допустить такихъ притязаній никакъ нельзя! Нужно клониться къ тому, чтобы Австрія въ союзѣ съ Пруссіей французскія диспотизы опровергнула. Но какъ Франція была посредницею въ мирѣ нашемъ съ Турціею и гарантировала его условія, то въ виду шведскаго вооруженія и желанія Швеціи сблизиться съ Портою для общаго на насъ нападенія, намъ нужно всячески ее менажировать и до явной злобы не допускать. Тутъ вотъ и надо подумать: какъ-бы всѣ эти инфлуансы на сторону своихъ конъюнктуръ перевести?..

— Ну, да теперь все въ моихъ рукахъ, думаетъ Остерманъ. Правда, въ кабинетѣ засѣдаютъ еще князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій, да графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, но это не такого рода люди, чтобы власть забрать могли. Для перваго, извѣстно, былъ бы хорошій поваръ, а тамъ ему хоть трава не расти, только его не трогайте! Ну, а Головкинъ не то: это человѣкъ честолюбивый, очень честолюбивый! Видите, отецъ-то его, графъ Гаврило Ивановичъ, въ кабинетѣ первымъ человѣкомъ былъ, такъ и ему хочется по отцу идти; притомъ онъ и великой княгинѣ правительницѣ сродни по Ромодановскимъ (*). Ну да гдѣ-жъ ему? Человѣкъ онъ болѣзненный, мнительный, къ дѣлу непривычный. Гдѣ ему работать?.. А не будетъ работать, не будетъ и управлять, всегда будетъ въ рукахъ работника. Все придется къ Андрею Ивановичу идти. Вотъ интриги разныя подводить, на это онъ мастеръ! Хоть бы и теперь какую штуку выдумалъ, да еще какъ хитро, первосвященнаго тутъ примѣшалъ, да черезъ Тимирязева и Менгденъ возьми и укажи правительницѣ: дескать, въ манифестѣ о принятіи правленія она сравнена съ Бирономъ, а въ манифестѣ о престолонаслѣдіи пропущены ея дочери. Виноватъ, дескать, Остерманъ. Онъ въ пользу принца Антона бьется, такъ нарочно дескать, чтобы вызвать затрудненія, пропустилъ. Да первый-то манифестъ не я и писалъ. Его писалъ Минихъ съ своими адгерентами. Да и то: все въ одну ночь сварганили, гдѣ тутъ въ каждое слово вдуматься. Манифестъ о наслѣдствѣ, правда, писалъ я, но меня тоже торопили; Биронъ чуть не на шеѣ сидѣлъ. Потомъ, когда я писалъ, такъ дочерей у нея не было; да въ немъ и ссылка на завѣщаніе императрицы Екатерины есть, а тамъ все ясно высказано. Кажется не о чемъ бы и разсужденіе имѣть! Я ровно не виноватъ ни въ чемъ. Такъ нѣтъ! Все валятъ на меня, все я виноватъ, всѣ ко мнѣ! Ну да

(*) Князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, носившій титулъ князя кесаря, сынъ князя кесаря Ѳедора Юрьевича, знаменитаго сподвижника Петра и начальника преображенскаго приказа, былъ женатъ на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, родной сестрѣ Царицы Параскевы Ѳедоровны, урожденной Салтыковой, бывшей за мужемъ за царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ,—роднымъ дѣдомъ принцессы Анны Леопольдовны. Графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ былъ женатъ на единственной дочери князя Ивана Ѳедоровича, княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, приходившейся такимъ образомъ Аннѣ Леопольдовнѣ двоюродной теткой.

ничего, мы отстоимся!.. Эхъ, не такъ бы я дѣло повернулъ, если-бы принцъ Антонъ былъ хоть немножко потолковѣе; а то... Ну какъ кажется не понять, что коли хочетъ православнымъ царствомъ заправлять, то и самому нужно православнымъ сдѣлаться. Этимъ онъ вызвалъ бы въ русскихъ сочувствіе, сталъ бы имъ своимъ, ихнимъ, и они бы стали стоять за него. Можно бы было потѣшить духовенство; отдать ему его имѣнія въ полное распоряженіе или тамъ что нибудь, да разослать десятокъ другой тысячъ по монастырямъ. У него образовалась бы партія, создалась бы сила. А то мямлитъ, мямлитъ; то того хочетъ, то другаго боится, а дѣла нѣтъ! Не то такую штуку выкинетъ, что руки опустишь. Вотъ обрадовался, что жена Миниху отставку подписала, вздумалъ съ барабаннымъ боемъ по улицамъ объявлять, будто побѣду какую праздновать. Минихъ справедливо обидѣлся. И вышелъ скандалъ, пришлось извиненія просить, а потомъ того же Миниха бояться и прятаться пока тотъ на островъ не переѣхалъ и потомъ въ свою Гостилицу не уѣхалъ; говоритъ: каналы рылъ, крѣпости строилъ и бралъ, указы на цѣлую имперію писалъ, не одно вѣдомство устроивалъ и управлялъ, а теперь—рѣпу сажать ѣду».

Разсуждая такимъ образомъ про себя, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ пересматривалъ проектъ дополнительныхъ статей къ союзному трактату съ Австріей, заключаемыхъ между цесарскимъ и саксонскимъ дворами и Россіей, по иниціативѣ графа Линара, но согласно мнѣнію графа Остермана и въ прямое противорѣчіе предположеніямъ графа Миниха, находившаго болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ Россіи союзъ съ прусскимъ королемъ, который удерживалъ бы шведовъ въ ихъ воинственныхъ стремленіяхъ. «А дорого бы, я думаю, далъ фелдмаршалъ, чтобы изорвать все, что мы здѣсь пишемъ, и написать тоже самое въ пользу прусскаго короля, думалъ Остерманъ.—Какъ ужъ онъ хлопоталъ, а не удалось таки! прибавилъ онъ съ самодовольствомъ.—Нашла коса на камень! А ужъ какой кажется орелъ былъ! Графъ Линаръ человѣкъ свѣтскій, блестящій,—онъ тоже работать не будетъ, поэтому Андрей Ивановичъ и ему завсегда благоугоденъ будетъ. Онъ очень самолюбивъ, ну чтожъ? Мы самолюбіе его будемъ разными цацами тѣшить, а дѣло будемъ все въ своихъ рукахъ держать. Правда до тридцать пятаго

года у насъ съ нимъ по политикѣ были не совсѣмъ гладкіе счеты; но онъ дипломатъ, прошедшаго не помнитъ, а смотритъ на будущее. По старымъ дѣламъ въ чемъ можно уступимъ, а теперь все же онъ ко мнѣ благодарность чувствовать долженъ. Положимъ, не для него а все же я помогъ. А то бы, какъ его сюда прислать, когда онъ по требованію нашего двора отозванъ былъ. Могъ бы великую конфузію получить. Намъ требовать тоже неловко было... А входитъ въ силу, большую силу забираетъ, такъ что пожалуй принца Антона и поздравить можно». И Остерманъ ѣдко улыбнулся.

Разсказываютъ, будто пошелъ онъ гулять по лѣтнему саду, ну и гуляетъ; видитъ, что жена его съ Менгденъ по дворцовому саду ходятъ, пошелъ туда,—ходитъ. Только ни жены, ни Менгденъ нѣтъ. Вѣрно, думаетъ, онѣ за рѣшетку ушли, въ третій садъ, что къ самой Румянцевской дачѣ подходитъ. Идетъ туда, какъ вдругъ передъ рѣшеткой, откуда ни возьмись, двое часовыхъ и передъ нимъ, генералисимусомъ-то, штыки скрестили.

— Вы меня не знаете? спросилъ онъ.

— Какъ не знать, ваше высочество! отвѣчаютъ,—изволите быть генералисимусомъ и шефомъ нашего полка.

— Что-жъ вы?

— Не приказано пускать никого, кромѣ тѣхъ, о коихъ наказъ данъ!

— А меня нѣтъ въ наказѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество!

Дѣлать было нечего; пришлось сердечному, скрѣпя сердце, похвалить часовыхъ за исправность и поворотить оглобли. Дѣло въ томъ, что изъ сада-то въ Румянцевскій садъ калитка продѣлана, а этотъ флигель вмѣстѣ съ садомъ графъ Линаръ нанялъ...

И Остерманъ характерно засмѣялся.

Вошелъ братъ жены Остермана, генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Стрѣшневъ.

— А, здравствуй братъ Николай Ивановичъ! Спасибо что навѣстилъ. Я хотѣлъ посылать за тобой.

— Очень радъ, братецъ, что нахожу васъ въ добромъ здоровьѣ; а сестра?

— Слава Богу! хлопочетъ тамъ по хозяйству; а мое здоровье—

извѣстно, хлопоты, да дѣла. Я за тобою хотѣлъ посылать вотъ по какому дѣлу... надѣюсь, ты не откажешь мнѣ услужить? Слышалъ ты, какую исторію о манифестѣ-то сочинили? Все это, скажу тебѣ по конфиденціи, графъ Михайло Гавриловичъ мины разныя подводить. Съѣзди-ка ты къ нему, поговори. Чего онъ хочетъ? Я всякое удовольствіе готовъ ему сдѣлать, чтобы намъ только въ союзѣ быть. А то оба ссору имѣть будемъ, оба и провалимся. Теперь же нужно держать себя твердо. Новый инфлуентъ въ силу входитъ. Этотъ будетъ, пожалуй, покрѣпче Бирона.

— Съ удовольствіемъ, братецъ! Только какъ прикажете: одному мнѣ ѣхать или съ братцемъ Василіемъ Ивановичемъ? Они вѣдь нонче очень съ графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ сошлись. Вмѣстѣ въ какихъ-то грязяхъ купаются.

— Что-жъ, съѣзди, и Васю попроси. Скажи: очень и очень обяжете; самъ отслужу.

— Такъ я сейчасъ ѣду, братецъ; заѣду за братомъ и вечеромъ отвѣтъ отъ графа Михайлы Гаврилыча привеземъ.

— Съ Богомъ! до свиданья!

Стрѣшневъ ушелъ, а Остерманъ вновь началъ перечитывать дополнительныя статьи трактата.

«Да, если-бы у меня подъ руками былъ такой военный человѣкъ, какъ Минихъ, думалъ онъ,—тогда другое бы дѣло было; а то нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! не на кого опереться. Ну вотъ Лесси и Кейтъ пріѣхали. Генералы-то они хорошіе, да иностранцы, по-русски ни бельмеса не смыслятъ и, ясно, въ войскѣ никакого инфлуанса имѣть не могутъ Нашего Альбрехта ребенокъ кругомъ обойдетъ. Простъ ужъ очень. Даже и не подозрѣвалъ, какъ Минихъ свою махинацію подводилъ; а еще помощникомъ его въ преображенскомъ полку считался. Ну, да и чиномъ малъ. Принцъ гомбургскій—трусъ! Апраксинъ на меня звѣремъ смотритъ, да и молодъ. Бутурлинъ—тотъ елисаветинецъ. Смотритъ на нее, а у самого слюнки бѣгутъ. Вотъ Стрѣшневы, тѣ свои, и малые смышленные, но тоже еще въ низшихъ генеральскихъ чинахъ обрѣтаются, да и большихъ военныхъ талантовъ въ нихъ незамѣтно. Развѣ Румянцева изъ Константинополя выписать? Тотъ генералъ-аншефъ, петровскій служака, Несговорчивый, крутой человѣкъ... да и тамъ

нуженъ. Но дѣлать нечего, пожалуй придется выписать, чтобы всѣмъ этимъ различнымъ пропозиціямъ конецъ положить. А то вотъ осенью Минихъ опять пріѣдетъ. Его сынъ, Юліана и всѣ эти миниховцы начнутъ клопотать и, чего добраго, отставнаго фельдмаршала съ графомъ Линаромъ сблизятъ. А не то, пожалуй, цесаревна Елисавета... Да, ей замужъ пора! твердо сказалъ себѣ графъ Андрей Ивановичъ.—На что это въ самомъ дѣлѣ похоже: русскую великую княжну, дочь Петра Великаго, до тридцати двухъ лѣтъ въ дѣвицахъ держать и только сказкамъ разнымъ поводъ давать. Нужно внушить это принцу Антону; пусинай почаще твердить женѣ, а я, съ своей стороны, и графу Линару объясню: дескать, непригоже имъ, что про тетку ихъ двоюродную, такого великаго государя дочь, разныя басни ходятъ по городу. Говорятъ—не хочетъ. Какъ не хочетъ? Въ политикѣ этого не можно. Ну, въ монастырь ступай, коли не хочешь! А то вѣдь голштинецъ-то живъ; черезъ три года ему шестнадцать лѣтъ минетъ, стало быть, и безъ регента можетъ управлять. Найдется, пожалуй, кто нибудь изъ этихъ елисаветинцевъ посмышленнѣе, да посмѣлѣе, такую штуку выкинутъ, что и не опомнишься! Лучше Миниха, пожалуй, комедію съиграютъ! Не даромъ Бирономъ послѣднее время все съ нею заигрывалъ, да въ конфиденсы входилъ; ужъ тутъ что нибудь да было. Нужно отдѣлаться и поскорѣе отдѣлаться! Удивительная безпечность этихъ людей! Имъ что ни говори, на все спустя рукава смотрятъ, все мимо ушей пропускаютъ. Ну, какъ бы, кажется, объ этомъ не подумать? Вотъ у принца Антона есть братъ Людовикъ, чѣмъ не женихъ? Его можно выбрать въ курляндскіе герцоги. Я кстати рекомендовалъ поговорить по этому вопросу съ польскимъ королемъ и Августъ прямо указалъ на него. Вотъ и поѣзжай, голубушка, въ Митаву. Тамъ верти голову кому хочешь и смѣйся сколько душѣ угодно, мы не помѣшаемъ».

Въ то время какъ Остерманъ разсуждалъ такимъ образомъ, во дворцѣ цесаревны Елисаветы происходила большая суета и возня. Подъ предлогомъ рожденія у великой княгини-правительницы дочери Екатерины, чтобы быть ближе къ дорогой родильницѣ, жившей въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, она назначила переѣздъ изъ своего лѣтняго помѣщенія, гдѣ теперь Смольный монастырь, въ свой зимній домъ у лѣтняго сада. А въ домѣ далеко не все было въ порядкѣ, по-

этому тамъ чистили, мыли, убирали. Нарышкинъ ходилъ по дворцу самъ и хлопоталъ, чтобы къ пріѣзду цесаревны хотя въ собственныхъ покояхъ ея было все на мѣстѣ.

Экипажи у Смольнаго двора были уже готовы, чтобы цесаревнѣ ѣхать. На дворѣ и у воротъ собралось множество гвардейцевъ, особенно преображенскихъ гренадеръ изъ находившихся вблизи казармъ, провожать и проститься съ любимою ими цесаревною. Съ солдатами было много ихъ женъ и дѣтей, крестниковъ цесаревны. День шелъ уже къ вечеру, когда сквозь эту толпу съ трудомъ проѣхали экипажи къ крыльцу дворца. Цесаревна, прекрасная, стройная, съ свѣтлымъ взглядомъ и ласковою улыбкою, вышла на крыльцо, хотя видимо было, что ее гнететъ какая-то мысль. Она была очень задумчива. Солдаты встрѣтили ее восторженнымъ ура!

— До свиданія, дѣти, сказала она имъ,—я буду часто пріѣзжать къ вамъ; ведите же себя хорошо и скромно.

— Рады стараться! гаркнули солдаты.—Желаемъ здравія и счастія!

Елисавета не ограничилась своимъ привѣтомъ и стала обходить толпу, заговаривая почти со всякимъ, лаская дѣтей и привѣтствуя добрымъ словомъ солдатокъ.

— Матушка ты наша! сердечная! желанная! кричали солдаты,— когда же намъ за тебя постоять придется? Мы всѣ какъ есть готовы умереть за тебя!

— Тише, тише, дѣти, ради Бога молчите! не дѣлайте себя несчастными! пожалѣйте малютокъ, дѣтей своихъ, не губите и меня. Еще время не пришло; когда придетъ, я вамъ заранѣе пришлю сказать.

— Матушка, сказалъ старый, усатый гренадеръ:—слушаемъ тебя, ждемъ; только вотъ шведъ, говорятъ, войной идетъ. Можетъ прогнать его и насъ пошлютъ; а уйдемъ мы, съ кѣмъ ты-то останешься, кто беречь-то тебя будетъ? Прикажи, родная, вотъ хоть сейчасъ на пытку—не выдамъ; вели идти—одинъ пойду; стало не за себя, а за тебя боюсь.

— Тише, тише, Вахрамѣевъ, что ты! Богъ милостивъ! не губи себя! Для жены и дѣтей своихъ себя побереги; видишь, сколько у тебя: малъ-мала меньше. Вотъ вы меня жалѣете, такъ ты думаешь,

мнѣ васъ не жалко? Да я, кажется, не перенесу, если что съ вами случится.

— То-то и есть, матушка, заговорили кругомъ солдаты,—жалѣючи насъ, ты себя не жалѣешь. Будто мы не видимъ, какое житье-то твое. А ушлютъ на войну, безъ насъ-то и не вѣсть что съ тобою сдѣлаютъ.

— Молчите! молчите! авось, Богъ дастъ, уладится. Я пришлю, сказала—пришлю! А пойдете на войну, не убейте моего племянника. Помните: онъ родной внукъ вашего государя, родной внукъ великаго Петра, который создалъ васъ, образовалъ и всюду побѣждалъ съ вами; поберегите же его!

— Будемъ всѣми силами беречь, матушка! только бы знать, гдѣ онъ.

Цесаревна подошла въ это время къ крыльцу, еще разъ простилась, дѣлая привѣтъ всѣмъ своею маленькою, мягкою ручкою, сѣла въ карету и уѣхала, взявъ въ свою карету Шепелеву и Воронцова.

А премьеръ-маіоръ преображенскаго полка, стало быть въ чинѣ генералъ-поручика арміи, Альбрехтъ, проѣзжая въ это время мимо Смольнаго двора и видя выходящихъ оттуда солдатъ, съ усмѣшкою проговорилъ:

— Что это цесаревна для преображенцевъ ассамблеи дѣлаетъ, что ли?

Онъ не придалъ, впрочемъ, ни сдѣланному замѣчанію своему, ни сущности самаго факта ни малѣйшаго значенія. Остерманъ былъ правъ когда говорилъ, что его обойдетъ и ребенокъ.

Между тѣмъ Стрѣшневы толковали съ Головкинымъ о союзѣ, доказывая, что споры, вражда и интриги между кабинетъ-министрами повлекутъ за собою паденіе правительства, съ чѣмъ непремѣнно будетъ соединено и паденіе всѣхъ. Головкинъ шелъ на компромиссъ, съ тѣмъ, чтобы Остерманъ, сохраняя полную власть по иностраннымъ дѣламъ и флоту, оставилъ въ полной отъ него зависимости внутреннія дѣла. Уговорились и поѣхали къ Остерману. Тотъ поговоривъ объ условіяхъ взаимныхъ отношеній и дружескихъ дѣйствій, ради общей пользы, и сойдясь съ Головкинымъ во всемъ, началъ говорить о замужствѣ цесаревны Елисаветы; Головкинъ убѣдился, что Остерманъ правъ: что для общей безопасности и укрѣ-

ленія правительства необходимо удалить цесаревну отъ преданной ей гвардіи и для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сблизить съ брауншвейгскою фамиліею, всего лучше, выдать ее за брата принца Антона, принца Людвига люненбургскаго, котораго Остерманъ успѣлъ уже выписать и о выборѣ котораго въ курляндскіе герцоги уже началъ дѣло. Согласившись въ этомъ, Остерманъ и Головкинъ рѣшили напасть со всѣхъ сторонъ, сѣсть, что называется, на шею, употребляя все свое вліяніе и на принца Антона, и на правительницу и на Юліану Менгденъ, и на графа Линара; однимъ словомъ, устроить этотъ бракъ, во что бы то ни стало.

Эту новость привезла къ цесаревнѣ отъ имени великой княгини-правительницы сестра вице-канцлера Головкина, вдова знаменитаго генералъ-прокурора сената при Петрѣ I, Павла Ивановича Ягужинскаго, вышедшая потомъ замужъ за бывшаго нашимъ посломъ въ Швеціи Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, роднаго брата сосланнаго кабинетъ-министра Алексѣя Петровича и родная сестра жены нынѣшняго генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго,—Анна Гавриловна. Анна Леопольдовна поручила было сперва объявить цесаревнѣ эту ея волю Левенвольду, но тотъ, зная въ какой степени такое сообщеніе огорчитъ Елисавету Петровну, отъ исполненія порученія уклонился. Тогда разсудили слѣдующимъ образомъ. Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ выѣхалъ изъ Швеціи за послѣдовавшимъ объявленіемъ войны. А какъ, по справедливости, объявленіе Швеціей войны относили къ интригамъ французской дипломатіи, а цесаревну Елисавету подозрѣвали, что она къ французскому посольству имѣетъ болѣе или менѣе близкія отношенія, то и рѣшили предоставить объявить цесаревнѣ эту непремѣнную волю правительницы женѣ человѣка, который прежде всѣхъ пострадалъ отъ войны лишившись назначенія. И это было тѣмъ естественнѣе, что, по свойству своему съ великою княгинею-правительницею, Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина относилась къ цесаревнѣ враждебно и притомъ еще, по прежнимъ какимъ-то отношеніямъ, питала къ ней злобу. Поэтому она приняла на себя это непріятное порученіе весьма охотно и передала его въ самой жесткой формѣ. Съ цесаревною отъ такой новости сдѣлалась исте-

рика. Анна Гавриловна видѣла ея слезы, плачъ, отчаяніе и уѣхала торжествующею, донести о всемъ куда слѣдуетъ.

Разумѣется, послали за Лестокомъ. Лестокъ явился.

— Что случилось? спросилъ онъ у Воронцова, который, будучи дежурнымъ, его встрѣтилъ.

— Не знаю. Пріѣхала эта ворона, Ягужинчиха, сказала: «отъ великой княгини-правительницы», разумѣется, ее впустили; она вошла, сказала что-то цесаревнѣ, той сдѣлалось дурно, начался плачъ, рыданіе. Рюмина продолжала говорить, плачъ усилился. Я и послалъ за вами. Идите!

Лестокъ вошелъ. Цесаревна плакала на-взрыдъ, уткнувъ голову въ подушку.

— Докторъ, помогите мнѣ! убейте меня! отравите меня! съ истерическими рыданіями, порывисто сказала цесаревна, когда Лестокъ подошелъ къ ней и взялъ за руку. — Я не могу, не хочу, я не въ силахъ!.. Я лучше умру! Вы слышали? Бестужева пріѣхала объявить, чтобы я готовилась вѣнчаться съ люненбургскимъ. Я не хочу замужъ! Леопольдовна велѣла сказать, что она тоже не хотѣла, да ее обвѣнчали же. Она можетъ дозволить съ собою дѣлать, что хочетъ. А я не могу, не хочу! Безъ согласія невѣсты покойный отецъ не велѣлъ послѣднюю крестьянку вѣнчать. Я не хочу, не могу! Ни за что не хочу!

И она горячо плакала и билась.

— Успокойтесь, прекрасная цесаревна, полно-те! Что дѣлать? Я давно говорю, что нужно рѣшиться, выбрать одно изъ двухъ: или царствовать или повиноваться!

— Ахъ Боже мой! я только жить хочу! Пусть они царствуютъ, наслаждаются! Пусть они что хотятъ дѣлаютъ, я не мѣшаюсь! Я хочу только спокойствія и свободы... Чего же еще имъ нужно отъ меня?

— Государыня, добрая, милостивая цесаревна, сказалъ серьезно Лестокъ, когда цесаревна нѣсколько успокоилась, принявъ данныя ей Лестокомъ лавровишневыя капли, и послѣ того, какъ Лестокъ смочилъ одеколономъ съ водою ея голову и далъ подержать въ рукѣ тертый хрѣнъ.—Высокое происхожденіе, предоставляя права, налагаетъ и обязанности. Отказаться отъ выполненія этихъ обязанно-

стей нельзя, безъ самоотрицанія. Вы не можете быть не тѣмъ, что вы есть! Вы дочь Петра Великаго и останетесь дочерью Петра Великаго, хотя бы и желали отказаться отъ правъ, рожденіемъ вамъ предоставленныхъ; поэтому вы должны принять и обязанности съ этими правами соединенныя, или подчиниться всему, что изъ вашего отказа можетъ произойти! А изъ вашего отказа происходитъ только бѣдствіе и прежде всего для васъ самой. Что-жъ тутъ дѣлать?

— Что вы говорите, докторъ; и не грѣшно вамъ такъ говорить? Я ни отъ чего не отказывалась, ни въ чемъ не противорѣчила; меня просто обходили! И за то, что я спокойно подчинялась ихъ требованіямъ и начинаніямъ, они меня же давятъ! Ну развѣ можно мнѣ предлагать въ мужья такихъ лицъ какъ принцъ Людвигъ? Сами они слѣпы, что ли? Или они думаютъ, что у другихъ ни глазъ, ни понятія нѣтъ, когда сочиняютъ такіе прекрасные проекты? А это все старый злодѣй Остерманъ! Это все его дѣло! Онъ думаетъ, что можетъ всѣхъ обманывать и, видимо, старается меня при всякомъ случаѣ унизить. Онъ забываетъ кто я и кто онъ! Забываетъ, что онъ всѣмъ обязанъ моему отцу, который вывелъ его изъ писарей. Но я не забуду того, что получила отъ Бога, и на что имѣю право по своему происхожденію!

— Но, ваше высочество, когда вы отказываетесь отъ вашихъ правъ или, по крайней мѣрѣ, не желаете ими воспользоваться?.. Помните, въ прошломъ году, лѣтомъ, когда вы тоже переѣхали сюда, по случаю казни Волынскаго, мы говорили съ вами, и вы жаловались на то, какъ васъ тѣснятъ, сколько случаевъ послѣ того вы пропустили, чтобы взять то, что вамъ принадлежитъ? Смерть тетушки, переломъ регентства, отставка Миниха, — все это были случаи, гдѣ вамъ стоило только сказать слово. Но вотъ, вы упускаете и послѣдній, уже подготовленный случай—шведскую войну...

Цесаревна перебила его.

Гдѣ же упускаю? Но развѣ я могу принять ихъ условія? Отдать имъ, за сомнительную помощь, все то, что куплено моимъ отцомъ русскою кровью; что куплено потомъ и кровью моего отца... Развѣ я могу это? Развѣ не возненавидитъ меня за это вся Россія? Подумайте: уступить все, что пріобрѣтено по Ништадтскому договору, это значитъ, отказаться отъ главнѣйшихъ послѣдствій всѣхъ тру-

довъ моего отца! Отдать даже Петербургъ, гдѣ схороненъ его прахъ? Это невозможно! Если-бы я это сдѣлала, я была бы не русская и, дѣйствительно, заслуживала бы всѣ злодѣйства Остермана...

— Нѣтъ, они согласны оставить Петербургъ; они просятъ только Риги и Ревеля...

— Ни пяди изъ того, что пріобрѣтено моимъ великимъ отцомъ! Могу уступить имъ Выборгъ, заплатить расходы, помогать во всемъ, но болѣе... Вы не русскій, докторъ! вы не можете себѣ представить того чувства народной гордости, которое лежитъ въ груди русскихъ отъ представленія величія и славы нашей родины. Русскіе переносили и перенесутъ всякое тиранство, гнетъ, крѣпостничество, произволъ, насиліе, даже царство иноземцевъ, но они не могутъ перенести и никогда не перенесутъ равнодушно униженія ихъ дорогой родины, ихъ любезнаго отечества!.. И чтобы я?.. Никогда! никогда...

— Стало быть, нужно выходить замужъ! Это гнетъ, насиліе; но вы сами говорите, что предпочитаете переносить... хмуро началъ говорить Лестокъ, но цесаревна перебила его.

— Да, я предпочла бы пожертвовать собою, чѣмъ отдать на растерзаніе, на уничтоженіе все то, что сдѣлано моимъ отцомъ! Вы видѣли: умѣла ли я переносить дерзость Меншикова, заносчивость Левенвольда, пренебреженіе Долгоруковыхъ, высокомѣріе Бирона и лукавство Остермана. Сію минуту ѣду къ моей племянницѣ, великой княгинѣ. На колѣняхъ умолять стану! Она дика, но добра. Ей самой и въ голову не пришло бы меня мучить. Но совѣты Миниха, Остермана, оханье и стоны принца Антона, наговоры проклятой Жульки—ее смущаютъ. Можетъ быть, она меня и послушаетъ, убѣдится... а нѣтъ, — замужъ за принца Людвига я все-таки не пойду! Они грозятъ монастыремъ, я предпочту монастырь...

Лестокъ, видя экзальтацію цесаревны, въ направленіи прямо противоположномъ его желаніямъ, замолчалъ.

Цесаревна стала излагать ему свои планы, если-бы ея мысли осуществились.

— Я никогда бы не позволила себѣ унизить Россію для моихъ личныхъ цѣлей и видовъ. Я женщина и могу быть доступна всѣмъ слабостямъ, всѣмъ ошибкамъ, но только какъ женщина. Государ-

рыня же должна быть выше слабостей, выше обыкновенныхъ стремленій. Она должна отдѣлить себя отъ своихъ страстей, для счастія всѣхъ. Мой отецъ былъ тому живой примѣръ. У него ли не было страстей, не было слабостей? Онъ и отдавался имъ, но только какъ человѣкъ. Тамъ же, гдѣ вопросъ касался Россіи, касался государства, онъ вездѣ и всегда говорилъ: «Петру жизнь не дорога, была бы счастлива и долговѣчна дорогая ему Россія». На дѣлѣ онъ доказывалъ это во всякую минуту. А мнѣ, его дочери, предлагаютъ раздѣлить, растерзать эту дорогую ему Росссію, отказаться отъ всего, что сдѣлано имъ для ея блага!

Въ это время раздались выстрѣлы съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости.

— Что такое?

Цесаревна послала узнать.

Принесли извѣстіе о Вильманстрандской побѣдѣ.

— И для этихъ-то союзниковъ хотѣли, чтобы я измѣнила Россіи. Для нихъ, которые думали, что они, купленные чужимъ золотомъ, въ силахъ стать лицомъ къ лицу съ войскомъ, которое воспиталъ и которымъ предводительствовалъ Петръ. Они не поняли даже моего требованія, чтобы при ихъ арміи находился мой племянникъ герцогъ голштинскій: не поняли того, что у всякаго русскаго руки опустятся противъ крови Петра! Нѣтъ, дорогой мой докторъ! Поѣзжайте къ Шетарди, скажите, что я благодарю, очень благодарю его и его короля за участіе... обѣщаю дружбу, помощь, деньги... но не уступлю ни пяди русской земли, пріобрѣтенной моимъ отцомъ! Это мое послѣднее слово! Поѣзжайте! Богъ захочетъ, пошлетъ силу и помощь безъ союзниковъ. Да будетъ воля Божія!.. Я ѣду къ великой княгинѣ правительницѣ.

Выходя отъ цесаревны, Лестокъ встрѣтилъ Разумовскаго.

— Поговорите вы... началъ было Лестокъ.

— Ны міего-то разума дѣло! отвѣчалъ Разумовскій, сторонясь.

Остерманъ, въ это время, по желанію правительницы, занимался составленіемъ проекта о фиктивномъ бракѣ между графомъ Линаромъ и Юліанною Менгденъ.

Графъ Линаръ настаивалъ, чтобы потребовать цесаревну къ допросу, такъ какъ съ нѣсколькихъ сторонъ приходили извѣстія о ея

будто бы сношеніяхъ съ французами и шведами, и во всякомъ случаѣ истребовать отъ нея отреченіе отъ престола.

— Къ чему это послужитъ? сказала Анна Леопольдовна.—Положимъ, она отречется; а развѣ нѣтъ тамъ чортушки, какъ говорила тетушка, герцога голштинскаго; не она, такъ онъ будетъ заявлять свои права...

VI.

Послѣдователь философіи пантеизма.

Князья Зацѣпины, уволенные за границу для поправленія здоровья, ѣхали по-княжески, въ дормезѣ, въ сопровожденіи кареты, коляски и двухъ курьеровъ, да еще воза четыре шли за ними слѣдомъ, со всѣми принадлежностями ихъ княжескаго быта.

Молодой князь, Андрей Васильевичъ, былъ задумчивъ и скученъ. Что тутъ ни говори, какъ тутъ ни объясняй, а онъ выбитъ изъ сѣдла этимъ саксонцемъ. Его мучило самолюбіе. Притомъ, сквозь болѣзненное ощущеніе своего уязвленнаго самолюбія, ему рисовался еще обликъ безгавѣтно преданной ему Гедвиги. Онъ пожертвовалъ этою дѣвушкою, пожертвовалъ своимъ чувствомъ, ради самолюбивыхъ грезъ,—и эти грезы его обманули. Само собою разумѣется, не влюбился же онъ въ принцессу? Да, но все же досадно!

Это понималъ и его дядя, Андрей Дмитріевичъ, и старался всевозможнымъ образомъ его развлекать. Дядя не зналъ еще, что печаль молодаго человѣка двоится между оставленною любовью и оскорбленнымъ самолюбіемъ. Онъ приписывалъ всю грусть только одному самолюбію. Но какъ человѣкъ гуманный и опытный, знающій по себѣ, что значитъ оскорбленное самолюбіе и разрушенныя грезы, онъ постоянно занималъ его мысли представленіемъ новыхъ предметовъ, которые должны были останавливать на себѣ его вниманіе, постоянно старался вызвать его любопытство.

Въ Вильну они пріѣхали въ то время, когда вся литовская знать была взволнована извѣстіемъ о конфедераціи, о которой заявилъ коронный гетманъ, графъ Потоцкій. Стараніями подольскаго воеводы графа Ржевуоскаго и короннаго канцлера графа Понятовскаго

эта конфедерація была разрушена; тѣмъ не менѣе смута, произведенная однимъ слухомъ о конфедераціи, дала поводъ князю Андрею Дмитріевичу указать своему племяннику на всѣ недостатки польскаго самоуправленія.

— Люди не ангелы, мой другъ, говорилъ князь Андрей Дмитріевичъ,—и нельзя требовать, чтобы они были ангелами. Поэтому въ установленіяхъ людей должны быть ограниченія, взаимныя обезпеченія, условія, которыя останавливали бы дикость и произволъ; должны быть такія условія, которыя смиряли бы и отстраняли всякую несоотвѣтственность. Нужно, чтобы самая жизнь, лучше сказать, элементы жизни, не допускали того, чего не должно быть. Здѣсь, напротивъ, всѣ элементы жизни, будто нарочно, поставлены такъ, что они ведутъ только къ несоотвѣтственности и несообразности. Будто старались придти не къ тому, чтобы капиталъ помогалъ труду, трудъ поддерживалъ капиталъ, а родъ уравновѣшивалъ взаимное стремленіе эксплуатаціи труда капиталомъ, а капитала трудомъ, а, наоборотъ; будто о томъ только и думали, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы капиталъ могъ эксплуатировать и родъ, и трудъ, чтобы родъ могъ грабить капиталъ и давить трудъ, а труду оставалось бы только или разбойничать, или умирать съ голоду. Отъ такого рода порядковъ здѣсь идутъ рука объ руку, съ одной стороны, непомѣрная роскошь и чрезвычайныя богатства разныхъ магнатовъ, произволу и насилію которыхъ нѣтъ узды и которые переходятъ иногда предѣлы самой необузданной фантазіи; а съ другой—бѣдность, страшная, поразительная, возмущающая. Ты смѣялся, помнишь, когда въ Подберезьѣ мы спросили: «Далеко ли до Кейданъ?» и намъ отвѣчали: «Было прежде четыре мили, а теперь три».—«Какъ же это? спросилъ ты,—другую дорогу провели, что-ли?» «Нѣтъ, отвѣчали намъ,—дорога та же осталась, только прежде на ней стояло три столба, а теперь панъ велѣлъ только два поставить и за три мили считать, чтобы ближе на задѣлье ходить было!» Это тебѣ образецъ самодурства здѣшнихъ пановъ, самодурства, неумѣряемаго ни закономъ, ни обществомъ, ни образованіемъ, и готоваго идти прямо противъ логики. Если прибавить къ этому царство жидовъ, сохраняющихъ свое самобытное управленіе и составляющихъ государство въ государствѣ и знать, какъ эти жиды выжимаютъ

послѣдній грошъ у труженика-крестьянина и надуваютъ на послѣдній хуторъ мотающаго пана, то, при общемъ своеволіи и безурядицѣ, можешь себѣ представить, что̀ такое Рѣчь Посполитая, т. е. нынѣшняя Литва и Польша, гдѣ всякое государственное отправленіе, признанное необходимымъ королемъ, сенатомъ, даже народными представителями, можетъ быть не допущено до осуществленія послѣднимъ шляхтичемъ, и гдѣ этого же самаго шляхтича можетъ безнаказанно отдубасить палками первый магнатъ, которому придетъ это въ голову. Ты, впрочемъ, увидишь все это самъ. Вотъ мы завтра ѣдемъ къ Тышкевичу. Увидишь, что онъ встрѣтитъ насъ какою нибудь самою дикою, самою невѣроятною выходкою, которая, разумѣется, докажетъ его богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенную дикость и необузданность; между тѣмъ Тышкевичъ, представь себѣ, человѣкъ весьма образованный и пріятный.

И точно, на другой день, не доѣзжая версты съ полторы до Червоннаго Двора графа Тышкевича, ихъ встрѣтило множество людей и лошадей. Начальникъ этой ватаги, управляющій Червоннымъ Дворомъ, отъ имени графа, подошелъ къ князю Андрею Дмитріевичу и заявилъ, что графъ, узнавъ о пріѣздѣ ихъ сіятельствъ, выслалъ къ нимъ на встрѣчу сани, такъ какъ у него въ Червонномъ Дворѣ теперь зима и ѣздить на колесахъ нѣтъ никакой возможности.

— Какъ зима? Да вѣдь теперь май мѣсяцъ? спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Точно такъ, ясновельможный, сіятельный панъ, отвѣчалъ управляющій, улыбаясь.—Изволите сами видѣть: снѣгъ кругомъ лежитъ!

И онъ указалъ на бѣлѣющуюся среди лѣса дорогу, которую Тышкевичъ, любящій до безумія подобные дикіе сюрпризы, приказалъ засыпать солью.

Разъѣзжая по такого рода субъектамъ и знакомясь съ положеніемъ страны, ея законами и бытомъ, князь Андрей Дмитріевичъ старался развлечь своего племянника, возбудить его любопытство и занять его воображеніе. Проѣзжая Дрезденъ, онъ представилъ его королю Августу III, знаменитому тѣмъ, что у него была цѣлая комната париковъ.

Вообще насколько племянникъ былъ грустенъ и задумчивъ, подъ

вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, обманутыхъ надеждъ и разбитаго чувства, настолько дядя былъ веселъ и оживленъ. Онъ чувствовалъ себя опять въ Европѣ, среди обычаевъ, когда-то имъ усвоенныхъ и отъ которыхъ въ теченіи 17-ти лѣтъ онъ не успѣлъ еще отвыкнуть. Онъ встрѣчалъ людей, интересующихся не одними придворными сплетнями, думающихъ не только объ игрѣ въ карты. Въ Лейпцигѣ онъ познакомилъ племянника съ тѣмъ самымъ Винклеромъ, разсказы объ опытахъ котораго графомъ Линаромъ его такъ заинтересовали. Андрей Васильевичъ самъ видѣлъ эти опыты, самъ дѣлалъ ихъ и сознавалъ, въ какой еще степени ему много нужно учиться.

Оживленіе Андрея Дмитріевича особенно стало замѣтно послѣ того, какъ, проѣхавъ Лотарингію, они въѣхали въ границы коренной Франціи. Андрей Дмитріевичъ просто помолодѣлъ. Передъ нимъ сами собою возникали воспоминанія молодости. Онъ вспоминалъ свою жизнь въ Парижѣ, прелесть и образованность тамошняго общества, блескъ и роскошь двора. Онъ разсказывалъ племяннику эту жизнь; говорилъ, какъ интересуются тамъ успѣхами наукъ, новыми открытіями, всѣми родами искусства; разсказывалъ свои предположенія о томъ, куда онъ надѣется свезти племянника, кому представить; вспоминалъ тѣхъ, которые сошли уже со сцены свѣта. Своимъ оживленіемъ онъ часто заставлялъ племянника забывать свое огорченіе отъ невыполнившихся надеждъ.

Не доѣзжая Парижа, они должны были пересѣчь р. Сену. Андрей Дмитріевичъ вспомнилъ маленькое мѣстечко, которое они тогда проѣзжали, вспомнилъ, что онъ въ молодости провелъ здѣсь нѣсколько лѣтнихъ недѣль въ семействѣ Куаньи. Пришло ему на память и смѣшное происшествіе, какъ однажды, думая встрѣтиться съ маркизою, онъ пошелъ въ рощу, подходящую къ самому берегу Сены, и какъ, вмѣсто маркизы, попалъ на ея купающуюся горничную, красивую субретку, которая, впрочемъ, не была къ нему слишкомъ строга. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній онъ захотѣлъ выкупаться и предложилъ это племяннику. А день былъ жаркій и хотя время было къ вечеру, но солнце такъ и жгло. Былъ іюнь мѣсяцъ и іюнь въ средней Франціи. Андрей Васильевичъ принялъ предложеніе дяди съ удовольствіемъ и они вмѣстѣ погрузились въ воды Сены, и долго наслаждались ея освѣжающею влагою.

Но, купаясь, Андрей Дмитріевичъ забылъ, что его племяннику нѣтъ еще двадцати лѣтъ, а ему уже за пятьдесятъ; забылъ, что племянникъ вѣрно не разъ купался въ прошломъ году даже въ холодной Невѣ, а онъ не купался уже около двадцати лѣтъ. Поэтому, смѣясь и болтая, онъ вдругъ почувствовалъ сильный ознобъ. Онъ вышелъ изъ воды, одѣлся, но согрѣться не могъ. Ознобъ не давалъ ему покоя и онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ лихорадкѣ, больной до того, что въ приготовленный имъ заблаговременно на бульварѣ Маделенъ отель, который занималъ нѣкогда знаменитый Колиньи, его внесли уже, подъ присмотромъ племянника, на рукахъ.

— Напрасно ты безпокоишься, мой другъ, сказалъ Андрей Дмитріевичъ племяннику, — какъ нибудь и безъ тебя уложили бы. Ну, а ты хлопоталъ; тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Благодарю, сердечно благодарю! Смѣшная вещь, говорилъ онъ, когда его уложили и обставили кругомъ со всѣмъ изяществомъ его княжескихъ привычекъ. — Неужели я пріѣхалъ въ Парижъ для того, чтобы здѣсь умереть? Не правда ли, другъ Андрей, вѣдь это было бы совсѣмъ глупо? Умереть съ несравненно большимъ удобствомъ, я могъ бы у себя въ Петербургѣ на Мѣѣ, или еще лучше въ моемъ Парашинѣ, подъ Москвою. Ты не былъ у меня въ Парашинѣ, Андрей? Жаль! Прелесть что за мѣсто! На Пахрѣ, и съ огромнымъ, раскинутымъ передъ глазами лугомъ. Домъ выстроенъ въ итальянскомъ стилѣ. Въ углу римская башня—это входъ, какъ-бы остатокъ древности. Затѣмъ амфилада залъ—это пріемныя. Фасадъ скопированъ съ дворца венеціанскихъ дожей; знаешь, прихотливо-готическій стиль возрожденія. А потомъ, вправо и влѣво, жилой домъ новаго итальянскаго искусства, съ терасами, верандами, выдающимися балконами, съ видомъ на Пахорь, на обширный покатый лугъ, оттѣняемый въ разныхъ мѣстахъ рощицами изъ липъ, ивъ, клена и нашихъ пихты и сосны, и окаймленный кіосками и павильонами въ разныхъ стиляхъ, можно сказать, буквально залитыми цвѣтами. А тамъ, вдали, село съ церковью и золотыми колосьями воздѣланныхъ нивъ. Чудо какъ хорошо мое Парашино! люблю я его! Оно напоминаетъ мнѣ свою прежнюю хозяйку. Въ прошломъ году только, на мѣстѣ одного изъ кіосковъ, на концѣ луга, я устроилъ ферму и выписалъ изъ Швейцаріи коровъ. Оно такъ красиво должно выходить, когда

по лугу ходятъ эти большія, полныя, холеныя коровы и звенятъ своимъ колокольцемъ. Думалъ было нынче лѣтомъ тамъ жить и пить ихъ здоровое молоко, да вотъ ты меня соблазнилъ поѣздкой въ Парижъ, я и пріѣхалъ. Согласись, что будетъ смѣшно, если я пріѣхалъ, чтобы здѣсь умереть?

— Какой тутъ смѣхъ, дядюшка, будетъ очень грустно.

— Ну грустить-то очень будетъ нечего, перебилъ его Андрей Дмитріевичъ. — Умирать, рано-ли, поздно-ли, все-таки придется; только зачѣмъ же умирать не дома? Странная вещь, продолжалъ Андрей Дмитріевичъ въ промежуткѣ между пароксизмами лихорадки, припоминая свою счастливую молодость:—въ то время, когда, полный силъ и надежды, я былъ настолько далекъ отъ смерти, насколько можетъ быть далекъ двадцати-двухъ-лѣтній, вполнѣ здоровый молодой человѣкъ, я, при всѣхъ своихъ странствіяхъ, думалъ что умру непремѣнно въ Парижѣ. Помню даже, что однажды мы, съ Куаньи и графомъ Лозеномъ, какъ-то лѣтомъ, послѣ ужина, который давалъ намъ Мопу въ своемъ загородномъ домикѣ въ Бельвилѣ, разгорячившись отъ вина и общаго разгулья, чтобы освѣжиться, пошли въ Парижъ пѣшкомъ. Теперь Бельвиль почти уже слился съ Парижемъ, тамъ, говорятъ, настроили фабрикъ и сдѣлали изъ прелестнаго, чистенькаго мѣстечка грязнѣйшее городское предмѣстье. Тогда было не то. Бельвиль былъ совершенно отдѣльный городокъ на берегу канала въ Сенъ-Дени, представлявшій одну изъ живописнѣйшихъ окрестностей всемірной столицы цивилизаціи. Идя оттуда и любуясь красивыми пейзажами, которые являлись намъ одинъ за другимъ, будто въ панорамѣ, мы зашли на вновь устроенное кладбище. Нужно тебѣ сказать, что кладбищъ въ Парижѣ до того не было вовсе. Всякій хоронилъ своихъ покойниковъ,гдѣ хотѣлъ. Разумѣется, больше хоронили при церквахъ; но хоронили также въ садахъ и даже на дворахъ въ чертѣ города. Нашлись новаторы, горячо возставшіе противъ такого порядка. Они доказывали, что нельзя мертвыми отравлять живыхъ, и доказывали это научнымъ образомъ положительно. Успѣхи химіи дали имъ къ тому способы. Молодежь, разумѣется, стала на сторону новаторовъ. А какъ новая мысль объ устройствѣ кладбища была весьма выгодна духовенству, то она и отъ

него встрѣтила сильную поддержку. Подъ самымъ Парижемъ, на высокомъ холмѣ, стоялъ прекрасный загородный домъ духовника Людовика XIV, отца Лашеза. Отъ дома къ Парижу, по скату горы, шло принадлежавшее ему же поле. Отецъ Лашезъ былъ уже очень старъ и, говорятъ, въ молодости былъ очень и очень небезгрѣшенъ, особенно по части прекраснаго пола. Думая заслужить отпущеніе своихъ грѣховъ, онъ пожертвовалъ часть этого поля подъ кладбище, долженствовавшее устроиться на новыхъ основаніяхъ, проповѣдуемыхъ новаторами. Мѣсто было выбрано превосходное. Оно лежало на скатѣ холма къ Парижу. Городъ съ этого ската былъ видѣнъ, какъ на ладони; высокія окрестности рисовались вдали. Порядокъ былъ установленъ безпримѣрный; устройство, можно сказать, образцовое. Не смотря однакожъ на удачный выборъ мѣста, прекрасное устройство и порядокъ, французы не хотѣли на немъ хоронить своихъ покойниковъ, и кладбище стояло почти пустымъ, огражденное со всѣхъ сторонъ, разбитое на кварталы, обсаженные деревьями. Посреди его стоялъ только одинъ памятникъ, именно виконту Лозену, убитому на дуэли д'Егриньономъ, и которому поэтому духовенство отказало въ похоронахъ при церкви. Графъ Лозенъ уговорилъ насъ зайти полюбоваться памятникомъ, поставленнымъ надъ его дядею. Мы пошли. Среди цвѣтовъ и зелени, въ бесѣдкѣ изъ дикаго винограда, перевитаго каприфоліями, стоялъ этотъ памятникъ, изображающій уязвленнаго Ахилесса. Передъ памятникомъ, тоже вся въ цвѣтахъ, стояла полукруглая мраморная скамья, а передъ нею мраморный столикъ. Все это было поставлено такъ, что нельзя было не придти въ восторгъ отъ красоты мѣста, отъ памятника, дѣйствительно артистически исполненнаго, наконецъ, отъ уютности и прелести помѣщенія скамьи съ ея столикомъ, гдѣ такъ удобно было предаваться благочестивымъ размышленіямъ. Но намъ, молодымъ сорванцамъ, о благочестивыхъ размышленіяхъ, разумѣется, не пришло и въ голову. Мы рѣшили, что на этой скамьѣ, за изящнымъ столикомъ, передъ великолѣпнымъ саркофагомъ и прелестью картины раскинувшагося передъ нами Парижа, слѣдуетъ почтить одного изъ Лозеновъ продолженіемъ пира Мопу. Мы рѣшили освѣжить воспоминанія о павшемъ, выпить за свое здоровье и счастливыя

похожденія на томъ свѣтѣ, въ виду эмблемы, олицетворяемой памятникомъ. Задумано и сдѣлано. Мы сыскали свои экипажи и черезъ нѣсколько минутъ на кладбищѣ явились ящики съ виномъ и фруктами, корзины съ закусками и десертомъ. Раздались шумные возгласы и тосты, смѣшивающіе печальныя воспоминанія о прошломъ съ надеждами на будущее. Запылала жженка. Мы дали себѣ слово дождаться, во что бы то ни стало, того завѣтнаго часа, когда, по завѣреніемъ бабушекъ-старушекъ, по всѣмъ кладбищамъ разгуливаютъ привидѣнія, желающія хоть однимъ глазкомъ взглянуть на здѣшній міръ. Разумѣется, привидѣній мы не дождались, тѣмъ не менѣе разгульно и весело провели ночь, разсуждая о смерти и о томъ, что будетъ съ нами тамъ, и что будетъ здѣсь послѣ насъ. Мы всѣ были, говорить нечего, порядочные вольнодумцы и большіе пріятели съ Вольтеромъ, слава котораго тогда едва возникала, но который умѣлъ уже ловко шутить надъ патерами. Впрочемъ, если я не умру, то мы съ тобою съѣздимъ къ madame Шастле въ Сирей, во первыхъ, чтобы пить шампанское въ самой Шампаньи; а во вторыхъ, чтобы познакомиться съ парочкою, которую составляютъ первый острякъ и безбожникъ въ мірѣ и первая послѣдовательница философіи, основанной на изученіи точныхъ наукъ, первая барыня-математикъ. Это стоитъ того, чтобы сдѣлать нѣсколько десятковъ лье.

Разсказъ Андрея Дмитріевича былъ прерванъ самымъ сильнымъ пароксизмомъ лихорадки, который еще усилился отъ принятаго лекарства, почему Андрей Дмитріевичъ приказалъ всѣ стклянки съ лекарствами выкинуть за окно.

Такъ лучше, сказалъ Андрей Дмитріевичъ.—Зачѣмъ я стану пичкать себя лекарствами, которыя не помогаютъ?

По минованіи пароксизма онъ продолжалъ:

— Такимъ образомъ пировали мы на пустомъ кладбищѣ, забавляя другъ друга разными разсказами изъ царства мертвыхъ. Куаньи разсказалъ намъ какъ одинъ изъ его прадѣдовъ, казненный шведскимъ королемъ, къ которому онъ поступилъ на службу, принесъ на утро въ подарокъ своему сыну въ Парижѣ свою голову. Сыну въ этотъ день минуло ровно шестнадцать лѣтъ. Онъ давно не получалъ извѣстій отъ отца. На этотъ день онъ ждалъ писемъ и,

разумѣется, отцовскихъ подарковъ. Только передъ утромъ онъ крѣпко заснулъ и видитъ: входитъ отецъ въ шлемѣ и съ опущеннымъ забраломъ. Въ рукахъ у него корзина.—«Я не забылъ придти къ тебѣ съ подаркомъ, мой дорогой сынъ, сказалъ онъ.—Вотъ возьми и поминай отца въ день твоего рожденія». Сынъ обрадовался, раскрываетъ корзину, а тамъ отцовская голова... Онъ проснулся и послѣ узналъ, что именно въ этотъ день и часъ голова его отца была отрублена въ Стокгольмѣ на эшафотѣ. Вольтеръ, когда ему разсказывали эту исторію и сказали, что сынъ воспитывался въ это время въ іезуитскомъ колегіумѣ, выразилъ сомнѣніе, не есть ли этотъ сонъ и эта голова искусное воспроизведеніе іезуитовъ, которые, зная о назначеніи времени казни отца и пользуясь наркотическими средствами, вызвали въ сынѣ тотъ прерывчатый сонъ, послѣ котораго человѣкъ не помнитъ себя; и просто-на-просто разыграли передъ нимъ интермедію, которую послѣ, тотъ думалъ, что видѣлъ во снѣ.—«Распространеніе суевѣрія составляетъ одинъ изъ элементовъ ихъ власти, говорилъ Вольтеръ.—Удивительно ли, что они воспользовались такимъ подходящимъ случаемъ къ пріобрѣтенію себѣ вѣрнаго адепта?» Но противъ этого замѣчанія, переданнаго также Куаньи, крѣпко возсталъ Лозенъ. Онъ доказывалъ возможность взаимнаго сообщенія родственныхъ душъ даже послѣ смерти, и напомнилъ самому Куаньи случай изъ преданія въ ихъ родѣ, по которому одинъ изъ его предковъ, умершій ста двадцати лѣтъ отъ роду, обѣщалъ приходить съ того свѣта всякій разъ, когда будетъ угрожать какая либо чрезвычайная опасность ихъ роду, и исполнилъ это обѣщаніе наканунѣ Варѳоломѣевской ночи...—Я этому тѣмъ болѣе вѣрю, говорилъ Лозенъ,—что твой отецъ говорилъ, что онъ самъ видѣлъ этотъ красный крестъ, поставленный предупреждающимъ предкомъ, которымъ охранялись твои прадѣдъ и дѣдъ, бывшіе тогда протестантами, отъ всеобщаго избіенія. Въ нашемъ родѣ, продолжалъ Лозенъ,—тоже существуетъ преданіе по которому знаменитость его прекратится отъ убійства послѣдняго члена нашего рода, своимъ собственнымъ кучеромъ, но убійства не тайнаго, а всенароднаго, представляющаго видъ легальности, оправдываемой противоположностью началъ и понятій между

кучеромъ и сѣдокомъ, т. е. естественною завистью, питаемою кучеромъ къ сѣдоку (*).

Слушая эти разсказы, я долженъ былъ тоже разсказать что нибудь въ этомъ родѣ. Мнѣ пришло въ голову разсказать о завѣщаніи нашего предка Ярослава Мудраго, по которому только тѣ отрасли его славнаго рода нашего будутъ цвѣсти и множиться, которыя сохранятъ вѣрность родовымъ началамъ, сопряженнымъ съ идеею служенія народу и защиты его правъ.

— Лозенъ и Куаньи расхохотались надъ правами народа какъ бѣшеные.

— Какія такія права народа? спрашивалъ Куаньи.—Права городовъ, парламента, аристократіи,—это такъ! А права народа?.. Это просто фраза новой философіи женевца,—фраза, неимѣющая смысла. Народъ вездѣ народъ. Въ свободной Греціи и цезарскомъ Римѣ, какъ и въ королевской Франціи, одинаково были илоты, плебеи и рабы, какія же у нихъ права?

— Первое право народа, смѣясь говорилъ графъ Лозенъ,—быть битымъ.

— Второе, пожалуй неоспоримое право: служить своему господину, пока тотъ не прогонитъ! прибавилъ отъ себя Куаньи.

— А третье: работать, пока не возьмутъ всего заработаннаго.

— Или неотъемлемое право: пользоваться своею женою, пока ее не потребуютъ къ сюзерену.

— А самое важное право, вскрикнулъ Лозенъ:—жить и дышать, пока не повѣсили.

И молодые люди хохотали искренно.

— Нѣтъ, господа, по нашему родовому закону русскихъ князей это не такъ! отвѣчалъ я.—Намъ дали власть, дали силу, дали деньги, родовыя преимущества за то, чтобы мы служили и оберегали народъ. Въ этомъ смыслѣ родовое начало должно служить противовѣсомъ гнету богатства, т. е. ограниченіемъ стремленій наживы во что бы то ни стало. Наслажденія, доставляемыя богатствомъ, и та сила, которую оно создаетъ, разумѣется должно выз-

(*) Говорятъ, что повѣрье это оправдалось въ дни первой французской революціи, когда графъ Лозенъ былъ обезглавленъ именно своимъ кучеромъ, поступившимъ въ помощники палача.

вать во всѣхъ общее желаніе нажиться, разбогатѣть во что бы то ни стало, и разбогатѣть какъ можно болѣе и сколь возможно скорѣе. При такомъ общемъ стремленіи, разумѣется, нѣтъ мѣста ни великодушію, ни благородству чувствъ, ни общественной заслугѣ, если эта заслуга не будутъ матеріально оплачиваться. Всѣ будутъ готовы идти въ ростовщики, кабатчики, откупщики и другаго рода профессіи, представляющія болѣе или менѣе вѣрную и скорую наживу, не разбирая средствъ. Всѣ будутъ давить и грабить одинъ другаго, сколько хватитъ силъ. Чтобы парализовать такое общее стремленіе и вызвать не покупную заслугу, является родъ, въ смыслѣ наслѣдственнаго права передачи не только одного накопленнаго богатства, но и заслуженнаго уваженія. Тебѣ, разумѣется, пріятнѣе быть сыномъ герцога Лозена, чѣмъ какого нибудь ростовщика или кабатчика; отними же это право рода, и мы всѣ захотѣли бы быть дѣтьми богатыхъ ростовщиковъ. Но чтобы такое право было существенно,—должно быть заслуженное уваженіе, должна быть заслуга, передъ кѣмъ же? Ясно, передъ народомъ...

— Что ты за вздоръ говоришь, князь, возразилъ мнѣ Лозенъ.— Какая тутъ заслуга? Мы побѣдили, т. е. пришли и взяли это стадо вмѣстѣ съ ихъ землей; купили ихъ своею кровью. Поэтому мы имѣемъ на нихъ полное право жизни и смерти. Мы, т. е. наши предки, предпочли оставить имъ жизнь, чтобы они намъ служили и принадлежали съ ихъ плотью и костьми. Какія же у нихъ могутъ быть права?

— У насъ не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, съ досадою отвѣчалъ я.—Мы одинъ народъ, одна семья, стоявшая нѣкогда вмѣстѣ подъ игомъ побѣдителей и сбросившая съ себя вмѣстѣ это иго...

— Хорошо, опровергалъ меня Куаньи, — но вѣдь у васъ есть крѣпостное право.

— Да, пожалуй, какъ злоупотребленіе, заимствованное у васъ же и у нѣмцевъ. Оно было введено не нашимъ родомъ и отразилось страшными послѣдствіями. Но дѣло не въ томъ: Московская линія нашего дома, какъ будто въ осуществленіе словъ, завѣщанныхъ Ярославомъ Мудрымъ, когда, въ своемъ стремленіи къ самовластію,

нарушила преступными путями народныя права и вольности, то исчезла съ лица земли. Объ этомъ стоитъ подумать, разсуждая о томъ, имѣемъ ли и можемъ ли мы имѣть сношеніе съ не-здѣшнимъ міромъ.

Лозенъ и Куаньи замолчали, замѣтивъ, что возраженіе ихъ я принялъ слишкомъ близко къ сердцу.

— Такъ болтали мы на косогорѣ кладбища, съ бокалами въ рукахъ, вспоминая умершихъ и желая всевозможныхъ успѣховъ живущимъ. А утреннее солнце всплыло ужъ изъ-за зелени окрестностей и освѣтило весь Парижъ. Утро было превосходное. Передъ нами растилалась панорама причудливыхъ зданій новаго Вавилона, съ его дворцами, садами и чудными окрестностями, перерѣзываемыми серебряною лентою Сены. Внизу, слѣва, раскидывался цвѣтущій Бельвиль; справа зеленѣлись бульвары столицы; назади виднѣлась обсаженная цвѣтущими яблонями и группами дорога къ абатству Сенъ-Дени и сенъ-денискій каналъ, по которому на шестахъ тянулись длинныя барки, торопившіяся доставить къ утреннимъ базарамъ провизію; а впереди синѣлъ сенъ-винцентскій лѣсъ. Ароматомъ цвѣтовъ несло отовсюду. Намъ было такъ хорошо, такъ отрадно тогда. Голова освѣжилась, не смотря на выпитые бокалы; грудь дышала свободно весеннимъ утромъ, и мы въ самихъ себѣ чувствовали отраду и радость.

— Господа, вдругъ воскликнулъ Куаньи. — Я нахожу, что французы очень глупы, что не хотятъ хорониться здѣсь. Я хочу, когда я умру, лежать именно на этомъ мѣстѣ. Я хочу думать, что и послѣ смерти меня будетъ окружать тотъ же свѣтъ и зелень, тотъ же ароматъ и счастіе, которымъ наслаждаюсь я теперь, пируя съ моими друзьями. Я изъ Нормандіи, тамъ нашъ фамильный склепъ. Но пусть здѣсь, въ виду этого города...

— И я тоже! заявилъ Лозенъ, — подлѣ тебя и того, кто не хотѣлъ допустить ни одного слова, касающагося его чести, и заплатилъ за то жизнью, хотя у насъ есть тоже свой семейный склепъ въ Бретани!

— И я съ вами, прибавилъ я, — хотя тамъ, на востокѣ, въ Зацѣпинскомъ монастырѣ, у насъ тоже покоятся всѣ Зацѣпины....

— Нашъ пиръ окончился тѣмъ, что мы всѣ купили себѣ мѣста

на кладбищѣ отца Лашеза. Не правда-ли очень странно? Я приготовилъ впередъ себѣ мѣсто успокоенія, будто зналъ, что пріѣду сюда умирать, и даже когда прошли установленныя пятнадцать лѣтъ, то внесъ снова сумму, чтобы удержать за собою право на купленное мѣсто. Но я тогда былъ молодъ и не понималъ отрады, которая заключается въ мысли, что бренные останки наши будутъ лежать подлѣ праха близкихъ намъ людей. Покупали себѣ мѣста другіе, купилъ и я. Молодежь, какъ я говорилъ, сочувствовала новаторамъ въ устройствѣ кладбищъ. Насъ утѣшала мысль, что и послѣ смерти, мы будемъ піонерами новой мысли. Теперь я не то думаю. Не хочу лежать здѣсь! Подари, мой другъ, мое право городу, а меня увези въ Зацѣпино. Знаю, что смѣшно заботиться о своемъ тѣлѣ, послѣ того какъ замретъ въ немъ та жизненная струйка, которая создаетъ изъ этого тѣла мое «я». Но потому ли, что живши, стало быть носивши это тѣло, я успѣлъ настолько къ нему привыкнуть и такъ полюбить, что не хочу, чтобы послѣ меня оно было брошено — вѣдь привыкаютъ люди къ старымъ халатамъ и сапогамъ, — или можетъ быть потому, что, живя въ Россіи, я снова почувствовалъ въ себѣ ту родную струну, тотъ откликъ русскому чувству, которыя дѣлали меня русскимъ; но я желаю, чтобы надъ моею могилою шумѣла отъ вѣтра наша плакучая береза сѣвера; чтобы надъ ней раздавались звуки колоколовъ Зацѣпинской пустыни, и чтобы прахъ мой, смѣшиваясь съ прахомъ давно почившихъ нашихъ предковъ, служилъ на удобреніе родной, а не чужой земли. Поэтому еще разъ прошу тебя, другъ, сказалъ онъ обратившись къ племяннику: — если ужъ предопредѣлено мнѣ умереть здѣсь, то увези мой прахъ къ себѣ, въ Зацѣпино, и положи тамъ подлѣ костей моего отца, твоего дѣда, гдѣ вѣроятно захочетъ лежать и твой отецъ, мой сіятельный братъ.

— Ну что, дядюшка, говорить о смерти? Богъ дастъ выздоровѣете, и мы съ вами успѣемъ еще полюбоваться на Парижъ съ холма кладбища отца Лашеза! отвѣчалъ Андрей Васильевичъ, стараясь въ свою очередь разогнать печальное настроеніе духа своего дяди.

— Э, другъ мой! Жизнь и смерть дѣло условное. Обѣ онѣ идутъ одна съ другой подъ руку, и не узнаешь, гдѣ является одна и возникаетъ другая. Все родится, чтобы умереть, а умираетъ, чтобы

дать разцвѣсть жизни. Пастухъ, закалывающій ягненка, чтобы не умереть съ голоду, разумѣется не думаетъ, что онъ совершаетъ убійство, какъ не подумаетъ о томъ медвѣдь, когда ему достанется съѣсть пастуха. Одно, что̀ неизмѣнно, это время; а мое время уже прошло. Умру ли я здѣсь, окруженный чужими людьми, но съ которыми тѣсно сближаютъ меня мои воспоминанія, или успѣю еще разъ взглянуть на мое Парашино съ его панорамою на Пахоръ, заливными лугами, тѣнистыми рощами, вновь отстроенною изящною колокольнею моего села и вновь возведенною фермою, — ничто не прибавится къ массѣ прожитыхъ мною впечатлѣній и ощущеній. Я буду чувствовать только то, что я уже знаю, что уже испыталъ и чувствовалъ, съ тою разницею, что въ повтореніи не будетъ уже ощущенія свѣжести, не будетъ волненія новизны. Какую бы красавицу я ни встрѣтилъ, какую бы благосклонность отъ нея ни заслужилъ, я не буду уже чувствовать того невыразимаго трепета, той радостной надежды, которыми сопровождалось мое первое свиданіе съ маркизою Куаньи. Во мнѣ уже не закипитъ такъ кровь, не прольется то бѣшенство страсти, которое охватило меня, когда шаловливая Шуазель, кокетничая и играя со мной, увлекла меня въ гротъ наядъ въ версальскихъ садахъ и, принимая вдругъ на себя роль наивной постницы, вздумала мнѣ заявить, что она шутила. Точно также не ударю я изъ шалости рупоромъ по начиненной гранатѣ; не вздрогну отъ восторга, взглянувъ въ морѣ на восходъ солнца; не замлѣю отъ страстныхъ надеждъ, ожидая мою молодую, скромную супругу, обвѣнчанную со мною тайкомъ отъ цѣлаго міра. Прошлому уже ничему не быть. Все это прожито, прочувствовано, перенесено. Въ будущемъ только холодъ, одинъ холодъ,—все равно: жизни или могилы!

Андрей Дмитріевичъ задумался, но черезъ минуту прибавилъ весело:

— А вотъ что, мой другъ, хотѣлъ я тебѣ сказать. Отель этотъ, что намъ приготовили, удобенъ и хорошъ, но не довольно изящно обставленъ. Вещей, замѣчательныхъ и дѣйствительно изящныхъ, нѣтъ совсѣмъ, а признаюсь, это мнѣ вовсе не по сердцу. Съѣзди пожалуйста въ Пале-Рояль. Тамъ, говорятъ, теперь, подъ тѣми самыми комнатами, которыя занималъ когда-то Мазарини и гдѣ

онъ въ своихъ изнѣженныхъ кардинальскихъ рукахъ умѣлъ держать въ страхѣ полъ-Европы, — орлеанскіе проэктеры вадумали открыть базаръ рѣдкостей. Страсть къ наживѣ одолѣла всѣхъ, доказательство паденія родовыхъ началъ. Принцы бросились въ комерцію, будто наши Толстопятовы и Бѣлопузовы. Говорятъ, однакожъ, что на этомъ базарѣ есть дѣйствительно рѣдкія вещи. Нѣсколько картинъ Леонардо де-Винчи и Франческо; нѣсколько работъ Бенвенуто-Челини, и антики; а главное, античная статуя Аѳродиты. Говорятъ, это та самая статуя богини Киприды, работы Фидія, въ честь которой, на островахъ Кипрѣ и Самосѣ, жители приносили въ жертву дѣвственность своихъ дочерей. Взгляни и узнай! Если это такъ, то заяви о моемъ желаніи купить ее. Пускай принесутъ и покажутъ. Я заплачу, чего бы ни стоило. Говорятъ, тамъ продается тоже статуя Геркулеса Фарнезскаго. У меня есть она, но копія, римской работы, сдѣланная по заказу Нерона. А тутъ будто бы подлинный греческій оригиналъ. Еще, говорятъ, есть спящій амуръ, тоже превосходной античной работы, временъ Праксителя. Если пріобрѣсти двѣ-три такія вещи, да повѣсить нѣсколько порядочныхъ картинъ, то по крайней мѣрѣ моя комната приметъ видъ того изящества, которымъ я любилъ всегда окружать себя. Не знаю, почему многіе, особенно у насъ въ бѣлокаменной, вадумали прозвать меня развратникомъ. Какой вздоръ! Развратникомъ я никогда не былъ! А признаюсь, всего болѣе въ жизни любилъ красоту. Красоту природы, зданій, искусства и, разумѣется, красоту женщины. Пусть же, если ужъ суждено мнѣ умереть здѣсь, то я умру, созерцая совершенныя формы античнаго искусства.

Умереть однакожъ Андрею Дмитріевичу тогда было не суждено. Онъ оправился и представилъ племянника въ свѣтъ: молодому королю, его тогда всесильной любовницѣ дѣвицѣ де-Мальи, кардиналу, герцогамъ Орлеанскимъ, Бофору и принцамъ Конде и де-Конти. Графини Шуазель не было уже на свѣтѣ, какъ не было на свѣтѣ давно и герцогини Муши. Маркиза де-Куаньи была абатиссою какого-то монастыря на югѣ Франціи. Графъ Морицъ не оставилъ еще своей мечты о Курляндіи, хотя ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, и, покрытый ранами, полученными имъ сколько въ сраженіяхъ, столько же и на дуэляхъ, представлялъ только одно —

воспоминаніе своего прежняго блеска. Онъ уѣхалъ въ Саксонію съ какими-то цѣлями проведенія своихъ видовъ. Ѣздилъ потомъ даже въ Москву, былъ принятъ, но уѣхалъ ни съ чѣмъ. Но это было уже послѣ. Представителями общественной жизни были другія лица, другіе дѣятели. Кардиналъ Флери, одряхлѣвшій, нерѣшительный, опирался на молодаго и способнаго статсъ-секретаря графа Шуазеля (впослѣдствіи всемогущаго министра и герцога) двоюроднаго брата покойной графини. Съ отцомъ его князь Андрей Дмитріевичъ былъ близко знакомъ; неоднократно оказывали они одинъ другому различныя взаимныя одолженія и услуги, но теперь отецъ его былъ больной, разслабленный старикъ и жилъ въ своемъ замкѣ, около Пуату. Впрочемъ графъ, отъ имени своего отца, заѣхалъ къ Андрею Дмитріевичу еще во время его болѣзни и завѣрилъ въ своемъ расположеніи и готовности быть полезнымъ, какъ ему, такъ его племяннику, съ которымъ тутъ же познакомился и взялъ съ него слово пріѣзжать къ нему обѣдать по вторникамъ. Большимъ вліяніемъ и общимъ расположеніемъ пользовался тогда извѣстный любезникъ и сердцеѣдъ, маршалъ Франціи и первый петиметръ вѣка, товарищъ дѣтскихъ игръ Людовика XV, герцогъ Ришелье. Этого Ришелье князь Андрей Дмитріевичъ зналъ еще почти мальчикомъ, котораго ему случалось не разъ выручать изъ его маленькихъ бѣдъ, и потому теперь онъ встрѣтилъ въ немъ полную готовность служить тѣмъ же въ разсужденіи его племянника. Еще былъ одинъ старикъ отнесшійся къ Андрею Дмитріевичу вполнѣ сочувственно. Это былъ одинъ изъ бывшихъ статсъ-секретарей, обиженный новымъ дворомъ и даже высидѣвшій сколько-то времени въ Бастиліи и поэтому бранившій все и всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ хорошаго обѣда. Это былъ графъ де-Шароле. Онъ предсказывалъ паденіе французской монархіи, объясняя правительственныя ошибки тѣмъ, что даютъ слишкомъ сильное преобладаніе капиталу надъ родомъ.

— Эти откупщики доходовъ, эти интенданты арміи и поставщики двора чистые кровопійцы, говорилъ онъ.—Они наживаются на счетъ народа и аристократіи, и потомъ надъ аристократами смѣются, а народъ жмутъ. Всѣ эти банкиры изъ жидовъ, министры изъ челяди и генералъ-провіантмейстеры изъ торгашей, буквально разворяютъ Францію. Ну да что о томъ говорить!

Подъ вліяніемъ такого рода бесѣдъ, молодой князь Андрей Васильевичъ началъ посѣщать коллегіи, университетъ и слушать лекціи ученыхъ для изученія исторіи, государственнаго права, естественныхъ наукъ, математики и философіи. Эти бесѣды не могли не оказывать на него громаднаго вліянія; тѣмъ болѣе, что происходили между его дядей и людьми замѣчательно умными и высоко стоявшими въ обществѣ.

Князь Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ, бывшій въ то время нашимъ посломъ въ Парижѣ, человѣкъ весьма образованный, интелектуально развитый и талантливый писатель, отнесся также весьма сочувственно къ пріѣзду Андрея Дмитріевича. Узнавъ, что онъ пріѣхалъ больной и лежитъ въ постелѣ, князь, не ожидая его выздоровленія, самъ заѣхалъ его навѣстить. Онъ привезъ ему приглашеніе короля, по выздоровленіи, явиться къ нему, въ качествѣ кавалера ордена св. Духа, и дозволеніе представить племянника, котораго, до исцѣленія дяди, взялся руководить въ его занятіяхъ. По выздоровленіи своемъ, Андрей Дмитріевичъ, разумѣется, первымъ поѣхалъ къ князю Кантемиру. Тамъ собиралась не только французская знать, но можно сказать вся интелигентная Франція. Тамъ видѣлъ Андрей Васильевичъ знаменитаго Монтескье, почтеннаго старца, «духъ законовъ» котораго, впослѣдствіи, имѣлъ такое неотразимое вліяніе на Екатерину II; слушалъ послѣдователей Боссюэта, между которыми особеннымъ блескомъ выдавался тогда абатъ Прево, и ознакомился съ богословскими тонкостями проповѣдей Масильона. Но въ то же время, среди всего общества, тамъ уже вошла въ плоть и кровь естественная философія глубокоталантливаго женевца, какъ называли тогда знаменитаго Жанъ-Жака Руссо, который впрочемъ самъ былъ въ то время въ Голландіи. Эта философія подготовила уже умы къ тому общему отрицанію, поднятому энциклопедистами, которое въ близкомъ будущемъ отразилось столь печальными послѣдствіями. Д'Аламберъ, Пиронъ, Кребильонъ были постоянными посѣтителями въ салонѣ русскаго посла. Здѣсь же, когда являлся въ Парижъ изъ замка своей подруги и почитательницы г-жи дю-Шастле, царилъ и Вольтеръ, съ его всеобъемлющимъ остроуміемъ, ѣдкою насмѣшкою надъ всѣмъ на свѣтѣ и съ тѣмъ талантомъ истиннаго художника, бичующаго

своимъ чуднымъ словомъ все, что представляло узкость воззрѣній, противорѣчило гуманности, являлось рутиною предразсудковъ, какъ замкнутость, абскурантизмъ и отсталость. Андрей Васильевичъ, отдавая справедливость всему, что было истинно хорошаго, не могъ не увлекаться этимъ фейерверкомъ остроумія, веселости, изящества, которое царствовало въ этомъ обществѣ. Въ немъ, незамѣтно для него самого, началъ развиваться тотъ анализъ, который не принимаетъ на вѣру ничего, что признаетъ доступнымъ изученію. Вмѣстѣ съ способностью анализа понятій, не могло не явиться въ немъ и уваженіе къ личности, не могло не явиться сознаніе человѣческаго достоинства, которое не можетъ не уважать человѣка уже потому, что онъ человѣкъ. А такой взглядъ не могъ не редставляться явнымъ противорѣчіемъ тѣмъ остаткамъ феодализма, тѣмъ закорузлымъ понятіямъ сословности, которыя были тогда господствующими въ общемъ строѣ жизни французской аристократіи, составляя какъ-бы неизмѣнный кодексъ ея условнаго быта. Андрею Васильевичу прежде всего начали казаться странными многіе изъ обычаевъ французской аристократіи, обычаи мелкіе, ничтожные по существу, но бросающіеся въ глаза именно своею сословностью и пустымъ чванствомъ. Напримѣръ, ему казалось очень дико, что секретарь или камердинеръ, посланный куда нибудь бариномъ въ каретѣ, ни въ какомъ случаѣ не смѣлъ сѣсть на его мѣсто, а долженъ былъ сидѣть на передней скамьѣ. Онъ началъ находить несоотвѣтственнымъ и стѣснительнымъ, что свѣтлые кафтаны во Франціи воспрещено носить не только купцамъ, но даже судьямъ, адвокатамъ и нотаріусамъ, или напримѣръ, что герцогиня не позволитъ себѣ стать рядомъ съ торговкою даже на гуляньѣ, даже въ церкви. Онъ началъ находить страннымъ и то, что его дядя, князь Андрей Дмитріевичъ, никогда не говоритъ съ прислугою, и ни за что не дозволитъ себѣ приказать, напримѣръ, своему выѣздному лакею подать одѣться, или камердинера поставить служить за столомъ.

Отвергая эти мелочные, ничтожные обычаи, исходящіе изъ условности быта, онъ начиналъ опять незамѣтно для самого себя усвоивать ту силу отрицанія, которая уничтожаетъ не создавая, отмѣняетъ не замѣняя, которая научаетъ разгрому, но не содѣй-

ствуетъ сооруженію. Напр., по развитому чувству гуманности, онъ не могъ не стать явнымъ противникомъ крѣпостнаго права. Онъ ясно сознавалъ и оцѣнивалъ всю нелѣпость понятій, которыя признаютъ возможнымъ оправдывать принадлежность человѣка человѣку. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ другими: рабство—это проклятіе; оно недостойно человѣчества, недостойно христіанства,—оно должно быть отмѣнено. Но какимъ образомъ? Что сдѣлать для того, чтобы оно дѣйствительно могло быть отмѣнено, и чѣмъ замѣнить порядокъ, который, вмѣстѣ съ рабствомъ, исторически образовался въ общественной жизни всѣхъ государствъ? Объ этихъ вопросахъ Андрей Васильевичъ никогда не думалъ, поэтому разумѣется не могъ бы на нихъ отвѣчать. Отъ того и выходило, что отрицая рабство и требуя его уничтоженія, Андрей Васильевичъ весьма бы затруднился, если-бы онъ тогда же вынужденъ былъ отпустить своего Федора и Гвозделома, къ которымъ онъ привыкъ, и замѣнить которыхъ въ Парижѣ ему было бы не кѣмъ.

Нельзя однакожъ не сказать, что Андрей Васильевичъ вовсе не думалъ останавливаться только на отрицаніи; особенно въ примѣненіи мысли къ соціальнымъ вопросамъ устройства человѣческихъ обществъ. Ему хотѣлось бы расширить, выяснить сущность такого отрицанія и придти къ выводамъ положительнаго знанія. Онъ понималъ, что общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было тогда во Франціи, оставаться не можетъ; но въ чемъ оно должно было измѣниться и какимъ путемъ придти къ этому измѣненію, онъ рѣшительно не могъ себѣ даже представить. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что ученію энциклопедистовъ чего-то не достаетъ; видѣлъ, что это замѣчаютъ сами энциклопедисты. Вольтеръ, этотъ можно сказать предводитель отрицанія, бросился изучать Ньютона, какъ представителя науки точнаго знанія. Ясно, что если-бы не было такого рода точной науки, то не было бы и научнаго знанія, не было бы вовсе науки. Но гдѣ же указанія этой точной науки, этого положительнаго анализа, въ примѣненіи къ вопросамъ дѣйствительности? Въ чемъ можно открыть истину взаимныхъ отношеній человѣчества въ его общественномъ быту? Отвѣта на эти вопросы онъ не находилъ. Да и могъ ли онъ найти ихъ тогда, когда о вопросахъ соціальнаго характера никто еще и не думалъ; когда единственный

гуманистъ того времени, женевецъ, т. е. Жанъ-Жакъ-Руссо, вызывалъ противъ себя общія преслѣдованія. Но ни изученіе положительныхъ знаній, ни занятія философіей и разсужденія объ экономическомъ устройствѣ общества, не отвлекли Андрея Васильевича отъ свѣтской жизни и общественныхъ удовольствій парижскаго большаго свѣта. Въ его характерѣ, образовавшемся самостоятельно въ дѣтствѣ, среди свободы костромскихъ лѣсовъ, было то упорство, которое съ постоянствомъ истинной твердости преслѣдуетъ разъ усвоенную мысль. Онъ не забывалъ цѣли, для которой пріѣхалъ въ Парижъ: сдѣлать себя способнымъ къ поднятію рода князей Зацѣпиныхъ въ политическомъ отношеніи. Для этого, понятно, ему нельзя было оставлять общества. Изученіе и усовершенствованіе своего внутренняго «я» должны были идти рука объ руку съ пріобрѣтеніемъ тѣхъ внѣшнихъ условій изящества, которыя усвоить можно только среди свѣтской жизни. Дядя въ этомъ отношеніи былъ ему примѣръ и опора, и онъ болѣе и болѣе съ нимъ сближался.

Послѣ представленія королю, они оба были засыпаны приглашеніями. Андрей Дмитріевичъ являлся вездѣ съ удовольствіемъ и апломбомъ. Онъ принимался вездѣ какъ изящный представитель прекраснаго прошлаго, и своею любезностью, умомъ и готовностью быть пріятнымъ, рѣшительно привлекалъ къ себѣ все общество. Князь Андрей Васильевичъ, молодой, ловкій, отважный и сдержанный, подъ его руководствомъ, также не могъ не имѣть блестящаго успѣха, что очень радовало дядю. Онъ жилъ въ немъ, проходилъ съ нимъ воспоминанія прошлаго. Въ отвѣтъ на всѣ приглашенія и праздники, которые давались въ честь его, Андрей Дмитріевичъ рѣшилъ и самъ дать праздникъ. Этотъ праздникъ, по примѣру прошлыхъ временъ правленія принца-регента, отличавшаго свои ужины нерѣдко затѣйливыми названіями, онъ назвалъ праздникомъ парижскихъ розъ. Это былъ folle journée, но folle journée столь роскошный и изящный, что о немъ цѣлую недѣлю говорилъ весь Парижъ. Праздникъ этотъ удостоилъ посѣтить самъ христіаннѣйшій король Людовикъ XV и протанцовалъ менуэтъ и двѣ кадрили. Царицею розъ на праздникѣ была избрана формально объявленная фаворитка короля дѣвица де-Мальи. Роскошь расположенія, изящество убранства, богатство и радушіе угощенія, любез-

ность хозяевъ и непринужденный тонъ, который они умѣли сообщить празднику, при неисчерпаемомъ разнообразіи удовольствій, произвели на всѣхъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Всѣ замѣтили, что Андрей Дмитріевичъ, живя въ Россіи, не потерялъ своего искусства принимать и угощать.

Къ сожалѣнію, увеселенія двора скоро на нѣкоторое время должны были смолкнуть. Король былъ огорченъ почти внезапною смертью де-Мальи. Нѣкоторое время онъ былъ неутѣшенъ, тѣмъ болѣе, что молодая, прекрасная, она обладала всѣми признаками совершеннаго здоровья. Смерть пришла къ ней нежданно, среди полнаго торжества и вихря удовольствій, вызванныхъ безпредѣльною къ ней преданностью короля. Говорили, будто она была отравлена. Но какъ бы тамъ ни было, общество потеряло въ ней заступницу и покровительницу всего, что клонилось къ добру, пользѣ, что приносило благодѣяніе. Она не мѣшалась въ политику и не дѣлала изъ любви короля ступени для своего возвышенія. Она жила и умерла скромною женщиною, которая скорѣе тяготилась своимъ офиціальнымъ положеніемъ, чѣмъ гордилась имъ, и сносила его только по дѣйствительно сердечному расположенію своему къ молодому и блестящему королю, который ее беззавѣтно любилъ.

Первое время, мы сказали, король былъ неутѣшенъ. Онъ пересталъ принимать доклады, прекратилъ всѣ увеселенія. Но мало-помалу легкость характера короля, отсутствіе глубины чувства и непривычка къ уединенію и самосозерцанію, заставили его исподволь обращаться къ прежнимъ привычкамъ, и дворъ опять повеселѣлъ. Предметомъ новыхъ исканій своихъ король избралъ родную сестру умершей фаворитки, столь извѣстную потомъ подъ именемъ герцогини Шатору. Само собою разумѣется, что эти исканія въ то время, когда король олицетворялся въ понятіи французской аристократіи солнцемъ, освѣщающимъ міръ, безуспѣшными быть не могли. Но преемница прежней фаворитки лучше своей сестры понимала характеръ Людовика XV. Она видѣла, что противодѣйствіе распаляетъ его страсть, но что самолюбіе его въ свою очередь не прощаетъ отказа... Поэтому она повела свою игру съ нимъ весьма ловко. Не отклоняя его исканій и отдаваясь, казалось, вся

на его произволъ, она, то опираясь на несоотвѣтственность занять мѣсто родной сестры, то поддаваясь припадкамъ той робости, которую невольно ощущаетъ скромность, постоянно отдавалась его великодушію и прикрывалась имъ. Этимъ она заставляла короля самого отказываться отъ того, чего онъ такъ страстно добивался, и страдать отъ собственнаго своего великодушія. Такого рода маневромъ, высказывая за его великодушіе беззавѣтную благодарность, она довела страсть короля до изступленія. Онъ все забылъ, думая только о томъ, чтобы быть подлѣ нея, слушать ея слова ласки и преданности, и ея мольбу о великодушной охранѣ ея отъ самаго себя.

Была назначена большая охота въ Сенъ-Жерменѣ. Андрей Дмитріевичъ и его племянникъ были въ числѣ приглашенныхъ. Андрей Дмитріевичъ захотѣлъ явиться на королевскую охоту во всемъ блескѣ. Онъ вздумалъ соединить французское изящество и вкусъ съ восточною роскошью и не жалѣлъ ничего для осуществленія своего предположенія. И точно, онъ вновь заставилъ весь Парижъ говорить о себѣ и о своемъ племянникѣ; заставилъ говорить о своихъ егеряхъ, доѣзжачихъ, экипажахъ, лошадяхъ, собакахъ, попонахъ, коврахъ и еще Богъ знаетъ о чемъ; заставилъ сравнивать свою роскошь даже съ королевскою, и сравненіе это, не по количеству, а по качеству, было не въ пользу короля. Лошадей онъ выписалъ изъ Англіи отъ своего пріятеля, лорда Дерби, заводъ котораго въ то время не имѣлъ соперниковъ; экипажи были заказаны въ Вѣнѣ, великолѣпной постройки, съ гербами князей Зацѣпиныхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными сибирскими камнями и вензелями изъ бриліантовъ. Собаки были датскія превосходныхъ породъ. Егеря и прислуга была одѣта въ зеленый бархатъ, шитый серебромъ. Ковры, попоны, сбруя, все это было превосходное, изъ персидскихъ и индѣйскихъ матерій, осыпанное драгоцѣнными камнями, украшенное золотомъ и серебромъ, изъ котораго были сдѣланы даже подковы. Самъ князь Андрей Дмитріевичъ и по его иниціативѣ его племянникъ, вмѣсто охотничьяго костюма, рѣшили явиться въ русскихъ мундирахъ. Дядя надѣлъ богатый вице-адмиральскій, шитый золотомъ мундиръ, съ бриліантовыми украшеніями орденовъ Андрея первозваннаго и св. Духа и съ осыпанными

бриліантами портретами двухъ императрицъ. Племянникъ надѣлъ камергерскій мундиръ, также богато вышитый, обсаженный драгоцѣнными камнями и обшитый тончайшими брабантскими кружевами. Званіе камергера Анна Леопольдовна дала Андрею Васильевичу при его отъѣздѣ. Вообще вся роскошь и блескъ, которыми окружили себя князья Зацѣпины, не могли не произвести эфекта даже при великолѣпномъ французскомъ дворѣ.

По желанію короля имъ, какъ пріѣзжимъ знатнымъ иностранцамъ, отвели первое мѣсто на охотѣ, подлѣ царицы праздника, бывшей дѣвицы де-Мальи, обращенной уже королевскимъ повелѣніемъ въ маркизу де-Шатору. Въ этотъ день, послѣ всѣхъ колебаній и откладываній, маркиза, наконецъ, согласилась назначить королю часъ, когда она должна будетъ совершенно отдаться ему. Король млѣлъ отъ ожиданія.

Охота началась, гнали оленя. Молодой князь Зацѣпинъ на своемъ англійскомъ скакунѣ почти не отставалъ отъ него, подгоняя оленя хлопаньемъ бича и становя его прямо противъ короля. Но король былъ занятъ не оленемъ. Онъ подошелъ къ маркизѣ и, не зная какъ спросить о ея рѣшеніи, подалъ ей свой брегетъ и просилъ ее поставить стрѣлку на тотъ часъ, который будетъ счастливѣйшимъ въ его жизни, и на которомъ стрѣлка должна будетъ остановиться навсегда, чтобы напоминать ему о его счастіи.

Маркиза вздрогнула, покраснѣла, но взяла брегетъ и робкою, слегка дрожащею рукою поставила стрѣлку на половинѣ втораго.

Король просіялъ.

Князь Андрей Дмитріевичъ, видя, что король не обращаетъ вниманія на охоту, и что поставленный такъ искусно его племянникомъ противъ него олень прорветъ кругъ и уйдетъ къ стыду охотниковъ, приказалъ спустить на встрѣчу оленю своихъ собакъ. Собаки, увидя оленя, понеслись и залились. Они бѣжали по зрячему... Олень, завидя собакъ, повернулся назадъ прямо на Андрея Васильевича и былъ имъ сбитъ ударомъ бича. Собаки не успѣли еще наскочить на него, какъ лихой наѣздникъ, ловкій Андрей Васильевичъ, успѣлъ соскочить съ своей лошади на всемъ скаку и прокололъ оленя насквозь своею шпагою. Убитый олень былъ мгновенно ухо-

женъ къ ногамъ короля и прекрасной маркизы, въ ту минуту, какъ послѣдняя возвращала королю его брегетъ.

— Ваше слово сопровождается тріумфомъ побѣды! сказалъ король маркизѣ, подавая руку князю Андрею Дмитріевичу и привѣтствуя ласковымъ наклоненіемъ головы Андрея Васильевича.

Въ этотъ день успѣхъ князей Зацѣпиныхъ былъ полный. Никому не досталось столько дичи, сколько имъ; никому не удалось показать ни такой роскоши, ни такой удали, какъ имъ же. Князь Андрей Дмитріевичъ, выставляя здѣсь ловкость и отвагу своего племянника, рѣшительно первенствовалъ своимъ изяществомъ, граціозностью, находчивостью и богатствомъ. Первыя красавицы двора умильно посматривали на него, не смотря на его за пятьдесятъ. Многіе подносили букеты. Царица праздника маркиза Шатору признала его побѣдителемъ. Король подарилъ ему свой портретъ. Племянникъ его положительно всѣми былъ признанъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ и блестящихъ молодыхъ кавалеровъ и рѣшительно первымъ, по своей отвагѣ и искусству, охотникомъ. Андрей Дмитріевичъ торжествовалъ. Но это была послѣдняя пѣснь лебедя.

VII.

Двѣ смерти.

День отъѣзда короля изъ С.-Жермена былъ сырой и холодный. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ гналъ тучи съ моря черезъ всю Францію. Моросило, по временамъ шелъ дождь. Громадное скопленіе экипажей произвело остановку при выполненіи требованій почтовыхъ лошадей, для возвращенія въ Парижъ. Почти на каждой станціи имъ приходилось ждать. Князь Андрей Дмитріевичъ, одѣтый легко для охоты, въ надеждѣ на прекрасный климатъ Франціи и лѣтнее время, очень прозябъ. Онъ вышелъ было изъ кареты на одной изъ станцій, думая согрѣться, но въ довольно изящной станціонной комнатѣ, какъ нарочно, было выставлено окно; что-то поправляли, и его охватило сквознымъ вѣтромъ. Да и дома подъ Парижемъ вообще строятся такъ, что въ нихъ вовсе неудобно отогрѣваться. Андрей Дмитріевичъ поневолѣ вспомнилъ матушку Москву.

Послѣ своей болѣзни, Андрей Дмитріевичъ не настолько еще окрѣпъ, чтобы быть въ силахъ противостоять разрушительному вліянію холодной и сырой непогоды. И онъ опять пріѣхалъ въ Парижъ совершенно больной. Разумѣется, немедленно съѣхались всѣ медицинскія знаменитости. Отъ докторовъ не было отбою. Андрей Дмитріевичъ былъ почти безъ памяти, а Андрей Васильевичъ, уже ради успокоенія своей совѣсти, долженъ былъ руководствоваться ихъ совѣтами. Но это мало облегчало больнаго, можетъ быть именно потому, что, какъ говорятъ, у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу. Доктора рѣшили, что у него воспаленіе въ легкихъ, въ осложненіи съ лихорадочнымъ разстройствомъ всего организма, и согласно тогдашней системѣ леченія, назначили сильное кровопусканіе. Отъ кровопусканія князь Андрей Дмитріевичъ, истощенный излишествами жизни и предшествовавшею болѣзнью, дѣйствительно пришелъ въ себя, но до того ослабъ, что призналъ самъ, что дни его жизни должны быть сочтены. Ноги у него распухли, дышалось тяжело; ясность мысли иногда тускнѣла подъ вліяніемъ какого-то миража, который былъ какъ-бы вступленіемъ въ ту двойственность, на которую готовилась разложиться его жизнь.

Между тѣмъ его безпрерывно навѣщали. Не только заѣзжали къ нему старые друзья, но рѣшительно всѣ придворные считали за обязанность навѣстить человѣка, удостоеннаго особой королевской милости. Къ нему заѣзжали министры, члены парламента, философы, поэты, дамы, даже актеры, хотя онъ вовсе не былъ пропагандистъ сліянія сословій. Онъ былъ львомъ дня и всѣ хотѣли поклониться льву. Такое общее вниманіе очень льстило Андрею Дмитріевичу, но и очень его безпокоило; тѣмъ болѣе, что онъ считалъ себя обязаннымъ на любезность отвѣчать любезностью, за вниманіе благодарить вниманіемъ, и принималъ рѣшительно всѣхъ.

Княжна Марья Дмитріевна Кантемиръ, старшая сестра посла, жившая у него въ домѣ на правахъ хозяйки (посолъ былъ холостой человѣкъ), тоже сочла своею обязанностью навѣстить больнаго соотечественника, веселость котораго и игривый разговоръ такъ часто оживляли ея гостиную. Она очень любила и уважала Андрея Дмитріевича. Можетъ быть къ этому ея уваженію примѣшивалось еще воспоминаніе чего-то прежняго, чего-то такого, что она давно бы

хотѣла забыть. И оно понятно. Урожденка юга, въ семействѣ, въ которомъ образованность, успѣвшая перешагнуть даже угасшую византійскую цивилизацію, считалась обязанностью, она отцвѣтала и старилась въ домѣ своего отца въ Москвѣ или въ Дмитровѣ, маленькомъ городкѣ, данномъ Петромъ Великимъ на прожитокъ ея отцу, бывшему господарю Молдавіи; тому самому господарю, на требованіе выдачи котораго турками послѣ прутской неудачи, Петръ отвѣчалъ: «скорѣй полцарства до Курска отрѣжу, чѣмъ довѣренности измѣню». Никѣмъ незамѣчаемая и никѣмъ нецѣнимая между этими грубыми и холодными московитами, требовавшими тогда отъ женщины только достоинствъ самки, она и сама не обращала ни на кого вниманія. Вдругъ встрѣчаетъ она человѣка блестящаго, европейски образованнаго, русскаго князя, воспитаннаго въ Парижѣ, поэтому могущаго ее понять и оцѣнить то, что дѣлаетъ ее непохожею на другихъ русскихъ женщинъ того времени. Удивительно ли, что этотъ остроумный, ловкій и блестящій князь произвелъ на отцвѣтающую уже тогда дѣву неотразимое впечатлѣніе. И много безсонныхъ ночей провела она, когда узнала, что онъ женился. Вѣдь онъ для нея былъ послѣднимъ проблескомъ луча, дающаго надежду.

Теперь княжна Марья Дмитріевна давно уже отбросила отъ себя всѣ нѣжныя мечты. Она состарѣлась и сознала, что она уже отцвѣла. Она понимала, что теперь всякое поползновеніе на что нибудь болѣе сердечное, болѣе увлекающее, будетъ только смѣшно; что теперь ея жизнь можетъ быть только исполненіемъ христіанской обязанности. Быть полезнымъ брату, всюду распространять добро, вездѣ приносить отраду, вотъ была цѣль жизни княжны Марьи Дмитріевны. Ей хотѣлось быть полезною каждому, хотѣлось благотворить всѣмъ, отъ парижскаго гамена до проигравшагося и прокутившагося въ Парижѣ ея соотечественника.

Узнавъ, что ея прежній идеалъ, предметъ нынѣшняго поклоненія Парижа, блестящій князь Андрей Дмитріевичъ лежитъ на смертномъ одрѣ, и, какъ вдовецъ, безъ всякаго женскаго призора и единственно на попеченіи своего племянника, почти еще мальчика, она ту же минуту поѣхала къ нему, изъ истинно христіанскаго чувства, нельзя ли чѣмъ помочь, чѣмъ успокоить страдающаго. Когда она

пріѣхала и увидала этого веселаго остряка и говоруна почти въ состояніи безнадежности; увидала, что онъ окруженъ всѣмъ, что есть изящнаго и дорогаго въ мірѣ, но что въ этомъ изящномъ и дорогомъ проявляется полное отсутствіе всякой религіозности, отсутствіе всего, что сближаетъ съ другимъ міромъ, что, какъ она вѣрила, успокоиваетъ, утѣшаетъ и облегчаетъ страшныя минуты перехода въ другую жизнь,—когда она это увидѣла, ей стало даже страшно.

— «Какъ, подумала она,—русскій, православный князь и умираетъ, не исполнивъ послѣдняго христіанскаго долга, не очистившись передъ Господомъ въ своихъ грѣхахъ и помышленіяхъ? Онъ погубитъ душу свою, и этотъ грѣхъ ляжетъ на насъ. Умирающій никогда не чувствуетъ, какъ онъ близокъ къ концу. Мы должны позаботиться, чтобы прежде этого конца, онъ имѣлъ утѣшеніе религіи. Мужчины вообще слишкомъ самонадѣянны, слишкомъ беззаботны. Это дѣло наше, женское. Наше дѣло умилить его душу, приготовить, расположить... Наше дѣло направить его мысли такъ, чтобы онъ съ теплымъ чувствомъ коснулся свѣтлыхъ истинъ, дающихъ отраду и успокоеніе».

При томъ, княжна, проведя дѣтство свое въ Константинополѣ между подавленными народностями востока, привыкла къ тому взгляду, который соединяетъ православную обрядность съ палладіумомъ народнаго чувства. Подчиняясь всѣмъ условіямъ тогдашняго казуистическаго взгляда на православіе, она съ ужасомъ думала, что этотъ минувшій идеалъ ея души явится на томъ свѣтѣ отщепенцемъ отъ вѣрующихъ, будетъ отринутъ отъ лица Божьяго. Но она не допуститъ до этого. Она станетъ передъ нимъ на стражѣ православія. Если Богу было не угодно, чтобы она, здѣсь, на этомъ свѣтѣ, заботилась о немъ, берегла и лелѣяла его тѣло, то она позаботится о его душѣ, она устроитъ, чтобы переходъ его въ тотъ свѣтлый, безпечальный міръ былъ спокоенъ и радостенъ, и чтобы, представъ передъ престоломъ Божіимъ, душа его чувствовала ту отраду, которую даетъ исполненный долгъ.

При русскомъ посольствѣ не было тогда ни церкви, ни священника; но княжна озаботилась отыскать въ Парижѣ двухъ православныхъ поповъ, что тогда, послѣ нантскаго эдикта о десидентахъ, вообще было нелегко. Одинъ изъ нихъ былъ молдаванинъ, по-

сѣдой, съ густыми волосами, аскетъ Аѳонской горы, хмурый, суровый, съ страстною рѣчью и громами восточнаго краснорѣчія. Другой—изъ Литвы, питомецъ кіевской академіи, тонкій, льстивый, уклончивый, какъ польскій ксендзъ, и упрямый, какъ истый хохолъ. Радуясь этой находкѣ своей, княжна поѣхала къ Андрею Дмитріевичу.

Андрей Дмитріевичъ, въ темно-гранатовомъ бархатномъ пудремантѣ съ золотыми вышивками, завернутый въ батистъ и кружева, полулежалъ на бѣлой шелковой подушкѣ, въ вольтеровскихъ креслахъ, согрѣвая свои опухшія ноги подъ лисьимъ чернобурымъ мѣхомъ. Передъ нимъ къ свѣту поставлена была пріобрѣтенная на вѣсъ золота античная статуя Аѳродиты Киприды и подлѣ нея засыпающій амуръ. Статуи были обставлены помпранцовыми и миртовыми деревьями. По стѣнамъ висѣли картины Франческо, представляющія виллы Баіи и виды окрестностей Рима. Свѣжесть красокъ, прозрачность воздуха и необыкновенная глубина перспективы этихъ картинъ дѣлали изъ стѣнъ кабинета Андрея Дмитріевича рядъ очаровательныхъ панорамъ, отъ которыхъ глазу не хотѣлось оторваться. Между этими живыми панорамами прелестныхъ видовъ природы, украшенной всею прелестью роскошнаго климата, и великихъ образцовъ искусства, какъ-бы въ противорѣчіе ихъ пластической красотѣ, размѣщались высоко художественныя созданія Леонардо-де-Винчи съ строгимъ и нѣсколько сухимъ колоритомъ, но съ необыкновенно яснымъ выраженіемъ мысли, чувствъ и ощущеній, и характерною вѣрностью природѣ и жизни. Тутъ было Св. семейство: Спаситель и Іоаннъ Предтеча, еще дѣтьми, играющіе съ агнцемъ, Св. Дѣва съ Младенцемъ, св. Іоаннъ съ Ангеломъ и др. Противоположность стиля и колорита двухъ разнородныхъ художниковъ какъ-бы изображали собою противорѣчіе двухъ противоположныхъ идей, въ которыхъ духовность аскетизма сопоставляется съ прелестью пластичности. Взглядъ Андрея Дмитріевича утопалъ въ этой общей художественности его обстановки, дополненной всѣмъ, что именно, какъ говорила княжна Марья Дмитріевна, могло представиться дорогаго, рѣдкаго и изящнаго.

Передъ нимъ, на стулѣ, сидѣлъ докторъ, только что давшій ему

лекарство и теперь считающій пульсъ; тутъ же въ сторонѣ сидѣлъ племянникъ и что-то писалъ.

Въ кабинетѣ было довольно душно. Воздухъ, по тогдашней фармацевтикѣ, не признавался необходимымъ для излеченія больнаго. О немъ тогда не думали, даже боялись, относя свѣжесть его прилива къ сквозному вѣтру.

— Ну что, докторъ, протяну еще недѣли съ двѣ? спросилъ Андрей Дмитріевичъ слабымъ, но веселымъ голосомъ, — или до нашего перваго Спаса не дотянуть?

Докторъ промычалъ что-то неопредѣленное.

— Да, если не умру, то буду живъ; а не буду живъ — значитъ умру. Это вѣрно! Эхъ вы, господа доктора! Право, вы часто бываете темнѣе дельфійскихъ оракуловъ. Но не въ томъ дѣло! Вотъ разскажите мнѣ о физіологическихъ явленіяхъ, которыми, согласно ходу моей болѣзни, должна сопровождаться моя смерть. Вашъ почтенный дядюшка, котораго я зналъ и уважалъ, за непремѣнный долгъ поставилъ бы снабдить меня самымъ точнымъ маршрутомъ.

Но докторъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ доложили о пріѣздѣ княжны Марьи Дмитріевны.

— Вы счастливите меня, княжна, дѣлая честь своимъ посѣщеніемъ, сказалъ Андрей Дмитріевичъ, привѣтствуя входящую. — Вы даете мнѣ право думать, что у меня въ жизни были не только добрые, но и прекрасные друзья!

— Всегда съ комплиментомъ, даже такой старухѣ, какъ я. Вы неисправимы, князь. Но сегодня я дѣйствительно съ совѣтомъ дружбы. Надѣюсь, вы вѣдь вѣрите дружескому расположенію къ вамъ вашихъ соотечественницъ.

— Вѣрилъ, когда былъ молодъ. Теперь же, когда я уже приготовилъ свой золотой для уплаты Харону...

— Э, князь! мы христіане, и намъ ненужно будетъ переплывать Стиксъ! Я думаю — и вотъ вамъ мой совѣтъ дружбы: вамъ нужно прибѣгнуть къ истинамъ религіи. Въ ней вы найдете себѣ утѣшеніе, а можетъ быть Богъ дастъ и исцѣленіе.

— Княжна, развѣ я плачу, что меня нужно утѣшать? А исцѣленіе, — Боже мой, да нужно-ли еще оно? Ну, положимъ, я выздоровѣю, что-же будетъ изъ этого? Я съѣзжу еще разъ или два на

королевскую охоту; повру что нибудь о красотѣ природы и сладости выздоровленія; поспорю съ Вольтеромъ; прочитаю нѣсколько мадригаловъ и эпиграмъ; посмотрю Донъ Жуана и Заиру. Право, для этого не стоитъ много хлопотать!

— И вамъ не стыдно это говорить? Какъ христіанинъ, молитесь о выздоровленіи для добрыхъ дѣлъ.

— Добро и зло, княжна, такъ смѣшаны въ мірѣ, что намъ слабымъ смертнымъ, рѣдко бываетъ доступно отличить одно отъ другаго. На что кажется болѣе добра спасти человѣка отъ голодной смерти, но этотъ человѣкъ можетъ совершить потомъ десять убійствъ. Вотъ и зло, которое вышло изъ вашего добра. Рекомендую, княжна, продолжалъ онъ, указывая на доктора,—въ настоящемъ здѣшняя знаменитость, докторъ Германъ Боэргавъ, племянникъ того великаго Боэргава, который на своемъ вѣку столько уморилъ людей, сколько не удастся пожалуй уморить самой кровопролитной войнѣ. Надѣюсь, что, въ подражаніе своему почтенному дядюшкѣ, онъ не откажется сдѣлать мнѣ честь уморить и меня по всѣмъ правиламъ своей науки; и это онъ сдѣлаетъ не хуже другаго, тѣмъ болѣе, что онъ собирается къ намъ, въ Россію, чтобы излечивать тамъ всѣ болѣзни. Въ чемъ будетъ больше добра, въ томъ ли что онъ всѣхъ вылечитъ, или въ томъ, что уморитъ одного безбожника,—про то вѣдаетъ Всевышній.

— Полноте, князь, горячо сказала княжна, садясь подлѣ него съ чувствомъ и терпѣніемъ сестры милосердія, рѣшившейся убѣдить больнаго принять лекарство.—Не съ такими чувствами намъ, христіанамъ, слѣдуетъ приступать къ великому переходу изъ этой юдоли плача въ другую, свѣтлую жизнь.

— Не знаю, что свѣтлаго ждетъ меня въ будущемъ, задумчиво отвѣчалъ Андрей Дмитріевичъ,—но здѣсь, въ этой юдоли плача, признаюсь, плакалъ я немного. Говорить нужно правду: весело таки прожилъ вѣкъ... Если-бы и тамъ...

Докторъ между тѣмъ распрощался и ушелъ. Княжна приступила къ Андрею Дмитріевичу, чтобы онъ принялъ изъ пріисканныхъ ею священниковъ, котораго хочетъ.

— Ахъ, Боже мой, княжна, вы добры, какъ ангелъ! Дайте мнѣ ихъ обоихъ! Пусть никто не скажетъ, что князь Зацѣпинъ, умирая

отказался исполнить просьбу дамы, которая, не жалѣя себя, заботилась, чтобы спасти его душу. Пусть они войдутъ, княжна, и раздѣлятъ между собою грѣхи мои, если успѣютъ поймать ихъ налету!

Священники вошли: одинъ тихою, кошачьею поступью католическаго ксендза, другой—съ суровою походкой фанатика, осудившаго на сожженіе Саванароллу. Оба подошли къ креслу больнаго.

— Пріидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные и азъ успокою вы... началъ свое слово кіевскій академикъ.

— Грозенъ Богъ во гнѣвѣ своемъ!... началъ говорить потомокъ древнихъ римлянъ и фанатическій представитель восточнаго православія.

Андрей Дмитріевичъ остановилъ ихъ.

— Э-эхъ! И радъ бы идти, да ноги не ходятъ! шутливо отвѣчалъ онъ кіевскому ритору. —Видите, опухли такъ, словно колоды лежатъ. Доктора говорятъ: отъ того, что крови много выпустили. Странное дѣло, стали полнѣе отъ того, что много взяли! Ну да Богъ съ ними! Мнѣ отъ ихъ объясненія не легче!

Затѣмъ онъ обратился къ грозному молдаванину и отвѣчалъ смиренно:

— Чувствую гнѣвъ Божій, но надѣюсь на его милосердіе! и послѣ продолжалъ, обращаясь къ обоимъ:

— О, безвѣріе, грѣхъ мой! Если-бы въ вашихъ словахъ, святой отецъ, была сила словъ нашего Божественнаго учителя, то, разумѣется, я взялъ бы одръ свой и пошелъ, склоняясь всею душою моею передъ величіемъ Божьяго милосердія. Но мнѣ, невѣрующему грѣшнику, не суждено испытать на себѣ чуда Божьей милости, поэтому, съ раскаяніемъ и молитвою, я долженъ ждать себѣ призыва на грозный судъ... Вотъ, княжна, заботясь о душѣ больнаго собрата и не желая допустить его погибнуть въ конецъ безъ покаянія, пригласила васъ ко мнѣ для напутствія при переходѣ въ лучшій міръ. И я прошу васъ о томъ, чтобы направить мою душу къ истинному свѣту мудрости, и вашими святыми молитвами напутствовать мое грѣшное тѣло къ мѣсту его послѣдняго успокоенія. Но какъ я не желаю торопиться посылать душу свою въ горнія селенія, и хочу сколь можно долѣе удержать ее въ этомъ бренномъ тѣлѣ, то и прошу

васъ, святые отцы, обождать нѣсколько съ своими совѣтами и молитвами. Едва же только я почувствую, что требованіе свыше за моею душою уже пришло, я сейчасъ-же пошлю за вами и отдамъ вамъ всего себя для вашего напутствія. Для того же, чтобы вамъ было не скучно дожидать этого призыва, мой племянникъ распорядится доставить вамъ средства, въ этомъ ожиданіи, пристойно развлечь себя. А ваши слова и заботу обо мнѣ я принимаю близко къ сердцу, душевно благодарю и непремѣнно постараюсь явиться на той сторонѣ береговъ Стикса, — не то! проклятая привычка вѣчно обращаться къ изящнымъ вымысламъ древней Греціи, — явиться передъ Архангеломъ съ его огненнымъ мечемъ, охраняющимъ двери рая, въ полномъ всеоружіи греко-россійскаго православія.

Когда княжна и священники ушли, Андрей Дмитріевичъ сказалъ своему племянніику:

— Прикажи, другъ Андрей, посылать попамъ по десяти луидоровъ каждую недѣлю до моей смерти. Много не выйдетъ, а это пусть будетъ задатокъ за ихъ будущую службу, и увези меня куда нибудь. Мнѣ здѣсь душно. Это дешевое участіе, эти визиты, приставанье, мнѣ страшно надоѣли... Наконецъ и эскулапы... Положимъ, денегъ на нихъ мнѣ не жаль, но когда помочь они не могутъ, такъ зачѣмъ и деньги даромъ бросать? Для успокоенія совѣсти пригласи съ собой Боэргава. Онъ поразумнѣе. А то собираются десятками, а толку нѣтъ! Если ужъ нужно умирать, то я хочу умереть по крайней мѣрѣ на лонѣ природы; умереть такъ, чтобы мнѣ весело было; чтобы я забылъ, что я не у себя въ Парашинѣ. Знаешь, напиши къ Шатонефу, не отдастъ ли онъ мнѣ на лѣто свой замокъ. Я былъ въ немъ у его отца. Тамъ жила его подруга, знаменитая Нинона Ланкло, развалины красоты которой я еще видѣлъ. Мѣсто превосходное, недалеко отъ Шарантона и почти на самомъ сліяніи рѣкъ Сены и Марны.

Черезъ нѣсколько дней Андрей Дмитріевичъ располагался въ прелестномъ замкѣ на берегу Марны, неподалеку отъ впаденія ея въ Сену. Передъ глазами его разстилались на необозримое пространство цвѣтущія долины обѣихъ рѣкъ, оживленныя дѣятельностью трудолюбиваго населенія, пастбищами скота, садами и хлѣбными посѣвами. При сліяніи рѣкъ, по ту сторону Марны, раски-

нулся хорошенькій городокъ Шарантонъ; слѣва высился древній замокъ того же имени; а за ними, за Марной, синѣлъ на горизонтѣ сенъ-венсенскій лѣсъ, съ выходящими, будто выростающими изъ него шпилями и куполами сенъ-венсенскаго замка.

Андрей Дмитріевичъ лежалъ на терасѣ, окруженный цвѣтами и зеленью. Статуя Афродиты, тоже вся въ цвѣтахъ, красовалась прямо передъ его глазами; въ ногахъ ея помѣщался спящій Амуръ. Парижская комната его перенеслась сюда, со всѣмъ изяществомъ ея обстановки. Андрей Дмитріевичъ любовался открывающимся видомъ, вдыхая въ себя свѣжій, ароматный воздухъ. Въ его глазахъ сновали лодки черезъ Сену и Марну, неслась своею чередою жизнь, со всею прелестью своей сельской природы, а солнце уходило за сенъ-венсенскій лѣсъ. Андрей Дмитріевичъ отъ переѣзда очень ослабѣлъ; тѣмъ не менѣе, онъ видимо наслаждался раскинувшейся передъ нимъ картиной, среди которой Афродита Киприда принимала на себя послѣдній отблескъ лучей заходящаго солнца.

— Боже мой, какъ тутъ хорошо, говорилъ онъ на другой день утромъ. — Мнѣ такъ и кажется, будто я въ древней Греціи, въ храмѣ великолѣпной, идеальной богини красоты. Вотъ плывутъ галеры, фелуки, челны... онъ указалъ на снующія по Сенѣ и Марнѣ лодки.—Онѣ везутъ утреннихъ поклонниковъ божеству, разливающему между ними довольство и счастіе. Вѣдь оно само по себѣ есть начало любви и производительности... Вотъ это самосцы, съ знаменемъ, изображающимъ голову совы, что, по элевзинскимъ таинствамъ, означало мудрость, потому что для мудрости, чтобы видѣть, ненужно дневнаго свѣта. Они везутъ въ жертву божеству цвѣты, эмблему красоты и юности. Вѣдь только въ юности цвѣтъ, только въ цвѣтѣ красота. Наступитъ возмужалость, цвѣты дадутъ плодъ; плодъ—польза, но уже не красота... А вотъ я состарѣлся и умирать собираюсь, а какую пользу я принесъ? Стало быть, что же? Или я не цвѣлъ, или моя молодость была пустоцвѣтъ? Богинѣ не было принесено въ жертву живой красоты при моемъ рожденіи, вотъ она и наказала мою жизнь пустоцвѣтомъ. Между тѣмъ, говорятъ, былъ залогъ, что и я могъ бы на что нибудь и кому нибудь быть полезнымъ. Слушай, Андрей! Какъ ты думаешь? Была ли вся жизнь моя только пустоцвѣтъ? Говорятъ: кто посадилъ дерево, вы-

строилъ домъ, написалъ книгу, воспиталъ ребенка,—тотъ не даромъ жилъ на свѣтѣ. Не знаю, такъ ли? Но дома я не строилъ, отдѣлывалъ только чужіе, устроенные другими; деревьевъ самъ не сажалъ, только указывалъ, гдѣ и какъ садить; книгъ не писалъ, а только читалъ; а ребенокъ... Ну, у меня былъ ребенокъ, но гдѣ онъ, что онъ? я ничего не знаю! Я его не ростилъ и не воспитывалъ...

— Какъ, дядюшка, развѣ у васъ было дитя?

— Было, мой другъ! Была Настя, милѣйшее въ мірѣ созданіе. Теперь ей долженъ быть девятый годъ, и она должна начать разцвѣтать во всей своей прелести... Но — но не судилъ Богъ мнѣ ее видѣть, можетъ быть именно потому, что моя молодость была пустоцвѣтъ.

— Развѣ вы не знаете, дядюшка, гдѣ она?

— Какъ же я могу знать? Помню, убитый горемъ, я едва успѣлъ закрыть глаза женѣ на второй годъ послѣ свадьбы, и не успѣлъ еще опомниться, вдругъ, прямо передо мной, будто выросъ изъ-подъ земли, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

— Князь, сказалъ онъ, васъ желаетъ видѣть государыня! — Я хотѣлъ было возразить, указывая на неостывшій еще и неубранный трупъ, но онъ не далъ мнѣ сказать ни слова. — «Она знаетъ, князь! И простите, что позволю себѣ вамъ совѣтовать ѣхать, не откладывая ни минуты. Вы знаете, прибавилъ онъ, — бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ долженъ быть, если можно такъ сказать, выше самого себя; ну и вы заставьте себя стать выше вашего горя! Еще совѣтовалъ бы не возражать, а предоставить всему плыть по теченію, какъ понесетъ жизнь. Впрочемъ, тамъ увидите»... Что было дѣлать? Я поѣхалъ. Императрица Анна Іоанновна вышла съ слезами на глазахъ. — Не стало нашего ангела! сказала она.— Богъ взялъ! отвѣчалъ я, будучи почти не въ силахъ говорить.—Его святая воля, упокой Богъ ея душу! тихо проговорила она, взглянувъ на образъ, и искреннія слезы невольно показались въ ея глазахъ. Черезъ секунду однакожъ она оправилась.—«Но мы, живые, должны думать о живыхъ! продолжала государыня твердо.—Сестра мнѣ писала обо всемъ, князь. Я знаю ея послѣднюю волю, и я на все согласна! Но я должна принять мѣры противъ могущихъ быть недоумѣній и несчастій въ будущемъ! Гдѣ Настя?

— Моя дочь, мое единственное утѣшеніе, ваше величество, — гдѣ же она можетъ быть? Она у меня, при гробѣ... нѣтъ, даже еще и не при гробѣ... отвѣчалъ я, не помня что говорю. Слезы у меня невольно капали изъ глазъ. — Вы должны ее уступить мнѣ, князь! — Кого? Настю, государыня, единственную радость мою, единственную надежду въ жизни?... Она не дала мнѣ продолжать.— Это необходимо! Я хочу! Польза отечества того требуетъ! настойчиво проговорила государыня.—Я не могу допустить, чтобы въ будущемъ интрига и зависть могли пользоваться ея именемъ для смутъ и безпокойства! Волей или неволей, князь, но вы должны! Это моя непремѣнная воля!

Она проговорила это такъ, что я чувствовалъ, что возражать нельзя, поэтому невольно склонился... Когда я воротился къ бреннымъ останкамъ жены, у меня уже не было и дочери. Ушаковъ ее увезъ. Послѣ государыня сказала, что она на ея имя положила полтора милліона и отправила на воспитаніе во Францію, въ одинъ изъ здѣшнихъ женскихъ монастырей. При жизни государыни, разумѣется, мнѣ ни ѣхать, ни узнавать было нельзя, а вотъ теперь пріѣхалъ и, видишь, не кстати вздумалъ умирать!

— Богъ милостивъ, дядюшка, поправитесь! Мы вмѣстѣ станемъ розыскивать и розыщемъ...

— Нѣтъ, другъ, мнѣ поправляться ужъ поздно! Я чувствую, что мнѣ не встать! Отыщешь или не отыщешь мою Настю, но уже одинъ ты! Вотъ, слушай, давно уже я хотѣлъ объ этомъ говорить съ тобой, да все какъ-то не приходилось. Ты помнишь нашъ договоръ, когда ты пріѣхалъ. Я тебѣ сказалъ, что я тебя вездѣ буду представлять какъ своего наслѣдника, но чтобы ты на наслѣдство не разсчитывалъ...

— Дядюшка, развѣ я вамъ далъ поводъ думать...

— Думать тутъ, другъ, нечего, а надобно дѣлать! Я это тебѣ тогда сказалъ, потому, во первыхъ, что не хотѣлъ себя связывать; а во вторыхъ, потому, что хотѣлъ посмотрѣть на тебя. Теперь же скажу, что я именно тебя назначилъ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ всего движимаго и недвижимаго. Бумаги объ этомъ я сдѣлалъ еще въ Петербургѣ, и ты обо всемъ найдешь подробныя указанія въ моемъ конторскомъ бюро. Позовешь впрочемъ управляю-

щаго Чернягина, онъ тебѣ все разъяснитъ. Ты по этимъ бумагамъ получишь мои дома въ Петербургѣ и Москвѣ со всѣмъ, что въ нихъ есть. Инвентари въ конторѣ ведутся въ порядкѣ. Получишь Парашино, имѣніе, которое я отдѣлывалъ съ любовью и для украшенія котораго я ничего не жалѣлъ; получишь мои костромскія, владимірскія, тамбовскія и саратовскія имѣнія, болѣе 15 тысячъ душъ; кромѣ того, тамъ, въ конторѣ, есть еще лифляндскихъ квитанцій на внесенный въ гамбургскій банкъ капиталъ тысячъ 300 съ чѣмъ-то. Это все твое, другъ... Постой, постой, не задуши! сказалъ Андрей Дмитріевичъ, отводя рукою племянника, когда тотъ хотѣлъ было броситься его благодарить.—Это я дѣлаю, во первыхъ, чтобы поддержать родъ князей Зацѣпиныхъ; а во вторыхъ, потому, что я тебя искренно полюбилъ и тебѣ вѣрю! Ты мое имущество не промотаешь, и что обѣщаешь, то исполнишь. А я хочу возложить на тебя именно ту обязанность, которую не могъ исполнить самъ.

— Дядюшка, прикажите.

— Ничего не приказываю, а прошу, и дай мнѣ слово, что мою просьбу исполнишь. Послѣ моей смерти, схоронивъ меня въ Зацѣпинскомъ монастырѣ, ты сейчасъ же пріѣзжай сюда, разъищи мою дочь Настю, твою двоюродную сестру, передай ей формально документы на полученіе въ день совершеннолѣтія изъ амстердамскаго банка милліона рублей, и скажи, что отъ меня ей одинъ завѣтъ и просьба:—не мѣшаться въ политику!

— Въ политику, дядюшка? что вы хотите этимъ сказать?

— А то, мой другъ, что у насъ, на святой Руси, благодаря удачѣ такихъ прощалыгъ, каковы были Бирономъ и Левенвольдъ, развилось въ такой степени проходимство, что разумѣется, ее въ покоѣ не оставятъ. Для того-то, безъ сомнѣнія, государыня и хлопотала, чтобы ее удалить. Объ одномъ и я прошу: не сдаваться на совѣты этого проходимства и не слушать соблазнительныхъ предложеній, которыя, нѣтъ сомнѣнія, будутъ на нее сыпаться!

— А у васъ нѣтъ никакихъ указаній дядюшка, которыми можно было бы руководствоваться при поискахъ?

— Мало... но нельзя сказать, чтобы не было никакихъ. Первое, что мнѣ извѣстно, это то, что гдѣ она воспитывается, зналъ Куракинъ отецъ. Черезъ него государыня и дѣло все вела. Сыну одна-

кожъ онъ не передалъ. Не знаю, знаетъ ли Бирон; но знаю, что знаетъ въ Парижѣ еще какая-то m-me Вижье. Но кто такая эта Вижье и гдѣ она, я ничего не знаю! Но вотъ тебѣ данныя: совпаденіе времени—восемь лѣтъ назадъ; возрастъ—девятый годъ; отдана на воспитаніе агентомъ русскаго правительства; положенный на ея имя въ полтора милліона капиталъ. Совпаденіе этихъ условій не можетъ быть случайнымъ. Потомъ, я могу еще указать на точныя примѣты: у нея надъ лѣвою бровью маленькое родимое пятно, другое родимое пятнышко есть на правомъ плечикѣ. Потомъ, смѣшная вещь: на второй или третьей недѣлѣ отъ рожденія у Насти сдѣлался нервный лихорадочный припадокъ. Кормилка заявила, что у ребенка родимчикъ и, какъ ты полагаешь, что она сдѣлала?—сильный и глубокій порѣзъ правой икры. Увѣряетъ, что у нихъ всегда такъ дѣлаютъ. Порѣзъ залечили, но на икрѣ остался широкій бѣлый шрамъ, который, думаю, и теперь замѣтенъ. Наконецъ, я не полагаю, чтобы ее заставили перемѣнить религію, а тогда сохранили и имя Анастасіи.

Андрей Васильевичъ полюбопытствовалъ ознакомиться съ характеромъ бумагъ, которыя онъ долженъ былъ передать.

Андрей Дмитріевичъ отвѣтилъ:

— Возьми и прочитай. Разумѣется, еслибы, когда я вносилъ эти деньги, я зналъ тебя, то условія взноса были бы иныя. Но тогда, не имѣя возможности никому довѣриться, я взнесъ ихъ съ тѣмъ, чтобы выдать такой-то, съ описаніемъ примѣтъ и обстоятельствъ воспитанія, предоставляя банку право удостовѣриться въ дѣйствительности личности. Если же въ теченіи пятидесяти лѣтъ никто не явится, то, внесенный капиталъ долженъ быть употребленъ на благотворительныя учрежденія въ Парижѣ и Москвѣ, носящія имя Анастасіи.

— Доберусь, дядюшка, будьте покойны, и если только жива—отыщу, и ваше приказаніе будетъ выполнено въ точности! Но, дядюшка, за что же вы лишаете ее того, что ей слѣдуетъ, назначая меня вашимъ наслѣдникомъ?

— Нѣтъ, мой другъ, ей этого не слѣдуетъ! Мнѣ предоставлено было право воспользоваться имуществомъ моей жены съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ я не передавалъ его своей дочери, о

которой бы даже забылъ. Въ замѣнъ этого наслѣдства, я тебѣ говорилъ, государыня положила на ея имя капиталъ. Потомъ, прибавляя къ этому капиталу еще милліонъ, я полагаю ее достаточно обезпеченною. Между тѣмъ, вѣдь и я князь Зацѣпинъ, и не могу не желать, чтобы имя нашего рода, князей Зацѣпиныхъ, цвѣло и красовалось изъ вѣка въ вѣкъ, особливо видя, что ты будешь его достойный представитель и вѣроятно будешь стараться, чтобы и дѣти твои были достойны тебя! Родъ, мой другъ, самъ по себѣ, въ настоящее время, потеряль всякое значеніе. Осталось это значеніе только въ королевскихъ семействахъ, и то только въ разсужденіи наслѣдника престола. Теперь важенъ капиталъ, имущество, собственность. Если у насъ сохранились еще кое-какія привилегіи, то не въ смыслѣ родоваго права, а только какъ кастовыя отличія, сословныя преимущества. Дѣйствительная сила теперь въ богатствѣ! Ну, ты и будешь богатъ, стало быть будешь и силенъ... Однакожъ, я усталъ. Слава Богу, что успѣлъ все это тебѣ высказать! Теперь на душѣ легче! Знаю, что когда меня не будетъ, ты сдѣлаешь все, что сдѣлалъ бы я... И Андрей Дмитріевичъ приказалъ унести себя въ спальню.

На другой день Андрей Дмитріевичъ, расположившись на терасѣ, вновь съ особымъ любопытствомъ слѣдилъ за движеніемъ по рѣкѣ. День былъ праздничный и населеніе Шарантона было особенно оживлено. Куда-то направлялся крестный ходъ, съ двумя патерами во главѣ. Разряженныя горожанки и поселянки, съ цвѣтами въ рукахъ, богомольно слѣдовали за процесіей и пѣли воскресные гимны.

— Право, Андрей, очарованіе полное, сказалъ Андрей Дмитріевичъ.—Ну чѣмъ не островъ Кипръ съ архипелагомъ кругомъ, и чѣмъ не празднество моей богини Киприды? Вотъ она, увѣнчанная цвѣтами, стоитъ и улыбкою своею счастливитъ всякаго, въ комъ горитъ таинственный огонь страсти. Вотъ, смотри, собирается флотилія челновъ и лодокъ, это кипряне. Они ѣдутъ на островъ любви поклониться божеству. Они везутъ ему въ жертву живую красоту. Самъ экзархъ ведетъ, обреченную богинѣ, одѣтую въ пурпуръ и злато, невѣсту. Она останется на ночь въ храмѣ у подножія и приметъ то, чѣмъ осѣнитъ ее маленькій спящій божокъ.

Не есть ли это, впрочемъ, изящный и роскошный первообразъ того, что въ грубой и жесткой формѣ проводитъ въ русскую жизнь Ермилъ Карпычъ, съ своимъ радѣньемъ, напоминающимъ граціозные хороводы античныхъ дѣвъ, съ ихъ прославленіемъ Вакха и Киприды, но напоминающимъ такъ, какъ нацарапанная карикатура можетъ напоминать художественное произведеніе?

Но именно поэтому и нельзя сравнивать одного съ другимъ. Одно было изящно, свѣтло прекрасно; другое—грубо, жестко, нелѣпо. Одно ласкало всѣ чувства, всѣ понятія, давало наслажденіе изящнымъ; другое—ничего болѣе, какъ только грубая чувственность. Богинѣ наслажденія приносилась въ жертву красота, какъ вѣра въ ея могущество, какъ служеніе ея культу. А тутъ кому, какая жертва? Тамъ искренность и вѣра, а здѣсь недостойный обманъ.

Они приносили въ жертву богинѣ прекраснѣйшую, за то богиня защищала ихъ въ тяжкія минуты и защитила въ годину роковой войны. Киприъ побѣдилъ несмѣтную силу Ксеркса, идущую залить и потопить Элладу, а съ нею и самый Киприъ; побѣдилъ не силою мышцъ своихъ воиновъ, а могуществомъ, которому нѣтъ на свѣтѣ равнаго; могуществомъ любви и красоты.

Ты не читалъ Геродота? Жаль! Впрочемъ, читая его, и я не понялъ. Мнѣ пояснилъ эту сцену оріенталистъ Гаммеръ, который пользовался санскритскими и персидскими источниками. Тамъ говорится о томъ, какъ кипрянки побѣдили всю армію Ксеркса могуществомъ своей красоты.

На слѣдующій день слабость усилилась. Андрей Дмитріевичъ не могъ уже читать и съ трудомъ говорилъ. Но онъ все лежалъ на терасѣ, любовался Кипридою и раскинувшимся передъ нимъ пейзажемъ природы.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вонъ то стадо бурыхъ коровъ, съ своими пастушками и пастухами, паслось вотъ тутъ, внизу! сказалъ онъ, указывая на растилавшуюся передъ нимъ долину.— Узнай, Андрей... устрой, если возможно.

Черезъ нѣсколько часовъ, стадо паслось у его ногъ. Пастушки, въ праздничныхъ костюмахъ, кормили сочною травою полныхъ и злачныхъ коровъ; переливы пастушьихъ рожковъ звучали въ воздухѣ.

— Взгляни, Андрей, какъ красивъ этотъ пастухъ, въ своей швейцарской шляпѣ, съ густыми сѣдыми волосами. Онъ напоминаетъ мнѣ что-то библейское, что-то говорящее о праотцахъ. Я такимъ воображаю Исаака, встрѣчающаго Ревекку.

Среди этой роскошной природы, любуясь ея красотою и вдыхая свѣжій, здоровый воздухъ средней Франціи, онъ видимо угасалъ. Но онъ все слушалъ и смотрѣлъ; все хотѣлъ обнять, всѣмъ насладиться. Услышавъ вдали пѣсню, онъ вспомнилъ, что передъ выѣздомъ изъ Парижа, онъ слышалъ, что тамъ ждутъ изъ Италіи знаменитаго пѣвца Саріоти, и выразилъ желаніе его послушать. Андрей Васильевичъ ту же секунду распорядился пригласить пѣвца.

— Сегодня я чувствую себя очень нехорошо! сказалъ вдругъ Андрей Дмитріевичъ.—Послушай, другъ, я далъ слово княжнѣ Кантемиръ непремѣнно вызвать поповъ. Если я скажу «пора закладывать», ты ту же минуту пошли за ними. Я надѣюсь сказать эти завѣтныя слова уже тогда, когда, по пріѣздѣ, они меня не застанутъ. Это будетъ похоже на то, какъ въ моихъ глазахъ Петръ II, этотъ царственный мальчикъ, съумѣвшій сослать въ Сибирь своего воспитателя, на моихъ глазахъ сказалъ: «подавать сани», и погасъ. Тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ, они не будутъ меня мучить. Да не оставляй меня здѣсь, увези хоронить въ Зацѣпино, опять повторилъ онъ.—Пускай я тамъ лежу съ своими!

Къ вечеру пріѣхалъ Саріоти.

— Спой мнѣ, мой дорогой, что нибудь... вотъ оттуда, поближе къ водѣ, подлѣ подножья богини красоты и наслажденія... Потѣшь умирающаго!

И нѣжные звуки итальянскаго тенора разлились въ воздухѣ.

Андрей Дмитріевичъ заслушивался.

— Знаешь, мой дорогой, скажи: много ли ты надѣешься заработать своимъ голосомъ эти дни въ Парижѣ? спросилъ его Андрей Дмитріевичъ.

— Надѣюсь, ваше сіятельство,—хоть надежды бываютъ иногда обманчивы—никакъ не менѣе тысячи франковъ въ день.

— Я гарантирую тебѣ двѣ тысячи франковъ въ день на три дня. Болѣе трехъ дней я не проживу. И послушай, передъ тѣмъ, какъ мнѣ умирать, спой мнѣ, знаешь, молитву Страделлы.

Прослушавъ арію, Андрей Дмитріевичъ сказалъ племяннику:

— Знаешь, Андрей, приготовившись матеріально и нравственно къ переходу въ другой міръ, я теперь даже не хотѣлъ бы выздоравливать! Вели итальянцу спѣть что-нибудь изъ «Чимарозы». Мнѣ что-то очень душно; пусть нѣжные звуки языка Тасса и Петрарки разнесутъ мою грусть... А повезешь меня домой, не забудь—поклонись и Москвѣ бѣлокаменной, ея златоглавымъ соборамъ, и Зацѣпинскому Спасу въ нашемъ родовомъ селѣ, котораго видѣть мнѣ такъ-таки и не удалось, хоть я много разъ желалъ... Видно не даромъ, когда меня провожали, то голосили какъ по покойникѣ; видно предчувствовали, что я покойникомъ только и ворочусь! Правда, не богомоленъ я былъ передъ нашими родовыми пенатами, но душа во мнѣ всегда была русская...

Саріоти запѣлъ. Андрей Дмитріевичъ сталъ слушать. Потомъ онъ вдругъ обратился къ племяннику:

— Пора закладывать, сказалъ онъ:—посылай за попами! Онъ опустился на подушку и тяжело вздохнулъ.

— Страд... Страд... проговорилъ онъ судорожнымъ языкомъ. Племянникъ понялъ и шепнулъ Саріоти. Тотъ началъ молитву «Страделлы». Андрей Дмитріевичъ вытянулся и съ трудомъ перекрестился; потомъ повернулъ голову на другой бокъ и закрылъ глаза. Еще въ его лицѣ можно было замѣтить конвульсивное движеніе. Онъ вздохнулъ еще разъ, потомъ раскрылъ ротъ и будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ни слова. Саріоти кончилъ, но было незамѣтно, слышалъ ли Андрей Дмитріевичъ конецъ. Онъ угадалъ: попы пріѣхали въ то время, когда его уже не было на свѣтѣ.

Въ селѣ Зацѣпинѣ между тѣмъ происходила другая борьба между жизнью и смертью. Вскорѣ послѣ смерти Андрея Дмитріевича захворалъ смертельно старшій представитель рода князей Зацѣпиныхъ, отецъ Андрея Васильевича, князь Василій Дмитріевичъ. И по странному совпаденію обстоятельствъ, болѣзнь его была та же, что и его младшаго брата въ Парижѣ. Онъ простудился, обходя какой-то изъ своихъ обширныхъ лѣсовъ для производства надѣла

крестьянамъ.—«Рубить зря, гдѣ попало, говорилъ онъ,—и только портятъ лѣсъ». Лучше всякаго надѣлить и заставить беречь, рѣшилъ онъ. Обозрѣвая лѣсъ въ этихъ мысляхъ, онъ попалъ въ болото, насилу выкарабкался, прозябъ и пріѣхалъ домой больной. Сперва на болѣзнь свою онъ не обращалъ никакого вниманія, но потомъ, когда черезъ день его начала бить лихорадка, такъ что онъ не могъ свести зубъ съ зубомъ, и стало очень колоть бокъ, то онъ дозволилъ своей женѣ, княгинѣ Аграфенѣ Павловнѣ, натереть себя муравьинымъ спиртомъ, настояннымъ на звѣробоѣ, и напоить мятою и шалфеемъ. О докторахъ ему никто не смѣлъ и заикнуться. Аграфена Павловна тайкомъ привела было какого-то знахаря и показала ему князя сонным. Тотъ велѣлъ принести воды, пошепталъ что-то на уголекъ, этимъ угольком сдѣлалъ надъ горшкомъ воды нѣсколько разъ крестное знаменіе, опустилъ уголекъ въ воду и велѣлъ воду эту держать подъ изголовьемъ. Но когда Василій Дмитріевичъ всталъ и увидѣлъ въ головахъ своей постели горшокъ съ водою, то велѣлъ вылить воду и разбить самый горшокъ. Княгиня Аграфена Павловна, услышавъ это приказаніе, и руки опустила. Напрасно умоляла она его дозволить хоть еще разъ намазать себя, хоть мяты и шалфею еще разъ настоять, или вонъ, матушка попадья липовый цвѣтъ очень хвалитъ,—Василій Дмитріевичъ отказался рѣшительно. А какъ болѣзнь не проходила, то онъ сталъ готовиться къ смерти. Онъ велѣлъ написать письма ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, что желаетъ по христіанскому обычаю проститься съ ними; велѣлъ написать ко всѣмъ, съ кѣмъ только имѣлъ размолвку, что проситъ у нихъ христіанскаго прощенія.

— Жаль, Андрюхи нѣтъ! сказалъ онъ,—теперь поди въ Парижѣ съ братомъ безпутничаютъ. Боюсь, на добро ли я послалъ его? Ну, да во всемъ воля Божія!

Съ нимъ дѣлались припадки удушья, но онъ переносилъ эти припадки съ стоическимъ терпѣніемъ. Никто не слыхалъ отъ него ни стона, ни жалобы, и онъ настаивалъ только на одномъ, чтобы ни въ чемъ не измѣнялся обычный порядокъ его жизни. Только вмѣсто утренней молитвы, которую обыкновенно Василій Дмитріевичъ прочитывалъ самъ, приходилъ ежедневно священникъ и служилъ молебенъ передъ образомъ Василія Блаженнаго, память

котораго Василій Дмитріевичъ праздновалъ своимъ тезоименитствомъ.

Ежедневно священникъ окроплялъ больнаго святою водою и давалъ цѣловать крестъ. Когда же, видя тяжкія страданія Василія Дмитріевича, онъ сказалъ, что не слѣдуетъ ли ему приготовиться по христіански къ послѣднему концу, то Василій Дмитріевичъ разсердился и отвѣтилъ:

— Негоже, не приготовившись, къ такому великому таинству безъ крайней нужды приступать!

То-же отвѣтилъ онъ и княгинѣ Аграфенѣ Павловнѣ, когда она намекнула ему объ этомъ; но сдался на ея просьбы, дозволивъ ей дать себѣ богоявленской воды и зажечь у себя въ головахъ передъ образомъ крещенскую свѣчу.

Послѣ молебна, каждый день Аграфена Павловна должна была прочитывать ему донесенія изъ разныхъ его волостей и имѣній, и замѣчать и передавать его приказанія. Каждый день она должна была ему говорить о жалобахъ, поступающихъ отъ крестьянъ. Больной, задыхающійся, онъ входилъ во всѣ подробности, чинилъ распорядокъ, осуществлялъ то, что думалъ приводить къ осуществленію годъ назадъ.

— Это мое дѣло, говорилъ онъ.—Кто же мое дѣло дѣлать станетъ? Если я не стану о нихъ думать, прибавлялъ Василій Дмитріевичъ, указывая на своихъ крестьянъ, ожидавшихъ его распорядка,—то кто о нихъ подумаетъ? И съ чѣмъ я явлюсь къ престолу Божію, когда, ради своей небрежности и лѣни, я на руки наемниковъ сдамъ тѣхъ, кто Имъ былъ порученъ мнѣ!

И дѣла по имѣніямъ шли, не останавливаясь, своимъ порядкомъ. Привезли изъ Москвы молодые отводки каштановъ. Василій Дмитріевичъ еще въ прошломъ году заказалъ, хотѣлъ попробовать акклиматизировать ихъ на берегу Ветлуги. Онъ приказалъ засаживать приготовленное мѣсто.

— Подъ тѣнью бы ихъ далъ вамъ Богъ посидѣть, князь! сказалъ кто-то изъ сосѣдей, сидѣвшихъ подлѣ постели больнаго.

— Пусть они знаютъ, что ихъ отецъ садилъ эти деревья на смертномъ одрѣ! отвѣчалъ Василій Дмитріевичъ, указывая на дѣтей.—Ясно, не для себя хлопоталъ!

И онъ сейчасъ же распорядился, чтобы опыть посадки капитановъ производился и по другимъ его имѣніямъ, предназначеннымъ его младшимъ сыновьямъ.

Между тѣмъ, родные и близкіе знакомые Василія Дмитріевича, получивъ извѣстіе о его болѣзни, начали съѣзжаться. Они нашли его хуже, чѣмъ ожидали, но разумѣется приходили съ словами утѣшенія. Пріѣхалъ изъ Зацѣпинской пустыни и отецъ Ферапонтъ.

— Нужно вспомнить христіанскій долгъ, князь, исповѣдываться во грѣхахъ своихъ и, прибѣгая къ милосердію Божію, пріобщиться Его святыхъ и Божественныхъ таинъ!

— Не рано-ли, святой отецъ? Проститъ-ли Богъ грѣшника, прибѣгающаго къ столь великому дѣлу, безъ приготовленія?..

— По вѣрѣ вашей дастся вамъ! отвѣчалъ отецъ Ферапонтъ.— Богъ установилъ великое таинство сіе не только во искупленіе, но и во исцѣленіе.

Этотъ доводъ убѣдилъ князя, и онъ рѣшилъ завтра пригласить священниковъ изъ двухъ ближайшихъ своихъ селъ; они должны были, соборне съ отцомъ Ферапонтомъ, отслужить молебенъ Нерукотворенному Спасу Зацѣпинскому, а послѣ молебна онъ приступитъ къ всенародной исповѣди и святому причащенію.

Утро было ясное; въ семь часовъ утра священники начали свое служеніе съ водосвятіемъ. Больной лежалъ въ постелѣ, но усердно молился. Кругомъ его стояли: жена, дѣти, пріѣзжіе, управляющіе, дворня, весь домъ. Всѣ молились. По окончаніи молебна, Василій Дмитріевичъ обратился къ отцу Ферапонту.

— Вы, св. отецъ, мой отецъ духовный, васъ прошу я прочитать мою послѣднюю волю! Груша, подай бумаги!

Княгиня, со слезами на глазахъ, но послушно, тихою поступью прошла въ брусяную избу, вынесла оттуда бумаги и подала князю.

— Это моя послѣдняя воля, писана мною самимъ въ твердомъ умѣ и памяти, будьте свидѣтелями всѣ. Надѣюсь, дѣти ни въ чемъ не захотятъ ее нарушить!

Отецъ Ферапонтъ началъ читать.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Помня часъ смертный и желая водворить въ домѣ моемъ и между дѣтьми моими миръ и любовь, да царствуетъ надъ ними Божья благодать и мое благослове-

ніе, рѣшилъ я, будучи въ здравомъ умѣ и памяти, доставшееся мнѣ послѣ родителя моего имущество и нажитое моимъ прибыткомъ, распредѣлить между женою моею и дѣтьми моими слѣдующимъ порядкомъ: старшаго сына моего, Андрея, благословляю занять мое мѣсто, быть опорою и другомъ матери своей, отцомъ братьямъ и сестрамъ своимъ, оказывать имъ любовь и помощь и назначаю ему Божьяго и нашихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и родителей благословенія, образъ Спаса Нерукотвореннаго Зацѣпинскаго, да охранитъ его Господь своею милостію»... Потомъ, за перечисленіемъ другихъ образовъ, вещей, разныхъ принадлежностей, шло перечисленіе волостей, домовъ, дачъ, земель, лѣсовъ и пустошей. Потомъ, тоже шло о другихъ дѣтяхъ и женѣ, согласно сдѣланному уже впередъ распорядку; распредѣлялись лошади, скотъ, наконецъ, наличныя деньги, изъ коихъ отдѣлялись особо суммы на поминъ души, на украшеніе Зацѣпинской обители, на украшеніе своихъ приходскихъ церквей, на раздачу бѣднымъ и т. д.

Чтеніе духовной приходило къ концу. Всѣ стояли безмолвно. Больной слушалъ, закрывъ глаза и иногда крестясь. Въ это время вдругъ подлетѣла коляска на шестернѣ почтовыхъ. Изъ нея выскочилъ Андрей Васильевичъ.

— Батюшка, батюшка, что съ вами? закричалъ онъ, падая на колѣни передъ кроватью.

Больной обрадовался.

— Андрей, Андрей! тебя самъ Богъ принесъ, чтобы я тебя благословилъ! Какимъ случаемъ? что братъ?

Андрей Васильевичъ замялся. Потомъ, опустивъ глаза, онъ проговорилъ:

— Его везутъ, батюшка!

— Какъ и онъ? Ну значитъ пора! Схоронить насъ вмѣстѣ, подлѣ отца!

Затѣмъ онъ поцѣловалъ пріѣхавшаго сына и приказалъ продолжать чтеніе. Только по окончаніи чтенія подошли къ пріѣхавшему его мать, братья и сестры.

Но ихъ свиданіе происходило одну минуту. Отецъ снова подозвалъ Андрея.

— Вотъ, Андрей, сейчасъ прочитали мою посмертную волю. Я

благословляю тебя большимъ крестомъ, назначаю все, что обѣщалъ тебѣ, съ тѣмъ, чтобы ты былъ отцомъ братьямъ своимъ, любилъ и помогалъ имъ, а они бы слушали и почитали тебя. На тебѣ первомъ почіетъ и мое благословеніе. Прости отца, въ чемъ онъ виноватъ передъ тобою, какъ и я тебя отъ души прощаю. Подайте образъ Спаса.

И колѣно-преклоненный сынъ принялъ его благословеніе. Затѣмъ, подходили другія дѣти, по старшинству. Отецъ у каждаго просилъ прощенія, въ чемъ виноватъ, и благословлялъ, увѣщевая на жизнь любви, міра и послушанія.

— Будьте настоящими Зацѣпиными, не уроните вашего имени! говорилъ онъ.

Послѣ дѣтей стали подходить родные, знакомые, наконецъ, управляющіе и домашняя прислуга-дворня. Василій Дмитріевичъ прощался со всѣми, просилъ отпустить вины его.

Послѣднимъ подошла княгиня. Она упала на колѣна передъ постелью мужа, съ глазами полными слезъ, и съ умиленіемъ, робко проговорила:

— Батюшка, Василій Дмитріевичъ, прости и меня въ чемъ виновата я! прости, что худо ходила, не берегла; прости, коли прогнѣвила чѣмъ...

Она не кончила; слезы не дали ей говорить, и она припала къ изголовью постели.

— Другъ мой, милая! двадцать два года ты была мнѣ опорою и радостью, мнѣ-ли прощать тебя! Прости меня, мой другъ, прости за нетерпѣливость мою, за жесткость слова иногда, за невниманіе. Прости за все, чѣмъ огорчалъ тебя!

Онъ горячо обнялъ ее и долго держалъ у груди...

— Онъ будетъ опорою тебѣ! наконецъ проговорилъ Василій Дмитріевичъ, указывая на Андрея Васильевича.—Люби и учи его; а ты слушай и почитай мать! Что она скажетъ, любя скажетъ...

Потомъ онъ благословилъ ее и просилъ, чтобы и она благословила его предстать на высшій судъ... Затѣмъ отецъ Ферапонтъ началъ читать исповѣдальныя молитвы.

— Всенародно исповѣдываться хочу, св. отецъ, сказалъ онъ.— Прикажите звать всѣхъ, раскрыть всѣ двери. Пусть всѣ свидѣтельствуютъ о грѣхахъ моихъ и видятъ раскаяніе мое.

— По этому слову больнаго, комната наполнилась народомъ, обступившимъ постель больнаго; видны были слушатели и въ дверяхъ, и въ окнахъ, и около драпировки постели. Впереди стояли жена и дѣти.

Отецъ Ферапонтъ громко предлагалъ свои вопросы. Больной отвѣчалъ, и чтобы всѣ узнавали его отвѣты за его тихимъ голосомъ, онъ сопровождалъ ихъ движеніемъ руки, дѣлая или знакъ отрицанія, отмахиваясь, или утверждая положительнымъ движеніемъ.

— Соблюдалъ ли чистоту супружескаго ложа твоего? спрашивалъ отецъ Ферапонтъ.—Не измѣнялъ-ли супругѣ твоей, дѣломъ, словомъ, или помышленіемъ?

Княгиня взглянула на мужа съ выраженіемъ неотразимаго любопытства и страха. Въ ней боролось, съ одной стороны, сомнѣніе дѣйствительно ли мужъ не измѣнялъ ей, а съ другой—боязнь, что такая измѣна ей, которую она отъ души прощаетъ, будетъ извѣстна всѣмъ, будетъ темою для толковъ и разглагольствованій по всему околодку.

Но князь отвѣчалъ твердо:

— Никогда, св. отецъ! Честно держалъ я свое супружеское ложе. Не могу не сказать, чтобы въ молодости, особливо во время болѣзни жены моей, не приходили мнѣ иногда въ голову и грѣховныя мысли; но я отклонялъ отъ себя всякій соблазнъ и, положа руку на сердце, могу сказать, что супружеское ложе мое никогда ничѣмъ не было осквернено, даже въ помышленіи.

Было замѣтно, что, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, глаза княгини яснѣли и принимали какое-то особое выраженіе любви къ мужу и почтенія.

— Воспитывалъ ли ты дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ, относился ли къ нимъ съ равною нѣжностью и не давалъ ли кому либо изъ нихъ преимущества? спрашивалъ отецъ Ферапонтъ.

— Св. отецъ! всѣ дѣти были мнѣ равно дороги, но по родовымъ преданіямъ нашимъ, я долженъ былъ предпочитать старшаго сына и предоставить ему преимущества.

— Родовыя преданія исходятъ изъ гордости человѣческой, онѣ какъ-бы хотятъ предрѣшить будущее предназначеніе Промысла.

А гордость—великій грѣхъ, принеси въ ней искреннее покаяніе передъ Господомъ.

— Обращался ли ты одинаково, безъ всякаго лицепріятія, со всѣми подчиненными тебѣ? продолжалъ отецъ Ферапонтъ,—со всѣми зависящими отъ тебя, поступалъ ли кротко, милосердно, какъ мы хотимъ, чтобы поступилъ съ нами Царь небесный?

— Грѣшенъ и каюсь, св. отецъ. Я старался относиться безъ лицепріятія, но поддавался вліянію гнѣва, страсти, состоянія духа! Каюсь въ такомъ грѣхѣ моемъ.

— Не обидѣлъ ли кого съ умысломъ и безъ умысла? Не нарушилъ ли справедливости, не лукавилъ ли въ сердцѣ твоемъ, объясняя справедливостью то, что исходило изъ твоей страстности. Если кого обидѣлъ, отдалъ ли ему обиду его, вознаградилъ ли тѣмъ, чѣмъ могъ вознаградить?

— Съ умысломъ я никого не хотѣлъ обижать, св. отецъ. Никогда не бралъ ничего лишняго.

Въ это время раздался голосъ сзади, изъ-за толпы.

— Не правда-жъ, баринъ, меня обидѣлъ!

Всѣ обратили свое вниманіе туда, откуда раздался голосъ, и черезъ минуту толпа выдвинула впередъ невысокаго сѣринькаго мужиченка, съ длинными ушами, лѣтъ двадцати девяти, но отъ трудовой жизни казавшагося старше.

— Что-жъ, я правду говорю, отрызался мужикъ на дѣлаемые ему вопросы справа и слѣва,—еще обидѣлъ-то, во какъ!

Князь посмотрѣлъ на мужика. Онъ видимо не зналъ его.

— Какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ-то? Степка долгоухій.

— Чѣмъ-же я тебя обидѣлъ?

— А какъ-же не обидѣлъ? Лѣтось раза три приходилъ кланяться, дескать хозяйка умерла, дѣти малъ-мала меньше, прошу оженить на Васюткиной дочкѣ. Все приказа никакого не было. А тутъ вдругъ вышелъ приказъ и оженили на Омелькиной... Омелькина дѣвка молодая, хорошая, жалиться бы нечего, да больно хрупкая и на работу негожая. Куда ей съ пятью пасынками справляться, когда сама съ шестымъ ходитъ. А Аленка Васюткина, другой сказъ.

Она баба съ измальства въ работѣ выросла, у самой дѣтки еще въ дѣвкахъ были. Она за двухъ мужиковъ постоитъ.

— Я приказа о томъ, на комъ тебя женить, не давалъ!

— Знаю, что не давалъ; это все Трифонъ Савельичъ сварганилъ. Онъ все приставалъ къ Омелькиной-то дочкѣ, дескать любовь съ нимъ веди; жена старая, такъ мнѣ дескать свѣту въ глазахъ нѣтъ! Она не согласилась, такъ вотъ онъ въ отмѣстку, дескать, помни же!... Какъ насъ всѣхъ сгономъ вѣнчать повели, онъ возьми, да и запиши меня съ Дунькой Омелькиной.

— Это когда безпоповщина одолѣвать стала? но я приказалъ...

— Богъ на тебя возложилъ, князь, заботу, и твой грѣхъ, если твои сподручники и помощники кривдой живутъ! сказалъ отецъ Ферапонтъ.

— Прости, Степанъ, въ неправдѣ моей. Вотъ послѣ меня Андрей, чѣмъ въ силахъ, поможетъ.

— Богъ проститъ, господинъ, и насъ не поминай лихомъ.

— Не обидѣлъ-ли еще кого? слабымъ голосомъ спросилъ князь.

— Обидѣлъ! раздался голосъ изъ другого угла.

— Кто это? чѣмъ?

— А какъ же: уволокъ-то покосовъ—еще отецъ косилъ, и я, съ десятокъ ужъ лѣтъ почитай будетъ, владѣлъ, и тебѣ повинность оплачивалъ; а тутъ вдругъ подъ мельницу взяли и дали ледящій перелогъ, такъ что другой годъ почитай совсѣмъ безъ травы сижу, а повинность то требуютъ.

— Прости, братъ, тоже не досмотрѣлъ. Андрей, разсмотри и вознагради!

— Нѣтъ-ли еще кого? спросилъ отецъ Ферапонтъ, но никто не выходилъ.

— Простите, людъ христіанской, проговорилъ князь,— простите, противъ кого согрѣшилъ.

— Богъ проститъ! гуломъ пронеслось по крестьянамъ,—прости и насъ, въ чемъ грубили.

Исповѣдь продолжалась. Отецъ Ферапонтъ, оглядѣвъ присутствующихъ, вдругъ спросилъ:

— Мой духовный сынъ, я вижу всѣхъ кругомъ тебя, не вижу

только старшей твоей дочери Аграфены; гдѣ она? не виноватъ-ли ты передъ ней въ чемъ?

Князь вздрогнулъ.

— Она, ты знаешь св. отецъ... она не дочь мнѣ. Она забыла долгъ повиновенія отцу своему, забыла, что она княжна Зацѣпина.

— Смири передъ Господомъ гордость твою! твердо сказалъ отецъ Ферапонтъ.—Чѣмъ виновата она, что въ своей дѣвичьей немощи захотѣла лучше служить Богу, чѣмъ коротать вѣкъ съ постылымъ— что отринула его...

— Нѣтъ, но она выбрала недостойнаго, избрала...

— Чѣмъ? Что онъ не изъ вѣковыхъ князей? Но онъ слуга царскій и добрый воинъ церкви Божіей. И ты отнялъ за то ея счастіе. Въ горѣ и слезахъ проводить она дни свои, а ты и на одрѣ смертномъ кичишься родомъ своимъ. Слова мои безсильны противъ воли Божіей. А не пошлетъ Богъ разрѣшенія грѣхамъ твоимъ и не благословитъ послѣдній часъ твой, если не примиришься ты съ родною своею дочерью, и не дашь ей христіанскаго прощенія и своего отцовскаго благословенія.

Княгиня Аграфена Павловна упала на колѣни передъ постелью.

— Батюшка, другъ!.. могла только она выговорить.

Упала на колѣни передъ отцомъ и другая дочь его, Елисавета.

Всѣ молчали, только младшіе сыновья, Юрій и Дмитрій проговорили:

— Отецъ, прости!

Въ эту минуту сквозь народную толпу пробралась молоденькая бѣлица, въ слезахъ и съ отчаяніемъ во взорѣ. Она тоже упала на колѣни, приложилась губами къ опущенной рукѣ умирающаго и едва могла проговорить:

— Отецъ, не кляни меня! Вѣдь я твоя,—твоя дочь!

Съ этими словами она глухо зарыдала, колотясь головою о перекладину постели.

Умирающій вздрогнулъ. Въ толпѣ раздался глухой ропотъ предстоящихъ.

— Прости, князь! прости, батюшка баринъ! говорили кругомъ.— Полно Василій Дмитріевичъ, прости, — видишь, какъ исхудала сердечная.

— Клянусь, отецъ, что я не измѣню твоей воли, посвящу служеніе свое Господу, говорила княжна.—Ты и тамъ будешь знать, что воля твоя исполнена твоею дочерью, и что она не уронила рода своего ни въ чемъ.

— Да, проговорилъ князь,—а кто мнѣ отдастъ слово мое?

— Ты свободенъ отъ этого слова, батюшка Василій Дмитріевичъ, проговорила княгиня Агрофена Павловна.—Онъ женился, узнавъ, что Груша въ монастырь пошла, а за него идти не захотѣла. А Марьина здѣсь нѣтъ, да и не будетъ вѣрно. Прости ее, другъ мой! Она молиться за всѣхъ насъ будетъ! прибавила она умоляющимъ, почти безнадежнымъ голосомъ.—Прости ее!

— Нѣсть пользы въ раскаяніи, егда ты не примирился съ братомъ твоимъ, сказано въ писаніи, говорилъ отецъ Ферапонтъ. — А ты, въ своей гордости, оттолкнулъ отъ себя родную дочь свою! Прости ее, и Богъ проститъ тебя.

Отецъ Ферапонтъ замолчалъ и сталъ молиться!

Князь Василій Дмитріевичъ приподнялся, взглянулъ на образъ и проговорилъ:

— Княжна Зацѣпина—и будетъ за Марьинымъ. Что скажу я предкамъ своимъ?.. Но да будетъ Его святая воля! Князь перекрестился, потомъ обратился къ дочери.

— Снимаю съ тебя твой грѣхъ, непослушная дочь! Прощаю и благословляю тебя! Да будешь ты счастлива, и да не укоряетъ тебя сердце твое за твой грѣхъ ослушанія. Не снимаю съ тебя твоей воли; останешься ли ты въ монастырѣ, или выйдешь за человѣка тобою избраннаго, да почіетъ на тебѣ Божіе и мое прощеніе и благословеніе! Дайте мнѣ образъ, я благословлю ее.

Исповѣдь кончилась. Отецъ Ферапонтъ читалъ разрѣшительныя молитвы. Всѣ стояли на колѣняхъ и плакали. Наконецъ, отецъ Ферапонтъ приступилъ къ святому причащенію. Еще разъ умирающій сдѣлалъ поклонъ всему предстоящему люду, прося прощенія и отпущенія, въ чемъ виноватъ передъ кѣмъ, и приступилъ къ принятію святаго таинства, примиренный съ людьми и Богомъ.

Затѣмъ всѣхъ пригласили къ слушанію благодарственнаго мо-

лѣбна. Всѣ вышли и потомъ опять окружили его постель съ поздравленіями и выраженіемъ надежды, что Богъ, удостоивъ его принятія св. таинства, пошлетъ ему облегченіе. Больной очень усталъ и почти не въ силахъ былъ говорить. Однакожъ, къ вечеру, онъ позвалъ Андрея и говорилъ съ нимъ, завѣщая ему любовь и помощь братьямъ и сестрамъ, и сохраненіе преданій рода ихъ. Онъ узналъ, что братъ сдѣлалъ наслѣдникомъ всего своего имущества князя Андрея, и очень обрадовался, что имущество это значительно. При этомъ онъ сказалъ:

— Да, я зналъ, что братъ въ душѣ своей всегда былъ истинный Зацѣпинъ. Мы будемъ вмѣстѣ лежать съ нимъ.

Вечеромъ надъ нимъ совершили обрядъ соборованія, послѣ чего онъ ослабѣлъ и уснулъ.

Ночью ему стало хуже. Онъ приказалъ женѣ позвать всѣхъ и просилъ отца Ферапонта благословить себя и начать читать отходную.

Отецъ Ферапонтъ одѣлъ эпитрахиль, перекрестилъ его и началъ.

Умирающій слабо и отрывисто повторялъ слова молитвы. Вдругъ онъ замолкъ, затѣмъ вытянулся, вздохнулъ — и его не стало.

Такъ угасъ послѣдній представитель тѣхъ началъ, которыя столько лѣтъ почили благословеніемъ надъ землею русскою,—начала любви, взаимной довѣренности и преемственнаго уваженія къ вѣковымъ преданіямъ родной старины.

«Вотъ тоже смерть, тоже спокойная, твердая смерть мужа! думалъ про себя Андрей Васильевичъ, стоя за двумя гробами отца и дяди, во время похороннаго служенія.—Оба умерли, смотря смерти прямо въ лицо. Но какая разница? Одинъ хотѣлъ кажется до дна выпить все, что давала ему здѣшняя жизнь; другой думалъ только о будущемъ. Ясно, что у послѣдняго была почва, на которой онъ могъ основывать свою надежду; у перваго же не было ничего. Кто же изъ нихъ правъ?»

Черезъ минуту онъ отвѣчалъ самъ себѣ: «чтобы рѣшить этотъ вопросъ, прежде всего нужно быть человѣкомъ самому. Нужно самому провѣрить, на что именно мысль о жизни человѣческой

можетъ и должна опираться. Но вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ не только въ отвлеченномъ смыслѣ, но въ смыслѣ отношенія человѣка къ обществу, къ его жизни и требованіямъ. Послѣ похоронъ ѣду въ Парижъ и постараюсь найти разрѣшеніе всему, на что должна опираться истина. Притомъ на мнѣ лежитъ обязанность выполнить послѣднюю волю дяди».

Но едва схоронили прахъ двухъ Зацѣпиныхъ, какъ ему, прежде своего отъѣзда, пришлось разрѣшать вопросъ сестры. Оставаться ли ей въ монастырѣ, или выходить замужъ за того, кого отвергалъ ея отецъ, но кого потомъ, благословляя ее, онъ дозволилъ ей признать своимъ суженымъ?

Рѣчь шла о молодомъ человѣкѣ, прекрасномъ, образованномъ, бывшемъ учителѣ ея братьевъ, а теперь занявшимъ въ военной службѣ весьма почетное положеніе—инструктора, какъ бы его назвали нынче; о молодомъ человѣкѣ, самая фамилія котораго показывала, что онъ ужъ никакъ не родовой потомокъ древнихъ именъ.

— Какъ ты думаешь, отецъ и братъ? спросила его сестра Аграфена Васильевна, стоя передъ нимъ съ видомъ просительницы.

— Право не знаю, что и отвѣчать, моя милая! Полагаю, что во всѣхъ родовыхъ фамиліяхъ встрѣчалось то, что французы называютъ mesalliance; отчего же въ этомъ отношеніи быть исключеніемъ Зацѣпинымъ? Особенно, если ты думаешь, что будешь съ нимъ счастлива, и что съ его стороны, ухаживанье за тобой, было не только пустымъ донъ-жуанствомъ. Знаешь, я думаю: выходи за него замужъ будто противъ нашей воли, а потомъ мы простимъ. Тутъ будетъ ему испытаніе, потому что онъ невольно можетъ подумать: «а какъ не простятъ?» Если любитъ искренно—на этомъ не остановится, а не любитъ, то по моему не стоитъ и говорить!

Сестра обняла брата и поцѣловала. Она въ тотъ же день скинула монашеское платье. Въ своемъ Марьинѣ она была увѣрена.

Проѣзжая Москву, Андрей Васильевичъ узналъ о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ; узналъ, что великая княгиня прави-

тельница тѣснѣе сблизилась въ Линаромъ, чѣмъ покойная государыня была съ Бирономъ; что всюду говорятъ о фиктивномъ бракѣ графа Линара съ Юліаною Менгденъ, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Узналъ, что нѣмцы все царствуютъ... Говорили всѣ это явно; говорили, что великая княгиня думаетъ объявить себя императрицею, царствующею совмѣстно съ своимъ сыномъ, и что ея дочери получатъ титулы великихъ княженъ. Обо всемъ этомъ судилось и говорилось. Въ отвѣтъ на этотъ разговоръ, Андрей Васильевичъ, какъ и всѣ русскіе люди, спрашивалъ себя съ тоскою и грустью: чего же ждать?

Андрей Васильевичъ уполномочилъ принимать дѣла и имѣнія, послѣ дяди и отца, своего повѣреннаго, поручивъ ему въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ матери и писать къ нему, а самъ, не заѣзжая въ Петербургъ, уѣхалъ въ Парижъ, учиться и веселиться, какъ онъ говорилъ тѣмъ, кто спрашивалъ его о цѣли поѣздки.

VIII.

Рѣшилась.

Настоянія, съ которыми обратились къ цесаревнѣ Елисаветѣ о выходѣ замужъ за принца Людвига Брауншвейгъ-люненбургскаго, не вели ни къ чему. Цесаревна отказала, твердо и настойчиво повторяя свой отказъ, какъ къ ней не приступали со всѣхъ сторонъ. Ни угрозы, ни уговоры не помогали.

— Что это, матушка, ты выдумала? отъ замужества отказываться. Всѣ не по намъ! Да что тебѣ мѣсяцъ съ неба свести что-ли? сказала ей великая княгиня правительница, разсерженная ея упорствомъ.

Цесаревну глубоко оскорбилъ и огорчилъ этотъ тонъ ея племянницы; но она выдержала себя, зная что на безхарактерный капризъ скорѣе всего дѣйствуетъ видимость покорности и уступчивости. По этому, не показавъ даже тѣни неудовольствія, съ скромнымъ, умоляющимъ видомъ просительницы, она начала свою впередъ обдуманную и приготовленную рѣчь:

— Государыня, моя милостивая повелительница и дорогая, многоуважаемая сестрица, какъ вамъ самимъ благоугодно было мнѣ приказать называть себя, говорила цесаревна сдержанно.— Я всегда ваша слуга—послушница. Но я дала клятву не выходить замужъ. Я не хочу оставлять Россіи и маяться въ чужихъ земляхъ, какъ, сами знаете, ваша матушка Катерина Ивановна и наша общая благодѣтельница, покойная государыня, ваша тетушка, Анна Ивановна, въ чужихъ земляхъ маялись. И къ чему? Съ молоду, когда лѣта такія были, замужъ не вышла, такъ теперь... Мои года сестрица ужъ ушли. Въ эти годы выходить замужъ даже опасно. Наслѣдство русскаго престола теперь, милостію Божіею къ вамъ, сестрица, утвердилось въ мужескомъ колѣнѣ нынѣ царствующаго императора, моего любезнаго внука, а вашего сына. Зачѣмъ же я выйду? можетъ, для будущаго, только смуту плодить, только совѣсть мутить. Да и какая я невѣста на тридцать второмъ году, а вѣдь мнѣ, государыня, тридцать второй, я уже старуха... Нѣтъ, моя всемилостивѣйшая повелительница, ужъ если я чѣмъ прогнѣвила васъ, если вамъ не жаль погубить меня и вы не желаете меня видѣть близъ себя, то, какъ мнѣ ни тяжело, какъ ни мало склонна я къ монастырской жизни, но, исполняя ваше повелѣніе и пользуясь предоставленнымъ мнѣ вами правомъ выбора, я избираю лучше монастырь. Тамъ, по крайней мѣрѣ, я могу покойно молиться за ваше здоровье, за здравіе и возростаніе его величества, моего государя-внука, и ваше милостивое и славное правленіе...

Такого рода покорность тетки совершенно обезоруживала правительницу, такъ что, какъ ни настроятъ ея предварительно со всѣхъ сторонъ и ея мужъ, принцъ Антонъ, и наперстница Юліана, и графы Остерманъ, Головкинъ и Левенвольдъ, наконецъ даже и тотъ, слова котораго она называла своимъ счастіемъ и дорожила ими, будто принесенными ей свыше, графъ Линаръ, присоединившійся къ охраняющему ея большинству, — какъ ни настроятъ ее быть твердою и строгою, она все-таки кончала свой разговоръ съ теткою ничѣмъ.

И принцъ Антонъ опять поднималъ глаза къ потолку, упирая ихъ въ летящаго амура, и начиналъ вздыхать, говоря объ опасно-

сти видѣть царевну не замужемъ, въ Петербургѣ, окруженную преданною ей гвардіею. Фрейлина Юліана, зная характеръ правительницы и то, чѣмъ подстрекнуть ее противъ цесаревны, опять начинала въ ея присутствіи расхваливать великолѣпную красоту Елисаветы. Она такъ боялась исчезнуть изъ того царственнаго «мы», съ которымъ всегда примѣшивала себя къ власти правительницы, что готова была увѣрять Анну Леопольдовну, что одинъ взглядъ цесаревны производитъ уже для нея опасность. Опять Остерманъ, Головкинъ, Левенвольдъ и онъ, самъ онъ, графъ Линаръ, и всѣ ихъ приспѣшники начинали твердить о несоотвѣтственности, несообразности и явной даже опасности, что русская великая княжна, дочь такого государя, каковъ былъ Петръ, и такая красавица какъ Елисавета, не выдана замужъ, подвергается всѣмъ сплетнямъ и пересудамъ и можетъ подвергать опасности самую династію.

Подъ вліяніемъ этого общаго хора, Анна Леопольдовна опять начинала говорить съ Елисаветой; но опять, отъ ея мягкой и покорной рѣчи, впадала въ нерѣшительность, какъ-бы сдавалась и начинала противорѣчить самой себѣ.

— Я не желаю вамъ зла, сестрица, разъ сказала она цесаревнѣ.—Я желаю вамъ всего лучшаго. Но вѣдь, согласитесь, нехорошо, что мы свою тетку, нашу великую княжну, дочь такого великаго государя, нашего дѣда, до сихъ поръ оставляемъ въ дѣвицахъ и только даемъ поводъ къ самой несообразной клеветѣ. Я не могу согласиться оставить васъ какъ есть... Вы скажете, что принцъ Людвигъ вамъ не нравится... Эхъ, Боже мой, да развѣ мнѣ нравился принцъ Антонъ?... Мы сдѣлаемъ его герцогомъ курляндскимъ. Польскій король уже согласился. Вышла же замужъ тетушка за герцога курляндскаго, да еще за дрянь-то какую? Будто всѣ непремѣнно по любви замужъ выходятъ.

— И я готова была выйти за кого бы вы приказали мнѣ, отвѣчала цесаревна.—Непремѣнно исполнила бы ваше приказаніе выйти замужъ за принца Людвига, если-бы только была помоложе. Но теперь, теперь... Нѣтъ, наша общая покровительница и повелительница, я готова безпрекословно во всемъ повиноваться вамъ, готова себя не жалѣть... но идти замужъ не могу. Не оставьте, милостивая

повелительница, если ужъ я такъ несчастлива, что прогнѣвала васъ чѣмъ,—прикажите лучше запереть меня въ монастырь; для васъ все равно, я исчезну изъ глазъ...

Противъ такого рода просьбы правительница обыкновенно не возражала. Она была по характеру слишкомъ легкомысленна и слишкомъ добра, чтобы быть въ состояніи еще лично настаивать на этомъ. Разумѣется, она не могла и отказываться отъ того, что было такъ хорошо обдумано и обработано ея совѣтниками, и что, по ихъ мнѣнію, доказанному ими съ осязательною точностью, было положительно необходимо для упроченія положенія ея самой и ея сына. Поэтому обѣ онѣ, и тетка, и племянница, послѣ такого разговора обыкновенно разставались, не кончивъ ничѣмъ; обѣ просили одна другую подумать и оставляли рѣшеніе до другаго раза, къ явному неудовольствію Остермана, который особенно настаивалъ, чтобы дѣло это окончить въ возможной скорости.

— Она въ монастырь идти хочетъ! говорила ему Анна Леопольдовна.

— Чтобы видъ угнетенной имѣть, чтобы вся гвардія ея освобождать желаніе возъимѣла, отвѣчалъ Остерманъ.—Нѣтъ, всемилостивѣйшая государыня, цесаревна въ монастырѣ опасною птицею можетъ стать!..

И онъ снова бралъ съ правительницы слово поговорить тверже и настойчивѣе.

И цесаревна съ каждымъ днемъ начинала чувствовать, что настоянія правительницы становятся упорнѣе, что ея возраженія и мольбы съ каждымъ днемъ дѣйствуютъ на нее слабѣе. Она видѣла, что весьма легко можетъ случиться, что въ одинъ день вопросъ ей будетъ поставленъ ребромъ, т. е. что предложатъ или дать согласіе, или въ самомъ дѣлѣ указать тотъ монастырь, который она избираетъ для спасенія своей души. И она очень тосковала.

Лестокъ, пользуясь этимъ состояніемъ духа цесаревны, старался всѣми мѣрами возбудить ее.

— Вы испытали уже монастырскую жизнь и знаете, что это значитъ! говорилъ онъ.—Знаете, какъ тяжела, какъ невыносима она. Притомъ это касалось только одной внѣшности, и то болѣе по вашей волѣ. А когда монастырь будетъ имѣть право входить во все;

когда будутъ наблюдать каждый вашъ взглядъ, ревниво слѣдить за каждою вашею мыслью; когда чтеніе того, что вы читаете, будетъ поставлено вамъ въ грѣхъ; разговоръ, съ кѣмъ вы захотите говорить, будетъ поставленъ въ преступленіе; когда вы, рожденная чтобы царствовать, будете голодать и трудиться; когда вы будете мучимы всѣмъ, чего вы не можете переносить, именно потому, что вы этого переносить не можете,—тогда, о тогда вы поймете, какой дѣйствительно грѣхъ совершили вы надъ собой! Вы поймете, что, отказываясь отъ того, что вамъ принадлежитъ по праву и на что вы рождены, и предоставляя тиранить не только себя, но и всю Россію разнымъ Бирономъ, Остерманамъ, Левенвольдамъ и вѣроятно Линарамъ, вы совершаете болѣе чѣмъ самоубійство, совершаете преступленіе. Рѣшайтесь же, наша прекрасная, всѣми любимая цесаревна! подпишите обязательство... Вы читали шведскій манифестъ? Они обѣщаютъ удесятерить свои усилія. Герцогъ Голштинскій, вашъ племянникъ, также явится въ армію... Всѣ желанія ваши будутъ исполнены; нужно только, чтобы у нихъ было что нибудь, чѣмъ бы они могли подвинуть шведовъ. Нужно обязательство...

— На уступку завоеваній моего отца? горячо отвѣчала цесаревна,—никогда! никогда! Я просила васъ, мой дорогой докторъ, никогда со мною даже и не говорить объ этомъ. Вы сами говорите, что я любимая всѣми ваша цесаревна; о, тогда я буду всѣми ненавидимая, презираемая! Нѣтъ, ни за что! Вотъ что я даю, вотъ на что я согласна, если они мнѣ дѣйствительно помогутъ: я плачу всѣ издержки вооруженія и войны; во всю мою жизнь даю Швеціи ежегодную субсидію; отказываюсь отъ всѣхъ враждебныхъ Швеціи союзовъ; предоставляю преимущество въ торговыхъ сношеніяхъ; ни съ кѣмъ не вступаю въ союзъ, кромѣ Швеціи и Франціи; помогаю во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ и защищаю ихъ интересы всѣми силами имперіи; наконецъ, со стороны Финляндіи округляю границы въ ихъ пользу. Болѣе ничего, рѣшительно ничего! Не потому, чтобы я не хотѣла, но потому, что не могу; потому что заслужила бы презрѣніе не только всѣхъ русскихъ, но даже самой себя. Идите, докторъ, объясните это маркизу, пускай войдетъ въ мое положеніе. Я дѣлаю, что возможно; больше ни сдѣлать, ни обѣщать не могу.

Лестокъ пожалъ плечами.

А въ это время графъ Линаръ, прощаясь съ правительницею передъ своимъ отъѣздомъ въ Саксонію, убѣждалъ ее быть твердою и, во что бы то ни стало, заставить цесаревну выйти замужъ.

Онъ передъ тѣмъ только былъ у Остермана и Остерманъ доказалъ ему, что пока цесаревна находится подлѣ нихъ, не устроена и можетъ оказывать свою инфлуэнцію на гвардію и народъ, который видитъ въ ней дочь Петра Великаго, — ни правленіе великой княгини, ни царствованіе ея сына, младенца Іоанна, твердыми быть не могутъ, и предпринимать что нибудь, до окончательнаго разрѣшенія этого главнаго вопроса, невозможно.

— Мы стоимъ на волканѣ, говорилъ Остерманъ.—Взрывъ этого волкана зависитъ отъ цесаревны. Самый отказъ ея отъ замужества доказываетъ уже, что она не прочь воспользоваться своимъ положеніемъ.

— Вы бы сами поговорили объ этомъ съ великою княгинею-правительницею, графъ, замѣтилъ Линаръ. — Вамъ, какъ члену кабинета и первому министру, всего ближе выяснить...

— Э, ваше сіятельство, отвѣчалъ Остерманъ, — неужели изволите имѣть мнѣніе, что я объ этомъ пространнѣйшихъ разсужденій не имѣлъ и всемилостивѣйшей моей государынѣ-правительницѣ обо всемъ обстоятельно не докладывалъ? Нѣтъ, я объяснялъ все досконально, сирѣчь весьма основательно. Я пунктуально изложилъ всю опасность, какая происходитъ отъ неустройства въ замужествѣ цесаревны. Но государыня-принцесса мнѣ не вѣритъ. Она все полагаетъ, что я на сторонѣ ея супруга, принца Антона. Не желаетъ она вникнуть, что я дѣйствительно на сторонѣ принца Антона стоялъ, но только при Биронѣ и противъ него. Тогда я думалъ, что все же лучше принцъ Антонъ, чѣмъ Бирон, уже и потому, что онъ отецъ нашего царствующаго императора, да хранитъ его Богъ! А они, всѣ эти Минихи, Менгдены, Головкины, хотятъ ее увѣрить, что я и теперь противъ нея и думаю только о принцѣ Антонѣ. Да я за нее жизни бы своей не пожалѣлъ и хоть сейчасъ готовъ для ея благодарности и для того, что̀ ей полезно быть имѣетъ, всего себя отдать; и теперь всею душою хлопочу о томъ, чтобы отъ опасности всякой ей предотвращеніе сдѣлать. Выслушайте, графъ, продолжалъ Остерманъ. — Я не говорю того, чтобы цесаревна устроивала

какой либо заговоръ или дѣлала бы какія приготовленія. Но если она этого не дѣлаетъ, то только по безпечности ея характера и потому, что люди, которыхъ она къ себѣ приближала, были не такого сорта, которые рѣшились бы на что нибудь, выходящее изъ обыкновеннаго порядка. А что если она попадетъ на человѣка, который ее подтолкнетъ? А возможность она имѣетъ. За нею пойдутъ, какъ пошли за Минихомъ противъ Бирона, но какъ не пошли бы ни за мною, ни за принцемъ Антономъ, ни за Гессенъ-гомбургскимъ. Да, говорятъ, и за Минихомъ-то пошли потому, что думали, что онъ идетъ сдѣлать революцію въ пользу цесаревны Елисаветы.

Въ это время Остерману доложили о пріѣздѣ англійскаго посла, баронета Финчъ.

— Что вы желать изволите, ваше сіятельство, спросилъ Остерманъ у Линара,—чтобы англійскаго посла я при васъ принялъ, или одинъ на одинъ, и разсказалъ бы вамъ потомъ подробности нашей бесѣды?

— Я предпочитаю подождать одинъ, отвѣчалъ Линаръ.

— Проси въ гостиную, сказалъ Остерманъ офиціанту и поднялся самъ.

Линаръ остался дожидать.

Послѣ первыхъ привѣтствій, высказанныхъ взаимно другъ другу, и обычныхъ дипломатическихъ вопросовъ, сдѣланныхъ Остерманомъ о здоровьѣ англійскаго короля, его перваго министра лорда Гаррингтона, и принцевъ, также о рѣчи, произнесенной Гаррингтономъ въ парламентѣ, а равно и о побѣдѣ, одержанной, благодаря этой рѣчи, министерствомъ по вопросу землевладѣнія въ Ирландіи, однимъ словомъ, по выполненіи всѣхъ обрядностей, съ которыми дипломаты приступаютъ къ серьезнымъ объясненіямъ между собою, англійскій посланникъ сказалъ Остерману:

— Англія и нашъ всемилостивѣйшій государь король, равно какъ и лордъ первый министръ, настолько желаютъ всякаго преуспѣянія Россіи и возвышенія и укрѣпленія нынѣшняго ея правительства, что не могутъ не относиться подозрительно ко всему, что можетъ стать на этомъ пути. По этому-то общему всѣхъ насъ, англичанъ, желанію содѣйствовать всѣми способами возвышенію и процвѣтанію нынѣшняго русскаго правительства, министръ Гарринг-

тонъ еще весною доставилъ мнѣ свѣдѣнія о существованіи здѣсь большой партіи, весьма враждебной нынѣшнему порядку вещей. Партія эта, какъ я тогда передавалъ вамъ, графъ, группировалась только около шведскаго и французскаго пословъ и главою своею признавала цесаревну Елисавету. Теперь, послѣ объявленія вамъ шведами войны, всемилостивѣйшій король мой, особо озабочиваясь дѣйствіями этой партіи, могущими быть крайне опасными для царствующаго императора и великой княгини-правительницы, особо поручилъ обратить на нихъ ваше вниманіе и прочитать составленную у насъ, въ министерствѣ, по собраннымъ точнымъ свѣдѣніямъ, меморію, оставивъ вамъ съ нея копію.

Меморіею этою цесаревна прямо обвинялась въ сношеніяхъ съ шведами, производимыхъ чрезъ посредство ея доктора, Лестока, и французскаго посланника маркиза Шетарди, и въ сообщеніи имъ, что если они объявятъ себя защитниками правъ прямыхъ наслѣдниковъ Петра Великаго, то будутъ встрѣчены народомъ и войскомъ не токмо какъ враги, но какъ избавители.

Остерманъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, но какъ истинный дипломатъ, не далъ почувствовать, что его тутъ что нибудь особо интересуетъ. Взявъ передаваемую ему копію съ меморіи, онъ хладнокровно сказалъ:

— Намъ это сообщеніе передавалъ уже нѣсколько дней назадъ нашъ агентъ. Онъ доставилъ намъ даже подлинный манифестъ, который шведскій главнокомандующій старается распространить, вопреки обычаямъ образованныхъ государствъ. Къ сожалѣнію, онъ не передалъ намъ основаній, на которыхъ опирается его донесеніе. Разумѣется, можно арестовать Лестока и отъ него добиться признанія. Сообщеніе, переданное мнѣ вашимъ превосходительствомъ, даетъ къ тому полный поводъ.

Англичанинъ, который, видя спокойствіе Остермана, не полагалъ видѣть въ этомъ спокойствіи ту выдресированную хитрость, которою Остерманъ отличался. Онъ подумалъ, что и въ самомъ дѣлѣ вся нить сношеній опасной, какъ онъ говорилъ, русскому правительству партіи давно извѣстна, и съ ужасомъ подумалъ, что его дружественной меморіи можетъ быть приданъ видъ доноса, по коему

начнутся пытки и терзанія. Отъ этой мысли онъ невольно крѣпко поморщился.

Поэтому, разглаживая дипломатически свои рыжеватые бакены, онъ сказалъ съ своею вѣчною флегмою:

— Дружеское сообщеніе, дѣлаемое однимъ правительствомъ другому, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить документомъ для обвиненія кого либо. Оно только предупрежденіе. Безъ всякаго сомнѣнія, ваше правительство найдетъ болѣе точныя доказательства для разслѣдованія и не вмѣшаетъ въ ходъ дѣла дипломатическихъ сообщеній моего короля; мы же, съ своей стороны, употребимъ всѣ мѣры, чтобы помочь русскому правительству въ его изысканіяхъ для раскрытія интриги, могущей быть опасною, вслѣдствіе видимаго французскаго вліянія.

Остерманъ завѣрилъ посланника, что его сообщеніе будетъ содержаться въ совершенной секретности, что о немъ не будетъ знать никто, кромѣ его, Остермана, и просилъ не оставлять дальнѣйшими извѣщеніями. На этомъ они разстались.

Остерманъ ту же минуту предъявилъ меморію Финча графу Линару въ подлинникѣ.

— Вотъ, ваше сіятельство, соизвольте прочитать. И вы, и государыня великая княгиня-правительница изволите быть недовольными, что я все откладываю принятіе великою княгинею титула императрицы, царствующей совмѣстно съ сыномъ. Но подумайте: какъ тутъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ измѣненіе статута и отрицаніе дающаго права на царство завѣщанія покойной императрицы, когда, вы видите, даже съ непріятелемъ военнымъ въ аліансы входятъ, совѣты даютъ и помощью обнадеживаютъ? И все вокругъ цесаревны кружится. О Шетарди я писалъ Кантемиру. Нужно сдѣлать, чтобы его отозвали; но сдѣлать такъ, чтобы не обидѣть французскую щекотливость. Я зналъ хорошо, что связью между всѣми ими служитъ Лестокъ. Не даромъ баронъ Нолькенъ, бывшій шведскій посолъ, здоровый какъ норвежскій быкъ, каждую недѣлю раза по три хворалъ и приглашалъ лечить себя Лестока. Но не будетъ маркиза, нѣтъ теперь шведскаго посланника, не будетъ Лестока,—будутъ другіе, будутъ, можетъ быть, болѣе рѣшительные. Дѣло не въ нихъ; основаніе всему—цесаревна Елисавета. Вы-

дайте, ее замужъ, отправьте въ Митаву, окружите почетомъ, но чтобы въ этомъ почетѣ было полное отдаленіе отъ всякихъ надеждъ на присвоеніе себѣ отцовскихъ правъ,—и вы станете твердо, для васъ не будутъ опасны ни Лестокъ, ни Шетарди. Скажутъ, есть внукъ Петра Великаго. Да. Но каковъ-то онъ еще будетъ? Вызоветъ ли онъ въ войскѣ и народѣ симпатію? съумѣетъ ли поставить себя такъ, чтобы быть опаснымъ тоже внучкѣ Петра, хоть и отъ другаго колѣна, но уже царствующей, уже владѣющей? Это весьма сомнительно, тѣмъ болѣе, что воспитываемый въ нѣмецкихъ земляхъ въ лютеранской религіи, онъ будетъ слишкомъ далекъ отъ русскаго народа. Цесаревна же близка къ нему. Она имъ любима. Поэтому вопросъ о выдачѣ ея замужъ — вопросъ настоятельный, вопросъ насущный для благополучнаго царствованія нынѣ владѣющей линіи; и если вы можете, графъ, употребить ваше вліяніе, то ничѣмъ вы такъ не укрѣпите положеніе нынѣшняго правительства, какъ уговоривъ великую княгиню выдать цесаревну замужъ, хотьбы даже для того пришлось прибѣгнуть къ насилію. Послѣ можно объявить себя императрицею и дѣлать все, что будетъ благоугодно, и что можетъ вести только къ укрѣпленію и возвышенію. Не будетъ главной причины, способной вызвать, какъ я уже имѣлъ честь представлять, взрывъ волкана, — можно будетъ и не бояться взрыва.

Настроенный такого рода бесѣдами, которыя одинаково повторялись, какъ самимъ Остерманомъ, такъ и его врагами, успѣвшими уже, для своего усиленія, убѣдить правительницу возвратить изъ ссылки Бестужева-Рюмина, графъ Линаръ рѣшилъ, съ своей стороны, дѣйствовать рѣшительно. Онъ понималъ, что какъ Остерманъ, державшійся принца Антона, т. е. мужа, такъ и онъ самъ, и Головкины, стоявшіе, разумѣется, за принцессу Анну Леопольдовну, т. е. за жену, и даже миниховцы, для противодѣйствія которымъ, равно какъ и въ подрывъ вліянію Остермана, признанъ нужнымъ Бестужевъ,—всѣ одинаково согласны въ томъ, что слѣдуетъ уничтожить, лишить значенія цесаревну Елисавету. Въ ней и въ одной ей заключается вся опасность, вся шаткость положенія нынѣшней правительницы и царствующаго императора. Не будь ея, привлекающей къ себѣ общее сочувствіе, вызывающей восторгъ

даже въ противникахъ ея отца, значеніе ея племянника само собою станетъ темнѣть, искоренится, и русскіе привыкнутъ въ потомствѣ Іоанна Алексѣевича видѣть наслѣдственную линію своихъ императоровъ, видѣть потомковъ того же Петра, только въ боковой линіи, линіи, впрочемъ, старшей.

— «Да, русскіе слишкомъ безучастно относятся къ тому, кто ими правитъ; они слишкомъ привыкли къ рабству, чтобы разсуждать, думалъ графъ Линаръ.—Не будетъ у нихъ руководительницы, не будетъ опоры,—и всѣ ухищренія разныхъ Лестоковъ, Нолькеновъ, Шетарди будутъ мыльные пузыри, будутъ лопнувшіе бураки фейерверка, сверкнувшіе въ воздухѣ и упавшіе къ нимъ же на голову. Народъ вездѣ привыкаетъ къ зависимости, по силѣ общей инерціи; инерція русскихъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна. У нихъ, дѣйствительно, кто ни всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.

Стало быть, вопросъ въ томъ, чтобы цесаревны не было, чтобы она была удалена, и наилучшій видъ такого удаленія, безъ всякаго сомнѣнія, — замужество. Какой видъ удаленія можно предпочесть этому, въ которомъ предполагается семейное счастіе, радость, любовь? Монастырь? Но тутъ она будетъ заключенная, страдалица, вызывающая состраданіе, стало быть, и сочувствіе. Кромѣ того, всякія монастырскія двери раскрываются, всякіе обѣты снимаются. Явится предлогъ,—скажутъ, что эти обѣты были насильственны... Смерть? Но смерть, даже естественная, вызываетъ клевету, народную ненависть, которую враждебные элементы будутъ, разумѣется, питать и раздувать. Я уже не говорю о томъ, когда въ прекращеніи мѣшающей намъ жизни дѣйствительно принималось участіе. А тутъ пусть разсуждаютъ, какъ хотятъ; удивительно ли, что дѣвица ея лѣтъ захотѣла, наконецъ, выйти замужъ и стала счастливою женою, раздѣляющею интересы своего мужа, наконецъ, счастливою матерью. Это такого рода обѣты, которые не сбросишь съ себя, какъ монастырскій клобукъ, не отопрешь, хотя бы золотымъ ключемъ, какъ ворота крѣпости. Да, замужество, непремѣнно замужество! Нужно непремѣнно, чтобы Анюта на этомъ настояла».

Вотъ съ такими-то мыслями о русскихъ, о положеніи дѣлъ и потребностяхъ минуты, графъ Линаръ рѣшился настаивать передъ

Анною Леопольдовною о необходимости безотлагательно выдать цесаревну Елисавету Петровну замужъ, во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе, что и подходящій къ тому женихъ, принцъ Людвигъ, былъ на-лицо.

— Что-же я сдѣлаю? говорила правительница въ отвѣтъ на настоянiе Линара.—Я уже грозила ей монастыремъ, и она согласилась лучше идти въ монастырь, чѣмъ замужъ! Она говоритъ, что тамъ за меня молиться будетъ.

— Она очень ловка, эта цесаревна Елисавета, и слишкомъ надѣется на твою доброту и снисходительность, возражалъ Линаръ.—Она говоритъ о молитвѣ за тебя, а сама поднимаетъ шведовъ и въ твоихъ глазахъ составляетъ себѣ партію. Тебѣ нужно быть потверже, порѣшительнѣе. Нужно, чтобы она видѣла, что въ твоей угрозѣ не только однѣ слова.

— Если ты хочешь, чтобы я въ самомъ дѣлѣ заперла ее въ монастырь, я сдѣлаю. Скажу завтра же Головкину и Остерману, чтобы они распорядились.

— Это не такъ легко. Ни Головкинъ, ни Остерманъ, пожалуй, не найдутъ помощниковъ. Прежде всего нужно увести отсюда гвардiю, на которую она видимо опирается. Или вотъ что:—Нельзя ли какъ, не приступая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ насилiя противъ ея личности, дѣйствовать на людей къ ней близкихъ?... Кто къ ней теперь близокъ? спросилъ онъ.

— Не умѣю тебѣ сказать, отвѣчала Анна Леопольдовна съ улыбкой.—Про нее такъ много говорили, что право, кажется, нельзя вѣрить. А теперь, ну кто: Шуваловъ, Бутурлинъ или этотъ пѣвчiй, какъ его... да, Разумовскiй; до того, говорятъ, былъ какой-то Шубинъ, котораго покойная тетушка приказала убрать. Вотъ у меня такъ только одинъ грѣхъ, это ты! задумчиво проговорила Анна Леопольдовна.

— Прекрасная повелительница, отвѣчалъ Линаръ, становясь передъ нею на одно колѣно.—Преклоняюсь передъ тобою за этотъ грѣхъ, если можно назвать грѣхомъ чистую взаимную любовь нашу. Но теперь не о любви дѣло, продолжалъ онъ вставая и садясь подлѣ.—Мы не хотимъ мѣшать ни чьей любви. Цесаревнѣ можно тонко дать понять, что съ выходомъ замужъ она можетъ сохранить

хоть всѣхъ, любить кого угодно. Принца Людвига, надѣюсь, можно уговорить быть неревнивымъ. Вѣдь это бракъ политическій. Между тѣмъ нужно представить, что съ ея отказомъ, вызывающимъ сомнѣніе въ ея намѣреніяхъ, она подвергаетъ опасности всѣхъ близкихъ себѣ; что своимъ отказомъ, она не только можетъ подвергнуть ихъ гибели, но вызвать грозу даже противъ самой себя. Вопросы политической жизни бываютъ такъ важны, что могутъ вынудить къ мѣрамъ крайнимъ. А эти крайнія мѣры могутъ вести не только къ монастырю, но и къ пыткѣ!

— Пыткѣ? съ испугомъ повторила Анна Леопольдовна.

— Да, пыткѣ! жестко повторилъ Линаръ.—Она государственная преступница, если сошлась съ непріятелемъ. И если показанія Лестока набросятъ на нее тѣнь, то... Петръ Великій приказалъ же пытать своего сына, который вдесятеро менѣе былъ виновенъ, чѣмъ она. Онъ не сносился съ воюющимъ непріятелемъ. А если она сносится непосредственно съ внѣшнимъ врагомъ и, составляя внутреннюю партію недовольныхъ для мятежа и возмущенія, предлагаетъ ему въ этой партіи опору, то чего она заслуживаетъ? Если только ей это скажутъ, и она будетъ увѣрена, что ей говорятъ не на вѣтеръ, то, повѣрь, она сейчасъ же согласится на все. Тогда всѣ препятствія будутъ отстранены и ты будешь моя императрица-повелительница, и императрица не по имени только, но по существу и по народной любви къ тебѣ, такъ какъ эту любовь не будутъ уже смущать интрига и пронырство. Повѣрь, мой другъ, величіе души зависитъ главнѣйше отъ твердости. Твое положеніе требуетъ этого величія. Если я, твой первый и преданный другъ и поклонникъ, рѣшаюсь для тебя надѣть на себя цѣпи Гименея безъ радостей любви, рѣшаюсь на это только для того, чтобы не компрометировать твоего положенія двусмысленностію, то ты сама, для себя и для меня, для твоего сына и будущаго Россіи, должна быть настолько твердою, чтобы не уступать въ томъ, что составляетъ твое прямое право требовать; не уступать и не отступать ни передъ упорствомъ, ни передъ лукавою мольбою и покорностью. Ты дашь мнѣ слово въ этомъ, не правда-ли Анета, милая, прекрасная моя государыня?

Въ это время къ нимъ вошла Менгденъ и началось серьезное совѣщаніе о всѣхъ подробностяхъ. Это совѣщаніе было послѣднимъ.

Линаръ, взявъ слово съ Анны Леопольдовны быть твердою, взявъ слово съ своей номинальной невѣсты поддерживать ее въ этой твердости, и, увѣдомивъ обо всемъ этомъ Остермана и Головкина, на другой день рано утромъ уѣхалъ въ Саксонію, чтобы взять тамъ увольненіе и явиться уже русскимъ подданнымъ, счастливымъ женихомъ Юліаны, и занять такимъ образомъ при Аннѣ Леопольдовнѣ то мѣсто, которое, въ теченіи десяти лѣтъ, занималъ при ея тетушкѣ герцогъ Бирономъ, и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Была осень. Цесаревна Елисавета, грустная, печальная, сидѣла у себя и смотрѣла, какъ по Невѣ шелъ ледъ густыми массами и какъ отъ воды поднимался густой паръ, мерзнувшій въ воздухѣ. Нева становилась. Улицы были уже занесены снѣгомъ. Было очень холодно. Цесаревна была безконечно грустна. «Наступаетъ зима, думала она,—зима въ природѣ, зима и въ моей жизни. Ужъ лучше бы смерть, поскорѣй бы, по крайней мѣрѣ». Впрочемъ ей и было отчего грустить.

Настоянія правительницы были настолько сильны и возвышались съ такимъ упорствомъ, что силы ея сопротивленія начинали слабѣть и она начинала бояться уже за саму себя. Слово монастырь не разъ уже слышалось въ ихъ разговорѣ и слышалось вылетѣвшимъ не изъ устъ цесаревны. Его уже высказала правительница и въ такомъ тонѣ, что можно было ежедневно думать, что вотъ не сейчасъ, такъ послѣ, не сегодня, такъ завтра, потребуютъ категорическаго отвѣта на вопросъ: замужество или келья? и что отъ этого вопроса нельзя будетъ отдѣлаться ни упорствомъ, ни мольбою, ни уклончивостью. Вопросъ будетъ поставленъ ребромъ, лицомъ къ лицу, въ упоръ... «Теперь они боятся гвардіи, думала Елисавета,— но вотъ гвардія завтра или послѣ завтра уходитъ. Она уйдетъ и бояться имъ будетъ некого! А дѣло ведетъ мой старый злодѣй Остерманъ, и отъ него не отдѣлаешься ничѣмъ. Между тѣмъ, если-бы я... Неужели въ самомъ дѣлѣ они осмѣлятся меня запереть въ монастырь? вдругъ спросила себя Елисавета.—А почему же и не осмѣлиться? Осмѣлились же они лишить меня моего наслѣдства, обойти кругомъ, осмѣливаются наносить мнѣ оскорбленія, угрожать, если я

не приму ихъ сватовства. Кто помѣшаетъ имъ запереть меня въ келью? Вотъ придутъ, возьмутъ, схватятъ, увезутъ, какъ тогда схватили и увезли моего перваго друга Алексѣя Никифоровича, такъ что я не успѣла даже оплакать его, не успѣла даже сказать ему прости».

Вошелъ Лестокъ.

— Я боюсь къ вамъ нынче входить, прекрасная цесаревна; боюсь, чтобы вы не приняли меня за ворона, который умѣетъ пророчить только несчастіе. Но чтожъ дѣлать, когда не приходится приносить къ вамъ ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о гнетѣ, стѣсненіяхъ и насиліи. За грусть этихъ новостей вы, главнѣйше, пеняйте на себя, а наше дѣло, дѣло преданныхъ вамъ людей, предупреждать о томъ, что̀ есть!

— Еще какую печальную новость вы принесли мнѣ, докторъ?

— Я принесъ ихъ двѣ: одна касается собственно меня, другая— меня и васъ. Такъ какъ всѣ люди больше или меньше эгоисты, то изъ эгоизма я начну говорить о себѣ: меня приказано арестовать!

Лестокъ сказалъ это юмористически, хотя съ видимою натянутостью, и улыбался. Цесаревна поблѣднѣла.

— Мнѣ собственно за себя отъ этой новости смущаться кажется не отчего. Я давно долженъ былъ къ ней готовиться. Долженъ былъ готовиться еще въ Москвѣ, когда я, увлеченный видимостью любви къ вамъ войска, совѣтовалъ арестовать верховниковъ, отстранившихъ васъ отъ наслѣдства, впрочемъ на свою голову, и принять то, что вамъ по праву принадлежало. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже одиннадцатый годъ, каждый день я жду, и не только простаго ареста, но... Да теперь, впрочемъ, простымъ арестомъ разумѣется и не отдѣлаешься. Придется побесѣдовать съ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. Принимая въ основаніе, что въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ, я только и думалъ о томъ, какъ-бы сдѣлать, чтобы моя прекрасная цесаревна стала истинною царицею-повелительницею, теперь я не могу имѣть претензіи отдѣлаться отъ такого пріятнаго разговора. Я впрочемъ не смущаюсь, тѣмъ болѣе что приказаніе обо мнѣ дано условно, т. е. когда увидятъ меня у Шетарди или вмѣстѣ съ Маньяномъ. Дуракъ я буду, чтобы они меня увидѣли. Ну а если ужъ въ самомъ дѣлѣ попадусь, то поговорить со мной какъ

слѣдуетъ имъ все же не удастся. Нѣсколько крупинокъ прекратятъ непремѣнно всякій разговоръ, какъ-бы ни былъ онъ для нихъ интересенъ. Но вотъ другая мысль занимаетъ меня гораздо болѣе. Остерманъ настаиваетъ, чтобы отсюда былъ отозванъ Шетарди, стало быть, чтобы моя цесаревна потеряла послѣдняго человѣка, который готовъ быть ея опорою и поддержкою.

— Вы мнѣ сообщаете чрезвычайно непріятныя вещи, дорогой другъ, особенно то, что вы говорите о себѣ. Неужели еще мало воздвигли они на меня гоненій? Неужели я должна бояться и за всѣхъ близкихъ себѣ? Но что же вы полагаете дѣлать? Хотите, чтобы я ѣхала, говорила...

— Нѣтъ, цесаревна, нѣтъ! Поѣдете вы, станете говорить, только усилите ихъ подозрѣнія. Тогда мнѣ труднѣе будетъ отдѣлываться отъ ихъ притязаній, или скорѣе придется прибѣгнуть къ крупинкамъ. Сдѣлать для меня, то-же что и для себя, чтобы вывести всѣхъ насъ изъ того сомнительно-тяжкаго положенія, въ которомъ мы всѣ находимся, и отдѣлаться отъ непріятнаго замужества, вы можете только однимъ, и это одно:—начать царствовать!

— Но что же для этого нужно? какимъ образомъ?..

— Такимъ же какимъ Минихъ арестовалъ Бирона.—Этимъ способомъ вы также можете арестовать всѣхъ вашихъ враговъ. За нихъ слова ни отъ кого не услышите! Ну а если вы не хотите, то ожидайте, что вотъ сегодня арестуютъ меня, завтра другихъ вамъ близкихъ, а потомъ доберутся и до васъ. Вы скажете, что ни въ чемъ неповинны. Но во первыхъ, вамъ не повѣрятъ; а во вторыхъ, есть вина важная и къ ней не нужно пріискивать еще какія либо другія вины. Это ослушаніе воли самодержавной правительницы, отказъ отъ предложеннаго ею вамъ замужства! Спасти себя отъ такого обвиненія, опять скажу, вы можете однимъ:—именно начать царствовать!

— Но для ареста Бирона, повелъ войска Минихъ, фельдмаршалъ, которому войска привыкли повиноваться; а у меня кто?..

— Вы! дочь Петра Великаго!

Въ это время вошелъ Воронцовъ и принесъ какую-то вѣдомость сдѣланнымъ и предположеннымъ расходамъ.

— Ну вотъ и Михайло Ларіоновичъ не откажется подтвердить,

что вамъ остается одно, чтобы не сгинуть среди каменнаго гроба, можетъ быть замурованнаго. Этотъ способъ — принять на себя кормило правленія и спасти себя и всѣхъ насъ!

— Да, государыня, долженъ и я сказать, дѣло натянуто со всѣхъ сторонъ. Сейчасъ гвардія получила приказъ выступить черезъ три дня къ Выборгу подъ тѣмъ предлогомъ, что будто Левенгауптъ идетъ на Выборгъ. А уйдетъ гвардія, мы, и всѣ вамъ близкіе, должны ждать большихъ и большихъ непріятностей. Я уже слышалъ мелькомъ, что Андрею Ивановичу Ушакову приказано приготовиться принять сначала доктора, потомъ меня и Шуваловыхъ, обоихъ, и даже Мавру Егоровну. Насъ велѣно пытать. А уйдетъ-ли Петръ Ивановичъ и жена его отъ пытки не знаю; но знаю, что наша судьба уже рѣшена:—вырѣзать языкъ и на заводы... О себѣ я ничего не говорю. Я настолько вами облагодѣтельствованъ, что если мнѣ придется за васъ пострадать, то я Бога благодарить долженъ. Онъ даетъ мнѣ случай доказать вамъ мою преданность. Но дѣло въ томъ, что гроза не ограничится нами, она коснется, государыня, и васъ...

— Но что же я буду дѣлать, мой добрый Воронцовъ? горячо стала говорить Елисавета.—Докторъ говоритъ арестовать принцессу Анну, какъ Минихъ арестовалъ Бирона. Но Минихъ былъ фельдмаршалъ; онъ привыкъ руководить войсками, а они привыкли его слушать. А я? Что съумѣю я? Я не съумѣю даже направить ихъ какъ слѣдуетъ, если-бы они меня и послушали... а если они не послушаютъ? Минихъ, какъ фельдмаршалъ, могъ распорядиться. Онъ зналъ, что не можетъ встрѣтить препятствія; отправилъ, напримѣръ, измайловскій полкъ за Неву; вездѣ приготовилъ себѣ поддержку; вездѣ могъ отстранить противодѣйствіе. А что я могу сдѣлать, что представить, чѣмъ распорядиться? Если я поведу однѣ войска, а мнѣ явятся на встрѣчу другія? Если я прикажу идти, а меня не послушаютъ, то что я сдѣлаю? Если, когда я буду арестовывать, меня самую арестуютъ? Вѣдь тогда будетъ уже не монастырь, не замужество. Это будетъ вооруженный бунтъ, и за него приговорятъ по меньшей мѣрѣ къ четвертованію. Я не боюсь смерти; но умереть на плахѣ...

— Да, дѣло требующее великой отваги, сказалъ Воронцовъ,— но если такой отваги не достаетъ у дочери Петра Великаго, то гдѣ-же

возможно ее отыскать. Такой отваги значитъ отыскать нельзя. Нужно мириться съ тѣмъ, что есть, и вамъ принимать предлагаемое замужество, а намъ, — ну намъ отдѣлываться кто какъ умѣетъ! Авось не всѣмъ отрубятъ головы. Идя сюда, ваше высочество, я услышалъ о приказѣ, данномъ о выступленіи гвардіи, и сейчасъ подумалъ, что этотъ приказъ долженъ рѣшить вашу и нашу судьбу. Нѣтъ сомнѣнія, что съ гвардіей вы теряете ту опору, которая доселѣ заставляла ихъ опасаться прибѣгнуть въ разсужденіи васъ къ насилію. Теперь вы будете въ ихъ рукахъ!

— Не хочу! не хочу! нервозно сказала цесаревна, взявъ себя за голову.—Я не могу!.. Постойте, я ничего не могу рѣшить... Голова кругомъ идетъ!.. Подождите, завтра я дамъ отвѣтъ, Боже мой, Боже, что я должна дѣлать?..

Этими словами цесаревна отпустила Лестока и Воронцова. Она видимо колебалась. Она понимала, что дѣло стоитъ въ упоръ, что откладывать нельзя, и естественно боялась, не знала ни что, ни какъ предпринять. Множество случайностей, которыя могли встрѣтиться въ ея предпріятіи, бросались ей въ глаза. Она дрожала передъ этими воображаемыми случайностями и думала: «мнѣ-ли, слабой дѣвушкѣ, перевернуть все царство?» Но сейчасъ же на этотъ вопросъ ей вспоминались слова Воронцова: если въ дочери Петра Великаго не отыщется отваги на это великое дѣло, то гдѣ-же такую отвагу искать?

Вечеромъ въ тотъ-же день цесаревна поѣхала въ зимній дворецъ. Былъ понедѣльникъ,—куртагъ при дворѣ Анны Леопольдовны; день ея пріема. Цесаревна думала: «постараюсь разсѣять ея подозрѣнія, а главное, не удастся ли убѣдить прекратить ихъ сватовство».

Войдя во дворецъ, цесаревна увидѣла, что она сдѣлала большую ошибку, пріѣхавъ сюда. Правительница едва кивнула въ отвѣтъ на ея поклонъ и не отвѣчала на привѣтствіе. Она видѣла, какъ старались удалиться отъ нея придворные, чтобы она не заговорила съ ними. Левенвольдъ, тотъ сдѣлалъ даже прямую невѣжливость, не отвѣтивъ на ея вопросъ о принцѣ Антонѣ. Правительница ходила нервными шагами по залѣ, подходя иногда къ Юліанѣ Менгденъ и перешептываясь съ ней. Наконецъ, она ушла. Черезъ минуту къ цесаревнѣ подошелъ камеръ-фурьеръ и объявилъ, что правитель-

ница просить ее къ ней въ кабинетъ. У цесаревны невольно сжалось сердце, но дѣлать было нечего, она пошла.

— Что это, сударыня, начала горячо и гордо говорить Анна Леопольдовна,—я вонче каждый день получаю объ васъ извѣстія одно другаго лучше, одно другаго интереснѣе. Вамъ недовольно было сойтись съ этимъ отъявленнымъ мерзавцемъ, этимъ интригантомъ Шетарди, французскимъ развратникомъ, который для своего безбожія готовъ перевернуть цѣлый міръ; вамъ мало было подстрекать нашихъ непріятелей-шведовъ, которые прямо объявляютъ, что они сражаются за васъ; мало смущать гвардію и входить съ солдатами въ разные конфиденсы;—вы еще выдумали давать непріятелямъ нашимъ инструкцію, вздумали учить выписать вашего племянника, будтобы истиннаго наслѣдника имперіи по праву. Вашъ докторъ снуетъ всюду, разносить вѣсти, дѣлаетъ всякіе своды и переводы. Вотъ я сейчасъ получила письмо изъ Бреславля, тамъ описываются всѣ его факціи. Ну да я приказала его арестовать, первый разъ, какъ увидятъ его съ Шетарди или Маньяномъ. Тамъ мы посмотримъ, что онъ перескажетъ; но я не хочу, чтобы и вы видѣлись съ Шетарди; слышите, я не хочу! Я не позволяю вамъ!

— Ваше высочество, что мнѣ дѣлать когда онъ пріѣзжаетъ? Разумѣется, разъ или два могу отказать, сказать что дома нѣтъ или нездорова; но отказывать всегда посланнику дружественной державы, едва-ли будетъ удобно и возможно. Впрочемъ, отъ васъ зависитъ приказать Остерману сказать Шетарди, чтобы онъ ко мнѣ не ѣздилъ...

— Что вы мнѣ разсказываете! Вы знаете, что этого нельзя. Но чтобы этого не было, понимаете! чтобы всѣ эти конклавы да комплоты вы изволили оставить! Я хочу! понимаете, хочу! Въ противномъ случаѣ, я должна буду иначе распорядиться! Извольте принимать честное предложеніе... Или вы предпочитаете монастырь?—хорошо! Мы остановимся на этомъ; мы не задумаемся отправить васъ хоть въ Якутскъ, къ вашему Шубину!... Слышите! Я хочу, чтобы на той недѣлѣ вы изволили дать мнѣ положительный отвѣтъ. Принцъ Людвигъ не будетъ стѣснять вашего поведенія, которое неприлично! Я должна вамъ сказать это и прибавить, что далѣе такое поведеніе я терпѣть не намѣрена.

— Я не полагаю, чтобы въ мои годы я могла сдѣлать что нибудь неприличное! горячо отвѣчала Елисавета, выведенная совершенно изъ терпѣнія.—Неприлично, по моему, вотъ выйти замужъ, а потомъ гоняться за молодымъ посланникомъ, а для прикрытія женить его на своей фрейлинѣ. Но я не замужемъ...

— Что вы хотите этимъ сказать? съ упорною злобою и рѣшимостью сказала правительница.—Будете замужемъ, это я вамъ говорю! Не забудьте, что сношенія съ непріятелемъ есть измѣна, государственное преступленіе, подвергающее виновнаго, кто-бы онъ ни былъ, пыткѣ и смертной казни. Вы сами знаете, что вашъ отецъ не остановился и велѣлъ пытать даже роднаго сына. Я еще слишкомъ добра, что съ вами разговариваю; мнѣ нужно было бы прямо арестовать васъ! И я арестую! Я прикажу...

Принцесса такъ разгорячилась, что уже не помнила, что говорила. Притомъ цесаревна замѣтила, что въ какой степени она постоянно отстраняла ея гнѣвъ своею уступчивостью и покорностью, въ такой же степени она вызвала теперь ея гнѣвъ и озлобленіе противорѣчіемъ. Совершенно какъ у капризнаго ребенка, который, разгорячась, не помнитъ себя.

Анна Леопольдовна разгорячилась въ такой степени, что ее не привели въ себя ни слезы цесаревны, ни ея слова, желавшія ея успокоить. Она только и твердила, чтобы ей на той недѣлѣ былъ данъ отвѣтъ, и отвѣтъ удовлетворительный относительно принца Людвига, иначе она распорядится по своему.

Разстроенная, разбитая и огорченная до глубины души, цесаревна пріѣхала домой, проплакала почти всю ночь и заснула только къ утру.

На другой день, Лестокъ, какъ сумасшедшій, ворвался въ ея комнату, когда она лежала еще въ постелѣ.

— Я къ вамъ опять съ печальною, страшною новостью, сказалъ Лестокъ.—Велѣно арестовать и убрать Разумовскаго, истиранивъ его предварительно, какъ истиранили они, помните, Шубина.

— Алексѣя?..

Цесаревна вскрикнула и упала на подушку безъ чувствъ.

Когда, стараніями Лестока, она пришла въ себя и, набросивъ что-то на плечи, съ распущенными волосами, плачущая усѣлась въ

кресло, Лестокъ разсказалъ ей подробности относительно привезеннаго имъ извѣстія. Онъ говорилъ:

— Они думаютъ, наша прекрасная цесаревна, что ваша привязанность къ этому молодому человѣку мѣшаетъ вашей рѣшимости принять ихъ предложеніе; думаютъ, что, отстранивъ его отъ васъ, они отстранятъ самое важное препятствіе вашему согласію. Цесаревна, вы помните, какъ вы страдали за Шубина. Помните, съ какимъ отчаяніемъ слушали вы отъ меня отвѣтъ Ушакова о мученіяхъ, имъ перенесенныхъ. Неужели вы можете согласиться на то, чтобы всѣ, на кого упадетъ ваше милостивое слово, были подвергаемы жесточайшимъ истязаніямъ? Если вы не жалѣете себя, не жалѣете насъ, преданныхъ вамъ всею душою, то спасите хоть этого юношу, такъ беззавѣтно увлекшагося вами и такъ искренне и сердечно васъ любящаго...

Слушая эти слова, цесаревна ломала себѣ руки.

— За что онъ, продолжалъ Лестокъ,—не испытавъ еще жизни, встрѣтивъ одну только радость въ глазахъ вашихъ, долженъ будетъ не только лишиться отрады видѣть васъ, но, изуродованный и искалѣченный, гдѣ нибудь въ тундрахъ Сибири клянуть тотъ часъ, который въ настоящемъ ему кажется раемъ?

Цесаревна слушала его безмолвно. Въ лицѣ ея не отражалось ни кровинки; оно, казалось, было безжизненно. Вдругъ въ ея глазахъ какъ-бы сверкнулъ огонекъ. Она сложила крестообразно на груди свои руки, вытянула голову и съ умиленіемъ взглянула на висѣвшій въ углу образъ Спасителя.

— Господи, сказала она про себя.—Ты видишь сердце мое? Никому я не желала зла! Не жаждала я власти и не завидовала имъ, имѣющимъ власть. Но если я могу сама переносить страданія и прощать, то не должна и не могу подвергать страданіямъ тѣхъ, чья вина заключается только въ томъ, что они любятъ меня, служатъ мнѣ. Прости же меня, Господи, и не вмѣни, что я сдѣлаю, въ грѣхъ мнѣ!...

На лицѣ цесаревны видно было умиленіе и восторгъ. Она молилась. Лестокъ молчалъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго молчанія, въ которыя ка-

жется можно было слушать біеніе ея сердца, цесаревна сказала спокойно:

— Да, докторъ, вы правы! Я могу страдать и прощать свои страданія; но отдавать на страданіе другихъ, за любовь ко мнѣ, я не могу и не должна. На это я не имѣю права! Дѣлать нечего, я рѣшаюсь! Прикажите прислать мнѣ къ вечеру нѣсколько преданныхъ гренадеръ, а теперь оставьте меня одну.

Взглянувъ на прекрасное и гордо спокойное лицо цесаревны, полное какого-то неизъяснимаго выраженія величія и покорности судьбѣ, Лестокъ невольно поклонился. Онъ видѣлъ въ ней ту-же красоту, которую привыкъ видѣть всегда, но эта красота была освѣщена новымъ свѣтомъ; въ ней являлось что-то неземное, что-то высшее; являлось то, что вызываетъ восторгъ и поклоненіе.

«Такъ создавались древніе типы, подумалъ Лестокъ:—принимали человѣка въ ту минуту, когда онъ выше себя». И Лестокъ ушелъ, думая: «Боже мой, какъ она прекрасна!»

IX.

Переворотъ.

Гренадеры явились въ одиннадцать часовъ вечера. Цесаревна не выходила. Она весь день просидѣла у себя въ комнатѣ, не принимая никого. Лестокъ, Воронцовъ, Шуваловы и Разумовскій съ безпокойствомъ поглядывали другъ на друга, какъ-бы предлагая одинъ другому вопросъ: что будетъ? И ни одинъ не зналъ, что отвѣчать. «Ну, придутъ гренадеры, думалъ Лестокъ. Она станетъ говорить, жаловаться, потомъ расплачется, и ничего. А завтра дадутъ знать Ушакову, принцу, будетъ знать Остерманъ... Хоть поговорить бы»... Онъ спросилъ о цесаревнѣ камеръ-медхенъ; та отвѣчала: не приказали себя безпокоить, не кушали ничего, кромѣ кусочка хлѣба утромъ съ чаемъ, и сидятъ запершись.—Такое ли время, чтобы теперь запираться, когда нужно каждую минуту ждать, что придутъ и возьмутъ...

Шуваловы тоже ходили, опустивъ голову, сами не свои. Она не пустила къ себѣ даже Мавру Егоровну.

— Оставь меня, Маврушa, сказала она черезъ двери.—Я здорова, только дай мнѣ побыть наединѣ съ собою!..

Но болѣе всѣхъ смущенъ и разстроенъ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Ему сказали, что его хотятъ брать къ отвѣту передъ Ушаковымъ. «Нехай ихъ беруть! Що було, то було и баять о томъ нечего. Я ны дівчина, що мене бы пугаломъ запугали. Отъ меня какъ есть слова не выжмуть, только бы ясочка наша здорова була!»

И онъ метался изъ стороны въ сторону, стараясь узнать, что съ цесаревною, и здорова ли она?

Когда двѣнадцать гренадеръ-урядниковъ преображенскаго полка явились въ караульную комнату дворца, Лестокъ пошелъ доложить самъ. По первому его слову она вышла. Въ черномъ платьѣ, съ чернымъ накинутымъ на голову кружевнымъ вуалемъ и золотымъ, осыпаннымъ брилліантами медальономъ, съ портретомъ отца на груди,—она была величава, была прекрасна, была именно типъ рѣшимости и спокойствія. На глазахъ ея виднѣлись слѣды слезъ,—явный признакъ колебанія, внутренней борьбы. Лицо ея носило еще признаки этой борьбы, оно было блѣдно. Но ни колебанія, ни борьбы уже не было. Она была тверда и увѣренна въ себѣ, будто впередъ знала, что должно было быть. Она велѣла позвать гренадеръ въ залъ и спокойно, величаво, съ любезною улыбкою вышла къ нимъ, дѣлая рукою знакъ общаго привѣта.

— Здравствуйте, дѣти мои! сказала она тихо и ласково.—Я обѣщала, когда будетъ нужно, прислать за вами; видите, я сдержала свое слово. Хотите ли служить мнѣ?

— Рады стараться, ваше высочество, матушка-цесаревна! рады всѣ головы сложить за тебя! грянули гренадеры.—Вели,—всѣ живыми въ гробъ ляжемъ!..

И гренадеры окружили ее.

— Матушка-цесаревна, началъ говорить одинъ урядникъ,—всѣ наши умереть готовы за тебя, только насъ отъ тебя уводятъ! Завтра второй баталіонъ, а послѣ завтра и мы уходимъ. Сердце замираетъ, какъ подумаемъ, что-то съ тобою, государыня, безъ насъ сдѣлаютъ? Веди насъ сейчасъ, государыня цесаревна, клянемся умереть за тебя!

— Готовы умереть за тебя! въ одинъ голосъ, какъ одинъ человѣкъ, повторили гренадеры.

— Дѣти мои, сказала въ отвѣтъ цесаревна,—вѣдь и я за васъ готова велѣть въ гробъ себя положить. Да благословитъ же Богъ наше начинаніе! Идите, соберите тихонько свою роту, прихватите и изъ другихъ, кто захочетъ, изъ надежныхъ,—я сейчасъ сама къ вамъ буду!.. Она подала ближайшему къ ней гренадеру руку, тотъ поцѣловалъ ее, потомъ упалъ передъ нею на колѣни и проговорилъ восторженно:

— Государыня! какъ Богъ святъ, ни жены, ни дѣтей не пожалѣю, въ огонь за тебя пойду!.

— И мы, и мы, вторили гренадеры,—не выдадимъ!.. И всѣ упали на колѣни передъ нею.

Она дала имъ по очереди перецѣловать свою руку и сама поцѣловала каждаго въ голову. Потомъ она вынесла крестъ и сказала:

— Клянусь на этомъ крестѣ, оставленномъ мнѣ великимъ отцомъ моимъ и бывшій съ нимъ въ великій день полтавской битвы,—клянусь, ни себя, ни жизни своей не жалѣть для васъ и вашихъ товарищей! Клянусь быть вамъ матерью, какъ вы—дѣти мои! Если Богъ явитъ свою милость къ намъ и Россіи и благословитъ успѣхомъ, то ваша вѣрность и преданность не забудутся; а теперь клянитесь и вы за себя и товарищей вашихъ, что вы мнѣ не измѣните и меня не оставите!

Гренадеры съ благоговѣніемъ стали подходить къ кресту, повторяя слова присяги.

— Теперь идите, соберите товарищей, разскажите имъ все, что здѣсь было и что я говорила вамъ, и ждите меня смирно, чтобы никто не видалъ и не слыхалъ васъ.

И она осѣнила ихъ крестомъ. Гренадеры смотрѣли на нее какъ очарованные, пока одинъ изъ нихъ не сказалъ:

— Идемъ, братцы, соберемъ молодцовъ. Мы вѣдь присягали умереть за цесаревну.

Они ушли; ушла и она, сказавъ Воронцову, чтобы онъ распорядился приготовленіемъ саней.

Войдя къ себѣ и прижимая крестъ къ своей груди, она бросилась на колѣни передъ образомъ Спасителя.

«Сниспошли Господь благословеніе Твое моему началу для блага Россіи. Клянусь передъ Тобою: ни злобы, ни мести, да не будетъ въ царствованіи моемъ! Клянусь, не подпишу ни одного смертнаго приговора, не отниму ни отъ кого жизни, данной Тобою. Да будетъ вездѣ милосердіе и правда, да снизойдетъ на Россію благодать Твоя»!..

Затѣмъ, сверхъ своего платья, она надѣла кирасу и пошла.

— Докторъ, вы сопровождаете меня! сказала она Лестоку;—и ты, Ларіонычъ, ѣдешь! прибавила она Воронцову. Шуваловъ стоялъ тутъ же, но она не сказала ему ничего. Къ ней подошелъ Разумовскій.

— Матушка, а я? Дозволь и мнѣ...

— Ты оставайся здѣсь и молись за меня! твердо сказала Елисавета тономъ, недопускающимъ возраженія, и вышла. На встрѣчу ей бѣжалъ ея старый музыкальный учитель, Шварцъ, жившій во дворцѣ на пенсіи.

— Ты куда, старикъ? спросила Елисавета.

— Матушка, дай хоть взглянуть на тебя, хоть ручку поцѣловать...

— Ѣдемъ со мною; надѣюсь, что тебя-то не станутъ тиранить на пыткахъ!...

Сани съ цесаревною и приглашенными ею лицами покатили къ преображенскимъ казармамъ.

Гренадерская рота преображенскаго полка, въ полномъ сборѣ, съ заряженными ружьями въ рукахъ, сидѣла притаившись на дворѣ преображенскихъ казармъ.

Офицеры стояли въ кучкѣ и наблюдали, чтобы не было ни разговоровъ, ни шуму. Къ нимъ, такъ же, какъ и къ солдатамъ, присоединилось множество охотниковъ. Цесаревну любили. Всѣ ждали молча.

— Не видать еще? спросилъ Хитровъ, подпрыгивая, чтобы согрѣться.—Сегодня однакожъ морозецъ, и крещенскому подстать!

— Молчи! ѣдутъ! отвѣчалъ Грюнштейнъ, оправляя свой шарфъ, за которымъ у него былъ заткнутъ пистолетъ.—Смотри, Хитровъ, не отставай; гаркнемъ дружно:—дескать за тебя, цесаревна, умереть готовы!

— Не тебѣ меня учить, не мнѣ тебя слушать, отвѣчалъ съ досадою Хитровъ.—Мы вѣдь русскіе и за свою цесаревну не только кричать, а и взаправду голову сложить готовы.

Въ это время сани уже подкатили. Цесаревна вышла, прижимая къ груди своей крестъ, который привезла съ собою.

— Ребята! сказала она звонко:—вы знаете, чья я дочь? Я дочь вашего государя Петра перваго, Великаго, и вашей государыни Екатерины Алексѣевны! Вамъ говорили ваши товарищи, зачѣмъ я собрала васъ. Вотъ на этомъ крестѣ я клялась умереть за васъ; клянитесь же и вы не оставлять меня и, если будетъ нужно, умереть за меня!

— Клянемся, матушка ты наша! родная ты наша! ни въ жизнь не оставимъ! Себя клянемся не жалѣть! кричали солдаты кругомъ.

— Прикажи только родная,—всѣмъ имъ голову свернемъ! буркнулъ кто-то въ толпѣ.

— Нѣтъ, ребята, тогда я не пойду съ вами! Тихо, смирно, съ полнымъ послушаніемъ и не обижая никого, должны вы идти, какъбы вы шли за моимъ отцомъ! Обѣщаете ли вы быть послушными, клянетесь ли не убивать и не обижать никого?

— Клянемся, матушка! что ты велишь, то и будемъ дѣлать! Ты наша мать, мы твои дѣти... загремѣла толпа.

— Да, если Богъ благословитъ, я буду вамъ матерью! Ступайте же за мною, и будемъ думать только о томъ, чтобы отечество наше и всѣхъ насъ сдѣлать счастливыми!

И цесаревна сѣла въ сани. Солдаты окружили ее; нѣсколько офицеровъ стали на запятки.

— Съ Богомъ! сказала цесаревна. Сани тронулись и толпа повалила.

Подъѣзжая къ литейному проспекту, цесаревна обернулась и приказала Грюнштейну отдѣлить отряды для ареста по дорогѣ графа Головкина, барона Менгдена, графа Левенвольда и Лопухина; потомъ она приказала Воронцову послать особый отрядъ арестовать фельдмаршала Миниха и предоставить къ ней во дворецъ, а на Лестока возложила обязанность особо озаботиться Остерманомъ. Тутъ же Лестокъ передалъ Грюнштейну списокъ, кого слѣдуетъ арестовать изъ второстепенныхъ лицъ, между которыми значился и генералъ Альбрехтъ.

Сани подвигались по Невскому. Къ гренадерамъ присоединялись солдаты и другихъ ротъ и полковъ, узнавая, что ведетъ ихъ цесаревна Елисавета. За ними валила толпа народа.

— Тише дѣти, безъ шума, говорила цесаревна, и всѣ шли въ гробовомъ молчаніи. Только мѣрный шагъ солдатъ отдавался въ морозномъ воздухѣ. Народъ шелъ за ними тоже безмолвно, смирно, не понимая ничего, но инстинктивно чувствуя, что происходитъ что-то, что не можетъ быть худо для него.

Подъѣхавъ къ площади, цесаревна вышла изъ саней; но оказалось, что ей трудно идти по глубокому снѣгу.

— Матушка, государыня наша, промочишь ножки, позволь тебя донести?

Двое изъ гренадеръ скрестили руки, посадили Елисавету и понесли къ новому зимнему дворцу, передѣланному изъ дома графа Апраксина и стоявшему на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь четыреугольникъ дворца, который выходитъ на Неву, противъ адмиралтейства.

Войдя во дворецъ, цесаревна прошла прямо въ караульню.

— Дѣти мои, сказала она солдатамъ, которые ее окружили,— не пугайтесь! Я пришла освободить васъ отъ нѣмцевъ! Вы знаете, сколько я терпѣла; знаю, что много натерпѣлись и вы. Хотите ли служить мнѣ, какъ служили моему отцу? Освободимся отъ нашихъ мучителей!

— Матушка, мы давно ждемъ слова твоего; прикажи, мы все сдѣлаемъ!

Но офицеры въ караулѣ были изъ нѣмцевъ.

— Смирно! бей тревогу! караулъ вонъ! закричалъ командующій карауломъ. Но гренадеры, пришедшіе съ Елисаветою, разомъ скрутили его.

Не хотѣли сдаваться и другіе три офицера.

— Арестуйте ихъ! сказала цесаревна.

Началась было сумятица, въ которой одинъ изъ гренадеръ хотѣлъ приколоть несдающагося офицера штыкомъ. Цесаревна сама схватила солдата за ружье.

— Помните, вы клялись не убивать и не обижать никого! сказала она. — Если онъ не слушаетъ, возьмите его и свяжите!

Изъ караульни цесаревна пошла на половину правительницы,

поручивъ Воронцову идти на половину принца Антона, а Лестоку, который подошелъ къ ней и шепнулъ на ухо, что Остермана уже повезли къ ея дворцу, поручила взять императора Іоанна и его новорожденную сестру Екатерину. Лестокъ съ Хитровымъ, другими офицерами и нѣсколькими гренадерами, пошелъ на половину малолѣтняго императора.

Передъ комнатою правительницы, цесаревну остановилъ стоявшій на часахъ унтеръ-офицеръ.

— Не велѣно никого пускать, ваше высочество! сказалъ онъ.

— Возьмите его! сказала Елисавета, обращаясь къ своимъ Часовой тотчасъ былъ убранъ.

Цесаревна вошла.

На широкой царственной кровати, подъ императорскими гербами, спала Анна Леопольдовна вмѣстѣ съ своею наперстницею Юліаною Менгденъ. Рука ея была откинута, волосы распущены, она спала крѣпко.

— Сестрица, пора вставать! сказала цесаревна, легонько трогая ее за руку.

Анна Леопольдовна проснулась и приподнялась.

— Это вы, сударыня, пожаловать изволили? Зачѣмъ? И кто позволилъ вамъ безъ докл...

— Извините, сестрица, но, видите, вамъ нужно ѣхать... Не угодно ли пожаловать!

Юліана между тѣмъ тоже приподнялась, оглянула всѣхъ сонными глазами и опять бухнулась въ подушки.

— Ты, матушка тоже вставай; съ тобой церемониться не станутъ! сказала цесаревна Менгденъ.

И она приказала стоявшему подлѣ нея офицеру растолкать ее.

Юліана вскочила отъ перваго прикосновенія.

Анна Леопольдовна оглянулась и увидѣла, что кругомъ ея стоятъ гренадеры. Она догадалась и взвизгнула.

— Ни плакать, ни кричать не зачѣмъ, сестрица; я не угрожаю вамъ пыткой! А вотъ прикажу привести къ вамъ вашу горничную. Потрудитесь одѣться, да торопитесь, некогда!

— Не убивайте меня, тетушка, и дѣтей моихъ, начала говорить растерянная Анна Леопольдовна, — не разлучайте насъ съ ней!

И она обняла совершенно обезумѣвшую Менгденъ.

— Хорошо, хорошо, будьте покойны, только одѣвайтесь скорѣй! говорила Елисавета, стоя передъ кроватью, на которой вертѣлись двѣ женщины, такъ крѣпко спавшія за минуту и такъ много думавшія передъ тѣмъ о своемъ «мы».

Въ это время одинъ изъ гренадеръ притащилъ за шиворотъ къ Елисаветѣ камеръ-медхенъ бывшей правительницы.

— Одѣвай принцессу, да скорѣе! Извольте и вы одѣваться, сударыня, если не хотите, чтобы я поручила васъ одѣвать моимъ гренадерамъ! повторила цесаревна обратясь къ Менгденъ строго, когда та накинувъ себѣ на плечи платокъ; готова была вновь опуститься на постель.

Лестокъ въ это время привелъ въ спальню мамокъ и нянекъ съ дѣтьми.

Елисавета взяла бывшаго императора на руки, поцѣловала его и сказала:

— Бѣдный малютка, ты ни въ чемъ не виноватъ! Виноваты твои родители, а ты платишь за ихъ грѣхи! Но я о тебѣ позабочусь.

— Ну пора снаряжать гостей! Идемте! Вы, докторъ, поѣзжайте съ дѣтьми. Узнайте, готовы ли сани?

Анну Леопольдовну Елисавета взяла съ собой; принца Антона съ фрейлиной Менгденъ посадили съ Воронцовымъ; а бывшій императоръ съ нянькою и принцесса Екатерина, на рукахъ кормилки, должны были сѣсть съ Лестокомъ; всѣ они, окруженные гренадерами и съ офицерами, приверженцами Елисаветы, на запяткахъ, отправились къ ея дворцу; а тамъ уже ихъ ждали арестованные Минихъ и Остерманъ. Другіе арестованные были оставлены подъ карауломъ въ своихъ домахъ.

Между тѣмъ на улицахъ росла народная толпа. Гвардейскіе полки, узнавъ, что ихъ матушка-цесаревна рѣшилась наконецъ взять на себя государство, вышли сами изъ казармъ и построились

фронтомъ въ улицахъ, передъ ея дворцомъ. Лестокъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Разумовскій, Нарышкинъ и другіе приближенные поѣхали сами и разослали всюду нарочныхъ объявлять о случившемся, т. е. о принятіи въ свои руки царствованія цесаревною Елисаветою.

Всѣ, разумѣется, спѣшили привѣтствовать и поздравить вновь восходящее свѣтило, забывая тѣхъ, передъ кѣмъ еще вчера курили ѳиміамъ. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій также поздравлялъ Елисавету съ законнымъ и прирожденнымъ воспринятіемъ правленія въ свои царственныя руки и такъ же просилъ дозволенія отпраздновать это благополучное событіе торжественнымъ обѣдомъ, какъ годъ тому назадъ онъ просилъ отпраздновать принятіе въ свои руки правленія Анной Леопольдовной. Однимъ изъ первыхъ явился съ поздравленіемъ Бревернъ, тайный кабинетъ-секретарь, правая рука Остермана, который только наканунѣ увѣрялъ своего милостивца, что его преданность къ нему неизмѣнна. Явились увѣрять въ своей преданности и тѣ, которые никогда и не думали ни о какой преданности. Однимъ словомъ, все шло такъ, какъ всегда идетъ между людьми. Начальникъ полиціи князь Шаховской узналъ о случившемся переворотѣ чуть не послѣднимъ. Оно и лучше, зачѣмъ много знать. Не даромъ говорятъ, кто много знаетъ, скоро старѣется; а князю Шаховскому старѣться должно быть не хотѣлось. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, хотя возвращенный и возстановленный прежнимъ правительствомъ, не встрѣтилъ однакожъ препятствія написать манифестъ, въ которомъ объ этомъ правительствѣ сказалъ: «что оно черезъ разные персоны происходило, отчего, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе безпорядки и не малое разореніе всему государству слѣдовали». Прибылъ и фельдмаршалъ Лесси, заявившій, что онъ радъ служить крови Петра Великаго, и другой фельдмаршалъ старикъ Трубецкой, послѣдній бояринъ русскій, который съ обыкновеннымъ своимъ заиканьемъ, успѣлъ только выговорить: «п-п-поздравляю!» Императрица вышла на балконъ и народъ грянулъ:

— Да здравствуетъ наша матушка государыня царица Елисавета Петровна! ура! ура!

Шапки полетѣли въ воздухъ и народъ видимо пьянѣлъ отъ радости. Столица присягала на вѣрность Елисаветѣ, а убаюкиваемый Іоаннъ Антоновичъ спалъ сладко подъ напѣвъ колыбельной пѣсенки своей мамки, которая, неизвѣстно, пропѣла ли и теперь ему два прибавочные стиха, которые любила припѣвать прежде:

Будешь Ваня выростать,
Будешь царствомъ управлять.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

была объявлена только ссылка. Ссылка же была назначена Миниху, Головкину и Левенвольду. Они тоже много непріятностей дѣлали Елисаветѣ: приставляли къ ней шпіоновъ, стерегли какъ плѣнницу, клеветали на нее. Но она не мстила! Она хотѣла только быть покойною отъ ихъ дальнѣйшихъ происковъ, отъ ихъ интригъ и покушеній; хотѣла только отнять у нихъ средства дѣлать зло въ будущемъ. При допросахъ никого не пытали.

Лишивъ такимъ образомъ власти и силы тѣхъ, кто ей противодѣйствовалъ, Елисавета озаботилась наградить тѣхъ, кто ей помогалъ, и вообще всѣхъ, кто ей оказывалъ услуги, когда она была въ тѣсномъ положеніи опальной цесаревны. Ближайшія лица ея двора, бывшіе камеръ-юнкеры: два брата Шуваловы, Воронцовъ и Разумовскій, были сдѣланы ея дѣйствительными камергерами. Одинъ изъ Шуваловыхъ, Александръ Ивановичъ, любимецъ цесаревны, былъ назначенъ начальникомъ тайной канцеляріи, вмѣсто ужаснаго Ушакова, который, за усердіе и многія службы, былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ золотую цѣпь Андрея, а послѣ и графское достоинство. Елисавета не забыла, что еще при жизни матери ея, Екатерины, Ушаковъ хлопоталъ, чтобы ее утвердить наслѣдницею. Другой Шуваловъ, Петръ Ивановичъ, женатый уже на ближайшей фрейлинѣ цесаревны, извѣстной намъ Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, пошелъ въ ходъ. Онъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи и сенаторомъ. Въ сенатѣ онъ проводилъ свои финансовые проекты, которые неизвѣстно принесли ли пользу государству, но несомнѣнно, что принесли пользу ему самому. Впрочемъ, нельзя не сказать, что отмѣна внутреннихъ заставъ и таможенъ, сдѣланная по настоянію Шувалова, должна сохраниться въ памяти потомства, какъ результатъ его полезной дѣятельности. Воронцовъ тоже женился на предметѣ своихъ вздоховъ, Аннѣ Карловнѣ Скавронской, и за ней, кромѣ приличнаго приданаго, получилъ графское достоинство. Генералъ-аншефы: Румянцевъ, Чернышевъ и Левашевъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ получили андреевскія ленты, а графъ Головинъ, князь Куракинъ, какъ имѣвшіе уже этотъ орденъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, получили золотыя цѣпи, высшій знакъ кавалеровъ Андрея Первозваннаго. Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ сдѣланъ оберъ-гоф-

маршаломъ. Дѣтямъ Волынскаго было возвращено имѣніе ихъ отца и честь ихъ имени. Возвращены были всѣ ссыльные, освобождены всѣ заключенные временъ Анны Іоанновны и Бирона. Однимъ словомъ, сдѣлано было все, чтобы загладить сколько возможно раны, нанесенныя жестокимъ, анти-національнымъ управленіемъ, въ которомъ нѣмцы, не покоряя Россіи, съумѣли наложить на нее иго болѣе тяжкое, чѣмъ то, отъ котораго стонала она во время татарскаго владычества.

Не забыта была и гренадерская рота преображенскаго полка, доставившая престолъ Елисаветѣ; не забыты были и полки гвардіи, столь постоянно доказывавшіе ей свою преданность. Изъ гренадерской роты была образована такъ названная лейбъ-компанія, нѣчто въ родѣ особыхъ тѣлохранителей государыни. Императрица объявила себя ихъ капитаномъ. Штабсъ-капитаны или капитанъ-поручики были полные генералы; поручики—генералъ-лейтенанты, прапорщики равнялись полковникамъ, капралы капитанамъ, а всѣ рядовые признавались офицерами. Всѣ нижніе чины, участвовавшіе въ экспедиціи арестованія Брауншвейгской фамиліи, получили дворянское достоинство и каждый, по соразмѣрности своихъ заслугъ, помѣстье. Наименьшее помѣстье было въ 30 душъ; но были и такіе, какъ напримѣръ, Грюнштейнъ, поручикъ и адъютантъ полка, изъ перекрещенныхъ евреевъ, который получилъ около тысячи душъ. Всей гвардіи было выдано не въ зачетъ третное жалованье и на каждый полкъ была еще назначена особая сумма для распредѣленія между нижними чинами.

— Они помогали мнѣ, берегли меня, говорила императрица,—и я должна ихъ наградить! И она награждала съ истинно материнскою щедростью.

Но болѣе всѣхъ былъ награжденъ тотъ, кто дѣйствительно болѣе всѣхъ содѣйствовалъ восшествію на престолъ императрицы Елисаветы. Это ея лейбъ-медикъ, довѣренный другъ, гановерскій уроженецъ французскаго происхожденія, Арманъ или Германъ Іоганъ Лестокъ.

За особенныя и давнія услуги, чрезвычайное искусство и испытанную преданность, Лестокъ былъ назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ двора ея величества и собственнымъ докторомъ госу-

дарыни, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, сдѣланъ управляющимъ всею медицинскою частью имперіи, съ огромнымъ по тому времени содержаніемъ 7.000 р., кромѣ разныхъ аксиденцій. На уплату долговъ ему было дана значительная сумма, пожаловано имѣніе, а вскорѣ дано и графское достоинство. Но выше и дороже всѣхъ наградъ было то, что онъ сталъ первымъ приближеннымъ государыни, можно сказать, первымъ ея совѣтникомъ. Ни Шуваловъ, ни Разумовскій не имѣли на нее и десятой доли того вліянія, которое имѣлъ Лестокъ. Первое время своего царствованія Елисавета не предпринимала ничего ни въ политической, ни даже въ частной жизни своей, не выслушавъ мнѣнія Лестока. Онъ былъ не фаворитъ, но именно, какъ онъ когда-то говорилъ, больше всѣхъ фаворитовъ. Она ему вѣрила. И ея первому лейбъ-медику приходилось иногда докладывать не только по медицинскимъ, но и по церемоніймейстерскимъ, придворнымъ, даже сенатскимъ и военнымъ дѣламъ. Онъ присутствовалъ даже при допросахъ, назначался членомъ высшихъ коммиссій. Государыня въ чемъ особенно хотѣла удостовѣриться, поручала вмѣсто себя быть Лестоку. И все, что онъ представлялъ, о чемъ докладывалъ или ходатайствовалъ, принималось государыней почти безъ возраженія.

Да какъ Елисаветѣ было и не вѣрить Лестоку? Преданность его была испытана. Его не могъ подкупить даже Бирономъ. Онъ рисковалъ жизнью, чтобы поставить ее въ то положеніе, въ которомъ она находилась теперь. Свой умъ, знаніе людей, ловкость и осторожность онъ только-что доказалъ. Если-бы она послушалась его десять лѣтъ назадъ, сколько бы обидъ, оскорбленій, несчастій она бы избѣжала. Могла ли послѣ того Елисавета ему не довѣрять.

Наградивъ всѣхъ, кого можно было наградить, Елисавета озаботилась привести строй государственнаго управленія въ тотъ самый видъ и порядокъ, въ какомъ оставилъ его ея великій отецъ. Кабинетъ, въ смыслѣ высшаго учрежденія, былъ уничтоженъ. Вся власть была сосредоточена въ сенатѣ. Возстановлены колегіи въ прежнемъ составѣ; учреждена совѣщательная конференція. Для собственныхъ, домашнихъ дѣлъ государыни была учреждена

особая канцелярія или кабинетъ, какъ было при Петрѣ Великомъ, и управлять этимъ кабинетомъ былъ призванъ тотъ же Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, который былъ тайнымъ секретаремъ ея отца, и котораго Бирономъ, ни за что, выгналъ изъ службы и сослалъ въ Казань.

Такимъ образомъ, Елисавета начала царствовать кротко и милостиво. Она помнила свои слова: «какъ женщина, я могу увлекаться, отдаваться своимъ слабостямъ, но какъ государыня, я должна быть выше своихъ страстей». И съ ея воцареніемъ, въ народѣ начало разливаться довольство и спокойствіе. Нѣмцевъ, которымъ бы нужно было разбогатѣть во что бы то ни стало, и разбогатѣть сейчасъ, сію минуту, не было: никто не зорилъ родной земли, никто не давилъ православный народъ, какъ зорили землю и давили народъ, подъ разными предлогами — взысканія недоимокъ, соблюденія интересовъ казны и необходимости выполненія государственныхъ нуждъ, всевозможные Левенвольды, Менгдены, Остерманы и Бироны. Нужно было устроить и внѣшнія сношенія.

— Кѣмъ однакожъ замѣню я Остермана? спросила Елисавета у Лестока чуть-ли не въ первый день своего царствованія.

— А кѣмъ вы изволите думать, всемилостивѣйшая государыня? спросилъ Лестокъ, дѣлая изъ своего вопроса какъ-бы пробный шаръ; хотя въ головѣ у него давно было рѣшено о комъ ходатайствовать.

— Ума не приложу, отвѣчала государыня. — Вотъ если-бы они не убили Волынскаго, никому бы съ такою охотою не отдала я внѣшнихъ сношеній, какъ ему. Правда, онъ не зналъ языковъ, за то сильно любилъ отечество и былъ преданъ мнѣ, такъ что, при своихъ способностяхъ, управился бы и черезъ переводчиковъ. Но когда его нѣтъ, что же дѣлать?

— Само собой разумѣется, государыня, дѣлать нечего! На такія мѣста всегда трудно выбирать. Но кругомъ вашего величества столько способныхъ молодыхъ людей...

— Въ томъ то и дѣло, что кругомъ меня все неопытная молодежь, прервала его государыня. — А этотъ старый плутъ Остерманъ такъ велъ дѣла, что даже тѣ, которые при немъ состояли, не

знали куда и къ чему онъ направляетъ. Я говорила съ Бреверномъ. Что-жъ ты думаешь? Ни въ зубъ! Даже кто гдѣ резидентами нашими числится, и въ какомъ рангѣ, не знаетъ. Принцесса Анна была въ дѣлахъ такъ неопытна и была настолько въ рукахъ этихъ старыхъ злодѣевъ Миниха и Остермана, что, прогнавъ ихъ, боюсь, въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать бы какой ошибки. А не хотѣлось бы.

— Что, ваше величество, изволите думать о Воронцовѣ?

Лестокъ сдѣлалъ этотъ вопросъ потому, что еще прежде переворота, когда распредѣлялись мѣста между приближенными цесаревны, Воронцову всегда предназначалась дипломатическая часть, и Елисавета не рѣдко въ шутку называла его своимъ дипломатомъ.

— Воронцовъ? да! сказала Елисавета. — Я всегда смотрѣла на него какъ на будущаго дипломата. Но ему прежде нужно многому поучиться, на многое посмотрѣть. Это и я понимаю, хоть я не ученая и не дипломатка. Покойный Шафировъ, когда я была въ Москвѣ, бывало говорилъ мнѣ о Воронцовѣ: «у васъ алмазъ, цесаревна, нужно его только отшлифовать»; ну а когда тутъ шлифовать, когда нужно сейчасъ, сію минуту! Вѣдь не оставить же въ самомъ дѣлѣ внѣшнія дѣла на рукахъ у нынѣшняго номинальнаго канцлера Черкаскаго?

— Да, ваше величество, князь Алексѣй Михайловичъ куда-куда, а ужъ въ канцлеры-то не годится. Хотя онъ тоже не знаетъ иностранныхъ языковъ, какъ и Волынскій, но онъ не Волынскій!

— Для внѣшности-то бы и ничего, пожалуй, отвѣтила Елисавета, — но. . Про него Шафировъ тоже говорилъ: «по богатству, знатности и пожалуй неуклюжей неподвижности, Черкаскому какое угодно мѣсто дать можно, какіе хотите цацы наложить, только съ тѣмъ, чтобы пружина была, которая бы за него думала». Вотъ такую-то пружину, которая могла бы ворочать неуклюжую тушу князя Черкаскаго, я и ищу.

— Государыня, сказалъ Лестокъ, — Вашъ свѣтлый взглядъ и ясное разсужденіе справедливо оцѣнило трудность выбора человѣка для внѣшнихъ сношеній, особенно при нынѣшнихъ труд-

ныхъ конъюнктурахъ государства. Онъ долженъ быть опытный дѣлецъ, человѣкъ трудолюбивый, тонкій, умный и вамъ преданный. Но мнѣ кажется, что у васъ подъ руками именно есть такой человѣкъ. Онъ не уступитъ Остерману ни въ трудолюбіи, ни въ знаніи, а по разуму и тонкости пожалуй будетъ выше его. Притомъ человѣкъ не такой неблагодарный, какъ Остерманъ; онъ помнитъ благодѣянія къ нему вашего родителя и преданъ вамъ всей душой.

— Кто же это? Трубецкой? спросила Елисавета.

— Нѣтъ, ваше величество всемилостивѣйшая наша повелительница. Трубецкой — это такой человѣкъ, о которомъ подумать нужно; къ тому же онъ на мѣстѣ и еще на такомъ, замѣстить которое теперь, пожалуй, будетъ труднѣе, чѣмъ замѣнить Остермана. Съ тѣмъ вмѣстѣ Трубецкой, по внѣшнимъ сношеніямъ, совсѣмъ не имѣетъ опыта; онъ будетъ просто какъ въ лѣсу. Я говорю вашему величеству о человѣкѣ опытномъ, о человѣкѣ, доказавшемъ свои дипломатическія способности, у котораго Михаилу Ларіоновичу поучиться не стыдно и не грѣхъ будетъ. Это Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

— Рюминъ? съ удивленіемъ и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія сказала государыня. — Да, точно, я о немъ и не подумала. Онъ человѣкъ дѣйствительно способный. За то такой бездушный и холодный. Знаешь, Лестокъ, смѣшная вещь, я боюсь этихъ спокойныхъ и холодныхъ людей; я предпочитаю даже такихъ вѣтрениковъ какъ ты. По моему, человѣкъ безъ чувства...

— Для внѣшнихъ сношеній, всемилостивѣйшая государыня, самой лучшій дипломатъ въ мірѣ тотъ, который ничего не чувствуетъ. Сантиментальность въ дипломатической перепискѣ, можно сказать, даже непростительна. Бестужевъ, еще при блаженныя памяти вашемъ родителѣ, съ его согласія поступилъ на службу къ гановерскому курфирсту, нынѣ англійскому королю. Тотъ послалъ его резидентомъ, къ самому же вашему родителю. И онъ, ведя дѣло къ пользѣ и удовольствію обѣихъ сторонъ, доказалъ, что онъ истинно политическій человѣкъ. Поэтому государь взялъ его у курфирста назадъ и назначилъ посланникомъ, не помню

хорошенько куда, кажется въ Данію, хотя тогда ему не было еще и 25 лѣтъ. А покойный родитель вашъ, говорить нечего, умѣлъ выбирать людей.

— Да, и тогда же, говорятъ, онъ вошелъ въ сношенія съ лопухинскою шайкою, хотѣлъ служить царевичу Алексѣю, когда тотъ прятался въ Вѣнѣ, сталъ прямо противъ моей матери.

— Въ то время, ваше величество, царевичъ Алексѣй былъ законный и единственный наслѣдникъ. Удивительно ли, что онъ желалъ и старался ему угодить? Это доказываетъ только его умъ и сообразительность. А потомъ, не старался ли онъ объ интересахъ блаженныя памяти сестрицы вашей Анны Петровны? А когда вмѣсто Волынскаго его сдѣлали кабинетъ-министромъ, не желалъ ли онъ вамъ и всѣмъ приближеннымъ вашимъ выказать свою искреннюю и постоянную преданность? Не даромъ же Минихъ велѣлъ его арестовать вмѣстѣ съ Бирономъ и судить.

— И тутъ онъ сталъ оговаривать Бирона, который ему благодѣтельствовалъ; а затѣмъ, когда Минихъ потерялъ кредитъ, взваливалъ небылицы и на Миниха. Нѣтъ, вашъ Бестужевъ, по моему, крайній интригантъ.

— Государыня! да вѣдь человѣкъ, чтобы избавиться отъ той страшной казни, которая его ожидала, поневолѣ заговоритъ не то, что думаетъ. Смѣлъ ли бы онъ хоть однимъ словомъ коснуться Миниха во время его всемогущества. Вѣдь страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ тутъ же сидѣлъ. Послѣ перваго же слова, пожалуй, его бы въ застѣнокъ повели и на дыбу вздернули. Но, говоря о Биронѣ и Минихѣ, онъ ни однимъ словомъ не нарушилъ своего уваженія къ особѣ вашего величества.

Въ эту минуту вошелъ Воронцовъ.

— Скажи Ларивонычъ, что ты думаешь? Вотъ Лестокъ говоритъ, что внѣшнія дѣла нужно поручить Бестужеву, Алексѣю. Ты что скажешь? спросила государыня у Воронцова. Она не знала, что Лестокъ и Воронцовъ еще наканунѣ уговорились просить государыню о назначеніи Бестужева, съ тѣмъ, чтобы Воронцова назначить къ нему помощникомъ и онъ могъ приглядѣться и понаучиться.

— Что жъ, ваше величество, всемилостивѣйшая моя государыня тетушка и свѣтлѣйшая покровительница. Мы всѣ такъ неопытны

въ этихъ дѣлахъ, что кажется лучшаго выбора и сдѣлать невозможно. Алексѣй Петровичъ умный и дѣловой человѣкъ. Дипломатію знаетъ. Сколько лѣтъ въ чужихъ земляхъ жилъ и все служилъ по дипломатической части.

— Признаюсь, Ларивонычъ, думая объ иностранныхъ дѣлахъ, я разсчитывала на тебя.

— Всемилостивѣйшая государыня, для службы вашему величеству я радъ положить всѣ силы души моей. Но мудрецомъ никто не родится. Мнѣ учиться нужно и многому учиться, чтобы потомъ по совѣсти оправдать вашу довѣренность. Взять же на себя страшную отвѣтственность за то, чего я вовсе еще не знаю, въ чемъ никогда не упражнялся, прямо противно моей совѣсти и моей безпредѣльной вашему величеству преданности.

— Ты правъ Ларивонычъ, и я это думаю. Но Бестужевъ-Рюминъ... Это сухой, самолюбивый интриганъ, человѣкъ неспособный ни къ любви, ни къ благодарности. Однако вы оба стоите за него. Хорошо! Только вотъ что я вамъ скажу: вы просите на себя розгу! Противъ того и другаго Бестужевъ непремѣнно будетъ интриговать. Вы на меня потомъ не пеняйте.

— Мы увѣрены, государыня, въ вашей справедливости и милости. Но если-бы мы и погибли отъ интригъ Бестужева, то, ради пользы и спокойствія вашего величества, мы ни на минуту не задумались бы сказать правду, что онъ способный и умный человѣкъ! отвѣчалъ Воронцовъ.

— Дѣлать нечего, сказала, подумавъ Елисавета.—Онъ, точно, умный человѣкъ. Велите его позвать ко мнѣ. Но все же, пока, я оставлю канцлеромъ Черкаскаго; пусть Бестужевъ будетъ только вице-канцлеромъ, хотя и будетъ руководить дѣлами. Все же на его интриги хоть какая нибудь узда будетъ.

Такимъ образомъ ходатайство Воронцова и Лестока обрушилось прежде всего на самомъ Воронцовѣ. Ходатайствуя о назначеніи Бестужева канцлеромъ, онъ думалъ получить званіе вице-канцлера, чтобы привыкать къ дѣлу, учиться, какъ онъ говорилъ; но такъ какъ государыня канцлерство оставила за Черкаскимъ, то онъ и остался ни при чемъ. Лестоку пришлось его утѣшать надеждой на будущее.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ сидѣлъ въ это время у себя въ кабинетѣ съ двумя академиками, Таубертомъ и Гольдбахомъ.

— Будто это возможно, господа? И вы говорите, что прочитаете всякую шифрованную депешу?

— Непремѣнно, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Гольдбахъ.—Нужно только знать правила того языка, на которомъ депеша написана. Разумѣется я не могу прочитать депеши по-испански, такъ какъ я не знаю испанскаго языка; но если депеша будетъ написана по латыни, или по-французски, тѣмъ болѣе по-нѣмецки или по-русски, мы вотъ съ камрадомъ ее непремѣнно прочитаемъ.

— Какимъ образомъ? Этого я понять не могу. Положимъ, депеша написана по-русски, но вмѣсто буквъ поставлены цифры и не въ порядкѣ, а такъ какъ нибудь, напримѣръ, вмѣсто А—9, вмѣсто Б—7, или означена какимъ нибудь знакомъ, крестомъ что ли, или звѣздочкой. Какъ же тутъ добраться?

— Очень просто, ваше высокопревосходительство, сталъ объяснять професоръ Таубертъ, приписывавшій себѣ честь открытія возможности разбирать шифры.—Каждый языкъ имѣетъ свои правила, исходящія изъ его логическихъ основаній, совершенно отличныхъ отъ основаній другихъ языковъ, также какъ и основаній тоническихъ того же языка. Для чтенія депешъ нужно опираться на логическія основанія, хотя безъ всякаго сомнѣнія много могутъ помочь и правила тоническія, особенно тамъ, гдѣ тоника языка имѣетъ особое значеніе, напримѣръ, при чтеніи стиховъ. Но это уже частности. Теперь въ общемъ: какія, напримѣръ, правила слѣдуетъ принять въ основаніе при чтеніи депеши на русскомъ языкѣ. Первое: всѣ слова русскаго языка оканчиваются непремѣнно или гласной или безгласной. Слѣдовательно, если выписать изъ депеши всѣ знаки, которыми оканчиваются слова, то мы будемъ имѣть рядъ знаковъ, которые могутъ быть одной изъ слѣдующихъ буквъ: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, *ы*, или *ъ* и *ь*; остальные знаки, невстрѣчающіеся въ концѣ словъ и нестоящіе одиночно, ясно, должны означать согласныя буквы. Второе: знакъ, поставленный одиночно, непремѣнно означаетъ одну изъ гласныхъ буквъ: *а*, *и*, *о* или *у*, такъ какъ ни *е*, ни *ы*, одиночными знаками не имѣютъ значенія. Третье: въ каждомъ языкѣ есть опредѣленная пропорція, въ которой происходитъ упо-

требленіе буквъ, напримѣръ, на столько-то *а*, нужно столько-то *б* и столько-то *м*; а въ русскомъ языкѣ еще и столько-то *ъ* и *ь*, и эта пропорція небезъизвѣстна типографщикамъ. Далѣе, напримѣръ, *ы* съ другимъ знакомъ употребляется только въ мѣстоименіяхъ *мы*, *вы*, *ты* и частицѣ *бы*. Такимъ образомъ, если вы добрались, что какой нибудь знакъ означаетъ *ы*, то вы можете увѣренно опредѣлять, что другой знакъ съ нею стоящій, непремѣнно будетъ *в*, *т*, *м* или *б*. Начиная разбирать такимъ образомъ, разумѣется съ трудомъ и терпѣніемъ, вы начнете получать болѣе и болѣе извѣстныхъ знаковъ, пока не прочитаете всю депешу.

— Но можетъ быть они не станутъ употреблять безгласныхъ буквъ въ окончаніи, а будутъ оканчивать слова просто согласными? замѣтилъ Бестужевъ.

— Это сейчасъ будетъ видно уже и потому, что въ окончаніяхъ словъ будутъ чрезвычайно разнообразные знаки, отвѣчалъ Гольдбахъ.—Разумѣется, ваше высокопревосходительство, всякое особое условіе требуетъ своего пріема, чтобы до него добраться. Поэтому мы и говоримъ о терпѣніи и трудѣ.

— Послушайте, господа, сказалъ Бестужевъ.—Если это такъ, если вы будете въ состояніи читать шифры, и я буду управлять въ какой нибудь степени дѣлами, то смѣю васъ увѣрить—никакой награды не пожалѣю, подъ условіемъ вашей скромности.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте завѣрить честью, отвѣчали академики.

— И я честью увѣряю васъ! Впрочемъ и увѣрять нечего. Вы мнѣ будете нужны—лучшее ручательство, что забыть о васъ я не могу.

Въ это время явился фельдъегерь просить Бестужева къ государынѣ.

Можно себѣ представить, что заговорили въ обществѣ, когда узнали, что самый важный постъ въ государствѣ отданъ Бестужеву-Рюмину по вліянію Лестока. Правда, канцлеромъ былъ оставленъ тотъ же князь Черкаскій, но всякій понималъ, что при Бестужевѣ, также какъ и при Остерманѣ, Черкаскій будетъ только ширма, только внѣшній представитель того, что Бестужевъ будетъ проводить; тѣмъ болѣе, что ему, также какъ и Остерману, было предоставлено право личнаго доклада государынѣ.

— Ясно, что всѣ дѣла и вся иностранная политика будутъ въ рукахъ Бестужева, говорили всѣ, — стало быть будутъ подъ вліяніемъ Лестока, ходатайствовавшаго о его назначеніи; такимъ образомъ Лестокъ будетъ все!

Въ послѣднемъ общество жестоко ошиблось. Бестужевъ былъ не такой человѣкъ, который допустилъ бы кого нибудь имѣть на себя вліяніе. Елисавета не ошиблась, сказавъ Лестоку и Воронцову:

— Прося за него, господа, вы просите на себя розгу!

Въ то время, среди высшей сферы лицъ, окружавшихъ государыню, было двѣ партіи: одна стояла за союзъ съ Вѣной, за Маріею-Терезію, ея права на наслѣдственныя земли Габсбурговъ и вліяніе на германскую имперію; другая была на сторонѣ Франціи и стояла за французско-прусскіе интересы, заключавшіеся въ томъ, чтобы униженіемъ австрійскаго дома усилить Пруссію и предоставить Франціи преобладающее значеніе въ средней Европѣ. Борьба между этими партіями составляла политическій интересъ, злобу дня того времени. Приметъ ли Россія сторону Маріи-Терезіи, т. е. поможетъ ли Австріи сохранить свое значеніе, или оставитъ ее на произволъ судьбы,—было вопросомъ дипломатовъ всего міра. Отъ Петербурга ждали рѣшенія этого вопроса лихорадочно. Здѣсь поэтому сосредоточивались всѣ интриги, долженствовавшія склонить русскій дворъ на ту или другую сторону. Бирон держался австрійской стороны. Вліяніе Миниха, послѣдовавшее за паденіемъ Бирона, дало преобладаніе прусской политикѣ. Значеніе Линара, виды Остермана, наконецъ, родство принца Антона съ австрійскимъ домомъ, выдвинули на первый планъ опять австрійскій домъ. Теперь являлся вопросъ: что скажетъ на это Елисавета и ея вновь назначенный вице-канцлеръ?

Посланниковъ Маріи-Терезіи при Петербургскомъ дворѣ былъ тогда маркизъ Ботта, дипломатъ умный, опытный и имѣвшій большое вліяніе на бывшую правительницу Анну Леопольдовну. Бестужевъ, по возвращеніи его Анною Леопольдовною изъ ссылки, первый визитъ свой сдѣлалъ маркизу Боттѣ. Удержитъ ли и теперь онъ свой прежній взглядъ на необходимость, въ видахъ русскихъ интересовъ, поддержать домъ Габсбурговъ, или, по вліянію Лестока и Шетарди, перейдетъ на сторону Франціи и Пруссіи. Знать это

было весьма важно для обѣихъ партій. Прагматическая санкція, предоставлявшая габсбургское наслѣдство Маріи-Терезіи, дочери послѣдняго Габсбурга, въ нарушеніе феодальныхъ правъ многихъ государей Европы, дала поводъ къ войнѣ. Прусскій король занялъ уже австрійскую Силезію и завоевывалъ ее. Россія, занятая своими внутренними дѣлами и войной съ Швеціей, не могла помочь Австріи. Императорская германская корона, по выбору германскихъ князей, вліяніемъ Франціи, была возложена на курфирста Баварскаго; стало быть вліяніе Габсбурговъ на Германію было уничтожено. Теперь желалось отнять еще у Австріи Богемію и уничтожить ея вліяніе въ Италіи. Тогда Австрія должна была снизойти на степень второстепенныхъ державъ, а Франція въ западной Европѣ получить видимое преобладаніе.

Всѣ знали симпатію государыни къ Франціи; знали, что она болѣе или менѣе была обязана французскому двору. Благодарность ея и расположеніе къ французскому послу маркизу Шетарди были въ виду всѣхъ. Въ силахъ ли будетъ вновь назначенный къ управленію внѣшними дѣлами вице-канцлеръ измѣнить этотъ взглядъ, или самъ всецѣло передастся французско-прусскимъ интересамъ, стараясь поддѣлаться этимъ подъ симпатію государыни и удовлетворить извѣстныя всѣмъ отношенія Лестока къ французскому двору? Это занимало и тревожило всѣхъ. Прусскій король, опираясь на союзъ свой съ вновь избраннымъ германскимъ императоромъ, готовъ уже былъ начать дѣйствовать. Онъ опасался только Россіи и, какъ послѣдствія показали, опасался не напрасно.

Бестужевъ былъ непроницаемъ. Онъ принялъ дѣла не какъ будущій руководитель ихъ, а какъ слѣпой исполнитель приказаній князя Черкаскаго и указаній самой государыни. Онъ не только не высказывался противъ французскихъ интересовъ, но какъ будто склонялся къ нимъ. Одно время Шетарди считалъ даже возможнымъ совершенно привлечь его на свою сторону. Тѣмъ не менѣе, не смотря на расположеніе императрицы къ французскому двору и особо къ самому маркизу Шетарди, дѣла расположились такъ, что маркизъ долженъ былъ представить свои отзывныя грамоты. Назначенный на его мѣсто графъ Дальонъ не могъ имѣть и сотой доли того вліянія, которое имѣлъ Шетарди.

Государыня проводила Шетарди чуть не со слезами; она осыпала его милостями. Не прошло и года, какъ она начала вновь его вызывать. Шетарди пріѣхалъ какъ частный человѣкъ, но никто, однакожъ, не сомнѣвался, что онъ имѣлъ при себѣ полномочіе даже на заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза. Но этого полномочія ему не удалось даже предъявить. Положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно.

Прежде всего Лестокъ не пользовался уже тѣмъ обширнымъ вліяніемъ, какимъ онъ пользовался прежде. Государыня была къ нему милостива, отдавала справедливость его искусству; особенно послѣ того, какъ посланный въ Ярославль, по случаю тяжкой болѣзни Бирона, онъ вылечилъ его чуть не въ нѣсколько дней, и послѣ того, какъ онъ вылечилъ и невѣсту великаго князя принцессу Ангальтъ-Цербскую, будущую русскую государыню Екатерину Великую, государыня не могла не отдать справедливости его способностямъ и держала его при себѣ; но той дружеской довѣренности, того расположенія, которое было замѣтно прежде въ каждомъ ея словѣ къ нему, далеко не было. Затѣмъ, насколько стушевалось вліяніе Лестока, на столько же возросло вліяніе Бестужева.

Говорятъ, будто первое сомнѣніе императрицы въ Лестокѣ было возбуждено Разумовскимъ. Это было весьма вѣроятно, такъ какъ Разумовскій былъ хорошъ и съ Трубецкимъ, и съ Бестужевымъ, а Трубецкой былъ тогда Лестоку врагомъ явнымъ и наиболѣе ненавистнымъ. Бестужевъ внѣшнимъ образомъ былъ хорошъ съ Лестокомъ, но, дѣйствуя прямо въ разрѣзъ его видамъ, зналъ, что они непремѣнно будутъ врагами. Такимъ образомъ съ той или другой стороны, т. е. отъ Бестужева или Трубецкаго, но Разумовскому ловко съумѣли внушить, что Лестокъ употребляетъ во зло личную къ нему довѣренность государыни и свое докторское знаніе. Его успѣли увѣрить, что легкомысліе государыни и ея нерѣдкія увлеченія не естественны; что Лестокъ, изучивъ натуру императрицы, какъ докторъ, старается искуственно то возбуждать, то притуплять ея ощущенія и тѣмъ сохраняетъ надъ нею постоянно неотразимое вліяніе. Главнѣйше возбудили ревность и самолюбіе Разумовскаго указаніемъ на то, что сближеніе государыни съ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ произошло будто бы именно вслѣдствіе

искуственнаго возбужденія, подготовленнаго Лестокомъ, даже безъ вѣдома самого Шувалова. Ему сказали, что будто бы Лестокъ, видя что Разумовскій не содѣйствуетъ и не способенъ содѣйствовать ея рѣшимости на переворотъ, подумалъ не будетъ ли болѣе способенъ къ тому Шуваловъ... Повѣрила ли государыня подобнымъ внушеніямъ или отнесла ихъ къ явной и недобросовѣстной клеветѣ, исходящей изъ придворныхъ интригъ, но не отдаляя отъ себя Лестока, она нерѣдко стала совѣтоваться съ другими врачами, повѣряя его рецепты ихъ мнѣніямъ. Вѣроятно, что положеніе Лестока и оставалось бы въ этомъ видѣ и можетъ быть наведенное на него сомнѣніе разсѣялось бы само собою, такъ какъ государыня привыкла къ Лестоку, любила слушать его болтовню и чувствовала себя во многомъ ему обязанною, если-бы не Бестужевъ.

Первый же приступъ къ внѣшнимъ дѣламъ Бестужева, по званію вице-канцлера, убѣдилъ Лестока, что онъ встрѣчаетъ въ немъ сильнаго противника всѣмъ своимъ планамъ. Визитъ маркизу Боттѣ видимо отражался въ его дѣйствіяхъ. Хотя почти съ перваго же дня своего назначенія, Бестужевъ сталъ въ враждебныя отношенія къ своему прямому начальнику князю Черкаскому, обижавшемуся тѣмъ, что Бестужевъ нерѣдко пользовался своимъ правомъ обращаться прямо къ императрицѣ и государыня разумѣется больше слушала Бестужева, чѣмъ Черкаскаго, и хотя видимо было, что Бестужеву хотѣлось вытѣснить Черкаскаго, чтобы самому занять его мѣсто,— но эта вражда не имѣла никакого вліянія на политическую дѣятельность Бестужева. Черкаскій былъ явный сторонникъ австро-венгерской королевы. Бестужевъ противъ ожиданія всѣхъ тѣхъ, которые старались его поднять, думая что онъ непремѣнно станетъ въ прямое противорѣчіе мнѣніямъ Черкаскаго, тоже сталъ видимо на сторону австрійскаго двора и былъ явнымъ противникомъ французскихъ интересовъ, за которые, по своимъ отношеніямъ, стоялъ Лестокъ. Такимъ образомъ взаимная вражда между Черкаскимъ и Бестужевымъ стояла только на почвѣ ихъ личныхъ отношеній; на политику же Россіи она не имѣла ни малѣйшаго вліянія. И тотъ, и другой одинаково старались провести русско-австрійскій союзъ, и Лестоку пришлось въ этомъ весьма скоро убѣдиться.

Видя себя такимъ образомъ обойденнымъ и именно тѣмъ, на

кого онъ разсчитывалъ и кого самъ же рекомендовалъ, Лестокъ понялъ, что не смотря на свою близость къ императрицѣ и вліяніе, которымъ онъ тогда еще пользовался, почва подъ ногами его исчезаетъ, и что потому онъ долженъ стараться ее укрѣпить. Для этого онъ постарался по возможности сойтись съ молодымъ дворомъ въ особѣ несовершеннолѣтняго племянника государыни, принца Голштинскаго, Петра Ѳедоровича, объявленнаго уже наслѣдникомъ престола, съ его нарѣченною невѣстою, которую онъ успѣлъ вылечить отъ смертельнаго воспаленія въ легкихъ, съ ея матерью, принцессою Ангальтъ-Цербскою и съ гофмаршаломъ великаго князя Брюмеромъ. Кромѣ ихъ Лестокъ думалъ было еще найти опору въ Воронцовѣ, но ошибся. Воронцовъ, имѣя въ виду вице-канцлерство, когда Бестужевъ будетъ канцлеромъ, уже сошелся съ Бестужевымъ.

Въ это же время Лестокъ почувствовалъ охлажденіе къ себѣ императрицы.

«Ясно, что это дѣло Бестужева, подумалъ онъ. — Нужно уничтожить Бестужева во что бы то ни стало, непремѣнно нужно»!

Въ то время пріѣхалъ Шетарди и былъ принятъ государынею какъ другъ, какъ человѣкъ задушевный и близкій. Онъ, какъ мы сказали, пріѣхалъ, не имѣя офиціальнаго характера. Желая однакожъ служить интересамъ своего двора и поддержать своего друга и агента Лестока, онъ также сталъ въ прямое противорѣчіе Бестужеву и началъ употреблять всѣ усилія, чтобы лишить Бестужева кредита. Первоначально его вліяніе было столь велико, что когда Черкаскій и Бестужевъ начали докладывать государынѣ о дѣйствіяхъ французскихъ агентовъ въ Константинополѣ, возбуждающихъ Турцію противъ Россіи, то Елисавета сказала:

— Не знаю, что дѣлаютъ французскіе агенты въ Турціи, но знаю, что австро-венгерскому посланнику здѣсь доставлено триста тысячъ золотыхъ, для подкупа моихъ министровъ.

Такого рода замѣчаніе государыни разумѣется заставило, какъ Черкаскаго, такъ и Бестужева быть осторожнѣе въ своихъ настояніяхъ объ оказаніи помощи австрійской королевѣ. А тутъ еще послѣдовало открытіе, одного за другимъ, двухъ заговоровъ, желавшихъ сдѣлать контръ-переворотъ въ правленіи и возвести на пре-

столъ опять Іоанна Брауншвейгскаго. Одинъ заговоръ былъ Турчанинова и главнѣйше распространялся между придворными служителями; другой же возникъ и укрѣпился въ семействѣ Лопухиныхъ, подъ вліяніемъ двухъ женщинъ: той самой Лопухиной, которая въ молодости, по своей красотѣ, была единственною соперницею Елисаветы, и была потомъ явно въ близкихъ отношеніяхъ съ Левенвольдомъ, сосланнымъ Елисаветою въ Соликамскъ; и ея близкой пріятельницы, Бестужевой-Рюминой, женой брата вице-канцлера, оберъ-гофмаршала Михаила Петровича, вдовою Ягужинскаго, урожденной Головкиной, Анною Гавриловною, тою самою графинею Головкиной, которая пріѣзжала къ Елисаветѣ объявить волю правительницы Анны Леопольдовны о ея непремѣнномъ замужествѣ съ принцемъ Людвигомъ, братомъ принца Антона Брауншвейгскаго, и братъ которой, графъ Михаилъ Гавриловичъ, былъ тоже сосланъ Елисаветою.

Изъ показаній обвиняемыхъ оказалось, что бывшій австро-венгерскій посолъ маркизъ Ботта, переведенный уже въ то время въ Берлинъ посломъ къ прусскому королю, не только поддерживалъ попытки этихъ заговоровъ на контръ-переворотъ въ пользу Брауншвейгской фамиліи, но даже самъ вызывалъ ихъ.

Разумѣется такого рода открытіе огорчило Елисавету и возбудило ее противъ австрійскаго двора, тѣмъ болѣе, что ея жалобы на маркиза Ботту, за столь явное нарушеніе характера посла дружественной державы, были приняты Маріей-Терезіей весьма холодно.

Впрочемъ какъ было и принять эти жалобы Маріи-Терезіи? Въ виду успѣха Елисаветы въ сдѣланномъ переворотѣ при содѣйствіи Шетарди, она легко могла думать, что можетъ удастся и контръ-переворотъ. А такой контръ-переворотъ, при оказываемой Елисаветою симпатіи къ Франціи, ея исконному врагу, при потерѣ Силезіи, отнятой уже прусскимъ королемъ, при новомъ общемъ напорѣ враговъ со всѣхъ сторонъ и при увѣренности, что Брауншвейгская фамилія, во всякомъ случаѣ, и по родству, и по отношеніямъ, станетъ непремѣнно на ея сторонѣ,—былъ для нея вопросомъ живни и смерти, и она естественно сама могла въ этомъ смыслѣ дать своему послу, маркизу Боттѣ, инструкцію. Не удастся ли и ему повторить въ пользу Іоанна Антоновича то же, что̀ удалось Ше-

тарди въ пользу Елисаветы? А теперь отъ нея требуютъ наказанія и еще примѣрнаго наказанія за то, что исполнялось по ея же приказанію. Вѣдь въ оправданіе себя передъ судомъ, Ботта можетъ представить ея же инструкцію. Наконецъ и собственное чувство не допускало ее наказывать за то, чего она сама же желала стараться достичь; что сама же приказывала.

Но разумѣется такого рода открытіе и холодность не могли вести къ дружественности отношеній и союзу; не могли они вызывать расположеніе и къ тому, кто хлопоталъ о такомъ союзѣ. На вице-канцлера, хлопотавшаго о союзѣ съ Австріею, прямо набросилось подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что въ заговорѣ замѣшалась жена его брата, съ которою хотя и не жилъ послѣдній, и съ которымъ, именно изъза женитьбы на ней, былъ онъ въ ссорѣ, но которая все же носила ихъ фамилію. И кредитъ Бестужевыхъ весьма и весьма ослабѣлъ.

Этимъ положеніемъ воспользовался прежде всего прусскій король. Узнавъ о дѣлѣ Ботты, онъ ту же минуту потребовалъ отозванія его отъ себя. Король говорилъ:

— Я не могу держать при своемъ дворѣ человѣка, который стремится устроивать заговоры противъ государей, при которыхъ онъ акредитованъ. Поступкомъ своимъ, о которомъ онъ поручилъ передать Елисаветѣ, какъ о выраженіи его особаго къ ней уваженія, прусскій король заставилъ Елисавету выразиться передъ прусскимъ посланникомъ графомъ Мардефельдомъ, что она признаетъ его короля истиннымъ рыцаремъ чести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабленіе кредита Бестужевыхъ опять поднимало кредитъ Шетарди и Лестока, тѣмъ болѣе, что Брюмеръ, представитель молодаго двора, былъ на ихъ сторонѣ. Шетарди уже думалъ, что въ недальнемъ будущемъ онъ не только лишитъ Бестужева всякаго значенія, но даже найдетъ случай отправить его съ мѣста вице-канцлера, по меньшей мѣрѣ, въ свои деревни. Дѣло останавливалось только на томъ, кого рекомендовать на его мѣсто императрицѣ. Думали было Румянцева; но императрица высказалась о немъ, что онъ можетъ быть хорошій генералъ, но едва-ли искусный политикъ. Куракина тоже едва-ли государыня согласится выбрать, по его любезной французской болтливости, которая и теперь

заставляла его иногда проговариваться въ такихъ вещахъ, о которыхъ лучше бы не говорить. Кого же?

Но Бестужевъ подорвалъ всѣ эти колебанія. У него было оружіе, котораго они не ожидали. Онъ представилъ государынѣ копіи съ шифрованныхъ депешъ Шетарди къ министру иностранныхъ дѣлъ Франціи графу д'Амелоту, съ своими къ нимъ замѣчаніями и объясненіями.

Изъ этихъ депешъ видны были всѣ веденныя Шетарди въ Россіи интриги, безчисленные подкупы на обманъ, на подлогъ, на распространеніе ложныхъ слуховъ; далѣе видны были его невыгодные и неприличные отзывы не только о министрахъ и о всѣхъ близкихъ государынѣ людяхъ, но и—что особенно ее поразило—о ней самой.

Чтеніемъ этихъ депешъ императрица была глубоко возмущена и оскорблена. Сперва она вспылила, объявила, что прикажетъ арестовать Шетарди, отдастъ палачамъ... Но черезъ минуту она опомнилась и расплакалась.

— Какое двоедушіе, какое гадкое двоедушіе! говорила она:— увѣрять меня въ преданности, уваженіи и въ то же время писать клеветы... А я считала его своимъ другомъ!.. Пускай онъ уѣзжаетъ скорѣй, сейчасъ! Я не хочу его видѣть! Богъ съ нимъ!.. Но черезъ минуту ей вдругъ пришло въ голову: не обманъ ли, не подлогъ ли это?—Вѣдь отъ придворныхъ интригъ всего можно ожидать. Пожалуй, нарочно подготовили эти депеши, да и говорятъ, что писалъ ихъ маркизъ Шетарди. Особенно этотъ Бестужевъ, онъ на все способенъ! Потомъ отговорится, скажетъ, что самъ былъ введенъ въ обманъ.

— Это мы сейчасъ узнаемъ, сказала она. Ей вспомнилась въ эту минуту извѣстная точность, непоколебимая исполнительность и способность Ушакова къ раскрытію самыхъ запутанныхъ дѣлъ,— того самаго страшнаго Ушакова, теперь графа и сенатора, который былъ столько лѣтъ грозою для каждаго, кому только случалось о немъ хоть подумать. Она приказала его позвать.

— Графъ, сказала она ему.—Я просила васъ, чтобы воспользоваться вашею опытностью, увѣренная, что вы настолько меня любите, что употребите всѣ мѣры раскрыть истину и меня успокоить. Вотъ депеши Шетарди. Я огорчена, взволнована, и не хочу его ви-

дѣть, если эти депеши дѣйствительно его. Пускай тогда онъ уѣзжаетъ скорѣй, сію минуту, иначе я не отвѣчаю за себя. Но если это обманъ, подлогъ, раскройте мнѣ это, успокойте меня!

— Слушаю, ваше величество. Это легко исполнить. Я пріѣду къ нему торжественно. со свитою, и объявлю ваше повелѣніе: выѣхать изъ Москвы немедленно за дерзкія выраженія въ депешахъ. Если депеши не его,—онъ непремѣнно будетъ протестовать; если же его...

— Тогда предложите ему убираться!..

Дворъ тогда былъ въ Москвѣ, по случаю празднованія мира съ Швеціею. Шетарди занималъ превосходный домъ на Басманной, принадлежавшій нѣкогда князьямъ Серебрянымъ-Оболенскимъ и который когда-то занималъ Овчина-Оболенскій, фаворитъ и первый министръ правительницы Елены.

Рано утромъ, часовъ около шести, камердинера Шетарди просятъ доложить маркизу, что пріѣхалъ генералъ-аншефъ графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ и желаетъ его видѣть по крайне нужному дѣлу.

Камердинеръ выбѣжалъ и заявилъ, что маркизъ нездоровъ, недавно уснулъ и приказалъ не будить. Но графъ Ушаковъ настоялъ, чтобы доложили.

Шетарди, не надѣвъ даже парика, въ полушлафоркѣ изъ голубаго левантина, вышелъ къ пріѣхавшимъ.

Онъ нашелъ въ пріемной Андрея Ивановича Ушакова и Петра Семеновича Голицына. Съ ними былъ секретарь иностранной коллегіи Курбатовъ. Черезъ минуту вошли еще члены иностранной коллегіи Неплюевъ и Веселовскій.

Шетарди привѣтствовалъ пріѣхавшихъ съ своею обычною французскою любезностью, но видимо сконфузился, понимая, что такого рода ранній визитъ и въ такомъ составѣ долженъ заключать что нибудь особое.

— Чтобы не заставить ждать дорогихъ посѣтителей, я принимаю какъ есть, по домашнему. Прошу располагаться какъ у себя! И онъ протянулъ Ушакову руку.

Но Ушаковъ, смотря на Шетарди упорно въ лицо, не принялъ руки. Другіе также смотрѣли какъ-то въ сторону, не желая воспользоваться любезностью маркиза. Никто не сѣлъ.

— Въ чемъ дѣло, господа? спросилъ тогда Шетарди съ какимъ-то сомнѣніемъ.—Здѣсь чуть не вся коллегія иностранныхъ дѣлъ, будто я не мирный путешественникъ, но опять посолъ моего христіаннѣйшаго короля.

— Названіе мирнаго путешественника, которое вашему превосходительству угодно принять на себя, далеко не соотвѣтствуетъ характеру тѣхъ дѣйствій, которыми вы изволили отплатить благорасположенію нашей государыни и ея гостепріимству, началъ Ушаковъ спокойно, твердо, холодно и стоя, почему долженъ былъ стоять и Шетарди.—Поэтому, продолжалъ Ушаковъ,—къ глубокому моему сожалѣнію, отъ ея императорскаго величества имени уполномоченъ я вамъ объявить, чтобы, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, вы изволили въ 24 часа оставить Москву, а въ теченіе недѣли выѣхали бы вовсе изъ Россіи.

Ушаковъ говорилъ это въ такой степени изысканно вѣжливо, что Шетарди вздрогнулъ. Онъ подумалъ: «не арестъ ли, не пытка ли мнѣ готовятся? Отъ этихъ варваровъ всего жди! Не случился ли опять переворотъ? Что все это значитъ»? Однако, не смотря на мысли, мелькнувшія въ его головѣ, Шетарди выдержалъ себя и спросилъ по возможности хладнокровно:

— Что вы хотите сказать, графъ? Я не совсѣмъ понимаю! Отъ чьего имени вы говорите и на какія мои дѣйствія намекаете?

— Я говорю отъ имени своей государыни императрицы и самодержицы всероссійской Елисаветы Петровны, за благорасположеніе которой вы изволили отплатить интригами, клеветой и непристойными отзывами. Государыня имѣла полное право, поступки, сдѣланные вами въ ея имперіи въ характерѣ частнаго лица и направленные ко вреду ея государства, предать изслѣдованію и суду, тѣмъ паче, что вы, не представляя о себѣ никакихъ грамотъ, коснулись зловредно ея чести. Но, по своему великому милосердію, она...

— Клевета! прямая, очевидная клевета! воскликнулъ Шетарди.— Никогда, ни однимъ словомъ не коснулся я чести государыни, которую всегда признавалъ своею покровительницею и благодѣтельницею...

— Вамъ угодно удостовѣриться, что это не клевета? спросилъ князь Голицынъ.

— Да, я желаю лично объясниться съ государыней и разсѣять ея подозрѣнія, если враждебныя мнѣ лица успѣли ихъ возбудить...

— Государыня не желаетъ и не можетъ васъ видѣть! проговорилъ сухо Ушаковъ.—Что же касается до удостовѣренія, что всѣ поступки ваши раскрыты, что ваши дѣйствія по подкупамъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, и ваши отзывы о самой императрицѣ извѣстны, то на это я уполномоченъ... Покажите маркизу его послѣднюю подлинную депешу! прибавилъ Ушаковъ, обращаясь къ Неплюеву.—Это ваша рука?

Шетарди увидѣлъ свою подлинную депешу, отправленную имъ двое сутокъ тому назадъ и доставленную директоромъ почтъ барономъ Ашемъ прямо въ руки Бестужева, подъ главнымъ завѣдываніемъ котораго находилось все управленіе почтъ.

Взглянувъ на депешу, Шетарди внутренно улыбнулся. «Ну, подумалъ онъ,—изъ этой депеши они немного узнаютъ. Она написана шифрами и новымъ ключемъ, который украсть у меня не было возможности».

— Прочитайте маркизу содержаніе его депеши! сказалъ Ушаковъ, обращаясь къ Курбатову.

Курбатовъ началъ читать текстъ депеши, написанной по французски.

Шетарди поблѣднѣлъ.

— Прочитайте копіи и съ другихъ, отправленныхъ маркизомъ, депешъ.

По мѣрѣ того, какъ чтеніе продолжалось, Шетарди блѣднѣлъ все болѣе и болѣе. Онъ видѣлъ, что вся переписка его раскрыта, всѣ отношенія его извѣстны, предположенія предотвращены и разбиты. Онъ опустился въ кресло.

— Повинуюсь велѣнію всероссійской императрицы, сказалъ Шетарди.—Сегодня же уѣзжаю изъ Москвы, а черезъ недѣлю не буду въ Россіи. Благодарю государыню за милость и снисходительность! Прошу прощенія за свои отзывы, которые признаю недостойными... Могу только сказать, что самая вина моя противъ государыни исходитъ изъ моего желанія сблизить ея интересы съ интересами моего всемилостивѣйшаго короля...

Шетарди исчезъ, но депеши его остались. Въ нихъ часто упо-

минался Лестокъ, какъ человѣкъ, преданный французскимъ интересамъ, получающій отъ французскаго двора пенсію и передававшій маркизу Шетарди каждое слово государыни.

Эти упоминанія о Лестокѣ въ депешахъ французскаго посла были для государыни выписаны особо и снабжены примѣчаніями Бестужева, который старался въ многообразныхъ видахъ доказать, что нельзя въ одно и то же время служить и Богу, и мамонѣ.

Не смотря на то, государыня все еще относилась къ Лестоку милостиво.

— Ты ужасный негодяй, Лестокъ! сказала она ему.—Я начинаю вѣрить, что ты, въ своихъ видахъ, готовъ меня отравить! Неужели тебѣ мало всего, что я стараюсь тебѣ дать? Ты кажется только и думаешь о томъ, кому бы продать меня?

Лестокъ началъ увѣрять государыню, что упоминанія о пенсіи относятся къ прежнему времени, когда они вмѣстѣ съ Шетарди старались возвести ее на престолъ; что въ настоящемъ съ Шетарди онъ не имѣлъ никакихъ политическихъ сношеній, а что только, любя хорошее общество, онъ съ удовольствіемъ проводилъ у него время, такъ какъ нигдѣ нельзя было лучше пообѣдать, поболтать и поиграть какъ у него. Если же по неосторожности онъ и проронилъ какое либо слово изъ того, что императрица ему говорила или о чемъ совѣтовалась, то это была только одна неосторожность, а никакъ не измѣна и не желаніе повредить ей.

— Смотри же, Лестокъ! На этотъ разъ я тебя прощаю, но будь осторожнѣе! Я считала себя тебѣ обязанною, теперь мы расчитались; въ другой разъ я тебѣ не прощу!

Но Лестокъ не могъ жить безъ интригъ, какъ рыба безъ воды.

Назначенный на мѣсто Шетарди, послѣ перваго еще его отъѣзда, французскій посланникъ графъ Дальонъ не могъ сойтись съ Лестокомъ. Понятно! Онъ смотрѣлъ на Лестока какъ на друга своего соперника по дипломатической карьерѣ, стало быть, какъ на врага. Дальонъ даже хлопоталъ о прекращеніи производимой французскимъ правительствомъ Лестоку пенсіи, на томъ основаніи, что Лестокъ не пользуется уже тѣмъ вліяніемъ, или, по крайней мѣрѣ, объ уменьшеніи этой пенсіи. Но, не сходясь съ французскимъ посланникомъ, Лестокъ, по тождеству французскихъ интересовъ съ прусскими,

весьма близко сошелся съ посланникомъ прусскаго короля графомъ Мардефельдомъ и принялъ прусскую королевскую пенсію.

Мардефельдъ хлопоталъ въ это время привлечь къ прусскимъ интригамъ Воронцова и Трубецкаго и старался сблизить послѣдняго съ Лестокомъ, хорошія отношенія котораго съ молодымъ дворомъ и съ гофмаршаломъ наслѣдника Брюмеромъ придавали ему новое значеніе. Всѣ они сошлись вполнѣ на почвѣ общей ненависти къ Бестужеву.

Воронцовъ, назначенный наконецъ вице-канцлеромъ за смертью князя Черкаскаго, открывшею Бестужеву дорогу къ канцлерству, сталъ сходиться съ прусскимъ посломъ, потому что видѣлъ, что при канцлерѣ Бестужевѣ, онъ, не смотря на свою близость къ императрицѣ и родство съ ней черезъ жену, будетъ всегда въ конференціи только нулемъ. А ему разумѣется хотѣлось имѣть значеніе. Для полученія такого значенія, ясно, ему нужно было имѣть свою програму, свой независимый взглядъ, — взглядъ другой, а не тотъ, представителемъ котораго признавался Бестужевъ. Естественно затѣмъ, что ему нужно было сблизиться съ идеями, которыя до того онъ самъ же отвергалъ.

Трубецкой сходился съ Мардефельдомъ именно на почвѣ ненависти къ Бестужеву. Онъ надѣялся, что при помощи прусскаго посланника и Лестока, онъ отыщетъ что нибудь, что дастъ поводъ набросить на Бестужева подозрѣніе. Онъ говорилъ: пусть меня назначатъ только для разслѣдованія, а я головой ручаюсь, что тогда доведу этого проклятаго хорька до эшафота.

Не смотря однакожъ на всевозможныя уловки, не смотря на всѣ хитрости, которыя предпринимались съ цѣлью уловить Бестужева, довести дѣло до того, чтобы Трубецкому поручили произвести надъ Бестужевымъ разслѣдованіе, имъ не удалось. Бестужевъ перехитрилъ.

По всей вѣроятности никто изъ нихъ не зналъ, что шифрованныя депеши ихъ прочитываются точно съ такимъ же удобствомъ, какъ-бы онѣ были не шифрованными, ибо послѣ первой же депеши ключъ шифра былъ уже въ рукахъ академиковъ.

Такимъ образомъ чуть не изо-дня въ день императрица знала, что̀ Лестокъ о ней говорилъ, что̀ изъ ея словъ передавалъ и что̀ предполагалъ. Все это вѣроятно не имѣло бы особаго значенія, если-бы не подвернулась тутъ еще новая интрига,—интрига, желающая воз-

вести на престолъ племянника государыни, уже назначеннаго ею наслѣдникомъ престола, отъ котораго, по этой новой интригѣ, она должна была отказаться въ пользу племянника.

— Стрѣляй въ того, кто тебѣ скажетъ это, кто бы онъ ни былъ, хотя бы фельдмаршалъ! отвѣчала государыня солдату, который объявилъ ей о томъ со слезами, какъ объ общемъ говорѣ, пущенномъ будто бы съ ея соизволенія, и умолялъ свою милостивицу отъ престола не отказываться ради ихъ всѣхъ, т. е. солдатъ гвардіи, и ради матушки Россіи.

— Вѣдь ты, матушка царица, у насъ какъ солнце въ глазу! говорилъ солдатъ.

— Говорю: стрѣляй въ каждаго, кто это будетъ говорить! повторила государыня и приказала Шувалову изслѣдовать, откуда идетъ такой пустой слухъ.

Ей осторожно съумѣли доложить, что слухъ этотъ идетъ отъ Лестока, интригующаго теперь противъ нея, такъ какъ онъ видитъ, что прежняго своего вліянія возстановить при ней не въ состояніи, и надѣется на молодой дворъ; тѣмъ болѣе, что безусловное уваженіе наслѣдника къ прусскому королю хорошо извѣстно.

Выслушавъ докладъ съ приложеніемъ новыхъ выписокъ изъ депешъ графа Мардефельда, которыми компрометировался даже Воронцовъ, государыня долго думала, наконецъ сказала:

— Подобныхъ негодяевъ жалѣть нечего!

Она велѣла арестовать графа Лестока и допросить. Но безъ пристрастія! сказала она, содрогнувшись отъ воспоминанія о допросахъ во времена Бирона. Улики были на-лицо. Лестоку нельзя было даже изворачиваться.

Не смотря однакожъ на положительное приказаніе государыни допрашивать безъ пристрастія, Шуваловъ Александръ, приписывавшій отдаленіе его отъ государыни и предпочтеніе ему не только Разумовскаго, но и Бутурлина, Лестоку, такъ какъ Лестокъ содѣйствовалъ его временному сближенію, не захотѣлъ упустить случая въ свою очередь надъ нимъ потѣшиться, и порядочно таки его поломалъ. Онъ зналъ, что государыня его не увидитъ, а всѣ кто будетъ судить Лестока, скорѣй будутъ сочувствовать Шувалову, чѣмъ поднимутъ свой голосъ за Лестока. Гановерецъ очень и очень на-

доѣлъ всѣмъ. Передали дѣло въ коммиссію, составленную изъ враговъ Лестока.

Коммиссія приговорила его къ смертной казни. Но государыня замѣнила казнь ссылкою въ Угличъ, гдѣ онъ и содержался подъ карауломъ, въ чрезвычайномъ стѣсненіи, до самой смерти Елисаветы.

— Умный, ловкій и пріятный человѣкъ, говорила государыня,— искусный докторъ, но такой негодяй, у котораго ничего святаго нѣтъ, и который и отца, и отечество, и свою собственную душу во всякое время за грошъ продать готовъ.

Не забыла государыня, по восшествіи своемъ на престолъ, и своего прежняго фаворита Алексѣя Никифоровича Шубина (*). Долго не могли его отыскать; наконецъ, отыскали гдѣ-то въ глубинѣ Якутской области, насильно обвѣнчаннаго съ камчадалкой и страдающаго чрезвычайно. Его привезли. Государыня приказала представить его себѣ.

Каково же было ея изумленіе, когда, вмѣсто молодаго красавца-офицера, какимъ она его видѣла три съ половиною года назадъ, къ ней явился искалѣченный, больной, обросшій сѣдоватою бородою, хромой старикъ, съ клеймами на лицѣ.

— Алексѣй! ты? вскрикнула было она, когда, вслѣдъ за докладывающимъ камеръ-фурьеромъ, ввели его, опирающагося на камеръ-лакея. Но ея возгласъ замеръ на губахъ отъ перваго взгляда. Она даже отступила шагъ назадъ, когда Шубинъ, тоже, едва-ли помня себя, зашатался и замычалъ...

— М-м-м...

— Что съ тобой? что съ тобой? закричала Елисавета, испуганная.

— М-м-м, могъ отвѣчать ей только Шубинъ.

Языкъ у него былъ вырѣзанъ по повелѣнію Бирона. «Пусть не хвастается своимъ счастьемъ»! говорилъ Биронъ. Руки у него были вывихнуты на дыбѣ; одна нога раздроблена въ тискахъ кровавой пытки. Клейма на лицо были поставлены для того, чтобы, какъ ссыльный на-вѣчно, онъ не могъ бѣжать. Онъ харкалъ кровью и

(*) Въ изданныхъ въ 1871 году г. Кашпиревымъ памятникахъ русской новой исторіи есть статья г. Петрова о Шубинѣ, въ которой онъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, называется Алексѣемъ Яковлевичемъ. Авторъ имѣлъ въ рукахъ нѣсколько документовъ, удостовѣряющихъ, что Шубина звали: Алексѣй Никифоровичъ.

совершенно обезсилѣлъ отъ истощенія, такъ какъ предоставленный въ его положеніи самому себѣ, въ неизвѣстномъ и суровомъ краѣ, онъ почти не имѣлъ средствъ къ пропитанію.

При взглядѣ на него, съ императрицей сдѣлался нервный припадокъ. Она опустилась въ кресло и сперва захохотала.

— Что съ нимъ сдѣлали? проговорила она. — Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Алеша, Алеша, что съ тобой? Потомъ она расплакалась, разрыдалась, горько, горько, и долго не могла успокоиться, разсматривая и ощупывая его изломанныя кости...—О, Биронъ, Биронъ! сказала она.— Я облегчила твою участь; я готова была все воротить тебѣ; но я не знала твоего звѣрства. Этого я тебѣ не прощу, никогда не прощу!...

Потомъ она озаботилась, чтобы чѣмъ возможно вознаградить Шубина, чтобы сдѣлать дальнѣйшую жизнь его сколь возможно сносною, во всякомъ случаѣ покойною, если уже не пріятною.

Она произвела его сейчасъ же въ премьеръ-маіоры семеновскаго полка и генералъ-маіоры арміи съ увольненіемъ въ отпускъ для излеченія болѣзней; подарила ему двѣ тысячи съ чѣмъ-то душъ крестьянъ; позаботилась о домѣ въ этомъ имѣніи. Желая вполнѣ его успокоить, она вытребовала къ себѣ его родную сестру, сама выбрала и подарила ему карету. Позаботилась даже о томъ, чтобы въ недальнемъ разстояніи отъ него былъ докторъ, и поручила начальнику тайной канцеляріи Александру Ивановичу Шувалову наблюдать, чтобы онъ былъ успокоенъ и устроенъ совершенно. Однимъ словомъ, она сдѣлала для него все, что было въ силахъ человѣческихъ, и тогда, съ искреннимъ сожалѣніемъ и слезами, исходившими изъ самаго теплаго участія, проводила его, вмѣстѣ съ его сестрой, въ деревню.

— Алексѣй, сказала она Разумовскому, на возвратномъ пути съ проводовъ Шубина.—Тебя ожидала та же участь! Чтобы спасти тебя, я должна была рѣшиться на переворотъ...

— И благодареніе Богу, что рѣшились, всемилостивѣйшая моя повелительница. За эту рѣшимость благодаритъ васъ вся Россія. Что же касается меня, многомылостивая государыня, то ништо бы мнѣ, якъ поломали бы мои кости хорошенько! За такое счастье, какое мнѣ по милости вашей выпало, и пострадать можно!

Съ этими словами Разумовскій страстно припалъ къ ея царственной рукѣ.

II.

Генералъ-басъ.

Между тѣмъ шли годы, лучшіе годы. Князь Андрей Васильевичъ въ Парижѣ старался усвоить все, что могло сдѣлать молодаго человѣка изящнымъ, интереснымъ, обворожительнымъ. Онъ былъ уже не мальчикъ, обращающій на себя вниманіе своею внѣшностью и щегольствомъ, но молодой человѣкъ, вполнѣ замѣчательный, какъ по образованію, такъ и по способностямъ. Время свое онъ посвящалъ не только легкимъ предметамъ поверхностнаго, свѣтскаго воспитанія, но и наукамъ точнымъ, — наукамъ, дающимъ основаніе мысли, составляющимъ положительное знаніе. Легкость, съ какою давалось ему изученіе; обширныя средства, предоставлявшія возможность многому учиться и многое узнавать наглядно, вообще многое видѣть и усвоивать; наконецъ, личная его любознательность, любовь къ чтенію и привычка мыслить и обсуждать, сдѣлали то, что въ небольшой, относительно, промежутокъ времени, онъ многое усвоилъ, многое узналъ. Онъ обладалъ обширною эрудиціею, зналъ главные европейскіе языки, былъ знакомъ со всѣми отраслями литературы, со всѣми системами философіи и значительно успѣлъ въ знаніи естественныхъ и точныхъ наукъ; притомъ онъ занимался музыкою и рисованіемъ; о внѣшнемъ лоскѣ и блескѣ, о предметахъ тогдашняго спорта, нечего и говорить. Ловкій ѣздокъ и смѣлый охотникъ еще въ деревнѣ, онъ поражалъ парижанокъ мѣткостью своей стрѣльбы, ловкостью движеній и смѣлостью гимнастическихъ пріемовъ. Вообще русскій принцъ, какъ его называли въ Парижѣ, признавался однимъ изъ блестящихъ петиметровъ и самыхъ соблазнительныхъ сердцеѣдовъ тамошняго общества.

— Это левъ! говорили про него. Можетъ быть потому-то названіе льва и привилось впослѣдствіи, черезъ сотню лѣтъ, тѣмъ послѣдователямъ петиметрства, которые, пройдя черезъ якобинскихъ incroyable, желали въ XIX столѣтіи возстановить тотъ лоскъ и блескъ парижскаго общества, которымъ отличалось оно въ XVIII вѣкѣ.

Про него говорили, что онъ не только пользовался благосклонностью многихъ и многихъ, но что русскимъ принцемъ была заинте-

ресована всесильная тогда М-me Помпадуръ; говорили даже, что Людовикъ XV могъ сравнивать себя съ Зевсомъ не только потому, что держалъ въ рукахъ громъ и молнію на всю Европу, но и по другимъ украшеніямъ, которыми убирала его голову парижская Юнона.

Но князь Андрей Васильевичъ не думалъ о своихъ успѣхахъ въ парижскомъ свѣтѣ. Онъ думалъ о Россіи.

Онъ зналъ все до мелочи, что дѣлается въ Россіи; поэтому естественно зналъ о вступленіи на престолъ Елисаветы, о завидномъ положеніи Разумовскаго; зналъ о вліяніи братьевъ Шуваловыхъ, Воронцова, Лестока; наконецъ о преобладаніи, которое получили въ дѣлахъ Бестужевъ и Трубецкой, и ихъ взаимной борьбѣ.

Зная это, Зацѣпинъ слышалъ и о томъ, что государыня не рѣдко огорчается, что ея хохоль-пѣвчій остается все тѣмъ же хохломъ-пѣвчимъ, какимъ первый разъ явился онъ къ ней во дворецъ. Не смотря на свой природный умъ и смѣтку, не смотря на свое блестящее положеніе, онъ ровно ничѣмъ не могъ отвѣчать ни ея любознательности, ни требованіемъ ея, хотя поверхностнаго, но все-же многосторонняго образованія. Онъ потерялъ даже свой голосъ. Выучился онъ только ломанію и чванству переходнаго русскаго барства, да употребленію крѣпкихъ напитковъ. Притомъ же онъ былъ, какъ говорятъ, настолько неспокоенъ во хмѣлю, что государыня много разъ была вынуждена прогонять его отъ себя.

«При такихъ условіяхъ, думалъ Андрей Васильевичъ, —женщина не можетъ видѣть въ мужчинѣ мужа, друга. Она никогда не признаетъ въ немъ нравственное дополненіе самой себя. Можетъ ли она раздѣлять съ такимъ мужчиной свою мысль, можетъ ли говорить съ нимъ отъ сердца? Никогда! Она не будетъ видѣть въ немъ опоры своего разума, не можетъ ожидать ни совѣта, ни помощи, не можетъ желать раздѣлить съ нимъ свое горе и радость. Еще въ обыкновенномъ быту, гдѣ меркантильныя хлопоты о домѣ и дѣтяхъ болѣе или менѣе отвлекаютъ и занимаютъ, женщина можетъ обманывать себя. Она можетъ думать, что мужъ ея, хотя глупый и пустой, но все же мужъ, все же помощникъ, хотя въ матеріальномъ отношеніи. Онъ помогаетъ ей въ ея трудахъ, въ ея меркантильныхъ расчетахъ и хлопотахъ. Но когда положеніе столь вы-

соко, что ни экономическая, ни воспитательная сторона жизни не могутъ имѣть значенія, то во взаимныхъ отношеніяхъ между образованною женщиною и неучемъ-мужемъ непремѣнно образуется пустота. Этой пустоты женщинѣ наполнить будетъ нечѣмъ. Она будетъ скучать, какъ-бы ни старалась себя разсѣять, даже въ какой бы степени не отдавала она себя требованіямъ своей чувственности. Въ ней самой, въ ея внутреннемъ существѣ, ея самость, ея внутреннее *я* не будетъ удовлетворено. Оно не будетъ дополнено тѣмъ сочувствіемъ, которое для нея должно приходить извнѣ. Въ женщинѣ, какъ-бы ни мало она была развита, непремѣнно является желаніе встрѣтить себѣ откликъ, является требованіе раздѣлить то, что ея развитіе создаетъ и вырабатываетъ. Разумѣется, требованіе этого отклика, этого сочувствія будетъ тѣмъ больше, чѣмъ развитіе женщины и ея положеніе выше. А какой откликъ, какое сочувствіе можетъ встрѣтить женщина въ грубомъ неучѣ, который къ тому же пьетъ до самозабвенія, а въ пьянствѣ шумитъ и болтаетъ вздоръ. Можетъ ли сколько нибудь образованная женщина уважать такого человѣка? Ясно нѣтъ! А нѣтъ уваженія,—нѣтъ и любви!»

«Въ Разумовскомъ, нельзя не отдать ему справедливости, разсуждалъ Андрей Васильевичъ,—еще слишкомъ много ума, много природнаго такта. До сихъ поръ онъ умѣетъ держаться, умѣетъ заставить себя не ненавидѣть. И это уже много, слишкомъ много».

«На что, напримѣръ, поверхностнѣе было образованіе принцессы Анны Леопольдовны и ея наперстницы Юліаны Менгденъ? Но и у нихъ требованія внутренняго я сейчасъ же взяло верхъ надъ всякою внѣшностью. Принцъ Антонъ, разумѣется, не могъ соотвѣтствовать никакимъ ни матеріальнымъ, ни нравственнымъ требованіямъ. Да чему и могло соотвѣтствовать это золотушное, слабое и безхарактерное созданіе? Ему можно было отдаться только подъ грозой гнѣва тетки, и еще такой тетки, которая не считала грѣхомъ приказать переломать кости у ослушника. Но когда грозы отъ тетки уже не было, то, естественно, не только увлекаться, но и терпѣть этого принца Антона, вѣчно стонущаго и хнычащаго подъ камертонъ Остермана, было невозможно. Нужно было искать исхода, который могъ бы удовлетворить надежды. Разумѣется, онѣ невольно должны были остановиться прежде всего на внѣшности. Но едва

явился интелектъ, остановившій на себѣ вниманіе въ такой степени, что онѣ объ не могли о всякой внѣшности не забыть; то рѣшительно объ влюбились въ Линара безъ памяти. Любопытно, что одна, именно Анна Леопольдовна, влюбилась въ него за себя; она требовала взаимности, искала сочувствія. Юліана же влюбилась и ревниво влюбилась за другую; влюбилась по дружбѣ, для компаніи. Она въ любви своей могла имѣть одну цѣль—самопожертвованіе. Въ такомъ самопожертвованіи была своего рода страсть, своего рода увлеченіе. Я думаю, что M-lle Юліана чувствовала даже самое сладострастіе. Она чувствовала его въ наслажденіяхъ своей подруги, какъ тѣ старики, которые, будучи не въ состояніи наслаждаться чувственными удовольствіями, наслаждаются тѣмъ, что смотрятъ на наслажденіе другихъ. Она именно чувствовала наслажденіе въ сознаніи быть жертвою, быть сакрифисомъ подруги, которой она отдавала тогда всю себя, такъ какъ высокое положеніе правительницы въ то время было для нея свѣтомъ солнца. Разумѣется, теперь, я надѣюсь, графъ Линаръ не выбилъ бы меня изъ сѣдла; но тогда,—тогда я сразу почувствовалъ, что долженъ уступить... А если-бы не уступилъ, то заставилъ бы себя ненавидѣть, хотя-бы даже былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; потому что хотя-бы, физически, женщина и была удовлетворена, но нравственная пустота все-таки оставалась бы, а при такой нравственной пустотѣ никакая женщина довольною быть не можетъ. Она все будетъ надѣяться, будетъ желать найти человѣка, который былъ бы ей другомъ, радостью, утѣшеніемъ... Чтожъ, развѣ ѣхать, развѣ попробовать? Я исполнилъ порученіе дяди, видѣлъ эту пресловутую мою кузину Настасью Андреевну или принцессу Елизавету, которую воспитали такъ, что она и въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя чуть ли не единственною наслѣдницею русскаго престола, и, не смотря на свои двѣнадцать лѣтъ, встрѣтила такою милою гримаскою передаваемый мной совѣтъ ея покойнаго отца—не вдаваться въ политику, будто я предложилъ ей не глядѣть на свѣтъ Божій. Теперь я свободенъ. Развѣ ѣхать? Цесаревна же Елисавета, какъ я ее помню, была чудо какъ хороша. Родъ князей Зацѣпиныхъ тоже ждетъ отъ меня жертвы, а такая жертва не можетъ не быть пріятна самому жертвователю. Быть ея другомъ, дополнить собою ту пустоту, которую не

въ силахъ наполнить ни Разумовскій, ни Шуваловъ, ни вся ихъ братія,—дополнить, для блага ввѣренныхъ ей народовъ, для блага своего отечества, наконецъ, принести своему роду то, чего онъ давно ждетъ, т. е. политическое значеніе,—право все это стоитъ того, чтобы прокатиться до Петербурга».

Нужно къ этому прибавить, что рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ мотивировалось въ головѣ Андрея Васильевича еще слѣдующими обстоятельствами. Въ числѣ свѣтскихъ пріятелей князя Андрея Васильевича было двое молодыхъ статсъ-секретарей короля. Одинъ, графъ де-Шуазель, двоюродный братъ той Шуазель, которая была подругою его дяди, а другой—маркизъ де-Шавиньи. Послѣ смерти кардинала Флери, въ управленіе министерствомъ, подъ номинальнымъ руководствомъ короля, графомъ д'Амелотомъ, оба они получили весьма важное политическое значеніе. Графъ Шуазель, кромѣ своего служебнаго положенія, пользовался еще особымъ расположеніемъ короля и имѣлъ на него весьма сильное вліяніе, соперничая, въ этомъ отношеніи, съ самой маркизой Помпадуръ, которая, впрочемъ, относилась къ нему тоже весьма сочувственно. Князь Андрей Васильевичъ, бывая у того и у другаго изъ своихъ пріятелей, видѣлъ, какимъ уваженіемъ всѣ окружаютъ ихъ, какимъ почетомъ они пользуются. Естественно, что въ немъ заговорило честолюбіе. Нельзя ли такимъ же почетомъ пользоваться и ему, разумѣется, у себя въ Россіи? Нельзя ли имъ, этимъ двумъ друзьямъ своимъ, руководящимъ управленіемъ большимъ государствомъ, противопоставить себя, въ руководствѣ другимъ, тоже не менѣе большимъ и сильнымъ государствомъ, составляющимъ его отечество? Тогда на ихъ меморіи и ноты онъ будетъ отвѣчать своими меморіями и нотами; между ними возникнетъ переписка, возникнутъ государственныя сношенія. Они будутъ оказывать взаимно, одинъ другому, добрыя услуги, будутъ взаимно содѣйствовать возвышенію и процвѣтанію управляемыхъ ими народовъ. Между ними можетъ возникнуть соперничество, но соперничество ума, тонкости, остроты. А вѣдь пріятно, не правда-ли, заставить своего близкаго пріятеля сознаться, что онъ передъ нами пасъ?..

— Конецъ-концовъ, сказалъ себѣ Андрей Васильевичъ, думая обо всемъ этомъ:—ѣду въ Петербургъ!

Нѣчто подобное тому, что думалъ князь Андрей Васильевичъ въ Парижѣ о петербургскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ государыни къ Разумовскому, думалъ въ Петербургѣ и Петръ Ивановичъ Шуваловъ.

— Нѣтъ, братъ, ты больно швахъ! говорилъ онъ своему брату Александру Ивановичу.—Хотя-бы допущеніе этого замужства,— вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Гдѣ же ты былъ? Что ты думалъ въ это время? Куда дѣвались твои страстные порывы, твое увлеченіе? Это просто ни на что не похоже.

— Что-жъ было дѣлать, братъ? Ты знаешь, какъ она впечатлительна и какъ религіозна. А тутъ пріѣздъ въ Москву, разъѣзды по монастырямъ, длинныя проповѣди, въ которыхъ указывалось на нее, какъ на опору православія, гдѣ она прославлялась, какъ истинная и Богомъ любимая дщерь церкви. Наконецъ, пріѣздъ изъ деревни на свиданіе этого злополучнаго Шубина, о которомъ она не можетъ вспомнить безъ слезъ,—все это вмѣстѣ расположило ее къ тому, что она называетъ своимъ покаяніемъ. Ну, а Разумовскій, малый не промахъ, этимъ воспользовался. Онъ представился тоже религіознымъ и необыкновенно нравственнымъ. Онъ началъ увѣрять, что его грызетъ тоска, мучитъ совѣсть за брачную жизнь безъ брака, безъ Божьяго благословенія. Вздумалъ увѣрять, что его въ монастырь запереть нужно, вериги надѣть, ну вотъ...

— Въ томъ то и дѣло, что воспользовался. А ты что? Развѣ не могъ ты также воспользоваться, также увѣрить? Да что и говорить: вся эта исторія ставитъ тебя какъ-то на второй планъ, какъ-то застѣняетъ, и добро бы хоть человѣкомъ, а то просто какимъ-то чурбаномъ, бурсакомъ, отъ котораго слова путнаго не услышишь. Прежде хоть пѣлъ, а теперь, какъ голосъ лопнулъ, такъ и на клиросъ поставить нельзя. За одно только и можно сказать спасибо, что не мѣшается и молчитъ, по крайней мѣрѣ, пока не напьется. А тогда за то изволь переносить отъ него Богъ знаетъ что; изволь вдаваться во всѣ крайности, чтобы только какъ нибудь успокоить, какъ нибудь сладить, и чтобы, по крайней мѣрѣ, большихъ непріятностей не вышло, чтобы хоть на ножъ-то съ нимъ не лѣзть. Ты знаешь, Мавра Егоровна моя всякій разъ, когда я возвращаюсь съ охоты, ѣздивъ съ нимъ, и не выйдетъ никакой непріятности, благодар-

ственный молебенъ служить. Да и точно. Что ты съ нимъ станешь дѣлать, какъ съ-пьяна не только драться полѣзетъ, а просто велитъ шелепами отдуть или въ плети поставитъ? Ты тамъ на него послѣ жалуйся. Вѣдь мужъ не башмакъ, съ ноги не сбросишь! Ну и разсыпаешься мелкимъ бѣсомъ, и порешь чепуху, чтобы въ ладъ говорить. Именно, чтобы бо́льшаго-то избѣжать, а ужъ за мелочами и не гонишься. Вонъ и прошлый разъ меня лафитомъ облилъ, да что дѣлать? А все это твоя оплошность, твое, можно сказать, раскисанье. Ты не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается! Воспользоваться всѣмъ этимъ могъ бы ты, особенно тогда, когда, благодаря Лестоку, какъ говорятъ, или ужъ просто такъ—можетъ на него и врутъ, но ты тогда свой случай просто за рога схватилъ. Вѣдь тогда въ тебѣ просто души не чаяли.

— Да, братъ; но вѣдь нужно сказать правду, я для нея никогда не замѣнялъ Разумовскаго.

— А кто-жъ велѣлъ не замѣнять? кто же велѣлъ глазами хлопать? Нужно было заставить забыть, что какой бы то ни было Разумовскій и на свѣтѣ есть; привлечь на себя все, что могло къ нему обращаться. Вотъ тутъ-то и были бы хороши страстные порывы, огненныя рѣчи и все, что заставляетъ женщину забывать для мущины цѣлый міръ. Надъ этимъ стоило подумать, стоило заняться. А ты схватить-то случай схватилъ, да и раскисъ, словно изъ тебя опару для пирога сдѣлали. Довольно того, что тогда тебя Бутурлинъ изъ сѣдла выбилъ, прохаживаться подъ окнами заставилъ. А Разумовскій понравился и обоихъ васъ обошелъ. Нѣтъ, мой другъ, это не рука. Между тѣмъ мы видимо теряемъ всякое значеніе. Не даромъ Куракина моей женѣ цѣлыя уже двѣ недѣли визита не платитъ. А вотъ въ сенатѣ на прошлой недѣлѣ мой финансовой проектъ о соли потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Скажу тебѣ болѣе, что если дѣло останется въ этомъ видѣ, то ни ты, ни я на мѣстахъ не удержимся, и Мавра Егоровна не поможетъ. Разумовскій свернетъ обоимъ шеи, хотя пока и притворяется пріятелемъ. Вѣдь эти хохлы всегда такъ: спроста, да сдуру такого коку съ сокомъ поднесутъ, что и не опомнишься. А, знаешь самъ, у насъ съ тобою доброжелателей-то немного.

— Что же дѣлать? задумчиво сказалъ старшій братъ.

— Что дѣлать? Возстановить наше вліяніе.

— Какимъ образомъ?

— А это дѣло разума. Нужно подумать. Вотъ, напримѣръ, если представить императрицѣ нашего маленькаго кузена Ванюшу. Что ты думаешь? Онъ малый смазливый и вѣчно съ книжками, особенно съ французскими возится; прямая противоположность Разумовскому, который, почитай, и по церковному-то читать забылъ. Притомъ онъ малый вѣжливый, деликатный; а ужъ грубость-то бурсацкая не можетъ быть, чтобы ей до смерти не опротивѣла.

— Что-жъ, братъ, задумчиво сказалъ Александръ Ивановичъ,—противъ Вани я ничего не скажу. Дай Богъ ему счастья! Онъ мальчикъ точно хорошій и находчивый. Будетъ въ случаѣ— насъ поддержитъ. Молодъ еще!

— Что за молодъ, двадцатый годъ! Разумовскій былъ моложе взятъ къ цесаревнѣ. Вѣдь теперь ей за тридцать пять, буде не больше. Лестокъ, поглядишь, былъ правъ, когда говорилъ, что большой постъ съ молоду всегда разжигаетъ на старость. Ваня малый вкрадчивый, да такой нѣжненькій да сладенькій, что долженъ понравиться непремѣнно. И ужъ вѣрно считать звѣзды на потолкѣ по твоему не станетъ. За это я тебѣ ручаюсь!

— Дай Богъ ему счастья, еще разъ скажу, со вздохомъ сказалъ Александръ Ивановичъ. — Что же касается меня, признаюсь, она мнѣ очень-очень нравилась. Безъ нея бывало думаешь: вотъ то-то и то скажу, тѣмъ-то и тѣмъ займу ее; а какъ увижу — и забуду все. При ней я всегда какъ-то растаиваю, даже говорить ни о чемъ не могу, не то что какое вліяніе имѣть....

— Баба ты, баба, вотъ что! сказалъ Петръ Ивановичъ.—Валяемъ совокупное посланіе къ Ванѣ! была не была!

Въ тотъ же день отъ старшихъ двоюродныхъ братцевъ, почтенныхъ дядюшекъ, какъ величалъ ихъ молоденькій кузенъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, полетѣло къ нему, въ Москву, письмецо:

— «Братцы въ Петербургѣ зовутъ, на службу опредѣлить и ко двору представить берутся, во всемъ помочь обѣщаются»! говорилъ тотъ получивъ письмо.

— «Старшихъ братцевъ слушаться нужно, не даромъ же я ихъ дядями зову, подумалъ Ваня Шуваловъ про себя,—нужно собираться».

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ моложе Александра Ивановича и Петра Ивановича на семнадцать и шестнадцать лѣтъ.

Въ то же время и почти о томъ же бесѣдовали и въ Стокгольмѣ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ и сенаторъ, графъ Тессинъ, пригласилъ къ себѣ молодаго барона Вольфенштерна, бывшаго передъ тѣмъ шведскимъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ и отличавшагося нескончаемыми любовными похожденіями при дворѣ польско-саксонскаго короля Августа III.

— Настоящимъ положеніемъ своимъ она довольна быть не можетъ! говорилъ графъ Тессинъ—это было бы неестественно, несообразно. Она тогда увлеклась, весьма вѣроятно, подъ вліяніемъ стѣсненій претерпѣваемыхъ ею при жизни покойной государыни. Это увлеченіе могло быть только случайное, могло быть только дѣломъ минуты. Потомъ, подъ вліяніемъ собственной религіозности, а можетъ быть подчиняясь настояніямъ духовенства, которое опиралось на ея религіозность, она сдѣлала несоотвѣтственность. Разумовскій, какъ бывшій пѣвчій, весьма вѣроятно, нашелъ въ духовенствѣ сильную поддержку и особенно, какъ самъ малороссъ, въ духовенствѣ малорусскомъ, играющемъ теперь въ русской іерархіи первую роль. Но, уступивъ этимъ настояніямъ, она не можетъ не чувствовать теперь, что сдѣлала несообразность, и не можетъ не желать эту несообразность исправить и положеніе свое измѣнить. Швеція, своими несчастными войнами, особенно послѣднею, когда должна была подъ Гельсингфорсомъ сдать на капитуляцію всю свою армію, къ сожалѣнію, поставлена въ такое печальное положеніе, что находится почти въ зависимости отъ Россіи. Чтобы обезопасить себя отъ ея притязаній, она хочетъ заключить союзъ съ Пруссіею, но, вслѣдствіе русскихъ интригъ, не можетъ и этого достигнуть. На васъ, баронъ, Швеція возлагаетъ свои надежды. Она надѣется, что вы, вашею ловкостью, вашими способностями, сдѣ-

лаете въ политикѣ Россіи переворотъ въ интересахъ Швеціи. Если-бы вамъ удалось, пользуясь вашими преимуществами, стать у нынѣшней императрицы въ положеніи графа Линара при Аннѣ Леопольдовнѣ, и тѣмъ сдѣлать революцію въ политикѣ русскаго двора, какъ это удалось тогда графу Линару, — то Швеція признавала бы васъ своимъ спасителемъ.

— Вы приписываете мнѣ, графъ, такія достоинства, которыми, къ сожалѣнію, я не обладаю, отвѣчалъ баронъ съ своею чрезвычайно пріятною, хотя нѣсколько саркастическою улыбкою, указывающею на высокую степень его самолюбія. — Русская императрица, не смотря на свои годы, столь еще прекрасна, что несомнѣнно окружена цѣлою міріадою поклонниковъ, среди которыхъ вашъ бѣдный и неловкій посланникъ долженъ будетъ совершенно потеряться.

— Униженіе паче гордости, баронъ! возразилъ графъ Тессинъ, тоже улыбаясь въ отвѣтъ, какъ улыбаются ребенку, когда онъ увѣряетъ, что никогда не шалитъ. — Знаемъ мы вашу неловкость! Графиня Опенгеймъ недавно мнѣ жаловалась... И онъ шутливо погрозилъ барону пальцемъ. — Но я не касаюсь вашихъ тайнъ. Швеція надѣется, что вы раскроете ей чужія тайны. Потому она указываетъ на васъ, какъ на единственную надежду исправить несчастія ея оружія; а вамъ указываетъ, какъ на существеннѣйшую цѣль вашего посольства, — на непосредственное сближеніе съ императрицею. Если же этой цѣли достигнуть будетъ нельзя, то тогда, какъ это ни непріятно, что мы должны будетъ дѣйствовать противъ самихъ себя, но вашею цѣлью долженъ быть новый переворотъ, новая перемѣна династіи въ Россіи. Какъ ни тяжело сознаваться, что, содѣйствуя видамъ цесаревны относительно вступленія ея на престолъ вмѣсто императора Іоанна, мы промѣняли кукушку на ястреба, но сознаться въ этомъ мы должны. Пусть лучше царствуютъ принцъ Іоаннъ съ Анною Леопольдовною, если ужъ этого нельзя избѣжать. Средства къ тому опять въ вашихъ личныхъ качествахъ. Графъ Боркъ доноситъ о нѣкоторыхъ дамахъ высшаго общества, которыя очень недовольны нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Правда, что на донесенія графа Борка я не очень надѣюсь и не совѣ-

тую вамъ на нихъ опираться безъ непосредственной, личной провѣрки; но что такія дамы есть — это несомнѣнно. Самое Лопухинское дѣло указываетъ уже на броженіе умовъ именно въ женскомъ обществѣ. Такому сердцеѣду, какъ вы, въ случаѣ неудачи съ императрицею, вѣроятно удастся привлечь къ себѣ сердца этихъ дамъ. Къ тому же ваши естественные союзники: графъ Мардефельдъ — прусскій посолъ, и Дальонъ — французскій. Союзникомъ вашимъ будетъ и Лестокъ. Онъ потерялъ прежнее вліяніе, но все же можетъ быть полезенъ хоть совѣтомъ. Если же уже ни того, ни другаго достигнуть будетъ нельзя, то, по крайней мѣрѣ, нужно достигнуть, во что бы то ни стало, смѣны Бестужева и отозванія отъ насъ Корфа. Швеція за такого рода услуги будетъ вамъ весьма благодарна. Достигнуть всего этого вамъ будетъ тѣмъ легче, что вы сами любите играть, а петербургское общество только и дѣла дѣлаетъ, что картежничаетъ. Швеція, не смотря на свою финансовую крайность, не скупится назначить вамъ такое содержаніе, чтобы у васъ были игрушки; будьте же и вы благодарны Швеціи, служа ея необходимѣйшимъ требованіямъ.

Съ такого рода инструкціею Вольфенштернъ отправился въ Петербургъ, въ прямое и видимое соперничество предположеніямъ братьевъ Шуваловыхъ.

Но ни Иванъ Ивановичъ Шуваловъ не успѣлъ прибыть изъ Москвы, ни баронъ Вольфенштернъ испросить себѣ аудіенцію, прежде, чѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Парижа молодой и блестящій князь Зацѣпинъ, предшествуемый славою о его парижскихъ пожденіяхъ.

На дворѣ дома покойнаго дяди его встрѣтили управляющіе его различными имѣніями и домами, конторская прислуга, бурмистры и находящіеся въ Петербургѣ крестьяне, въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Старшій изъ бурмистровъ отъ имени всѣхъ поднесъ ему на золотомъ блюдѣ хлѣбъ-соль, поздравилъ съ пріѣздомъ и просилъ отъ себя, бурмистровъ и крестьянъ дозволенія поцѣловать его ручку.

Андрей Васильевичъ поцѣловалъ бурмистра, поблагодарилъ, но

руки цѣловать не далъ ни ему, ни другимъ, которые видимо желали сдѣлать то же, причемъ замѣтилъ, что этимъ произвелъ на крестьянъ рѣшительно неблагопріятное впечатлѣніе.

Онъ вспомнилъ, какъ возвращался откуда нибудь его отецъ. Крестьяне тоже встрѣчали его, подносили хлѣбъ-соль, и онъ сейчасъ же садился на крыльцѣ, и допускалъ къ себѣ всякаго. Устроивался совершенно королевскій baise main; всякій цѣловалъ его руку, говорилъ съ нимъ. Отецъ спрашивалъ о ходѣ дѣлъ, о хозяйствѣ, о положеніи каждаго,—и всѣ были довольны.

«Неужели въ нихъ такъ въѣлось рабство, что они не понимаютъ и не хотятъ понять человѣческихъ отношеній? подумалъ Андрей Васильевичъ подъ вліяніемъ парижскихъ вѣяній и мыслей.—Неужели они не понимаютъ, что цѣловать руку безъ правъ взаимности, есть униженіе человѣческаго достоинства?»

Въ то же время ему выказалось ясно, что должно быть не понимаютъ, потому что какая-то баба, бывшая тутъ же съ мужиками, прямо подошла къ нему и сказала:

— Позволь, кормилецъ, ручку поцѣловать?

Андрей Васильевичъ поцѣловалъ бабу въ губы, но, видя, что все это неблагопріятно отзывается на крестьянахъ, сказалъ:

— Друзья мои, сегодня я такъ усталъ, что не въ силахъ съ вами говорить; но вотъ у меня чрезъ двѣ недѣли праздникъ, день моего рожденія, прошу васъ придти, чтобы я могъ васъ угостить.

Крестьяне закричали и побросали шапки вверхъ. А онъ вошелъ въ домъ, думая: отчего онъ сказалъ друзья, а не дѣти мои, какъ непремѣнно сказалъ бы его отецъ?

Въ домѣ встрѣтили его: метръ-д'отель, комнатная и дворовая прислуга, съ сладкимъ пирогомъ и фруктами на подносѣ, взятомъ изъ его же буфета. Они не просили поцѣловать ручки, не называли батюшка-кормилецъ, хотя дѣйствительно онъ былъ ихъ кормильцемъ, а величали просто: ваше сіятельство.

«Ясно, что есть разница, думалъ онъ.—Въ чемъ же?»

Послѣ, угощая крестьянъ по своему слову и разговаривая съ ними, онъ увидѣлъ, что, не смотря на крѣпостное право, дававшее помѣщику несообразную власть, русскіе мужики были далеко не

рабы, далеко не то, что были нѣмецкіе кнехты, польская челядь и французскіе пейзане. Они говорили и умѣли говорить своему барину правду. Просто и безъ лести, хотя и съ почтеніемъ, они высказывали ему въ глаза подчасъ столь горькія истины, что онъ долженъ былъ сознать, что рабы такъ не говорятъ. И не смущались они отъ его хмураго взгляда. Лакеи же его были, какъ и вездѣ, только лакеи.

— Что бы это значило? спрашивалъ себя Андрей Васильевичъ.—Откуда такая разность и на чемъ основаны ихъ взгляды и выводы? Напримѣръ, они видимо довольны мною; но опять видимо находятъ, что я не то, чѣмъ бы они хотѣли, чтобы я былъ.

Однакожъ онъ пріѣхалъ не для крестьянъ. Нужно было заняться собой, своею судьбою. Богатое убранство дома и великолѣпная обстановка во всемъ, что касалось внѣшней жизни, оставленныя ему покойнымъ дядею, освободили его отъ обязанности заботиться о своемъ помѣщеніи. Но онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, клонившихся къ тому, чтобы еще болѣе украсить его мѣстопребываніе и служить доказательствомъ его изящнаго вкуса. Онъ приказалъ замѣнить деревянный заборъ желѣзною рѣшеткою, а поставленныхъ на воротахъ, тяжелаго, египетскаго стиля, львовъ замѣнить сфинксами. Въ комнатахъ онъ приказалъ размѣстить нѣсколько модныхъ, привезенныхъ имъ вещей, картинъ и статуй, между которыми находилась и знаменитая статуя Аѳродиты-Киприды.

Столовая была имъ монтирована почти вся вновь. Онъ рѣшилъ давать обѣды, такъ какъ, будучи человѣкомъ молодымъ и холостымъ, онъ не могъ надѣяться на успѣхъ своихъ вечеровъ или баловъ. Онъ также весьма тщательно пересмотрѣлъ свой конюшенный порядокъ и частью возобновилъ, частью за-ново монтировалъ свой выѣздъ. На все это не потребовалось, впрочемъ, много времени. У него были деньги, большія деньги. Одна экономія въ теченіи пяти лѣтъ, какъ онъ жилъ въ Парижѣ, проживая тысячъ по полутораста франковъ въ годъ, образовала ему капиталъ, превышающій милліонъ рублей. А это, при остаткахъ отъ прежнихъ лѣтъ, накопленныхъ процентахъ и капиталахъ, оставшихся отъ отца и дяди, составило весьма значительное денежное состояніе, весьма рѣдкое тогда въ Россіи. Впрочемъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго.

Двадцать двѣ тысячи душъ въ превосходныхъ имѣніяхъ, оставленныхъ ему отцомъ и дядею, давали ему болѣе 300.000 р. дохода. Однимъ словомъ, болѣе блестящаго молодаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ въ Петербургѣ тогда не было.

Ему нужно было дѣлать визиты. Онъ зналъ, что высшая сфера политической дѣятельности дѣлилась тогда на двѣ партіи. Одна руководствовалась генералъ-прокуроромъ Трубецкимъ, другая— канцлеромъ Бестужевымъ. Лестока уже не было. Онъ находился въ Угличѣ, искалѣченный пыткой, вопреки приказанія государыни. Князю Андрею Васильевичу хотѣлось стать между существующими партіями независимо, подобно тому, какъ возвратясь изъ Парижа, когда-то стоялъ его дядя князь Андрей Дмитріевичъ между партіями Меншикова и нѣмцевъ, и коренныхъ русскихъ вельможъ Долгорукихъ, Голицыныхъ и др. Притомъ естественно, что, по происхожденію, симпатіямъ и прежнимъ отношеніямъ, его тоже тянуло болѣе къ партіи Трубецкихъ, у которыхъ онъ былъ принятъ какъ свой еще до отъѣзда въ Парижъ; тѣмъ болѣе, что къ этой же партіи льнулъ и Воронцовъ, хотя съ Бестужевымъ онъ находился тогда еще, по крайней мѣрѣ съ виду, въ наилучшихъ отношеніяхъ.

По этимъ соображеніямъ первый его выѣздъ и былъ сдѣланъ къ Трубецкимъ, генералъ-фельдмаршалу и генералъ-прокурору. Дочь фельдмаршала Трубецкаго, принцесса гессенъ-гомбургская, тогда тоже уже жена фельдмаршала, влюбилась въ него сразу и поддержала такимъ образомъ его парижскую репутацію. Но ему нужно было не это, и онъ поѣхалъ къ генералъ-прокурору. Тамъ его приняли какъ роднаго, какъ своего, и не стали скрывать своей ненависти къ нынѣшнему министерству, называя канцлера Бестужева не иначе, какъ креатурою Бирона.

Отъ нихъ онъ заѣхалъ къ князю Куракину, оберъ-шталмейстеру. Князь сообщилъ ему всѣ обычаи новаго двора и очертилъ лицъ, окружающихъ императрицу. Андрей Васильевичъ хорошо зналъ и Воронцова, и Шуваловыхъ. Съ нынѣшнею графинею Воронцовою онъ не разъ танцовалъ въ комнатахъ императрицы Анны; зналъ и Мавру Егоровну, когда она была еще фрейлиною цесаревны. Но когда Куракинъ началъ было говорить о Разумовскомъ, о его случаѣ, Зацѣпинъ перебилъ разговоръ.

— Ну что, сказалъ онъ,—стоитъ ли о немъ говорить! Онъ рѣшился игнорировать Разумовскаго совершенно, будто о немъ онъ ничего не слыхалъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ посѣщенію лицъ бывшаго двора цесаревны. Воронцовъ принялъ его весьма обязательно, Нарышкинъ даже съ чувствомъ. Онъ вспомнилъ его дядюшку, его вечера, его искусство жить. Шуваловы тоже приняли его, если не симпатично, то весьма вѣжливо. Заѣхалъ онъ и къ своему бывшему начальнику Ушакову и къ принцу гессенъ-гомбургскому, на котораго было возложено тогда командованіе гвардіей, жена котораго, видѣвъ князя Андрея Васильевича у своего отца, прямо растаяла отъ нѣжности, и разумѣется какъ хозяйка засыпала своими любезностями. Зацѣпинъ числился въ преображенскомъ полку. Онъ тонко намекнулъ принцу о своемъ желаніи быть зачисленнымъ въ роту императрицы, названной ею лейбъ-компаніею. Принцъ заявилъ, что новыхъ назначеній, безъ особаго повелѣнія императрицы, дѣлать онъ не имѣетъ права, но что онъ надѣется испросить для него это повелѣніе послѣ того, какъ онъ ей представится.

Въ представленіи императрицѣ князь Андрей Васильевичъ встрѣтилъ однако затрудненіе. Онъ былъ камергеръ, стало быть имѣлъ право представиться при первомъ же выходѣ. Но званіе камергера было ему пожаловано Анной Леопольдовной, а императрица повелѣла: всѣ сдѣланныя пожалованія отъ имени императора Іоанна не признавать. На этомъ основаніи, посовѣтовавшись съ Нарышкинымъ и Куракинымъ, онъ рѣшилъ испросить обыкновеннымъ порядкомъ разрѣшеніе представиться не въ званіи камергера, а въ званіи офицера гвардіи, дворянина и князя. На принятіе этого рѣшенія вызывали его еще и другія соображенія. Дядя его, князь Андрей Дмитріевичъ, по своей женитьбѣ, былъ въ свойствѣ съ Анной Леопольдовной. Императрица, будучи цесаревной, хотя и была съ нимъ всегда весьма любезна, но могла вовсе не желать видѣть его племянника; тѣмъ болѣе, что одно время и самъ онъ признавался человѣкомъ весьма близкимъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а это опять не могло располагать къ нему государыню. Наконецъ, по восшествіи ея на престолъ, онъ ни поздравленія не прислалъ, ни самъ не прибылъ. Тогда онъ не зналъ, въ какой степени сдѣланный пе-

реворотъ можетъ быть твердъ, а теперь это легко могло отозваться на немъ весьма неблагопріятно. Лучше было не спѣшить. Но всѣ его затрудненія взялся уладить Куракинъ, и точно, разрѣшеніе представиться послѣдовало весьма скоро.

Назначенъ былъ день. Ловкій и красивый Андрей Васильевичъ не могъ не остановить на себѣ вниманія государыни. Она стала распрашивать его о Парижѣ, жалуясь, что французскій дворъ, которому она была всегда такъ благодарна за его помощь ей въ бытность великой княжной и за постоянно выказываемую ей симпатію, теперь идетъ постоянно въ разрѣзъ всѣмъ ея видамъ.

— Государыня, скромно отвѣчалъ Андрей Васильевичъ, — современная политика европейскихъ государствъ не входила въ кругъ изучаемыхъ мною вопросовъ; тѣмъ не менѣе, зная чувства христіаннѣйшаго короля, бывшаго ко мнѣ весьма милостивымъ и восторгающагося всегда вашимъ мужествомъ и величіемъ; зная также и чувства принцевъ, благоговѣющихъ передъ вашею мудростью и красотою; наконецъ, общія симпатіи французскаго народа къ русскимъ, — я позволяю себѣ полагать, что если и существуютъ какія либо между Франціей и Россіей недоумѣнія, то онѣ не могутъ быть иначе какъ временными, и будутъ непремѣнно отстранены благоразумiемъ министровъ вашего величества.

Этотъ отвѣтъ, вызывая чувство удовольствія въ Елисаветѣ, польстилъ и Бестужеву. Поэтому онъ нашелъ случай подойти къ князю Андрею Васильевичу и напомнить ему свое прошлое знакомство съ его дядюшкой Андреемъ Дмитріевичемъ.

Въ отвѣтъ на вѣжливость Бестужева князь на другой же день былъ у него съ визитомъ.

А на слѣдующій день онъ былъ позванъ къ государынѣ обѣдать:

Послѣ обѣда къ нему подошелъ Разумовскій.

— Простите меня, ваше сіятельство, якъ позволю себѣ безпокоить васъ вопросомъ. Вы изъ Парижа пожаловать сюда изволили, изъ обѣтованной палестины, въ которую стремятся сердца и кошельки всѣхъ нашихъ барынь и графинь. Не изволили ли вы встрѣтить тамъ, или по дорогѣ гдѣ, моего братишку, Кирилку?

— Извините, не имѣю чести знать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе

говорить? отвѣчалъ съ чрезвычайно изысканною вѣжливостью, но и съ замѣтною недоступностью князь Андрей Васильевичъ, и осмотрѣлъ Разумовскаго съ головы до ногъ.

Передъ нимъ стоялъ молодой черноволосый и съ черными глазами человѣкъ, лѣтъ 26-ти, статистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, плечистый, здоровый, стройный, что называется кровь съ молокомъ. Мундиръ оберъ-егермейстера, голубая лента и осыпанный бриліантами портретъ императрицы носились имъ довольно небрежно. Замѣтно было прямо, что онъ не придаетъ своему костюму большой цѣны; но его взглядъ былъ самоувѣренъ и настойчивъ. Видно, что онъ вѣрилъ въ себя и въ свое счастіе, и явно съ улыбкою недовѣрія встрѣтилъ вопросъ Андрея Васильевича о томъ, кто онъ.

— Я-то, ваше сіятельство, всемилостивѣйшій князь? Я простой хохолъ былъ, козакъ, по прозвищу Розумъ, а теперь, милостью ея царскаго величества императрицы, нашей общей всемилостивѣйшей покровительницы и повелительницы, сталъ графъ Разумовскій и генералъ... Такъ вотъ милостію государыни, я отправилъ младшаго братишку своего Кирюшку учиться. Нашему брату хохлу учиться уже поздно; дуракомъ изжилъ, дуракомъ и умру. Ну а ему, молодому, не худо на людей посмотрѣть и себя показать. Съ нимъ отправилъ я Теплова, изъ академіи нарочно взялъ. Хоть и не понравилась мнѣ его рожа, признаться полагаю, что онъ ни надъ чѣмъ не задумается; но ученый за то, у—какой ученый! Получилъ изъ Берлина отъ него вѣсточку, что прусскій король ихъ принималъ. ласкалъ и они отъ него дальше въ путь отправились. Ему отъ меня было внушено, что гдѣ встрѣтитъ нашихъ сіятельныхъ князей, или тамъ нашихъ бояръ важныхъ, такъ ко всѣмъ бы съ решпектомъ ѣздилъ. Такъ я и думаю, неужто онъ такого важнаго и сіятельнаго барина, какимъ признаю ваше сіятельство, пропустилъ? Непростительно, непростительно! Сейчасъ же Теплову выговоръ съ нарочнымъ пошлю.

— За что же, ваше сіятельство? Не имѣя чести быть генераломъ никакого оружія, ни инфантеріи, ни кавалеріи, ни артилеріи, ни даже генералъ-баса или, пожалуй, баритона, и не имѣя также никакихъ правъ на званіе важнаго барина, я полагаю, что я ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ особаго вниманія, ни теплаго ни холод-

наго! Я не болѣе, какъ скромный капитанъ гвардіи ея величества, и то еще, если государынѣ будетъ угодно утвердить меня въ этомъ чинѣ, такъ какъ мое производство послѣдовало по распоряженію некоронованнаго императора. Въ противномъ случаѣ, я только поручикъ... Но передъ вами, графъ, я не стану таиться. Не слыхавъ прежде фамиліи вашего сіятельства, я можетъ быть и пропустилъ безъ вниманія встрѣчу съ вашимъ братомъ, если мы гдѣ случайно встрѣтились. Знаете, Парижъ такая деревенька, что... Однако, извините, графъ; государынѣ, кажется, угодно мнѣ что-то сказать. И Андрей Васильевичъ пошелъ къ креслу, гдѣ сидѣла императрица, какъ бы сравнивавшая между собою ихъ обоихъ.

Разумовскій долго смотрѣлъ за нимъ въ слѣдъ.

— «Эге! подумалъ онъ.—Да этотъ князь, настоящій Зацѣпинъ. Зацѣпа и есть!»

III.

Онять Гедвига.

Почти весь вечеръ государыня проговорила съ Зацѣпинымъ. Ее очень занимали разсказы о праздникахъ Людовика XV и тамошнихъ вельможъ. Особенно занимало ее описаніе одного изъ этихъ праздниковъ, озаглавленнаго: «Боккачіо въ лицахъ». Тонкій юморъ, наблюдательность, остроуміе всегда увлекали Елисавету. А тутъ она встрѣтила не только эти достоинства въ пріятномъ собесѣдникѣ, но и знакомство со всѣмъ, что могло ее интересовать. Сама она разсказывала ему о пріѣздѣ въ Москву графа Морица, о бывшихъ праздникахъ по случаю ея коронованія. Прощаясь съ нимъ, она подала ему руку и сказала, что она не помнитъ, со времени отъѣзда Шетарди, чтобы она провела такъ пріятно вечеръ, и выразила желаніе, чтобы онъ былъ ея частымъ гостемъ.

Производства были утверждены и Андрей Васильевичъ, по своему званію камергера, долженъ былъ нерѣдко бывать при дворѣ. Кромѣ этого, онъ получалъ особыя приглашенія къ государынѣ чуть не ежедневно.

Андрей Васильевичъ умѣлъ быть разнообразнымъ.

Начиная отъ дамскихъ модъ до объясненія философскихъ тезисовъ Вольтера, Андрей Васильевичъ умѣлъ говорить обо всемъ съ чрезвычайною легкостью и ясностью. Мало того, иногда онъ вводилъ государыню въ міръ истинной философіи, истиннаго знанія, объясняя ей теоріи Декарта, Лейбница и великія открытія Ньютона. И все это такъ просто, такъ естественно, понятно, что, не сознавая себя, Елисавета его заслушивалась. Она начала находить въ немъ дополненіе своей мысли, встрѣчать въ немъ откликъ своимъ желаніямъ и разрѣшеніе своему сомнѣнію.

Ее не могли не безпокоить иногда государственныя дѣла, доклады, представляемые ей генералъ-прокуроромъ отъ сената, канцлеромъ, президентами коллегій. Она обращалась съ вопросами къ Зацѣпину.

Князь Андрей Васильевичъ не только объяснялъ ей логическія основанія тѣхъ или другихъ выводовъ, но и историческое значеніе каждаго факта. Онъ вспоминалъ прошлое въ жизни разныхъ государствъ и народовъ, разбиралъ, сравнивалъ и, не давая готовыхъ выводовъ, наводилъ на нихъ мысль логическимъ анализомъ сущности. И все, что онъ говорилъ, было такъ занимательно, такъ интересно...

Между тѣмъ нельзя было не признать его красавцемъ-мужчиной, изящнымъ, деликатнымъ, съ граціозностью въ каждомъ движеніи.

— Какъ онъ ловко танцуетъ, говорила государыня,—какъ онъ изящно одѣвается. Только его дядя Андрей Дмитріевичъ, сколько я помню, да маркизъ Шетарди умѣли такъ одѣваться и такъ благородно держать себя.

При такомъ положеніи дѣла послѣдовало представленіе шведскаго посла Вольфенштерна. Государыня его даже и не замѣтила. Потомъ, когда ей сказали, что онъ очень хорошъ собою, она спросила:

— А какой онъ?

Баронъ однако не пришелъ въ отчаяніе съ перваго раза. Онъ думалъ: собью спѣсь съ этого русскаго при первой встрѣчѣ. Но при первомъ же свиданіи онъ убѣдился, что при князѣ Зацѣпинѣ онъ долженъ невольно ступеньваться; что ни по образованію, ни по искусству привлекать къ себѣ вниманіе, ни по изяществу пріемовъ увлекательности рѣчи, онъ не можетъ идти съ Зацѣпинымъ ни

въ какое сравненіе. Онъ понялъ это точно такъ же, какъ нѣкогда понялъ тоже самое Андрей Васильевичъ при первой встрѣчѣ съ графомъ Линаромъ.

У государыни былъ музыкальный вечеръ. Графъ Вольфенштернъ недурно игралъ на флейтѣ, но и въ этомъ отношеніи Андрей Васильевичъ оказался художникомъ. Рисовали карикатуры на данныя темы. Но и тутъ карикатурѣ Андрея Васильевича нужно было отдать первенство. Темой было назначено чванство. Вольфенштернъ выбралъ неудачно сюжетъ, нарисовавъ въ чрезвычайномъ чванствѣ кухарку, ставшую госпожей. Этотъ сюжетъ слишкомъ напоминалъ происхожденіе матери государыни, поэтому не вызвалъ ничего кромѣ порицанія. Князь Зацѣпинъ выбралъ сюжетомъ разжирѣвшаго въ Россіи нѣмца и такъ характерно очертилъ Остермана въ его презрѣніи къ русскимъ, что возбудилъ всеобщій смѣхъ.

Однимъ словомъ, партія была настолько проиграна Вольфенштерномъ, что онъ просилъ Тессина о своемъ отозваніи, такъ какъ выполнить свое предназначеніе, съ какой бы то ни было стороны, онъ видимо не могъ.

Еще съ меньшимъ апломбомъ и значеніемъ прошло представленіе двоюроднаго брата Шуваловыхъ Ивана Ивановича. Это былъ нѣженькій, скромненькій мальчикъ, съ французскими книжками и французскими стишками. Мальчикъ застѣнчивый, почти деревенскій.

По расположенію своему къ Шуваловымъ, особенно къ Маврѣ Егоровнѣ, государыня назначила его своимъ камеръ-пажемъ, дала какое-то соотвѣтственное порученіе и совершенно о немъ забыла. Никакое напоминаніе не вызвало въ ней даже желанія съ нимъ видѣться. Онъ ей показался вялымъ, скучнымъ, непривлекательнымъ. Вниманіе ея въ это время всецѣло посвящалось Андрею Васильевичу.

Около Зацѣпина, какъ около восходящаго свѣтила, начали обращаться обѣ партіи петербургскаго общества. Его домъ былъ полонъ посѣтителями. Всѣ хотѣли его видѣть, засвидѣтельствовать свое почтеніе. На его обѣды по субботамъ принимали приглашеніе даже канцлеръ, даже генералъ-прокуроръ, даже фельдмаршалы. Его блескъ возбудилъ если не зависть, то соревнованіе въ Воронцовѣ,

и онъ заявилъ государынѣ, что онъ видитъ, что для истинной и полезной ей службы, ему нужно поучиться такъ же, какъ поучился Зацѣпинъ.

— Вѣдь другой человѣкъ сталъ, не правда ли? Поэтому, всемилостивѣйшая государыня тетушка, я и прошу отпустить меня тоже въ чужіе края.

Государыня согласилась и сказала, что она съ удовольствіемъ принимаетъ на себя всѣ издержки его путешествія, и что онъ не сдѣлаетъ ей лучшаго подарка, если возвратится столь же способнымъ человѣкомъ, какого она видитъ въ настоящее время въ князѣ Зацѣпинѣ.

Въ это время по городу разнесся слухъ, передаваемый подъ страшнымъ секретомъ отъ одного къ другому и только между людьми близкими. Слухъ этотъ заключался въ томъ, что въ зимнемъ дворцѣ произошелъ шумъ. Разумовскій подкутилъ и началъ говорить непристойныя вещи при самой государынѣ. На уговоры Шуваловыхъ, Куракина, Нарышкина и Черкасова онъ отвѣчалъ дерзостями. Когда его уговаривали уйти, онъ кричалъ, что онъ у себя дома, такъ что его должны были увести насильно, да и тутъ онъ отбивался. Подобнаго рода случаи бывали и прежде, но они оканчивались обыкновенно тѣмъ, что на другой день проспавшійся Разумовскій являлся съ повинною къ государынѣ, падалъ къ ея ногамъ и вымаливалъ себѣ прощеніе. Теперь государыня его не приняла; а когда Разумовскій, стоя на колѣняхъ у дверей ея спальни, сталъ плакаться и умолять, то изъ спальни ея величества, вмѣсто ея, вышелъ семидесятилѣтній генералъ-аншефъ, бывшій страшный начальникъ тайной канцеляріи, графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, графъ? спросилъ онъ его строго.

Разумовскій потерялся.

— Я хочу видѣть мою государыню, отвѣчалъ онъ.

— А если она не хочетъ васъ видѣть?.. Послушайте, графъ, всякому терпѣнію, всякому милосердію бываетъ конецъ! Не забудьте, что она ваша самодержавная государыня, и ваше малѣйшее ей ослушаніе есть уже государственное преступленіе!.. Кажется, трудно представить себѣ милости болѣе тѣхъ, которыми осыпала васъ императрица; не усиливайте же вашу неблагодарность къ ней

еще непослушаніемъ! Не забудьте: никакія отношенія, никакія права не оправдываютъ ослушаніе передъ государынею. Напоминаю вамъ царицу Евдокію, первую жену Петра Великаго. Потрудитесь сію минуту идти въ ваши комнаты и оставаться тамъ до послѣдующаго высочайшаго повелѣнія. Это объявляю я вамъ именемъ нашей всемилостивѣйшей государыни. Извольте безпрекословно исполнить ея волю или вы, по рабской моей должности, вынудите меня...

Но разстроенный, разбитый, огорченный Разумовскій настолько еще помнилъ себя, что не дозволилъ себѣ возражать.

— Воля ея величества для меня священна, сказалъ онъ и отправился къ себѣ.

И вотъ уже третій день онъ сидитъ въ своихъ комнатахъ; говорятъ — писалъ, но письма не приняли и возвратили ему нераспечатаннымъ.

По прошествіи недѣли государыня позвала къ себѣ Разумовскаго, но не допустила его ни до колѣнопреклоненій, ни до цѣлованія руки. Она сказала ему твердо, величественно:

— Графъ, я васъ прощаю, хотя вы допустили вести себя такъ, что заслуживаете обвиненія въ оскорбленіи величества. Но я не могу допустить, чтобы у меня въ домѣ могли происходить сцены, подобныя той, какую позволили себѣ вы въ моемъ присутствіи. Поэтому, во вниманіе къ вашей вѣрной мнѣ до сихъ поръ службѣ и вашимъ заслугамъ, я не отнимаю у васъ ничего, сохраняю за вами всѣ ваши должности и титулы, и дарю въ вашу собственность купленную мною для васъ аничкину усадьбу; вы выстроите тамъ себѣ домъ по вашему вкусу. Средства на сіе вамъ будутъ даны штатсъ-конторою, но съ тѣмъ, чтобы вы посѣщали меня не иначе, какъ на общемъ основаніи, или всякій разъ съ моего высочайшаго соизволенія, и притомъ съ тѣмъ, чтобы никакого нарушенія надлежащаго респекта и установленнаго мною порядка вами чинимо не было...

На такую всемилостивѣйшую рѣчь государыни Разумовскій преклонилъ колѣна. Но Елисавета ушла, передавъ приготовленную *данную* на аничкину усадьбу въ руки барона Черкасова, для передачи Разумовскому, который, стоя на колѣняхъ, плакалъ.

— Что я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ? говорилъ онъ себѣ. — А все этотъ проклятый Зацѣпа!

За изгнаніемъ Разумовскаго изъ апартаментовъ зимняго дворца, государыня сосредоточила на Зацѣпинѣ свое особое вниманіе. Она совѣтовалась съ нимъ, разсуждала, читала. Ей было это тѣмъ отраднѣе, что она видѣла, что сужденія Андрея Васильевича не принадлежали партіи и не заключали заднихъ мыслей. Она видѣла, что онъ совершенно безпристрастно относится какъ къ трудамъ Бестужева, такъ и Трубецкаго, отдавая справедливость тому, и другому. Даже, говоря о прошломъ, о горѣ и притѣсненіяхъ, которыя она терпѣла, она встрѣчала въ немъ глубокое сочувствіе своимъ несчастіямъ, но не встрѣчала того льстиваго озлобленія противъ лицъ, съ которымъ обыкновенно относились ея придворные къ павшимъ.

Андрей Васильевичъ прямо говорилъ ей, что Минихъ и Остерманъ дѣйствительно поступали противъ нея злодѣйски, тѣмъ не менѣе они были люди способные и дѣйствительно приносили государству пользу. «Это были единственные нѣмцы, которые заслужили благодарность потомства». Но внѣ дѣлъ, внѣ совѣтовъ, полныхъ разума, искренности, стремленія къ добру и пользѣ, его разговоръ, пріятный, разнообразный, особо увлекалъ ее. И это увлеченіе было для нея тѣмъ болѣе ново, что въ немъ не было ничего чувственнаго, ничего матеріальнаго; что самая даже пластичность картинъ, обрисовывающая древнюю жизнь Греціи или Рима, принимала въ его разсказахъ тонъ художественности, воспроизводила красоту, а не касалась грязныхъ сторонъ цинизма. Это ощущеніе было для государыни слишкомъ ново, слишкомъ отрадно, чтобы желать его перемѣнить. Притомъ она начинала чувствовать, что перемѣнить это положеніе зависитъ отъ него, а не отъ нея; что она, съ своей стороны, ни за что въ мірѣ не рѣшится на это. Она чувствовала, что она начинаетъ робѣть передъ нимъ, начинаетъ желать быть его достойною. Ни за что въ мірѣ не согласилась бы она отказать ему въ чемъ либо, что было въ ея власти; нужно было только, чтобы онъ потребовалъ, пожелалъ, а онъ, казалось, даже ни о чемъ не думалъ...

Между тѣмъ это только казалось. Андрей Васильевичъ очень

думалъ объ этомъ. Онъ видѣлъ, что овладѣлъ всѣми чувствами, всѣми мыслями императрицы, и зналъ, что затѣмъ вспышки страсти не заставятъ себя ждать.

«Стоитъ уѣхать на нѣсколько недѣль и она, можно сказать, будетъ горѣть отъ нетерпѣнія, но... но... Подожду! Мнѣ недовольно, чтобы она меня только любила».

Онъ видѣлъ, что хотя она и старше его, но она прекрасна, величественна. Доброта ея души, мягкость характера и сдержанность были ею уже доказаны на опытѣ. Но онъ все еще разсуждалъ, все еще хотѣлъ бо́льшаго.

«Что же? думалъ онъ. — Разумовскій можетъ въ самомъ дѣлѣ идти въ монастырь. Ему могутъ предоставить всѣ льготы, всѣ удобства, удовлетворить всѣ его желанія. Его монашество можетъ быть только номинальнымъ. А я могу стать въ глазахъ ея столь нравственнымъ, наконецъ, столь почтительнымъ, что она признаетъ соотвѣтственнымъ, чтобы я занялъ его положеніе. Надѣюсь, что это будетъ достойно рода князей Зацѣпиныхъ, хотя я займу это положеніе послѣ какого-то Разумовскаго. Да, послѣ... но я буду не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ!»

Полный этихъ мыслей, онъ воротился изъ дворца уже не рано. Былъ часъ одиннадцатый ночи. Онъ обѣдалъ у государыни и былъ осчастливленъ ея особою довѣренностью.

— Я не знаю почему, но я не могу ничего скрывать отъ васъ, князь! сказала она и разсказала ему эпизодъ своей жизни съ Шубинымъ.

Мягкость характера и душевная доброта ея всего осязательнѣе выяснилась передъ нимъ въ этомъ разсказѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и ея глубокая къ нему преданность. Возвратясь домой, онъ думалъ обо всемъ этомъ, разбиралъ каждое ея слово, интонацію ея голоса. Въ это время вошелъ его камердинеръ-французъ и доложилъ, что его проситъ позволенія видѣть одна дама.

— Дама! Какая дама?

Нужно сказать, что это было въ Москвѣ, куда пріѣзжала государыня нерѣдко. Она любила Москву. Домъ, оставленный князю Андрею Васильевичу дядей, стоялъ у Никитскихъ воротъ и былъ окруженъ садами.

— Какая дама?

— Не могу знать, ваше сіятельство; она прошла непонятнымъ образомъ черезъ садъ, вызвала меня черезъ офиціанта и приказала доложить, что она явилась подъ большимъ секретомъ.

— Какая же она?

— Невысокаго роста, вся въ черномъ, лицо̀ покрыто густымъ вуалемъ, такъ что нельзя разсмотрѣть; но по голосу, по разговору можно заключить, что благородная дама, принадлежащая къ обществу. Когда она узнала, что я французъ, стала говорить со мной по-французски.

— Хорошо! проводи въ лиловую гостиную, я сейчасъ выйду! Да никого не принимать!

«Кто бы такая? невысокаго роста?» думалъ онъ.

Онъ всталъ и пошелъ.

Едва онъ вошелъ въ лиловую гостиную, какъ ожидавшая его дама сбросила вуаль и бросилась къ нему на грудь.

— Андрей! Андрей! Богъ привелъ мнѣ еще увидѣть тебя!

Андрей Васильевичъ взглянулъ и остановился ошеломленный.

— Гедвига! невольно вскрикнулъ онъ.

— Да, твоя Гедвига, молившаяся столько лѣтъ объ этой минутѣ свиданія. И вотъ Богу угодно было услышать мою молитву. Я тебя вижу, тебя вижу!

— Родная! дорогая моя! милая! невольно вскрикнулъ Андрей Васильевичъ, поднимая обѣ руки ея къ своимъ губамъ и покрывая ихъ поцѣлуями...

Въ людскомъ флигелѣ зацѣпинскаго дома тоже раздался возгласъ удивленія. Елпидифоръ сидѣлъ въ своей кучерской и поправлялъ шлею или хомутъ, пристегивая гдѣ-то ремешокъ и прилаживая петлю. Ему зачѣмъ-то пришлось обернуться, и передъ нимъ вдругъ нежданно, негадано очутилась Ѳекла.

— Съ нами крестная сила! вскрикнулъ Елпидифоръ перекрестясь. — Матушка, Ѳекла Яковлевна, ты ли? какъ? откуда?

— Изъ Ярославля, прямо къ вамъ во дворъ! Княжну сюда привезла! Очинно ужъ жаль стало! Она добрая такая, за ними какъ

раба ходила, а они ее грызмя грызутъ. Ну, цѣлуй! аль старуху-то и поцѣловать не хочешь?

— Нѣтъ, что вы, Ѳекла Яковлевна! мы всегда съ нашимъ то-исъ удовольствіемъ. А точно, что постарѣли маненько, отвѣчалъ Елпидифоръ, цѣлуясь съ Ѳеклой.—Въ Ярославль-то вы зачѣмъ попали?

— Въ Ярославль? Какъ тебѣ сказать. Да какъ здѣсь-то мнѣ изъ-за тебя, шельмеца, пришлось такую студу въ обчествѣ выдержать, что никуда и носу показать нельзя стало; а изъ обчества меня исключили, и благодаря только стараго князя, дай Богъ ему царствіе небесное! довелось живой уйти, такъ мнѣ здѣсь-то ужъ не житье было. Всѣ пальцами показывать начали. Куда жъ мнѣ дѣваться? Думала я думала, да и рѣшила: что мнѣ тутъ маяться? Вы всѣ въ Парижъ уѣхали, своихъ никого нѣтъ. Не съ кѣмъ душу отвести. Дай, думаю, поѣду въ Зацѣпино. Авось тамъ по прежнему молельню устроимъ. Вотъ и пошла. Иду это я ужъ пошехонскимъ лѣсомъ, одна, а со мной дотолѣ двѣ товарки были, изъ бѣглыхъ. Одна была княза—вотъ что бывалъ у стараго-то князя, большой генералъ, заика такой, да—Трубецкаго; сбѣжала потому, что управляющій его изъ нѣмцевъ требовалъ, чтобы она съ нимъ въ любовь вошла, а она «ни, говоритъ, какъ я съ тобой любиться буду, когда ты нѣмецъ, изъ поганыхъ значитъ; эдакъ дескать со всякой собакой любиться нужно будетъ!» Ну нѣмецъ, разумѣется, озлился, и перво-на-перво показалъ ей собаку: приказалъ ее на полосѣ, какъ тутъ они овесъ жали, отстегать; ее и отстегали, да такъ отстегали, что дѣвка цѣлую недѣлю себя не помнила. А потомъ нѣмецъ опять повстрѣчалъ и говоритъ: «коли и теперь не придешь, я вдвое отстегать велю». Ну она ничего не сказала, а все не пошла. А какъ на утро-то нѣмецъ велѣлъ ее отстегать на гумнѣ,—хлѣбъ молотили въ то время,—такъ она, будто по своей надобности, вышла, да за овинъ спряталась и притаилась. Какъ ни искали, не нашли; а она просидѣла до вечера, а тамъ и поминай какъ звали. А другая-то старуха, Нащекинской вотчины; на богомолье просилась, не пустили; она безъ дозволенья ушла, да съ той поры все и бродитъ. Такъ дотолѣ мы всѣ шли втроемъ. Только передъ лѣсомъ-то онѣ меня оставили. Старуха пошла на Тихвинъ, тихвинской Божіей Матери помолиться, а молодая повернула въ Тверь. Тамъ у ней любовникъ, грабежемъ

занимается, такъ къ нему. Вотъ и пришлось одной идти. Страшновато было лѣсомъ-то, все нѣтъ-нѣтъ да и кажется, что вотъ медвѣдь сейчасъ изъ-за кустовъ выскочитъ. Ну а дѣлать нечего, иду. Только вотъ слышу, вдругъ зашуршало что-то и заломилось въ лѣсу. Я такъ и обмерла. Такъ и есть, думаю, медвѣдь; анъ святой человѣкъ вышелъ,—святой, Божій человѣкъ.

— Какъ святой Божій человѣкъ?

— И не говори, святой и есть! Ѳому Емельяныча я еще въ Костромѣ знала. Бывало зимой и лѣтомъ босой, въ изорванной рубашкѣ, веревкой подпоясанъ, идетъ и пророческія стихеры поетъ; кому споетъ «свѣтъ»—тотъ богатство жди, а кому «не рыдай меня мати»—гробъ заказывай.

— Что жъ онъ болѣзный или юродивый какой, что ли?

— Да не знаю, какъ тебѣ сказать. Онъ, говорятъ, былъ зажиточнымъ, исправнымъ крестьяниномъ въ Большихъ Соляхъ, женился, двухъ дѣтей имѣлъ. Только вышелъ какъ-то неурожай. Кормить ни жену, ни дѣтей нечѣмъ; скотина тоже съ голоду мретъ. А тутъ, какъ его, капитанъ-исправникъ,—дескать недоимка, вынь да положъ! Въ то время вѣдь Бироновъ былъ, такъ съ недоимками-то дѣло плохое было.

— Откуда же я возьму, говоритъ Ѳома Емельянычъ,—вотъ хлѣба то зерно на зерно не уродилось, а вѣдь мнѣ нужно семью кормить.

— Это твое дѣло! говоритъ, а недоимки—государственныя повинности—подай.

— Да когда нѣтъ?

— Врешь! вѣрно спряталъ и платить не хочешь; но вѣдь у насъ пытка есть! Мы продадимъ твое имущество, а тамъ чего не хватитъ, доставай отколѣ знаешь, а намъ подай.

— И продали все до нитки, что у крестьянина было. Не хватило и половины на уплату.

— Ну давай остальные, говоритъ исправникъ.

— Да откуда же я возьму? Помилосердуйте! Не то вотъ возьмите и вырѣжьте кусокъ мяса, можетъ кто нибудь что нибудь и дастъ. Больше у меня ничего нѣтъ.

— Врешь! вѣрно деньги гдѣ нибудь запрятаны! Знаемъ всѣ ваши плутовства. Подавай, или пытка.

— Да что тутъ, дѣло пустое! Вотъ, признаюсь, понравилась мнѣ очень... Ей-Богу разсказать не въ силахъ, продолжала Ѳекла, но вотъ те крестъ, что такъ было: помощникъ-то исправника, тутошній помѣщикъ, такъ это онъ и вмѣшался, и заявилъ, что дескать пусть мнѣ на недѣльку жену пришлетъ, такъ недоимки я заплачу.

Ѳома засвирѣпѣлъ и наговорилъ чего и не слѣдовало бы.

Вотъ на другой день и опредѣлили его подъ пристрастіе подвести.

Но исправнику все же на сердце жалость пришла, онъ и говоритъ:

— Слушай, Ѳома, ты самъ не понимаешь, чему себя подвергаешь. Вотъ посмотри. Если ты денегъ не внесешь, то послѣ завтра съ тобой тоже будетъ! И велѣлъ его вести смотрѣть пытку.

И взглянулъ Ѳома Емельянычъ, какъ на дыбу поднимаютъ, да ноги и руки въ тискахъ давятъ, да огнемъ подошвы подпаливаютъ. Взглянулъ онъ на всѣ эти страхи-то, да такъ и залился хохотомъ. Смѣется да и все тутъ.

— Ишь, говоритъ, рожи какія корчатъ! А потомъ засмѣялся, да и давай пѣсни пѣть.

— Что ты, что ты, дуракъ! говорятъ ему. — Чему радуешься? Завтра самъ надъ собой испробуешь. А онъ и ухомъ не ведетъ; то духовное что, а то и «по улицѣ мостовой» задираетъ.

На другой день его и повели пытать. Онъ ничего, и тоже все то стихеры, то пѣсни поетъ. Его подняли на дыбу, воловьими жилами бьютъ, спрашиваютъ о деньгахъ, а онъ поетъ «милость мира — жертву хваленіе».

Съ тѣхъ вотъ поръ онъ и бродитъ такъ. Святой какъ есть человѣкъ! Жена недоимку заплатила, домъ ведетъ и дѣтей кормитъ, а онъ жену бросилъ, дѣтей забылъ, бродитъ себѣ босой, неодѣтый, нечесаный. Дадутъ гдѣ кусокъ хлѣба — съѣстъ, не дадутъ — и такъ мается. То въ лѣсу гдѣ нибудь ночуетъ, то на паперти церкви гдѣ, всю ночь Богу молится. Сперва-то все было около Костромы ходилъ, потомъ все дальше да дальше забираться началъ, говорятъ, до самаго Кіева доходилъ.

Вотъ какъ вышелъ-то онъ на дорогу, увидалъ меня и спросилъ:

— Куда путь дорогу держишь?

Я и говорю: въ село наше Зацѣпино; тамъ Богу молиться, Божій домъ по старой вѣрѣ устроить хочу! Благослови, Ѳома Емельянычъ!

А онъ-то сперва закуковалъ кукушкою, а потомъ и говоритъ:

— Какое тутъ Зацѣпино, далеко до Зацѣпина. Ступай въ Ярославль! Тамъ теперь свѣтъ Божій! Богородица, Акулина Савельевна, сама пожаловать изволила! Тамъ и домъ мнѣ построишь и масляничную вѣтвь принесешь! Велѣлъ тебѣ Богъ бѣлую голубицу отъ злыхъ коршуновъ спасти и тѣмъ вѣнецъ Божьей милости заслужить!

Сказалъ онъ это и запѣлъ: «Слава въ Вышнихъ Богу», и побѣжалъ; скоро таково побѣжалъ, что и на лошади, пожалуй, не догнать было.

По этому слову я и пошла въ Ярославль; думаю, вѣрно воля Божья на то есть, чтобы я въ Ярославль шла.

И точно, благодать Божья тамъ явно меня осѣнила. Самой Акулинѣ Савельевнѣ послужить пришлось. И таково это было радостно. Придутъ это, бывало вѣрующіе благословеніе получить, кто хлѣбъ, кто рыбу, яйца, а кто и бутыль съ виномъ или боченокъ съ пивомъ тащитъ. Все это отберешь у нихъ еще до свѣту, пока сама еще не встала, и всякій это еще тебѣ, кто грошъ, кто пятакъ сунетъ, чтобы только ихъ подъ благословенье-то допустить; и все это на твоихъ рукахъ и безъ счета хранится... Такъ и жила я въ Ярославлѣ-то, почитай больше двухъ лѣтъ, пока матушка Акулина Савельевна, не преставилась и душу-то ея святую ангелы Божіи на своихъ ручкахъ на небо не унесли. Ну, а какъ померла-то она, я хотя и накопила кое-что, а все осталась безъ пристанища. Вотъ думаю, теперь пойду въ Зацѣпино, хоть кости свои тамъ положу. Такъ и тутъ не удалось!

Къ Акулинѣ-то Савельевнѣ часто заѣзжала воеводиха ярославская. Все о сынѣ спросить. Сынъ-то ея ахвицеромъ гдѣ-то служилъ и на войнѣ былъ; такъ пріѣдетъ она, да и спроситъ:

— Что матушка, Акулина Савельевна, скажи, здоровъ-ли? Я сегодня во снѣ золото видѣла, стало быть слезы лить.

— Здоровъ, здоровъ, голубка! отвѣчаетъ Акулина Савельевна.— Я просила сына своего поберечь его!

— Помолись, Акулина Савельевна, говоритъ воеводиха.—А ужъ я тебѣ сама слуга буду!

И точно, какъ бывало получитъ отъ сына письмо, узнаетъ, что живъ и здоровъ, и шлетъ бывало, гостинца Акулинѣ Савельевнѣ, и

холста, и меду, и крупъ, и ягодъ разныхъ, а иногда и деньгами не забудетъ... Добрая душа, и ко мнѣ была милостива.

Вотъ какъ Акулина-то Савельевна побывшилась значитъ, она мнѣ и говоритъ:—иди Ѳекла, ко мнѣ, я тебя не оставлю, хоть когда матушку-то, Акулину Савельевну, мнѣ напомнишь. Я было ни то, ни се. Супружника-то ея очень боялась. Супружникъ ея, воевода, Пушкинъ по прозвищу-то, былъ баринъ крутой, сердитый и нашей братьи, бабья, не любилъ. Къ тому же и воевода,—съ нимъ много не наговоришь! Но какъ я не отнѣкивалась, воеводиха уговорила.

Вотъ и стала я у воеводы жить. Ничего, мною довольны и я была довольна всѣмъ. На руки мнѣ бѣлье постельное сдали и я должна была за этимъ бѣльемъ смотрѣть. Домъ большой, хорошій, жить можно было; только воеводѣ на глаза по-рѣже попадаться.

Только разъ я иду куда-то, а сама думаю: «вотъ ужъ не думала не гадала у воеводы въ прислугѣ быть», и вдругъ повстрѣчала, кого же? Княжну! Ту самую княжну, что, помнишь, я за больной-то ходила въ Шлюшинѣ и которую, кажись, какъ родную дочь полюбила.

Она, сердечная, увидала меня и тоже будто родной обрадовалась. Говоритъ: «зайди, пускаютъ теперь! И отцу на двадцать верстъ кругомъ ѣздить разрѣшили». Ну я и вошла.

Она, голубушка, не знала чѣмъ и угостить, какъ и приласкать; такая она добрая, да привѣтливая. Платочекъ съ своей шейки сняла и мнѣ подарила; дескать, береги себя, Ѳекла, не простудись, да навѣщай почаще! ты меня всегда обрадуешь!... А тутъ старый мучитель-то, Бироновъ, все на нее, да все не такъ! Зачѣмъ и глядишь туда, а не сюда; зачѣмъ и говоришь эдакъ? Да и сама Бирониха на нее все фить, да хм! А Биронята-то поганые разные подвохи выкидываютъ, да поганства чинятъ: то платье къ полу гвоздемъ прибьютъ, когда она занята чѣмъ нибудь и не слышитъ, или мышь за пазуху посадятъ... Она, бѣдненькая, отъ всего отшучивается, все переноситъ. А если какъ нибудь спужается что-ли и крикнетъ, или что нибудь тамъ сдѣлаетъ,—вотъ какъ крысу-то ей пустили, она испужалась и крикнула, — сейчасъ всѣ на нее. А то вотъ, однажды, у воеводы за столомъ говорили, а я, не подумавши, возьми да и перескажи, «что вотъ, молъ, дѣло какое въ Петербургѣ вышло: государынинъ шутъ, Аксаковъ, перепугалъ государыню

до смерти. Принесъ онъ въ шапкѣ ежа, да вдругъ и поднесь къ лицу. Съ государыней чуть обморокъ не приключился». Бирончата переглянулись, не сказали ни слова, а сами потомъ пустили ежа къ ней въ постель. Та, не зная легла въ постель и ночью разумѣется, спужалась такъ, что въ себя придти не могла, и сама же виновата кругомъ осталась, дескать отца и мать потревожила, совѣсти моль нѣтъ!

— Неладно тебѣ жить тутъ, моя ладушка! говорю я.—Не по двору ты имъ приходишься! Измучатъ они тебя, со свѣта сживутъ!

— Да, голубушка Ѳекла, ты и сама видишь, что неныносимо, отвѣчала мнѣ княжна. — Поѣхала бы, въ ноги бросилась государынѣ, можетъ и помиловала бы; да что же дѣлать-то, средствъ нѣтъ, да и стерегутъ какъ тюремницу.

Я какъ услышала это, возьми да и разскажи воеводихѣ, а она мужу. Онъ потребовалъ меня, да и велѣлъ туда ходить кажинный день и изо дня въ день все ему разсказывать. Онъ, говорятъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, что Бирона-то въ клѣтку посадили. Самое воеводство, говорятъ, онъ за то въ награду получилъ. Потому, говорятъ, къ нему подъ присмотръ и назначенъ былъ Бироновъ. Дескать, онъ поневолѣ, для самого себя станетъ караулить хорошо. Только вотъ, однажды, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что если княжна хочетъ, то пусть бѣжитъ къ воеводихѣ; воеводиха ее приметъ и къ государынѣ отправиться средствіе дастъ. Я и пошла.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Сказала я это княжнѣ. Думаю, можетъ она-то и есть голубица моя бѣлая, что въ когтяхъ лютыхъ коршуновъ, можетъ ее-то Ѳома Емельянычъ мнѣ и спасти велѣлъ...

Вотъ государыня въ Москву пріѣхала, узнали, что къ Троицѣ на богомолье ѣдетъ. Воеводиха посылаетъ сказать, чтобы случая не пропустила. А она все еще, голубушка моя, сомнѣвалась.

Наконецъ, она рѣшилась; поплакала со мной и изъ церкви Божіей,—у вечерни была,—да прямо къ воеводихѣ и прошла. Пришла, да сама себя не помнитъ, къ ней какъ къ матери родной бросилась.

— Значитъ, и впрямь ее ужъ мучили-то очень?

— И не приведи Богъ слышать! Грызьмя грызли! безъ ножа рѣзали! безъ пилы пилили! Да и злющій какой этотъ старикъ-то Бироновъ, да и жена-то его Бирониха! Какъ княжна-то ушла, имъ

мучить некого было; а у Биронихи была собака, такъ они ту мунштровать начали; мунштруютъ мунштруютъ, да потомъ между собою же и перегрызутся. А на княжну, подумай, какъ имъ было не бросаться. Они говорятъ, что она виновата, что они теперь въ тюрьмѣ сидятъ, за какого-то тамъ принца замужъ не пошла... И пилятъ ее, бывало, пилятъ... А она хоть бы слово! Сидитъ себѣ, будто въ воду опущенная, и имъ же чѣмъ нибудь тутъ старается услужить...

— А отчего же она замужъ-то не пошла?

— Я спросила, такъ княжна только усмѣхнулась. Они, говоритъ, мнѣ и не говорили. Можетъ и точно я бы не пошла; но имъ упрекать меня не въ чемъ, я объ этомъ принцѣ даже и не слыхала. Знаю только то, что, кажется, онъ моложе меня былъ. Старику Биронову, разсказывала она, пришло въ голову объ этомъ принцѣ тогда, когда они ужъ въ ссылкѣ, гдѣ-то прежде Ярославля, были. Онъ тамъ надумался, какъ-бы это было хорошо, кабы она за тѣмъ принцемъ замужемъ была, да съ той поры все и твердитъ... Ну да теперь пусть какъ хотятъ бранятся — съ пустымъ-то мѣстомъ!

— И уѣхали вы такъ? спросилъ Елпидифоръ.

— Да! Воеводиха снарядила и сама съ нами отправилась. У Троицы государыню мы не застали, поѣхали сюда. Здѣсь воеводиха къ своему было родному какому-то поѣхала, да тотъ пустить не согласился; ну она поѣхала отыскивать, гдѣ бы пристать. А княжна захотѣла прежде всего къ вашему князю заѣхать и поблагодарить, что лечилъ; вотъ и заѣхали.

— Ну, а ты-то надолго въ Петербургъ?

— И сама не знаю, какъ княжна отпуститъ. Воеводиха меня ей, а ее мнѣ поручила.

— Ну, чѣмъ же угощать прикажете? спросилъ Елпидифоръ, убирая свой приборъ.

— Да что, пивка бы выпила!

— Пивка! вотъ какъ! Ты нонѣ и пиво пьешь?

— Еще бы! Мы съ Акулиной Савельевной и все пиво пили.

— Какъ, съ богородицей-то?

— Что-жъ? Когда живешь подлѣ такой святости, такъ и согрѣшить не грѣхъ. Ты согрѣшишь, а она грѣхъ сниметъ. Ей стоитъ только рукой махнуть, да Господи помилуй сказать. А пиво-то, нечего сказать, Акулина Савельевна любила таки тянуть; бывало, намъ все дюжинами, а не то боченками приносили...

IV.

Въ милости.

Князь Андрей Васильевичъ сидѣлъ противъ Гедвиги.

Первый взглядъ его на нее, первая минута свиданія были до того неожиданно радостны, были до того свѣтлы, что Андрей Васильевичъ невольно поддался имъ. Онѣ охватили его какъ воспоминаніе молодости, какъ ощущеніе перваго проблеска чувства. Все святое, все чистое было въ этомъ ощущеніи; оно разлилось отрадою по всему его существу. Подъ вліяніемъ этого сердечнаго порыва радости, не помня себя, онъ бросился и покрылъ руки Гедвиги поцѣлуями.

Но черезъ минуту, прежде чѣмъ она успѣла сказать хотя одно слово, передъ нимъ тяжкимъ кошмаромъ возникъ, будто выросъ, вопросъ: а что скажетъ, что подумаетъ «она?»

И онъ невольно остановился въ своемъ порывѣ, опустилъ руки Гедвиги и повторилъ уже другимъ голосомъ, подъ вліяніемъ другихъ чувствъ:

— Гедвига, это вы? Откуда? Какимъ образомъ?

Гедвига инстинктивно поняла разность тона въ восклицаніи и вопросѣ. Она угадала въ ней и измѣну чувствъ, и перемѣну отношеній, и внутренній холодъ. Ей пришло въ голову: «Онъ неожиданно обрадовался, но одумался. Можетъ быть онъ женихъ, можетъ быть любимъ и любитъ, можетъ быть и забылъ совсѣмъ...»

Подъ вліяніемъ этихъ мелькнувшихъ мыслей, она отвѣчала грустно:

— Да, это я, князь; та самая Гедвига, которая полагала быть... быть вашей Гедвигой хотѣлось ей сказать, но она не сказала этого,

а прибавила только: — которая пріѣхала изъ Ярославля съ вашей Ѳеклой и хотѣла, во что бы то ни стало, видѣть васъ...

— Вы очень добры, Гедвига; вы напомнили мнѣ счастливѣйшія минуты моей жизни, но...

— Повтореніе даже счастливѣйшихъ минутъ бываетъ скучно! прибавила Гедвига тономъ обманутаго ожиданія. — Не будемъ же говорить о томъ, чего нѣтъ и не можетъ быть.

Она старалась сказать это просто, даже съ веселою улыбкою, тогда какъ грудь ея сжалась отъ невыразимой тоски и слезы готовы были литься изъ глазъ.

Андрей Васильевичъ взглянулъ на нее пристально.

Страданія, въ теченіи столькихъ лѣтъ, положили на нее свою печать. Она поблѣднѣла, исхудала, опустилась. Станъ ея не только не былъ строенъ, но какъ-то скривился, сгорбился; цвѣтъ лица далеко не былъ такъ прозраченъ. Тѣмъ не менѣе, казалось, что отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ къ худшему, она не стала хуже. Напротивъ, она стала привлекательнѣе. Нѣжность выраженія и какая-то особая задушевность засвѣтились въ ея глазахъ, обозначились въ обликѣ ея лица, въ ея доброй, отрадной, хотя и грустной улыбкѣ. Въ каждомъ взглядѣ ея виднѣлась прекрасная душа, оживленная силою разумной мысли; виднѣлась готовность къ самоотрицанію, ради добра, блага, пользы, ради всего, что можетъ только вызвать готовность къ самопожертвованію.

У Андрея Васильевича тоже стѣснило грудь отъ словъ Гедвиги. Онъ невольно вспомнилъ, съ какимъ трепетомъ и замираніемъ сердца онъ встрѣтилъ въ первый разъ выраженіе ея сочувствія; вспомнилъ ту радость, тотъ невыразимый восторгъ, который охватилъ его въ ту минуту, когда въ отвѣтъ на его страстныя слова, отъ которыхъ у ребенка-дѣвушки закружилась головка, кровь прилила къ сердцу и она, тоже полная трепета, невыразимой радости и непонятныхъ желаній, прижала къ его груди свое пылающее личико и чуть прошептала свое «люблю». Вспомнилъ онъ, какъ тогда говорили они, клялись, дѣтски клялись любить другъ друга, вѣчно, всегда, не только до смерти, но и послѣ смерти... Вспомнилъ, какъ тогда сорвалъ онъ первый поцѣлуй и какъ долго поцѣлуй этотъ отзывался въ немъ сладостнымъ ощущеніемъ... Да, тогда эти слова,

эти клятвы, эта нѣжность возносили его на верхъ благополучія, давали ему блаженство осуществленія всѣхъ надеждъ, всѣхъ оттѣнковъ его мечты. Удовлетворяя чувству зарождающейся склонности, онѣ ласкали также и ту его преобладающую страсть, которая, внѣ его сознанія, еще въ дѣтствѣ охватывала собою всю его душу. Эта страсть—безмѣрное честолюбіе. Онъ самъ не зналъ до какой степени онъ честолюбивъ, а онъ былъ честолюбивъ именно безпредѣльно. Въ то время Гедвига давала ему все. Она удовлетворяла всѣмъ требованіямъ его мечты, всѣмъ тѣмъ требованіямъ, съ которыми онъ сроднился и которыя какъ-бы составляли часть его самого. А теперь, теперь передъ нимъ та же самая дѣвушка... Нѣтъ, еще лучше, прекраснѣе, поэтичнѣе... Отрадное воспоминаніе, сочувствіе и невыразимая привлекательность Гедвиги выводятъ его изъ себя, вынуждаютъ броситься сейчасъ передъ нею на колѣни, прижать къ своей груди и сказать: «другъ мой, родная моя! вѣдь ты моя, какъ и я твой! Осчастливь же меня, проговори мнѣ опять тѣ же завѣтныя слова любви и нѣжности, которыми когда-то ты туманила мою голову, счастливила мою жизнь...» Да! Но гдѣ же тогда будутъ его мечты?

Въ эту минуту, въ его воображеніи пронесся величавый, спокойный и хотя нѣсколько поблекшій, но все же обаятельный образъ императрицы Елисаветы; пронеслась картина его будущаго, когда онъ, волею величія, окружающаго этотъ обаятельный образъ, будетъ вознесенъ на тотъ пьедесталъ, передъ которымъ склоняется человѣчество и на которомъ, однимъ мановеніемъ руки, рѣшается судьба милліоновъ...

Онъ очарованъ этимъ минутнымъ представленіемъ своего воображенія. Да! Онъ встанетъ на этотъ пьедесталъ, не обманетъ мечты князей Зацѣпиныхъ, возстановитъ политическое значеніе своего славнаго рода. Онъ отдастъ всего себя, всѣ свои задушевныя желанія тому, что лелѣялъ въ груди своей съ дѣтства, чему посвящалъ себя, всю жизнь, всю мысль свою... На что же тогда ему Гедвига? Зачѣмъ она? Какія послѣдствія произойдутъ отъ каждаго его слова любви и нѣжности?

Подъ вліяніемъ этой минутной борьбы его помысловъ, борьбы, разившейся въ его взглядѣ, въ выраженіи лица, въ движеніи бро-

вей, онъ однако же сознавалъ, что долженъ что нибудь сказать Гедвигѣ, чѣмъ нибудь рѣшить, и рѣшить сейчасъ, сію минуту. Прибытіе ея не можетъ не стать извѣстнымъ «ей» завтра же, и тогда, что̀ «она» скажетъ, что̀ подумаетъ? Съ тѣмъ вмѣстѣ, думалъ онъ, — я долженъ, обязательно долженъ выяснить свои отношенія Гедвигѣ, долженъ сказать... Обманъ и двусмысленность не соотвѣтствуютъ имени князя Зацѣпина.

— Не упрекайте меня, Гедвига, за то, что̀ есть и чего нѣтъ въ жизни! началъ говорить онъ, выполняя, какъ онъ искренно думалъ тогда, условія требованій разума.—Отрадное воспоминаніе, охватившее меня безконечною радостью васъ видѣть, все же только воспоминаніе, а не жизнь!

— Развѣ вы ожидали отъ меня упрека? Нѣтъ, князь, вы свободны въ вашихъ чувствахъ! Ваши слова, ваши обѣщанія, ваши... она можетъ быть хотѣла сказать клятвы, но воздержалась.—Я вамъ возвратила ихъ.

Сказавъ это, она остановилась. Она чувствовала, что съ этими словами, что-то какъ-бы оторвалось отъ ея сердца, и она невольно глубоко вздохнула.

— Одно, за что бы я могла попенять вамъ, продолжала Гедвига послѣ минутнаго молчанія,—такъ это только за то, что вызовъ, сдѣланный дѣвушкой въ письмѣ, заслуживалъ какого нибудь отвѣта. Вы могли написать хотя-бы для того, чтобы уничтожить напрасныя ожиданія, напрасныя мечты... Мнѣ казалось, что я заслуживала настолько вашего участія, чтобы, въ томъ или другомъ видѣ, хоть дать мнѣ знать, что то̀, что было, то прошло...

— Не только участіе, Гедвига, но полное сочувствіе вашему положенію, полнѣйшая готовность всѣмъ въ мірѣ искупить ваши терзанія. Видитъ Богъ, ни одной минуты я не задумался бы пожертвовать жизнью, чтобы освободить васъ отъ страданій, которыя на васъ обрушились. Но, къ сожалѣнію, измѣнить что либо изъ велѣній судьбы, касающихся васъ, было не въ моей власти. Я не могъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на ходъ дѣлъ, обернувшихся столь неблагопріятно къ герцогу, вашему воспитателю, и отразившихся поэтому столь тяжко и на васъ. Между тѣмъ на мнѣ лежатъ обязанности болѣе важныя, чѣмъ личныя отношенія... Вѣдь мы оба съ

вами были еще дѣти, Гедвига; оба еще не сознавали что жизнь требуетъ не только увлеченія, но и разума! Что же я могъ вамъ написать?

— Вы правы, безконечно правы, князь съ особою живостью перебила его Гедвига. — Мы оба были дѣти, а стоитъ ли думать о дѣтскихъ планахъ и дѣтскихъ мечтахъ! Безъ всякаго сомнѣнія взрослый человѣкъ прежде всего долженъ думать о томъ, что онъ дѣлаетъ, а я, рѣшившись видѣть васъ во что бы то ни стало, объ этомъ не подумала. Я должна была понять, что ваше молчаніе въ теченіи столькихъ лѣтъ, когда уже не могло быть и рѣчи о трудности передачи письма, было самымъ краснорѣчивымъ и яснымъ отвѣтомъ на мой вопросъ. Было ясно: что то, что было прошло, а что прошло, того не будетъ вновь! Это я должна была догадаться! Не догадалась,—простите, что отняла у васъ слишкомъ много времени отъ исполненія вашихъ обязанностей...

И она встала. Ни слезинкой, ни упрекомъ не почтила она своихъ разбитыхъ надеждъ, своей восьмилѣтней мечты, въ которой она жила не иначе, какъ въ сближеніи съ ея Андреемъ; только губки ея дрогнули въ уголкахъ ея маленькаго ротика, когда она узнала что все, о чемъ она думала, о чемъ мечтала въ теченіи столькихъ лѣтъ, было ничего болѣе какъ дѣтская фантазія, было мыльный пузырь, созданный ея дѣвичьимъ воображеніемъ.

— Куда же вы, Гедвига? Что вы хотите дѣлать? Одна? ночью?... Позвольте мнѣ предложить вамъ гостепріимство. Я сію минуту пошлю къ Нащокиной, къ Трубецкой; кто нибудь изъ нихъ съ удовольствіемъ проведетъ съ вами ночь, а половина моей покойной тетушки къ вашимъ услугамъ! Потомъ, простите Гедвига, есть ли у васъ деньги? Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ сдѣлать для васъ то, что я могу для васъ дѣлать?

И онъ невольно обратился къ ней съ тѣмъ выраженіемъ искренней привязанности, которую къ ней всегда чувствовалъ.

— Мы уже чужіе, князь, отвѣчала Гедвига,—поэтому извините, что я не приму ни одного изъ вашихъ предложеній. Я не могу безпокоить васъ ничѣмъ, что не касается васъ! Одно, что я васъ прошу, это забудьте, что я живу на свѣтѣ... Я тоже постараюсь забыть... Тутъ силы измѣнили ей и слезы невольно покатились изъ глазъ. Она быстро повернулась и вышла. Андрей Васильевичъ остался одинъ,

не давая вполнѣ себѣ отчета, кто съ нимъ былъ, кого онъ видѣлъ, будто передъ нимъ мелькнуло привидѣніе...

Но то былъ для него день, лучше сказать, ночь сюрпризовъ.

Не успѣлъ онъ опомниться отъ исчезновенія Гедвиги, какъ ему опять доложили, что еще одна дама желаетъ его видѣть.

— Проси! отвѣчалъ Андрей Васильевичъ какъ-то апатично, подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыя за минуту его волновали.

Въ его гостиную вошла Леклеръ.

Съ перваго взгляда казалось, что живая, игривая француженка не перемѣнилась нисколько. Она по прежнему вбѣжала легкой походкой, съ обворожительной любезностью; по прежнему начала болтать обо всемъ, кромѣ дѣла, за которымъ пришла. Только внимательный взглядъ могъ бы замѣтить, что брови ея стали какъ-то гуще и чернѣе, что румянецъ лица какъ-то неподвижнѣе и губки будто розовѣе того, чѣмъ онѣ были. Она весело протянула руку Андрею Васильевичу.

— Не ждали, князь, не правда-ли? А узнали? Не думали?—хороши, нечего сказать! Эти ужасные, убійственные мужчины только и думаютъ о самихъ себѣ! Больше полугода возвратились въ Россію, послѣ столькихъ лѣтъ отсутствія, и хоть-бы изъ любопытства навѣстить пожаловали. Такъ что заставили меня, чтобы видѣть васъ, бросить все и броситься сюда, въ Москву, гдѣ всѣ на насъ такъ косо смотрятъ. Вѣдь это безсовѣстно! Впрочемъ вы мужчины всѣ таковы! А мы, бѣдныя женщины, за нихъ страдаемъ, о нихъ думаемъ, на нихъ надѣемся... Ну стоитъ ли?

— Жозефина! вотъ не ждалъ! Радъ васъ видѣть! Боже мой, вы все молодѣете и хорошѣете съ каждымъ днемъ.

— Смѣйтесь! Я успѣла уже совсѣмъ состарѣться! Я старуха, оставленная за штатомъ на роли благородныхъ матерей. А вы?—вы? Она безъ церемоніи дернула его за руку и оглядѣла съ головы до ногъ.—Да! Мнѣ ужъ не придется теперь учить васъ менуэту!

— За то можетъ быть захотите научить меня чему нибудь другому! смѣясь сказалъ Андрей Васильевичъ.

— Нѣтъ! Я пріѣхала учиться у васъ побѣждать сердца!

— Знаніе этой науки можетъ быть передаваемо только вами; это я на себѣ испыталъ! Ну скажите, Жозефина, кого вы теперь

образовываете? Молодой графъ Головинъ говорилъ, что вы его доводите до отчаянія своею жестокостью.

— Вотъ мужчины! Они хвастаютъ тѣмъ, чье сердце разобьютъ, и не думаютъ о томъ, сколько страданій причиняютъ они намъ!

— Да тутъ кажется вопросъ о разбитомъ сердцѣ мужчины?

— А вы не хотите вспомнить о моемъ бѣдномъ сердцѣ, отвѣчала Леклеръ смѣясь.—Не хотите вспомнить, какъ бѣдное, оставленное своимъ побѣдителемъ, оно металось и рвалось... Но не буду наскучать вамъ воспоминаніями моихъ страданій за васъ и отъ васъ! Знаю, что было бы безполезно. Я пріѣхала къ вамъ... Вы вѣдь знаете, что я дѣловой человѣкъ, поэтому пріѣхала къ вамъ по дѣлу.

— По дѣлу? вотъ какъ! Да какое дѣло могутъ имѣть дѣловые люди ко мнѣ, человѣку вовсе не дѣловому?

— Шутите, мой добрый, милый князь! Слышимъ, что ваше вліяніе, какъ говорятъ русскіе, ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

— Этого я не слыхалъ! Куда же вы бы хотѣли направить мое, какъ вы говорите, ростущее вліяніе?

— На спасеніе друга! на спасеніе страдающаго друга, который бывало оживлялъ собою все наше общество! На спасеніе того друга, который одинаково былъ способенъ исцѣлить и тѣло и душу... Вы его забыли, разумѣется, потому что человѣкъ, получающій политическое значеніе, обыкновенно забываетъ всѣхъ. Вы очень добры, что и меня вспомнили. Признаюсь, я на такую доброту вашу даже не разсчитывала и запаслась письмомъ отъ вашего парижскаго пріятеля, графа де-Шуазеля. Вотъ это письмо. Но положимъ, что вы забыли человѣка, который былъ одинъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ вашихъ почитателей. Этотъ человѣкъ теперь въ ссылкѣ, въ изгнаніи, страдаетъ...

— У меня память настолько хороша, что я угадываю о комъ вы хотите говорить, Жозефина. Я полагаю, что вы говорите о графѣ Лестокѣ! замѣтилъ Андрей Васильевичъ, распечатывая и пробѣгая письмо графа де-Шуазель, который рекомендовалъ ему Леклеръ, какъ одну изъ талантливѣйшихъ представительницъ драматическаго искусства и присовокуплялъ, что исполненіемъ ея ходатайства онъ особенно и сердечно обяжетъ преданнаго ему Шуазеля.

— я прошу о немъ! Вы знаете, что не было человѣка, кото-

рый болѣе желалъ бы вамъ достиженія того, чего вы теперь достигаете, какъ графъ Арманъ. Вы знаете, что когда случилась исторія съ Шубинымъ, то онъ руки себѣ ломалъ отъ досады, что онъ не предупредилъ ее, представивъ васъ, по его мнѣнію единственнаго человѣка, могущаго стоять на высотѣ своей задачи. Помогая ему, вы поможете человѣку вамъ болѣе чѣмъ преданному!

— Вѣрю вамъ; но скажу откровенно, что тутъ трудно будетъ что нибудь сдѣлать. Кромѣ его политики, которую нельзя же одобрить,—кромѣ того, что онъ вызывалъ опасеніе за самое начало власти, опасеніе возмутителя и возмутителя опаснаго, какъ это доказалъ уже опытъ, Лестокъ умѣлъ еще стать виновнымъ въ личныхъ преступленіяхъ противъ величества, а такого рода преступленія не прощаются.

— Да, если прощеніе испрашивается не такими лицами, которымъ нѣтъ отказа. А я по себѣ знаю, легко ли вамъ отказать! Послушайте, мой дорогой, мой любезный князь! Ужъ если вы вступаете на политическую арену свѣта, то разумѣется не можете не принять какой нибудь общей программы. Я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы думать, что вы упустили это изъ виду. Изъ чего-же можетъ состоять такая программа? Политика Россіи въ настоящее время ясна. Она распадается на два противоположные пути. Союзъ съ Австріею противъ Франціи, или союзъ съ Франціею противъ Австріи. Вы естественно не можете стоять за нѣмцевъ, стало быть ваша программа стоять за союзъ съ Франціею. А идеѣ союза съ Франціею самый вѣрный слуга Лестокъ, сосланный и изгнанный, тогда какъ противникъ его, представитель желаній союза съ Австріею, Бестужевъ-Рюминъ, стоитъ во главѣ управленія... Я женщина, мой безцѣнный князь, и разумѣется не смѣю вмѣшиваться, не смѣю учить, да вы меня бы и не послушали; тѣмъ не менѣе, при всей своей неопытности, я думаю, что становясь на политическую почву, вы не можете сойтись съ Бестужевымъ. Вамъ нужно стереть его! А для этого Лестокъ опять вамъ будетъ вѣрный помощникъ, не только какъ его естественный противникъ, но и какъ личный врагъ, который не забудетъ никогда, что за добро, которое Лестокъ ему сдѣлалъ, Бестужевъ заплатилъ зломъ. Такимъ образомъ изъ всего выходитъ, что, прося за Лестока, вы будете просить не только для него, но и для себя!

— Боже мой, какой вы тонкій дипломатъ, Жозефина! Я и не подозрѣвалъ въ васъ такихъ способностей, смѣясь проговорилъ Андрей Васильевичъ.—А почему вы думаете, что я не могу стоять за нѣмцевъ? Вѣдь для меня не могутъ быть особенно дороги ни французскіе, ни австрійскіе интересы. Я долженъ думать объ интересахъ русскихъ, которые иногда могутъ идти прямо въ разрѣзъ съ французскими.

— Этого не можетъ быть, мой дорогой князь, потому что Франція и Россія два великія государства, которымъ нечего отнимать другъ у друга и не въ чемъ одно другому завидовать. Завидовать Россіи, какъ завидуютъ они Франціи, могутъ только нѣмцы. Это первое. А второе, если-бы вы могли когда либо стоять за нѣмцевъ, я инстинктивно не могла бы васъ такъ любить, какъ я васъ любила! Вы французъ, мой добрый князь, французъ по воспитанію, по складу вашего ума, по взглядамъ. Вы жили въ нашей прекрасной Франціи, а кто тамъ жилъ, не любить ее не можетъ!

— Развѣ потому! А можетъ быть и потому Жозефина, что первая женщина, которую я любилъ, была, какъ вы вѣроятно не забыли, француженка! шутливо отвѣчалъ Андрей Васильевичъ.—И такъ, по вашему, Жозефина, я долженъ хлопотать о возстановленіи вліянія человѣка, который хотя для меня ничего не сдѣлалъ, но, по вашему увѣренію, хотѣлъ сдѣлать; такъ ли?

— За то, повѣрьте, безцѣнный другъ, сдѣлаетъ! А васъ проситъ о немъ женщина, беззавѣтно вамъ преданная и которой нѣкогда и вы оказывали ваше расположеніе. Притомъ, скажу вамъ: графъ Арманъ человѣкъ съ золотымъ сердцемъ и невѣроятно подвижнымъ умомъ. Государыня, которую я видала только со сцены, стало быть могу судить о ней лишь по общимъ разсказамъ, обладаетъ весьма мягкимъ и добрымъ сердцемъ. Поэтому я убѣждена, что, уступивъ вліянію враговъ Лестока и удаливъ его, она будетъ рада слышать ходатайство за него, особливо когда это слово ходатайства будетъ сказано человѣкомъ, который... который... ну, неотразимость вліянія котораго я испытала на себѣ... Послушайте, князь, мой добрый, дорогой князь, ради мольбы оставленной вами женщины, ради будущихъ услугъ, которыя вамъ графъ Арманъ непремѣнно окажетъ, наконецъ, ради вашей доброты и любезности, — вспомните о нашемъ бѣдномъ Лестокѣ, помогите ему!

— Ради столь важныхъ государственныхъ причинъ, высказываемыхъ столь прекраснымъ устами, и столь убѣдительной просьбы нѣкогда чаровавшихъ меня глазъ, рѣшилось попытать счастія, но не ручаюсь за успѣхъ...

— Успѣхъ будетъ, это несомнѣнно! и нашъ графъ Арманъ опять оживитъ собою наше общество... Однакожъ я засидѣлась, ужъ поздно, слышите — часъ! прибавила Леклеръ, лѣниво поднимаясь съ кресель и думая, не захочетъ ли онъ удержать ее по старой памяти. Но, увы! онъ не захотѣлъ удерживать ее, не смотря на то, что глаза Леклеръ изъ-подъ подкрашенныхъ рѣсницъ метали искры.

— И такъ, вы обѣщаете? спросила она, подавая руку на прощанье.

— Попытаться, только попытаться, не болѣе, отвѣчалъ Андрей Васильевичъ, провожая Леклеръ до аванъ-зала.

Но эта ночь, какъ мы уже сказали, была для него ночью сюрпризовъ. Возвращаясь назадъ съ проводовъ Леклеръ, въ дверяхъ у своей лиловой гостиной онъ встрѣтилъ стоящаго на колѣняхъ человѣка, который, при его входѣ, палъ ницъ и поцѣловалъ его сапогъ.

Это было такъ неожиданно, что Андрей Васильевичъ даже вздрогнулъ. Не сообразилъ онъ того, что тѣ, которые хотятъ убить или ограбить, не цѣлуютъ сапоговъ. Онъ какъ-то разсѣянно спросилъ:

— Кто вы? что вамъ угодно?

Оказалось, что передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ Ермилъ Карпычъ.

— Что такое, что съ вами? спросилъ Андрей Васильевичъ.—И какъ вы попали сюда въ это время?

Андрей Васильевичъ опять не сообразилъ, что во первыхъ, золотой ключъ, какъ говорятъ, отпираетъ всѣ двери; а у Ермила Карпыча былъ такой золотой ключъ, стало быть не было ничего удивительнаго, что въ какое бы то ни было время, онъ могъ куда бы то ни было пробраться; во вторыхъ, что самое положеніе Ермила Карпыча, на колѣняхъ въ дверяхъ, указывало въ немъ просителя, самаго униженнаго просителя.

И какая разница была между Ермиломъ Карпычемъ, сидѣвшимъ въ его петербургскомъ домѣ въ венеціанской гостиной, на золотой парчѣ, и философствовавшимъ передъ его покойнымъ дядей о томъ

что денежки беречь нужно, что онѣ должны расти какъ зерно въ землѣ, и приносить своему хозяину свой ростъ,—и Ермиломъ Карпычемъ, стоящимъ на колѣнихъ передъ дверьми другой его лиловой гостиной въ его домѣ въ Москвѣ, куда онъ могъ пробраться въ такое время, ясно только раздавая, что можно, и швейцарамъ, и офиціантамъ, и комнатнымъ, и камердинерамъ...

— Ваше княжеское высокопревосходительство, началъ Ермилъ Карпычъ,—не оставьте вашею великою милостью, помогите...

— Что случилось съ вами? И развѣ не было у васъ другаго времени?

— Не было, высоко-графскій князь! только теперь... я и осмѣлился. Думаю, авось, по старой памяти покойнаго дядюшки... Ко мнѣ очень, очень милостивъ покойный былъ, да и вашему сіятельству, видитъ Богъ, постаралось...

— Да встаньте по крайней мѣрѣ! садитесь же! сказалъ Андрей Васильевичъ, садясь въ первое попавшееся кресло и указывая Ермилу Карпычу табуретъ.—Ну-съ, что же такое случилось, что вы не могли ко мнѣ явиться съ вашею просьбою иначе, какъ ночью?

— Я въ тюрьмѣ сижу, высокородный сіятельный милостивецъ, въ тюрьмѣ за тремя замками; четверо часовыхъ караулятъ меня. И днемъ никакъ нельзя уйти, того и гляди, что спросятъ, и тогда такая катавасія подымется, что хоть святыхъ вонъ выноси.

— Въ тюрьмѣ? за что?

— По злобству злыхъ людей, высокородный милостивецъ, только по одному завидующему злобству! Молились мы Богу, по нашему, по старинному, никому-то мы не мѣшали, никого не трогали. Какъ вдругъ, ни за что, на насъ князь Яковъ Петровичъ взъѣлся; говоритъ: народъ смущаемъ. А чѣмъ смущаемъ? У него дѣвушка жила, такъ, приживалка какая-то, говоритъ, будто родственница съ лѣвой стороны. Можетъ и такъ! Отецъ-то Якова Петровича любилъ покойникъ того... да не въ томъ дѣло! Эта дѣвушка и просвѣтилась свѣтомъ истины, узрѣла силу благодати, вошла въ нашу общину доброй волей, даже посильный взносъ отъ себя сдѣлала. Ну благодать Божія и осѣнила ее. Она отяжелѣла. Въ чемъ же я тутъ виноватъ? что же тутъ сдѣлала наша община? Говорятъ: вредный человѣкъ;

спрашивают: гдѣ ребенокъ? Въ ребенкѣ была благодать и онъ пострадалъ за грѣхи міра; опять же я тутъ не причина!

— Я-то тутъ причемъ же, спросилъ Андрей Васильевичъ,—что я могу сдѣлать?

— Да если высоко-княжескій господинъ скажетъ только одно словечко, не то Александру Ивановичу, а хоть Якову Петровичу, что въ синодѣ порядки новые заводить, то все дѣло сейчасъ-же прахомъ станетъ. Всякій возьметъ, что ему нужно; а напрасно тянуть—разуму не будетъ; будутъ знать, что покровитель есть... А ужъ я-то бы для вашего княжескаго сіятельства пару такихъ птицъ подстрѣлилъ, что только на диво міру показываютъ. Дядюшка вашъ покойный очень любилъ такихъ, свѣженькихъ, молоденькихъ... все дичью называть изволили; шутникъ были большой!

— Ну я не въ дядюшку и за дичью не гоняюсь! улыбаясь отвѣтилъ Андрей Васильевичъ.—Но послушай, Ермилъ Карпычъ, дѣло разумѣется не мое. Я съ своей стороны думаю, что молись всякій, кто какъ умѣетъ и какъ кому совѣсть подсказываетъ. Но молитва молитвой, а обманъ обманомъ. Коли вы, вмѣсто молитвы, обманываете грубый и несвѣдущій народъ, и въ обманахъ своихъ доходите даже до злодѣйства, какъ ты вотъ самъ же тутъ о ребенкѣ высказалъ, то, согласись, что прекратить такой обманъ уже не то что совѣсти людской въ молитвѣ коснуться, а значитъ—злодѣйское дѣло остановить. Я не знаю, въ чемъ ваша старинная вѣра состоитъ; не знаю, какіе порядки вы тамъ между собою наблюдаете; но уже изъ твоихъ словъ вижу, что князь Яковъ Петровичъ Шаховской, близко зная дѣйствительную сторону вашего исповѣданія по своей побочной родственницѣ, совершенно правъ, что началъ противъ васъ преслѣдованіе. Я не прочь тебѣ помочь въ чемъ могу, но стоять за то, чего не можетъ допустить никакое общество, ужъ разумѣется не стану.

— Да помилуйте же ваше княжеское высокопревосходительство! Мы не токмо что тамъ какое злодѣяніе, мы и молельню-то совсѣмъ сломаемъ и общину распустимъ. Намъ только-бы дѣло-то прекратить, а то пристрастіемъ ужъ очень пугаютъ. Ну, разумѣется, сколько въ силахъ отплачиваемся, да вѣдь скоро ужъ и силъ не станетъ. Окажите благодѣяніе, будьте милостивцемъ!

И Ермилъ Карпычъ съ табурета снова бухнулъ въ ноги.

— Полноте, полноте, не кланяйтесь! На этомъ основаніи, т. е. чтобы никакой тамъ секты, никакой молельни не было, а всѣ бы жили просто, по христіанскому закону, я согласенъ поговорить и съ Александромъ Ивановичемъ, и съ Яковомъ Петровичемъ. Государыня прошлое проститъ. Она милостива; но съ тѣмъ, чтобы это не повторялось. Понимаешь, Ермилъ Карпычъ? Если же потомъ опять дойдетъ жалоба, пеняй на себя!

Ермилъ Карпычъ началъ кланяться и благодарить, а самъ думалъ: «Господи, какой дуракъ! даромъ обѣщаетъ! А я двадцать пять тысячъ самыми новенькими рублевиками ему приготовилъ, чтобы только дѣло-то какъ нибудь кончить; а то важное дѣло—молельня. Мы новую устроимъ! Не понимаетъ онъ того, что мы, кому чѣмъ слѣдуетъ, кланяемся, и въ Петербургѣ, и здѣсь кланяемся, слова не говоримъ. А тутъ грѣхъ такой приключился, на дурака попали, никакихъ денегъ не береть! Ну да одинъ дуракъ сгубилъ, а кажется, дастъ Богъ, другой выручитъ. О-охъ, грѣхи, грѣхи!»

И Ермилъ Карпычъ, разсуждая такимъ образомъ, съ чувствомъ удовольствія подарилъ золотой елисаветинскій рубль комнатному, который его пропустилъ, обѣщая, коли дѣло его кончится, еще два такихъ же подарить, а встрѣтивъ камердинеровъ Андрея Васильевича, одного француза и другаго, знакомаго намъ, Ѳедора, подарилъ первому пять, а второму три рубля,—дескать напомните обо мнѣ барину: дѣло кончится, забыты не будете! А почему онъ напоминаніе французское оцѣнилъ въ пять, а русское только въ три рубля,—это уже было дѣло Ермила Карпыча; должно быть отъ того, что французское увѣсистѣе, сильнѣе дѣйствуетъ.

Послѣдній сюрпризъ, который получилъ въ эту ночь князь Андрей Васильевичъ, заключался въ поданномъ ему его камердинеромъ французомъ, приглашеніи къ государынѣ завтра пораньше утромъ. Приглашеніе это, доставленное не въ обычное время, было написано ею собственноручно, и въ немъ было столько милости, столько душевной довѣренности, что Андрей Васильевичъ, счастливый, довольный, вошелъ въ свою спальню и, приказывая поставить будильникъ на шесть часовъ, даже и не вспомнилъ ни о Гедвигѣ, ни о Леклеръ, хотя нѣкогда... Ну да мало-ли что было нѣкогда?

На другой день, въ семь часовъ утра, Андрей Васильевичъ былъ уже въ лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ останавливалась государыня. Говорили, что государыня этотъ день назначила для отъѣзда въ Петербургъ, поэтому раннее приглашеніе было не удивительно. Страннѣе казалось то, что государыня приказала ни о комъ, кромѣ Андрея Васильевича, даже не докладывать.—Что это такое? Зачѣмъ бы? Даже когда государыня принимала Разумовскаго, то не отдавала такихъ приказаній. А тутъ еще въ послѣдній день передъ отъѣздомъ! И хотя Бестужевъ приносилъ важныя бумаги изъ иностранной коллегіи, но такъ и уѣхалъ, не видавъ государыни.

Андрея Васильевича государыня приняла еще въ утреннемъ костюмѣ, сдѣланномъ изъ голубой кашемировой шали, обшитой кружевами, въ голубыхъ же бархатныхъ ботинкахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ и такъ рельефно выдававшихъ на пунцовомъ коврѣ ея маленькую, изящную ножку.

Елисавета, не смотря на свои 36—37 лѣтъ, была еще увлекательно хороша. Нѣкоторая полнота, обозначавшаяся въ ея миловидномъ кругломъ лицѣ, разумѣется измѣнила тотъ игривый, веселый типъ любезной дѣвушки, отъ котораго нѣкогда приходили въ восторгъ всѣ посланники, и обратила ее въ величественную, прекрасную даму, добрые, голубые глаза которой смотрѣли отрадно, привѣтливо; тонкія губы ея улыбались свѣтло и радостно, а густая, каштановая коса, хотя и напудренная слегка и поднятая вверхъ по французской модѣ, весьма и весьма могла напомнить собою ея чудную косу, «красной дѣвицы красу!» Андрей Васильевичъ съ чувствомъ удовольствія и внутренней гордости взглянулъ на величественный типъ прекрасной женщины, положеніе которой, какъ государыни и самодержицы всея Россіи, невольно кружило ему голову. Онъ чувствовалъ, что эта женщина всею душою своею предана ему, что она смотритъ на него, какъ на оракула, что видитъ единственно въ немъ человѣка, въ которомъ можетъ найти опору и помощь во всѣхъ случаяхъ жизни, имѣющихъ государственное значеніе.

— Я просила васъ къ себѣ, князь, не какъ подданнаго, а какъ друга, начала говорить государыня своимъ густымъ, но чрезвычайно симпатичнымъ голосомъ, напоминавшимъ ея нѣкогда веселый

смѣхъ въ комнатахъ влюбленнаго въ нее племянника, императора Петра II, предлагая ему занять мѣсто на канапе противъ ея кресла.—Не откажитесь помочь мнѣ и словомъ, и дѣломъ. Въ чемъ это дѣло—я и сама не понимаю; но понимаю то, что это нужно раскрыть, разъяснить; что съ этимъ тѣсно связано не только мое спокойствіе и безопасность, но и спокойствіе всего государства.

— Государыня, отвѣчалъ Андрей Васильевичъ, цѣлуя протянутую ему руку и садясь на указанное канапе.—Если преданность можетъ замѣнять искусство, то вы найдете во мнѣ самаго искуснаго исполнителя вашихъ повелѣній.

— Въ вашемъ искусствѣ не можетъ быть сомнѣнія. Вопросъ исключительно касается только вашего желанія. Цари и повелители народовъ, къ числу которыхъ привлекла судьба и меня, постоянно подчиняются одному закону—быть обманываемыми. Они не слышатъ или почти никогда не слышатъ правды. Эту же участь испытываютъ всѣ женщины вообще. Ихъ тоже обманываютъ всегда, даже въ самыя торжественныя минуты ихъ жизни. Я—самодержавная императрица и женщина, стало быть, подвергаюсь двойному обману отъ всѣхъ. Достанетъ ли у васъ силы воли стать выше этого общаго стремленія, можно сказать, даже страсти къ обману, и, раскрывъ дѣло, представить его мнѣ именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть?

— Всемилостивѣйшая покровительница, отвѣчалъ Андрей Васильевичъ;—хотя мое воспитаніе мнѣ довелось оканчивать во Франціи, но, какъ русскій въ душѣ, я, говоря съ своею государынею, имѣю полное право сказать «нѣсть лести во языцѣ моемъ!»

Да, Андрей Васильевичъ имѣлъ право это сказать. Въ языкѣ его не было лести; но лесть была въ его глазахъ, въ выраженіи лица и въ самой позѣ, глубоко-почтительной, свѣтски-свободной, съ тѣмъ вмѣстѣ какой-то вызывающей, будто высказывающей безпредѣльную преданность.

— Если такъ, то вы во мнѣ встрѣтите тоже все, чего только можете отъ меня ожидать. Не знаю, найду ли я въ груди своей столько чувства, чтобы отблагодарить васъ какъ женщина, но знаю, что, какъ государыня, я буду въ силахъ поставить васъ столь высоко, насколько эта высота можетъ удовлетворить ваши ожиданія.

Моя просьба: спасите меня вашею правдою, княязь; разъясните мнѣ то положеніе, которое меня томитъ, меня смущаетъ. Скажите мнѣ, что это такое: случайность, интрига или просто обманъ? Раскрыть это мнѣ необходимо.

— Все, что изволите приказать, всемилостивѣйшая государыня! Видитъ Богъ, не пожалѣю себя, чтобы сдѣлать все, что можетъ васъ успокоить.

— Вы знакомы съ положеніемъ моего двора? Мы много разъ говорили съ вами о томъ противорѣчіи взглядовъ, которое я встрѣчаю въ окружающихъ меня. Первое, что, признаюсь, меня существенно безпокоитъ и смущаетъ, — это, что мой племянникъ и наслѣдникъ просто помѣшанъ на прусскомъ королѣ. Въ немъ, и только въ немъ, онъ видитъ образецъ всѣхъ добродѣтелей. Кажется, и государство, и меня, и самого себя отдалъ бы онъ ему, по одному его слову. Не говорю о томъ, въ какой степени это несоотвѣтственно внуку Петра Великаго, наслѣднику русскаго престола; но не могу не сказать, что это имѣетъ на моихъ приближенныхъ неотразимое вліяніе. Оно, вы знаете, выразилось чуть не заговоромъ, по крайней мѣрѣ, весьма энергическими дѣйствіями партіи, желавшей, для охраны прусскихъ интересовъ, пожертвовать мною. Они хотѣли, ни болѣе, ни менѣе, какъ заставить меня отказаться отъ престола въ пользу племянника. Мнѣ удалось заблаговременно остановить такого рода зловредные замыслы. Но при этомъ я имѣла случай убѣдиться, что не могу положиться на самыхъ близкихъ мнѣ людей. Даже Воронцовъ получаетъ отъ прусскаго короля пенсію. Дѣло, впрочемъ, не въ немъ. Двое изъ лицъ, которымъ поневолѣ я должна предоставить наибольшую долю власти, находятся въ явной между собою враждѣ и ищутъ всевозможные способы подвести одинъ другаго. Противъ нихъ нѣтъ ничего явнаго, что могло бы заставить меня въ чемъ нибудь ихъ подозрѣвать, хотя, по своей взаимной враждѣ, они постоянно обвиняютъ одинъ другаго въ самыхъ непозволительныхъ поступкахъ. Трубецкой, напримѣръ, явно говоритъ, что я и государство проданы Бестужевымъ австрійскому дому; а Бестужевъ въ каждомъ докладѣ своемъ старается доказать, что Трубецкой рѣшительно торгуетъ правосудіемъ, и что,

— Цѣль можетъ быть одна. Его настоянія отпустить брауншвейгскую фамилію, его постоянное желаніе направлять политику Россіи въ разрѣзъ политикѣ Франціи и Пруссіи, даже его участіе въ этомъ негодяѣ Боттѣ, — все это клонится къ одному — къ австрійскимъ интересамъ.

— Но, ваше величество, вѣдь это была бы подлость безмѣрная, измѣна отечеству! Какъ поднимать возмущеніе для того только, чтобы дискредитировать своего соперника. Подозрѣвать въ этомъ канцлера...

— Я никого ни въ чемъ не подозрѣваю, никого ничѣмъ не дискредитирую. Я хочу только узнать: дѣйствительно ли хищничество и несправедливость внутренняго управленія вызываютъ безпорядки, или эти безпорядки — результатъ внѣшнихъ интригъ, имѣющихъ вліяніе на моего канцлера? Она помолчала съ минуты и продолжала: — Вотъ, князь, задача, которую налагаетъ на васъ государыня и женщина. Если, съ одной стороны, дѣйствительно у кормила власти стоитъ человѣкъ, который думаетъ только о томъ, какъ-бы возвратить брауншвейгцевъ съ ихъ императоромъ Іоанномъ, ради того, что таковый возвратъ вполнѣ обезпечиваетъ интересы Маріи-Терезіи; а съ другой стороны, если интересы моего государства ввѣрены мною человѣку, который своими неправдами вызываетъ ко мнѣ ненависть, такъ какъ Бестужевъ доставилъ мнѣ собраніе донесеній, которыя вы читали, и изъ которыхъ видно, какой хаосъ и неправда происходитъ въ моемъ государствѣ, а Трубецкой объясняетъ, что виною этого безпорядка самъ же Бестужевъ, — то кому же вѣрить? гдѣ искать правды? Мое сердце указало мнѣ на васъ. Разрѣшите мнѣ эту задачу, князь. Ваши имѣнія во многихъ мѣстахъ соприкасаются съ мѣстностями, занятыми мордвою. Зацѣпинскъ одинъ изъ такихъ городовъ, куда мордва привозитъ свои произведенія. Поѣзжайте, узнайте въ чемъ тутъ дѣло, гдѣ правда? И вамъ будетъ сердечно благодарна и государыня, и женщина. Я вамъ представляю полную мочь, требуйте войска для вашей безопасности, распоряжайтесь смѣною лицъ, которыя вамъ представятся неблагонадежными, дѣлайте все, что вамъ скажутъ вашъ разумъ и сердце, — только донесите мнѣ правду, одну правду.

Разумѣется, Андрею Васильевичу оставалось только заявить, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы оправдать довѣренность государыни и заслужить ея милость.

— Все, что вы хотите, требуйте отъ меня тогда! Вы не думайте, чтобы я не чувствовала лишенія, отпуская васъ. Напротивъ, я, можно сказать, отрываю васъ отъ сердца. Вы единственный человѣкъ, отъ котораго я могу принять совѣтъ, передъ кѣмъ я могу раскрыть свое горе. Но личныя чувства свои я считаю необходимымъ принести въ жертву обязанностямъ государыни. Къ тому же я надѣюсь, что вамъ не потребуется для исполненія моего порученія много времени. И я рѣшаюсь, опять скажу, потому что повѣрить могу только вамъ.

Какъ ни былъ Андрей Васильевичъ отвлеченъ разсмотрѣніемъ порученія, даваемаго ему императрицею, но успѣлъ однакожъ сказать ей нѣсколько словъ о Лестокѣ.

— Мы это обсудимъ вмѣстѣ, по вашемъ возвращеніи, отвѣчала она.—Не могу не согласиться съ вами, что Бестужеву во всякомъ случаѣ необходимъ противовѣсъ; но еще предстоитъ рѣшить: нуженъ ли Бестужевъ?

Этими словами государыня его отпустила, допустивъ къ цѣлованію обѣихъ рукъ, т. е. своихъ полненькихъ, маленькихъ, кругленькихъ, бѣленькихъ съ розовыми ноготками, хорошенькихъ ручекъ...

V.

Баронъ Черкасовъ.

Тѣмъ самымъ вечеромъ, который мы назвали, въ разсужденіи князя Андрея Васильевича, днемъ или, правильнѣе ночью сюрпризовъ и наканунѣ дня, когда императрица Елисавета Петровна столь откровенно высказала передъ нимъ свои мысли, возлагая на него важное государственное порученіе, баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и заканчивалъ бумаги, которыя государыня спѣшно приказала приготовить и держать въ особой тайности.

Баронъ Иванъ Антоновичъ былъ человѣкъ уже не молодой, лѣтъ

эдакъ пятидесяти пяти, съ небольшою лысинкою и коротко подстриженными сѣдоватыми волосами, на которые въ парадные дни онъ надѣвалъ парикъ.

Онъ всякій день благодарилъ Бога за то, что Богъ его такъ устроилъ; особенно благодарилъ, когда думалъ о томъ, что онъ есть, и вспоминалъ, чѣмъ онъ былъ.

Правда, онъ достигъ всего своимъ примѣрнымъ трудолюбіемъ, усидчивостью, а главное скромностью и безупречною честностью; но все-таки безъ воли Божіей, ничего бы не могло выйти.

Особенно отрадно было ему думать объ этомъ, когда онъ вспоминалъ всѣ понесенные имъ труды, преодолѣнныя искушенія и претерпѣнныя невзгоды.

Поступилъ онъ на службу въ посольскій приказъ младшимъ подкопіистомъ. Тамъ и отецъ, и дѣдъ его цѣлый вѣкъ служили копіистами, а дядя—тотъ и по сіе время служитъ подкопіистомъ. Жалованья было три алтына на недѣлю, а работы часовъ одиннадцать на день. Изволь тутъ справляться и отцу помогать.

Мальчикъ онъ былъ тихій, послушный, смирный; принялся за работу усердно. Сидитъ себѣ бывало да пишетъ, и за отца, и за дядю, и за себя, все пишетъ,—кто бы что ни далъ. Переписывалъ онъ хорошо, старательно и безъ ошибокъ; бумаги даромъ не портилъ. Ясно, что его на службѣ полюбили. Вотъ для начала ему прибавили жалованье, выдали награду, потомъ повысили; наконецъ сдѣлали копіистомъ и женили на дочери тоже какого-то копіиста или подкопіиста. Все шло какъ по маслу; живи себѣ съ миромъ, пока не умрешь; развѣ если начальство будетъ ужъ очень довольно, то въ протоколисты произведетъ. А тогда, само собой, и рюмку водки иногда выпить можно будетъ, и имянины или крестины справить, и товарищей позвать. Тогда и умрешь, такъ будетъ похоронить на что. Ну а до тѣхъ поръ держи зубы на полкѣ и учи жену гречневую кашу варить, коли крупа есть.

Такъ жилъ его отецъ, его дѣдъ и, надо думать, прадѣдъ, и всѣ Черкасовы, ибо испоконъ вѣку всѣ въ копіистахъ, да подкопіистахъ въ посольскомъ приказѣ служили; въ протоколисты никто не попадалъ. Вотъ дядя—тотъ и теперь такъ же живетъ и служитъ; только его и въ копіисты не производятъ, а все держатъ чуть не съ полвѣка

въ старшихъ подкопiистахъ; да нравъ у него крутой, языкъ за зубами держать не умѣетъ, какое же тутъ производство будетъ?

И такъ, выше званія копiиста Черкасовы не доходили; правда и то, коли отецъ копiистъ, такъ сыну не дьякомъ же, по старому, или по новому—не секретаремъ же быть?

Только вотъ, во время самаго разгара шведской войны потребовались великому государю писцы; велѣлъ онъ Шафирову выбрать изъ приказа понадежнѣе и прислать къ арміи. Въ число выбранныхъ попалъ и Иванъ Антоновичъ, которому и къ женѣ сходить проститься не дали, а прямо изъ присутствія да на подводы. Понравился государю его почеркъ, понравились его исправность и смиреніе, онъ и перевелъ его изъ посольскаго приказа въ свою собственную канцелярію.

Тутъ жалованья было побольше, а работы пожалуй поменьше, но куда не въ примѣръ труднѣе. Государь былъ неутомимъ и нетерпѣливъ. Пришлетъ бывало записку листовъ этакъ въ шесть, «переписать дескать скорѣй, нужное», да черезъ часъ и шлетъ: «готово-ли»? А пока эту записку пишешь, государь собственноручно три другія приготовитъ, и все нужныя, и всѣ подавай сейчасъ! Какъ знаешь тутъ, такъ и управляйся!

Пролѣниться или прогулять работу подъ надзоромъ Петра, «и думать не моги!» А ошибешься въ чемъ или дѣло не въ порядкѣ поведешь, пеняй на себя! А у государя, не говоря о чемъ прочемъ, и дубинка всегда близко была.

— Ну да ничего, вспоминаетъ Иванъ Антоновичъ,—«служили не тужили и государя не гнѣвили». Руки отъ работы не отваливались и сами мы ни въ чемъ не провинились. Разумѣется всѣ усилія прилагали, и ни о чемъ другомъ, кромѣ воли царской, не думали, не то что нынѣшняя молодежь, которая работу въ руки возьметъ, а глазами воронъ считать начнетъ! За то государь и окладъ возвысилъ, и своею милостью не оставлялъ; жаловаться грѣхъ было, хотя подъчасъ и очень жутко приходилось.

— И милостивъ ко мнѣ сталъ въ Бозѣ почившій, не по заслугамъ милостивъ, особенно съ тѣхъ поръ, — вспоминалъ Иванъ Антоновичъ, — когда узналъ, что отъ меня никакой тайности выпытать

не можно, и что кто другой тамъ, а ужъ я не продамъ, не выдамъ, ни за царствіе небесное.

Случай такой тутъ подошелъ и ему пришлось увѣриться. Входитъ это къ намъ въ канцелярію князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Онъ заготовлялъ провіантъ для арміи и вѣдомость царю о заготовленныхъ предметахъ представилъ. На этой вѣдомости царь собственноручныя резолюціи положилъ и велѣлъ мнѣ переписать. Я сѣлъ переписывать, а государю куда-то понадобилось, онъ и уѣхалъ. Когда воротится никто не зналъ.

Вотъ это вошелъ князь въ канцелярію да прямо ко мнѣ, вспоминаетъ Иванъ Антоновичъ.

— Тебѣ, Черкасовъ, государь подалъ мою вѣдомость съ своими отмѣтками? Подай ихъ сюда!

— Власть ваша, ваше сіятельство, а подать и даже показать не могу,—присягу держалъ, все что узнаю, или увижу, или отъ государя получу, держать въ тайности, и никому, кромѣ самаго государя, не выдавать и не показывать.

— Да я для государевой же пользы, глупый! сказалъ князь.

— Не смѣю въ томъ сомнѣваться, ваше сіятельство, только дѣло это не мое! По присягѣ, безъ царскаго указа, ни показывать, ни говорить не смѣю. Извольте у государя спросить.

— Да его въ Москвѣ нѣтъ, олухъ, понимаешь! а дѣло спѣшное. Въ убытокъ большой введешь.

— Опять же это дѣло, ваше сіятельство, меня не касается. Можетъ прибыль, можетъ убытокъ будетъ. Мое дѣло держать въ тайности все, что государь мнѣ отдалъ и что велѣлъ въ тайности сберегать!

— Фу дуракъ какой! сказалъ съ досадою князь Яковъ Ѳедоровичъ. — Заладилъ одно: «дѣло не мое, да дѣло не мое». Я тебѣ письменный приказъ напишу, стало быть, я и въ отвѣтѣ буду.

— Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, зачѣмъ вамъ безпокоиться и въ отвѣтѣ быть? Безъ царскаго указа ни въ жизнь не соглашусь, ни по чьему приказу. Власть ваша! Хоть въ могилу заройте, не могу! Пусть государь прикажетъ, все что угодно отдамъ и самъ перепишу; но пока онъ не сказалъ, ни за что!

Яковъ Ѳедоровичъ разговаривать не сталъ, разсердился страшно;—да мнѣ что дѣлать-то было?

Только на этомъ дѣло не кончилось. Прислалъ онъ мнѣ этотъ приказъ за своими подписями и печатью и велитъ выдать копію съ этой вѣдомости и резолюцій государя какому-то жидку-подрядчику.

Жидъ началъ дѣло съ подходцемъ.

— Вижу, васе высокоблагородіе, большія маетности маете?

— Какія маетности? отвѣчалъ я,—у меня и въ жизнь мою ничего не бывало.

— Что-же, это все равно; коли маетностей не маете, такъ за службу жалованье вѣрно большое и награды всякія получаете? Одинокому человѣку какъ не жить.

— Ну жалованье получаю, жаловаться грѣхъ, и наградами не обходятъ.

— Такъ, почитай, васе высокоблагородіе, всякій годъ большіе остатки есть! Вамъ однимъ куда прожить.

— Какіе остатки? такъ изо-дня въ день перетягиваешь. Изъ жалованья-то остатки? Ахъ ты жидъ! Да и кто тебѣ сказалъ, что я одинъ? У меня жена, дочь, и еще сынъ недавно родился.

— О, вей миръ, тяжело тогда, тяжело! Съ дѣтьми много возиться нужно; много тратить; да и беречь нужно, чтобы на черный день что имъ припасти.

— До сбереженій ли тутъ; хотя-бы поднять-то какъ Богъ далъ.

— Ну Богъ не безъ милости! На вашемъ же мѣстѣ, да какъ же чтобы дѣтей не поднять. Простите, ваше высокоблагородіе, что я, простой, честный еврей, такое разсужденіе имѣть себѣ дозволяю и такіе вопросы дѣлаю. Большіе геданки вы по вашей должности получать изволите?

— Геданки? за что? Моя должность вѣдь не воеводская или не хозяйственная какая, чтобы мнѣ гешенки, да геданки получать? Я вѣдь только переписываю! Скажутъ—перепиши, вотъ хоть-бы приказъ, чтобы Шмуля или—какъ васъ зовутъ?—повѣсили, я и перепишу; ни отмѣнить, ни перемѣнить, ничего не могу. За что же вамъ мнѣ гешенкъ дѣлать?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, да какъ же? А если вы, какъ переписывать-то станете, Шмулю или хоть бы мнѣ на ушко шепнете: завтра дескать тебѣ на воздухѣ ногами болтать суждено,— вѣдь Шмуль разумѣется забьется туда, что его и въ три вѣка не

найдутъ, а васъ, спасителемъ жизни своей почитать будетъ и разумѣется отъ всего сердца поблагодарить будетъ готовъ. Да и случаи бываютъ разные. Напримѣръ: цѣну знать на что нибудь, утвержденную послѣднюю цѣну, для комерческаго человѣка всегда пріятно... Вотъ я вамъ привезъ приказъ, подписанный княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ, чтобы мнѣ вѣдомость выдать. Отвѣтъ передъ государемъ князь на себя береть, стало быть, забота не ваша, а все, дадите вы мнѣ эту вѣдомость, я пятьсотъ рублей сейчасъ геданкомъ поднесу! Да и другія, прочія, разныя дѣла бываютъ, всякому любопытно знать...

— Да! А такъ какъ я, не смотря на подписанный княземъ указъ, вѣдомости показать не могу, то тебѣ кланяться мнѣ геданкомъ будетъ не за что! Да и по другимъ дѣламъ тоже, коли я присягу принималъ, чтобы ни женѣ, ни сыну, т. е. чтобы все, что знаю, въ самой тайности держалъ и безъ слова государя никому не выдавалъ, то какъ же и за что же я стану геданки или гешенки получать?

Такъ жидъ и провалился ни съ чѣмъ; послѣ оказалось, что онъ съ вѣдома самого Долгорукова приходилъ.

Государь воротился черезъ недѣлю. Долгоруковъ сталъ жаловаться, что государь уѣхалъ, ему не далъ знать, и оттого казнѣ убытокъ.

— Хотѣли гривну съ рубля спустить, коли рѣшу на другой день, а теперь больше пятака не спускаютъ, да и условія тягче ставятъ. А твой Антонычъ, государь, чистый дуракъ. Я ему письменный приказъ давалъ—показать мнѣ твои резолюціи; взглянувъ на нихъ, я бы на себя взялъ рѣшить; такъ ни за что! хоть ему колъ на головѣ теши!

— Что дѣлать, Яковъ? Крайняя нужда была ѣхать и изъ головы вышло сказать, чтобы тебѣ показали. А на Антоныча не сердись. Ему отъ меня такой наказъ былъ данъ. Вижу, что тебѣ было нужно; но разрѣши тайность нарушать, отъ однихъ подкуповъ не отобьешься.

— Да чего, государь, я твоего Антоныча и подкупать посылалъ. Жидъ ловкій взялся за это дѣло. Думалъ, запишу на твой счетъ, брошу, думалъ, пятьсотъ, а спасу тысячи. Да ничего не взялъ. Антонычъ и на корысть не пошелъ.

— Съ этой-то поры и полюбилъ меня очень батюшка-царь, сталъ мнѣ вѣрить, тайнымъ секретаремъ сдѣлалъ и разныя тайныя дѣла поручать сталъ. Дѣло-то царевича Алексѣя и все почитай черезъ мои и Толстаго руки шло; да и другія дѣла...

— А что, Антонычъ, разъ спросилъ у меня государь, уже въ Петербургѣ, въ концѣ своего славнаго царствованія:—семья у тебя есть какая? ты мнѣ о ней никогда не говорилъ. Жену твою я видѣлъ, а дѣти есть?

— Какъ не быть, государь? Нашего брата трудоваго человѣка чѣмъ другимъ, а дѣтьми всегда Богъ не оставляетъ. Дочь и три сына, твои будущіе слуги, государь!

— И на возрастѣ? спросилъ государь.

— Дѣвкѣ-то пятнадцатый пошелъ! Почитай, скоро и подъ вѣнецъ обряжать придется, было бы на что. А тѣ—погодки, старшему двѣнадцать будетъ.

— Покажи мнѣ ихъ. Коли подростки, учить нужно. Мнѣ ученые и хорошіе люди куды какъ нужны; а твои дѣти, если въ отца выйдутъ, хорошіе люди будутъ. Вотъ на утро пойду въ адмиралтейство, зайду къ твоей хозяйкѣ анисовой выпить, ты мнѣ ихъ и представь.

Дѣлать было нечего, поклонился и просилъ осчастливить пожаловать.

Государь жену мою видѣлъ прежде, поэтому, выпивъ рюмку анисовой, съ поданнаго ею подноса, и закусивъ голландскою селедкою, ничего особаго не сказалъ, замѣтилъ только, что она похорошѣла; «мужъ бережетъ значитъ, такъ и мужа нужно беречь», прибавилъ онъ обращаясь къ ней. А какъ Анютку-то подвели, онъ сказалъ:

— Эге! да она ужъ совсѣмъ невѣста. Ну что-жъ, я сватомъ буду; у меня же есть на примѣтѣ... Хочешь замужъ?

Та покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и глаза внизъ опустила. Зардѣлась дѣвица отъ царскаго вопроса и бухнула:

— А мнѣ что? У батьки спроси!

Царь засмѣялся.

— Батька-то батькой, сказалъ онъ,—а твоя-то дѣвичья воля куда тянетъ? Слышала указъ, что безъ согласья невѣсты вѣнчать

невелѣно? Ну да ничего! Коли дѣвка красиѣетъ, да на отца и мать ссылается, такъ прокъ будетъ. Вотъ будетъ худо, какъ ни красиѣть не будутъ, ни отца и мать знать не захотятъ...

Сказавъ это, онъ взглянулъ на старшаго сына Петра. Мальчишка шустрой такой, красивый былъ, просто молодецъ; глазенки такъ и бѣгаютъ, такъ и искрятся, и смотрѣлъ онъ на государя таково бойко.

— Гмъ! сказалъ государь.—Ну братъ, въ моемъ тезкѣ тебѣ мало толку будетъ. Трудиться-то онъ станетъ, да все отъ дѣла какъ-то въ сторону смотрѣть будетъ. Потому, ясно, и дѣло у него всякое будетъ вкось идти. Вотъ за бабьемъ ходить, такъ на это мастакъ будетъ! Ну готовь его куда нибудь въ приказъ, гдѣ бы поменьше работы было.

И онъ повернулся къ младшимъ; тоже красивые ребята были, только противъ старшаго куда!

— Вотъ это другое дѣло! сказалъ государь.—Это будутъ работники, умные работники! Видишь, какъ этотъ глубоко смотритъ, будто всю внутренность высмотрѣть хочетъ, сказалъ онъ объ Александрѣ.—Отдай его въ доктора! Хорошіе доктора намъ теперь зело нужны! А этого во флотъ! сказалъ онъ про Ивана.—Видишь, глядитъ онъ ровно, смѣло, спокойно, а во флотѣ это первое дѣло. Нужно, чтобы спокойствіе и морской взглядъ были?

По этому слову царскому, дѣтки мои и пошли въ ходъ. Дочкѣ государь посваталъ жениха умнаго, хорошаго,—Татищева, родовой человѣкъ и не захудалый. Царь приданое снарядить помогъ и самъ посаженымъ отцомъ былъ. Петруха въ комерцъ-колегію на службу поступилъ. И точно, трудиться-то не очень любитъ. Онъ хоть и примется за работу, а все именно какъ-то по сторонамъ глядитъ. Начать начнетъ и хорошо начнетъ, а глядишь, черезъ недѣлю и надоѣло. Вотъ женился теперь, взялъ дѣвицу хорошую, изъ боярскаго рода, и богатую дѣвицу взялъ, а все остепениться-то настояще не можетъ. Александръ докторомъ и, говорятъ, хорошій докторъ. Въ Сорбонѣ и Гетингенѣ экзамены сдалъ. Пріѣхалъ—и мать въ тотъ же день вылечилъ. Она ужъ три года все на бокъ жаловалась. Онъ послушалъ да постучалъ, далъ какихъ-то капель и будто рукой сняло. Всю, т. е. докторскую науку произошелъ, а лечить не хо-

четъ! говоритъ, что наука-то ихъ до настоящаго не дошла. Поступилъ на службу и у Бестужева въ большомъ фаворѣ считается. Огорчаетъ меня, что не женится. Ну да видно часъ воли Божіей не пришелъ! А Иванъ тотъ истинное утѣшеніе, ужъ люгеромъ командуетъ. Теперь хочетъ жениться на дочкѣ своего адмирала, княжнѣ Бѣлосельской. Дѣло-то кажется на ладъ клеится. Да онъ бравый такой, лихой. А все его милость царская была. Всѣмъ наградилъ и не оставилъ.

За то послѣ него тяжело мнѣ стало. Всѣ эти Меншиковы, Девьеры, Ягужинскіе, также какъ Апраксинъ, Головкинъ и Головинъ, всѣ они на меня зубы точили. Всѣмъ приходилось быть въ такомъ же положеніи ко мнѣ, какъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, только тотъ для царскаго же интереса хлопоталъ, а они о томъ, чтобы свою мошну набить думали. Поэтому злобились на меня очень, что никакой тайности, ни для дружбы, ни для денегъ, отъ меня заполучить нельзя было. И сама императрица Екатерина на меня косо смотрѣла. Когда дѣло Монса было, ничего отъ меня она впередъ не узнала, хоть и засылала съ разными посулами. Но она хотя милостей своихъ не оказывала, однакожъ, за мою вѣрную службу меня не губила. Она понимала, что присяжный человѣкъ долженъ присягу держать, и сердиться за то на него нельзя. А вотъ когда Анна Ивановна съ своимъ Бирономъ державствовать начали, меня живо свернули. Государыня сердилась на меня за прошлую переписку, когда она еще въ Курляндіи была и о Петрѣ Михайловичѣ Бестужевѣ хлопотала; а Биронъ не могъ переносить того, что безъ именнаго приказа государыни, по каждому дѣлу особо, я ему, Бирону, самой, т. е. бездѣлушки не показывалъ. Вотъ они придрались къ чему-то, да меня, раба Божія, въ ссылку, въ Казань и отправили; что было на виду и чѣмъ государь меня наградилъ отобрали, чиновъ лишили, жалованье отняли, а тамъ живи какъ знаешь, хоть въ кулакъ свисти. Тяжело, куда какъ тяжело было.

Но вотъ спасибо дочь-то Петра Великаго мою службу ея отцу вспомнила, изъ ссылки воротила, въ дѣйствительные статскіе произвела и вновь при себѣ тайнымъ и домашнихъ дѣлъ секретаремъ опредѣлила. Знаетъ, что ужъ я не выдамъ, не продамъ и никакой ея тайности не разболтаю. И вотъ теперь, ну какъ Бога не благо-

дарить: квартира у меня теплая, помѣстительная, сухая,—въ самомъ дворцѣ, какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь, въ Москвѣ, отводятъ. Дровъ, масла, свѣчей отпускаютъ въ волю. Жалованье хорошее, остатокъ каждый годъ бываетъ. Столъ отъ двора приносятъ, четыре перемѣны, хорошій столъ! И медъ, и пиво, и вино. Дядя на-дняхъ обѣдалъ, да и говоритъ: «Смотри, братъ, ты за такимъ столомъ не облопайся. Мы съ братомъ Антономъ, твоимъ отцомъ, и въ жизнь такого обѣда не видали, а тебѣ каждый день даютъ. Бывало какъ раскошелишься на капусту съ квасомъ, да зажаришь говяжью печенку въ сметанѣ, а потомъ для лакомства купишь моченой морошки, али черемхи съ медомъ, такъ, думаешь, что и чорту не братъ; а тутъ сдѣлайте одолженіе, не то что каждый день пироги и мясо, да еще фрикасе разное и цыплятъ подаютъ, французскимъ черносливомъ разварнымъ откармливаютъ, да виномъ фряжскимъ отпаиваютъ; право будто на убой! Не даромъ сватьюшка-то, племянница-матушка, въ толщину больше распространяется. Нѣтъ! Зашелъ я, братъ-племянникъ къ тебѣ, чтобы къ себѣ на имянины обѣдать звать. А теперь не зову! Лучше самъ къ тебѣ обѣдать приду, это сытнѣе будетъ!»

— Милости просимъ, дядюшка Миронъ Никитичъ, отвѣчала жена,—всегда рады!

— И точно рады, хоть и въ ссорѣ съ дядей были; чуть не двадцать лѣтъ не видѣлись. А изъ-за чего? И отецъ, и дядя пѣтушій бой любили, да изъ-за пѣтуха и поспорили. Другъ съ другомъ видѣться перестали и до смерти не говорили, хоть и служили въ одномъ приказѣ. Послѣ смерти отца и мы къ дядѣ ни ногой. Только въ прошломъ году я подумалъ, что не то что тѣхъ спорныхъ пѣтуховъ, да и отца-то давно костей нѣтъ, изъ чего же намъ тутъ вражду питать? Пошелъ. Дядя обрадовался. Вотъ мы и сошлись. Какъ и не сойтись? Видитъ онъ—государыня ко мнѣ милостива, всѣмъ награждаетъ, дѣти идутъ хорошо, а онъ одинокимъ вдовцомъ живетъ и все еще подкопіистомъ числится. Хоть отъ скуки когда на племянника и внуковъ взглянуть захочется, придворнаго стола покушать. Ну а мы угождаемъ старику и чѣмъ можно кланяемся.

Такъ сидѣлъ и разсуждалъ про себя, вспоминая свою прошлую жизнь, вышедшій изъ писарей въ люди, а теперь баронъ, дѣйстви-

тельный статскій совѣтникъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, тайный и домашній секретарь императрицы Елисаветы Петровны, завѣдывающій ея частными дѣлами и, послѣ сосланнаго Лестока, ея ближайшій повѣренный. Онъ сидѣлъ у себя въ бѣличьемъ халатѣ, въ туфляхъ и уже поужиналъ. Жена его ушла спать, да и онъ собирался на боковую, благо послѣднюю бумагу дописалъ, какъ вдругъ ему докладываютъ, что пріѣхала какая-то дама и желаетъ его видѣть по безотлагательному и крайне нужному дѣлу.

— Скажи пожалуйста, братецъ, что я раздѣтъ, что я спать ложусь, сказалъ онъ своему лакею. — Какая тамъ дама? что такое?

— Я докладывалъ-съ! отвѣчалъ человѣкъ. — Онѣ сказали, ничего-съ. Пусть примутъ какъ есть, а мнѣ крайне нужно сегодня же ихъ видѣть! Скажи, дескать, дѣло важное!

— Ну дѣлать нечего, братецъ, зови! Да скажи, чтобы не сердилась, что я принимаю какъ есть! Чтобы такое было?

Дама вошла. И какъ же изумился баронъ Черкасовъ, когда увидѣлъ передъ собою принцессу Гедвигу Бирон.

— Баронъ, сказала Гедвига въ отвѣтъ на приносимыя Черкасовымъ извиненія за свой халатъ и туфли. — Я прошу дозволенія видѣть сегодня же государыню! Я бѣжала изъ Ярославля, и государыня можетъ быть меня казнить велитъ, можетъ быть проститъ, — но мнѣ крайне нужно ее видѣть, сейчасъ, сію минуту!

— Помилуйте, княжна, развѣ это возможно? Государыня, я думаю, ужъ въ опочивальню пройти изволила. Завтра...

— Вы шутите, баронъ! Завтра? А куда же я дѣнусь сегодня? Кто дастъ пріютъ бѣжавшей? Изъ-за меня даже и жену ярославскаго воеводы Бобрищеву-Пушкину никуда не пускаютъ. Нѣтъ, доложите, прошу васъ, доложите сейчасъ! Государыня еще играетъ въ маленькой гостиной. Проходя къ вамъ я спрашивала. Умоляю васъ, баронъ! Хотя можетъ быть вы и имѣете право сердиться на моего названнаго отца, но вы не будете столь жестоки, чтобы мстить за то его ни въ чемъ неповинной дочери.

Черкасовъ былъ человѣкъ добрый и вовсе не мстительный. Пойманный въ расплохъ, онъ не зналъ что и дѣлать. Наконецъ, видя, что отдѣлаться нельзя и просительницу дѣвать некуда, онъ рѣшился одѣться и идти къ государынѣ. Черезъ десять минутъ онъ

воротился и принесъ отвѣтъ, что государыня сейчасъ принять ее никакъ не можетъ, а приметъ завтра вечеромъ. —До завтра же государыня проситъ васъ, княжна, прибавилъ Черкасовъ, —воспользоваться моимъ гостепріимствомъ, если вамъ угодно будетъ его принять, за что я почтительнѣйше буду вамъ благодаренъ.

Гедвига разумѣется приняла это предложеніе съ благодарностью и тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что при этомъ баронъ сообщилъ ей пріятное извѣстіе, что императрица не только не разсердилась, но очень обрадовалась, узнавъ что Гедвига пріѣхала.

Черезъ четверть часа баронеса Анна Семеновна, поднятая съ постели, хлопотала изо всѣхъ силъ, чтобы устроить и успокоить свою новую гостью.

На другой день, за утреннимъ кофе, Гедвига встрѣтила барона Александра Ивановича Черкасова, доктора и секретаря при канцлерѣ. Когда она вошла, онъ хотѣлъ было закурить сигару. Взглянувъ на нее, онъ разумѣется остановился. По тогдашнему этикету курить при дамѣ, даже курить передъ тѣмъ, какъ надѣешься быть въ дамскомъ обществѣ, было болѣе чѣмъ непростительно. Поэтому нисколько не было странно, что онъ ту же минуту опять положилъ свою сигару въ ящикъ и задулъ восковую свѣчу; но странно показалось, что, взглянувъ на Гедвигу, Александръ Ивановичъ какъ бы вздрогнулъ и весь покраснѣлъ. Александръ Ивановичъ былъ еще молодъ, но уже не въ тѣ годы, когда краснѣютъ отъ взгляда на дѣвушку; ему было около 30-ти лѣтъ. Наконецъ, живя заграницею въ теченіи шести или семи лѣтъ, онъ настолько долженъ былъ привыкнуть къ обществу, что встрѣча съ новымъ лицомъ, хотя-бы и неожиданная, не должна была бы его смущать. Между тѣмъ, когда Анна Семеновна, повертывая свою жирную особу къ Гедвигѣ, проговорила: «мой сынъ Александръ» и потомъ, оборачиваясь къ нему съ такою ловкостью, съ какою оборачивается супруга слона, сказала: «принцесса Гедвига-Елисавета Биронъ», то на вѣжливый и церемоніальный книксенъ Гедвиги, Александръ Ивановичъ положительно не нашелся что сказать. Онъ рѣшился начать говорить только послѣ того, какъ всѣ сѣли и когда онъ нѣсколько разъ взглянулъ на нее своимъ всепроницающимъ взглядомъ.

— Простите меня, княжна, сказалъ онъ, —но мнѣ кажется,

что вы нездоровы и даже очень нездоровы. Не могу ли я своимъ совѣтомъ содѣйствовать облегченію вашихъ страданій?

— Отчего вы это думаете, баронъ? спросила Гедвига кроткимъ, задушевнымъ голосомъ, останавливая на немъ ясный и добрый взглядъ. — Дѣйствительно я была очень ушиблена въ минуту катастрофы съ моимъ отцомъ, съ тѣхъ поръ... При томъ же, при условіяхъ лишеній и страданій невольной затворницы и ежедневныхъ огорченіяхъ, нельзя пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ.

— Правда. Но мнѣ кажется, что затворническая жизнь скорѣе помогала, чѣмъ препятствовала вашему извлеченію отъ ушибовъ, потому что заставляла невольно предоставлять леченіе цѣлебной силѣ природы. Другое дѣло огорченія и непріятности.

— Богъ дастъ, Его святою волею и милостію государыни непріятности и огорченія будутъ отстранены и тогда... началъ Иванъ Антоновичъ, принимая отъ жены кофе.

— А мы, перебилъ его сынъ, — заставимъ науку помочь, чтобы исчезнули и слѣды прошлаго. Вѣдь я докторъ, княжна, и хоть отказался отъ практики, но, ради такого рода субъекта какъ наша прекрасная гостья, буду счастливъ сдѣлать исключеніе.

Это былъ первый разговоръ барона Александра Ивановича Черкасова и Гедвиги Елисаветы Биронъ, бывшей принцессы курляндской и семигальской.

Вечеромъ Гедвига была приглашена къ императрицѣ.

Елисавета сидѣла на диванѣ передъ маленькимъ овальнымъ столикомъ изъ лапись-лазули и разрѣзала перламутровымъ съ инкрустаціею ножичкомъ какую-то книгу.

Гедвига бросилась къ ея ногамъ и, обливая ихъ слезами, сказала только:

— Пощадите! простите!... Она не въ силахъ была больше говорить.

— Встаньте, успокойтись, мое дитя, сказала государыня, подавая Гедвигѣ руку. — Вамъ очень тяжело было у вашихъ?

— Невыносимо тяжело, моя всемилостивѣйшая повелительница, добрая, милосердная государыня! Успѣла, наконецъ, выговорить

Гедвига, покрывая ея руку поцѣлуями, смѣшанными съ горькими горячими слезами, и не вставая съ колѣнъ. — Простите меня, государыня; простите, что смѣю безпокоить мольбою своею! Ваше величество, всемилостивѣйшая государыня, видитъ Богъ, я не виновата ни въ чемъ, что дѣлалъ мой названный отецъ. Я ничего не знала! Онъ никогда не говорилъ мнѣ никакихъ своихъ предположеній! Но если нужно, если должно, чтобы я была затворницею, чтобы я не видѣла свѣта Божьяго, то будьте моею благодѣтельницею, — повелите сослать меня въ ссылку, въ Сибирь, посадить въ тюрьму, запереть въ одинъ изъ монастырей вашихъ. Тамъ по крайней мѣрѣ я буду молиться за ваше благоденствіе и прославлять вашу милость ко мнѣ бѣдной. Только ради всего святаго не возвращайте меня къ воспитавшему меня семейству!

— Встаньте, полноте, встаньте Гедвига, вы еще совершенный ребенокъ, куда же я васъ сошлю? Никто, впрочемъ, и не винитъ васъ ни въ чемъ. Вы всегда были добрее дитя и ссылать васъ не за что. Но что же дѣлать? Мы съ-молоду всѣ принадлежимъ семьѣ, и если васъ оставляли съ вашими, то потому, что не хотѣли насильно разлучать. А въ монастырь—лютеранку то? Нѣтъ, Гедвига, вы еще совсѣмъ дитя. Вставайте же!

И государыня помогла ей подняться, и посадила ее подлѣ себя.

— Вы слишкомъ милостивы, государыня! Впродолженіи всего моего заключенія вы счастливили меня вашимъ вниманіемъ, посылая мнѣ арфу, клавесины, книги, ноты, узоры, матеріалы для работъ, даже конфекты. Благодарить за эти посылки, за это вниманіе, я могла только въ своей сердечной молитвѣ о вашемъ счастіи. Но я глубоко чувствовала доброту вашу къ брошенной всѣми дѣвушкѣ и горячо молилась за васъ! Теперь вы изволили сказать, всемилостивѣйшая государыня, что я оставалась въ семействѣ пріютившемъ меня потому, что меня не хотѣли насильно отъ нихъ отлучать, и что въ монастырь меня, какъ лютеранку, помѣстить нельзя; — но вѣдь я русская, государыня! Не знаю, почему меня сдѣлали лютеранкой; вѣроятно потому, что въ Митавѣ въ то время не было русскаго священника. Я русская въ душѣ, по чувству, по вѣрѣ, съ которой я сроднилась, живя въ Россіи и охотно выполняя всѣ обряды православія. Между тѣмъ пріютившая меня семья, — не моя семья. Вы

сами изволили сказать, что никто не признаетъ меня виновной; а они думаютъ, что я не только виновна, но даже что именно я причина ихъ несчастія. Поэтому, не признаете ли возможнымъ, государыня, заключить меня въ монастырь съ тѣмъ, что я приму правила церкви, къ которой давно стремилась душой и которая сдѣлаетъ мнѣ уже и то благодѣяніе, что возвращеніе мое въ прежнее мое семейство сдѣлаетъ невозможнымъ...

— Принять православіе? поступить въ монастырь? вы считаете это столь легкимъ, Гедвига?

— Въ принятіи православія, ваше величество, я дѣйствительно не встрѣчаю затрудненія, такъ какъ я православная въ душѣ и всегда была православною, не смотря на формальную принадлежность къ лютеранской религіи; въ Ярославлѣ я даже постоянно ходила въ русскую церковь. Что же касается монастыря, то я это принимаю какъ крайность, какъ мѣру необходимости моего заточенія, если оно, по видамъ политическимъ или какимъ бы то ни было, признается необходимымъ. Я прошу его только какъ милости, чтобы замѣнить одно заключеніе другимъ...

— Такой необходимости нѣтъ, Гедвига. Я освобождаю васъ и беру подъ свое покровительство, если вы даете слово не имѣть сношенія съ вашими прежними родными и не содѣйствовать какимъ либо ихъ происканъ... Скажу болѣе, я бы ихъ всѣхъ освободила, если-бы не убѣдилась сама, своими глазами, до какой степени жестокости доходилъ вашъ названный отецъ въ дни своего могущества; если-бы не убѣдилась, что народная ненависть права, упрекая меня и за то облегченіе участи, которое я ему уже сдѣлала. Я не имѣю ничего противъ него лично. Я даже была благодарна ему за то, что онъ для меня сдѣлалъ, когда власть была въ его рукахъ. Моими врагами были Минихъ и Остерманъ, но не Биронъ. Но какъ государыня, я не могу думать только о себѣ. Биронъ оскорблялъ и мучилъ весь русскій народъ, и я не могу и не должна такихъ оскорбленій и мученій моего народа оставлять безъ наказанія!

— О, государыня! Самое принятіе мною православной вѣры будетъ ручательствомъ, что я не могу входить съ ними въ сношенія и помогать имъ. Я вручаю вамъ, моя всемилостивѣйшая покровительница, судьбу мою. Я сдѣлаю все, что вы прикажете, что вы рѣшите...

Гедвига опять упала передъ ней на колѣни. Елисавета обняла ея головку.

Въ тотъ же день состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи княжны курляндской Гедвиги-Елисаветы Бироновой старшею фрейлиною государыни, съ назначеніемъ мѣста ея жительства въ зимнемъ дворцѣ. Өеклу, въ знакъ благодарности, Гедвига оставила при себѣ.

— Признаюсь, я не встрѣчалъ болѣе симпатичной личности, какъ эта княжна Гедвига Бирона, какъ теперь ее называютъ, говорилъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ своему отцу. — И, признаюсь, если-бы я смѣлъ надѣяться... Вотъ, отецъ, ты часто упрекалъ меня, что я не женюсь. Клянусь совѣстью, ни одной минуты не думалъ бы!.. Но такое счастье слишкомъ велико для нашего брата, труженика и бѣдняка.

— Она точно милая и умная дѣвица, отвѣчалъ Иванъ Антоновичъ,—но къ сожалѣнію, какъ ты самъ сказалъ, дѣвица хворая и слишкомъ разбитая своимъ несчастіемъ. Посмотри на ея улыбку, на ея взглядъ. Она и улыбается-то сквозь слезы.

— Да! А сколько доброты, сколько нѣжности въ этомъ взглядѣ и въ этой улыбкѣ. Что же касается до ея нездоровья, то минута счастія съ этой хворой, поэтической дѣвушкой вознаградитъ весь трудъ ухода за ней, всю обязанность вниманія къ ней... Пусть она только взглянетъ ласково, пусть только снисходительно выслушаетъ—и, кажется, всю жизнь мою посвящу ей, съ радостью умру за нее... Признаюсь, батюшка, я готовъ боготворить ее!

— Ну вотъ ужъ ты и вздоръ говоришь! Удивительное дѣло нынѣшніе молодые люди. Чуть что, и понесутъ ахинею: и умеръ бы, и боготворю! И это говоришь ты, докторъ, который долженъ смотрѣть на все поразумнѣе... Ну понравилась она тебѣ, хлопочи и ты, чтобы понравиться. А тамъ все будетъ зависѣть отъ милости императрицы.

— Передъ чувствомъ, батюшка, пасуетъ разумъ. Я не смѣю подойти къ ней, не смѣю говорить, такъ гдѣ ужъ тутъ понравиться? Мнѣ хотѣлось предложить ей полечить себя; но у меня не хватило

духа сказать, что я долженъ послушать у нея грудь и спину. Просто я нѣмѣю передъ ней, и какъ ни принуждаю себя быть свободнѣе, проще,—не могу!..

— Хочешь ты, чтобы я сказалъ ей, что ты выражаешь желаніе ее вылечить, только просишь дозволенія послушать біеніе ея сердца?... сказалъ съ улыбкой отецъ.

— О, батюшка, вы меня сдѣлаете счастливымъ. Только я боюсь: услышу ли я что нибудь, будучи внѣ себя отъ восторга, когда приложу свою голову къ ея груди. Влюбленный — всегда плохой докторъ; но все же, все же... Одна надежда ее вылечить дала бы мнѣ такую отраду, что не умѣю даже и выразить. Помогите мнѣ, батюшка, въ чемъ можете...

— Моя помощь, другъ мой, можетъ быть только условна, т. е. если ты будешь сохранять самообладаніе. Вотъ видишь, я не получилъ твоего воспитанія, не изучалъ многаго, что изучилъ ты. Я учился на мѣдныя деньги у дьячка. Но, повѣрь моей опытности, что женщина можетъ полюбить мужчину только тогда, когда она видитъ въ немъ человѣка, владѣющаго собственнымъ чувствомъ; человѣкъ же, который отъ любви сходитъ съ-ума, правда льститъ ея самолюбію и иногда, при счастливыхъ обстоятельствахъ, заставляетъ уступить, но никогда не вызываетъ чувства...

На этомъ разговоръ отца съ сыномъ прервался. Отца потребовали къ государынѣ съ зацѣпинскими бумагами. Иванъ Антоновичъ, какъ исправный служака, поспѣшилъ внизъ, въ кабинетъ императрицы.

VI.

Зацѣпинскъ.

Зацѣпинскій воевода мирно храпѣлъ послѣ своего сытнаго завтрака, замѣнявшаго въ тотъ день обѣдъ чуть не цѣлому городу. Домикъ у него былъ уютный, красивый, прямо противъ конторы соляныхъ сборовъ, на городской площади пресловутаго богоспасаемаго города Зацѣпинска, бывшаго нѣкогда стольнымъ городомъ Зацѣпинскаго княжества и столицею именитаго рода князей Зацѣпиныхъ. Въ домѣ воеводы спальня была тесовая, а въ спальнѣ кро-

вать широкая. На кровати подлѣ воеводы лежала его дебѣлая, жирная, мягкая супруга, такая бѣлая и такая мягкая, что казалась сдѣлана была изъ бѣлаго лебединаго пуху. Она храпѣла также во-вся, какъ говорятъ «въ обѣ завертки», въ тонъ и ладъ своему супругу. Передъ кроватью съ обѣихъ сторонъ клевали отъ дремоты носомъ мальчикъ и дѣвочка, поставленные тутъ для обмахиванія высокихъ почивающихъ особъ воеводы и воеводихи отъ комаровъ, мухъ, слѣпней и всякаго рода другихъ звѣрей, которые пожелали бы, безъ всякаго уваженія къ высокому рангу спящихъ, забраться къ нимъ на носъ. Кромѣ этихъ несчастныхъ мальчика и дѣвочки, въ домѣ воеводы спали всѣ; лакеи, кучера, поваръ и прочая мужская прислуга спала на ларяхъ въ передней, на рундукахъ, въ коридорѣ, на полу подъ лѣстницами, на чердакахъ, въ сараѣ, на сѣновалахъ; а женская прислуга—въ дѣвичьей, на кухнѣ, въ кладовой и кто гдѣ сыскалъ себѣ укромное мѣстечко. Впрочемъ, спалъ въ это время, точь въ точь какъ въ домѣ воеводы, и весь городъ.

Да какъ было и не спать воеводѣ и воеводихѣ, какъ не спать славному городу Зацѣпинску, когда въ тотъ день воевода, по случаю дня своего рожденія, давалъ завтракъ,—такой завтракъ, чтобы послѣ него никто не обѣдалъ; пиръ что называется на весь міръ, на который приглашались всѣ безъ изъятія, являвшіеся для его поздравленія, по стародавнему обычаю—дать воеводѣ покормиться, съ различнаго рода приношеніями и подношеніями.

Извѣстно съ какою энергіею возставалъ противъ этого стародавняго обычая воеводской кормежки Петръ Великій. Но ни его геній, ни его желѣзная воля, не только не могли искоренить этого обычая, но еще усилили его. Въ прежнее время праздновались только имянины воеводы, а если воевода былъ женатъ, то и воеводихи, а съ Петра, заимствованный у нѣмцевъ обычай праздновать день своего рожденія, удвоилъ число дней приношеній и подношеній. Съ назначеніемъ нынѣшняго воеводы, Зацѣпинскъ, вмѣсто двухъ кормежныхъ дней, долженъ былъ справлять четыре, и нести въ эти дни къ воеводѣ, кто чѣмъ богатъ. Столяры несли кресло, кузнецы — замки, купцы — вино, сахаръ, матеріи; дворяне, по силѣ, свои приношенія. Сперва зацѣпинцы крѣпко было возроптали на то, что воевода выдумалъ праздновать день своего ангела не только

на Якова, но и на Онуфрія, а воеводиха не только на Марью, но и на Дарью; но какъ воевода оказался тихимъ, добрымъ, неприжимистымъ, а воеводиха, хоть и жирною, лѣнивою, но ласковою и хлѣбосольною, а городъ Зацѣпинскъ былъ богатъ, и зацѣпинцамъ ровно ничего не стоило накинуть каждому по какому нибудь рублевику въ годъ, чтобы удовлетворить воеводское желаніе праздновать два раза въ годъ свои и жены своей имянины, и какъ такое празднованіе повторялось уже болѣе пятнадцати лѣтъ и всякій разъ сопровождалось угощеніемъ до отвала, — то зацѣпинцы, наконецъ такъ привыкли къ этимъ празднованіямъ и къ своимъ на нихъ приношеніямъ, что кажется если-бы нашелся такой воевода, который отъ такихъ приношеній отказался, то зацѣпинцы бы даже обидѣлись...

А городъ Зацѣпинскъ былъ нѣкогда весьма богатымъ городомъ. И какъ ему было не быть богатымъ, когда, до построенія Петербурга и открытія торговаго пути по Балтійскому морю, вся торговля востока и сѣвера съ западомъ и югомъ шла черезъ него. Московскіе цари не разъ умѣли смирять, при его помощи. строптивость новгородцевъ, останавливая въ немъ отправку хлѣба, въ которомъ Великій Новгородъ всегда нуждался. Послѣ паденія Новгорода, черезъ Зацѣпинскъ, Великій Устюгъ и другіе сѣверные города велась вся внѣшняя торговля Россіи на Архангельскъ. Сѣверные товары Сибири: мѣха, ягоды, масло, кедръ, медъ, предметы оленеводства и рыболовства шли въ Россію исключительно черезъ Зацѣпинскъ. Съ устройствомъ Петербурга и открытіемъ новаго торговаго пути, торговля Зацѣпинска, вмѣстѣ съ торговлею всей сѣверо-восточной полосы Россіи, стала замѣтно падать, а благосостояніе жителей уменьшаться. Но даже и въ то время, благодаря прежнимъ накопленіямъ и сдѣланнымъ запасамъ, тамошніе мѣщане, награждая своихъ дочекъ при ихъ замужествѣ, считали иногда даваемый въ приданое за ними жемчугъ получетвериками.

Такое богатство старинnаго историческаго города выразилось значительнымъ количествомъ каменныхъ церквей, сооруженныхъ въ разное время усердіемъ жителей, и большинствомъ каменныхъ же домовъ, съ каменными амбарами и кладовыми. На площади, противъ дома воеводы, стоялъ большой каменный соборъ, во имя

Нерукотвореннаго Спаса, полу-готическаго, полу-романскаго стиля, съ узорочными украшеніями въ мавританскомъ вкусѣ, напоминающій не то церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ, не то соборъ св. Марка въ Венеціи, разумѣется, въ уменьшенномъ размѣрѣ; соборъ величественный, памятникъ глубокой старины и минувшей славы города Зацѣпинска. Въ немъ лежали мощи угодниковъ Божіихъ, родоначальниковъ князей Зацѣпиныхъ, Василія Константиновича и его сыновей Бориса и Глѣба, замученныхъ Батыемъ за Русь святую, за вѣру православную. За соборомъ выстроился покоемъ гостинный дворъ или ряды, частью каменные, частью деревянные на каменномъ фундаментѣ, съ подвалами, входами, стеклянною галереею и выставленными, вмѣсто вывѣсокъ и надписей, образцами товаровъ, — хорошій гостинный дворъ. Позади гостиннаго двора стоялъ длинный домъ прежде бывшаго воеводскаго приказа, переименованнаго нынѣ въ воеводскую канцелярію, съ застѣнкомъ для пристрастія. Домъ этотъ, говорятъ, передѣланъ былъ изъ бывшихъ княжескихъ зацѣпинскихъ палатъ, но въ немъ не осталось ничего, что могло бы напомнить о его бывшемъ назначеніи. Позади этого дома было устроено лобное мѣсто, съ стоявшею впереди висѣлицею и ввинченнымъ въ ея верхнюю перекладину заржавленнымъ желѣзнымъ кольцомъ, заржавленнымъ отъ того, что уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ времени паденія Бирона, городъ не видѣлъ ни одного повѣшеннаго. Затѣмъ, во всѣ стороны шли частные дома зацѣпинскихъ обывателей, небольшіе, большею частью каменные и выстроенные такъ, что каждый домъ походилъ на крѣпость, съ толстыми стѣнами, желѣзными дверями для входа, желѣзными рѣшетками въ окнахъ и желѣзными ставнями.

За воеводскимъ домомъ, какъ и за другими болѣе зажиточными домами, были сады. Сады эти были засажены черемхами и рябинами, разросшимися въ такой степени, что были едва въ обхватъ человѣку. Густыя, вѣтвистыя яблони, кусты калины, малины, смородины и крыжовника составляли богатство сада. Посреди ихъ въ воеводскомъ саду было посажено единственное неплодовое дерево — широкій, развѣсистый дубъ, вокругъ котораго нынѣшнимъ хозяиномъ была устроена бесѣдка. Въ углахъ этого сада, удаленныхъ отъ дома, въ pendant дубу, какъ бы сказали нынче, выси-

лись небольшія группы тоже саженыхъ кедровъ, которые одинъ изъ бывшихъ воеводъ, большой любитель садоводства, занимая этотъ домъ до самой своей смерти, лѣтъ двадцать пять съ хвостикомъ, успѣлъ тутъ вырастить. У воротъ воеводскаго дома и воеводской канцеляріи стояли часовые съ заряженными ружьями. Городъ былъ обведенъ валомъ, между которымъ мѣстами была проведена каменная стѣна съ зубцами и башнями. За городомъ, невдалекѣ, на возвышеніи, бѣлѣлись зданія и высились главы и кресты церквей Зацѣпинской пустыни, мужскаго монастыря, въ которомъ съ самаго начала своего отдѣльнаго княженія хоронились князья Зацѣпины, и гдѣ лежали они рядомъ отъ самаго князя Бориса Дмитріевича, до князя Данилы, уступившаго Зацѣпинскъ, и, наконецъ, до князей Дмитрія Андреевича и сыновей его Василія и Андрея Дмитріевичей, т. е. дѣда, отца и дяди князя Андрея Васильевича.

Воевода спалъ богатырскимъ сномъ подлѣ своей дражайшей половины, но выспаться ему всласть не удалось. Его покой нежданно, негаданно былъ нарушенъ пріѣздомъ фельдъегеря изъ сената.

Фельдъегерь прилетѣлъ къ нему прямо на дворъ и поднялъ такой шумъ, что сонное царство поневолѣ поднялось. Онъ потребовалъ, чтобы воеводѣ сейчасъ же было доложено, для представленія ему самонужнѣйшаго и секретнѣйшаго указа.

Воевода на-силу успѣлъ опомниться и придти въ себя, приказавъ вылить себѣ на голову два ведра воды.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Указъ, ваше высокородіе, самонужнѣйшій! отвѣчалъ фельдъегерь.

Воевода дрожащею рукою распечаталъ пакетъ и узналъ, что ѣдетъ въ ихъ городъ и провинцію, ему ввѣренную, довѣренная особа государыни, оберъ-шталмейстеръ, гвардіи секундъ-маіоръ князь Андрей Васильевичъ Зацѣпинъ, для исполненія всемилостивѣйше возложеннаго на него порученія, и что поэтому слѣдуетъ принять его съ подобающею ему честью и исполнять его требованія и приказанія, какъ бы онѣ были требованы и приказаны самою государынею.

— Вотъ не было печали, сказалъ себѣ воевода, прочитавъ указъ. — «Съ подобающею ему честью». А какая ему честь подо-

баетъ? И онъ послалъ за правителемъ своей канцеляріи, городскимъ головою, полицмейстеромъ, обоими капитанъ-исправниками, отцомъ архимандритомъ, старшимъ протоіереемъ собора и всѣми военными и гражданскими начальниками разныхъ командъ и учрежденій.— По важному дѣлу, скажи; приказали молъ сію минуту просить.

Всѣ собрались.

— Какая же такая честь ему подобаетъ? спросилъ воевода у всѣхъ собравшихся на совѣщаніе.

— Какая честь? Извѣстно какая! Какъ и всякому генералу, началъ говорить правитель канцеляріи.—Ну явимся. Спросимъ, нѣтъ ли приказаній. Пришлемъ отъ караула почетнаго ординарца. А чтобы почтить еще превосходнѣе, г. полицмейстеръ назначитъ кого нибудь отъ себя оберегать его спокойствіе. Купечество, если захочетъ, можетъ хлѣбъ-соль поднести...

— Съ этимъ согласиться нельзя, возразилъ полицмейстеръ изъ военныхъ. —Если-бы сенатъ полагалъ, что мы должны встрѣтить его, какъ всякаго генерала, онъ не послалъ бы нарочнаго фельдъегеря съ указомъ. Тутъ, видимо, особа довѣренная и важная; такъ что хотя въ указѣ и говорится, что онъ не болѣе какъ гвардіи секундъ-маіоръ, стало быть, простой генералъ, но по званію оберъ-шталмейстера его слѣдуетъ считать выше.

— Да въ указѣ сказано: съ подобающею *ему*, а не просто съ слѣдующею генералу честью, стало быть, генералу честь особая, а ему особая! сказалъ одинъ изъ капитанъ-исправниковъ.

— Прежде всего, гдѣ онъ остановится? Вѣдь онъ ѣдетъ по службѣ, съ порученіемъ государыни; не на постояломъ же дворѣ ему стать? замѣтилъ другой капитанъ-исправникъ.

— Городъ отведетъ ему домъ, отвѣчалъ голова. —Можетъ и онъ чѣмъ нибудь городу отслужитъ, что нибудь исходатайствуетъ.

— Ну такъ, стало быть, началъ говорить воевода: —мы его встрѣтимъ у городскихъ воротъ, проводимъ на отведенную квартиру, спросимъ приказаній, поставимъ ординарца и назначимъ полицейскаго. Не назначить ли почетный караулъ?

— Не лишнее ли будетъ? замѣтилъ воинскій начальникъ.

— Какъ же лишнее, помилуйте! Вѣдь довѣренная особа, съ порученіемъ отъ самой государыни.

— Такъ-то оно такъ, а все кажется...

— Помилуйте, тутъ казаться нечего! Вы какъ думаете, господа? спросилъ воевода.

— Разумѣется, отчего-жъ не назначить. Честь лучше безчестья! Сенатъ пишетъ, почему-жъ?.. Никто никогда не жалуется на излишнее чествованіе! заговорили присутствующіе.

— И такъ, почетный караулъ?

— Почетный караулъ!

— Еще что?

— Я предложу ему своего повара, сказалъ одинъ изъ помѣщиковъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ другими послушать.—А городской голова похлопочетъ о припасахъ.

— Ну что ему вашъ поваръ и ваши припасы! Онъ здѣшній, и если захочетъ, то потребуетъ изъ Зацѣпина и поваровъ, и припасовъ столько, что накормить весь Зацѣпинскъ будетъ можно. Да вѣрно, впрочемъ онъ повара-француза съ собою привезетъ, да и запасовъ разныхъ, тамъ омаровъ какихъ нибудь, да рѣдкостей, вѣрно всего натащитъ!

— Да кого присылаютъ-то къ намъ, кого назначили? спросилъ отецъ архимандритъ.

— Князя Зацѣпина, отвѣчалъ воевода.

— Князя Зацѣпина? нашего родоваго князя? Позвольте, у насъ въ монастырѣ сохраняется особое указаніе о чинѣ принятія въ монастырь князей Зацѣпиныхъ. А въ соборѣ, на престолѣ Божіемъ, положенъ договоръ князей Зацѣпиныхъ съ царемъ московскимъ Іоанномъ III о сдачѣ Москвѣ Зацѣпинска и клятвенное обѣщаніе царя за себя и всѣхъ наслѣдниковъ и преемниковъ выполнять этотъ договоръ въ точности, изъ вѣка въ вѣкъ. Тамъ подробно опредѣленъ порядокъ встрѣчи князей Зацѣпиныхъ въ случаѣ пріѣзда ихъ, съ согласія царя, въ ихъ бывшій стольный градъ.

— Ахъ, Боже мой! такъ что-жъ мы думаемъ? Нужно прочитать этотъ договоръ. Въ самомъ дѣлѣ Зацѣпинъ—вѣдь это нашъ князь!

— Да, замѣтилъ правитель канцеляріи въ отмѣну своего перваго мнѣнія,—теперь становится понятно, почему сенатъ пишетъ: «съ подобающею *ему* честью!»

— Нельзя ли, отецъ архимандритъ и отецъ протопопъ, достать

сюда эти бумаги, чтобы намъ всѣмъ ознакомиться можно было? сказалъ воевода.

Распорядились, и черезъ четверть часа присутствующіе разбирали древнія хартіи, изъ коихъ ясно увидѣли, что князю Зацѣпину должны быть отданы всѣ царскія почести; что встрѣча его должна происходить за городомъ священниками въ полномъ облаченіи, съ образами и крестами, при колокольномъ звонѣ; что, во время нахожденія своего въ городѣ, онъ—главный предводитель войскъ; что жители обязаны ему почтеніемъ, такимъ же, какъ бы и самому государю; наконецъ, что не только помѣщеніе, но и продовольствіе его и всей его свиты должно быть на счетъ города.

На основаніи этихъ указаній, воевода, вмѣстѣ съ духовенствомъ, капитанъ-исправниками, правителемъ канцеляріи и другими лицами сталъ составлять церемоніалъ встрѣчи точь-въ-точь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣтили бы они самую императрицу Елисавету.

Усомнились было нѣсколько въ возможности исполненія такого церемоніала начальникъ инвалидовъ и полковой командиръ стоявшаго тамъ полеваго полка.

— Положимъ, фронтъ я выведу, и могу церемоніальнымъ маршемъ провести; но бить походъ, склонять знамена... Воля ваша, это не идетъ.

— Да какъ же не идетъ, когда сказано: «какъ бы самому царю, подъ клятвою и страшнымъ наказаніемъ». А сенатъ пишетъ «съ подобающею *ему*...» Если чего не выполнимъ или отмѣнимъ, будетъ не подобающая честь, недостаточная... И Богъ знаетъ, какъ сенатъ тутъ распорядится.

Для успокоенія военныхъ начальниковъ въ ихъ сомнѣніи рѣшились послать имъ офиціальную бумагу, въ коей изложить требованіе сената и существующій въ соборѣ историческій документъ о принятіи въ городѣ Зацѣпинскѣ родовыхъ князей Зацѣпиныхъ, изъ коихъ князь Андрей Васильевичъ теперь старшій представитель.

Всѣ эти толки, препирательства и объясненія властей, чрезъ нѣсколько часовъ разумѣется стали извѣстны всему городу, и Зацѣпинскъ вдругъ ожилъ.

— Пріѣдетъ нашъ настоящій зацѣпинскій князь, и мы его какъ государя своего принимать и чествовать должны! говорила Адуева,

супруга одного изъ мѣстныхъ тузовъ помѣщиковъ, три дочери которой были за-мужемъ тоже всѣ за тузами.

— Матушка, Анфиса Памфиловна, а что я въ домекъ-отъ не возьму: это, говорятъ, нашъ князь; а распространяется ли власть его и на Заболотское и на Дорское?

— Разумѣется распространяется. Не одного же онъ города князь; вся провинція Зацѣпинская въ его власти!

— Такъ что, скажите, онъ можетъ, напримѣръ, приказать намъ отрубить головы?

— Да съ какой стати онъ намъ головы рубить станетъ?

— Я не къ тому... а если-бы приказалъ?

— Ну и отрубили бы!

— Такъ онъ стало быть заправскій, настоящій князь, а не то, чтобы только одинъ блезиръ былъ. И что же, ему дворецъ здѣсь строить будутъ?

— Если жить останется и дворецъ выстроятъ, а пока домъ Ильи Андреевича Бѣлопятова очищаютъ и приготовляютъ...

— Ахти какая притча! Была бы погода только, а то непремѣнно на встрѣчу выѣду.

— Говорятъ, купцы устроили, что коли хорошая погода будетъ, такъ улицу-то до самаго собора краснымъ сукномъ устлать, а отъ собора до дома Бѣлопятова коричневымъ бархатомъ.

— Да? А вы видѣли, что стѣны-то по дорогѣ коврами убираютъ!

— Такого торжества давно въ Зацѣпинскѣ не было. Оно и правда, коли настоящій, заправскій, нашъ Зацѣпинскій...

— Само собою... А вы слышали, что еще Пентюховъ придумалъ: собираютъ что ни на есть красивыхъ дѣвицъ, чтобы цвѣты ему несли.

— Дѣвицъ? Да зачѣмъ ему дѣвицы? Развѣ онъ не женатъ?

— Холостъ, холостъ!

— Ахъ, Боже мой! такъ надобно, чтобы и мою Машеньку выбрали. Можетъ на счастье и понравится...

Пока городъ Зацѣпинскъ толковалъ такимъ образомъ и готовился къ встрѣчѣ, князь Андрей Васильевичъ летѣлъ во весь духъ въ своемъ дормезѣ, думая о томъ, какъ бы лучше исполнить волю

государыни и возможно скорѣе вернуться въ Петербургъ, такъ какъ государыня должна была уже туда возвратиться изъ Москвы.

Будущее видимо ему улыбалось. Императрица, возлагая на него государственное порученіе и такое порученіе, которое требовало ея полной довѣренности, обращалась къ нему какъ къ другу, какъ къ человѣку, котораго мнѣніемъ, чувствомъ, уваженіемъ, она дорожитъ болѣе чѣмъ чьимъ либо. Онъ долженъ поддержать такое чувство ея довѣрія, возвысить, укрѣпить, возвести его на степень страсти, а страсть довести до самозабвенія, до отрицанія самой себя... И онъ это сдѣлаетъ, только были бы случаи, подобные настоящему, когда онъ можетъ издали представляться ей въ поэтическомъ свѣтѣ.

Все это онъ передумывалъ и разбиралъ. Вспоминалъ и Гедвигу, стараясь однакожъ не думать о ней.

Позади его ѣхала карета съ его секретарями, сзади другая съ камердинеромъ и прислугою, потомъ еще двѣ брички съ запасами и принадлежностями.

Все это неслось, летѣло сломя голову, при помощи трехъ пружинъ русской жизни, вызывающихъ бѣшеную ѣзду: предписаній начальства, надежныхъ арапниковъ въ рукахъ Гвоздилома и другой прислуги, и щедраго «на водку»!

Всѣ три пружины были въ дѣйствіи, поэтому князь Андрей Васильевичъ именно не ѣхалъ, а летѣлъ.

Вдругъ, не доѣзжая до города версты полторы, онъ увидалъ, что ему идетъ на встрѣчу крестный ходъ; а за нимъ весь городъ разряженный, парадный. Погода, будто нарочно, была превосходная.

Андрей Васильевичъ приказалъ остановиться.

Впереди всѣхъ шелъ отецъ Ферапонтъ, въ архимандритскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. Его вели подъ руки два иподіакона, а сзади шло все городское духовенство, неся образа, между ними и образъ Спаса Нерукотвореннаго Зачѣпинскаго, церковныя хоругви и кресты.

Андрей Васильевичъ вышелъ изъ кареты, стараясь припомнить, какой въ этотъ день былъ праздникъ. Но вспомнить ему не удалось.

Отецъ Ферапонтъ, котораго Андрей Васильевичъ сейчасъ же узналъ, не смотря на то, что съ похоронъ отца и дяди прошло уже болѣе семи лѣтъ, прямо подошелъ къ нему и, осѣняя его крестомъ, сказалъ:

— Во имя Отца и Сына и святаго Духа, прійди, возлюбленный княже, въ стольный градъ свой и да внидетъ съ тобою радость и благодать Божія,—аминь!

И онъ подалъ ему крестъ.

Андрей Васильевичъ машинально приложился къ кресту.

Загудѣли колокола сорока церквей города Зацѣпинска, заревѣлъ народъ въ радостномъ восторгѣ, раздались выстрѣлы на валу города.

Андрей Васильевичъ совершенно потерялся.

Но передъ нимъ уже стоялъ отецъ протоіерей въ полномъ облаченіи съ Евангеліемъ въ рукахъ.

— «Се палладіумъ славы Божіей въ Богоспасаемомъ стольномъ градѣ твоемъ Зацѣпинскѣ! Съ нимъ приходимъ мы передъ твои свѣтлыя княжескія очи. Въ немъ милость и Божіе благословеніе. Преклонись передъ нимъ, подобно благочестивымъ свѣтлымъ предкамъ твоимъ, да надѣлитъ Онъ разумъ твой мудростью Соломонью, укрѣпитъ мышцы твои силою львиною, а сердце твое да наполнитъ христіанскимъ милосердіемъ. И вознесется родъ твой превыше всѣхъ родовъ земныхъ, и сокрушится врагъ твой, яко сокрушился змій въ геенѣ огненной»!

Съ этими словами отецъ протоіерей указалъ на зацѣпинскій образъ Нерукотвореннаго Спаса, образъ, по преданіямъ, чудотворный, къ которому и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ Андрея Васильевича имѣли большую вѣру.

Андрей Васильевичъ поклонился до земли и поцѣловалъ образъ, а затѣмъ св. Евангеліе.

Тутъ выступилъ воевода и поднесъ ему ключи города Зацѣпинска; затѣмъ голова съ выборными поднесъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль; за ними шли дѣвицы съ привѣтственными рѣчами и цвѣтами.

У Андрея Васильевича закружилась голова, а духовенство начало свое благодарственное славословіе. Колокола загудѣли вновь и процесія, съ Андреемъ Васильевичемъ въ центрѣ, осыпаемая цвѣтами съ балконовъ, изъ оконъ, съ крышъ, вступила на красное сукно.

Изъ каждой церкви, мимо которой проходила процесія, выходило духовенство съ крестомъ и мѣстными иконами и привѣтствовало своего жданнаго, Богомъ посланнаго князя, присоединяясь потомъ къ общему строю движенія. Такъ вошли они на площадь.

Раздалась команда: слушай, на кра-улъ!

Знамена преклонились, загремѣлъ походъ.

«Боже! что это»? подумалъ про себя Андрей Васильевичъ и прошепталъ на ухо отцу Ферапонту:

— Уведите меня куда нибудь, отецъ Ферапонтъ. Я чувствую, что упаду!

Между тѣмъ, командиры частей и ординарцы являлись по уставу, начался салютъ, гремѣла музыка, гудѣли колокола, а народъ буквально вопилъ, упоенный торжествомъ.

По счастью это было уже подлѣ дома Бѣлопятова. Андрей Васильевичъ, совершенно отуманенный, вошелъ въ домъ, гдѣ было приготовлено пиршество.

Всю ночь городъ Зацѣпинскъ горѣлъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Щитъ, изображавшій гербъ князей Зацѣпиныхъ, старшихъ представителей угасшей линіи московскихъ князей, горѣлъ на зацѣпинскомъ озерѣ, на которомъ разъѣзжали на лодкахъ и пѣли старинную, древнюю славу русскому князю православному, его дружинѣ вѣрной и всѣму русскому воинству. Разумѣется Андрей Васильевичъ не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь (*).

VII.

Подкопы.

Императрица Елисавета Петровна только что встала. Она наканунѣ только пріѣхала изъ Москвы и очень устала съ дороги. Едва она успѣла сѣсть передъ зеркаломъ, отдавъ расчесывать свои чудные каштановые волосы, сохранявшіе до сихъ поръ свою шелковитость и густоту, какъ къ ней вошла Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева, ея бывшая старшая фрейлина и наперстница, теперь ея гофмейстерина и ближайшая статсъ-дама.

(*) Послѣдній пріемъ такого рода городами потомковъ своихъ бывшихъ удѣльныхъ князей, съ отданіемъ имъ царскихъ почестей, — происходилъ въ царствованіе императрицы Екатерины, когда городъ Ростовъ подобнымъ образомъ принималъ посланнаго туда, по Высочайшему повелѣнію, князя Лобанова-Ростовскаго. Екатериною II уже сдѣлано было общее распоряженіе, по коему всѣ подобныя, поставленныя въ договорахъ съ Московскими великими князьями условія отмѣнились.

— Мавруша, ты? Что такъ рано? Вѣрно твой благовѣрный опять на охоту уѣхалъ?

— Нѣтъ, всемилостивѣйшая государыня. Онъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ собираются только послѣ завтра. Я къ вамъ похвастаться новою выдумкою. Изволите помнить, французскіе кенкеты накрываются металическими колпаками. Выходитъ грубо и неизящно. Правда, нынче стали раскрашивать сторонки этихъ колпаковъ въ разные цвѣта и съ позолотою, но все выходитъ, по моему, аляповато. Я придумала замѣнить металическія дощечки колпаковъ матовыми стеклами. А чтобы сдѣлать ихъ покрасивѣе, то выдумала новую работу: сѣтки изъ стекляруса, бисера, блестокъ, вообще чего нибудь блестящаго. Взгляните, ваше величество, на такую сѣтку. Это выходитъ и ново, и красиво. Если позволите, я вамъ приготовлю такой кенкетъ для письменнаго стола?

Разговоръ начался о новой, придуманной Маврою Егоровною работѣ и продолжался все время, пока императрицѣ расчесывали волосы и убирали голову, причемъ, разумѣется, необходимо было присутствіе горничной и парикмахера.

Но вотъ передъ государынею поставили маленькій столикъ и принесли превосходной работы серебряный приборъ съ кофе. Постороннія уши исчезли.

— Хочешь кофе, Мавруша? спросила государыня.

— Пожалуй, я не пила сегодня и буду рада вспомнить то счастливое дѣвичье время, когда удостоивалась всякій день раздѣлять вашъ завтракъ. Кстати мнѣ принесли новый рецептъ приготовленія кофе отъ метръ-д'отеля покойнаго князя Андрея Дмитріевича Зацѣпина. Помните, какой у него былъ всегда превосходный кофе.

— Въ чемъ же секретъ?

— Въ томъ, что къ зернамъ мокка, когда ихъ жарятъ, примѣшиваютъ нѣсколько бобовъ какао. Это придаетъ кофе особый вкусъ.

— Нужно отдать справедливость князю Андрею Дмитріевичу, покойникъ умѣлъ жить, замѣтила государыня.

— Думаю, что въ этомъ отношеніи не уступитъ ему и племянникъ! отвѣтила Мавра Егоровна.—Мужъ у него обѣдалъ и нахвалиться не можетъ, какъ у него все было приготовлено и какъ сервировано. И знаете, государыня, вдругъ прибавила Мавра Егоровна

съ улыбкою. — Передъ вами открыты всѣ мои помыслы. Я никогда ничего не умѣла и не умѣю отъ васъ скрыть. Вы знаете, я вышла замужъ по любви. Сказать правду, я и до сихъ поръ люблю своего Петра Ивановича. Онъ человѣкъ умный и вамъ преданный. Въ настоящемъ положеніи дѣла я, разумѣется, не измѣню ему. Но еслибы можно было думать, что онъ полюбитъ истинно, если-бы можно было вѣрить этому, то, признаюсь, единственный человѣкъ, для котораго бы, кажется, я и мужа, и себя забыть готова,—это молодой князь Зацѣпинъ. Я не встрѣчала никого, кто былъ бы такъ увлекателенъ, какъ онъ. Любезный, умный, пріятный, вотъ ужъ именно maître de salon. Онъ просто очарователенъ. Наконецъ, онъ настолько выше всѣхъ нашихъ любезниковъ по своему образованію, что право простительно, что наши барыни не даютъ ему покоя и всѣ, кажется, на шею ему готовы повѣситься. Одно жаль, что съ такою очаровательною внѣшностью онъ соединяетъ такую бездушную холодность и такое непомѣрное честолюбіе.

— Какой ты вздоръ говоришь, Мавруша, нѣсколько нервно отвѣчала государыня, которую разговоръ о достоинствахъ Андрея Васильевича видимо задѣлъ за живое.—Изъ чего ты заключила, что онъ холоденъ и бездушенъ? Что онъ не бросается на нашихъ барынь; да стоятъ ли еще онѣ того, чтобы на нихъ бросаться? Притомъ, можетъ быть, сердце его занято одною, прибавила государыня съ улыбкою.—Что же касается его честолюбія, продолжала она,— то, по моему, это не порокъ, а скорѣе достоинство. Но онъ и не честолюбивъ,—въ этомъ я не одинъ разъ имѣла случай удостовѣриться.

— О, государыня, если-бы это было такъ, я влюбилась бы въ него безъ памяти! Но, къ сожалѣнію, я не ошибаюсь. Всѣ помнятъ, какъ при покойной императрицѣ онъ любезничалъ съ маленькою Биронъ. Потомъ онъ началъ было сближаться съ правительницею, но пріѣхалъ Линаръ и старая привязанность взяла верхъ. Теперь онъ точно не обращаетъ вниманія на нашихъ барынь, но почему? Потому что ни одна изъ нихъ не соотвѣтствуетъ видамъ его честолюбія. Но, не любя никого, безчувственный, холодный, онъ тѣмъ не менѣе вдается въ развратъ. Представьте себѣ, государыня, въ Москвѣ, за день до своего отъѣзда, пріѣхавъ изъ дворца, онъ принималъ у себя, одну за другою, двухъ дамъ и просидѣлъ съ каждою

на единѣ часа по два, такъ что послѣдняя уѣхала отъ него далеко за полночь. Вѣроятно, что онѣ съ нимъ не Евангеліе же читали!

Императрицу укололо это извѣстіе.

«Какъ? подумала она,—въ то самое время, когда она, полная симпатіи къ его чувству, полная надежды на его беззавѣтную преданность, благословляла его на трудъ для нея, трудъ, долженствующій служить звеномъ ихъ перваго сближенія; когда она такъ искренно готова была обѣщать и въ сердцѣ своемъ обѣщала... А онъ, въ то самое время, принимаетъ развратныхъ посѣтительницъ... Не можетъ быть, подумала она,—это клевета»; однакожъ спросила:

— Кто же были эти дамы, ты не знаешь, Мавруша?

— Первая осталась неизвѣстною; другая же—бывшая его любовница, извѣстная Леклеръ.

— Леклеръ? Это ужъ слишкомъ! невольно высказалась государыня.

Но черезъ минуту она подумала:

«Именно потому, что у него была Леклеръ, а не какая нибудь другая, я не должна обращать на это вниманія. Мущины всѣ вообще такіе гадкіе; для нихъ женщины необходимы и Леклеръ могла быть для него такою необходимостью. Однако все же досадно. Желала бы я знать, кто была первая дама?»

— Разумѣется, винить молодаго человѣка, зачѣмъ онъ живетъ не постникомъ, нельзя. Въ нашемъ распущенномъ вѣкѣ не только въ его годы, но буквально мальчишки имѣютъ любовницъ. Кромѣ того, въ этомъ отношеніи ему не можетъ не служить примѣромъ его дядя. Князь Андрей Дмитріевичъ, извѣстно, до самой смерти своей любилъ веселыя похожденія. Ну, видно и племянникъ по дядюшкѣ пошелъ. Я, впрочемъ, его не обвиняю. Я говорю только о себѣ. По моему, нельзя любить человѣка, который мое чувство можетъ смѣшать съ грязью какой нибудь Леклеръ. Не будь этого, признаюсь откровенно, голова Петра Ивановича была бы небезопасна отъ юпитеровскаго украшенія. Теперь же онъ можетъ спать спокойно.

Въ это время государынѣ доложили, что пріѣхалъ канцлеръ и президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, съ докладомъ. Маврѣ Егоровнѣ пришлось откланяться.

Но она уже сдѣлала свое дѣло. Она заронила въ сердце Елисаветы сомнѣніе, возбудила желаніе узнать... На первый разъ чего же больше? Вопросъ поставленъ круто, ребромъ. Если Мавра Егоровна, невзрачная, черноватая Мавруша, не можетъ любить такого человѣка, который не цѣнитъ привязанности, не уважаетъ женскаго чувства, то можетъ ли любить его красавица Елисавета? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Самолюбіе государыни въ этомъ ручательство. А затѣмъ? Государыня не стара, красива, кокетлива. Она уже рѣшилась удалить отъ себя Разумовскаго. Ясно, при ней долженъ будетъ находиться новый оберъ-камергеръ. Этимъ камергеромъ можетъ быть ихъ милый Ваня, какъ было условлено между ея мужемъ и его братомъ, Александромъ Ивановичемъ. А при настоящемъ положеніи, если ихъ скромный, милый Ваня будетъ близокъ къ государынѣ, все семейство ихъ опять пойдетъ въ ходъ. Воронцовъ не будетъ важничать своимъ родствомъ и графствомъ. Ваня возвыситъ ихъ фамилію, дастъ ей политическое значеніе. Ихъ тоже могутъ сдѣлать графами; вѣдь сдѣлали же Разумовскихъ? Мы къ ней тогда будемъ самыми близкими; поневолѣ намъ въ глаза смотрѣть будутъ. А главное, финансовые проекты моего мужа сенатъ не посмѣетъ браковать и мой Петръ Ивановичъ, принося, разумѣется, пользу государынѣ и государству, можетъ не забыть и себя, а деньги намъ крайне нужны.

Такъ разсуждала Мавра Егоровна, возвращаясь изъ дворца къ себѣ, и она была права. Сомнѣніе такой ядъ, для дѣйствія котораго довольно одной капли. Государыня невольно подумала:

«Неужели вся преданность, вся сила чувства его ко мнѣ, весь огонь были болѣе ничего, какъ только одни виды его честолюбія? Неужели все это было только одно притворство? Неужели ее, красавицу Елисавету, нельзя уже любить ни за что болѣе, какъ только за то, что она императрица, что она своихъ любимцевъ можетъ осыпать милостями, вывести въ люди, поставить на высокую ступень, можетъ тѣшить ихъ честолюбивыя мечты? Но вѣдь она не совсѣмъ еще состарѣлась, ей далеко нѣтъ еще сорока. Глаза ея, она сама видитъ, еще сверкаютъ, еще блестятъ; а волосы? Есть ли у кого изъ двора такіе волосы, какъ у нея? А ея маленькая ножка? Правда, она нѣсколько пополнѣла, но это ее не портитъ. Она стала,

какъ говорилъ этотъ негодяй, но любезный и умный негодяй, Шетарди, тою роскошною belle-femme, отъ которой по ночамъ не спится, а днемъ грезится. А тутъ этотъ ясный, свѣтлый, этотъ милый, пріятный человѣкъ, если и говоритъ, если и смотритъ, то только въ видахъ честолюбія. Нѣтъ, не можетъ быть! Онъ слишкомъ искренен, слишкомъ благороденъ. Да онъ и не честолюбивъ... Однакожъ, точно, я припоминаю: говорили, что онъ очень сближался съ Биронами; потомъ ухаживалъ за принцессою Анною... Боже мой, какое несчастіе, когда ни отъ кого нельзя услышать слова правды, когда кругомъ ложь и только ложь!»

Вошелъ Бестужевъ съ бумагами.

Бестужеву въ это время было около пятидесяти трехъ или четырехъ лѣтъ, но онъ казался несравненно старѣе отъ сплошной почти просѣди въ его густыхъ темныхъ волосахъ. Тѣмъ не менѣе мускулистое сложеніе, рѣзкій и упорный взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей, высокій лобъ и тонкая, чуть замѣтная улыбка, при необыкновенной подвижности лица, обозначали въ немъ человѣка умнаго, хитраго, сдержаннаго, но вмѣстѣ нервнаго и рѣшительнаго.

«Такимъ, вспомнила Елисавета,—былъ Волынскій».

Елисавета въ это время думала объ Андреѣ Васильевичѣ. Ей и обидно, и досадно было думать, что вотъ человѣкъ, котораго она признавала чуть не совершенствомъ, которому вѣрила, котораго любила... всю себя готова была отдать ему, а онъ, можетъ быть, всякое слово свое разсчитывалъ, всякій взглядъ свой соразмѣрялъ, стало быть, обманывалъ и словомъ, и взглядомъ, а для чего? Для возвышенія своей личности, для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ видовъ, для которыхъ она, Елисавета, должна была служить только ступенью!—И этотъ обманъ, эта маска была до того нагла, до того безсовѣстна, что въ то время, какъ она—онъ не могъ не видѣть этого—смотрѣла на него чуть не съ благоговѣніемъ, онъ вдавался въ развратъ... Фи! Да развѣ она хуже Леклеръ? Да она и не старѣе ея! И смѣлъ онъ сравнивать? Но вѣдь это вздоръ! Онъ, можетъ быть, и не думалъ ни о какомъ сравненіи. Онъ въ такой степени откровененъ, прямъ, смотритъ такъ ясно и съ такою преданностью... Однакожъ, это вѣрно: онъ очень сближался съ принцессою Анною....

Елисавета думала это въ то время, какъ Бестужевъ читалъ до-

ладъ о меморіи Ланчинскаго, нашего посла въ Вѣнѣ, описывавшаго ему свою послѣднюю аудіенцію у Маріи-Терезіи и объяснявшаго принятое рѣшеніе объ арестѣ маркиза Ботты, что государыню чрезвычайно заинтересовало.

— Я не зла, сказала Елисавета,—но, признаюсь, очень рада, что этотъ мерзавецъ не останется безнаказаннымъ. Въ то время, какъ онъ увѣрялъ меня въ своей особой преданности, въ искренности своего двора, какъ извѣчнаго союзника Россіи, въ то самое время составлять заговоры, помогать моимъ врагамъ...

— Что дѣлать, государыня, политика! Разумѣется, имъ нельзя не желать возврата Брауншвейгской фамиліи; но это нисколько не препятствуетъ имъ заключить союзъ съ вашимъ величествомъ, если конъюнктуры государственныя того требуютъ. Меня обыкновенно упрекаютъ, что я стою за австрійскіе интересы. Позволяю себѣ доложить, государыня, что напротивъ. По душѣ, я первый ихъ противникъ. Ужъ одно то, что, по своему близкому родству съ принцемъ Антономъ, они не могутъ не желать воцаренія принца Іоанна, не можетъ не становить меня, преданнѣйшаго слугу вашего величества, въ прямую опозицію всякимъ ихъ предположеніямъ. Но мы, государственные люди, призванные волею вашего величества къ руководству внѣшнею политикою нашего отечества, не имѣемъ права отдаваться нашимъ личнымъ симпатіямъ. Мы должны строго взвѣшивать, что полезнѣе для Россіи и славнѣе для имени вашего величества: предоставить ли Габсбурговъ ихъ судьбѣ, или поддержать ихъ въ прежнемъ значеніи. Конъюнктуры нашего государства таковы: если мы допустимъ раздѣлъ австрійскихъ земель, то въ центральной Европѣ не останется ни одного самостоятельнаго государства. Всѣ онѣ подпадутъ подъ преобладающее вліяніе Франціи. А такая французская, враждебная намъ игемонія будетъ для насъ крайне опасна. Французы, имѣя постоянными своими союзниками нашихъ извѣчныхъ враговъ Турцію и Швецію, въ соединеніи съ прусскимъ королемъ, будутъ постоянною грозою Россіи. Швеція, опираясь на силу французовъ, начнетъ опять домогаться возврата сдѣланныхъ у нихъ завоеваній; турки съ крымскимъ ханомъ будутъ стараться оттѣснить насъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей; а прусскій король, при его видимомъ желаніи усилиться на счетъ сосѣдей,

при увеличившемся могуществѣ Франціи, будетъ видѣть возможность исполненія своихъ желаній единственно только въ отнятіи чего либо у насъ или у Польши. Отъ присоединенія къ своему королевству Силезіи и большей части Богеміи апетитъ его разгорится, и онъ, взявъ Померанію и Познань, пожелаетъ Курляндію, а можетъ быть позарится и на Ригу. Весьма можетъ быть, что съ Польшею онъ поладитъ, обѣщая для нея, взамѣнъ отбираемыхъ земель, отвоевать, вмѣстѣ съ шведами, при французской помощи, у насъ Малороссію и всю западную границу до Смоленска. Тогда едва ли намъ удастся отстоять и Петербургъ. Россія, нечего и говорить, обратится опять въ азіатское государство и трудъ блаженныя памяти въ Бозѣ почившаго великаго государя, вашего родителя, будетъ уничтоженъ, пропадетъ самъ собою. Чтобы избѣжать такого несчастія, нужно не допускать паденія Австріи, не ради Габсбургскаго дома, а ради самихъ себя.

Государыня выслушала этотъ монологъ своего канцлера весьма внимательно.

— Развѣ мы не можемъ войти въ соглашеніе съ французами? Развѣ не можемъ впередъ согласиться съ прусскимъ королемъ? спросила она.

— Нѣтъ, всемилостивѣйшая государыня! Всѣ депеши Кантеміра и Гросса, которыя я имѣлъ счастіе подносить на ваше благосклонное воззрѣніе, ясно доказываютъ не только нерасположеніе къ намъ французскаго двора, но и его явную враждебность! Къ тому же вотъ еще дѣло о студентѣ Маріамскомъ. Изъ него, ваше величество, изволите усмотрѣть, что, кромѣ прямыхъ, политическо-враждебныхъ дѣйствій, французы высылаютъ своихъ агентовъ въ Малороссію и Лифляндію, чтобы раздуть тлѣющійся тамъ сепаратизмъ и возбудить волненіе противъ самодержавной власти вашего величества. Зависть къ усиленію вашего могущества, могущества единственной монархини, могущей положить предѣлъ ихъ властолюбивымъ замысламъ, столь велика, что не даетъ имъ покоя. Самое даже желаніе ихъ видѣть васъ на престолѣ вашего родителя исходило не изъ какого либо другаго источника, какъ только изъ надежды видѣть смуту и междоусобіе въ соперничествующемъ съ ними по своей силѣ государствѣ. Возбужденная ими противъ насъ швед-

ская война, покрывшая оружіе вашего величества новою славою, показываетъ уже, до какой степени это желаніе ихъ можетъ быть для Россіи вредоносно. Потому-то я и настаиваю, всемилостивѣйшая государыня, ради пользы престола и славы вашего имени, пока есть еще время, рѣшить этотъ вопросъ внѣ личныхъ отношеній къ царствующимъ домамъ, а тою высокою вашею мудростью, которая въ лицѣ вашемъ указуетъ рѣшительницу судебъ Европы.

— Я слишкомъ далека, графъ, отъ того, чтобы мои личныя отношенія вмѣшивать въ дѣла, отъ конхъ зависитъ благо государства! отвѣчала Елисавета.—Но я не могу быть неблагодарною. Французскій дворъ, хотя не много, но все же помогъ моему вступленію на престолъ. Да и могу ли я стоять за австрійскій дворъ, послѣ того, какъ открылись его старанія, черезъ этого негоднаго маркиза Ботта, для своихъ видовъ, лишить меня дарованныхъ мнѣ самимъ Богомъ правъ. И какіе слухи они для того распускали, какіе подкопы придумывали: что и незаконная-то я дочь, и что отстранена будто бы своею матерью отъ всякаго участія въ наслѣдованіи, и Богъ знаетъ что!... Но законность сына или дочери, неотвергаемая при жизни родителей, не можетъ отвергаться по ихъ смерти. А мать моя, предоставляя престолъ внуку моего отца и установляя, что мужскіе наслѣдники имѣютъ преимущество, руководствовалась только справедливостью... Племянникъ мой, герцогъ голштинскій, будучи не православнымъ по религіи, не можетъ имѣть передо мною преимущества, поэтому престолъ, и по роду, и по завѣщанію моей матери, принадлежитъ мнѣ. Но и тутъ, чтобы не обидѣть племянника, я назначила его своимъ наслѣдникомъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православіе. Но все это не даетъ никакого права австрійскому двору вмѣшиваться въ наши, чисто уже семейныя дѣла и поддерживать линію, неимѣющую къ русскому престолу никакого отношенія. Въ заключеніе, нельзя же не помнить личнаго оскорбленія, нанесеннаго мнѣ австрійскимъ дворомъ, который далъ перевѣсъ передъ моими сообщеніями лживымъ объясненіямъ Ботты. Тѣмъ не-менѣе, я вполнѣ согласна съ вами, графъ. Мы не должны давать слишкомъ усиливаться ни Франціи, ни прусскому королю.

— Объ этомъ-то недопущеніи усиленія враждебныхъ намъ эле-

ментовъ я и дозволяю себѣ доложить вашему всемилостивѣйшему вниманію. Между тѣмъ враги мои, изъ личной зависти ко мнѣ, готовы употребить всѣ средства, чтобы возстановить здѣсь вновь французское вліяніе. Они знаютъ, что за этимъ неминуемо должно послѣдовать лишеніе меня вашего довѣрія, стало быть и мое паденіе. Они забываютъ, что если-бы я имѣлъ несчастіе не угодить вамъ, то вы, какъ самодержавная монархиня, и безъ французовъ изволили бы меня уволить или замѣстить. Для удовлетворенія же своей личной вражды ко мнѣ, втягивать государство въ политику вредную и, по существующимъ конъюнктурамъ, весьма опасную, по моему разумѣнію, не дѣло вѣрныхъ слугъ своей государыни, тѣмъ болѣе, что, стараясь объ усиленіи своей партіи, они не останавливаются ни передъ чѣмъ.

— Э, полноте, графъ, отвѣчала Елисавета.—Ваша подозрительность вездѣ рисуетъ вамъ враговъ! Какая же партія? гдѣ? И развѣ я слушаю какія-то партіи?

— Осмѣлится ли кто сомнѣваться въ высокой справедливости вашего величества? Но партіи все же существуютъ, и не доложить вашему величеству о томъ, что есть люди, стремящіеся извращать видимые всѣми факты, чтобы ввести въ заблужденіе самую справедливость, было бы съ моей стороны измѣною своему долгу. Вотъ эти-то люди, ваше величество, и становятся опасными. Замѣтивъ выраженіе вашей милости къ молодому князю Зацѣпину, котораго, по воспитанію, продолжительной жизни во Франціи, наконецъ, по преемственности взглядовъ его дяди, признаютъ преданнымъ французскимъ интересамъ, они думаютъ черезъ него достигнуть своихъ антипатріотическихъ и противныхъ видамъ Петра Великаго цѣлей. Для того прежде всего хлопочутъ о возвращеніи Лестока. Для нихъ Лестокъ весьма важенъ по своей опытности въ интригѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ они стараются усилить себя привлеченіемъ къ своему единомыслію новыхъ адгерентовъ, въ лицѣ принца гессенъ-гомбургскаго, его тестя и свояка, князей Трубецкихъ, Бутурлина, Салтыковыхъ и др. Къ моему глубокому огорченію, дѣйствія ихъ вообще столь успѣшны, что они перетянули въ свой кругъ даже моего помощника и сотрудника, графа Михайлу Ларивоновича, какъ ваше величество сами изволили усмотрѣть изъ перлюстраціи шифрованныхъ депешъ

прусскаго посла графа Мардефельда. Кромѣ того, Веселовскій, Бревернъ и всѣ члены моей коллегіи на ихъ сторонѣ, такъ что я не могу раскрыть рта, черкнуть двухъ словъ, чтобы мои слова не были переданы Дальону, Мардефельду и этому баварцу Нейгаузу; а тѣ сообщаютъ ихъ своимъ дворамъ, настроеннымъ къ намъ наиболѣе враждебно: французскому, прусскому, и двору вновь избраннаго вліяніемъ Франціи германскаго императора, успѣвшаго уже связать себя тѣснымъ союзомъ съ Пруссіею. Они хотятъ видѣть на моемъ мѣстѣ Румянцева, зная, что почтенный генералъ, при всей преданности вашему величеству и своей испытанной храбрости, весьма недальнозоркій политикъ и постоянно подчиняется вліянію своей супруги; а съ графинею они уже успѣли сойтись. И для всего этого употребляются ими самые недостойные способы подкупа, подлога, застращиванія, наконецъ, соблазна черезъ агентуру извѣстной французской актрисы Леклеръ, которую, къ великому огорченію, поддерживаетъ молодой князь Андрей Васильевичъ Зацѣпинъ. Вліяніе этой Леклеръ на молодаго князя Андрея Васильевича въ прежнее время было несомнѣнно. Теперь, замѣтивъ его необыкновенное честолюбіе, они постарались вліяніе это возстановить, если не силою чувственности, то соблазномъ и представленіемъ картинъ, льстящихъ его честолюбивымъ стремленіямъ. Въ такомъ видѣ, ваше величество, изволите согласиться, дѣло оставаться не можетъ и не должно. Поэтому, обо всемъ этомъ, я съ моимъ рабскимъ почтеніемъ счелъ долгомъ, какъ вѣрный слуга, доложить и слезно молить: если мои взгляды и выводы не удостоиваются вашего одобренія, то всемилостивѣйше повелите оставить мнѣ мой постъ, передавъ должность мою, кому вы изволите указать. Если же мое усердное служеніе, при моемъ маломъ разумѣ, изволите признавать нужнымъ и полезнымъ для особы вашего величества и русскихъ интересовъ, то не оставьте всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ на раскрытіе всѣхъ нитей этой интриги, охватившей, единственно изъ вражды ко мнѣ, большую часть вашего двора и всѣхъ служащихъ по моему вѣдомству, которые въ своей враждѣ зашли ужъ столь далеко, что явно вредятъ предначертаніямъ вашего величества. Раскрытіе это тѣмъ необходимѣе, что можно сказать ежедневное возрастаніе силы прус-

скаго короля и его близкое къ намъ сосѣдство, при его совмасіи съ Франціею, дѣлаютъ наше положеніе крайне опаснымъ.

— Что же для этого нужно? спросила государыня, задумавшись.

— Прежде всего построже допросить Леклеръ, ваше величество, а тогда, по всей вѣроятности, выяснятся тѣ обстоятельства, которыя укажутъ къ чему необходимо приступить для охраны интересовъ вашего величества отъ всякаго злоумышленія.

— Хорошо! Мнѣ надоѣла уже эта французская интригантка, о которой столько лѣтъ я слышу со всѣхъ сторонъ, какъ о ядовитой и во всѣхъ отношеніяхъ вредной женщинѣ. Передайте это дѣло Александру Шувалову, онъ сдѣлаетъ свои распоряженія. Но безъ пытки, прошу васъ, безъ пытки!

Въ это время въ головѣ государыни мгновенно пробѣжала мысль: «кстати я хочу знать объ отношеніяхъ ея къ князю Андрею. Неужели онъ могъ, неужели рѣшался играть моими чувствами и выражая мнѣ словомъ, взглядомъ, каждымъ своимъ движеніемъ полную и беззавѣтную преданность, въ то же время позволялъ себѣ забавляться съ Леклеръ, или, что еще хуже, продавать меня черезъ нее Дальону, Мардефельду и всѣмъ этимъ піявицамъ, думающимъ только о томъ, какъ бы, пользуясь слабостью женщины, обмануть русскую императрицу? О, если это такъ, онъ не стоитъ тогда ни малѣйшаго моего вниманія! Тогда Мавруша права, утверждая, что онъ холодный, бездушный честолюбецъ, у котораго нѣтъ ничего святаго и который всѣмъ готовъ жертвовать, для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ желаній. Для него тогда, понятно, любовь женщины — игрушка, ступень для достиженія своихъ замысловъ. Тогда... тогда я его возненавижу!»

— Государыня, сказалъ въ отвѣтъ Бестужевъ, съ выраженіемъ восторженности, можетъ быть напускной, придворной, тѣмъ не менѣе всегда производящей свое впечатлѣніе, хотя въ то же время онъ чувствовалъ большое неудовольствіе отъ того, что дѣло будетъ производиться подъ наблюденіемъ Шувалова.—Я всегда зналъ, что справедливость и великодушіе присущи крови Петра Великаго, но теперь скажу, что Петръ не умеръ. Геній его царитъ надъ нами въ лицѣ его великой дочери, умѣющей, для блага государства, побѣж-

дать даже саму себя! Позволяю себѣ представить на ваше воззрѣніе послѣднюю перлюстрацію дешифрованныхъ депешъ Мардефельда и Нейгауза. Изъ нихъ вы изволите усмотрѣть, въ какой степени настояніе мое о необходимости раскрытія интриги, охватывающей бо̀льшую часть вельможъ вашего величества, вызывается насущными обстоятельствами.

И Бестужевъ, положивъ на столъ бумаги, откланялся.

Нѣсколько дней спустя, Жозефина Леклеръ приказала разбудить себя ранѣе обыкновеннаго.

Она разсчитывала въ этотъ день съѣздить къ прусскому посланнику графу Мардефельду, пріемы котораго назначались довольно рано; потомъ думала навѣстить бѣднаго больнаго француза, пріѣхавшаго къ ней съ письмами изъ Франціи и захворавшаго отъ петербургской воды; въ заключеніе думала завтракать у пріѣхавшаго изъ Москвы Мятлева, который, говорили положительно, рѣшилъ бросить московскій разгулъ и остепениться, взявъ на свое попеченіе только двухъ француженокъ.

«Я ему предложу, думала Леклеръ, лежа еще въ постелѣ,— взять brune et blonde: одну съ кругленькимъ личикомъ, съ вьющимися на вискахъ черными волосами и черненькими глазками, немножко жидовскаго типа, однимъ словомъ m-lle Матильду; а другую — бѣлокуренькую съ тоненькими чертами лица, розовенькими губками и чудными поэтическими голубыми глазками Лизету».

Среди этихъ ея мыслей, востроносенькая француженка, горничная Леклеръ, вошла къ ней въ спальню съ заспанными глазами и сказала, что уже семь часовъ.

Леклеръ торопливо вложила свои босыя ножки въ шитыя золотомъ мягкія туфли, надѣла юбку, накинула сверхъ ночной кофточки батистовый, обшитый брюсельскими кружевами пудреманъ и сѣла къ зеркалу, распуская свои, все еще густые и прекрасные волосы.

Горничная принялась ихъ расчесывать съ тою ловкостью, къ которой способны только француженки, и не прошло получаса, какъ головка Леклеръ, осыпанная пудрою, кое-гдѣ подвитая, съ

приколотымъ, по тогдашней модѣ, цвѣткомъ, была совсѣмъ готова.

Нужно было принести теплой воды.

Горничная пошла. Но только что она вышла изъ дверей спальни, какъ вскрикнула и воротилась назадъ.

— Что ты?

— Madame, въ залѣ солдаты!

— Что?..

Но распрашивать Леклеръ много не пришлось, потому что солдаты, безъ ружей впрочемъ, стояли уже на порогѣ обѣихъ дверей ея спальни, и изъ-за нихъ вылетѣла какая-то черная фигура, съ толстымъ, круглымъ и краснымъ лицомъ, въ сюртукѣ съ вышитымъ золотымъ кантомъ по черному стоячему воротнику и съ трехъугольною шляпою въ рукахъ.

— Ты, Леклеръ? Жозефина-Луиза, французская комедіантка? спросилъ черненькій человѣкъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу.

Сзади его въ это время появился не то служивый отставной подъячій, не то торгующій грекъ, съ приподнятымъ откиднымъ воротникомъ и подпоясанный шарфомъ.

— Она, ваше благородіе, она! сказалъ онъ.

Это былъ офиціальный агентъ тайной канцеляріи, долженствовавшій удостовѣрять личность арестуемыхъ.

— Ты, Леклеръ?

— Да, я Леклеръ, отвѣчала перепуганная француженка. — Что вамъ угодно?

— По указу ея императорскаго величества и предписанію его высоко-графскаго сіятельства, генералъ-аншефа, Александра Ивановича Шувалова, я тебя арестую! Идемъ! Берите ее!

— Что вы? что вы? я ни въ чемъ не виновата! вопила растерявшаяся Леклеръ внѣ себя. — Я французская подданная! Мой всемилостивѣйшій король... Да въ чемъ же я виновата?

— Тамъ узнаешь; разберутъ, кто твой король! Бери же, говорятъ! Что стали? крикнулъ онъ на солдатъ.

— Да хоть одѣться дайте, помилуйте!

— Какое тутъ одѣванье. Ну дай ей накинуть что нибудь потеплѣе и тащи!

И двое солдатъ подхватили подъ обѣ руки взвизгнувшую, почти раздѣтую, перепуганную француженку и поволокли ее изъ комнаты. Горничная едва успѣла накинуть на нее сверхъ пудреманта салопъ. У подъѣзда втолкнули ее въ какую-то парусинную фуру на дрогахъ. Арестовавшій ее черненькій человѣкъ сѣлъ подлѣ.

— Пошелъ! крикнулъ онъ, и фура тронулась.

Черезъ полчаса фура остановилась передъ какимъ-то подваломъ. Леклеръ высадили и провели темнымъ коридоромъ въ грязную комнату, въ которой стоялъ письменный столъ, покрытый оборваннымъ и замаслennымъ сукномъ.

Передъ столомъ сидѣлъ чиновникъ, который записалъ ея имя, званіе и примѣты и указалъ на скамью, куда ее посадили. Арестовавшій ее черный господинъ исчезъ. Леклеръ все еще не могла придти въ себя отъ страха.

Пришелъ какой-то другой чиновникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, который ее арестовалъ.

— Ну что? спросилъ записывавшій.

— Велѣно отвести въ застѣнокъ.

— Пытать будутъ что ли?

— Не знаю; надо думать — пытать.

Слово «пытать» будто ножомъ кольнуло въ сердце Леклеръ. Это слово ей было слишкомъ знакомо, чтобы не понять. Впрочемъ Леклеръ могла уже порядочно понимать по-русски.

Ее опять подхватили, опять повели по коридору, потомъ заставили еще спуститься на три или четыре ступеньки и ввели въ странную комнату, съ какими-то, невиданными ею, орудіями и необыкновенною обстановкою.

Это былъ застѣнокъ.

Продолговатая, невысокая комната была раздѣлена поперегъ на двѣ неравныя части, изъ коихъ въ первой, меньшей, былъ настланъ полъ въ видѣ помоста. На помостѣ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, обшитый по краямъ золотымъ позументомъ. На столѣ стояло зерцало, нѣсколько чернильницъ и были положены бумаги. Кругомъ стола были поставлены

стулья, между которыми находилось двое креселъ, украшенныхъ позолотою.

Въ другой части комнаты, въ которую вела особая дверь, полъ былъ земляной, усыпанный пескомъ. Онъ приходился несравненно ниже помоста первой части комнаты. Вдоль задней стѣны и съ боковъ были поставлены старыя деревянныя скамьи, почернѣвшія отъ времени и загрязненныя отъ употребленія; такія скамьи, по которымъ ясно было видно, что съ тѣми, которымъ приходится на нихъ сидѣть, не думаютъ церемониться.

Посреди этой части комнаты былъ вбитъ столбъ, съ придѣланною къ нему глаголемъ перекладиною; въ концѣ этой перекладины былъ сдѣланъ блокъ, сквозь который проходила веревка, оканчивающаяся вплетеннымъ въ нее кольцомъ. Это была такъ называемая дыба, съ виду весьма похожая на висѣлицу. Подлѣ дыбы лежали ея принадлежности: хомутъ, веревка, бревно и гири, долженствовавшія усиливать ея дѣйствіе; а на особо придѣланномъ къ дыбѣ крючкѣ висѣли выдѣланныя воловьи жилы.

Съ правой стороны дыбы стояла кобыла, т. е. бревно, устроенное въ видѣ косой скамьи, съ придѣланною у высокихъ ножекъ небольшою перекладиною съ отверстіями, для просовыванія рукъ. Понятно, что на такой кобылѣ можно было распластать человѣка, привязавъ его такъ, чтобы онъ не могъ пошевелиться. Подлѣ кобылы лежало нѣсколько пуковъ свѣжихъ розогъ и стоялъ особый станокъ, на которомъ были развѣшены разнаго рода плети, воловьи жилы и помѣщался длинный кнутъ, плетенный изъ ремня и со вплетеннымъ въ конецъ кускомъ жесткой юфти.

Съ лѣвой стороны дыбы стояли тиски для сжиманія ногъ, винтъ для раздавливанія пальцевъ на рукахъ и жаровня съ горящими углями, въ которой до-бѣла раскаливались желѣзные щипцы съ деревянными ручками. Тутъ же на стѣнѣ висѣли топоръ, палица и другія орудія казни и пытокъ.

Передъ приходомъ Леклеръ, въ застѣнкѣ были только двое помощниковъ палача, прибиравшихъ и расправлявшихъ орудія своего ремесла. Это были два здоровыхъ парня, въ красныхъ кумачевыхъ рубашкахъ, на которыхъ не могли быть такъ за-

мѣтны пятна крови, какъ могли бы быть замѣтны на бѣломъ полотняномъ бѣльѣ.

— Ты, Тимоха, не разсказывай мнѣ о своей силѣ, говорилъ одинъ, размахивая плетью; — тутъ не сила нужна, а снаровка, ловкость! А ужъ по ловкости, куда-жъ тебѣ! Самъ Калистратъ Парфенычъ говоритъ, что по ловкости я первый человѣкъ; говоритъ, что у меня золотыя руки, и точно за себя я постою, это вѣрно!

— А все безъ силы больно не ударишь, замѣтилъ Тимоха.

— Ну нѣтъ! Я тебѣ скажу: сила силой, а ловкость и снаровка прежде всего. Хоть-бы вотъ эта плеть: я буду класть ударъ подлѣ удара, полоса подлѣ полосы, ни разу не ударю по одному мѣсту, а все рядомъ да подлѣ, новинкой такъ и пойду. А послѣ положу накрестъ, да такъ всю спину выпишу, что будто разрисованная станетъ, и ни сѣсть, ни лечь будетъ нельзя. Куда-же тебѣ?

— Да коли силы настоящей нѣтъ, такъ все боли той не будетъ. Вотъ коли я ударю, такъ будь тамъ хоть какой — почувствуетъ; а ты что!

— Ну нѣтъ, не что! возражалъ Тимохѣ товарищъ, котораго кстати сказать, звали Ефимомъ. — Наказаніе-то я куда больше тебя заставлю возчуствовать. Оно такъ, что своей силой ты первый ударъ дашь такой, что всякій скажетъ: ударъ — ужасть! А потомъ и пойдешь бродить и вкривь, и вкось, ударъ на ударъ, по одному мѣсту. Пойдетъ кровь, а по крови-то ужъ человѣку чувствія такого не будетъ; жару-то ужъ поддать будетъ не чѣмъ. У меня другое дѣло. Я всего человѣка этакъ широкими кровавыми полосами будто узорами распишу, а потомъ въ конецъ-то, какъ поперегъ буду бить, изъ каждаго то есть вотъ по этимъ узорамъ цвѣточка кровь пущу. А вотъ кнутъ, такъ тѣмъ ты со всей своей силой и разу не ударишь, какъ вотъ хоть-бы Калистратъ Парфенычъ бьетъ, такъ что съ каждымъ разомъ кусокъ мяса вырываетъ. Тутъ не сила нужна, а выхлестъ; а у тебя выхлеста-то и не будетъ. Знаешь: кнутомъ можно человѣка сразу перешибить, такъ что онъ тутъ же и душу Богу отдастъ.

Ну сразу-то не перешибешь.

— Нѣтъ, право! вотъ я могу...

Въ это время ввели Леклеръ и посадили ее дрожащую, обезумѣвшую, на скамью у задней стѣны, въ нижней половинѣ комнаты.

— Что это, пытать что ли? спросилъ Тимоха.

— А кто ее знаетъ, должно пытать! Калистратъ Парфенычъ приказывалъ, чтобы на всякій случай сегодня и дыбу, и все къ пристрастію готово было. А впрочемъ и пытать-то кажись тутъ нечего; гляди, какая! И такъ душа въ тѣлѣ еле держится, спужалась должно ужъ очень!

И точно Леклеръ обводила застѣнокъ совершенно потерянным взглядомъ. Она не могла опомниться отъ ужаса передъ всѣми этими предметами, которые представились передъ ней какъ нѣчто страшное, давящее, разящее. Она не могла даже подумать о томъ, что вотъ въ этихъ тискахъ будутъ давить ея маленькія ножки, а этотъ винтъ будетъ щемить ея бѣлыя нѣжныя руки, которыя она такъ холила и берегла. А розги? а плети? неужели ими будутъ ее бить, сѣчь? А каленые щипцы, жаровня? неужели будутъ поджигать и рвать ея нѣжное тѣло? Страшно! страшно! Ей казалось, что всѣ эти предметы ожили; казалось, будто они сами встали и вотъ уже бьютъ, ломаютъ, рвутъ, жгутъ. Что же это? что же?.. Она закрыла глаза и сидѣла, блѣдная, омертвѣлая. Въ цвѣтахъ, пудрѣ, кружевномъ пудремантѣ, виднѣвшемся черезъ распахнувшійся салопъ, въ шитыхъ золотомъ, надѣтыхъ на босую ногу туфляхъ, она дрожала какъ въ лихорадкѣ и казалась бѣжавшею изъ чистилища или вставшею изъ гроба. Руки ея тряслись, зубы стучали одинъ о другой.

— Ну вотъ ее, на прикладъ, возьмешься ты кнутомъ сразу зашибить? спросилъ Тимоха.

— Ее-то? эту-то? Да на нее кнута не нужно, я и плетью перешибу! Такъ, съ перваго удара до самой кости и прорѣжу. Ты, братъ, еще не знаешь, что такое кнутъ! Хочешь объ закладъ на осьмуху водки, что вотъ я кнутомъ на кобылѣ зарубку положу, а можетъ и кусокъ дерева вырву.

— Хвастай! Ну гдѣ-жъ изъ дерева вырвать.

— Право вырву! Хочешь на осьмуху?

— Да ты тише болтай-то, вѣдь слышитъ.

— Развѣ не видишь, что чухна, что ли, али хранцуженка какая; по нашему-то не знаетъ.

Но Леклеръ понимала и съ ужасомъ смотрѣла, какъ одинъ изъ палачей снялъ со станка кнутъ, длиною около трехъ саженъ и, показывая на тонкомъ концѣ вплетенную туда закорузлую юфть, объяснялъ, что она куда тверже дерева и тѣло какъ ножемъ рѣжетъ.

Но въ это время вошелъ суровый мужикъ въ красной шелковой рубашкѣ и синей бархатной однорядкѣ на распашку.

Увидѣвъ его, Ефимъ опустилъ кнутъ, а Тимоѳей наклонился, дѣлая видъ, что прибираетъ лежавшія у кобылы розги.

— Чего галдѣли? Чѣмъ дѣло дѣлать, а вы только языки чешете! Вонъ, жаровня-то почитай совсѣмъ потухла. Смотри, чтобы я щипцы-то на васъ попробовать не вздумалъ.

Малые испуганно переглянулись. Вошедшій былъ палачъ, самъ Калистратъ Парфенычъ.

«Боже мой, Господи мой! молилась про себя Леклеръ. — Неужели Ты допустишь такое злодѣйство? Неужели отдашь этимъ извергамъ рвать меня, терзать тѣло мое, ломать кости мои? Защити меня, Господи! Нашли на нихъ гнѣвъ свой. Укрой меня! Я грѣшная женщина, грѣшница великая. Но, Господи... по Твоему милосердію... Заступница милостивая помоги, прости! Вѣдь это ужасно, ужасно!» И она дрожала, билась, тряслась.

Палачъ началъ приводить всѣ орудія пытки въ порядокъ, осматривая и пробуя каждое. Леклеръ не помнила себя, бросая кругомъ свой мутный, совершенно потерянный взглядъ. Она чувствовала, что ея напудренные волосы поднимаются на головѣ, что ея сердце замираетъ отъ ужаса.

Наконецъ раздалось «идутъ, идутъ»! Палачи положили на мѣста свои инструменты и сами стали подлѣ нихъ. Вошелъ Шуваловъ, за нимъ оберъ-прокуроръ сената Брылкинъ и секретарь.

— Подвести обвиняемую къ допросу! сказалъ Шуваловъ. И къ скамьѣ, на которой внизу сидѣла Леклеръ, подошелъ сторожъ,

приглашая ее идти. У Леклеръ не было силъ встать. Ее подняли и посадили противъ стола. Стоять она не могла.

Но только что ее опустили, какъ она повалилась на землю.

— Пощадите! пощадите! закричала она. — Помилуйте!

Ее подняли и усадили. Шуваловъ велѣлъ ее держать.

— Не бойтесь, сударыня, вамъ ничего дурнаго не сдѣлаютъ, сказалъ Шуваловъ, — если только вы будете откровенны и станете съ полною ясностью отвѣчать на всѣ вопросы, ничего не скрывая и не утаивая. Если же вы будете что нибудь скрывать или тѣмъ болѣе говорить неправду, то вините уже сами себя. Вы видите, у насъ есть средство заставить говорить истину. Приготовить розги и дыбу, прибавилъ онъ, обращаясь къ палачамъ.

Леклеръ начала божиться и клясться, что она ни въ чемъ не виновата, и что на вопросы будетъ отвѣчать какъ передъ Богомъ, съ полною искренностью, и разскажетъ все что знаетъ, не скрывая ничего.

Начался допросъ.

Леклеръ показала, что она французская подданная, актриса, всегда желала всякаго добра своему отечеству и очень желала, чтобы между Россіей и Франціей былъ вѣчный миръ и согласіе; что въ нынѣшнюю политику Франціи и Россіи она не путалась и не мѣшалась, ибо не пользуется расположеніемъ нынѣшняго французскаго посланника графа Дальона. Когда же здѣсь былъ посломъ маркизъ Шетарди, который очень желалъ, чтобы вступила на престолъ Елисавета, тогда, черезъ секретаря Маньяна, она сообщала ему много извѣстій, клонящихся къ тому, чтобы содѣйствовать предпріятію цесаревны, такъ какъ одинъ изъ ея постоянныхъ посѣтителей, который къ тому же былъ съ ней въ близкихъ отношеніяхъ, докторъ цесаревны Іоганъ Германъ или Жанъ Арманъ Лестокъ настойчиво требовалъ отъ нея собранія таковыхъ свѣдѣній отовсюду, откуда только можно было ихъ получить. Относительно образа и средствъ своей жизни Леклеръ объяснила, что она извлекала эти средства изъ стремленія богатыхъ людей пользоваться жизнью и удовольствіями, стараясь въ этомъ отношеніи угодить всѣмъ. Она рекомендовала богатымъ старикамъ хорошенькихъ любовницъ, устроивала игорные вечера, давала любительскіе спекта-

кли. У высокопоставленныхъ и бывающихъ у нея особъ она выпрашивала для разныхъ лицъ различнаго рода милости, за что получала благодарность. Все это въ совокупности давало ей значительный доходъ, совершенно внѣ всякихъ политическихъ цѣлей, о которыхъ она, кромѣ выполненія требованій Лестока, никогда не думала. О государынѣ никогда ни съ кѣмъ не говорила, зная что въ Россіи это строго преслѣдуется; говорила только, что съ ея царствованіемъ началась тишина и благоденствіе, и ничего не слышно о страшныхъ пыткахъ и казняхъ, которыми сопровождалось владычество Бирона. Прусскаго посланника графа Мардефельда она знала; познакомилась съ нимъ черезъ Лестока. Одно время, когда жена его была продолжительно больна, была съ нимъ въ связи, но никакого порученія отъ него къ канцлеру не принимала и никакихъ завѣреній не дѣлала. На повторенный по этому предмету подъ угрозою вопросъ, она подтвердила тоже самое, объясняя, что свиданія ея съ канцлеромъ и продолжительные разговоры съ нимъ касались его единственнаго сына Андрея Алексѣевича, который началъ пошаливать, играть въ карты и волочиться за француженками, отъ чего отецъ хотѣлъ его удержать. Относительно князя Андрея Васильевича она сказала, что лѣтъ едва-ли не десять или болѣе назадъ, когда Андрей Васильевичъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ чуть не мальчикъ, она влюбилась въ него безъ памяти и была у него на содержаніи. Она учила его танцовать и практиковала въ разговорѣ на французскомъ языкѣ; но когда онъ уѣхалъ заграницу, то всѣ отношенія ея къ нему прекратились. Недавно только узнала она, что онъ давно уже воротился и пользуется большимъ вліяніемъ и почетомъ; поэтому, по совѣту графа Мардефельда, рѣшилась по старой памяти, обратиться къ нему съ просьбою за Лестока; для чего нарочно ѣздила въ Москву... Когда ее спросили, почему же она такъ заботилась о Лестокѣ, она безъ запинки отвѣчала, что Лестокъ, будучи постояннымъ ея посѣтителемъ и крупнымъ игрокомъ, давалъ ей значительный доходъ, привлекая множество посѣтителей и оживляя въ ея гостиной, своимъ веселымъ характеромъ, все общество. На вопросъ: продолжалась ли связь ея съ Зацѣпинымъ по возвращеніи его изъ Парижа? она отвѣчала отрицательно, повторяя, что о возвращеніи его не

знала, хотя разумѣется готова была бы употребить всѣ средства, чтобы его опять притянуть къ себѣ. Когда же узнала о его пріѣздѣ и пріѣхала къ нему по дѣлу, то если-бы онъ изъявилъ хоть какое нибудь желаніе, то она никакъ, ни въ чемъ бы ему не отказала; но какъ онъ не только никакого желанія не изъявлялъ, но даже видимо отклонялся отъ всякой фамиліарности, то она и не могла войти съ нимъ въ прежнія отношенія, и болѣе его не видала.

Когда же ее спросили, какой отвѣтъ далъ Зацѣпинъ о Лестокѣ? она отвѣчала, что его отвѣтъ былъ уклончивый, такъ какъ онъ слышалъ, что Лестокъ въ чемъ-то провинился лично противъ государыни, поэтому, впередъ онъ ничего обѣщать не можетъ.

— На мои убѣдительныя просьбы, говорила Леклеръ,—онъ обѣщалъ попытаться. Но какъ на третій день послѣ того онъ уѣхалъ и отвѣта никакого не далъ, то я и полагаю, что или попытка его не удалась, или онъ на таковую попытку не имѣлъ времени.

Вотъ все, что показала Леклеръ на предлагаемые ей вопросы, и утвердила это даже тогда, когда ее подвели подъ дыбу и надѣли на руки хомутъ. Было видно, что она отвѣчала съ полною откровенностью и не утаивала ничего. На пытку Шуваловъ не рѣшился, въ виду положительнаго приказанія государыни къ пыткѣ не прибѣгать и вспоминая, какъ неблагопріятно было принято государыней его излишнее усердіе въ дѣлѣ Лестока. По неволѣ онъ ограничился только однимъ застращиваніемъ, которое впрочемъ настолько сильно отозвалось на бѣдной Леклеръ, что, возвратясь домой съ цѣлыми руками и ногами, она почти не вѣрила себѣ; а отъ испытанной ажитаціи и нервнаго сотрясенія, слегла въ постель и была между жизнью и смертью въ теченіи девяти дней.

Допросъ этотъ и отвѣты Леклеръ препроводили къ генералъ-прокурору. Трубецкой и Шуваловъ, разработывая эти отвѣты, съ оберъ-прокуроромъ, при помощи Мавры Егоровны, дополнявшей докладъ объясненіемъ того, что было между строками, представили государынѣ дѣло это, вмѣстѣ съ своими соображеніями, въ такомъ видѣ:

«Живя развратомъ и содержа игорный домъ, француженка Леклеръ находилась въ любовной связи съ Лестокомъ, прусскимъ посланникомъ графомъ Мардефельдомъ, молодымъ княземъ Зацѣ-

пинымъ и многими другими. Стараясь своимъ посредничествомъ сгруппировать партію, стоящую за союзъ съ Франціей, она полагала быть тѣмъ полезною своему отечеству. По нерасположенію къ ней нынѣшняго французскаго посланника и тождественности интересовъ французскаго и прусскаго дворовъ, она главнѣйше держалась въ настоящее время прусскаго посланника и, по указанію его, для сосредоточенія этой партіи, хлопотала о возвратѣ изъ ссылки Лестока. Для достиженія сей цѣли она рѣшилась воспользоваться своимъ прежнимъ вліяніемъ и своею близостью къ молодому Зацѣпину, какъ извѣстному поклоннику Франціи и желающему съ нею союза и дружбы. Приэтомъ, хотя она и увѣряетъ, что послѣднее время прервала съ Зацѣпинымъ всякую связь, къ канцлеру же никакого порученія никогда не имѣла, но это увѣреніе ея не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ, по волѣ государыни, она допрашиваема была безъ пристрастія, а обстоятельствами таковыя ея объясненія прямо опровергаются, ибо изъ ея же словъ видно, что она у Зацѣпина просидѣла ночью болѣе двухъ часовъ, и что къ канцлеру ѣзжала нерѣдко, въ надеждѣ заручиться его содѣйствіемъ къ сближенію русскихъ и французскихъ интересовъ, избирая предлогомъ для того веселыя похожденія его сына, молодаго графа.

Вотъ будетъ хорошо, съ улыбкой сказалъ Трубецкой,—если мы разслѣдованіемъ, начатымъ по представленію канцлера, на него же наведемъ подозрѣніе! Такихъ примѣровъ, кажется, и въ римской исторіи не бывало! И онъ засмѣялся.

— Чтожъ, отвѣтилъ хмуро Шуваловъ,—онъ любитъ другихъ въ дурацкіе колпаки наряжать, пусть на себѣ примѣритъ...

Въ заключеніе докладъ испрашивалъ разрѣшенія подвергнуть допрашиваемую пыткѣ, такъ какъ при такомъ пристрастіи она вѣроятно всѣ интриги свои и каверзы яснѣе выскажетъ и объяснитъ. Но государыня послѣдняго предположенія не утвердила, а рѣшила выпроводить Лекларъ заграницу, для прекращенія безпутныхъ вечеровъ и игрецкихъ собраній.

Время между тѣмъ шло. Александръ Ивановичъ Черкасовъ, встрѣчая Гедвигу у отца, во дворцѣ, въ церкви, гдѣ она готовилась принять мѵропомазаніе, полюбилъ ее такъ, какъ любятъ только разъ въ жизни. Онъ почувствовалъ, что его жизнь не полна безъ этой хворой, задумчивой дѣвушки; что въ ея иногда оживленной улыбкѣ, въ ея добромъ взглядѣ, вся его жизнь, вся его радость. Онъ видѣлъ, что она добра къ нему, очень внимательна; но видѣлъ, что есть что-то тайное, что-то страшное, что убиваетъ въ ней всякое чувство, всякую самостоятельность, и что, до разрѣшенія вопроса объ этомъ тайномъ, онъ не можетъ надѣяться не только на взаимность, но даже на снисходительность. Сознаніе этого положенія убивало Черкасова. Онъ былъ самъ не свой. Всѣ мысли его направились къ одному— къ Гедвигѣ; чѣмъ бы помочь, какъ бы развеселить, какъ бы облегчить ее? Онъ посвящалъ ей всего себя. Службой онъ не занимался, ни о чемъ не думалъ, тосковалъ страшно и, разумѣется, высохъ и похудѣлъ.

Иванъ Антоновичъ не зналъ, что дѣлать съ сыномъ, и самъ чуть не сходилъ съума. Наконецъ, онъ рѣшился разсказать обо всемъ государынѣ. Почему онъ думалъ, что государыня можетъ помочь его горю и облегчить его нравственно и физически больнаго сына, онъ и самъ не зналъ. По безпредѣльной преданности своей къ государынѣ онъ думалъ, что она можетъ все. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Антоновичъ, выросшій и состарѣвшійся среди придворныхъ интригъ, волновавшихъ еще дворъ Петра, такъ сказать, перегорѣвшій въ нихъ во время трехъ царствованій, разумѣется весьма боялся вновь возникающаго вліянія молодаго князя Андрея Васильевича, къ которому онъ не имѣлъ никакого отношенія, котораго почти не зналъ и, стало быть, на доброе расположеніе его разсчитывать не могъ.

Старикъ, выслужившійся изъ низшихъ слоевъ бюрократіи, поэтому неполучившій не только блестящаго, но и никакого воспитанія, своимъ простымъ русскимъ разумомъ, успѣлъ достигнуть многаго, чего не достигаютъ иные многолѣтними трудами и ученьемъ. Онъ былъ настолько развитъ, что понималъ безусловность нравственнаго вліянія. А такого нравственнаго вліянія государыня, безконечно добрая и задушевная, не могла не имѣть какъ на Гедвигу,

которой замѣнила мать, сестру, друга и которой истинно покровительствовала, такъ и на его сына, который съ дѣтства привыкъ видѣть въ ней единственную ихъ покровительницу. Онъ понималъ также и значеніе матеріальныхъ, физическихъ отношеній супружеской жизни. Онъ думалъ: «Она, наша покровительница, уговоритъ Гедвигу выйти за Александра замужъ и онъ успокоится, обладая любимымъ предметомъ. А его достоинство, любовь, умъ, нѣжность заставятъ себя полюбить. Не даромъ же дѣды и отцы говорили: сживутся—слюбятся».

Такъ объяснялъ себѣ Иванъ Антоновичъ свои настоянія и думалъ: «Они будутъ счастливы. Мой Александръ опять будетъ тотъ Александръ, о которомъ великій государь говорилъ, что онъ насквозь видитъ».

Думая объ этомъ Черкасовъ выбралъ удобную минуту и высказалъ императрицѣ свое горе.

— Какъ дѣти прибѣгаютъ къ своей попечительной матери, въ своемъ горѣ, говорилъ Иванъ Антоновичъ, заливаясь слезами,— такъ и я къ вамъ, всемилостивѣйшая наша мать и покровительница! Не поможетъ мать, кто же поможетъ? Опять, если и не поможетъ мать, такъ утѣшитъ, успокоитъ, обрадуетъ, а тѣмъ и самое горе облегчается, и самое несчастіе становится легче. Вотъ горе, матушка-государыня, горе такое, что руки опускаются, что негоденъ самъ становлюсь, даже на службу тебѣ негоденъ. А ужъ что тотъ за человѣкъ, который и тебѣ, нашей милостивой матери, служить не годится? Лучше въ могилу лечь...

— Что же случилось съ тобой, старикъ? разскажи!

— Вотъ, государыня, вы знаете моего сына Александра? И что это за удалый молодецъ былъ, веселый, бравый, почтительный. Науку произошелъ какъ слѣдуетъ, въ академіи и университетѣ экзамены сдалъ и дипломы получилъ; въ службу поступилъ и на службѣ отличился своею исправностью, разумомъ и способностями. Сіятельнѣйшій канцлеръ не разъ самъ мнѣ хвалилъ его. А ужъ какъ преданъ вашему величеству! Такъ же преданъ, какъ я самъ. Онъ знаетъ, что вы наша единственная благодѣтельница...

— Кто это такой, съ такими идеальными совершенствами и добродѣтелями? Нельзя ли и мнѣ съ нимъ познакомиться? Я бы съ

нимъ поспорила, если не въ знаніяхъ и разумѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ степени преданности нашей общей покровительницѣ и благодѣтельницѣ?

Этотъ вопросъ раздался въ дверяхъ и въ немъ чрезвычайно слышался иностранный выговоръ молодой особы, которая однако всѣми мѣрами старалась дать своей рѣчи правильное русское строеніе, поэтому говорила съ разстановкою, какъ бы обдумывая, какое слово слѣдуетъ сказать впередъ и какое послѣ.

Вошла молодая, еще очень молодая женщина, стройная, изящная, съ спокойнымъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ, густыми каштановыми волосами, такими же весьма гладкими бровями и овальнымъ складомъ лица. Въ общемъ очеркѣ ея стана была замѣтна нѣкоторая какъ-бы сказать наклонность къ округленію формъ, могущему выразиться впослѣдствіи большею или меньшею полнотою, но въ то время молодая женщина была такъ стройна, что про нее можно было вполнѣ сказать какъ говорится въ русской пѣснѣ:

И тонка, и стройна,
И собой хороша!

— А, Катя! сказала государыня. Иди сюда, милая! Каково ты спала? Мнѣ показалось вчера, что у тебя головка горяча была! Или это такъ, оттого что ты вчера разшалилась очень, представляя германскихъ принцевъ, сюзереновъ надъ голой скалой и деревней изъ семи дворовъ, вооружающихъ свою армію въ одиннадцать человѣкъ...

— Что жъ, добрая, милостивая тетя, при рѣшимости и геніи, говоритъ прусскій король, можно съ десятью драбантами Римъ взять! А тутъ даже не десять, а одиннадцать!

Вошедшая сказала это шутливо, и съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки надъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II. Но смотря на нее въ ту минуту, когда она говорила эти слова, и замѣтивъ какъ тоненькія губки ея вздрогнули и какъ бы поднялись кончиками вверхъ, при словахъ «геній и рѣшимость», тогда какъ округлость ея щечекъ ни малѣйше не измѣнилась отъ ея улыбки, можно было твердо сказать, что въ рѣшимости и у нея недостатка не будетъ.

Эта Катя была супруга племянника государыни и наслѣдника русскаго престола, Петра Ѳедоровича, урожденная принцесса

ангальтъ-цербстская, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, въ будущемъ Екатерина Великая.

— Ступай сюда, Катя, сказала государыня, цѣлуя съ нѣжностью ея головку, когда она подошла и поцѣловала ея руку.—Садись, вотъ Иванъ Антоновичъ намъ повѣдаетъ свое горе необъятное, о томъ, какъ его удалаго молодца-сына змѣй-горыничъ со свѣта сживаетъ!

— И точно, матушка государыня, будто змѣй-горыничъ свою черную немочь наслалъ, будто своимъ василисковымъ взглядомъ околдовалъ. Пріѣхала къ намъ эта княжна Гедвига, просить доложить государынѣ о ея пріѣздѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Екатеринѣ.—Государыня назначила быть ей у нея на другой день ввечеру. Куда же бѣдной ей ночью было дѣваться! Я предложилъ ей остаться у меня. Она и пробыла у меня двое сутокъ, пока государыня, общая всѣхъ насъ покровительница и прибѣжище, ее при себѣ не устроила. Съ той минуты Александръ мой какъ въ воду опущенный ходитъ, совсѣмъ на человѣка не похожъ сталъ. Именно, государыня, будто змѣй-горыничъ своего аспида на него напустилъ! Не ѣстъ, не пьетъ, сохнетъ какъ былинка, даже думать о себѣ забылъ...

— Можетъ быть онъ просто полюбилъ Гедвигу, Иванъ Антоновичъ, какъ говорятъ: влюбился безъ ума, безъ памяти? Вы знаете по русской пословицѣ: «дѣвичья красота—молодцу сухота», сказала великая княгиня съ любезною улыбкою и поглядывая на свою царственную свекровь—тетку. Екатерина, не знавъ еще языка, выучила чуть-ли не всѣ русскія пословицы и искуснымъ употребленіемъ ихъ часто поражала даже тогдашнихъ грамотѣевъ, каковыми считались въ то время: Флоринскій, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Трубецкой, Сумароковъ, Елагинъ, Тепловъ и Ададуровъ.

— Именно влюбился, наша матушка, преславная великая княгиня, ваше высочество, наше будущее солнышко! проговорилъ Черкасовъ,—да такъ влюбился, что съ-ума сошелъ! Вотъ и пришолъ я къ государынѣ, не вразумитъ ли по своей великой милости, какъ бы молодца опять на путь поставить?

Замѣтивъ, что государыня не только не выразила неудовольствія на сдѣланное ею объясненіе болѣзни молодаго Черкасова, а, напро-

тивъ, видимо смотрѣла на нее съ любовью и удовольствіемъ, великая княгиня продолжала игриво и весело:

— О чемъ же тутъ спрашивать? Гедвига такая милая, такая очаровательная, что въ нее не влюбиться почти нельзя. Теперь вотъ она и закону нашему православному учится, также какъ и я когда-то училась, тоже когда... И она вдругъ опустила глазки и замолчала. Ей хотѣлось сказать: когда великаго князя своего жениха полюбила; но она почувствовала, что въ этихъ словахъ будетъ такой шаржъ, что пожалуй бросится въ глаза своею неправдивостью, и она тихонько проговорила, цѣлуя вновь руку своей тетки, — когда я безпредѣльно мою благодѣтельницу тетю полюбила...

Въ отвѣтъ на эту ласковую тираду, императрица обвила своими руками ея хорошенькую головку и поцѣловала ея высокій царственный лобъ.

— Вы просто жените вашего сына на Гедвигѣ и дѣлу конецъ! Всякая болѣсть, всякая сухость пройдетъ,—какъ рукой все сниметъ! шутливо сказала Екатерина Черкасову.

— Вы шутить изволите, ваше высочество, великая княгиня, наша надежда милостивая, а мнѣ право жизнь не въ жизнь. Пойдетъ ли княжна Биронова за моего сына? При милости царской и...

— Отчего же не идти? Сами вы говорите: вашъ сынъ ученъ, разуменъ, красивъ, хорошо служитъ... Не богатъ, такъ онъ и она богаты царскою милостью. Она—княжна, вы—баронъ! Но она княжна весьма недавняго происхожденія; ничто не помѣшаетъ и вашему сыну заслужить себѣ всѣ отличія и современемъ быть тоже княземъ. Гедвига дѣвушка умная, пойметъ это и захочетъ сдѣлать удовольствіе государынѣ, своей покровительницѣ, осчастлививъ собою одного изъ ея вѣрныхъ подданныхъ, сына ея стараго и преданнаго слуги.

— Ахъ ты моя милая дипломатка! сказала съ чувствомъ удовольствія Елисавета, вновь обнимая ее.—Поручаю это дѣло твоему благоразумію. Баронъ, вотъ вамъ надежда видѣть вашего сына здоровымъ и счастливымъ!

— О да! Я сдѣлаю ихъ счастливыми! Мою милую Гедвигу и его, вашего сына, сказала Екатерина, весело подпрыгивая и прихлопывая своими ручками, будто совершенно отдаваясь чувству овладѣв-

шей ею веселости, въ то время какъ сама думала: какъ бы не сдѣлать лишняго прыжка, могущаго обезпокоить ея дорогую тетю благодѣтельницу, или такого, который могъ бы показаться вымышленнымъ выраженіемъ мыслей, которыхъ у нея не было или, по крайней мѣрѣ, какія не должны были быть.

Она думала и постоянно разсчитывала, чтобы въ ея веселости не было фальши, дѣланности, а были бы та естественность и простота, которыми Елисавета всегда въ ней восхищалась. Она хотѣла, чтобы веселость ея казалась просто естественнымъ выраженіемъ игривости ея характера, тогда какъ именно игривости-то характера въ ней и не было; не было даже тогда, когда она только что пріѣхала въ Россію и ей еще не было пятнадцати лѣтъ. «Что дѣлать? разсуждала про себя Екатерина, будущая Семирамида Сѣвера. — Это любятъ! Вѣдь на жизненной сценѣ свѣта мы всѣ болѣе или менѣе актеры и актрисы, и успѣхъ достается тому, кто лучше сыграетъ свою роль».

— О да! Я всѣ усилія употреблю, чтобы сдѣлать милую Гедвигу и вашего сына счастливыми! продолжала великая княгиня совершенно естественно и какъ бы искренно, отъ души.

Черкасовъ въ это время стоялъ, не увлекаясь ни кажущеюся веселостью великой княгини, ни ея искренностью; разумѣется, ему тоже и въ голову не входило подозрѣвать тѣ внутреннія соображенія, которыя пробѣгали въ это время въ ея молоденькой головкѣ, и которыя двадцати лѣтъ отъ роду заставили ей сказать себѣ: «умру или буду царствовать». Но опять нельзя же думать, чтобы баронъ Иванъ Антоновичъ, хотя и неполучившій особаго воспитанія, но посѣдѣвшій при дворѣ и умѣвшій изъ ничтожнаго званія переписчика достигнуть высокой степени тайнаго секретаря и попасть въ число приближенныхъ лицъ, могъ сказать что нибудь спроста. Тѣмъ не менѣе онъ вдругъ бухнулъ:

— Кто бы, матушка государыня, великая княгиня, будущая радость русская, ваше высочество, не успокоился, слышавъ ваше милостивое слово; кого бы слово это не сдѣлало счастливымъ? Но, говорятъ, принцесса Гедвига невѣста, страстно любитъ своего жениха и любима имъ; а женихъ-то ея такой человѣкъ, передъ которымъ мой сынъ—пасъ во всѣхъ отношеніяхъ, и который тоже пользуется

милостью нашей всемилостивѣйшей покровительницы. Говорятъ, что она, какъ пріѣхала въ Петербургъ, такъ прямо къ нему.. Что-жъ тутъ мой сынъ? Женихъ-то ея, говорятъ, молодой князь Зацѣпинъ!

При послѣднихъ словахъ Черкасова о князѣ Зацѣпинѣ государыня вдругъ поблѣднѣла и схватилась за сердце. Она почувствовала будто что-то сдавило ее въ груди и душило крѣпко, крѣпко, потомъ вдругъ будто укололо чѣмъ...

Великая княгиня, которая, не смотря на свою молодость, слишкомъ хорошо понимала отношенія двора, остановила на Черкасовѣ свои изумленные глаза, какъ бы говоря: «Старикъ, ты изъ ума выжилъ! Такія вещи слѣдуетъ разсказывать осторожно, а ты—ни съ того, ни съ сего...»

Съ государыней сдѣлалась истерика и потомъ страшныя спазмы.

Зачѣмъ это сказалъ Черкасовъ? Въ самомъ ли дѣлѣ не думая, какъ это казалось по внѣшности, а просто отъ горя видѣть своего сына въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ, или по иниціативѣ великаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева, съ которымъ Черкасовъ былъ весьма близокъ? Объ этомъ исторія умалчиваетъ, объ этомъ не догадалась даже сама Екатерина.

VIII.

Опасность соединяетъ враговъ.

Генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и думалъ, какъ бы дѣломъ Леклеръ навести подозрѣніе на Бестужева?

Онъ третій или четвертый разъ перечитывалъ показаніе Леклеръ, вдумывался въ каждое ея слово, сопоставлялъ ея показанія съ показаніями по другимъ дѣламъ, касающимся тайныхъ агентовъ иностранныхъ дворовъ или шпіоновъ, но все-таки ничего существеннаго, ничего такого, что могло бы навести на мысль поручить генералъ-прокурору изслѣдовать ближе дѣйствія канцлера,—найти не могъ. Напрасно онъ забиралъ дѣла изъ тайной

канцеляріи и вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ перебиралъ даже архивъ преображенскаго приказа. Ничего и ничего!.. «Ну она къ нему нерѣдко пріѣзжала. Да мало ли кто къ канцлеру пріѣзжаетъ? думалъ онъ.—Онъ принималъ ее у себя въ кабинетѣ, говорилъ по-долгу... Опять ничего не доказываетъ: мало ли о чемъ онъ могъ съ ней говорить... Хоть-бы какой нибудь намекъ, какое нибудь обстоятельство. А то прямо говоритъ: никакихъ предложеній не дѣлала и даже порученія на то не имѣла... Вотъ при пристрастіи мы бы заставили какъ нибудь высказаться, а тутъ ничего,—ну ровно ничего!»

Ему доложили о пріѣздѣ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Онъ сейчасъ же всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

Трубецкой встрѣтилъ графа передъ своей аванъ-залой въ ту самую минуту, когда тотъ поднялся на послѣднюю ступеньку лѣстницы.

— Гость всегда жданный и желанный, съ любезною улыбкою проговорилъ Трубецкой, протягивая Разумовскому обѣ руки.

— Вашему сіятельству засвидѣтельствовать почтеніе отъ всего усердія моего! отвѣчалъ Разумовскій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ южно-русской рѣчи въ выговорѣ, пожимая въ свою очередъ обѣ руки князя.

Затѣмъ, взявшись подъ руки, они оба пошли въ кабинетъ хозяина, причемъ Трубецкой оглянулъ Разумовскаго, какъ говорится, съ головы до ногъ.

Разумовскій былъ въ богатомъ мундирѣ оберъ-егермейстера, со звѣздой, въ голубой лентѣ Андрея Первозваннаго и съ никогда неснимаемымъ имъ портретомъ императрицы, осыпаннымъ крупными брилліантами. Темно-малиновый бархатный, шитый золотомъ и можно сказать кругомъ обвитый дорогими кружевами, мундиръ, бѣлый съ крупными жемчужными пуговицами камзолъ и бѣлыя съ золотыми лампасами, туго натянутыя панталоны, съ чулками, шитыми золотомъ подвязками и бриліантовыми пряжками на башмакахъ,—въ такой степени шли къ немного смуглому, но чрезвычайно нѣжному, обрамленному черными, вьющимися волосами, лицу Разумовскаго, его чернымъ глубокимъ съ поволокой глазамъ, и его стройной, атлетической фигурѣ, что Трубецкой невольно

подумалъ: «Что и говорить, красивъ, очень красивъ! Нескоро такого молодца изъ головы выкинешь! Атлетъ просто! Если не психическая, то физическая сторона такой натуры подкупитъ всякую женщину, особенно женщину чувственную и, что грѣха таить, избалованную...»

Гость и хозяинъ подъ руку другъ съ другомъ прошли амфиладу пріемныхъ комнатъ, вошли въ кабинетъ и усѣлись въ креслахъ, около круглаго инкрустацированнаго столика, на которомъ стоялъ ящикъ съ превосходными сигарами, то, что называютъ нынче гильотинка и что тогда называлось просто рѣзакомъ, тарелочки китайскаго форфора и другія принадлежности куренія, съ особою горкою для чубуковъ и ящиковъ для табаку. На столѣ горѣла восковая свѣча.

— Не прикажете ли, ваше сіятельство? спросилъ Трубецкой у Разумовскаго, подавая ему сигару.

— Ни ни, ваше сіятельство! отвѣчалъ Разумовскій.—Такія сигары мыни будутъ—ни въ коня кормъ! Разумѣется, такому родовитому князю, какъ ваше сіятельство, и сигары должны быть настоящія, сіятельныя; а мнѣ, простому козаку, съ измальства привыкшему къ люлькѣ съ тютюномъ, баловать себя дорогими сигарами не приходится, особливо послѣ изгнанія изъ рая, подобно нашимъ первымъ прародителямъ...

— Рай съ нами и въ насъ, говорятъ новые проповѣдники, отвѣчалъ Трубецкой.—А мы всѣ твердо увѣрены, что ваше сіятельство изволите обратить старую Аничкину усадьбу именно въ цвѣтущій рай, который озаритъ своимъ сіяніемъ сама Аврора. Кстати, графъ, вы не слыхали, что сей сонъ значитъ: посылка князя Зацѣпина?

— Куда намъ такіе сны видѣть, ваше сіятельство? отвѣчалъ Разумовскій.—Князь Зацѣпа большой баринъ! съ нашимъ братомъ, простымъ козакомъ, и говорить не хочетъ. Ну на то его воля княжеская, мы не плачемъ. А что послали-то его, значитъ, въ милость входитъ, силу забираетъ. Государыня любитъ одного другимъ повѣрять. Зацѣпинъ теперь въ ходу, онъ и будетъ повѣрять всѣхъ. Вотъ теперь и ваше сіятельство изволите находиться въ повѣркѣ, и вы, и канцлеръ, благо между собой ссоритесь! А потомъ и другіе пойдутъ. Зацѣпа переберетъ всѣхъ. Много разъ государыня и меня

на повѣрку соблаговоляла назначать, да я всегда своимъ малымъ разумомъ, да непонятіемъ отдѣлывался. Ну а этотъ не скажетъ: «не по носу табакъ», все въ свои руки загребастить. Придется и вамъ, и канцлеру, прежде чѣмъ государынѣ, ему докладывать. Впрочемъ, что же это я болтаю спроста? Эхъ, князь, да и вы хороши! И не остановите, что я тутъ разные билиндрясы распускаю и забылъ, что князь Зацѣпинъ вашъ давній пріятель. Знаете, онъ меня зацѣпилъ, крѣпко зацѣпилъ, такъ я съ-дуру-то и разоврался. Не слѣдовало, совсѣмъ не слѣдовало! Простите, ради Бога! Онъ человѣкъ ученый, шлифованный, не намъ чета, и разныя теоріи тамъ знаетъ, и Вольтера понимаетъ, а мы себѣ на мѣдные гроши учились, гдѣ же намъ все понимать? За то мы жили и другимъ жить давали, а съ нимъ, вотъ увидимъ, много ли еще люди наживутъ. Еще разъ прошу извинить, что такъ о пріятелѣ вашемъ говорю.

— Полноте, графъ, чѣмъ онъ мнѣ особый пріятель? Ну, знакомый, какъ и всѣ. Я былъ хорошъ съ его дядей, княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, естественно, не могу не быть знакомымъ и съ нимъ. Но, вы знаете, у насъ при дворѣ—всякій за себя, а Богъ за всѣхъ!

— Что-же, ваше сіятельство, если это такъ, то позволю себѣ говорить откровенно. Вы меня, позволяю себѣ думать, изволите знать? Я человѣкъ неопасный. Куда не слѣдуетъ, своего носа не сую. Со мной всегда есть ладъ и будетъ. Ну а Зацѣпа,—зацѣпа и есть! Такъ не позволите ли вы мнѣ просто, прямо, по-хохлацки, высказать все, что̀ на душѣ; можетъ что и порассудимъ вмѣстѣ. Если ужъ я старъ кажусь что ли, или просто надоѣлъ, такъ вѣдь я ничего не говорю. Какъ быть то? Не я одинъ на свѣтѣ съ привѣсками на лбу хожу. Но пусть ужъ лучше, по моему, этотъ Ванюша или Иванъ Ивановичъ будетъ. Не даромъ Шуваловы хлопочутъ. Вы съ Шуваловыми тоже пріятель, такъ вамъ ихъ опасаться нечего. А Иванъ Ивановичъ мальчикъ скромный, незаносчивый, съ моимъ братомъ Кирюшкой вонъ какъ родные сошлись; французскія книжки все вмѣстѣ читаютъ. Само собой, что будутъ на себя тянуть, но не въ обиду же всѣмъ, не въ зарѣзъ, что̀ называется. Ну а не Шуваловъ, другой кто,—я не препона; только бы не этотъ Зацѣпа, который... который... повѣрьте, ваше сіятельство, въ васъ же въ перваго вцѣпится!.. А можетъ даже ужъ и вцѣпился, какъ

знать; не даромъ же на повѣрку поѣхалъ... Знаете, по моему, промѣнять Ивана Ивановича на такого Зацѣпу значитъ промѣнять овцу на волка; а сами поразсудите: хорошо-ли потомъ съ волкомъ-то жить?

— А ваше сіятельство изволите думать, что князь Зацѣпинъ посланъ, чтобы меня провѣрять?

— Я ничего не думаю, ваше сіятельство; а вотъ если изволите желать, я вамъ дамъ прочитать бумажку: это наставленіе ему или, какъ по вашему-то, инструкція, которую государыня въ самой секретности ему вручить изволила. Не спрашивайте, откуда и какъ добылъ, а слово въ слово списано.

И Разумовскій подалъ Трубецкому бумагу. Трубецкой впился въ нее глазами.

— Такъ-то! сказалъ онъ про себя.—И мнѣ хоть бы слово сказалъ, хоть-бы намекомъ предупредилъ, гм!.. И онъ снова прочиталъ бумагу.

— Выходитъ, насъ обоихъ съ канцлеромъ подъ цугундеръ, сказалъ Трубецкой Разумовскому.—Ну чтожъ, коли не угодны, насильно милъ не будешь. А не дозволите ли спросить, ваше сіятельство: графу Алексѣю Петровичу вы объ этомъ говорили?

— Ну какъ не говорить. Онъ сегодня утромъ ко мнѣ заѣхалъ и говоритъ, что князь Зацѣпа ему во снѣ привидѣлся. Я отвѣтилъ, что сонъ въ руку, и ему вотъ это самое наставленіе прочитать далъ.

— Что-же онъ?

— Говоритъ: не страшны бы намъ всѣ эти повѣрки были, если-бы мы съ господиномъ генералъ-прокуроромъ въ такой ссорѣ не находились. А то не онъ насъ съѣстъ, а мы сами себя поѣдомъ ѣдимъ, да пожалуй оба и провалимся. Хорошо коли только въ ссылку сошлютъ.

— Пожалуй что и такъ, задумчиво отвѣтилъ Трубецкой.— А кто виноватъ, что онъ свои вины на другихъ валитъ?..

— Ваше сіятельство, перебилъ его Разумовскій,—что старое перебирать. Онъ и самъ видитъ, что неправъ, да что дѣлать-то; вотъ хоть и близокъ локоть-то, да не укусишь. Не лучше ли о будущемъ подумать и, пока на носу у обоихъ этотъ Зацѣпа, хоть пе-

ремиріе заключить? Вѣдь въ самыя большія войны перемиріе бываетъ.

— Да я радъ и на миръ, и на перемиріе; только, ваше сіятельство, вы сами знаете, какой графъ Алексѣй Петровичъ человѣкъ. Онъ толкуетъ о мирѣ, а самъ подкопъ ведетъ. Ужъ сколькихъ онъ такъ погубилъ, начиная съ Лестока...

— Нашли кого пожалѣть, ваше сіятельство. Но теперь другое дѣло; въ виду общей опасности...

— Что правда, то правда! Этой Зацѣпѣ непремѣнно нужно крылья обрѣзать, поэтому нужно спѣться; только гдѣ бы на нейтральной почвѣ...

— Да всего лучше у меня! Не сдѣлаете ли, ваше сіятельство, мнѣ честь пожаловать хоть завтра откушать? Я и господина канцлера позову, и посредникомъ въ перемиріи буду, если удостоите...

Князь Никита Юрьевичъ принялъ предложеніе, но, по отъѣздѣ Разумовскаго, сейчасъ же принялся опять за дѣло Леклеръ, надѣясь извлечь изъ него что нибудь противъ Бестужева. Ему хотѣлось доказать, что Леклеръ служила посредницею между канцлеромъ и прусскимъ посломъ графомъ Мардефельдомъ, съ которымъ Леклеръ призналась, что одно время была въ связи; хотѣлось доказать, что черезъ нее была предложена Бестужеву отъ прусскаго короля пенсія, которую тотъ будто бы принялъ; что стало быть поэтому Бестужевъ состоитъ теперь на жалованьѣ прусскаго короля и потому ни вѣрить ему, ни оставлять канцлеромъ нельзя. Но какъ ни старался Трубецкой придать такой смыслъ показанію Леклеръ, все не выходило ничего.

Не зналъ того Трубецкой, что онъ ломаетъ себѣ голову напрасно; что на этой почвѣ Бестужевъ неуязвимъ. Ему давно предлагали пенсіи и англичане, и голландцы, и французы, и датчане, и пруссаки, которые не останавливались ни на чемъ, просили только назначить цифру; но отъ всѣхъ этихъ предложеній Бестужевъ отказался, и государыня это знала изъ подлинныхъ депешъ, прочитанныхъ академиками. Стало быть всѣ выводы Трубецкаго въ этомъ направленіи не только не достигли бы цѣли, но обрушились бы прямо на него самого. Государыня не могла имъ повѣрить противъ несомнѣнныхъ и чуть не ежедневно представляемыхъ ей доказа-

тельствъ. Правда, Бестужевъ, пользуясь близостью своихъ отношеній къ англійскому королю, бывшему курфирсту гановерскому, у котораго прежде онъ состоялъ на службѣ, просилъ англичанъ ссудить его заимообразно нѣкоторою суммою изъ 6%, необходимою ему для отдѣлки дома и дачи на Каменномъ островѣ, и государыня это знала. Но она знала и то, что англичане не согласились, говоря: «даромъ возьми сколько угодно, а въ займы—ни гроша!» А онъ отвѣчалъ: «въ займы—обяжете, а въ подарокъ—ничего! Моя совѣсть не продажная, и Англіи меня не купить!» Англичане взбѣсились. Но суровый, сдержанный канцлеръ вида не подалъ, что ими недоволенъ, и попрежнему стоялъ за австрійскій союзъ, стало быть, по тогдашнимъ конъюнктурамъ, за дружбу съ Англіей...

Одно, на что могъ бы указать Трубецкой и чѣмъ можетъ быть онъ вызвалъ бы въ государынѣ сомнѣніе въ разсужденіи добросовѣстности Бестужева, это почему онъ, представляя государынѣ къ прочтенію депеши Шетарди, Дальона, Ньюгауза, Мардефельда, Борка, Вольфенштерна, ни разу не представилъ для прочтенія депешъ маркиза Ботта, графа Вратислава и другихъ пословъ австрійскаго двора? Но вопроса этого Трубецкой возбудить не могъ, потому что объ искусствѣ чтенія депешъ не только ничего не зналъ, но вѣроятно и не подозрѣвалъ, какъ не подозрѣвали этого, надобно полагать, отправлявшіе эти депеши посланники, описывая въ нихъ подробности своихъ дѣйствій и свои предположенія. Графъ Мардефельдъ, правда, начиналъ подозрѣвать, что его депеши дѣлаются извѣстными; но вѣроятно онъ думалъ, что это дѣлается черезъ измѣну канцеляріи у него или въ Берлинѣ, почему въ одной изъ депешъ даже грозилъ проколоть виновнаго шпагой. Но отъ подозрѣнія до увѣренности, какъ отъ угрозъ до исполненія, цѣлая пропасть. Трубецкому же, никогда незанимавшемуся иностранными дѣлами, и въ голову не могло придти то, что дѣлало Бестужева столь сильнымъ. Поэтому, не признавая Бустужева безкорыстнымъ, онъ думалъ, что непремѣнно долженъ найти случай такъ или иначе уличить его въ подкупности. И теперь онъ трудился надъ этимъ до пота лица, хотя завтра должно было состояться между ними перемиріе. Но Трубецкой едва-ли не лучше Бестужева изучилъ правило: мирись на ссору, ссорься на миръ.

Въ ту самую минуту, какъ Трубецкой особенно напрягалъ свою голову, чтобы извлечь изъ показаній Лекперъ то, чего нельзя было изъ нихъ извлечь, онъ получилъ изъ сената нѣсколько донесеній съ полнѣйшимъ и обстоятельнѣйшимъ описаніемъ того, что происходило въ Зацѣпинскѣ въ день прибытія туда князя Андрея Васильевича.

Трубецкой на минуту онѣмѣлъ.

«Эге, пріятель, это другое дѣло! Ты очень торопишься въ цари попасть. Выходитъ—приблизить тебя къ дѣлу все равно, что пустить козла въ огородъ. Не только Бирона, ты и Ришелье хочешь за поясъ заткнуть! Все разомъ захватить желаешь, о пріятеляхъ и не думаешь! Нѣтъ постой! Будемъ какъ нибудь пока валандаться съ Бестужевымъ, а тебя, сердись—не сердись, выведемъ на чистую воду; услужимъ по пріятельски, была не была! Попробуемъ отстояться!»

Онъ изорвалъ все, что передъ тѣмъ писалъ, и дѣло Лекперъ, за высылкой ее изъ Россіи, кануло въ вѣчность.

На другой день, ѣхавъ обѣдать къ Разумовскому, онъ взялъ на всякой случай съ собою донесеніе о пріемѣ князя Андрея Васильевича въ Зацѣпинскѣ, раздумывая, показать его канцлеру или не показывать?

Впрочемъ, Бестужевъ въ это время, съ своей стороны, велъ также контръ-апрошу. Онъ осыпалъ любезностями адъютанта графа Разумовскаго Александра Петровича Сумарокова, распрашивая его о бывшемъ, въ присутствіи государыни, представленіи, воспитанниками единственнаго тогда корпуса, его трагедіи «Хоревъ»; разсыпался въ похвалахъ его сочиненіямъ и говорилъ, что онъ хорошо зналъ его батюшку, Петра Спиридоновича, который ѣздилъ отъ Ягужинскаго въ Митаву предупредить бывшую герцогиню Анну Ивановну противъ козней Долгорукихъ и Голицыныхъ, задумавшихъ ограничить ея самодержавіе.

— Пострадалъ тогда за то вашъ батюшка, говорилъ Бестужевъ,—за то послѣ пользовался постояннымъ вниманіемъ покойной государыни, и мы всѣ, добронамѣренные люди, всегда встрѣчаемъ его съ уваженіемъ, которое съ чувствомъ удовольствія переносимъ и на его сына, тѣмъ болѣе, что видимъ его вполнѣ того достойнымъ.

Польщенный вниманіемъ канцлера и его похвалами, самолюбивый піита былъ на седьмомъ небѣ отъ восторга.

Переходя затѣмъ вновь къ сочиненіямъ Сумарокова и къ тому, какія пьесы будутъ представляться, Бестужевъ изъявилъ желаніе быть на всѣхъ репетиціяхъ слѣдующей пьесы, говоря, что онъ желаетъ не пропустить ни одного случая доставить себѣ удовольствіе ближе ознакомиться съ его дѣйствительно-образцовыми сочиненіями, напоминающими ему, Бестужеву, произведенія Расина и Корнеля.

Разумѣется, Сумароковъ таялъ отъ радости и на другой же день доставилъ ему записку о времени и мѣстѣ репетицій и почтительнѣйшее приглашеніе на нихъ отъ бывшаго тогда директоромъ корпуса князя Юсупова.

И вотъ великій канцлеръ чуть не ежедневно являлся на репетицію, восхищался стихами Сумарокова, давалъ совѣты, указывая, какимъ образомъ лучше достигнуть того или другаго эфекта, какъ исполнить то или другое мѣсто, какъ прочитать тотъ или другой стихъ и т. п.

Но разговаривая, давая совѣты и похваливая автора, великій канцлеръ, разумѣется, не думалъ ни о представленіи, ни о стихахъ, ни о піэсѣ. Онъ былъ занятъ исключительно однимъ питомцемъ, мальчикомъ лѣтъ восемнадцати, рѣдкой красоты, котораго государыня уже замѣтила и раза три, во время представленія, изволила къ нему подходить и кое о чемъ распрашивать. Бестужевъ, по своей рабской должности, счелъ нужнымъ узнать, чѣмъ и кѣмъ интересуется государыня, разумѣется для того, чтобы имѣть случай, въ чемъ будетъ возможно, предупредить ея желанія.

Дѣло въ томъ, что, желая уничтожить князя Зацѣпина, Бестужевъ очень боялся и Шувалова, не Ивана Ивановича, нѣтъ! Этотъ былъ слишкомъ еще молодъ и неопытенъ, чтобы разомъ могъ взять силу и стать канцлеру опаснымъ. Но войдетъ въ фаворъ Иванъ Ивановичъ, возьметъ силу и дѣлами заправлять будетъ Петръ Ивановичъ. А это—врагъ опасный. Онъ сумѣетъ справиться. Онъ же и съ Разумовскимъ хорошъ, и съ Трубецкимъ друзья закадышные, да и Мавра Егоровна тутъ. Ясно, что при такихъ конъюнктурахъ Бестужеву не сдобровать.

Поэтому нельзя ли вмѣсто Ивана Ивановича приготовить своего и сойтись съ нимъ, сдружиться, какъ Остерманъ съ Левенвольдомъ.

Тогда никакихъ повѣрокъ, никакихъ комплотовъ бояться будетъ нечего. Тогда, въ союзѣ съ Разумовскимъ, у котораго настолько-то разума хватитъ, чтобы не замѣчать ничего, можно будетъ и Трубецкаго, и Шуваловыхъ въ трубу пустить; пожалуй и въ застѣнкѣ съ ними поговорить. Надобно поэтому узнать этого мальчика, познакомиться съ нимъ поближе, обласкать.

Вотъ по этимъ-то соображеніямъ канцлеръ, какъ ни былъ онъ занятъ, ѣздилъ на репетицію чуть-ли не каждый день, говорилъ любезности Сумарокову и принималъ такое горячее участіе въ кадетскихъ представленіяхъ.

Обѣдъ у Разумовскаго проходилъ среди самыхъ искреннихъ, задушевныхъ изліяній. Трубецкой и Бестужевъ, оба казалось только и желали одного — взаимной дружбы. Оказывалось, что они, не смотря на ссору, такъ любили, такъ уважали другъ друга, что другихъ такихъ друзей и въ мірѣ нѣтъ. Чтобы отдѣлаться отъ Зацѣпина, Бестужевъ предложилъ отправить его посломъ въ Парижъ.

— Ему будетъ лестно, а мы его съ рукъ сбудемъ, говорилъ Бестужевъ.

На это однакожъ, къ великому удивленію Бестужева, Трубецкой возразилъ:

— Не жирно ли ему будетъ быть посломъ? И къ чему съ нимъ такая церемонія? Опять и то: если точно фаворъ близко, то его не соблазнишь быть посломъ, когда онъ надѣется быть чуть не царемъ. Нѣтъ, отдѣлаться отъ Зацѣпина я беру на себя; но ваше сіятельство, услуга за услугу. Прежде всего, какъ мы ужъ съ графомъ говорили, поддержать въ чемъ можно Ивана Ивановича, а потомъ...

И они начали условливаться, какъ подѣлить между собою власть при посредствѣ Разумовскаго, который хотѣлъ только одного: отстранить князя Зацѣпина. Впрочемъ, чтобы сойтись ближе съ Разумовскимъ и закрѣпить это сближеніе родственною связью, Бестужевъ сдѣлалъ тутъ же ему предложеніе соединить законнымъ бракомъ своего сына, графа Андрея Алексѣевича, съ племянницей графа Разумовскаго Авдотьею Даниловною, дочерью брата его, козака Данилы, умершаго прежде, чѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ попалъ въ случай, и жившей теперь въ числѣ фрейлинъ зимняго дворца. Предложеніе было принято и выпивкой столѣтняго венгер-

ского закрѣпился новый союзъ, къ которому присоединился и Трубецкой.

— Позвольте узнать, молодой человѣкъ, какъ ваша фамилія? спросилъ Бестужевъ у красавчика-юноши, когда, послѣ обѣда, у Разумовскаго, пріѣхалъ на репетицію.

— Бекетовъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А какъ по имени и отчеству? продолжалъ спрашивать Бестужевъ.

— Никита Аѳанасьевичъ.

— Такъ, Никита Аѳанасьевичъ. Радъ съ вами познакомиться. Я зналъ вашего батюшку, Аѳанасія Никитича, такъ кажется его звали?

— Аѳанасій Алексѣевичъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Бекетовъ.

— Да, Алексѣевичъ, виноватъ. Вѣдь онъ въ Симбирскѣ былъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, онъ и теперь въ Симбирскѣ воеводой.

И Бекетовъ съ удовольствіемъ сталъ говорить объ отцѣ.

Это былъ юноша, прямая противоположность князя Андрея Васильевича, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Въ немъ не было ничего загадочнаго, ничего такого, что заставило бы задуматься, заставило бы спросить себя: что выйдетъ изъ этого юноши въ будущемъ? Онъ былъ стройный, красивый молодой человѣкъ, довольно высокаго роста и плотно сложенный, съ круглымъ лицомъ, весьма невысокимъ лбомъ, добрыми карими глазами, тонкими алыми губами, и зубами, сверкающими своею бѣлизною какъ слоновая кость. Волосы у него были черные съ отливомъ, какъ вороново крыло, и черныя же тонкія и небольшія брови. Но на что нельзя было въ немъ не засмотрѣться—это изумительная нѣжность и бѣлизна. Съ такимъ цвѣтомъ лица рѣдко можно было встрѣтить даже дѣвушку. Онъ былъ бѣлъ и нѣженъ до того, что казалось, сквозился и останавливалъ на себѣ вниманіе рѣшительно всѣхъ, въ томъ числѣ и государыни.

— Сколько вамъ осталось быть въ корпусѣ? спросилъ его однажды Бестужевъ, между репликами его роли.

— Послѣдній мѣсяцъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Бекетовъ, — если только выдержу экзаменъ.

— Вы, конечно выдержите?

— Богъ знаетъ, ваше сіятельство; признаюсь, не очень надѣюсь. Трудно очень, особливо алгебра. Былъ боленъ три мѣсяца, много упустилъ.

— Ну а если выдержите, куда же вы думаете поступить?

— Куда же, ваше сіятельство, разумѣется, въ какой нибудь полевой полкъ. У отца нѣтъ состоянія, чтобы содержать меня въ гвардіи, насъ у него четверо; да думаю, и по экзамену не удостоятъ.

— Ну Богъ милостивъ! Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать въ воскресенье, я за вами пришлю.

— Ваше сіятельство изволите быть столь милостивы. Я буду счастливъ...

Бекетовъ обѣдалъ у канцлера, а затѣмъ, къ великому своему удивленію, выдержалъ экзаменъ самымъ блестящимъ образомъ. Оставалось выбирать полкъ.

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, на основаніи даннаго ей государынею порученія, уговорила Гедвигу обратить вниманіе на свое здоровье и начать серьезное леченіе.

— Я много говорила, милая Гедвига, съ молодымъ Черкасовымъ и убѣдилась, что онъ правъ. Тебѣ нужно лечиться, непремѣнно лечиться. Грѣшно и стыдно не беречь свое здоровье и пренебрегать имъ. И государыня желаетъ этого. Она тебя такъ любитъ, Гедвига. Ты этимъ докажешь свое послушаніе и благодарность. Наконецъ ты и меня обрадуешь. Я тебя хоть и недавно узнала лично, но я много о тебѣ слышала и уже успѣла полюбить.

Гедвига съ сердечною благодарностью принимала заботу о ней великой княгини и истинно, отъ души, ее благодарила, но рѣшиться начать леченіе не могла. Она чувствовала, что ей нужно будетъ лечиться у молодаго Черкасова, какъ единственнаго спеціалиста этого рода болѣзней.

— Ваше высочество, говорила Гедвига, — для меня ваше уча-

стіе, ваше милостивое вниманіе, также какъ и вниманіе нашей общей всемилостивѣйшей матери и благодѣтельницы, дорого безконечно. Всею душою своею я цѣню ваше желаніе меня устроить, успокоить, исцѣлить. Не нахожу словъ высказать свои чувства. Я не привыкла ни къ такому сочувствію, ни къ такой заботливости. Съ дѣтства обо мнѣ заботилась только одна женщина, — моя мать, и то только тогда, когда герцогъ смотрѣлъ на это равнодушно. Но чуть онъ начиналъ хмурить брови и она, родная мать, меня оставляла. Въ васъ, обожаемая великая княгиня, и въ нашей общей благодѣтельницѣ государынѣ, я встрѣчаю то, чего не видѣла даже отъ родной матери. Но исполнить ваше желаніе, поручить заботиться о моемъ здоровьѣ молодому Черкасову, я просто не могу.

— Отчего же, Гедвига? Всѣ говорятъ, что онъ и докторъ, и человѣкъ хорошій, спеціально изучалъ эти болѣзни. Притомъ онъ желаетъ самъ. Развѣ ты хочешь вѣчно быть больной? И къ чему эта всегдашняя грусть? Можетъ быть ты очень близко къ сердцу принимаешь положеніе твоихъ воспитателей?

— Нѣтъ, ваше высочество. Если я была сколько нибудь обязана имъ за мое воспитаніе, то послѣ тѣхъ огорченій, которыя я вынесла, я могу считать себя свободною отъ всякой благодарности. Но тутъ другое обстоятельство, другой вопросъ. Вы не любили, ваше высочество? Вы пріѣхали сюда еще столь молоды и не успѣли оглянуться, какъ вамъ указали жениха. Вы его приняли какъ назначеніе судьбы. Я — другое дѣло. Я тоже была очень молода, но полюбила страстно, всею душою; къ сожалѣнію, несчастливо.

Способность располагать къ себѣ сердца, которою впослѣдствіи Екатерина такъ часто пользовалась будучи на престолѣ, развилась въ ней, вмѣстѣ съ ея умомъ, чрезвычайно рано. Когда она только что пріѣхала въ Россію четырнадцатилѣтнею дѣвушкою, какъ будущая невѣста наслѣдника русскаго престола, то она, разумѣется, стала изучать русскій языкъ и правила нашей православной церкви. Мы говорили уже, что прежде чѣмъ успѣли ей передать правила русскаго языка, она сама собой выучила почти всѣ наиболѣе употребительныя русскія пословицы, поговорки и присловья, такъ что своимъ знаніемъ удивляла иногда коренныхъ русскихъ. Правила православной греко-россійской церкви нашей

нашли въ ней тоже примѣрную ученицу и усердную послѣдовательницу. Зная религіозность императрицы Елисаветы, зная, что она весьма богомольна и строго придерживается обрядовъ православія, Екатерина постаралась убѣдиться или сдѣлала видъ, что убѣдилась въ ихъ непреложности. И хотя впослѣдствіи, она переписывалась съ Вольтеромъ, отдавая, разумѣется, справедливость его уму и обходя подводный камень религіи, но тутъ съумѣла въ такой степени выставить свою религіозность, что Елисавета была отъ нея, какъ говорятъ, безъ памяти. Прежде еще чѣмъ она успѣла присоединиться къ православной церкви совершеніемъ надъ нею обряда мyропомазанія, но когда все къ тому было уже приготовлено, при поѣздкѣ въ Москву она простудилась и смертельно захворала. Не смотря на то, что были приняты всѣ средства, ей дѣлалось все хуже и хуже. Мать ея, принцесса ангальтъ-цербстская, пріѣхавшая съ ней въ Москву, видя разрушеніе всѣхъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ и въ огорченіи отъ предстоящей несомнѣнной потери дочери, полагала, что все уже кончено, и что, слѣдовательно, ей нѣтъ нужды въ чемъ либо себя сдерживать, потребовала лютеранскаго пастора для напутствованія умирающей. Но четырнадцатилѣтняя дѣвушка отказалась его принять.

— Я приготовилась быть православною, сказала она. — Если Богу не угодно, чтобы я совершеніемъ таинства окончательно присоединилась къ сонму истинно вѣрующихъ, то, во всякомъ случаѣ, я настолько проникнута истинами православной церкви, что напутствовать послѣднія минуты моей жизни можетъ только православный священникъ. Попросите ко мнѣ моего учителя, отца Симеона (Тудорскаго)!

Такая самостоятельность и твердость въ четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, разумѣется, болѣе чѣмъ удивительны; тѣмъ не менѣе она поразила всѣхъ тогда же и своею отважностью. Пріѣхалъ Лестокъ, выписанный нарочно изъ Петербурга. Лестокъ въ то время пользовался полною довѣренностію императрицы и какъ человѣкъ,и какъ докторъ.

Взглянувъ на принцессу и согласясь со всѣми, что она безнадежна, отважный докторъ однакожъ сказалъ, что, по его мнѣнію, есть героическое средство, которымъ можно измѣнить направленіе

болѣзни. Это—пустить кровь! При этомъ Лестокъ заявилъ объ опасности этого средства въ томъ положеніи, въ которомъ находилась Екатерина, объясняя, что, въ случаѣ неудачнаго исхода, послѣдуетъ почти немедленно астенія и смерть. Императрица, которой доложили мнѣніе Лестока, была въ нерѣшимости. Мать Екатерины не хотѣла и слышать объ этомъ. Но вотъ сказали ей самой. Она стала убѣдительно просить государыню согласиться.

— Я полагаюсь на милость Божію и на признаваемое всѣми искусство доктора, сказала она.—Отецъ духовный и мой учитель мнѣ только сейчасъ говорилъ, что милосердію Божію нѣтъ предѣловъ; а докторъ вашего величества, котораго вы изволите называть своимъ другомъ, не можетъ не вызывать моего полнаго къ нему довѣрія.

И Лестокъ ее вылечилъ.

Удивительно ли, что съ такимъ тактомъ, съ такимъ характеромъ и съ такою волею Екатерина обворожила Гедвигу и та раскрыла передъ нею всю свою душу, передала всѣ мечты и всю печальную, кратковременную исторію своей чисто дѣтской любви къ князю Андрею Васильевичу, свои надежды и ожиданія, свое томленіе въ теченіи столькихъ лѣтъ, возвысившія въ воображеніи молодой дѣвушки силу этой любви до степени апоѳеоза чувства. Потомъ она должна была разсказать и свое полное разочарованіе, вслѣдствіе той холодности, которая была имъ высказана, какъ необходимость для достиженія цѣлей, возвышающихъ родъ князей Зацѣпиныхъ, содѣйствовать чему не могло, разумѣется, сближеніе съ дѣвушкою изъ опальнаго семейства.

Гедвига разсказывала все это въ порывѣ чувства, согрѣтая участіемъ и сочувствіемъ, не думая о политикѣ и какихъ либо видахъ. Екатерина же смотрѣла на этотъ вопросъ иначе и подумала, что совсѣмъ иное можетъ быть, когда, вмѣсто Разумовскаго, будетъ князь Зацѣпинъ. Поэтому она сочла нужнымъ передать разговоръ свой съ Гедвигою государынѣ.

— О, какая бездушная холодность! какое честолюбіе! воскликнула государыня, когда ей передали всю исторію Гедвиги, послѣ того уже, какъ послѣдовалъ докладъ дѣла Леклеръ. — Неужели Мавруша права?

Черезъ шесть недѣль послѣ назначенія своего фрейлиною, Гедвига-Елисавета Бирономъ принимала святое муропомазаніе по правиламъ православной церкви. Воспріемниками ея были фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой и великая княгиня, супруга наслѣдника русскаго престола, цесаревича Петра Ѳеодоровича, Екатериина Алексѣевна. Въ честь крестной матери, Гедвига, при св. крещеніи, въ православіи была наречена Екатериною, стало быть, по-русски, княжною Екатериною Ивановною Бироновою; такъ она и была записана въ спискѣ современныхъ фрейлинъ. Императрица сама присутствовала при совершеніи обряда, происходившаго въ придворной церкви зимняго дворца. А еще черезъ недѣлю, по твердому настоянію своей крестной матери, она должна была начать серьезный курсъ леченія у молодаго доктора барона Александра Ивановича Черкасова, котораго великая княгиня сама просила вылечить ея подругу и крестную дочь, больную, какъ она говорила, и физически, и нравственно.

— Буду стараться, ваше императорское высочество, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ съ чувствомъ глубокой благодарности.—Повѣрьте, сдѣлаю все возможное. Къ глубокому огорченію, должень сказать, что болѣзни спинныхъ костей очень туго поддаются леченію. Хорошо еще, что не были порваны нервныя позвоночныя связи. Боже, какъ она должна была страдать! Однако этотъ Листеніусъ должно быть былъ хорошій докторъ. Съ рѣдкимъ искусствомъ онъ сдѣлалъ исправленіе и залечилъ надломъ. Повѣрьте, ваше высочество, души своей не пожалѣю, чтобы слѣды всѣхъ этихъ несчастій, если можно, окончательно уничтожить.

— Да, докторъ, постарайтесь, сказала Екатерина,—и васъ Богъ наградитъ. Медицина великая наука, продолжала она, выслушавъ объясненіе Черкасова о состояніи здоровья Гедвиги. — Большой грѣхъ на душѣ того, кто, обладая знаніемъ этой науки, ею пренебрегаетъ. Ничѣмъ онъ не искупитъ такой грѣхъ свой. Баронъ, прибавила она торжественно,—это замѣчаніе мое прямо относится къ вамъ. Вамъ Богъ пошлетъ счастіе въ излеченіи Гедвиги, если вы дадите передъ Нимъ клятву никогда не отказываться быть полезнымъ своими знаніями другимъ, на пользу всего человѣчества.

Прошло не болѣе недѣли послѣ заключенія между Трубецкимъ и Бестужевымъ перемирія, Трубецкой приготовилъ свой докладъ о князѣ Андреѣ Васильевичѣ.

Онъ предупредилъ на всякій случай Мавру Егоровну Шувалову въ видахъ того, чтобы была подготовлена почва.

И точно почва была подготовлена. Мавра Егоровна цѣлое утро проговорила съ государынею о достоинствахъ князя Андрея Васильевича, о его непомѣрномъ честолюбіи и его холодномъ, бездушномъ эгоизмѣ. Елисавета начинала соглашаться съ нею, принимая во вниманіе не только доставленныя ей данныя объ отношеніяхъ его къ Леклеръ, Гедвигѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ и другимъ женщинамъ, но и то положеніе, которое онъ занималъ въ разсужденіи ея самой.

«Онъ видимо хотѣлъ, чтобы я страдала отъ его невниманія, думала она.—Не бездушность ли это, не эгоизмъ ли?»

И онѣ опять вмѣстѣ сожалѣли Гедвигу.

Въ это время дежурный камеръ-пажъ, Ваня Шуваловъ, доложилъ, что пріѣхалъ съ докладомъ генералъ-прокуроръ.

— Не уѣзжай, Маврушка, сказала государыня, когда та встала,—обѣдай у меня. Мы поболтаемъ. Я сегодня свободна; а то мнѣ такъ рѣдко достается поговорить съ тобою.

Мавра Егоровна, разумѣется, не заставила повторить приглашеніе, но на время доклада скрылась въ уборную, успѣвъ однакожъ, до своего ухода, обратить вниманіе государыни на хорошенькаго кузена своего мужа, камеръ-пажа Ваню, и разсказать анекдотъ о его умѣ, способностяхъ и совершенной еще наивности. Государыня смѣялась, когда вошелъ Трубецкой.

Докладъ свой Никита Юрьевичъ началъ съ того, что хотя неправильность осужденія Волынскаго уже доказана и государыня, по своему неизрѣченному милосердію, возстановила дѣтей его во всѣхъ правахъ отца, но что онъ, Трубецкой, считаетъ своимъ долгомъ доложить, что прецедентъ, который заставилъ Бирона и Остермана ходатайствовать о преданіи Волынскаго суду, существуетъ несомнѣнно, и переходитъ весь длинный періодъ времени отъ самаго междуцарствія даже до настоящаго времени, сохраняясь въ старинныхъ княжескихъ родахъ и передаваясь преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Волынскій, разумѣется ни въ какомъ случаѣ не могъ

имѣть никакого преимущества въ родовомъ отношеніи противъ дома Романовыхъ, такъ какъ боковые потомки той Волынской, которая была за великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ линію болѣе отдаленную отъ московскаго царственнаго угасшаго дома, чѣмъ Романовы, боковые потомки Анастасіи Романовны Романовой-Юрьевой, бывшей за царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, такъ что всякое притязаніе въ этомъ отношеніи, помимо права по избранію, но и по самому происхожденію, не имѣетъ смысла. Но самое указаніе Волынскаго на его, хотя-бы весьма отдаленное свойство съ московскимъ царственнымъ домомъ доказываетъ уже существованіе прецедента, оставить который безъ вниманія правительство не могло и не можетъ, тѣмъ болѣе, что прямые, ближайшіе потомки московскаго дома, имѣвшіе несомнѣнныя права на его наслѣдованіе, безпрерывно заставляютъ о томъ вспоминать.

Такого рода напоминаніями старыми княжескими фамиліями о своихъ правахъ князь Трубецкой признавалъ неоднократныя волненія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бунты стрѣльцовъ, дѣло царевича Алексѣя Петровича, избраніе на престолъ Анны Ивановны и стремленіе ограничить ея самодержавіе и др.

Слабое знаніе отечественной исторіи, разумѣется, не дозволило государынѣ видѣть во всемъ этомъ явную натяжку, хотя не нужно было быть глубокимъ историкомъ, чтобы видѣть, что, напримѣръ, возстаніе Стеньки Разина не могло имѣть къ правамъ старыхъ домовъ никакого отношенія. Но государыня думала, что Трубецкой, какъ одинъ изъ представителей стариннаго рода, хотя и не Рюриковичей, но занимавшаго почетное мѣсто среди удѣльныхъ князей, могъ все это лично знать, по своимъ семейнымъ преданіямъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ Трубецкой,—что впродолженіи твердаго и счастливаго царствованія и когда надежды государства поддерживаются видимо для всѣхъ потомствомъ царствующаго дома, такого рода попытки могутъ быть только слабымъ отсвѣтомъ существующихъ сомнѣній; но когда отсутствіе прямаго потомства въ царствующей линіи, слабость царствованія или какія либо особыя обстоятельства даютъ поводъ думать, что престолъ можетъ остаться вакантнымъ, онѣ возникаютъ въ усиленномъ видѣ и могутъ становиться иногда даже опасными.

— Къ чему вы все это говорите мнѣ, князь? сказала скучающая Елисавета.—Я это уже сто разъ слышала и много разъ читала.

— Къ тому, всемилостивѣйшая государыня, что особенно опасны могутъ быть такого рода попытки въ настоящее время, когда народъ не имѣетъ надежды видѣть отъ вашего величества прямаго наслѣдника, а объявленный вами наслѣдникъ не пользуется народнымъ сочувствіемъ. Въ настоящее время подобная попытка можетъ разомъ повернуть весь государственный механизмъ и нарушить спокойное и благополучное ваше царствованіе.

— Но вѣдь вы не подозрѣваете никого, кто бы покушался на это? спросила Елисавета подозрительно.

— Напротивъ, ваше величество. Старшій представитель угасшаго московскаго дома, въ старшей боковой вѣтви князей владимірскихъ, суздальскихъ и нижегородскихъ, имѣющій по роду полное право быть представителемъ московскихъ великихъ князей, князь Андрей Васильевичъ Зацѣпинъ, посланный вами для разслѣдованія, приказалъ въ своемъ наслѣдственномъ, бывшемъ зацѣпинскомъ княжествѣ отдавать себѣ всѣ царскія почести и признавать себя истиннымъ владѣтельнымъ княземъ, каковымъ и признала его вся страна. Вотъ донесенія о томъ архіерея, воеводы, городскаго общества и тамошняго воинскаго начальника, который пишетъ, что его встрѣчали даже царскимъ походомъ и салютаціею знаменъ.

— Князь Андрей?.. Князь Зацѣпинъ?.. Не можетъ быть!

— Не угодно ли взглянуть на эти донесенія, всемилостивѣйшая государыня. А вотъ и его собственное донесеніе, что мордва, встрѣчавшая сопротивленіемъ даже посланное войско вашего величества, усмирена однимъ его появленіемъ. Кромѣ того, вотъ частныя донесенія и описанія его встрѣчи, пріѣздовъ, разныхъ обстоятельствъ и случаевъ.

Государыня, какъ ни была лѣнива отъ природы на серьезное чтеніе, стала однакожъ читать сама.

— Да, сказала она, прочитавъ все, что было ей подано,—это переходитъ всѣ предѣлы. Его честолюбіе не имѣетъ границъ. Послѣ того, я не хочу, его видѣть. Напишите, что я повелѣла ему оставаться безвыѣздно подъ арестомъ въ своихъ деревняхъ. Если же онъ оказалъ бы сопротивленіе, то поручите моимъ именемъ Бутурлину

сломить всякое сопротивленіе и усмирить всякое возмущеніе, для чего дать въ его команду нужное число полевыхъ полковъ, а, буде нужно, и артилерію. Потрудитесь распорядиться немедленно.

И Елисавета встала. Никитѣ Юрьевичу только этого и было нужно. Онъ уѣхалъ.

Но Мавра Егоровна, которой государыня разсказала все дѣло, была рѣшеніемъ государыни очень недовольна. «Вѣдь изъ всякой ссылки могутъ возвратить», подумала она. Поэтому она пыталась неоднократно возобновить разговоръ, чтобы поставить вопросъ въ такомъ видѣ, что такого рода встрѣча и такого рода признаніе Зацѣпина своимъ княземъ цѣлою страною есть прямое возмущеніе; а если тутъ было возмущеніе, то дѣло слѣдуетъ передать розыску, пытать сообщниковъ, раскрыть и наказать виновныхъ, руководителей и участниковъ. Мавра Егоровна находила это тѣмъ болѣе необходимымъ, что холодное, безпредѣльное честолюбіе князя Андрея Васильевича, извѣстное уже государынѣ, заставляетъ всегда опасаться, что онъ... и т. д. Но всѣ маневры Мавры Егоровны оказались безцѣльными. Государыня не измѣнила своего рѣшенія, только особою запискою подтвердила Трубецкому, что она желаетъ, чтобы рѣшеніе ея было приведено въ исполненіе сколь возможно поспѣшнѣе.

— Ну какой же полкъ вы выбрали, мой милѣйшій Никита Афанасьевичъ? спросилъ Бестужевъ у Бекетова, когда тотъ, полный самодовольства, сказалъ ему, что его производство всѣмъ корпуснымъ начальствомъ утверждено и онъ на той недѣлѣ представится государынѣ.

— Да какой нибудь изъ полевыхъ полковъ, какъ я имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству.

— Ну а что, если, напримѣръ, я вамъ предложу поступить генеральсъ-адъютантомъ къ какому нибудь изъ генералъ-аншефовъ или фельдмаршаловъ.

— Ваше сіятельство, вѣдь это даетъ капитанскій чинъ, сказалъ весь вспыхнувшій Бекетовъ.

— Что-жъ, развѣ вы думаете, что капитаномъ быть хуже, чѣмъ прапорщикомъ?

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ хуже? Да чѣмъ же я заслужилъ?

— Захотите—заслужите. А вотъ, если хотите, такъ я предлагаю вамъ поступить генеральсъ-адъютантомъ къ генералъ-аншефу графу Разумовскому.

Бекетовъ при этихъ словахъ канцлера даже поблѣднѣлъ.

— Благодѣянія вашего сіятельства.... началъ было говорить онъ.

— Ладно, ладно, сосчитаемся! перебилъ его Бестужевъ.—Записывайтесь же. А вотъ вамъ и записка Разумовскаго, что онъ желаетъ именно васъ имѣть своимъ адъютантомъ.

И Бекетовъ былъ назначенъ адъютантомъ Разумовскаго и помѣщенъ, чтобы быть подъ рукою у своего начальника, во дворцѣ, у одной изъ камеръ-фрау государыни, особенно ею любимой, потому что никто не умѣлъ такъ чесать пятки, какъ г-жа Елагина, мужъ которой, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, служилъ въ то время подъ непосредственнымъ начальствомъ Бестужева и признавался однимъ изъ лучшихъ грамотѣевъ того времени, причисляясь даже къ разряду писателей.

И какъ добра была эта Елагина къ Бекетову. У самой ничего не было, а она заботилась не только о томъ, чтобы у него было все, что нужно, но чтобы и поразвлечься молодому человѣку, и пощеголять было на что; тонкое бѣлье, кружева, золотыя пряжки на башмаки ему привозила, о карманныхъ деньгахъ его заботилась.

Зажилъ нашъ Никита Афанасьевичъ, какъ сыръ въ маслѣ катается. А Бестужевъ посмѣивается.

«Они думали меня кругомъ обойти, говорилъ онъ себѣ,—думали, что ихъ Иванъ Ивановичъ на первый планъ станетъ; а вотъ увидимъ, увидимъ».

И онъ имѣлъ право говорить такъ и смѣяться. За обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, и Бекетовъ, а Иванъ Ивановичъ, по своему рангу камеръ-пажа, долженъ былъ стоять за стуломъ государыни, Елисавета не могла отвести глазъ

отъ нѣжнаго лица Бекетова, такъ привлекателенъ былъ его чистый и свѣтлый взглядъ, а къ Шувалову ни разу даже не обернулась.

Бестужевъ торжествовалъ.

«Этотъ будетъ мой, думалъ онъ.—И мы увидимъ, какъ Шуваловы и Трубецкіе верхъ возьмутъ».

Но Шуваловы не пришли въ отчаяніе. Петръ Ивановичъ особенно сочувственно отнесся къ Бекетову.

— Что за прелесть, говорилъ онъ.—Ни у одной дѣвицы такой бѣлизны и нѣжности нѣтъ. Одно жаль, молодой человѣкъ покучивать любитъ. Но хорошъ за то, идеально хорошъ.

— Скажите, молодой человѣкъ, разъ спросилъ онъ у Бекетова глазъ на глазъ,—вы вѣдь въ артилеріи числитесь, стало быть, до нѣкоторой степени мой подчиненный, хотя и откомандированы,—какимъ способомъ вы получили такую нѣжность и бѣлизну, что нѣтъ красавицы, которая бы вамъ не позавидовала? Вы не употребляете дьяволеты?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство. Я не употребляю ничего, кромѣ чистой воды. А дозвольте спросить, что это такое дьяволета?

— Мазь такая, что лицо бѣлѣе и чище дѣлаетъ, свѣжесть необыкновенную лицу придаетъ. Вы думаете, напримѣръ, мое ржавое лицо сохранилось бы до сихъ поръ въ такомъ видѣ безъ дьяволеты? Шутите! Каждую недѣлю передъ банею намазываюсь. Дорога только очень проклятая. На два золотыхъ самую малюсенькую баночку присылаютъ. А вы напрасно не попробуете когда нибудь. Хоть вы и такъ бѣлы необыкновенно, но она отлично свѣжитъ и сохраняетъ. У васъ, думаю, лицо просто сіять начало бы. Притомъ же оно и пріятно. Хотите, я вамъ пришлю попробовать?

Суровый фельдцехмейстеръ проговорилъ все это не улыбнувшись.

Бекетовъ поблагодарилъ.

Вечеромъ, на куртагѣ у государыни, Шуваловъ подалъ ему маленькую стекляночку какой-то золотистой, необыкновенно ароматной мази. Бекетовъ не утерпѣлъ, вымазался передъ банею, и къ утру все лицо у него было въ страшныхъ прыщахъ.

А Мавра Егоровна говорила про него государынѣ:

— Точно, что хорошій молодой человѣкъ. Только ужъ кутитъ очень! Знаете, я даже боюсь проходить близко. Вотъ нашъ Ваня...

Въ это время вошелъ Бекетовъ, по обязанности камеръ-юнкера, которымъ ужъ успѣли его наградить. Императрица взглянула на него и обомлѣла. Въ тотъ же день Бекетовъ былъ переведенъ въ астраханскій полкъ; а Ваня, нѣжненькій, скромный камеръ-пажъ Ваня вскорѣ занялъ вакантное мѣсто Бекетова. Онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ и сталъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Государыня поѣхала на богомолье. Онъ въ это время успѣлъ ловко воспользоваться ея благосклонностью и пошелъ въ ходъ. Сперва его камергеромъ, а потомъ и оберъ-камергеромъ сдѣлали. Милости посыпались на него, а съ нимъ вмѣстѣ были не забыты и оба Шуваловы. Они скоро попали въ графы и были произведены въ фельдмаршалы.

Нѣжненькій, скромненькій Иванъ Ивановичъ, вѣчно съ французскою книжкою въ рукахъ, или сочиняющій затѣйливые акростихи, переписываемые имъ на розовую бумажку, украшенную виньеткою съ цѣлующимися голубками, былъ видимо счастливъ. Онъ старшихъ братцевъ уважалъ и для нихъ все готовъ былъ сдѣлать. «Вѣдь, благодаря имъ, все мое счастіе!» говорилъ онъ себѣ.

— Якъ ни тотъ, такъ ытотъ; мыны все жъ одно! Богъ съ ними! говорилъ Разумовскій Трубецкому.—Ны я одынъ на світи, якъ голову гирляндою убырать нужно! На что Зывсъ многомощный былъ, и того Юнона всыгда цвітами украшала! Но все-таки она знала, что мужъ не башмакъ, съ ноги не сбросишь! А Зацѣпа? Отъ того всего ждать надо было! Пожалуй въ монастырь бы заперъ, или въ тюрьмѣ бы сгноилъ.

— За то графу Алексѣю Петровичу жутко приходится, смѣясь, сказалъ Трубецкой.—Шуваловы ему не простятъ, что онъ имъ коломъ въ горлѣ стоялъ.

— Ну, Богъ съ ными! Одно, племянницу жаль! За ледащаго вышла; ну да назадъ не развѣнчаешь, замѣтилъ Разумовскій и задумался. — «Мое развѣнчаніе, однакожъ, было близко» подумалъ онъ.

IX.

Борьба начата.

Изъ доклада князя Трубецкаго государынѣ мы знаемъ, что пріѣздъ князя Андрея Васильевича въ Зацѣпинскъ имѣлъ самое благотворное вліяніе на успокоеніе волненій, возникшихъ было среди различныхъ инородцевъ восточной Руси. По его требованію, мордва, башкиры, тептяри выслали въ Зацѣпинскъ своихъ выборныхъ,—жалобщиковъ, какъ они говорили,—для непосредственнаго объясненія своихъ обидъ.

— Чѣмъ недовольны вы, кто и чѣмъ васъ обижаетъ спросилъ князь Андрей Васильевичъ старика мордвина, явившагося къ нему вмѣстѣ съ другими выборными.

— Милосердуй, бачка! покойниковъ зорятъ! погосты отнимаютъ!

— Какъ зорятъ?

— Такъ—зорятъ, бачка, ни за что зорятъ! Самъ знаешь бачка, живой человѣкъ бываетъ хорошій человѣкъ и худой человѣкъ, а мертвый человѣкъ, всегда хорошій человѣкъ. Съ живымъ, что хошь дѣлай, а мертваго не тронь! Такъ ли, бачка?

— Ну такъ что же? Ну не тронутъ вашихъ мертвыхъ, въ чемъ же дѣло будетъ?

— А въ томъ, бачка, и дѣло, чтобы не трогали, и всѣмъ довольны будемъ!

— Ну ладно! Вашихъ мертвыхъ не будутъ трогать! Смотри же, чтобы все смирно было!

И въ силу данной ему власти, князь Андрей Васильевичъ распорядился о прекращеніи несообразнаго усердія мѣстной власти, вздумавшей очищать православныя кладбища отъ похороненныхъ тамъ некрещеныхъ покойниковъ.

Мордва успокоилась, а за ней скоро присмирѣли башкиры и тептяри.

Теперь Зацѣпину оставалось разсмотрѣть вопросъ, кто же виноватъ въ допущеніи безпорядковъ, вызвавшихъ волненіе. Трубецкой

ли, послабляющій злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей, или Бестужевъ, ради своихъ видовъ прекращающій поступленіе всякихъ жалобъ на дѣлаемыя притѣсненія?

«Раскроемъ это дѣло на чистоту!» сказалъ себѣ Андрей Васильевичъ, отправляя донесеніе о всемъ сдѣланномъ.

Но раскрыть этого ему не удалось.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ приступить къ чему нибудь, онъ получилъ указъ сената «по высочайшему повелѣнію». Этимъ указомъ постановлялось: оставить дѣло безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а самому ѣхать немедленно въ свое село Зацѣпино, для безвыѣзднаго тамъ пребыванія, подъ присмотромъ начальства, за ненадлежащее присвоеніе себѣ царскихъ почестей.

Получивъ этотъ указъ, князь Андрей Васильевичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

«Какимъ образомъ? даже не потребовавъ объясненія? Да развѣ я виноватъ тутъ въ чемъ нибудь? Развѣ я требовалъ какихъ-бы то ни было почестей? Развѣ я желалъ? Я даже не думалъ...»

Первое, что ему пришло въ голову: «ѣду сію минуту въ Петербургъ и объясню». Но въ эту минуту явился къ нему зацѣпинскій воевода и заявилъ о полученномъ имъ указѣ отправить его, князя Зацѣпина, подъ конвоемъ въ его родовое имѣніе и неослабно наблюдать о его безвыѣздномъ тамъ пребываніи.

Изъ разговора съ воеводою, князь Андрей Васильевичъ узналъ, что всѣ отправляемыя отъ него письма велѣно доставлять въ сенатъ, жалобъ никакихъ не принимать, особыхъ свиданій, кромѣ какъ съ самыми близкими родными, не допускать. Дозволяется ему, при скромной жизни и полномъ послушаніи, выѣзжать изъ Зацѣпина для охоты, или для посѣщенія другихъ своихъ деревень, но не далѣе двадцати верстъ въ окружности, и то не иначе, какъ съ воеводскаго вѣдома, подобно тому, какъ это было установлено относительно Бирона, при водвореніи его въ Ярославлѣ. Въ противномъ случаѣ, т. е. при малѣйшемъ нарушеніи указанныхъ правилъ, воевода долженъ сейчасъ же его арестовать и донести тайной канцеляріи.

Однимъ словомъ, князю Андрею Васильевичу пришлось убѣдиться, что видѣть его не желаютъ, и что приняты всѣ мѣры къ

тому, чтобы непосредственнаго объясненія его съ государынею, ни личнаго, ни письменнаго, быть не могло. Онъ понялъ, что объ этомъ позаботилась дружеская рука Трубецкаго, стало быть ни возражать, ни обойти нельзя. Всякое возраженіе, всякое желаніе обойти сдѣланное распоряженіе не только будетъ безполезно, но и весьма опасно. Оно можетъ повести къ страшнымъ непріятностямъ. Никиту Юрьевича онъ зналъ хорошо, поэтому рѣшилъ исполнить немедленно указъ сената и ѣхать въ свое село, не подавая даже вида, что онъ этимъ недоволенъ. Воевода назначилъ для его сопровожденія и нахожденія при немъ, въ видѣ конвоя, пятерыхъ солдатъ при унтеръ-офицерѣ.

Въ Зарѣпинѣ его никто не ждалъ. Тамъ былъ храмовой праздникъ одной изъ церквей, была ярмарка. Сельская площадь была буквально залита народомъ, одѣтымъ по праздничному. У кабаковъ трынкали балалайки; разгулявшійся людъ пускался въ плясъ. На лужайкѣ, подлѣ княжескаго сада, составился хороводъ. Пятьдесятъ или шестьдесятъ дѣвушекъ ходили одна за другою подъ мотивъ пѣсни, вызывая то или другое дѣйствіе словами этой пѣсни, и то замедляя, то ускоряя тактъ.

При выѣздѣ на площадь, Андрей Васильевичъ, который давно уже не видалъ картины коренной русской праздничной жизни, приказалъ остановиться. Онъ вслушивался въ мотивъ пѣсни, знакомой ему съ дѣтства; любовался тою жизнью, въ которой и самъ когда-то любилъ принимать личное участіе; но любовался ею, какъ любуются картиною, какъ живутъ воспоминаніями. Раздѣлять же эту жизнь теперь, онъ уже не могъ! Она для него была уже чужая; какъ стала ему чужая Гедвига, когда онъ увидѣлъ ее черезъ десять лѣтъ; именно потому, что какъ тогда онъ сказалъ Гедвигѣ: воспоминаніе—не жизнь!

Въѣхавшій на площадь дормезъ, за нимъ карета, другая карета, потомъ коляска, брички, далѣе телѣги съ конвойными, разумѣется не могли не остановить на себѣ вниманія ярмарочной толпы; но веселье продолжалось, пѣсня лилась, трынканье балалаекъ раздавалось; продолжался и плясъ. Но вотъ кто-то его узналъ и закричалъ: «нашъ князь, баринъ пріѣхалъ!» — «Князь! баринъ! баринъ!» раздалось на площади, и ярмарка смутилась. Хороводъ остановился,

трынканье смолкло, плясавшіе и толпившіеся всѣ будто разомъ провалились.

— «Куда жъ они пропали, будто я съѣмъ ихъ?» подумалъ про себя Андрей Васильевичъ и велѣлъ ѣхать на дворъ. — «Однакожъ, думалъ онъ,—когда возвращался мой отецъ, народъ не пропадалъ, а бѣжалъ къ нему на встрѣчу; хороводъ не смолкалъ и даже балалайки продолжали свою трынконтню; только развѣ крѣпко подгулявшіе старались зайти куда нибудь за уголъ. Да! но отецъ мой былъ имъ свой, а я?...»

На дворѣ его встрѣтили прикащикъ, четверо старостъ, выборные отъ разныхъ приходовъ и волостей, дворецкій и ключникъ. Тутъ же стояли старшіе конюшіе, выѣздные, псари; было нѣсколько женщинъ. Всѣ низко поклонились; прикащикъ поднесъ откуда-то явившуюся хлѣбъ-соль и узорочное полотенце. Андрей Васильевичъ поблагодарилъ; но сказать ему было нечего, и никто къ нему не подходилъ.

Андрей Васильевичъ вошелъ въ домъ. Домъ держался въ порядкѣ. Все оставалось такъ, какъ было при его отцѣ.

— «Но Боже мой, какая же все это дрянь! Развѣ можно тутъ жить? Ни изящества, ни вкуса, ни удобства, перебиралъ про себя Андрей Васильевичъ, проходя по комнатамъ.—Что это? Боже мой, рогожа! А это просто деревянныя лавки, покрытыя сукномъ. А стѣны?... Боже мой! и какъ это я самъ... Едва десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я находилъ домъ этотъ не только обитаемымъ, не только удобнымъ, но даже красивымъ... Но вѣдь это дикость! Комнаты точно конуры для собакъ. Мебель будто изъ застѣнка вытащена, чтобы удобнѣе было на ней кости ломать; а украшенія— напоминаютъ роскошь жителей Сандвичевыхъ острововъ».

— И это человѣческое жилище!

Между тѣмъ тутъ жилъ его отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ; жили и находили удобнымъ и покойнымъ. «Но вѣдь это дикость, дикость!» проговорилъ опять князь Андрей Васильевичъ и потребовалъ къ себѣ камердинера француза, пока Ѳедоръ съ Гвозделомомъ здоровались и цѣловались съ обступившей ихъ дворней, вынимая вещи изъ экипажей.

— Жакъ, устрой мнѣ хоть одну комнату по-человѣчески! приказалъ онъ.

И черезъ нѣсколько часовъ, описанная уже нами княжая комната приняла другой видъ. Стѣны были, въ видѣ шпалеры обтянуты штофомъ. На полъ, по рогожѣ, былъ натянутъ коверъ, шкафы вытащены, устроенъ альковъ для постели, письменный столъ обтянутъ сукномъ, окна драпированы, повѣшены картины, поставлены статуэтки, часы, подсвѣчники, вазы. Со всего дома было собрано все, подходящее изъ мебели, которая тоже наскоро была переформирована, сколько было возможно: благо въ дворнѣ князя нашлось множество всевозможныхъ мастеровыхъ. Неменьшія передѣлки происходили и въ кухнѣ, по требованію француза-повара,—того самаго Жозефа, искусство котораго прославило завтраки князя Андрея Дмитріевича и заставило о его собственныхъ обѣдахъ говорить весь Петербургъ, въ томъ числѣ и Мавру Егоровну Шувалову. Тѣмъ не менѣе, обходя домъ, Андрей Васильевичъ призналъ его не удобо-обитаемымъ, и въ ту же минуту отправилъ нарочнаго въ Зацѣпинскъ спросить, можетъ ли онъ выписать къ себѣ архитектора, съ тѣмъ, что если разрѣшатъ, то посланный ѣхалъ бы прямо въ Петербургъ и привезъ съ собою все то, что Андрей Васильевичъ для своей жизни считалъ необходимымъ.

Нѣсколько недѣль спустя, Андрей Васильевичъ былъ уже устроенъ довольно комфортабельно, въ нѣсколькихъ комнатахъ отцовскаго дома. Архитекторъ приготовилъ уже ему планъ новаго дома, нѣчто въ родѣ римской виллы, съ готическою башнею и итальянскимъ бельведеромъ. Этотъ домъ Андрей Васильевичъ разсчитывалъ построить къ будущей осени. Были сдѣланы заказы на стекла, зеркала, камины, изразцы. Нужно было все выписывать. Кое-что везли изъ Петербурга, изъ Москвы, изъ Парашина. Онъ писалъ уже кое кому о своей надеждѣ, что въ Зацѣпинѣ скоро будетъ человѣческое жилище, какъ онъ говорилъ, проектируя себѣ что-то въ родѣ великолѣпнаго, хотя и не обширнаго дворца.

Среди этихъ занятій, однажды вошелъ Ѳедоръ и доложилъ:

Его сіятельство, князь Юрій Васильевичъ Зацѣпинъ!

Андрей Васильевичъ приказалъ просить.

Онъ обрадовался пріѣзду брата и выбѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Здравствуй, Юрій, сказалъ онъ привѣтливо, — ну что ты, какъ? Здоровъ ли, другъ? Спасибо, что пріѣхалъ, голубчикъ; безконечно радъ тебя видѣть!

Не смотря однакожъ на такого рода радушный и родственный привѣтъ, князь Юрій Васильевичъ, выйдя изъ своей брички, принялъ какую-то изысканную, почтительную, видимо натянутую позу, и съ завистливымъ подобострастіемъ проговорилъ приготовленное впередъ и заученное привѣтствіе:

— Узнавъ случайно, многопочитаемый мною сіятельный братецъ, что вы изволили прибыть въ свое Зацѣпино, счелъ долгомъ васъ поздравить!

Эта подготовленная впередъ фраза весьма непріятно поразила Андрея Васильевича.—«Что это такое? подумалъ онъ.—Онъ ничего не знаетъ, что ли? Или умышленно хочетъ смѣяться, хочетъ подразнивать, поздравляя меня съ ссылкой? И что онъ хотѣлъ сказать, напирая на случайность и на мое сіятельство».

Не смотря однакожъ на эти невольно пробѣжавшіе въ его головѣ вопросы, Андрей Васильевичъ радушно обнялъ брата, поцѣловалъ, взялъ подъ руку и повелъ къ себѣ.

Юрій Васильевичъ, вполнѣ подчиняясь движенію брата, пошелъ съ нимъ, но какъ то обдергиваясь и оглядываясь, будто ожидая, что братъ его уколетъ или обожжетъ.

Вошли въ кабинетъ. Братья усѣлись другъ противъ друга. Андрей Васильевичъ закурилъ сигару и предложилъ брату, но тотъ отказался.

— Я не курю, братецъ, сказалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ бы прибавляя: куда, дескать, намъ такую роскошь!..

Бесѣда ограничилась сухимъ разговоромъ о состояніи здоровья и чуть-ли не о погодѣ,—разговоромъ, видимо неинтереснымъ ни для того, ни для другаго. Андрей Васильевичъ всматривался въ брата.

Юрій Васильевичъ былъ упитанный деревенскимъ молокомъ телецъ, жирный, бѣлый, съ круглымъ лицомъ, съ мягкой, вьющейся небольшой бородкой и голубоватыми, бѣгающими глазами. Онъ былъ одѣтъ въ коричневый, шелковый, съ обшитыми галуномъ пет-

лицами, кафтанъ, передѣланный изъ отцовской однорядки, а можетъ быть и изъ дѣдовской ферязи, въ шелковый же, голубой, шитый серебромъ, вѣроятно доморощенной искусницей, камзолъ, съ кружевами, тоже домашняго производства. На немъ былъ парикъ съ тупеемъ, сдѣланнымъ рукою крѣпостнаго парикмахера. Говорилъ Юрій Васильевичъ тихо и какъ бы процѣживая сквозь зубы каждое слово.

— Какъ же вы великолѣпно устроились тутъ, братецъ,—говорилъ онъ, оглядывая комнату.—И все тутъ по-французскому, да по-нѣмецкому. Нашего Зацѣпина и узнать нельзя. Хоть убейте меня, а не угадалъ бы, что мы въ отцовской княжей горницѣ сидимъ! А все средства!..

— Средства нужны были не Богъ знаетъ какія, а разумѣется нужны были вещи, которыя дѣйствительно стоятъ большихъ средствъ; но мнѣ, благодаря дядѣ, стоилъ только провозъ. Ну, а ты, другъ, какъ устроился?

— Понемножку, братецъ! Вѣдь наше дѣло маленькое, съ нашею волостью далеко не уѣдешь! Чтожъ, братецъ, вы изволите располагать теперь жить въ Зацѣпинѣ?

— Велѣли, такъ поневолѣ располагаю, дорогой другъ. Ты развѣ не знаешь, что я въ опалѣ, сосланъ. Чѣмъ я заслужилъ немилость, что̀ случилось тамъ?—не знаю ничего! Ну, да на то дворъ! Пріятели, надо полагать, помогли!

— Чтожъ, братецъ, отчего вамъ теперича и здѣсь не жить? Вѣдь вы, братецъ, говорятъ, уже въ генеральскомъ рангѣ?

— Это еще не Богъ знаетъ что! Я поручикъ лейбъ-компаніи, а у насъ и подпоручики генералами числятся. Ну, къ тому же я дѣйствительный камергеръ, оберъ-шталмейстеръ и тайный совѣтникъ. Все это званія генеральскія. Да что въ томъ, когда надобно вотъ въ Зацѣпинѣ сидѣть?

— Ну нѣтъ, братецъ, оно все-таки пріятно! Особливо, когда и поддержка есть, настоящая княжеская. Вѣдь, говорятъ, дядюшка-то вамъ большое богатство оставилъ?

— Да! Пятнадцать тысячъ душъ, два дома, деньги, множество дорогихъ вещей... Облагодѣтельствовалъ покойникъ, дай Богъ ему царствіе небесное!

— Да-съ, хорошее состояніе, гдѣ ни жить, вездѣ хорошо; притомъ же и родитель, царствіе ему небесное, по старому порядку вамъ однимъ семь тысячъ душъ завѣщалъ, да какія волости, села; а на насъ двоихъ только три тысячи душъ благословилъ...

— Ты не нуждаешься ли, братъ? скажи!

— Нѣтъ-съ, братецъ, что же? По милости Божіей, въ долги не входимъ и милостыни не просимъ! Вотъ къ родительскому-то благословенію я еще полторы тысячи душъ прикупилъ.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто, братецъ! Какъ рекрутчина-то была, съ меня причиталось пятнадцать рекрутъ, а я возьми да и поставь ихъ двѣсти; а квитанціи-то и сталъ продавать мѣщанамъ, да крестьянамъ, которыя побогаче, ну и помѣщикамъ. На эти деньги вотъ-съ и купилъ...

— Какъ, двѣсти рекрутъ съ полутора тысячъ душъ, почти весь контингентъ молодежи?

— Ну, нѣтъ, не весь, братецъ, остались еще кое-кто. Въ большихъ семьяхъ подростки всѣ остались; да хоть-бы и всѣ, чтожъ, братецъ? Въ новой-то вотчинѣ опять молодежь та же ко мнѣ назадъ пришла, а въ придачу и тѣ, которые изъ лѣтъ рекрутчины вышли, но работники еще хорошіе, да и подростки, и бабье! Я ужъ и не говорю объ угодьяхъ, земляхъ, лѣсахъ,—село, двѣ запашки со скотомъ и живностью,—все это мнѣ въ придачу пришло. Барышъ чистый! Да еще и деньги-то не всѣ издержалъ; вѣдь квитанціи-то мы не дешево продавали!

— Но это ужасно, безчеловѣчно, безсовѣстно, братъ! Какъ, если у отца три сына взрослыхъ, ты всѣхъ трехъ...

— Ну, нѣтъ, братецъ, нельзя же было домъ безъ работника оставлять! А, разумѣется, если есть еще подростки, да самъ отецъ работать можетъ, или есть старшій братъ, который...

— Не говори, не говори, братъ! Это страшно! Вѣдь это значитъ мясомъ и жизнью человѣческою торговать! Боже мой, вѣрить не хочется, ужасно, ужасно!

— Хорошо вамъ, братецъ, говорить, какъ у васъ больше двадцати тысячъ душъ, да сами вы говорите, и дома, и деньги, и вещи; а какъ тутъ... Да вотъ теперь, впрочемъ, я надѣюсь кое на чемъ по-

правиться. Вступилъ я въ дѣло съ купцомъ Бѣлопятовымъ, хотимъ казну пообъегорить маленько...

Братъ, и ты это говоришь? Ты, князь Зацѣпинъ?..

— Чтожъ, братецъ, князь Зацѣпинъ; съ полутора тысячами душъ—какой князь! Я еще молодъ; жениться думаю, можетъ и дѣти будутъ. А тогда, разсудите, дѣтямъ-то мнѣ пожалуй и по сотнѣ дворовъ оставить не придется. Нонче, братецъ, тотъ только князь, у кого карманъ княжескій. Вотъ, вы, братецъ, и домъ строить хотите, и здѣсь себя украшаете именно по-княжески, а отчего? оттого, что есть изъ чего... А намъ... Какое ужъ тутъ княжество?

Въ это время на дворъ влетѣла, съ громомъ, стукомъ и звономъ бубенчиковъ, бѣшеная тройка. Кучеръ, малый лѣтъ двадцати, сидѣлъ на козлахъ бѣговой телѣжки и обѣими руками только держался за козлы; тройкой правилъ самъ баринъ, стоявшій въ телѣжкѣ за кучеромъ на колѣняхъ, въ красной шелковой рубашкѣ, съ перекинутымъ черезъ плечо, по-цыгански, шарфомъ. Бархатная накидка, обшитая по-венгерски шнурами и кисточками, свалилась у него съ плечъ въ телѣгу. Онъ этого не замѣчалъ, поводя кнутомъ по тройкѣ съ визгомъ и крикомъ. Тройка летѣла именно какъ бѣшеная, пока, съ разлета, правящій за кучера не осадилъ лошадей разомъ у подъѣзда. На сидѣньѣ телѣжки удобно расположилась большая датская собака.

— А вотъ и Дмитрій пріѣхалъ! сказалъ Юрій Васильевичъ, взглянувъ въ окно на тройку.

— Братъ Дмитрій? ну идемъ встрѣчать! сказалъ Андрей Васильевичъ и всталъ. Но встрѣчать ему не пришлось. Князь Дмитрій Васильевичъ, миновавъ всѣ доклады и отталкивая француза камердинера, который думалъ было заступить ему дорогу, влетѣлъ въ кабинетъ и прямо бросился Андрею Васильевичу на шею.

— Узналъ ли, братъ, Митьку-Митуна? Вспомнишь ли? А я, братъ, каждый день о тебѣ думалъ, каждый день писать собирался!

И онъ безжалостно мялъ и рвалъ брабантскія кружева князя Андрея Васильевича, прижимая его къ своей груди и цѣлуя съ такимъ жаромъ, будто въ самомъ дѣлѣ тосковалъ и скучалъ до того, пока увидѣлся.

Юрій Васильевичъ съ братомъ Дмитріемъ поздоровались между собою весьма холодно.

— Только узналъ, что ты здѣсь, сейчасъ прикатилъ! И каково? На своихъ, на долгихъ, безъ перемѣны, въ три дня четыреста верстъ! Такіе кони скажу, что на десять воеводствъ кругомъ не сыскать. А вотъ рекомендую: мой лучшій другъ, песъ, какихъ тоже немного! У молодаго Бирона въ Ярославлѣ въ карты выигралъ. Мой Аяксъ!.. Кланяйся, Аяксъ, дѣлай честь! Это нашъ старшій братъ! Сіятельный и превосходительный кавалеръ, князь Андрей Васильевичъ Зацѣпинъ, нашъ отецъ, милостивецъ и покровитель!.. Кланяйся!

И Аяксъ, по слову своего господина, сдѣлалъ какой-то особый прыжокъ, долженствовавшій изображать поклонъ Андрею Васильевичу.

— Радъ тебя видѣть, братъ! сказалъ Андрей Васильевичъ, стараясь освободиться отъ его объятій.—Какъ живешь, что дѣлаешь? Садись, бери сигару!

— Какъ тебѣ сказать, отвѣчалъ Дмитрій Васильевичъ.—Живу-не тужу; что дѣлаю—кучу; а сигарочку возьму и въ честь брата закурю. Извини, что я такъ къ тебѣ прямо, по родственному, безъ финти-фантовъ эдакихъ. разныхъ, нѣмецкихъ! Да, думаю, хоть ты нынче и большой баринъ сталъ, но вѣрно отъ брата не отрекся, стало быть и не обидишься.

— Чѣмъ же обидѣться, я радъ...

— Ну радъ не радъ, а снаряди братъ завтра охоту, старинку вспомнить! Вѣдь шутка, больше восьми лѣтъ какъ въ Зацѣпинѣ не охотился. Какъ матушка то скончалась, мы по своимъ угламъ разбрелись, такъ съ тѣхъ самыхъ поръ и не былъ.

— Ну не знаю, потѣшу ли я тебя этою забавою. Признаюсь, я какъ не особый поклонникъ охоты, не вспоминалъ о ней, и не знаю сохранилось ли что отъ прежняго...

— Такъ чтожъ ты, братъ? Играешь въ карты?

— Нѣтъ!

— И не охотишься, и въ карты не играешь, что же ты, братъ, дѣлаешь? Правда вотъ онъ, братъ Юрій, тоже ни охоты не любитъ, ни въ карты не играетъ, но вѣдь онъ жидоморъ! Онъ то и дѣло свои

рублевики считаетъ и про черный день откладываетъ; а занятъ онъ тѣмъ, что думаетъ какъ-бы кого объегорить, да рублевиковъ побольше набрать. И меня на пустошь «Кривую Пяту» объегорилъ. Какъ это они тамъ съ межевщикомъ устроили, Богъ ихъ вѣдаетъ! Только пустошь до того моя была, а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, его стала. Ну да то онъ; а ты другое дѣло! Что же ты дѣлать тутъ будешь?

— Какъ что буду дѣлать? Буду читать, заниматься, отвѣчалъ Андрей Васильевичъ.

— Ну ужъ это не по нашей части! Вамъ, генераламъ, великимъ людямъ, и книги въ руки! Я такъ, признаюсь, отъ книгъ какъ-бы подальше; попу Семену должно быть съ родни прихожусь, во всякую минуту книги продать, а карты купить готовъ!.. Мое дѣло: по полямъ попорскать, банчишку или фараонъ соорудить, да еще хороводъ красныхъ дѣвокъ разбить и одну или двухъ къ себѣ затащить! Ну, а какъ ты все съ книгами возишься, то, прости, я тебѣ не товарищъ, и долго у тебя не засижусь.

— Я можетъ и жидоморъ, замѣтилъ сурово Юрій Васильевичъ,—а ты пустота безшабашная, голова забубенная! Потерянный ты человѣкъ, вотъ что!

Андрей Васильевичъ, чтобы прекратить дальнѣйшее препирательство между братьями, пригласилъ ихъ осмотрѣть сдѣланныя имъ передѣлки въ домѣ.

Дмитрій Васильевичъ сказалъ правду. Хоть онъ и убилъ на другой день лисицу и двухъ зайцевъ, хоть и утащилъ къ себѣ изъ зацѣпинскаго хоровода какую-то красавицу-дѣвицу или красную молодицу, но въ Зацѣпинѣ долго не усидѣлъ. Сдержанность и серьезность брата были ему не по душѣ; онѣ его ограничивали невольно, а онъ отвыкъ себя ограничивать. Притомъ ему было скучно безъ цыганъ, безъ раздолья, безъ картъ, безъ товарищей, съ нимъ кутящихъ, пьющихъ и кричащихъ. Поэтому дня черезъ три, онъ, выпросивъ у Андрея Васильевича взаймы безъ отдачи тысячу рублей, велѣлъ снаряжать свою тройку.

— Что же это у тебя новый кучеръ? спросилъ у него Юрій Васильевичъ, когда онъ садился въ свою телѣжку,—а гдѣ же тотъ, какъ его звали, Климъ что-ли, которымъ ты такъ хвасталъ?

— Проигралъ, чортъ его душу возьми, на макарьевской ярмаркѣ! Жаль страшно, да что дѣлать то? Кучеръ хорошій былъ, ну-да и въ цѣнѣ же пошелъ! Впрочемъ и этого выучу. Онъ у меня, подожди, и Клима за поясъ заткнетъ!

Съ этими словами онъ свистнулъ, взялъ возжи въ свои руки и съ гикомъ понесся вихремъ изъ села.

Юрій Васильевичъ прогостилъ у брата еще дня три, хотя и видѣлъ, что братецъ какъ-то хмуро смотритъ.

«Ну-да ничего, нельзя, вѣдь эдакое богатство ему досталось! притомъ все же генералъ» думалъ онъ. Наконецъ собрался и онъ.

Невольно задумался Андрей Васильевичъ, провожая глазами брата и смотря изъ окна, какъ онъ усаживался въ свою бричку и какъ, не смотря на довольно ясный осенній день, приказывалъ укутывать себѣ ноги ковромъ, подкладывать подушки за спину и съ боку и накрывать всю бричку кожей, причемъ усаживающій и завертывающій его Парфенъ получилъ порядочную зуботычину. Наконецъ онъ усѣлся. Парфенъ вскочилъ на запятки, и бричка тронулась легонькою рысью, но, не съѣзжая съ краснаго двора, должна была опять остановиться. Потребовалось поправить какой-то ремешекъ, подтянуть какую-то уздечку. Кучеръ долженъ былъ сойти съ козелъ и, при помощи Парфена, связывать, натягивать, исправлять... Юрій Васильевичъ сердился, бранилъ обоихъ, грозилъ наказаніемъ. Наконецъ, все уладилось, кучеръ и Парфенъ заняли свои мѣста, бричка тронулась и медленно выѣхала за ворота.

«Немного утѣшенія представляютъ мнѣ мои дорогіе братья, немного надеждъ къ возвышенію рода князей Зацѣпиныхъ, сказалъ себѣ князь Андрей Васильевичъ, провожая бричку глазами.—И откуда могла явиться въ нихъ такая ограниченность, такой взглядъ узкой закоруэлости, такая затхлость и пустота? Отъ необразованности? неразвитія?.. Нѣтъ не то! Мало ли необразованныхъ и вовсе неразвитыхъ людей, сохраняющихъ тѣмъ не менѣе честь, доблесть, человѣческое достоинство. А тутъ...

«Впрочемъ оно естественно! Отецъ, хмурый, суровый, колебавшійся въ сущности своихъ началъ и постоянно занятый мыслью о возвышеніи своего рода, разумѣется, безпрерывно толковалъ имъ

о значеніи нашего знаменитаго имени, о его минувшемъ величіи, какъ это до того онъ толковалъ и мнѣ. Но ни примѣрами своей жизни, ни какимъ либо указаніемъ онъ не могъ опредѣлить, что именно въ этомъ величіи они должны были сохранять, чѣмъ руководиться. Самъ онъ думалъ, что обязанъ жить для людей отъ него зависимыхъ, и дѣйствительно жилъ для нихъ, но жилъ рутинно, безъ примѣненія къ тому, о чемъ самъ же думалъ. Ясно, что онъ не могъ имѣть никакого вліянія на развитіе братьевъ. Добрая, любящая, но безъ всякаго образованія матушка, готовая, можно сказать, во всякую минуту себя отдать для дѣтей своихъ, балующая ихъ всѣми способами и желавшая только одного, видѣть ихъ здоровыми и веселыми, стало быть для которой вопросъ физической жизни былъ все,—разумѣется не могла вызвать въ нихъ работу мысли. А, съ одной стороны, совокупность безпрерывныхъ подергиваній тщеславія, и еще въ то время, когда высокое положеніе рода въ общемъ мнѣніи поддерживалось преданіемъ, съ другой же, совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго направленія, не могли не отразиться на воспитаніи братьевъ отсутствіемъ всякихъ принциповъ, всякихъ началъ; такъ именно онѣ и отразились. Братья стали именно тѣмъ, что они есть, идя одинъ другому въ противоположномъ направленіи, т. е. пришли оба къ совершенному, хотя противоположному другъ другу, нравственному ничтожеству. И кто могъ имѣть на нихъ нравственное вліяніе? Кто могъ внушить имъ уваженіе къ нравственному убѣжденію? Тотъ же шведъ, тотъ же поповичъ, та же Силантьевна, что и при мнѣ еще были, и которые прежде чѣмъ осмѣлятся что нибудь говорить, должны были просить позволенія у княжичей ручку поцѣловать;— они ли могли вызвать силу внутренняго развитія? Между тѣмъ они росли именно только въ такомъ кругу, только подъ такимъ вліяніемъ... Чего же можно было отъ нихъ ожидать?»

«Вообще нужно признать, что крѣпостное право, съ дѣтства окружая человѣка лестью и угодничествомъ, и отстраняя всякую заботу о самыхъ даже обыденныхъ предметахъ жизни, не можетъ не парализировать всякое стремленіе мыслительной дѣятельности. А отсутствіе таковой дѣятельности, понятно, не можетъ не приводить человѣка къ тому, что онъ будетъ или бѣситься и въ карты

играть, или думать только о томъ, какъ бы кого объегорить. Да и чтожъ ему дѣлать, когда онъ ничего другаго не знаетъ, ни о чемъ не слыхалъ, ничѣмъ не интересуется; а объ убѣжденіяхъ, какихъ бы то ни было—нравственныхъ, гражданскихъ, политическихъ, ему никогда и въ голову не приходило?»

«Но опять непонятно, какимъ образомъ въ нашемъ родѣ могло вкорениться крѣпостничество, когда даже московскій домъ, при всемъ стремленіи своемъ къ самовластію, о крѣпостномъ правѣ никогда не думалъ? Какимъ образомъ оно могло до того въѣсться въ моихъ братьевъ, что стало ихъ плотью и кровью? Они не только не видятъ въ крѣпостномъ правѣ униженія человѣчества, но кажется даже не понимаютъ, что можно жить безъ крѣпостнаго права».

Я понимаю тѣхъ, которые смотрятъ на крѣпостное право, какъ на случайное зло общественности, въ родѣ войны, мора, землетрясенія или чего нибудь въ этомъ родѣ,—зло, которое, всѣми мѣрами нужно искоренять, уничтожать; но рѣшительно не могу понять тѣхъ, которые смотрятъ на него, какъ на божественное учрежденіе, охраняющее порядокъ, уравновѣшивающее общественныя отношенія. Братья стали крѣпостниками полными, до глубины своего сердца, до того, что одинъ не считаетъ за грѣхъ торговать человѣческимъ мясомъ и даже хвастаетъ этимъ, какъ умно обдуманною аферою. Для него крѣпостные ничего болѣе, какъ особой породы животныя, необходимыя въ хозяйствѣ такъ же, какъ лошади и рогатый скотъ. Онъ не признаетъ за ними ни чувства, ни привязанности, ни даже человѣчности; по крайней мѣрѣ не считаетъ нужнымъ входить въ это, отнимая у матери сына, у дѣтей отца, у жены мужа, и награждая усердіе и стараніе угодить ему—тычкомъ, ударомъ, руганью... Между тѣмъ,—что по истинѣ удивительно,—послѣ такой безчеловѣчной аферы, его не проклинаютъ. Я даже не слыхалъ, чтобы жаловались, что онъ жестокъ. По мнѣнію рабства—это не жестокость. Вѣдь не считали жестокостью римскіе рабы, когда ихъ откармливали для того, чтобы въ свою очередь откармливать ими, содержимыхъ въ рыбныхъ садкахъ патриціевъ и готовимыхъ для ихъ стола муренъ. По общимъ отзывамъ о братѣ Юрьѣ, онъ милостивый и заботливый помѣщикъ, разсчетливый, ворчливый, но добрый баринъ. Что за противо-

рѣчіе? Нисколько! Онъ добръ изъ-за разсчета, изъ того соображенія, что потеря крѣпостныхъ, отъ того что они перемруть или разбѣгутся, также какъ и разореніе ихъ, отразятся весьма невыгодно на его хозяйствѣ. Вотъ его доброта»!

«Не помню, гдѣ-то и когда-то, я читалъ индѣйскую сказку о змѣѣ, которой отдали во владѣніе угрей. Каждый угорь долженъ былъ платить ей пошлину и она ясно становилась тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе у нея было угрей. Цѣлый міръ, говоритъ сказка,— удивлялся справедливости, милости и заботливости змѣи въ управленіи уграми. Она себя не жалѣла, чтобы имъ было хорошо; заботилась о каждомъ такъ, какъ родная мать не могла бы заботиться. И у нея явились большіе, откормленные, здоровые угри, какихъ другихъ въ цѣломъ мірѣ было не найти. Но вотъ кто-то сказалъ змѣѣ, что стоитъ перерѣзать угря пополамъ, какъ у одной половины выростетъ голова, а у другой хвостъ, и изъ одного угря будетъ два. Змѣя сообразила, что отъ этого доходъ ея удвоится, и, недолго думая, велѣла все свое царство перерубить пополамъ. Напрасно ей представляли, что хотя угри выздоровѣютъ и удвоятъ доходъ, но каково будетъ имъ, когда ихъ будутъ рубить? Змѣя о томъ и слушать ничего не хотѣла... Не похожа ли эта сказка на аферу брата Юрія?»

«Но вѣдь то сказка о змѣѣ, а мы люди, христіане! Развѣ можемъ мы думать, что самая кровь и мысль другихъ людей, самыя чувства и разумъ ихъ, могутъ быть созданы только для насъ?

«Французы, думая подобнымъ образомъ, имѣли по крайней мѣрѣ прецедентъ въ завоеваніи; а Москва, какой могла она представить прецедентъ?»

«Между тѣмъ крѣпостничествомъ нарушается не только народное право, но и наше кровное, родовое, потому что является не родъ. въ смыслѣ одного изъ элементовъ общественности, не право передать часть своего заслуженнаго уваженія потомству, а является сословная корпорація, захватившая въ свои руки не только общественное благосостояніе, но и личность, но и жизнь массы, которая, такимъ образомъ, лишается человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Эта корпорація, заключая въ себѣ всѣ недостатки преобладанія сословности. изъ взаимнаго соперничества своихъ членовъ

должна была получить то же стремленіе къ наживѣ, какое при другихъ условіяхъ общественнаго устройства, представляетъ только капиталъ; стало быть, вмѣсто противодѣйствія стремленію капитала, она должна была усвоить одинъ изъ самыхъ ядовитыхъ его атрибутовъ: стремленіе наживаться какими бы то ни было средствами, наживаться во что бы то ни стало. И ясно, что вопросы человѣчности, благородства, заслуги должны были отойти на второй планъ. Была бы только выгода, можно бы было только нажить...»

«Но вотъ другой братъ—Дмитрій. Онъ о наживѣ и не думаетъ, выгодъ не разсчитываетъ, требованій ни рода, ни капитала не признаетъ. Онъ просто хочетъ жить въ свое удовольствіе, не думая ни о прошломъ, ни о будущемъ. Но, Богъ знаетъ, лучше ли это? Для него крѣпостные даже не животныя; для него они вещи, которыхъ въ хорошей цѣнѣ можно и въ карты проиграть».

«И это князья Зацѣпины, долженствующіе стоять за свое родовое право, думать о вызвышеніи своего значенія, стало быть, долженствующіе отвергать крѣпостничество, какъ начало, явно враждебное всему строю жизни древней Руси, слѣдовательно, враждебное тому основанію, на которомъ опиралось значеніе истинно родовыхъ русскихъ князей. Въ самомъ дѣлѣ, Рюрикъ былъ призванъ волею народа владѣть и княжить, охраняя народныя права и вольности; а могло ли быть выраженіе свободной воли народа при крѣпостномъ правѣ? Никогда! При крѣпостномъ правѣ можетъ проявляться только нажимъ, насиліе. При насиліи же о родовомъ началѣ, нашемъ русскомъ родовомъ началѣ, нельзя даже и думать, такъ какъ оно исходило и опиралось на почтеніе и любовь, вызванныя заслугою и доблестью, передаваемыми отъ предковъ къ потомкамъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ рода въ родъ. При крѣпостномъ правѣ могла явиться только феодальная, ненавидимая всѣми аристократія, подобная аристократіи французской и германской; аристократія родовая, пожалуй, но родовая въ насиліи, а не въ почтеніи и любви, не въ заслугахъ и доблести... И у насъ теперь такая аристократія начала появляться. Это такъ! Всѣ эти Левенвольды, Ягужинскіе, Девьеры, Бироны,— всѣ эти нѣмецкіе, жидовскіе и хохлацкіе графы, взятые, все равно откуда бы ни было, изъ бароновъ ли или изъ конюховъ, но постав-

ленные въ рядъ русской знати личнымъ произволомъ, безъ всякихъ заслугъ и безъ всякой связи съ народомъ, не могутъ найти себѣ опору въ народной любви. Они, впрочемъ, объ этомъ и не заботятся. Крѣпостное право не могло не произвести своего растлѣвающаго и подавляющаго вліянія; не могло не вызвать той одеревенѣлости и тупости, при которыхъ о народной любви и нравственномъ достоинствѣ не думаютъ. Примѣръ—мои братья!»

«Продуктъ стремленій Москвы къ самовластію, крѣпостное право, продолжалъ разсуждать Андрей Васильевичъ,—отразилось ужасными послѣдствіями на самой Москвѣ. Будучи пріурочено къ русской жизни стремленіемъ татарскаго выходца укрѣпить за собою и своимъ потомствомъ власть, оно прежде всего обрушилось на самомъ учредителѣ и его дѣтяхъ. Тѣмъ не менѣе, обрушившись на родѣ Годуновыхъ, оно не могло быть уничтожено и его послѣдующими преемниками, хотя и не татарскими выходцами; оно было цѣною, уплаченною за самовластіе; оно было цѣною, подкупающею всѣхъ, въ томъ числѣ и потомковъ нашего славнаго рода. Но всѣ, въ томъ числѣ и мы, Рюриковичи, получая себѣ право сдѣлать изъ народа рабовъ, забывали, что тѣмъ самымъ становимся рабами сами. Подвергая народъ кнуту и пыткѣ, мы должны были испытывать кнутъ и пытку на себѣ. Вводя восточныя жестокости въ своихъ стремленіяхъ держать народъ въ униженіи и рабствѣ, мы должны были испытать сами всю силу и тяжесть этихъ жестокостей. Подвергая униженію человѣчество, мы должны были испытать это униженіе на себѣ. Оно и понятно: требующій рабства, долженъ стать и самъ рабомъ. И онъ всегда становится рабомъ, если не въ прямомъ смыслѣ рабомъ деспота, когда, напр., онъ самъ деспотъ, то рабомъ страстей своихъ...»

«Такимъ образомъ крѣпостное право стало отравою русской жизни, отравою для всѣхъ. Оно отравляетъ и развращаетъ весь народъ сверху до низу. Уничтожая родовое достоинство и стремленіе къ заслугѣ передъ народомъ, оно заражаетъ и уничтожаетъ одинаково и княжескую доблесть, и дѣдовское богатство, и народный трудъ. Изъ князей и бояръ оно дѣлаетъ или кулаковъ, какъ братъ Юрій, объ уваженіи къ которому, какъ къ человѣку, не можетъ быть и рѣчи, или забубенныя головы, безшабашныхъ

кутилъ, какъ братъ Дмитрій, который, когда промотается, недалеко будетъ отъ мазурничества. И ничего не будетъ удивительнаго, если въ третьемъ или въ четвертомъ поколѣніи они даже сдѣлаютъ себѣ изъ мазурничества ремесло... Въ этомъ ли должна была заключаться и къ тому ли вести ихъ родовитость? А при такомъ примѣрѣ родовитыхъ домовъ, что остается дѣлать простому люду, котораго, съ одной стороны, хотятъ обобрать, а съ другой—всѣми способами объегорить? Понятно, люду капитальному приходится въ свою очередь жить только обманомъ; а народу, крѣпостному, закабаленному и забитому народу, остается только,—когда ему удастся убѣжать отъ палки, которою его и кулакъ и забубенная голова охотно надѣляютъ,—остается только пьянствовать, пьянствовать безъ просыпа, съ горя и радости, пропивая послѣднюю нитку своего обихода. И вотъ братья... Однакожъ я строго сужу братьевъ, а самъ я? Былъ ли я самъ вѣренъ тому началу, которое понялъ и усвоилъ, какъ завѣтъ предковъ, какъ достояніе нашего славнаго рода—служить народу, стоя во главѣ его и ведя его за собою къ добру и славѣ? Шелъ ли я самъ прямымъ путемъ чести, достойнымъ моего славнаго имени? Я не боялся труда,—правда! Но былъ ли трудъ мой направленъ къ тому, чего требовали разумъ, честь и правда?»

Андрей Васильевичъ задумался передъ этими вопросами. Передъ нимъ пронеслась картина всей его жизни, съ ея различными перипетіями, между которыми сверкала постоянно одна цѣль, для которой онъ жертвовалъ и чувствомъ, и трудомъ, и убѣжденіями; эта цѣль—исканіе фавора. Это ли цѣль жизни мужа, стоящаго въ главѣ славнаго имени? Это ли доблесть родоваго князя Рюриковича? Положимъ, что, добившись фавора, онъ употребилъ бы его на пользу, на благо своей родины; но цѣль не оправдываетъ средствъ; а достигнуть своей цѣли онъ хотѣлъ тѣмъ же, чѣмъ достигали своихъ своекорыстныхъ видовъ Бироны, Левенвольды и вся эта компанія безшабашныхъ проходимцевъ. Достойно ли это князя Зацѣпина, потомка въ прямой линіи, Ярослава Мудраго, Владиміра Равноапостольнаго, Святослава Храбраго и Владиміра Мономаха доблестнаго?»

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, волненія, колебаній, вопросовъ,

которые мучили его и томили, представляясь въ многообразныхъ оттѣнкахъ и не одинъ день, но и сегодня и завтра, и снова, и опять, которые какъ бы требовали себѣ разрѣшенія, требовали отвѣта за его прошлое для указанія будущему,—Андрей Васильевичъ почувствовалъ неодолимое желаніе быть одному, уединиться отъ всего, что могло его развлекать. Ему тяжело было видѣть и своего архитектора съ чертежами, и управляющихъ, и конторщиковъ, и даже своего камердинера француза. Онъ хотѣлъ быть совершенно одинъ, внѣ всѣхъ развлеченій, всѣхъ занятій. Наконецъ, ему скученъ былъ и этикетъ его дома, заведенный еще его дядею и поддерживаемый имъ какъ принадлежность его общественнаго значенія; этикетъ, который его братъ, князь Дмитрій Васильевичъ, называлъ французскими и нѣмецкими финтифантами. Въ самомъ дѣлѣ, у его отца не было этого этикета, хотя отъ того онъ былъ не менѣе родовой русскій князь и пользовался не меньшимъ уваженіемъ тѣхъ, кто его зналъ. Желая уединяться, онъ полюбилъ прогулку. Раннимъ утромъ ему обыкновенно подавали коня и онъ уѣзжалъ, блуждая по тропинкамъ своихъ обширныхъ липовыхъ и сосновыхъ лѣсовъ, назначая себѣ завтракъ или въ одной изъ дальнихъ деревень, гдѣ еще отцемъ его были устроены заѣзжныя избы, или въ одномъ изъ охотничьихъ помѣщеній, построенныхъ когда-то любителемъ охоты, его прадѣдомъ, и исправленныхъ въ послѣднее время по его желанію все поправить и привести въ достойный имени Зацѣпина видъ, или, наконецъ, въ домикѣ какого нибудь лѣснаго сторожа. Иногда онъ оставлялъ въ одномъ изъ этихъ домовъ свою лошадь и шелъ бродить пѣшкомъ, отдаваясь волнѣ своихъ мыслей и развлекаясь тою близостью къ природѣ, которую само собою создаетъ уединеніе. Такъ бродилъ онъ иногда до темноты, такъ что Жозефъ, старый поваръ его дяди, непотерявшій еще кулинарной художественности, всегда ворчалъ и жаловался на то, что онъ невольно становится хуже всякаго ученика, пережаривая перепеловъ, потому что не знаетъ, къ которому часу готовить княжескій обѣдъ.

Разумѣется, князь Андрей Васильевичъ не обращалъ вниманія на эти жалобы. Для него вопросомъ дня было его прошлое. Онъ сознавалъ, что онъ тоже былъ не то, чѣмъ долженъ былъ

быть; что, упрекая братьевъ, на которыхъ отразилось вліяніе крѣпостнаго права, онъ еще съ большею строгостью долженъ былъ относиться къ себѣ. На немъ вліяніе крѣпостнаго права отразилось рельефнѣе, ощутительнѣе, между тѣмъ, какъ самое образованіе его должно было его отъ такого вліянія охранить. «Что же теперь я долженъ дѣлать, чему себя посвятить? спрашивалъ онъ себя подъ гнетомъ укора, который приносило ему его прошлое. — Идти въ монастырь, жениться на Гедвигѣ, совершить путешествіе въ Палестину, выпросить отдаленное назначеніе,—близкаго назначенія для меня не допустятъ,—или, наконецъ, помириться съ жизнью въ Зацѣпинѣ и быть для окрестной страны тѣмъ, чѣмъ былъ мой отецъ?» Каждый изъ этихъ вопросовъ заставлялъ его думать, заставлялъ разбирать. Но онъ не могъ придти къ удовлетворительному разрѣшенію ни по одному изъ нихъ. — «А отчего? спрашивалъ онъ себя.

— Оттого, что и у меня, какъ у моихъ братьевъ, нѣтъ почвы, нѣтъ основанія, которое служило бы мнѣ опорою для разрѣшенія. Я колеблюсь между тѣмъ родовымъ началомъ, которое было палладіумомъ славы древнихъ русскихъ князей, было ихъ доблестью, — жить и служить для народа, и тѣмъ началомъ феодальной аристократіи, которая говорила, что первое право народа это быть битымъ и дышать, пока не повѣсили! Я колеблюсь между тѣмъ и другимъ, а отчего? оттого, что самая моя мысль, самое мое образованіе исходятъ не изъ народнаго духа, не изъ естественнаго развитія, а изъ напускнаго требованія внѣшняго блеска, начало котораго опирается на крѣпостное право, отказаться отъ котораго самъ собой—я не въ состояніи. Если бы я стоялъ на почвѣ своего дѣда и думалъ, что мнѣ слѣдуетъ стоять изолированно отъ цѣлаго міра и ждать, пока сама судьба не выдвинетъ вновь князей Зацѣпиныхъ на политическую арену дѣйствія, то разумѣется я прилѣпился бы къ тому, что теперь отрицаю. Я сосредоточилъ бы тогда свою дѣятельность на тѣхъ, кому дѣйствительно могъ принести пользу, и не какъ моимъ рабамъ, но какъ народу; тѣмъ болѣе, что у меня средствъ, и матеріальныхъ, и нравственныхъ, несравненно болѣе, чѣмъ какими могъ располагать дѣдъ. Тогда, можетъ быть, завернувшись въ

плащъ анахорета, я могъ бы принести въ жертву то, что развратило насъ всѣхъ своею тлетворною отравою, т. е. могъ бы возвыситься до самопожертвованія, давъ свободу двадцати двумъ тысячамъ своихъ рабовъ. Но въ томъ видѣ, какъ я есть, я этого сдѣлать не могу; это выше моей воли. Меня грызетъ жажда обширной дѣятельности, и величіе въ маломъ для меня недоступно. Я желалъ бы дать свободу цѣлому міру, а не могу отказаться отъ того, что кружится около меня!»

«Во Франціи, когда я тамъ былъ, возникло и распространилось ученіе физіократовъ. Родоначальникомъ этого ученія называли Кене. Графъ Мирабо много содѣйствовалъ его распространенію. По этому ученію землевладѣніе должно было составлять основаніе общественнаго устройства. Землевладѣльцы, такъ учили физіократы, должны быть краеугольнымъ камнемъ государственной жизни. По возможности они не должны оставлять своихъ владѣній и быть крѣпкими на нихъ, какъ опора, какъ устой. Я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. Я находилъ, что оно есть то же извращеніе понятій, которое создалъ феодализмъ. Согласно съ мнѣніемъ моего покойнаго дяди, я всегда находилъ, что всѣ виды полезной дѣятельности равно почтенны и имѣютъ равныя права на уваженіе. Но помню, разъ, я много спорилъ и едва не убѣдился выводами этого ученія, приводимыми тогда однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ юношей, третьимъ сыномъ герцога Ноаля, которому, какъ младшему, не доставалось ни одной пяди земли изъ обширныхъ отцовскихъ владѣній. Онъ готовился поэтому, по обычаю французской аристократіи, къ поступленію въ духовное званіе. Можетъ быть онъ и убѣдилъ бы меня, но мы скоро разстались. Онъ уѣхалъ въ Римъ, а я остался въ Парижѣ. Обдумывая его слова внѣ вліянія, которое производило его дѣйствительно недюжинное краснорѣчіе, я убѣдился въ томъ, что дать перевѣсъ землевладѣнію, стало быть, феодаламъ, будетъ почти тоже, что вновь возстановить крѣпостное право въ его первобытномъ видѣ совершеннаго рабства. Когда же я сталъ на болѣе твердую почву экономическихъ знаній, я хотѣлъ снова видѣть молодаго Ноаля, чтобы въ свою очередь убѣдить его. Но каково же, по-

мню, было мое изумленіе, когда, уже возвращаясь въ Россію, я встрѣтилъ его на дорогѣ, въ одеждѣ траписта, и когда, на высказываемыя мною сомнѣнія, онъ далъ мнѣ одинъ отвѣтъ: «memento mori!»

«Не слѣдовало ли мнѣ отвѣтъ этого нѣкогда краснорѣчиваго діалектика принять за девизъ моего будущаго? Тогда фаворъ въ самой высокой степени былъ бы для меня не только не цѣлью, но даже и не средствомъ».

Анализируя всѣ эти мысли, Андрей Васильевичъ, въ одну изъ своихъ обычныхъ поѣздокъ по окрестностямъ, оставилъ свою лошадь и пошелъ бродить пѣшкомъ по одной изъ своихъ отдаленныхъ липовыхъ рощъ. Вдругъ онъ нежданно наткнулся на довольно высокій заборъ, обмазанный глиною и обсаженный кустами шиповника, жимолости и калины. «Что это такое: скитъ, сторожевая будка, разбойничій притонъ?» подумалъ онъ, и, ощупавъ около себя оружіе, безъ котораго почти никогда не выѣзжалъ, пошелъ кругомъ вдоль забора. Тутъ онъ замѣтилъ въ заборѣ закрытую кустами и плотно притворенную калиточку и вошелъ въ нее.

Онъ увидѣлъ довольно большой, мазанковый сарай, подлѣ котораго была небольшая полуземлянка, въ родѣ тѣхъ, которыя строятъ себѣ охотники; кругомъ, между кустами жимолости и шиповника, стояло два ряда ульевъ, соединенныхъ между собою шестами уже почернѣвшими отъ времени.

Тутъ Андрей Васильевичъ вспомнилъ, что еще дѣдомъ его дано было зацѣпинскому монастырю право, въ одной изъ принадлежащихъ ему липовыхъ рощъ, держать пчельникъ или пасеку. Ему до тѣръ поръ никогда не случалось ее видѣть.

На крылечкѣ землянки сидѣлъ монахъ, въ старой рясѣ и обдерганномъ клобукѣ; въ рукахъ у него были четки, сдѣланные изъ можжевеловыхъ ягодъ. Онъ перебиралъ эти четки, но видимо по привычкѣ, не твердя про себя ничего.

— Что это, пасека зацѣпинскаго монастыря? спросилъ Андрей Васильевичъ. — Извините, св. отецъ, не знаю какъ величать васъ по имени?

— Смиренный рабъ Божій Мертій! отвѣчалъ скромно монахъ.

вставая. — Да, по милости вашего сіятельства, здѣсь мы пчельникъ держимъ!

Монахъ поклонился.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, съ длинными сѣдоватыми, сѣкущимися волосами, которые выбивались изъ-подъ клобука, соединяясь съ свѣтлорусой, не особенно густой, но довольно длинной, раздвоенной бородкой и тонкими, добродушно улыбающимися губами. Свѣтло-сѣрые глаза его смотрѣли вяло, безжизненно; притомъ лѣвый глазъ у него немного подмигивалъ, что̀ сообщало его словамъ и его добродушной улыбкѣ какое-то особое выраженіе, не то простодушное, не то насмѣшливое.

— Много у васъ ульевъ? спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Десятковъ съ пятокъ будетъ? отвѣчалъ монахъ.

— И вы тутъ одни?

— Нѣтъ, послушникъ въ помощь есть, да пошелъ въ монастырь за припасами. Припасы намъ на недѣлю отпускаютъ, вотъ онъ и ушелъ.

— Вы не боитесь оставаться въ такой глуши?

— А чего бояться-то? Злой человѣкъ ко мнѣ не пойдетъ, знаетъ, что взять нечего. Медкомъ же если бы попользоваться захотѣлъ, то пчелки сами за себя постоятъ. Онѣ не любятъ, когда чужіе ихъ трогаютъ. А звѣрь? — такъ заборъ-отъ высокъ, и къ вечеру я запираюсь. Правда, по ночамъ случается, что медвѣди вплотную ревутъ, а все на заборъ не лѣзутъ; кругомъ же канава вырыта и колья наколочены.

— И много работы за пчелами?

— Какъ работѣ не быть? Пчела, тварь Божія, любитъ уходъ. Перво-на-перво чтобы чистота была. Въ чистотѣ она и работаетъ, и роится. А коли соръ да грязь, да помыслы грѣховные, такъ она и работать не станетъ, и какъ есть подохнетъ вся!

— А не кусаютъ васъ пчелы?

— Нѣтъ: привыкли и не кусаютъ! Онѣ знаютъ, что худаго я имъ не сдѣлаю. Къ тому же, коли днемъ около нихъ работаешь, такъ старыхъ-то пчелъ нѣтъ, за взяткомъ улетаютъ. а молодыя до-

машними работами занимаются: вощину тянутъ, черву воспитываютъ, и не жалятъ!

— Это любопытно! Неужели у пчелъ также распредѣлены занятія по разнымъ рангамъ, какъ будто въ человѣческомъ обществѣ?

— А какже, ваше сіятельство! Тоже на все свой законъ, свое установленіе и свое время. Чинъ чина также почитаетъ! Трутень-ли, пчела-ли, матка-ли молодая, всѣ себя знаютъ! отвѣчалъ монахъ и при этомъ подмигнулъ своимъ лѣвымъ глазомъ и скривилъ правую половину рта, какъ-бы улыбаясь и говоря: еще князь, а этого не знаешь!

— Какъ же у нихъ распредѣляется время?

— А также, батюшка князь, какъ бы у васъ въ вотчинѣ, по вашему приказу. Съ утра рабочія пчелы за взяткомъ летятъ, а молодыя поновку тянутъ, соты дѣлаютъ, чтобы маткѣ было куда яйца класть, а рабочимъ пчеламъ медъ наливать. А вотъ хоть-бы, примѣрно, теперь полдень, — скоро изъ каждаго улья молодыя пчелы на отдыхъ, да на проигру вылетятъ. Тамъ соты тянули, да дѣтву запечатывали, къ домашнему устройству принаровлялись; а теперь летать учиться станутъ, да улей свой замѣчать, чтобы какъ въ чужой не залетѣть. А какъ попривыкнутъ и понаучатся, этакъ черезъ недѣльку или полторы, вмѣстѣ съ старыми пчелами тоже за взяткомъ полетятъ, и будутъ соты медомъ и хлѣбиной наполнять; а соты подготовлять и за червой ходить станутъ опять молодыя пчелы, которыя въ это время выклюнутся изъ яичекъ, — и такъ до той самой поры, пока холода начнутся и матка яйца класть перестанетъ.

— А матка много приноситъ яицъ?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Лѣтомъ въ теплые дни она только и дѣло дѣлаетъ, что яйца кладетъ въ приготовленныя ячейки. Сперва осмотритъ каждую ячейку, чисто ли въ ней, и хорошо ли устроена; потомъ положитъ туда яичко; и кладетъ все по порядку не торопясь, но и безъ отдыха. Хорошая матка ни одной ячейки не пропуститъ. И такъ этимъ она занята, что даже ѣсть сама не имѣетъ времени, и ее кормятъ окружающія пчелы. А какъ чѣмъ больше пчелъ, тѣмъ сильнѣе улей и работать пчеламъ легче, то матка и пользуется тѣмъ

большимъ отъ него уваженіемъ, чѣмъ болѣе кладетъ яицъ. Бываютъ плодовыя матки, что̀ кладутъ до тысячи яицъ въ день и распредѣляютъ, какія яйца должны тоже маткомъ производить, какія—рабочихъ пчелъ, а какія — трутней. Для трутней особыя даже ячейки дѣлаются...

— А трутни что дѣлаютъ?

— Да ничего! Лѣтомъ улей стерегутъ и съ молодыми матками у летка играютъ, ну и оплодотворяютъ ихъ; а на зиму пчелы ихъ всѣхъ изъ улья изгоняютъ, и они мрутъ. Пчела животное трудолюбивое и тунеядцевъ она не любитъ!

— По вашему выходитъ, что весь улей зависитъ отъ матки?

— Какъ же, ваше сіятельство! Матка въ самомъ дѣлѣ мать улья, его голова, царь, настоятель. Отъ нея весь порядокъ и устройство. Безъ матки пчелы работать не станутъ, а если и станутъ, то работаютъ не въ порядкѣ, и непремѣнно передохнутъ, если не пріищутъ себѣ другую матку.

— А больше одной матки въ ульѣ не бываетъ?

— Въ благополучномъ ульѣ матка всегда одна; если-бы появилась другая, то была бы сейчасъ же убита. Но матка сама выводитъ пчелъ, способныхъ быть матками. Эти молодыя пчелы, по мѣрѣ того, какъ онѣ выклевываются изъ ячейки, подготовляются и улетаютъ на проигру; тамъ каждая изъ нихъ по очереди оплодотворяется трутнемъ, отчего молодая пчела дѣлается способною быть маткою и въ свою очередь кладетъ яица. Тогда, одно изъ двухъ: или старая матка убьетъ молодую, или уступитъ ей свое мѣсто, а сама оставляетъ улей и производитъ рой. Затѣмъ выклевывается опять матка, летитъ на проигру и образуется новый рой. И такъ въ лѣто бываетъ три и даже четыре роя. Къ зимѣ же роевъ не бываетъ, чтобы не обезсилить улей, и чтобъ было кому его согрѣвать.

— Какимъ образомъ согрѣвать?

— Своимъ дыханіемъ!

И отецъ Мертій началъ обстоятельно и толково разсказывать князю Андрею Васильевичу жизнь пчелъ и порядки, царствующіе въ ульѣ. Онъ разсказалъ разность воспитанія простой рабочей пчелы, трутня и матки; сказалъ, что для высиживанія простой пчелы нужно двадцать сутокъ; трутня — двадцать четыре, а матки всего только

семнадцать, но при этомъ количество, а можетъ быть и качество корма, даваемое для вывода каждаго вида пчелъ, бываетъ совершенно иное; потому естественно, что природа каждаго изъ этихъ видовъ бываетъ совершенно отдѣльная, неимѣющая между собою ничего общаго и потому весьма легко ихъ одного отъ другаго отличать. Назначеніе рабочей пчелы—только работа; матки—размноженіе и устройство, а трутня—только оплодотвореніе и защита въ лѣтнее время. Матка руководитъ ульемъ и содѣйствуетъ его усиленію, а рабочая пчела устроиваетъ улей, для чего приноситъ взятокъ, переработываетъ его въ воскъ, медъ и хлѣбину, дѣлаетъ соты и наполняетъ ихъ медомъ. Для дѣланія сотовъ, а также для воспитанія червы нужна въ ульѣ опредѣленная степень теплоты, чтобы воскъ могъ быть достаточно мягкимъ; теплота эта и производится дыханіемъ пчелъ. Когда пчелъ много, то это достигается ими легко; когда же улей слабъ, т. е. пчелъ мало, то имъ для нагрѣванія приходится употреблять чрезвычайныя усилія, для вознагражденія которыхъ приходится усиливать потребленіе пищи; отчего можетъ погибнуть весь улей, такъ какъ усиленное потребленіе пищи развиваетъ въ пчелахъ болѣзни, усиливающія накопленіе нечистотъ въ ульѣ, чего пчелы переносить не могутъ.

Долго отецъ Мертій разъяснялъ все это князю Андрею Васильевичу, который слушалъ съ любопытствомъ, думая: «Отчего же пчелы успѣли привести въ такой порядокъ свое общественное устройство, а люди не могутъ? Отчего рабочая пчела не хочетъ быть маткою, а матка не обращается въ рабочую пчелу? Отчего трутень, какъ тунеядецъ, совершенно изгоняется у пчелъ, когда между людьми столько тунеядцевъ кормятся на свѣтѣ?»

«Хотя бы тоже крѣпостное право, — разсуждалъ про себя Андрей Васильевичъ, — право, исходящее изъ стремленій Москвы къ самовластію, въ то время, когда самыя основы такого самовластія уничтожились сами собою, — развѣ не могло оно получить божественную санкцію въ томъ порядкѣ, который указанъ самою природою въ пчелиномъ ульѣ? Да, положимъ! Но еще вопросъ: въ самой Москвѣ-то откуда явилось такое стремленіе къ самовластію, въ отмѣну того порядка, который былъ принятъ и усвоенъ вѣковыми обычаями нашего рода и установленіемъ взаимныхъ отношеній его

къ народу и его правамъ? Откуда могло явиться такое пониманіе, что всѣ для меня, а я ни для кого, въ видимый разрѣзъ тому, какъ думали русскіе люди? Нашъ славный предокъ, сдѣлавшій первый шагъ къ освобожденію отъ ига татаръ, не далъ права даже думать, что онъ желалъ перенести на себя татарскую власть, желалъ самъ стать ханомъ уже не татарской, а русской орды. Послѣ побѣды, возвеличившей и прославившей его, онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ и былъ: первымъ между равными. Правда, татарскіе взгляды начинали уже проглядывать у насъ во многомъ и многомъ, но все же... А Византія? а греческое царство и Софья Палеологъ»?

«Если перенести свой взглядъ на древній Римъ и замѣтить, что вездѣ чистая демократія вела къ цезаризму, отъ преобладанія произвола котораго охранялъ только феодализмъ среднихъ вѣковъ, то придется заключить, что наилучшій порядокъ, котораго общество можетъ достигнуть, есть именно тотъ, который устроили у себя пчелы; стало быть, признать, что крѣпостное право есть именно одно изъ тѣхъ учрежденій, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ правильному пониманію общественнаго устройства. Оно создаетъ именно рабочихъ пчелъ, которыя своимъ трудомъ поддерживаютъ улей въ то время, какъ классъ трутней его защищаетъ, а матка имъ управляетъ».

— Стало быть, проговорилъ Андрей Васильевичъ, слушая объясненіе отца Мертія о пѣніи матокъ передъ образованіемъ роя, о ихъ враждѣ и дракѣ на смерть, въ случаѣ нераздѣленія роя, наконецъ, о выборѣ себѣ новой матки пчелами, если-бы по какому либо случаю прежняя погибла;—«стало быть, улей пчелъ разрѣшаетъ вопросъ общественнаго и государственнаго устройства. Всѣ эти толкованія о правахъ рода, значеніи капитала и силѣ труда разрѣшаются просто неизмѣннымъ сословнымъ устройствомъ крѣпостныхъ или трудящихся, управляющихъ и охраняющихъ, и наконецъ, матки или руководителя, царя, короля, или какъ-бы тамъ его ни называли,—съ тѣмъ, чтобы одни никакимъ образомъ не могли обратиться въ другихъ, а всякій выполнялъ бы то назначеніе, которое ему предопредѣлено. Такъ ли, отецъ Мертій? Вѣдь такъ живутъ ваши пчелы?»

Отецъ Мертій задумался передъ этимъ вопросомъ.

— Такъ-то оно такъ, ваше сіятельство, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія проговорилъ онъ.—Только вотъ что: рабочая пчела не можетъ размножаться и производить потомства. Она потому не можетъ ничего и желать, кромѣ выполненія своей работы и поддержанія своихъ силъ пищею. Размножаетъ населеніе улья только матка, поэтому она всѣмъ и распоряжается. Притомъ матка летаетъ на проигру только разъ въ жизни. Соединившись съ трутнемъ, она уже на весь свой вѣкъ оплодотворена. Распложеніе требуетъ отъ нея только кладки яицъ; она и дѣлаетъ то, къ чему предназначена, а не ищетъ другихъ трутней и не покровительствуетъ имъ... А трутни? Матка, оплодотворяясь трутнемъ, уноситъ съ собою все, что онъ могъ ей дать, обращаетъ его въ евнуха, который почти сейчасъ же отъ этого и умираетъ. Ясно, что затѣмъ и ему болѣе ничего желать не приходится. Тѣ же трутни, которые не оплодотворили какой либо матки въ то время, когда должно было происходить оплодотвореніе, какъ неисполнившіе своего назначенія изгоняются изъ улья на голодную смерть; поэтому они также не могутъ смущать улья своими нуждами и желаніями. А люди хоть и принижены, хоть и закрѣплены будутъ, все сохраняютъ свои желанія всего... А желанія, ваше сіятельство, сами изволите знать, къ чему иногда приводятъ...

И отецъ Мертій замигалъ своимъ лѣвымъ глазомъ, скривляя немного ротъ и потряхивая, вслѣдствіе этого, своею раздвоенною бородкою.

«Монахъ правъ, думалъ Андрей Васильевичъ, уходя съ пчельника по тропинкѣ, по которой онъ пришолъ изъ дома лѣсника, гдѣ оставилъ лошадь.—Точно, кастовое раздѣленіе, слѣдовательно, крѣпостное право и феодальный абсолютизмъ, были бы вѣрны въ примѣненіи къ общественному устройству въ такомъ только случаѣ, если-бы сама природа ихъ установила. Тогда же, когда мой крѣпостной Елпидифоръ можетъ имѣть тѣ же желанія, что и я, всякій нажимъ съ моей стороны на его желанія есть уже насиліе; поэтому не можетъ быть и мысли о томъ, что одинъ долженъ быть вѣчно кучеромъ, а другой вѣчно сѣдокомъ. А, стало быть, вопросъ приводится опять къ той двойственной борьбѣ, которую слѣдуетъ уравновѣсить. Сначала начинаетъ преобладать родъ, слѣдствіемъ чего

является или деспотизмъ, или феодальная система, со всѣми ея гибельными послѣдствіями, уже указанными исторіею. Затѣмъ, возьметъ верхъ демократія, стало быть, по смыслу разума, долженъ бы получить преобладаніе трудъ; но не тутъ то было. Начинается если не тероръ, то преобладаніе капитала, съ послѣдствіями еще болѣе гибельными, съ послѣдствіями ужасными, приводящими къ диктаторству, т. е. къ тому же деспотизму. Гдѣ же середина? гдѣ же истина?»

Думая это, Андрей Васильевичъ проходилъ небольшую прогалинку, верстахъ въ полутора отъ пчельника. Прогалинка была окружена ломомъ изъ валежника, образовавшагося вѣроятно отъ бывшихъ здѣсь нѣкогда лѣсныхъ пожаровъ и буреломовъ, и обросшаго густымъ малинникомъ. Предположеніе о бывшихъ пожарахъ казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что около прогалины, болѣе чѣмъ на версту кругомъ, былъ сухоподстой, на которомъ почти не виднѣлось зелени, и который готовъ былъ свалиться отъ первой бури.

Мысли Андрея Васильевича отъ общихъ, соціальныхъ идей объ устройствѣ общества, невольно перешли на частное явленіе, которымъ тоже больна русская жизнь сѣвера,—перешли къ лѣснымъ пожарамъ.

Въ это время вдругъ, по всему лѣсу, раздался необыкновенный ревъ, за которымъ слѣдовали одинъ за другимъ два выстрѣла.

Не успѣлъ Андрей Васильевичъ оглянуться въ ту сторону, откуда раздался ревъ, какъ на прогалину выскочилъ, необыкновенной величины, разсвирѣпѣвшій, раненый медвѣдь.

Увидѣвъ передъ собою человѣка и принимая его, разумѣется, за дѣйствующаго за одно съ тѣми, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, и отрѣзывающаго ему отступленіе, медвѣдь остановился, сѣлъ на заднія лапы и страшно зарычалъ. Потомъ онъ приподнялся и медленно, съ ревомъ и мычаніемъ, началъ надвигаться на Андрея Васильевича.

Взглянувъ на страшнаго врага, отъ котораго спастись было некуда, а бѣжать нельзя, Андрей Васильевичъ не оробѣлъ. Онъ вспомнилъ свои юношескіе годы, когда еще до отъѣзда въ Петербургъ, не разъ ходилъ съ охотниками на Михайла Ивановича Топтыгина, какъ въ шутку называли медвѣдя мужики ветлужскихъ

лѣсовъ. Онъ не разъ видѣлъ, какъ русскій охотникъ сцѣплялся съ медвѣдемъ одинъ на одинъ, и какъ расправлялся съ нимъ, прося товарищей безъ нужды не помогать ему.

У него въ карманѣ камзола былъ превосходный трехгранный итальянскій стилетъ, а въ палкѣ великолѣпный кинжалъ. Клинокъ его былъ дамасскій, но вдѣланъ въ палкѣ онъ былъ въ Англіи, и обнажался мгновенно нажатіемъ пружины. Обѣими этими оружіями Андрей Васильевичъ владѣлъ мастерски, отбивая кинжаломъ даже удары эспантона и сабли.

Андрею Васильевичу въ это время было безъ малаго тридцать лѣтъ. Онъ былъ здоровъ, силенъ, ловокъ; въ оружіи своемъ онъ былъ увѣренъ и поэтому взглянулъ на медвѣдя, какъ на свою жертву. Глаза его вспыхнули какимъ-то кровожаднымъ блескомъ. При видѣ неотразимой опасности, на лбу его обозначилась зацѣпинская жилка. Онъ вспомнилъ пріемъ, который употребляютъ охотники въ борьбѣ съ медвѣдемъ одинъ на одинъ, и живо обвернулъ короткимъ лѣтнимъ плащемъ свою правую руку, взявъ въ нее стилетъ, въ то время какъ въ лѣвой рукѣ его засверкалъ своею широкою стальною полосою обоюдо-острый кинжалъ.

Медвѣдь тихо подвигался на заднихъ лапахъ, разводя передними и оглашая ревомъ воздухъ. Изъ правой брови и праваго уха его капала кровь; но видимо, что пуля лишь задѣла его и отъ раны онъ только освирѣпѣлъ.

Андрей Васильевичъ стоялъ спокойно, подаваясь корпусомъ впередъ и опираясь преимущественно на отставленную нѣсколько назадъ лѣвую ногу. Только губы его будто дрогнули въ виду предстоящей борьбы и глаза засверкали. Онъ приготовился дать отпоръ, сунувъ свою правую руку съ стилетомъ въ пасть медвѣдя и въ то же время лѣвою рукою распороть ему животъ. Медвѣдь былъ близко.

Какъ задумалъ Андрей Васильевичъ, такъ и сдѣлалъ. Легкимъ прыжкомъ онъ очутился подлѣ медвѣдя и въ мигъ обвернутая плащемъ рука его очутилась въ медвѣжьей пасти. Медвѣдь заревѣлъ отчаянно, чувствуя, что стилетъ входитъ ему въ нёбо, рѣжетъ языкъ, а кинжалъ уже колетъ бокъ. Инстинктивно онъ сдѣлалъ необыкновенное усиліе, взмахнувъ своею лѣвою переднею лапою, и черезъ голову Андрея Васильевича, по своему необыкновенному

росту, успѣлъ когтями задѣть его затылокъ. Въ это время Андрей Васильевичъ, вѣроятно попавъ ногою на льющуюся изъ медвѣдя кровь, слегка поскользнулся. Медвѣдь этимъ воспользовался и живо смялъ его подъ себя, стараясь своротить ему черепъ. Но тутъ ружейная пуля одного изъ двухъ выбѣжавшихъ изъ лѣса охотниковъ, направленная опытною рукою почти въ упоръ лба, прекратила торжество медвѣдя. Андрея Васильевича вытащили изъ-подъ него уже безъ чувствъ.

X.

Сплетня.

Андрея Васильевича принесли въ Зацѣпино на носилкахъ. Онъ былъ безъ памяти. Его несли восемь человѣкъ зацѣпинскихъ молодцовъ, покрытаго шелковымъ, изорваннымъ медвѣжьими когтями, плащемъ. Сзади вели его осѣдланнаго коня, а за конемъ шла безпрерывно увеличивавшаяся толпа народа.

Крестьяне и дворовые со всего Зацѣпина и сосѣднихъ деревень сбѣжались взглянуть на помятаго медвѣдемъ барина. Княжескіе дворы наполнились народомъ; туда же принесли и убитаго медвѣдя. Народъ осматривалъ его и толковалъ. Всѣ сожалѣли Андрея Васильевича, особенно женщины.

— Красивый такой былъ, говорили онѣ.—Жаль только, что говорилъ-то больше все не по нашему.

Отъ всѣхъ этихъ толковъ Андрею Васильевичу было не легче. Онъ былъ безъ чувствъ. Его внесли въ домъ.

Пріѣхавшій только нѣсколько дней передъ тѣмъ молодой докторъ, предназначавшійся собственно къ тому, чтобы быть постояннымъ хранителемъ здоровья зацѣпинскихъ жителей, прибѣжалъ со всѣхъ ногъ принять необходимыя мѣры къ облегченію и исцѣленію ихъ главы. Онъ приказалъ обмыть раны, сдѣлать тепловатую ванну, начать тренія, приложить къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ горчичники. Но, къ его великому огорченію, принятыя имъ мѣры не принесли ожидаемыхъ послѣдствій. Андрей Васильевичъ не прихо-

дилъ въ себя. Тогда скромный юноша, надѣясь подкрѣпить свои познанія чужою опытностью, просилъ о приглашеніи другихъ докторовъ, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, по русской поговоркѣ: «умъ хорошо, а два лучше».

Нѣсколько гонцовъ полетѣли въ разныя стороны за докторами.

Прошло три дня. Андрей Васильевичъ все лежалъ безъ движенія и безъ памяти. «Память отшибло», говорили дворовые. А доктора выбивались изо всѣхъ силъ, какъ бы эту память возвратить. Какихъ способовъ они ни придумывали, какихъ мѣръ не принимали, а все сдѣлать ничего не могли. Напрасно они заставляли тереть его оконечности, обвертывать различными компресами, прикладывать отводящія средства; напрасно бились, вливая сквозь зубы возбуждающія капли, производя щекотку въ носу, давая нюхать возбуждающіе спирты. Ничто не помогало. Летаргическое состояніе не нарушалось; пульсъ почти не бился; дыханіе было чуть слышно. Представитель рода князей Зацѣпиныхъ лежалъ себѣ на своемъ аристократическомъ, украшенномъ гербами и раззолоченномъ ложѣ, какъ пень; какъ лежалъ бы всякій крестьянинъ, которому случилось быть помятымъ медвѣдемъ, какъ помятъ былъ Андрей Васильевичъ. Не добившись ничего и утомившись до-нельзя, доктора приказали продолжать указанныя мѣры, а сами отправились подкрѣпить свои ослабѣвающія силы хорошею закускою и здоровою выпивкою, предложенною имъ старымъ буфетчикомъ въ бывшей брусяной избѣ, отдѣланной подъ малую столовую.

Тамъ, угощаемые со всѣмъ гостепріимствомъ тогдашнихъ помѣщиковъ и со всею роскошью петербургскаго Лукулла, они начали обсуждать положеніе Андрея Васильевича и причины, отъ которыхъ могла произойти летаргическая безчувственность, въ которой онъ находился.

Это обсужденіе поневолѣ приводило ихъ къ анализу общаго вопроса о различныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ происходить въ человѣческомъ организмѣ отъ прикосновенія медвѣжьихъ когтей къ мозжечку, заднимъ полостямъ мозга и затылочнымъ нервнымъ связкамъ.

Молодой докторъ, желая поучиться у опытности, только слушалъ.

Къ великому его огорченію и удивленію, среди всего этого докторальнаго разсужденія, сколько было головъ, столько же и умовъ. Всякій объяснялъ и дѣйствіе медвѣдя, и долженствующія происходить явленія, т. е. и причину и ея послѣдствія, совершенно своеобразно, и дѣлалъ выводы, прямо противоположные тому, на что указывалъ другой.

Одинъ находилъ, что когти медвѣдя въ болѣзни Андрея Васильевича не имѣютъ почти никакого значенія, что они коснулись только поверхности; все дѣло въ томъ, что Андрей Васильевичъ былъ ушибленъ и придавленъ. Поэтому, по приведеніи его въ себя, можно надѣяться видѣть его полное, скорое и совершенное исцѣленіе. Другой находилъ, напротивъ, что самая летаргія и безчувственность происходятъ отъ разрыва нервныхъ связей, весьма близкихъ къ мозжечку, и полагалъ, что результатомъ такого разстройства должна послѣдовать несомнѣнная смерть. Онъ даже утверждалъ, что Андрей Васильевичъ не можетъ придти въ себя; что астенія, которая его уже охватила, должна послѣдовательно распространяться на весь организмъ и погасить послѣднія вспышки жизни. Третій, напротивъ, обѣщалъ непремѣнно физическое выздоровленіе, но сопряженное съ сумасшествіемъ, ибо, по его мнѣнію, послѣдовало разстройство мозговыхъ покрововъ. Четвертый отстранялъ несомнѣнность сумасшествія, но признавалъ непремѣннымъ слѣдствіемъ въ будущемъ нервные припадки. Одинъ обѣщалъ вѣчную головную боль, другой—спазмы конечностей и слабость зрѣнія. Всѣ, наконецъ, пришли къ тому, что никто изъ нихъ ничего не можетъ сказать вѣрнаго.

Слушая эти, противорѣчащія одно другому разсужденія и заключенія, молодой докторъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ точнаго основанія. Всѣ эти отвлеченныя разсужденія, всѣ эти выводы à priori для него были видимо не болѣе какъ діалектическія упражненія, которыя ровно ничего не доказывали, ровно ни къ чему не приводили. Стало быть, вопросъ излеченія долженъ былъ опираться только на эмпирическіе опыты, которые случайно могли примѣниться удачно и неудачно, на чистый рискъ. А затѣмъ ясно, что и слушать этихъ разсужденій было нечего. Онъ

и не сталъ слушать. Онъ пошелъ къ больному и сталъ вглядываться въ его блѣдное, неподвижное лицо.

Естественно, что молодому, недавно окончившему курсъ врачу хотѣлось зарекомендовать себя, хотѣлось отличиться. Вѣдь если, благодаря его усиліямъ, князь опомнится, потомъ выздоровѣетъ, то не только онъ, не только весь околодокъ, но даже всѣ собраты его будутъ смотрѣть на него иначе, чѣмъ если окажется, что онъ неспособенъ ни на что, кромѣ пустой болтовни, да развѣ еще уничтоженія вкусной закуски и здоровой выпивки. Онъ видѣлъ уже, что его опытные собраты знаютъ не больше его, и разсуждаютъ такъ же, какъ и онъ могъ бы разсуждать. Поэтому нужно приниматься за дѣло; но какъ? Придумать нужно; но что?

Разсуждая объ этомъ, молодой докторъ продолжалъ пристально смотрѣть въ лицо больнаго, въ его закрытые, будто спящіе глаза; онъ смотрѣлъ на его сжатыя, будто замершія губы, на приподнявшіяся на вискахъ и слегка дрожавшія жилки, и слѣдилъ за слабымъ, нервнымъ дрожаніемъ его пульса.

Въ комнатѣ былъ не одинъ онъ. Подлѣ самой постели больнаго стоялъ и также смотрѣлъ ему прямо въ лицо камердинеръ Андрея Васильевича, французъ, monsieur Жакъ. Онъ думалъ:

«Если князь умретъ, то я потеряю хорошее мѣсто. Нужно бы чѣмъ нибудь за то себя вознаградить, чѣмъ нибудь себя обезпечить. Нужно воспользоваться чѣмъ нибудь изъ того, что у меня на рукахъ. Чѣмъ же? Бриліантовыми пуговицами съ кафтана, или которымъ нибудь брегетомъ, или тростью, вотъ съ набалдашникомъ изъ яшмы, съ вставленными кругомъ крупными бриліантами? Лучше всего и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, а если можно, то и табакерку захватить, которую мы въ Парижѣ для той молоденькой актрисы заказывали, да не успѣли отдать. Эти олухи пока хватятся—я далеко буду!»

Нѣчто подобное, только въ несравненно скромнѣйшихъ размѣрахъ, думала какая-то барыня изъ мелкихъ сосѣдокъ, явившаяся незванно-непрошенно ходить за больнымъ и уставлявшая въ это время на столикѣ въ холодную воду со льдомъ различныя банки и стклянки съ лекарствами. Ее очень соблазняли серебряныя ло-

жечки, брошенныя тамъ и сямъ, которыя въ суетѣ такъ легко можно было подтибрить.

Ничего подобнаго не приходило въ голову старой Силантьевнѣ, вынянчившей всѣхъ трехъ княжатъ и любившей Андрея Васильевича, какъ старшаго и наиболѣе къ ней привѣтливаго. Она сидѣла на скамеечкѣ и тихо плакала. Ей очень хотѣлось бы повыть, поголосить, какъ она называла. Съ молоду же говорили, что она мастерски умѣетъ выть. Но увы, въ виду строгаго запрета и страха передъ немедленнымъ изгнаніемъ, она должна была плакать молча.

Въ комнатѣ стоялъ еще Гвозделомъ, одѣтый въ княжескую ливрею, которая сидѣла на немъ, какъ на коровѣ сѣдло. Онъ былъ позванъ сюда, потому что могъ поднимать и ворочать князя, пожалуй вмѣстѣ съ кроватью. Стояли еще: комнатный дежурный и два козачка, на случай необходимыхъ посылокъ. Всѣ они только хлопали глазами и не думали ничего.

Въ раскрытыхъ дверяхъ виднѣлись еще: старый дворецкій, ключница, Ѳедоръ, нѣсколько лакеевъ и женщинъ изъ домовой прислуги, а также нѣсколько постороннихъ любопытствующихъ съ села, имѣвшихъ случай сюда пробраться: старая дьяконица—вдова умершаго дьякона, пономарша, харчевница и еще кое-кто, кому дома дѣлать нечего, а вездѣ совать свой носъ—страсть.

— А что, коли умретъ, наймутъ плакать? спросила старая дьяконица у харчевницы, зная ея давнишнюю дружбу съ Силантьевною, дворецкимъ, ключницею и вообще съ аристократіею домовой прислуги.

— Какъ чать не нанять! отвѣчала харчевница. — Вѣдь заправскій князь, большой баринъ. Нельзя же такого барина, да въ молчокъ, какъ нищаго какого хоронить.

— А вѣдь какъ батюшка-то его, князь Василій Дмитріевичъ, померъ, — тоже вѣдь большой баринъ былъ, — а не то что плакальщицъ не нанимали, и своимъ-то голосить не дали. Я хорошо помню. Мужа читать позвали, а насъ ни-ни! замѣтила пономарша!

— Онъ тогда запретилъ, отвѣтила харчевница, махнувъ рукою на постель.—Изъ чужихъ земель тогда воротился и говоритъ:

нехорошо, неприлично! Въ чужихъ земляхъ, вишь, не плачутъ, и не-велѣлъ.

— Въ чужихъ земляхъ! Да тамъ о комъ плакать-то? разсудила дьяконица.—Все нѣмцы, хранцузы, да басурманы разные живутъ. Еще бы о нихъ плакать! Коли умеръ который, такъ туда ему и дорога; однимъ басурманомъ меньше! А по нашемъ, заправскомъ, православномъ князѣ, да какъ не плакать? Хоть бы и не платили, такъ все же, поневолѣ, голосить пойдешь.

— Вишь ты! а вотъ не велѣлъ! резюмировала харчевница.— Матушка-то его, княгиня Аграфена Павловна, потомъ очень сердилась и огорчалась.—«Дескать, неужели сто рублей пожалѣть на плакальщицъ, а отца хоронить, будто какую мелкую сошку-помѣщика?» А онъ все свое: «дико, говоритъ, и грѣхъ». А какой тутъ грѣхъ? По моему, бѣднымъ людямъ работа. Ну да и то, перепадетъ имъ что за вытье, ко мнѣ же горло промочить зайдутъ, невольно высказалась харчевница.

— За то какъ княгиня-то Аграфена Павловна побывшилась, начала разсказывать пономарша,—его то не было, въ какомъ-то настранномъ государствѣ, говорятъ, звѣзды считать учился. Похоронами-то распоряжался молодой княжичъ Дмитрій Васильевичъ,— князь Юрій съ матерью-то въ разладѣ былъ и только въ самый день похоронъ пріѣхалъ,—такъ тотъ не только что всѣхъ своихъ бабъ сгономъ на вой согналъ, да и чужихъ плакальщицъ чуть не съ сотню нанялъ. Четыре дня голосили безъ устали. На похоронахъ, впереди гроба-то, чуть не съ версту все плакальщицы шли и во всю мочь голосили. Таково жалостно было, какъ по матери родной плакали. А тутъ была одна изъ Пенькова; какъ начнетъ она причитать, да приговаривать, откуда что берется, кажись камень, и тотъ бы расплакался.

— Да, бываютъ иныя. Такъ, пожалуй, и теперь плакать велятъ, коли князь Дмитрій Васильевичъ хоронить станетъ.

— Береги только Богъ отъ Юрья Васильевича, коли дѣлиться станутъ! Не приведи Богъ! Такой аспидъ, что и сказать нельзя! И въ кого только онъ уродился. Кажись и въ роду-то у нихъ эдакого аспида не бывало.

Молодой докторъ все время продолжалъ всматриваться въ безчувственное лицо больнаго, прислушиваться къ нервному вздраги-

ванью, обозначавшемуся въ его дыханіи то перерывами, то какимъ-то урканьемъ, слышнымъ даже для непривычнаго уха. Онъ смотрѣлъ и думалъ, но придумать, послѣ принятыхъ мѣръ, не могъ ничего.

Въ это время, плотно закусивъ и хорошо выпивъ, вошли и другіе доктора. Благодарные за роскошное угощеніе, они подумали:

«Однако, вѣдь мы здѣсь не для того только, чтобы угощаться; нужно и дѣло дѣлать».

— Ну что? спросилъ одинъ изъ нихъ у молодаго доктора; но тотъ не отвѣчалъ.

Ему пришла въ голову идея и онъ весь отдался ей; отдался такъ, какъ отдаются идеѣ только въ годы первой дѣятельности. Устремляя горячій, пристальный взглядъ въ лицо больнаго, онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Ему показалось, будто онъ замѣтилъ нервное сотрясеніе въ зрачкахъ князя, и онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ и думалъ.

— Онъ кончается, слышите «колоколецъ»? Не послать ли за священникомъ? спросила незванная и непрошенная для хожденія за больнымъ сосѣдка, полагавшая, что примѣтила предсмертное хрипѣніе больнаго.

Молодой докторъ не отвѣчалъ и ей. Онъ не слыхалъ вопроса. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдался созерцанію больнаго, былъ весь вниманіе. Вдругъ глаза его какъ-то особенно сверкнули, выраженіе лица оживилось. Совершенно внѣ себя, будто подъ вліяніемъ какого-то наитія, онъ совершенно неожиданно воскликнулъ:

— Шампанскаго! дайте шампанскаго!

Всѣ шесть докторовъ переглянулись.

Черезъ минуту молодой докторъ влилъ въ полбокала принесеннаго шампанскаго немного бобровой струи, взялъ ложечку этой смѣси и началъ вливать ее по нѣсколько капель въ ротъ больнаго, черезъ каждыя пять минутъ.

Доктора поняли его мысль и стали ему помогать.

Между тѣмъ одинъ изъ козачковъ, по приказу непрошенной сосѣдки, бѣжалъ во весь духъ по селу за священниками. Но въ то время какъ священники изъ обѣихъ сельскихъ церквей, съ святыми

дарами и причтомъ, прибыли въ княжескій домъ, Андрей Васильевичъ началъ приходить въ себя.

— Какой кошмаръ... какъ онъ налегъ... какъ давитъ... проговорилъ онъ, не раскрывая глазъ.

Вѣроятно Андрей Васильевичъ находился подъ впечатлѣніемъ тяжести медвѣдя и видимо бредилъ, потому что вслѣдъ за этимъ перешелъ къ продолженію тѣхъ мыслей, которыя его занимали прежде, чѣмъ онъ встрѣтилъ медвѣдя.

— Давитъ всѣхъ насъ крѣпостничество, проговорилъ онъ.— Вѣдь только крѣпостное право, развращая, можетъ давить... Оно всѣхъ задавило, въ томъ числѣ и наше родовое значеніе... Ставъ крѣпостниками, мы перестали быть русскими князьями...

Проговоривъ эти слова, онъ свѣтло и легко взглянулъ кругомъ. Но черезъ секунду глаза его опять помутились и онъ зажмурился. Потомъ онъ приподнялся и сказалъ отчетливо, будто разсуждая съ кѣмъ:

— Какой тутъ родъ, когда для того, чтобы быть господиномъ, нужно быть прежде лакеемъ?

Проговоривъ, будто отрѣзавъ эту фразу, Андрей Васильевичъ снова опустился на подушку и не то сквозь сонъ, не то въ какомъ-то нравственномъ оцѣпенѣніи проговорилъ опять безъ связи, опять какъ бы въ бреду:

— Рабочая пчела... трутень... сословность естественная... кастрація... мысль...

Но вслѣдъ затѣмъ онъ поднялся и сказалъ твердо и какъ бы въ видѣ докторальнаго вывода своихъ мыслей, которыя передъ тѣмъ его одолѣвали.

— Да! Нѣтъ и не можетъ быть благословенія Божія въ крѣпостномъ правѣ, въ какомъ бы видѣ это крѣпостное право не существовало. Богъ осѣнитъ своимъ покровомъ въ родѣ и потомствѣ его, только того, кто его разрушитъ совсѣмъ!

Послѣ этихъ словъ онъ заснулъ, тяжело, лихорадочно, съ какими то нервными подергиваніями; но сонъ его былъ не летаргія, не безчувственность, это былъ настоящій сонъ. Не прошло однакожъ и получаса, какъ онъ опять закричалъ:

— Почва!.. почва!.. Я, князь Зацѣпинъ...

Молодой докторъ, черезъ небольшіе промежутки времени, продолжалъ давать ему шампанское съ бобровой струей.

Черезъ часъ или немного болѣе, Андрей Васильевичъ совсѣмъ опомнился.

Онъ всѣхъ узналъ; въ глазахъ его обозначилось сознаніе. Онъ поблагодарилъ молодаго доктора, видимо понимая, что сознаніемъ своимъ обязанъ его усердію; но было замѣтно, что онъ чувствовалъ чрезмѣрную слабость, совершеннѣйшее истощеніе.

Собравшись съ силами, онъ сказалъ слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ:

— Мнѣ не встать, я это чувствую! Хочу умереть, какъ слѣдуетъ князю Зацѣпину, на своей родовой почвѣ. Позовите ко мнѣ Чернягина, да пошлите карету за отцемъ-архимандритомъ; скажите: умираю и прошу.

Молодой докторъ, ободренный успѣхомъ придуманнаго имъ способа привести больнаго въ себя, въ то время какъ другіе, болѣе опытные его собраты только хлопали глазами, хотѣлъ было, въ полнотѣ своего увлеченія, высказать ему нѣсколько словъ надежды, но Андрей Васильевичъ перебилъ его:

— Нѣтъ, докторъ, моя пѣсенка спѣта, мои минуты сочтены. Вотъ я опомнился, слава Богу! Могу умереть настоящимъ Зацѣпинымъ, если не умѣлъ жить имъ. Благодарю васъ за то, и не забуду въ своемъ завѣщаніи.

Докторъ огорчился и вспыхнулъ.

— Князь, я не съ тѣмъ...

Андрей Васильевичъ махнулъ рукой.

— Молодой другъ, сказалъ онъ,—я не хотѣлъ васъ обидѣть. Но умирающій безъ прямыхъ наслѣдниковъ, ничѣмъ инымъ не можетъ выразить своей благодарности. Пошлите же Чернягина.

Вошелъ старый управляющій его дяди, человѣкъ испытанной честности и акуратности.

Князь велѣлъ ему сѣсть подлѣ своей постели и просилъ оставить ихъ вдвоемъ. Всѣ вышли.

— Вотъ и мнѣ умирать приходится, Чернягинъ, началъ говорить Андрей Васильевичъ, стараясь выразить привѣтъ старому и заслуженному слугѣ его дяди, освобожденному и награжденному за

вѣрность и добросовѣстность, но не оставившему своей службы, какъ при дядѣ, такъ и племянникѣ.—Думали ли вы, Чернягинъ, что меня переживете?

— Богъ не безъ милости, ваше сіятельство! будетъ Его воля...

Ну нѣтъ! За что Богу ко мнѣ быть особо милостивымъ? По правдѣ сказать, не за что! Видите, Михайло Ивановичъ потопталъ; а нашъ зацѣпинскій Михайло Ивановичъ, вы знаете, шутить не любитъ. Не даромъ Топтыгинымъ прозвали.

— Ваше сіятельство, мы всѣ безъ ума и безъ памяти, какъ услышали...

— Безъ ума быть не отъ чего, да и память поберечь не худо. Можно себя утѣшать тѣмъ, что Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Хуже бы было, напримѣръ, если-бы я вмѣсто медвѣдя попалъ въ лапы хоть къ тому же Андрею Ивановичу Ушакову. Медвѣдь только ломитъ, а тотъ и ломитъ, и жжетъ. Ну да такъ или иначе умирать, все одинъ конецъ:—смерть! Нужно о живыхъ подумать. Для того я и позвалъ васъ. Вы будете моимъ душеприкащикомъ.

— Весь, всегда къ услугамъ вашего сіятельства; какъ дядюшкѣ вашему служилъ, такъ и вамъ...

— Благодарю, и надѣюсь на васъ. Вы увидите, что и я васъ не забылъ. Вы знаете, что дядя оставилъ мнѣ все состояніе. Онъ сдѣлалъ это въ надеждѣ, что я буду содѣйствовать возвышенію нашего рода, и потому, что не имѣлъ права отдать это состояніе своей родной дочери. Онъ впрочемъ считалъ ее достаточно обезпеченною, и во мнѣ былъ увѣренъ, что въ случаѣ чего бы то ни было, я не допущу ее нуждаться въ благоразумныхъ расходахъ. Я на братьевъ своихъ не надѣюсь; поэтому рѣшился просить изъ всего состоянія, доставшагося мнѣ отъ отца и дяди, сдѣлать заповѣдное имѣніе, которое должно управляться порядкомъ, мною указаннымъ, и быть предоставлено моей двоюродной сестрѣ княжнѣ Настасьѣ Андреевнѣ Зацѣпиной въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти оно перешло къ тому изъ племянниковъ, если они будутъ, который, по ея мнѣнію, окажется болѣе достойнымъ. Вотъ ключъ... возьмите изъ праваго ящика бюро бумаги.

Онѣ готовы и подписаны. Поѣзжайте въ Петербургъ и отъ моего имени просите Трубецкаго; съ поклономъ попросите, понимаете?...

— Какъ не понять, ваше сіятельство; будетъ сдѣлано!

— Живаго меня, по всей вѣроятности, утопилъ именно онъ. По крайней мѣрѣ, моя ссылка устроилась навѣрно не безъ его участія. Но для меня, умирающаго, онъ непремѣнно сдѣлаетъ все; особливо если будетъ видѣть свой интересъ... Потомъ, изъ капиталовъ, мною оставляемыхъ, я желаю сдѣлать выдачи... записывайте.

И онъ началъ диктовать:

«По давнему обычаю моихъ предковъ, на поминовеніе моей души, зацѣпинскому монастырю, церквамъ, бѣднымъ зацѣпинскаго округа, и т. д.»

Онъ не забылъ никого, ни самого Чернягина, ни камердинера-француза, ни повара, ни Гвоздедома, ни Θеклу, ни даже служащихъ въ домѣ козачковъ, не говоримъ о дворецкомъ, ключницѣ и Силантьевнѣ, которымъ, утвердивъ вольныя, назначилъ полное обезпеченіе по-смерть. Молодому доктору, кромѣ платы за время и трудъ наравнѣ съ другими, Андрей Васильевичъ, щадя его деликатность, не назначилъ особой выдачи, но оставилъ ему на память золотой несессеръ дорогой цѣны, тоже подарокъ какой-то герцогини, въ родѣ первой покровительницы его дяди, герцогини де-Муши, и его жалованье обратилъ въ пенсію.

Продиктовавъ все это, онъ прибавилъ:

— Поторопитесь же, мой другъ, не жалѣйте денегъ, главное — скорѣй! скорѣй!.. Я чувствую, что недолго протяну!

Чернягинъ откланялся и черезъ часъ уѣхалъ.

Андрей Васильевичъ потребовалъ къ себѣ втораго управляющаго, архитектора, бурмистра, а потомъ и метръ-д'отеля. Съ ними онъ занялся распорядками какъ относительно начатой постройки дома, такъ и будущими своими похоронами и устройствомъ себѣ послѣдняго помѣщенія въ зацѣпинскомъ монастырѣ, въ соборѣ Всѣхъ Святыхъ, подлѣ лежащихъ тамъ отца его, дяди и всѣхъ Зацѣпиныхъ. Похороны должны были происходить безъ всякой пышности, но съ приличными благотвореніями и исполненіемъ службъ въ сорока церквахъ, въ исполненіе стариннаго обычая.

Однимъ словомъ, онъ не оставилъ безъ вниманія ничего, что могло относиться къ послѣднимъ минутамъ его жизни и тому порядку, который долженъ былъ выполняться до принятія имѣнія новою владѣлицею. Потомъ, вспоминая послѣднія минуты своего отца, онъ приказалъ раскрыть двери и допускать къ себѣ всѣхъ, кто пожелаетъ съ нимъ проститься; причемъ приказалъ объявить, чтобы ему свободно высказывали свои просьбы и желанія, и что по возможности онъ постарается ихъ удовлетворить. Желаніе его было исполнено; но заявленныя просьбы были столь незначительны, что о нихъ не стоило и говорить. Какой-то отецъ просилъ дозволенія выдать замужъ свою дочь въ чужую вотчину, да какой-то мужикъ—простить недоимку, по уваженію многочисленности семейства. Русскіе люди, не смотря на кажущуюся грубость, настолько деликатны по своей природѣ, что будто чутьемъ угадали, что просить въ это время у Андрея Васильевича, значило бы пользоваться слабостью, стоять надъ душою, поэтому и не признали удобнымъ безпокоить умирающаго.

На другой день пріѣхалъ архимандритъ отецъ Ферапонтъ.

— Богъ милости прислалъ, многоуважаемый князь и многолюбимый сынъ мой духовный, сказалъ онъ, входя и подавая Андрею Васильевичу просфору. — Во здравіе и благоденствіе!...

— Благодарю, св. отецъ! Здоровъ я буду, это несомнѣнно! Тамъ нѣтъ ни болѣзней, ни воздыханія... Что же касается благоденствія, то вотъ моя мольба: помогите мнѣ перейти этотъ путь, чтобы онъ привелъ меня къ истинному благоденствію... Я прошу васъ, преподобный отецъ, какъ предстателя за всѣхъ насъ, князей Зацѣпиныхъ, передъ престоломъ Всевышняго: помогите мнѣ сдѣлать этотъ переходъ къ вѣчному здоровью и спокойствію, достойно моего рода, достойно имени моихъ предковъ!

— Что вы этимъ хотите сказать, князь, спросилъ отецъ Ферапонтъ серьезно. — Передъ всемогуществомъ Божіимъ нѣтъ ни князей, ни рабовъ. Всѣ мы одинаково, съ чистымъ сердцемъ и раскаяніемъ въ душѣ, должны будемъ, по Его неисповѣдимому промыслу, предстать передъ Нимъ, въ надеждѣ на Его милосердіе.

Андрея Васильевича укололи эти слова. Онъ приподнялся не-

много на постели и сталъ говорить нѣсколько громче, чѣмъ говорилъ, видимо усиливаясь выразить яснѣе свою мысль.

— Не сомнѣваюсь, преподобный отецъ мой духовный, и не кичусь передъ Господомъ. Но одному Богъ далъ талантъ, другому — десять. Не долженъ ли былъ послѣдній принести Господу больше въ трудахъ своихъ? Прося объ облегченіи мнѣ перехода въ лучшую жизнь, я хотѣлъ сказать, что если я не умѣлъ жить какъ истинный князь Зацѣпинъ, которому былъ данъ не одинъ талантъ, то хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, умереть настоящимъ Зацѣпинымъ, сознающимъ передъ великимъ промысломъ Божіимъ все ничтожество свое, весь грѣхъ жизни своей...

Сказавъ это съ усиленною энергіею, Андрей Васильевичъ обессилѣлъ и замолчалъ, облокотясь на подушку. Но черезъ минуту онъ продолжалъ слабымъ голосомъ:

— Да, въ жизни своей я не умѣлъ понять того, что отъ меня требовалъ самъ Богъ, указывая на путь разума и добра. Я не понялъ своихъ обязанностей къ землѣ русской, къ народу православному, возложенныхъ на меня самимъ родомъ моимъ, самымъ именемъ предковъ моихъ. Я стремился къ недостойному; думалъ возвысить себя тѣмъ, что меня безконечно унижало. Я хотѣлъ идти по дорогѣ, далеко прежде меня проложенной разными проходимцами и искателями легкой наживы. Я забывалъ, что не слѣдъ идти путемъ этимъ потомку Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха... И Богъ наказалъ меня!...

Онъ опять замолчалъ, но черезъ небольшой промежутокъ времени опять продолжалъ, какъ бы боясь, что не успѣетъ всего высказать.

— Теперь, хоть передъ смертью, я долженъ искупить этотъ грѣхъ передъ родомъ моимъ. Хоть передъ смертью, я долженъ встать на ту его родовую почву истиннаго величія въ сознаніи грѣховъ и ошибокъ своихъ, и пасть ницъ передъ правосудіемъ Всевышняго. И вотъ я прибѣгаю къ вамъ, мой духовный отецъ. Примите душевное раскаяніе мое и — постригите меня! Я желаю умереть, принявъ ангельскій образъ инока; желаю умереть въ схимѣ праведныхъ!..

Отецъ Ферапонтъ былъ пораженъ этими словами.

— Сынъ мой, подумай, что́ ты говоришь? Вѣдь за произнесеніемъ клятвы нѣтъ возврата. Это великій шагъ...

— Да, святой отецъ, я знаю это и умоляю исполнить мое желаніе, дозволить мнѣ слѣдовать примѣру столькихъ предковъ моихъ, свѣтлыхъ князей дома Рюрика и Владиміра Равноапостольнаго. Да поймутъ мои родичи, и если Богъ сохранитъ имя князей Зацѣпиныхъ въ достойныхъ потомкахъ, то пусть вникнутъ, пусть усвоятъ они, что слава рода, величіе имени, заключаются не въ интригахъ и крамолѣ, а въ самоотрицаніи и благости... Постригите меня, святой отецъ; я уже отказался отъ всего земнаго!

— Но ты молодъ, мой сынъ! Божьему милосердію нѣтъ предѣловъ, ты можешь выздоровѣть...

— Тогда я приму всякое послушаніе и буду жить для Бога! Я хотя и былъ знакомъ съ Вольтеромъ, но не сталъ атеистомъ, и вѣрю, что премудрость Божія вразумитъ и научитъ меня... Я чувствую, что если Господу-Богу угодно будетъ продолжить жизнь мою, то только въ схимѣ я могу искупить свой грѣхъ и стать достойнымъ потомкомъ Ярослава Мудраго!

Отъ оживленія и усилій, съ которыми Андрей Васильевичъ говорилъ, съ нимъ сдѣлались конвульсіи. Доктора, обѣщавшіе въ будущемъ нервные припадки, переглянулись. Отецъ Ферапонтъ творилъ про себя молитву.

На обращенномъ къ Невѣ балконѣ вновь воздвигнутаго графомъ Растрелли Зимняго дворца, еще только отдѣлываемаго, сидѣли баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ и Гедвига, тогда уже княжна Катерина Ивановна Биронова. Они, по приглашенію великой княгини, вмѣстѣ съ нею и молодою, только что вышедшею замужъ княгинею Дашковою, пришли полюбоваться этимъ произведеніемъ геніальнаго художника, гдѣ роскошь и великолѣпіе должны были состязаться съ художественностью и изяществомъ. Великая княгиня съ Дашковой пошли осматривать приготовляемую для нея и для ея мужа, великаго князя Петра Ѳедоровича, половину, а Александръ Ивановичъ и Гедвига любовались чуднымъ видомъ на другой берегъ

Невы съ Петропавловскимъ шпицемъ, крѣпостью и зеленѣющими, не смотря на осень, островами и садами.

Гедвига сидѣла задумчиво. Александръ Ивановичъ говорилъ:

— Я слишкомъ уважаю ваши воспоминанія, княжна, чтобы могъ себѣ позволить сказать вамъ что-нибудь, что могло бы васъ огорчить. Ваша воля для меня все! Но я говорю не о себѣ, а о васъ. Къ чему же томить себя только прошлымъ, когда передъ вами будущее? Опять повторю: я не о себѣ говорю, хотя вы знаете, что за васъ я душу готовъ отдать. Но пусть я буду отверженный, несчастный... Себя-то за что вы губите? Пусть бы передъ вами были препятствія, была бы надежда отстранить ихъ... А то вѣдь ничего такого нѣтъ. Всѣ препятствія заключаются въ бездушной холодности того, о комъ вы думаете, и которую вы признали за нимъ сами. Зачѣмъ же думать только о томъ, что заслуживаетъ одно ваше презрѣніе?

— Развѣ можно задать себѣ о чемъ думать, или, лучше: можно ли себя заставить о чемъ не думать? спросила Гедвига.

— Нравственныя силы души, княжна... началъ было говорить Александръ Ивановичъ, но Гедвига его перебила.

— Всегда склоняются передъ явленіями мысли. Вы знаете анекдотъ? Какому-то алхимику принесли вѣрный рецептъ жизненнаго элексира, рецептъ вѣчной молодости и красоты. Ему сказали, что этотъ элексиръ онъ долженъ сварить непремѣнно самъ, притомъ въ теченіи всего времени приготовленія ни разу не вспомнить бѣлаго медвѣдя. Въ противномъ случаѣ элексиръ долженъ потерять свою чудодѣйственную силу. — «Да зачѣмъ я буду вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ, когда я забылъ даже о томъ, что бѣлые медвѣди существуютъ?» сказалъ алхимикъ, въ отвѣтъ на дѣлаемое предостереженіе. И что же! Двадцать лѣтъ сряду, каждый день бѣдный алхимикъ принимался варить свой элексиръ и ни разу не могъ окончить, чтобы бѣлый медвѣдь не пришолъ ему въ голову. Такъ онъ и умеръ, не испробовавъ чудныхъ свойствъ этого элексира. А казалось такъ легко... Поэтому, другъ мой,—я могу назвать васъ этимъ именемъ,— не считайте себя ни отверженнымъ, ни несчастнымъ, если въ этихъ словахъ вы подразумѣваете сколько-нибудь меня; но... Если-бы вы были отвержены мною, то развѣ я могла бы подчинить вамъ себя

въ такой степени, что каждая минута моей жизни, каждое движеніе моей мысли, я приношу на вашъ судъ. Вы скажете: я подчиняюсь не вамъ, а доктору. Да, доктору; но такому доктору, которому вѣрю, котораго уважаю, котораго люб... да, люблю, но только еще не тою любовью, которою полюбила... Вамъ непріятно это воспоминаніе, и я не продолжаю. Скажу только: перестанемъ объ этомъ говорить. Теперь еще не время, теперь рана еще слишкомъ свѣжа! Когда придетъ это время, я и сама не знаю! Когда оно наступитъ, я скажу вамъ, какъ сказала когда-то и.... Вотъ опять! Видите, я безпрерывно наталкиваюсь на воспоминанія. Но что-же мнѣ дѣлать, когда я не могу...

Она замолчала. Александръ Ивановичъ тоже замолчалъ.

— Но настанетъ-же это время? скажи, Гедвига! дай хоть надежду, подари хоть взглядъ!

— Ахъ, баронъ, сухо отвѣтила Гедвига.—Я сказала уже, что теперь я не могу, что это выше силъ моихъ! что теперь я и сама ничего не знаю! И зачѣмъ вы зовете меня Гедвигой? Я хочу даже забыть, что была когда-то Гедвига. Я Катерина! если хотите, Катерина Ивановна. Это имя такъ хорошо! Оно мнѣ такъ нравится!

И она встала; съ нею всталъ и Александръ Ивановичъ.

— По вашему росписанію моей жизни, взглянувъ на часы проговорила Гедвига привѣтливо:—мнѣ нужно гулять еще четверть часа; потомъ капли и отдыхъ.

— Да, но если вы устали...

— Нѣтъ ничего, пройдемте еще по заламъ!

И они ушли.

Въ это время Андрей Васильевичъ исповѣдывался у отца Ферапонта. Онъ говорилъ о своихъ честолюбивыхъ замыслахъ; говорилъ о Гедвигѣ, о своемъ чувствѣ къ ней, которымъ онъ пренебрегъ ради своихъ видовъ.

— Я разбилъ душу этой дѣвушки, уничтожилъ ея вѣру въ людей, говорилъ Андрей Васильевичъ.—Проститъ ли меня Господь?

— Милосердіе Божіе неисчерпаемо! отвѣчалъ отецъ Ферапонтъ. — Молитесь!

И отецъ Ферапонтъ началъ читать разрѣшительную молитву. Андрей Васильевичъ слушалъ и повторялъ за нимъ слова молитвы съ благоговѣніемъ.

Послѣ принятія Святыхъ Тайнъ началось Св. соборованіе масломъ.

Обрядъ длился долго. Андрей Васильевичъ лежалъ неподвижно, словно въ забытьѣ. Но когда отецъ Ферапонтъ коснулся освященнымъ елеемъ его лба, онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и проговорилъ глухо:—«схиму... скорѣе...»

Отецъ Ферапонтъ пристально взглянулъ ему въ глаза и по своей опытности убѣдившись, что смерть неминуема, приступилъ къ постриженію.

— «Отрицаешься ли міра сего и всего, что есть въ мірѣ, по заповѣди Господней?» спрашивалъ отецъ Ферапонтъ, по чину постриженія.

— Да, отрицаюсь! отвѣчалъ князь Андрей Васильевичъ.

Но стоявшій подлѣ него отецъ Мертій, котораго Андрей Васильевичъ тоже просилъ вызвать, громко проговорилъ ему въ ухо:

— Отвѣчайте: «Эй, Богу содѣйствующу!» такъ подобаетъ по уставу. Андрей Васильевичъ отчетливо повторилъ за нимъ эти слова.

— Пребудешь ли въ монастырѣ и постничествѣ, даже до послѣдняго твоего издыханія? Сохранишь ли послушаніе даже до смерти? Претерпишь ли скорбь и тѣсноту монашескаго житія, ради царствія небеснаго? Сохранишь ли себя въ дѣвствѣ, цѣломудріи и благоговѣніи? спрашивалъ отецъ Ферапонтъ.

— Эй, Богу содѣйствующу! отвѣчалъ Андрей Васильевичъ.

Затѣмъ онъ продолжалъ слушать увѣщанія и повторялъ за отцомъ Ферапонтомъ молитвы, представляющія заклятія отъ мірскихъ страстей.

Настала минута самого постриженія. Андрей Васильевичъ еще имѣлъ силы подать три раза отцу Ферапонту ножницы. Наконецъ, по третьему разу, отецъ Ферапонтъ, нарекая его въ схимонашествѣ именемъ Константина, въ память святаго мученика, предка его, Константина Всеволодовича, замученнаго Батыемъ, окончилъ постриженіе. Началось одѣваніе новаго брата въ ризу правды и

радованія, въ одежду нетлѣнія и чистоты, въ куколь незлобія, въ шлемъ упованія и т. д.

Клиръ пѣлъ славословіе и молитвы. Андрей Васильевичъ, или нынѣ уже братъ Константинъ, молился.

Обрядъ кончился. Отецъ Ферапонтъ поздравилъ своего новопринятаго сына съ поступленіемъ въ ангельскій чинъ и сказалъ:

— Блюди мысли свои, сынъ мой, въ чистотѣ и святости, и Богъ пошлетъ тебѣ исцѣленіе...

Андрей Васильевичъ только слабо улыбнулся. Однакожъ онъ спросилъ еще о Чернигинѣ.

— Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ! отвѣчали ему. Но въ эту минуту на дворъ влетѣла курьерская телѣжка. Чернягинъ въ дорожномъ платьѣ вошелъ въ комнату.

— Все сдѣлано по вашему желанію, проговорилъ Чернягинъ.— Государыня все изволила утвердить!

Андрей Васильевичъ перекрестился и закрылъ глаза.

— Боже, проговорилъ онъ едва внятно:—если Ты простилъ славолюбивый, многогрѣшный родъ нашъ и меня окаяннаго, то ниспошли мнѣ спокойную смерть...

Но видно Богъ еще не простилъ его. Смерть его была мучительна. Съ нимъ начали дѣлаться конвульсіи. Сильная нервная боль доводила страданія его до галюцинаціи и тогда онъ не помнилъ себя.

Въ одну изъ такихъ минутъ общаго разстройства онъ сказалъ:

— Мы выносили гнетъ, чтобы имѣть право гнести самимъ; мы сносили пытку и терзанія, чтобы имѣть силу мучить и терзать другихъ; мы были холопами, чтобы самимъ имѣть холоповъ... Мы забыли, что наше достоинство—уваженіе и свобода; что наша гордость—уваженіе и любовь!.. Мы измельчались, оттого что были жадны; изолгались, потому что были развращены...

— Но что это? вдругъ прервалъ онъ себя, указывая, въ припадкѣ галюцинаціи, на пустое пространство въ воздухѣ. — Откуда явился ты, братъ трапистъ? Или ты принесъ мнѣ святое слово истины? Ты видишь—и я монахъ... я тебѣ братъ по обѣту своему... Я созналъ уже, что на правѣ силы нѣтъ благословенія Божія, когда она давитъ... Я созналъ это!.. а ты?.. что?.. что?...

Memento mori!

Да, вотъ слово, которое равняетъ всѣхъ, всѣхъ дѣлаетъ людьми:

«помни смерть!»

Это были послѣднія слова его. Онъ умеръ, какъ умирали его предки,—въ схимѣ.

Послѣ его смерти, Чернягинъ, назначенный по его распоряженію душеприкащикомъ, послалъ его братьямъ повѣстки, извѣщая о кончинѣ Андрея Васильевича и прося ихъ прибыть для выслушанія его послѣднихъ распоряженій и полученія того, что каждому изъ нихъ назначено. Такого рода повѣстки онъ послалъ ко всѣмъ, о комъ было упомянуто въ завѣщаніи. Такую повѣстку получила и Гедвига. Ей, на память о себѣ, князь Андрей Васильевичъ оставилъ двѣ картины: Іоанна Предтечу—Леонарда де Винчи и Св. апостола Андрея Первозваннаго—Доминикино.

Извѣстіе это застало Гедвигу опять вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Черкасовымъ, который впрочемъ отъ нея почти не отходилъ.

Взглянувъ на записку, Гедвига вскрикнула и залилась горькими слезами.

Испуганный Черкасовъ, не понимая ничего, бросился къ ней, чтобы поддержать ее, утѣшить, узнать... Но, взглянувъ на записку, которая выпала у нея изъ рукъ, онъ замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что тутъ всякое слово будетъ лишнимъ.

И точно. Не прошло десяти минутъ самыхъ горькихъ слезъ, она встала, помолилась усердно передъ образомъ и подошла къ Черкасову.

— Теперь—да! сказала Гедвига, подавая ему свою руку.—Въ мысляхъ своихъ я давно его оплакала; а въ вашемъ чувствѣ я надѣюсь найти свое счастіе!

Александръ Ивановичъ страстно припалъ къ ея рукѣ, прижимая ее къ своимъ губамъ. И у него на глазахъ были слезы.

— Желала бы я знать только, какое было его послѣднее слово передъ смертью? спросила Гедвига, когда волненіе ея нѣсколько успокоилось.

Богъ знаетъ, что она думала, спрашивая это; не думала ли она, что его послѣднія минуты были посвящены ей?

Черезъ недѣлю, когда подробности смерти Андрея Васильевича стали извѣстны, ей сказали, что его послѣднія слова были:

«помни смерть!»

КОНЕЦЪ (*).

(*) Читатели, интересующіеся дальнѣйшею судьбою главнѣйшихъ лицъ этого романа, могутъ узнать о томъ изъ другаго романа того же автора, подъ заглавіемъ «Княжна Владимірская» (Тараканова) или Зацѣпинскіе капиталы, который въ непродолжительномъ времени выйдетъ вторымъ изданіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

стр.

I. Медвѣжья охота 1
II. Гедвига 28
III. Графъ Линаръ 53
IV. Отъѣздъ 77
V. Остерманъ 93
VI. Послѣдователь философіи пантеизма 107
VII. Двѣ смерти 130
VIII. Рѣшилась 160
IX. Переворотъ 181

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. Новое царствованіе 193
II. Генералъ-басъ 220
III. Опять Гедвига 237
IV. Въ милости 252
V. Баронъ Черкасовъ 271
VI. Зацѣпинскъ 287
VII. Подкопы 298
VIII. Опасность соединять враговъ 327
IX. Борьба началъ 350
X. Схима 380

Stanford University Libraries
3 6105 124 448 486

P
3
S
E
1869
v. 2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

OCT - 8 1972

JUN 2 1